X

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ

Библиотека Русская Читальня народной школы

СОРОКЪ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ.—КНИГА 6.

ІЮНЬ 1913.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 6-я.—ІЮНЬ. 1913.

СТРАН.

I.—НА НОВОЙ ДОРОГѢ I—VII.—Деревенскіе этюды.—**Ал. Лугового** 5
II.—ОТВѢТЪ.—Стихотвореніе.—**Леонида Старка** 53
III.—ВЪ ГЛУБИНѢ ПРЕИСПОДНЕЙ. — (По замѣткамъ, писаннымъ въ ней самой).—(Окончаніе). **Н. Морозова** 54
IV.—НА РОДИНѢ.—**М Межаковой** 78
V.—СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Г. Вяткина** 94
VI.—ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.—**Нестора Котляревскаго** 95
VII.—«ПОРУЧИТЕЛЬ».—(Разсказъ изъ недавняго прошлаго).—**Бенъ-Ами** 127
VIII.—И. А. БУНИНУ.—Стихотвореніе.—**Олега Леонидова** 150
IX.—СОВРЕМЕННАЯ БОЛГАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.—**К. Крэстева-Миролюбова** . . 151
X.—ЗАДУМАЛИСЬ.—Разсказъ.—**И. П. Бѣлоконскаго** 160
XI.—ВСЕЙ ДУШОЮ. Романъ Ренэ Базэна. I—VII.—Пер. съ франц. **М. Славинской** . 190
XII.—ХРОНИКА.—ЛИКВИДАЦІЯ СЕРВИТУТОВЪ.—**Б. Э. Э—ля** 242
XIII.—ПИСЬМО ИЗЪ АДРІАНОПОЛЯ.—**А. Деренталя** 273
XIV.—КАЗАРМА, КАЗИНО, ПЛАЦПАРАДЪ.—(Письмо изъ Германіи).—**Р. Стрѣльцова** 289
XV.—ФРАНКО-ГЕРМАНСКІЙ ДЕНЬ.—(Письмо изъ Берна).—**А. Дивильковскаго** . . 304
XVI.—ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И ЕЯ СОПЕРНИКИ.—**А. Посникова** 318
XVII.—ПО ПОВОДУ ЗАКОНОПРОЕКТА ПРОТИВЪ ПЕЧАТИ.—**Л. Слонимскаго** . . . 327
XVIII.—ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Земское оскудѣніе.—Слабѣющее дворянство.—Тщетное ожиданіе земства въ Сибири.—Мечта казаковъ о земствѣ.—Чахлый верхній ростокъ и хилые корни земства.—Отзвукъ деревни на мѣстный вопросъ о хулиганствѣ.—Задавленная пресса въ Курскѣ.—Разница во вкусахъ къ печатному слову губернатора и населенія.—**И. Жилкина** 335
XIX.—МОЖНО-ЛИ СЧИТАТЬ ТОЛСТОГО ПРОДОЛЖАТЕЛЕМЪ РУССО?—**Максима Ковалевскаго** 343
XX.—НОВАЯ ТЕОРІЯ О ЛИЧНОСТИ ШЕКСПИРА.—**Зин. Венгеровой** 352
XXI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — В. Ключевскій. Очерки и рѣчи.—**Ч. В—скаго.**—Императоръ Александръ I и его душевная драма—Н. Н. Фирсова, ординарнаго проф. Казанскаго университета—**А. Т.**—Труды С.-Петербургскаго философскаго общества. Гегель. Феноменологія духа. Перев. подъ ред. Э. Л. Радлова.—**П. Ю.**—П. Муратовъ. Образы Италіи. Томъ II. Римъ—Лаціумъ—Неаполь и Сицилія.—**А. Щ.**—Сахалинъ. Сборникъ статей по современнымъ вопросамъ Сахалинской области. Подъ общей редакціей губернатора Д. Григорьева.—**А. Щ.**—Лекціи объ Исламѣ. I. Гольдцигеръ, проф. въ Будапештѣ. Членъ-корреспондентъ Петербургской Академіи Наукъ. Приложена статья Вамбери: Культурное движеніе среди русскихъ татаръ.—**А. Т.**—И. И Филиповъ. «Государственное устройство Индіи» и «Мѣстное самоуправленіе Британской Индіи, какъ матеріалъ для реформы городского и земскаго дѣла въ Россіи вообще и на восточныхъ окраинахъ въ частности».—**В. Мустафина.**—С. Прокоповичъ. Кооперативное движеніе въ Россіи. Его теорія и практика.—**В. В.**—Кустарная промышленность и сбытъ кустарныхъ издѣлій. Составилъ А. А. Рыбниковъ.—**В. В.**—К. С. Лурье. Организаціи и организація торгово-промышленныхъ интересовъ въ Россіи.—**В. В.**—Вліяніе травосѣянія на отдѣльныя стороны крестьянскаго хозяйства. П. А. Вихлаевъ. Выпуски 1 и 2.—**В. В.**—Библіографическій Ежегодникъ. Выпускъ II. Систематическій указатель литературы за 1912 г.—И. В. Владиславлевъ. Русскіе писатели XIX—XX ст. Опытъ библіографическаго пособія по новѣйшей русской литературѣ.—**Ч. В—вскаго.**—Valentin Seroff. Etude sur sa vie et son oeuvre par Marie Kowalensky.—**С. Ж.** . . . 362
XXII.—БЕСѢДА СЪ И. И. МЕЧНИКОВЫМЪ.—**Бѣлоруссова** 382
XXIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Споры между балканскими союзниками.—Сербскіе доводы въ пользу измѣненія союзнаго договора.—Брошюра проф. А. Белича.—Объясненія министра-президента Пашича въ сербской скупщинѣ.—Заботы европейской дипломатіи.—Французскія и бельгійскія дѣла 385
XXIV.—ДВѢ СМЕРТИ.—**Максима Ковалевскаго** 398
XXV.—ПАМЯТИ В. М. СОБОЛЕВСКАГО.—**А. Посникова** 401
XXVI.—ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ. — Распространеніе на Финляндію дѣйствія имперскихъ уголовныхъ законовъ и юрисдикціи имперскихъ судовъ.—Попытка теоретическаго обоснованія проекта. — Въ чемъ «превосходство» имперскихъ законовъ?—Скрытая форма введенія въ Финляндіи военнаго положенія.—Проектъ «обезпечивающаго свободу слова» устава о печати.—Что и какъ проектъ обезпечиваетъ?—Возстановленіе предварительной цензуры.—Министръ юстиціи о депутатской безотвѣтственности.—**Кузьмина-Караваева** 405
XXVII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ 421
XXVIII.—НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ 425
XXIX.—ИЗЪЯТІЕ 429
XXX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ 431

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

822578
49 г

СОРОКЪ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ.

ІЮНЬ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1913.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ въ 1913 г.

(Сорокъ-восьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ НАУКИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемый **М. М. КОВАЛЕВСКИМЪ**, подъ редакціей **К. К. АРСЕНЬЕВА** и **Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКАГО**,

при ближайшемъ участіи:

И. В. ЖИЛКИНА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, Н. А. КОТЛЯРЕВСКАГО, В. Д. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА, А. А. МАНУИЛОВА, А. С. ПОСНИКОВА, М. А. СЛАВИНСКАГО, Л. З. СЛОНИМСКАГО и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:	По четвертямъ года:
Безъ доставки, въ Конторахъ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ и Москвѣ, съ доставкою	16 » — »	8 » — »	4 » — »
Въ друг. городахъ, съ перес.	17 » — »	8 » 50 »	4 » 25 »
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 » — »	9 » 50 »	4 » 75 »

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою 1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

въ Главной Конторѣ журнала, Моховая, 37, въ книжныхъ магазинахъ: М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28; К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

ВЪ КІЕВѢ:

въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

въ Отдѣленіи Конторы журнала: Тверской бульв., 15, въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

въ книжн. магаз. «Образованіе», Ришельевская, 12; въ книжн. магаз. «Одесскихъ Новостей», Дерибасовская, 20; въ книжн. магаз. «Трудъ», Дерибасовская, 25.

ВЪ ВАРШАВѢ:

въ книжномъ магазинѣ «С.-Петербургскій Книжный Складъ» Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе.—1) Почтовый адресъ долженъ быть написанъ четко и заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію и точное названіе мѣста жительства и губерніи, если въ мѣстѣ жительства подписчика *нѣтъ почтоваго учрежденія, гдѣ допускается выдача журналовъ, необходимо указать ближайшее почтовое учрежденіе, гдѣ таковая выдача производится.*—2) Перемѣна адреса должна быть сообщена Главной конторѣ журнала *не позже 26-го числа каждаго мѣсяца, съ указаніемъ прежняго адреса;* перемѣна адреса, поступившая въ Контору послѣ 26-го, дѣлается лишь со слѣдующаго очередного номера. За перемѣну адреса городского на иногородній, уплачивается одинъ рубль; въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный, иногороднаго на городской) за перемѣну адреса никакой платы не взимается.—3) Жалобы на неисправность доставки посылаются исключительно въ Главную Контору журнала и, согласно циркуляру Почтоваго Департамента, *не позже полученія слѣдующей книжки журнала.* Жалобы, поступившія позже этого срока, равно какъ и жалобы на неполученіе книжки, *вслѣдствіе несвоевременнаго заявленія о перемѣнѣ адреса,* оставляются Конторою безъ вниманія.—4) При доплатной подпискѣ необходимо указывать свой точный адресъ и фамилію, а также и *прежній адресъ,* если предшествовавшая взносу книжка получалась подписчикомъ по иному адресу.—5) Подписныя квитанціи высылаются Главною Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. (можно и почтовыми марками).

РЕДАКЦІЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ".

Моховая, 37.

МОСКОВСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ: Тверской бульв., 15.

Типографія т-ва „Общественная Польза", Спб., Б. Подъяческая, 39.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ШЕСТАЯ. — ІЮНЬ.

СТРАН.

I. НА НОВОЙ ДОРОГѢ.—Деревенскіе этюды. I—VII—**Ал. Лугового** . . . 5
II. ОТВѢТЪ.—Стихотвореніе.—**Леонида Старка** 53
III. ВЪ ГЛУБИНѢ ПРЕИСПОДНЕЙ. — (По замѣткамъ, писаннымъ въ ней самой).—(Окончаніе).—**Н. Морезова** 54
IV. НА РОДИНѢ.—**М. Межаковой** 78
V. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Г. Вяткина** 94
VI. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.—**Нестора Котляревскаго** 95
VII. «ПОРУЧИТЕЛЬ».—(Разсказъ изъ недавняго прошлаго).—**Бенъ-Ами** . . 127
VIII. И. А. БУНИНУ.—Стихотвореніе.—**Олега Леонидова** 150
IX. СОВРЕМЕННАЯ БОЛГАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.—**К. Крэстева-Миролюбова** 151
X. ЗАДУМАЛИСЬ.—Разсказъ.—**И. П. Бѣлоконскаго** 160
XI. ВСЕЙ ДУШОЮ.—Романъ Ренэ Базэна. I—VII.—Пер. съ франц. **М. Славинской** 190
XII. ХРОНИКА.—ЛИКВИДАЦІЯ СЕРВИТУТОВЪ.—**Б. Е. Э—ля** 244
XIII. ПИСЬМО ИЗЪ АДРІАНОПОЛЯ.—**А. Деренталя** 273
XIV. КАЗАРМА, КАЗИНО, ПЛАЦПАРАДЪ.—(Письмо изъ Германіи).—**Р. Стрѣльцова** 289
XV. ФРАНКО-ГЕРМАНСКІЙ ДЕНЬ. — (Письмо изъ Берна). — **А. Дивильковскаго** 304
XVI. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И ЕЯ СОПЕРНИКИ.—**А. Посникова** . . . 318
XVII. ПО ПОВОДУ ЗАКОНОПРОЕКТА ПРОТИВЪ ПЕЧАТИ.—**Л. Слонимскаго** . 327
XVIII. ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Земское оскудѣніе.—Слабѣющее дворянство. — Тщетное ожиданіе земства въ Сибири. — Мечта казаковъ о земствѣ.—Чахлый верхній ростокъ и хилые корни земства—Отзвукъ деревни на мѣстный вопросъ о хулиганствѣ. — Задавленная пресса въ Курскѣ.—Разница во вкусахъ къ печатному слову губернатора и населенія.—**И. Жилкина** 335
XIX. МОЖНО-ЛИ СЧИТАТЬ ТОЛСТОГО ПРОДОЛЖАТЕЛЕМЪ РУССО?—**Максима Ковалевскаго** 343
XX. НОВАЯ ТЕОРІЯ О ЛИЧНОСТИ ШЕКСПИРА.—**Зин. Венгеровой** 352
XXI. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — В. Ключевскій. Очерки и рѣчи. — **Ч. В.**—Императоръ Александръ I и его душевная драма.—Н. Н. Ѳирсова ординарнаго проф. Казанск. университ.—**А. Т.**—Труды С.-Петербургскаго философскаго общества. Гегель. Феноменологія духа. Перев. подъ ред. Э. Л. Радлова.—**П. Ю.**—П. Муратовъ. Образы Италіи. Томъ II. Римъ—Лаціумъ—Неаполь и Сицилія.—**А. Щ.** — Сахалинъ. Сборникъ статей по современнымъ вопросамъ Сахалинской области. Подъ общей редакціей губернатора Д. Григорьева.—**А. Щ.**—Лекціи объ Исламѣ. I.

СТРАН.

Гольдцигеръ, проф. въ Будапештѣ. Членъ-корреспондентъ Петербургской Академіи Наукъ. Приложена статья Вамбери: Культурное движеніе среди русскихъ татаръ. — **А. Т.** — И. И. Филипповъ. Государственное устройство Индіи и мѣстное самоуправленіе Британской Индіи, какъ матеріалъ для реформы городского и земскаго дѣла въ Россіи вообще и на восточныхъ окраинахъ въ частности.—**В. Мустафина.**—— С. Прокоповичъ. Кооперативное движеніе въ Россіи. Его теорія и практика.— **В. В.**—Кустарная промышленность и сбытъ кустарныхъ издѣлій. Составилъ А. А. Рыбниковъ.—**В. В.**—К. С. Лурье. Организаціи и организація торгово-промышленныхъ интересовъ въ Россіи.—**В. В**—Вліяніе травосѣянія на отдѣльныя стороны крестьянскаго хозяйства. П. А. Вихляевъ. Выпуски 1 и 2.—**В. В.**—Библіографическій Ежегодникъ. Вып. II. Систематическій указатель литературы за 1912 г. — И. В. Владиславлевъ. Русскіе писатели XIX—XX ст. Опытъ библіографическаго пособія по новѣйшей русской литературѣ.—**Ч. В—скаго.** — Valentin Séroff. Etude sur sa vie et son oeuvre par Marie Kovalensky.—**С. Ж.** 362

XXII. БЕСѢДА СЪ И. И. МЕЧНИКОВЫМЪ.—**Бѣлоруссова** 382

XXIII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Споры между балканскими союзниками. Сербскіе доводы въ пользу измѣненія союзнаго договора. — Брошюра проф. А. Белича.—Объясненія министра-президента Пашича въ сербской скупщинѣ.—Заботы европейской дипломатіи. — Французскія и бельгійскія дѣла. 385

XXIV. ДВѢ СМЕРТИ.—**Максима Ковалевскаго** 398

XXV. ПАМЯТИ В. М. СОБОЛЕВСКАГО.—**А. Посникова** 401

XXVI. ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.—Распространеніе на Финляндію дѣйствія имперскихъ уголовныхъ законовъ и юрисдикціи имперскихъ судовъ.—Попытка теоретическаго обоснованія проекта.—Въ чемъ «превосходство» имперскихъ законовъ?—Скрытая форма введенія въ Финляндіи военнаго положенія.—Проектъ «обезпечивающаго свободу слова» устава о печати.—Что и какъ проектъ обезпечиваетъ?—Возстановленіе предварительной цензуры. — Министръ юстиціи о депутатской безотвѣтственности—**Кузьмина-Караваева.** 405

XXVII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. 421

XXVIII. НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ 425

XXIX. ИЗВѢЩЕНІЕ 429

XXXX. ОБЪЯВЛЕНІЯ 431

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ редакторовъ: К. К. Арсеньева — по субботамъ отъ $3^1/_2$ до $4^1/_2$ ч., Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — по средамъ отъ 2 до 3 ч. (кромѣ праздниковъ).

Пріемъ секретаря—по средамъ отъ 11 до 1 ч., а также въ часы пріемовъ редакторовъ (кромѣ праздниковъ).

БИБЛІОТЕКА РУССКАГО попечительства о народной трезвости

НА НОВОЙ ДОРОГѢ.

Деревенскіе этюды.

I.

Если-бъ въ этотъ утренній часъ пролеталъ здѣсь ангелъ съ огненнымъ мечомъ, посланный небомъ свершить гдѣ-нибудь возложенную на смертныхъ кару, онъ хотя бы на мгновеніе пріостановился надъ этимъ маленькимъ садомъ, воспринялъ— нетлѣнный — всѣмъ чуткимъ существомъ своимъ благоуханную молитву цвѣтовъ восходящему солнцу и вспомнилъ бы о раѣ. И, летя далѣе, надъ грязными задворками деревни, небожитель поднялъ бы взглядъ свой къ Творцу съ мольбою: — Возьми, Всесильный, этотъ карающій мечъ изъ моихъ рукъ и пошли меня въ міръ съ кошницей благъ твоихъ, чтобъ засыпать ими все нечистое и грѣшное земли...

Яблони цвѣли. Бѣленькія, со всѣмъ румянцемъ молодости, онѣ сейчасъ, съ просонья, казались еще болѣе розовыми. Косые лучи только что поднявшагося солнца еще не успѣли осушить росы подъ деревьями, но уже уносили ее вмѣстѣ съ запахомъ цвѣтовъ съ верхушекъ. Душистый воздухъ въ саду былъ свѣжъ и влаженъ.

Среди цвѣтущихъ яблонь, переходя отъ одной къ другой, двигалась женская фигура. Темнокоричневая юбка, свѣтлая съ мушками кофточка, густые, черные волосы зачесаны широкими прядями на темя—просто и красиво. Стройная, какъ молодое деревцо, она казалась издали совсѣмъ молоденькой дѣвушкой. Но на лицѣ слѣды пережитыхъ волненій, трудовъ, даже лѣтъ: ей подъ тридцать. Выраженіе лица у нея мужское, серьезно-

дѣловитое, энергичное. Между бровями небольшая, но глубокая складка, и небольшая же складка у лѣваго края рта, — какъ будто улыбка чаще посѣщаетъ эту лѣвую сторону, чѣмъ правую.

Отъ яблони къ яблонѣ ходитъ дѣвушка: осматривая стволы, трогаетъ вѣтви, листья, цвѣты, царапаетъ кору,—все съ неизмѣнно дѣловымъ видомъ.

Дошла такъ до забора, посмотрѣла въ просвѣты его рѣдкаго, тонкаго частокола, и не удовольствовалась: нашла на заборѣ выемку, уперлась въ нее носкомъ, схватилась за столбикъ и вскарабкалась немного, чтобъ взглянуть по ту сторону.

А тамъ—поле. Озими, густыя, высокія, ушли вдаль далеко, поднялись немного въ горку, перекинулись черезъ нее, и уже только синее небо видно за ними.

И лицо дѣвушки стало вдругъ другимъ: энергичное выраженіе уступило мѣсто мечтательному, чуть-чуть грустному, — стало во всѣхъ чертахъ своихъ глубоко-женственнымъ и красивымъ.

Дѣвушка долго смотрѣла на зеленую даль—безцѣльно, бездумно: душа отдыхаетъ.

— А я васъ, барышня, кликала-кликала—не чуете. Самоваръ-отъ поданъ.

— Ну!.. Да неужели?.. Что ты говоришь!

Босоногая дѣвочка-подростокъ, улыбаясь, смотрѣла немножко исподлобья сѣренькими, бойкими глазками, и не знала, какъ отозваться на барышнино шутливое восклицаніе.

Барышня спрыгнула съ забора, положила дѣвочкѣ руку на плечи, ласково прижала къ себѣ и, такъ обнявъ ее, пошла съ ней назадъ между яблонями.

— Ну, разскажи мнѣ, дѣвица: ты кто такая?

— Я-то?.. Ивана Митрича племянница.

— Какого Ивана Митрича?

— Дяди моего.

— А онъ кто такой?

— А вотъ у кого вы теперь приставши-то.

— Староста?

— Онъ.

— А родители твои гдѣ?

— Померши.

Барышня немного крѣпче прижала къ себѣ дѣвочку.

— А какъ тебя зовутъ?

— Лизой.

— Ты грамотная?

— Учусь еще.

— Что-жъ поздно?

— А батька не отдавалъ. Мамка-то хворая была—я дома помогала.

— А кто у васъ учительница?

— У насъ учитель и батюшка.

— Строгій онъ?

Дѣвочка посмотрѣла на барышню и молчала, точно не понявъ вопроса. Та повторила:

— Не сердитый, говорю, батюшка-то?

Дѣвочка безучастно отвѣтила:

— Не.

— А садъ у васъ при школѣ есть?

— Не.

Помолчавъ, дѣвочка сейчасъ же добавила:

— У попа есть.

— Плодовый?

— Яблоки, малина есть.

— Васъ туда не водятъ?

— Пошто?

— Не показываютъ, какъ подрѣзать, очищать яблони, кусты?

— Не... Насъ не пущаютъ.

У калитки со двора въ садъ стоялъ въ выжидательной позѣ высокій, сухощавый старикъ, съ непокрытой головой, въ свѣтлой ситцевой рубахѣ, подпоясанной тканымъ пояскомъ съ молитвой.

— Пожалуйте, сударыня, къ чайку. Поджидаемъ васъ. Съ добрымъ утромъ. Какъ звать-то васъ—позвольте узнать?

— Евгеніей Алексѣевной, Иванъ Дмитріевичъ. Евгеніей Алексѣевной въ Петербургѣ звали.

Пожимая руку старика, барышня почувствовала, что это была не цѣлая ладонь, а сложенные два пальца. И это кольнуло ее. Что это? Новоявленное мужицкое высокомѣріе, что ли?.. У французовъ ей случалось наталкиваться на эту подачу двухъ пальцевъ, вмѣсто рукопожатія, но здѣсь...

А старикъ уже говорилъ шутливымъ, не то ласково-почтительнымъ, не то затаенно-насмѣшливымъ старческимъ голоскомъ:

— Чай, и вездѣ такъ прозываетесь?

Барышня, весело смотря ему въ глаза, отвѣтила:

— Нѣтъ, дѣдушка. За границей и покороче — Евгеніей называли, а въ деревняхъ—такъ и Лексѣвной просто.

Они подошли къ крылечку дома. Староста пропустилъ барышню впередъ.

— Пожалуйте, барышня. Только не оступитесь, ступенька тутъ худая, качается.

И потомъ уже въ сѣняхъ, открывая ей дверь, спросилъ:

— А вы, стало-быть, и въ чужихъ краяхъ побывали?

— Побывала, Иванъ Дмитріевичъ. Тамъ и садоводству училась.

— Хорошее дѣло.

Благообразная старуха, съ морщинистымъ лицомъ, покрытая чернымъ платкомъ съ узорчатой каймой, въ новомъ темномъ ситцевомъ платьѣ, поправляла на столѣ приготовленную къ чаю посуду, ситникъ, молоко, яйца.

— Пожалуйте, барышня, чѣмъ Богъ послалъ.

— Спасибо, бабушка, какъ звать-то васъ?

— Анной, сударыня.

— А по отчеству?

— Да зовутъ Ивановной.

— Такъ ужъ вы, милая Анна Ивановна, налейте мнѣ чашечку.

— Какъ угодно.

Старуха стала наливать чай.

Староста спросилъ барышню:

— И что-же-съ—значительные тамъ сады, гдѣ вы учились-то?

— Хорошіе сады, Иванъ Дмитріевичъ.

— Не какъ у насъ? Климатъ надо-быть тамъ другой?

— Всякій есть.

— И яблоки, стало-быть, растутъ дорогія, господскія? У насъ уже этакія не вырастутъ?

— Отчего не вырастутъ, Иванъ Дмитріевичъ. Я вотъ и тамъ училась и сюда затѣмъ пріѣхала, чтобъ у васъ хорошіе яблоки росли. Я очень-то дорогими, господскими, не занималась. Надобно того достичь, чтобъ наши-то простые сады давали урожай хорошій, чтобъ у васъ въ деревняхъ садоводство развивалось.

— Дѣло доброе. Желаніе-то у насъ къ этому—какъ сказать—у всѣхъ есть. Да умѣнія-то большого нѣтъ. Учимся, гдѣ случилось: кто отъ отца, кто отъ сосѣда, а то и отъ прохожаго молодца.

Евгенія Алексѣевна съ веселой улыбкой сказала:

— Ну, вотъ, и я, какъ проѣзжая молодица, васъ, можетъ-быть, кое-чему полезному научу. Учиться вѣдь никогда не поздно.

— На это запрета нѣтъ,—поддакнулъ старикъ.

— А вотъ какъ хорошо, Иванъ Дмитріевичъ, когда садоводству-то дѣти въ школахъ учатся, вмѣстѣ съ грамотой.

— Гдѣ же это такъ?

— А вотъ за границей это есть.

И Евгенія Алексѣевна начала разсказывать старостѣ, какія она видѣла за границей школы, гдѣ дѣтей учатъ, и какъ разводить сады и какъ ухаживать за ними; потомъ разсказывала, до какого совершенства доведена тамъ сушка и консервированіе плодовъ во всѣхъ видахъ, и какіе отъ этого могутъ быть доходы, и снова возвращалась къ школьнымъ садамъ.

По мѣрѣ того, какъ она говорила, она все болѣе оживлялась. Видно было, что говоритъ она не только о дѣлѣ, хорошо ей знакомомъ, интересномъ, но и любимомъ ею не за выгоды только. Съ жаромъ проповѣдницы объясняла она теперь, какъ важно пріучить ребенка любить каждое посаженное и выхоленное имъ самимъ деревцо, какъ это хорошо дѣйствуетъ на нравственность дѣтей, какъ дѣти любятъ эти свои школы.

— Вотъ, говорятъ, насъ нѣмецъ во всемъ опережаетъ— слыхали, Иванъ Дмитріевичъ?

Староста съ добродушной улыбкой стараго хитрэца отвѣтилъ неторопливо:

— Слыхать-то много слыхалъ, а вотъ, чтобъ собственными глазами довелось видѣть, какъ это онъ бѣжитъ-опережаетъ— этого не было. Не совру—не видалъ.

Евгенія Алексѣевна взглянула ему въ лицо такимъ любовнымъ, ласково смѣющимся взглядомъ, точно въ эту минуту передъ ней былъ не этотъ лукаво-простодушный, сухой крѣпышъ-старикъ, а весь ея любимый родной народъ—молодой богатырь, которому она отдавала всю душу. И веселый голосъ ея уже зазвучалъ страстно:

— А я вотъ сама, вотъ этими самыми глазами видѣла, Иванъ Дмитріевичъ. И вотъ эта самая моя голова думала въ это время: «да зачѣмъ намъ давать ему опережать насъ»! Нѣмецъ старше насъ въ культурной... просвѣщенной жизни—ну и будемъ у старшихъ учиться, что надо. Но у насъ ноги-то помоложе его, да и разбѣжаться-то есть гдѣ на волѣ. Полямъ-то и лугамъ нашимъ краю не видно. Не обогнать ему насъ въ концѣ концовъ на нашей шири. Такъ ли, Иванъ Дмитріевичъ?

— Все можетъ быть,—сочувственно поддакнулъ староста, не то утвердительно, не то отрицательно.—Намъ, старикамъ, куда ужъ! Въ перегонки-то развѣ—что къ могилѣ побѣжимъ. А вотъ молодежь—пусть потягается. Давай Богъ!

— Вотъ именно, Иванъ Дмитріевичъ! Все дѣло въ томъ, чтобы воспитать молодежь здоровой, сильной, умной, способной къ борьбѣ. Вотъ у нѣмцевъ школьные сады и служатъ этому дѣлу. Тутъ не только знанія даются—тутъ все: физическій трудъ тутъ легкій, а молодой организмъ укрѣпляется. Больше будетъ силъ и для умственныхъ занятій. Дѣти тутъ научаются уважать и свой, и чужой трудъ. Привыкаютъ къ порядку, къ чистотѣ въ работѣ. Тутъ и чувство собственности, и чувство общественности. Съ одной стороны—вотъ это я создалъ такое хорошее, это *мой* трудъ, *мое* созданіе; а съ другой—*мы всѣ вмѣстѣ* устроили этотъ садъ. Тутъ каждый внесъ свою лепту. Кто что могъ, что умѣлъ, у кого насколько хватило силы. Тутъ и сильный и талантливый, и слабый и малоспособный, всѣ съ одинаковымъ правомъ могутъ сказать: этотъ садъ *нашъ*, онъ наше *общее* дѣло. Садъ, *ихъ* садъ, *родной* ихъ садъ, становится для этихъ школьниковъ какъ бы ихъ отечествомъ.

— Это вотъ правильно!—уже съ убѣжденіемъ произнесъ Иванъ Дмитріевичъ. И рука его, готовившаяся-было поднять со стола блюдечко съ чаемъ, на мгновеніе, точно забывшись, осталась неподвижной. А Евгенія Алексѣевна дружески положила на нее свою руку и, поощренная успѣхомъ того, что она сейчасъ говорила, горячо продолжала, повышая голосъ на словахъ, которыя хотѣла особенно выдвинуть:

— Да, правильно, Иванъ Дмитріевичъ. И вотъ въ этомъ чувствѣ любви къ родному саду, въ пониманіи необходимости *каждому* работать хорошо для того, чтобы *общая* работа вышла хорошей, воспитывается вся нѣмецкая молодежь. Этимъ въ нихъ воспитывается и любовь къ отечеству. И надъ устройствомъ своей Германіи они будутъ работать такъ же, какъ надъ своимъ *роднымъ* школьнымъ садомъ...

Старикъ слушалъ внимательно. Стала прислушиваться теперь и старуха, и выраженіе лица ея было умиленное: по душѣ пришлись и слова, подкупало старуху и то, что говорила-то эти слова «своя сестра»—женщина. Староста похлопалъ теперь Евгенію Алексѣевну слегка по плечу и одобрительно произнесъ:

— Хорошо разсказываете.

А Евгенія Алексѣевна уже неслась дальше:

— Я вамъ лучше разскажу!.. Я все говорю: садъ, садъ. Но хоть говорится, что «не о хлѣбѣ единомъ», да вѣдь и одними яблоками и цвѣтами тоже сытъ не будешь. А я вотъ видѣла рабочую колонію при одной нѣмецкой фабрикѣ, гдѣ каждому домику данъ свой маленькій земельный участокъ. Фрук-

товыя деревья—только одно, два у каждаго, главное же—огородъ. Каждая семья своими силами воздѣлываетъ свой клочекъ земли и все лѣто питается своими свѣжими овощами. Осенью—свои яблоки и сливы. А подъ окнами и на окнахъ цвѣты. Вездѣ все прибрано, чисто. И знаете, что мнѣ говорила администрація этого фабричнаго поселка? Что «любовь къ чистотѣ и красотѣ жизни такъ же заразительна, какъ лѣнь и пьянство». Жители фабричнаго поселка стараются перещеголять другъ друга въ благоустройствѣ своихъ жилищъ.

Старуха одобрительно кивнула головой, а староста опять повторилъ:

— Хорошо разсказываете.

У Евгеніи Алексѣевны глаза горѣли отъ удовольствія. Не впервые уже вела она эту проповѣдь и передъ отдѣльными лицами, и передъ толпой слушателей; но всякій разъ, когда она встрѣчала сочувственный откликъ, ей самой все это казалось такъ ново, какъ будто она эти свои впечатлѣнія только вотъ сейчасъ опять радостно переживала. И теперь она серьезнымъ, убѣдительнымъ тономъ сказала:

— Вотъ тутъ-то я и видѣла, вотъ этими собственными моими глазами, какъ нѣмецъ опережаетъ насъ. Тутъ я убѣдилась, что значатъ школьные сады! Потому что въ этомъ рабочемъ поселкѣ главными помощниками родителямъ въ ухаживаніи за огородомъ и садомъ были дѣти всѣхъ возрастовъ. Они приносили сюда изъ школы свои знанія и умѣніе. Съ какой любовью копошились они здѣсь уже на «собственныхъ» грядкахъ. И сами-то—какія цвѣтущія, бойкія, смышленыя.

Иванъ Дмитріевичъ немножко понахмурился и крякнулъ:

— Эхъ! А у насъ только и оберегайся отъ ребятъ. Хуже, чѣмъ отъ воронья!..

Евгенія Алексѣевна прервала его:

— Знаю, Иванъ Дмитріевичъ, знаю! И въ сосѣдней губерніи, откуда я къ вамъ сейчасъ ѣду, я ужъ отъ многихъ это слыхала. Въ одной деревнѣ, проѣзжаю, смотрю, всѣ усадьбы голы кругомъ; ни деревца, ни кустика. Стоятъ избенки, какъ средь поля разбросаны. У нѣкоторыхъ даже и заборовъ нѣтъ. Что это такъ?—спрашиваю возницу.—Развѣ овощей не садите?—Да, говоритъ, что садить-то: ребятенки все повытаскаютъ. — Можно огородить,—говорю. Смѣется: — Огородить!.. Ништо не перелѣзутъ. Потомъ и заборъ-отъ растаскаютъ. А у насъ лѣсъ-то каждый прутикъ за денежки купить надо.

Иванъ Дмитріевичъ сокрушенно помоталъ головой:

— По нашимъ мѣстамъ еще до большого озорства не дошло—заборы цѣлы. И по заборамъ пока не лазаютъ. А что насчетъ яблоковъ—такъ ужъ передъ Спасовымъ-то днемъ задолго ночи-то не спишь: сидишь, да въ окошко поглядываешь.

Осторожно прихлебывая съ блюдечка горячій чай и неторопливо жуя ситникъ, прислушивалась къ разговору и Лиза. Окончивъ чаепитіе, она помолилась на иконы, поцѣловала дядю и тетку, и стала убирать со стола въ шкафъ лишнюю посуду.

Староста снова обратился къ Евгеніи Алексѣевнѣ:

— Вы какъ же—отъ земства или отъ себя?—дѣловито спросилъ онъ.

— Нѣтъ, дѣдушка. Я вѣдь вамъ вчера вечеромъ, какъ пріѣхала, сказала: я командирована отъ ученаго комитета.

— Такъ-такъ. А я за ночь-то забылъ... заспалъ. Слабѣть ужъ стала память-то.

— Вотъ послали теперь по разнымъ губерніямъ осмотрѣть, гдѣ у кого какіе есть сады, все записать и дать отчетъ о поѣздкѣ. А здѣсь давать садовладѣльцамъ наставленія, какъ ходить за фруктовыми деревьями, какъ оберегать ихъ отъ дурного климата, отъ насѣкомыхъ, словомъ—учить всему, чему сама училась.

— Что же плату будете взимать или такъ?

— Безплатно.

— Вотъ это хорошо. Это скорѣе послушаютъ. А то другой мужикъ—онъ скорѣе двугривенный-то на сороковку броситъ, не чѣмъ на полезное извести.

— Ну, а у васъ тутъ сады-то у кого еще есть? Много ли всѣхъ-то?

Староста подумалъ.

— Да десятка съ два наберется... наберется два-то десятка.

— Немного. Вотъ была я въ Курской губерніи, такъ тамъ во многихъ селахъ садовъ по сотнѣ есть. И все хорошіе.

Староста покачалъ одобрительно головой и поспѣшилъ похвастаться въ свою очередь:

— У насъ при церковномъ домѣ садъ хорошій очень. И батюшка, о. Николай, можно сказать, любитель. Садъ-то еще покойнымъ о. Никандромъ насаженъ. Такъ отецъ-отъ Никандръ и дочку-то, покойную Ольгу Никандровну, за отца Николая сговорилъ потому, какъ зналъ, что этотъ зять дѣло его рукъ не заброситъ. А какъ умерла матушка-то, Ольга Никандровна, о. Николай каждый кустикъ въ саду теперь собственными руками обхаживаетъ.

— Вдовый—вашъ священникъ?

— Другой годъ, какъ овдовѣлъ.

Теперь и старуха, не поднимая глазъ отъ своей чашки съ чаемъ, тихо-скорбно и любовно проговорила:

— А и пожили-то они съ матушкой недолго. Есть ли, нѣтъ ли три-то года, какъ онъ въ нашемъ приходѣ поставленъ...

— Молодой, стало быть? — спросила Евгенія Алексѣевна.

— Совсѣмъ еще молодой. А ужъ такой-то хорошій, такой-то до всѣхъ ласковый.

Староста добавилъ:

— Прямо сказать, святого житія человѣкъ.

Евгенія Алексѣевна, помолчавъ, сказала:

— Вотъ это все хорошо... А то вотъ я недавно была въ селѣ у одного священника, такъ у того старый садъ совсѣмъ одичалъ и заросъ. И во всемъ селѣ батюшка оказался самымъ глухимъ слушателемъ. Какъ ужъ увидалъ, что всѣ поняли, что я имъ дѣйствительно дѣльное говорю, такъ только тогда и онъ пересталъ надо мною смѣяться.

— Нѣтъ, нашъ о. Николай не такой, — съ легкимъ оттѣнкомъ похвальбы произнесъ староста.

— Ну такъ, Иванъ Дмитріевичъ, мы вотъ съ вами теперь по вашему саду походимъ, а потомъ вы меня, пожалуйста, и къ батюшкѣ проводите. Спасибо за угощеніе, Анна Ивановна.

— На доброе здоровье... не знаю, какъ звать-то?..

— Евгеніей Алексѣевной зови, — добродушно-покровительственно сказалъ старикъ, вставая вслѣдъ за барышней и крестясь на икону.

Евгенія Алексѣевна замѣтила теперь, когда онъ пересталъ креститься, что сложенные въ крестное знаменіе пальцы такъ и остались не разогнутыми. Очевидно, и давеча, когда онъ подалъ ей руку, они были въ томъ же положеніи; и теперь она спросила

— Что это у васъ, дѣдушка? А?

Старикъ улыбнулся:

— Да вотъ все садъ же. Давно это было: яблоньки прищеплялъ, порѣзался, пальцы-то и свело.

— Какъ же вы работаете?

— А ничего. Работаю. Не совсѣмъ безпалый: двое за четверыхъ отвѣчаютъ. Намъ со старухою вдвоемъ много ли надо.

Потомъ дѣловито добавилъ:

— Ну да вѣдь я и работника держу.

— А у васъ сыновей нѣтъ?

Съ непроницаемымъ равнодушіемъ онъ отвѣтилъ:

— Мы бездѣтные. Такъ всю жизнь бездѣтными и прожили.— И, приглашая Евгенію Алексѣевну идти впередъ, съ достоинствомъ произнесъ:—Пожалуйте, сударыня.

II.

Староста, знакомя Евгенію Алексѣевну съ своимъ садомъ, съ его достоинствами и недостатками, прислушивался къ ея замѣчаніямъ и указаніямъ, не то, чтобы съ недовѣріемъ, а какъ бы съ пытливостью экзаменатора, провѣряющаго человѣка, предъ которымъ онъ чувствовалъ себя вооруженнымъ многолѣтней опытностью. Но, по мѣрѣ того, какъ Евгенія Алексѣевна развертывала передъ нимъ свои познанія, старикъ начиналъ проникаться все бо̀льшимъ и бо̀льшимъ уваженіемъ и къ этимъ познаніямъ, и къ самой Евгеніи Алексѣевнѣ. Вскорѣ вышла въ садъ и присоединилась къ нимъ и старуха. Съ такимъ же интересомъ и уваженіемъ, какъ и самъ староста, слушала и Анна Ивановна; но во взглядѣ старостихи, перебѣгавшемъ отъ времени до времени съ барышни на мужа, нѣтъ-нѣтъ да и промелькнетъ что-то другое. Она видѣла, какъ ея старикъ уже не столько глядѣлъ на всякія парши на корѣ и листвѣ яблонь и вишенъ, сколько въ живые каріе глаза и на разгорѣвшееся лицо новоявленной наставницы. Старухѣ думалось: «и сама-то ты, матушка, какъ яблочко, и глаза-то у тебя, какъ вишенки на солнышкѣ, свѣтятся».

Когда Евгенія Алексѣевна стала указывать на различія между разными свойствами мелкихъ древесныхъ паразитовъ, объяснять способы ихъ размноженія, разныя фазы ихъ развитія, способы борьбы съ ними въ разные періоды ихъ роста,—старикъ увидалъ, что многое изъ того, что онъ наблюдалъ самъ, какъ единичныя, неясныя ему, явленія,—и что то, что онъ хранилъ въ памяти, какъ накопленный имъ въ его трудовой жизни драгоцѣнный личный опытъ,—все оказывалось такимъ яснымъ, такимъ обобщеннымъ въ объясненіяхъ, которыя давала ему безъ запинки эта молоденькая горожанка, такъ мало похожая по своей внѣшности на садовую работницу. И старый трудолюбецъ невольно увлекся: онъ взялъ своими сухими, скрюченными пальцами руку барышни повыше кисти и, любовно смотря Евгеніи Алексѣевнѣ въ глаза, любовно сказалъ:

— Да откуда все это у васъ, сударыня?

Евгенія Алексѣевна ликовала. Поддаваясь и сама его настроенію, она немножко восторженно произнесла:

— Отъ госпожи Науки.

— Отъ нѣмцевъ?

— Отъ всѣхъ и для всѣхъ.

— Да сколько тебѣ годовъ-то, милая?—такъ же любовно спросила ее старуха.

— Много, Анна Ивановна! Полъ-жизни прожила.

— Ой, что-то не такъ! Этакая молоденькая — да ученая!

— Это отъ того, Анна Ивановна, что я все около цвѣтовъ да плодовъ на воздухѣ вожусь. Съ каждымъ годомъ отъ нихъ молодѣю.

— Знать, цвѣты тебя любятъ, что ли? Я вотъ тоже вожусь, да все старѣю.

Въ эту минуту Евгенія Алексѣевна, дѣйствительно, казалась совсѣмъ юной: успѣхъ перваго шага въ этой деревнѣ окрылялъ ее. Проявивъ теперь такъ удачно свои познанія въ садовой терапіи, она рѣшила, что время предложить свои услуги и по хирургіи. Садъ былъ хотя «ухоженъ», но, какъ большинство крестьянскихъ садовъ, которые ей уже приходилось осматривать—старый, заросшій, требовавшій значительной расчистки.

— Такъ вотъ, Иванъ Дмитріевичъ,—дружески-авторитетно заговорила она:—все это хорошо: попрыскаемъ мы съ вами по деревьямъ цѣлебнымъ растворцемъ, къ этой да къ той яблонкѣ новые черенки прищепимъ, и землю здѣсь поразрыхлимъ, все это такъ. Но самое-то главное: надо прорѣдить. Видите, вотъ тутъ густовато, вотъ тутъ большіе сучки другъ съ другомъ сплелись. И осенью это вотъ надо будетъ срубить, и это... вотъ и здѣсь...

Лицо Ивана Дмитріевича стало серьезнѣе, и у старухи складка между бровей обозначилась рѣзче.

— Да, вѣдь, зеленое,—попробовалъ неувѣренно возразить староста.

— Что же, что зеленое? Мѣшаетъ росту. И само не дастъ плода, и другіе сучья затѣняетъ.

— А може родитъ какъ-нибудь?

— Нѣтъ, Иванъ Дмитріевичъ, не *може* родить, какъ солнце не проникаетъ.

— Такъ-то такъ... А все какъ-будто жалко: живое!..

— А вы не жалѣйте. Сухіе вы всѣ обрѣзаете же, не пожалѣйте и этихъ.

— Попробовать надо,—какъ-то скорбно согласился старикъ.

Старуха молчала. А Евгенія Алексѣевна въ тонѣ какъ бы утѣшенія сказала:

— Вотъ вѣдь мнѣ, Иванъ Дмитріевичъ, вездѣ съ этимъ считаться приходится. Всѣ боятся, какъ они говорятъ, «живое», зеленое тронуть—а въ этомъ-то все и дѣло. Для хорошаго роста всего сада, всѣхъ деревьевъ—надо солнцу дорогу не застить. Надо, чтобы къ каждой вѣточкѣ солнце ласкалось.

III.

Пошли по другимъ садамъ.

— Мнѣ-то сейчасъ недосугъ будетъ, пусть ужъ вотъ Лиза съ вами провожатымъ походитъ,—сказалъ староста, выходя вмѣстѣ съ Евгеніей Алексѣевной и племянницей за ворота.—А я васъ вотъ только до сосѣда доведу.

Перешли черезъ улицу, наискосокъ, и староста указалъ на покосившіяся ворота у большого, стараго крестьянскаго дома. Вошли. На дворѣ мужикъ лѣтъ сорока, съ топоромъ въ рукахъ, возился около телѣги: одно изъ колесъ было снято. Услыхавъ стукъ калитки, мужикъ поднялъ голову, узналъ старосту и, не выпуская изъ рукъ топора, пошелъ навстрѣчу.

— Здорово, Михайла!—сказалъ староста, кивая ему головой.

Михайла молча поклонился и окинулъ пронизывающимъ взглядомъ незнакомую барышню. Евгенію Алексѣевну точно что-то кольнуло. Глаза мужика, большіе, сѣрые, на выкатѣ, смотрѣли недружелюбно; его курчавая рыжая бородка, нерасчесанная, и такіе же курчавые волосы, прихваченные на лбу ремешкомъ, произвели на Евгенію Алексѣевну впечатлѣніе чего-то знакомаго, связаннаго съ какимъ-то непріятнымъ ей воспоминаніемъ. Она не поддалась этому чувству. Стараясь быть ласковой, она обратилась къ мужику съ просьбой показать ей садъ. Староста отъ себя добавилъ, что барышня ученая, прислана изъ Петербурга учить ихъ уму-разуму. Въ глазахъ рыжаго Михайлы сверкнула ироническая улыбка.

— Куда ужъ намъ учиться! Дай Богъ и такъ прожить. Поменьше бы съ насъ драли въ Петербургѣ-то, такъ мы бы и сами какъ-нибудь прожили.

Евгенія Алексѣевна улыбнулась и дружественнымъ тономъ возразила:

— Я не для того пріѣхала, чтобы драть съ васъ что-нибудь, я хочу только показать вамъ, какъ ходить за садомъ, чтобы онъ былъ доходнѣе для васъ же.

— Что же, садъ показать можно.

И повелъ пришедшихъ къ калиткѣ. Но староста остановился:

— Нѣтъ, мнѣ надо въ поле идтить.—А ужо-тка вернусь, такъ увидимся,—сказалъ онъ Евгеніи Алексѣевнѣ.

Она протянула ему руку:

— До свиданія, Иванъ Дмитріевичъ.

И, оглянувшись, спросила:

— А гдѣ же Лиза?

— А за воротами надо-быть осталась. Не безпокойтесь, тутъ будетъ. Я накажу, чтобъ не отлучалась.

Евгенія Алексѣевна пошла за Михайлой въ садъ. И улыбнулась: она посмѣялась надъ самой собой, надъ той легкой жутью, которую она вдругъ почувствовала при видѣ этого идущаго впереди ея рыжаго мужика, съ загорѣлой, черной шеей, съ широкой спиной и съ топоромъ въ рукахъ.

Садъ оказался не только старымъ, но и совсѣмъ запущеннымъ. Евгенія Алексѣевна стала объяснять безпечному хозяину все, что тутъ было негоднаго. Михайла слушалъ довольно равнодушно.

— Да я прежде-то старался,—нехотя возражалъ онъ.— Все равно: коли захочетъ Богъ уродить, такъ уродитъ, а который годъ не захочетъ, такъ старайся, не старайся—все одно. Рублей на пять соберешь, такъ и слава Богу. Вотъ малина у насъ растетъ, такъ та—кормилица—ничего не требуетъ, а каждый годъ и не знай сколько пудовъ всего-то насбираемъ.

Евгенія Алексѣевна продолжала внушать ему свое:

— Вотъ видите, эти сучки надо срѣзать, они посохли. А этотъ большой, хотя онъ и зеленый, тоже надо удалить—онъ только тѣнь даетъ.

— Что жъ, отрубить можно,—сказалъ Михайла и, прежде чѣмъ Евгенія Алексѣевна, повернувшаяся въ это время къ другой яблонѣ, успѣла оглянуться, онъ однимъ взмахомъ топора отсѣкъ толстый сукъ старой яблони. Потрясенныя ударомъ, мелкія вѣтви кроны задрожали, зашелестѣли, точно прощались съ отпадавшими вѣтками. Отрубленный сукъ, падая, задѣлъ Евгенію Алексѣевну, листья его проскользнули по ея лицу. Она вздрогнула, посторонилась, и съ оторопью взглянула на храбраго мужика. Тотъ равнодушно смотрѣлъ на упавшія вѣтви.

— Ты бы, Мишенька поосторожнѣе...—раздался вдругъ позади Евгеніи Алексѣевны тихій женскій голосъ.

Евгенія Алексѣевна оглянулась: молодая баба, покрытая свѣтлымъ ситцевымъ платочкомъ, поклонилась ей легкимъ наклоненіемъ головы. Евгенія Алексѣевна, точно обрадовалась знакомой,

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

220548

ласково отвѣтила на поклонъ. И, почувствовавъ себя не одинокой, она уже съ оттѣнкомъ неудовольствія сказала:

— Да, неосторожно... Такъ не годится... Надо срѣзать или спиливать такіе сучья не тогда, когда деревья въ цвѣту, а либо ранней весной, либо къ осени... Надо сейчасъ же перерубленное мѣсто замазать коровякомъ.

Михайла апатично сказалъ:

— Мы неученые...—И, помолчавъ, проворчалъ:—Вотъ потому не въ свое дѣло и не суемся. Вишь, вотъ и не угодилъ... А растетъ оно, дерево-то, такъ, какъ Богъ велѣлъ, ну и думаешь—ладно. На все воля Божья. Захочетъ Господь—урожай дастъ, а нѣтъ—такъ и такъ проживемъ.

Евгенія Алексѣевна отломила отъ срубленнаго сука маленькую вѣтку и, отмахиваясь ею отъ мошекъ, пошла по саду дальше. Михайла и баба съ нею. Евгенія Алексѣевна вглядѣлась въ бабу повнимательнѣе: красавица. И ей стало вдругъ почему-то больно и обидно, что у такого грубаго, некрасиваго мужика могла быть такая жена. Что за дивные глаза! Въ нихъ-то вся красота и есть. Не въ чертахъ лица, пріятныхъ, но неправильныхъ, а именно только въ глазахъ. И даже не въ ихъ складѣ, не въ цвѣтѣ, а въ выраженіи ихъ. Точно въ этихъ глазахъ, какъ въ камеръ-обскурѣ, миніатюрно, но вся въ краскахъ, отразилась какая-то чудная картина!..

И Евгенія Алексѣевна теперь уже оторваться не можетъ отъ лица этой милой женщины, и такой простой, такой «тишайшей», и—по своему облику олицетворенной покорности—такой чужой ей, а въ то же время и такой близкой, родной по безмѣрной любви къ людямъ, къ міру, къ жизни,—любви, что, какъ лучистая—скрытая—теплота, грѣетъ каждаго, на кого взглянутъ эти ясные, чистые, кроткіе глаза.

Евгенія Алексѣевна, идя по саду и продолжая давать свои объясненія, теперь уже не обращалась больше къ Михайлѣ: баба и лучше слушала, и смотрѣть на нее такъ пріятно, и въ каждомъ кивкѣ головы ея чувствовалась отзывчивость понятливой ученицы. А Михайла ходилъ сзади ихъ, и Евгеніи Алексѣевнѣ все казалось, что онъ вотъ-вотъ стукнетъ топоромъ либо ей, либо бабѣ по рукѣ. Передъ уходомъ изъ сада Евгенія Алексѣевна обратилась къ бабѣ со словами:

— Такъ вотъ, вы не забудьте сейчасъ же коровякомъ-то замазать тотъ сукъ, который вашъ мужъ срубилъ.

Михайла улыбнулся:

— Да это не моя баба.

— А! вотъ какъ!—отозвалась Евгенія Алексѣевна, и точно обрадовалась.

А Михайла, довольный, что «учительница» такъ ошиблась, необычайно весело сказалъ:

— Моя-то на рѣчкѣ, бѣлье полощетъ, а это—сосѣдка Марья.

Марья, тоже съ улыбкой, въ поясъ кланяясь Евгеніи Алексѣевнѣ, просительно-ласково заговорила:

— Извините, пожалуйста. Къ моей Аленкѣ Ивана Митричева Лиза забѣжала, сказываетъ: «къ намъ барышня на счетъ садовъ пріѣхала». Ну я подумала:—съемщица,—вотъ и прибѣжала. Ко мнѣ милости прошу, ужъ не оставьте! Слушала сейчасъ, вижу, все полезное говорите. Извините, пожалуйста, не оставьте, зайдите ко мнѣ.

— Съ удовольствіемъ... съ удовольствіемъ, Марьюшка.

А Лиза и Марьина Аленка уже стояли у воротъ,—дома черезъ три на томъ же порядкѣ,—и поджидали прихода Марьи съ барышней.

— Вотъ любо-дорого смотрѣть на васъ, что вы такъ заботливо относитесь къ вашимъ деревцамъ и кустикамъ,—говорила Евгенія Алексѣевна Марьѣ, проходя по ея саду, гдѣ все было «ухожено»: малинникъ и крыжовникъ очищены отъ сухихъ вѣтвей, на яблокахъ свѣсившіяся вѣтви подвязаны, гдѣ нужно, мочалками, всѣ деревья и кусты окопаны.

Марья смотрѣла ей прямо въ глаза, говорила тихо-ласково, точно оправдывалась:

— Да вѣдь намъ, барышня, и нельзя иначе, и то у насъ, почитай, только и доходовъ, что отъ этого сада. Я вотъ ужъ третій годъ вдовѣю; съ пашней мнѣ возиться несподручно, надѣлъ сдаю, а въ саду-то мы съ Аленкой своими руками управляемся. Съемщики, спасибо, не обижаютъ, даютъ цѣну...

Идя позади Евгеніи Алексѣевны по саду, Марья спросила:

— Вы какъ же—тоже и торгуете яблоками-то?

— Нѣтъ, милая Марьюшка, не торгую.

— Жаль. Я бы вамъ недорого сдала.

— А развѣ вамъ не выгоднѣе дождаться урожая и продавать на базарѣ?—спросила Евгенія Алексѣевна.

— Гдѣ ужъ!.. При мужѣ покойномъ возили мы на базаръ-отъ. Верстъ за тридцать отсюда въ селѣ осенью послѣ Спаса ярмарка бываетъ, такъ туда возили, продавывали. А въ послѣдне-тъ годъ, какъ ему умереть-то, такое вышло, что я ужъ теперь почемъ ни есть да лучше здѣсь на мѣстѣ скупщику продамъ.

*

— А что вышло такое?—заинтересовалась Евгенія Алексѣевна.

— Да уродилось яблоковъ-то ужъ очень громадно. Николи столько не было. Привезли мы на ярмарку два воза... тяжелѣнныхъ... лошадей примаяли. А цѣнъ нѣтъ. Хошь нипочемъ не надо. Вездѣ урожай, всѣ понавезли, а торговцы прижались. Еще спервоначалу-то—которые дешево отдавали—кое-кто продали, а потомъ ужъ никто и не смотритъ: не надо да и все тутъ. Я стою у возовъ, а мужъ ходитъ по лавкамъ да по трактирамъ—покупателевъ ищетъ. Подъ конецъ—онъ ужъ совсѣмъ пьяный пришелъ, а продать ничего не продалъ. Домой надо ѣхать, вечеръ скоро, дождикъ пошелъ, а у насъ и не куплено, что надо было, и деньги остатныя, какія были изъ дому, Матюша-то пропилъ. Осерчалъ, да спьяну-то оба воза тутъ же на базарѣ въ грязь и вывалилъ. Характерный былъ. «Не доставайся никому!» Я-было уговаривать, а онъ: «что-жъ мнѣ—лошадей что ли заморить еще?..» И то, правду сказать, съ возами бы намъ домой по этой грязи на усталыхъ лошадяхъ ни за что бы и не доѣхать. Короба, въ которыхъ яблоки-то были, опорожнили, увезли домой,—потому за нихъ деньги плачены,—а яблоки всѣ въ грязь свалили. Сама ссыпать помогала. Плачу да причитаю: «сколько я на васъ трудовъ положила, яблочки вы мои наливныя, а никому васъ не надо». А потомъ—изъ грязи-то сперва мальчишки, а опосля и всѣ стали подбирать. Даровыя-то всѣмъ понадобились.

Евгеніи Алексѣевнѣ показалось, что въ улыбающихся глазахъ Марьи и сейчасъ какъ будто засвѣтились слезинки. И, чтобы утѣшить ее въ непоправимомъ прошломъ, она дала ей совѣтъ на будущее:

— А вы рѣжьте яблоки на кружечки, сушите и продавайте сушеныя.

Марья какъ будто немного оторопѣла и поспѣшила отвѣтить:

— Гдѣ ужъ намъ!.. Не справиться мнѣ одной-то.

Евгенія Алексѣевна любовно посмотрѣла на нее.

— Ну, когда замужъ выйдете. Этакая красавица—не засидитесь во вдовахъ-то.

Марья потупила глаза и кровь прилила къ ея лицу. Смущенно, точно шутя, она добродушно произнесла:

— Будетъ съ меня, помаялась я замужемъ-то. Охота и на своей волѣ пожить.

Въ шутливомъ же тонѣ спросила ее и Евгенія Алексѣевна:

— Вѣдь васъ, поди-ка, мужъ-то очень любилъ. Любилъ вѣдь?

Марья опять подняла на нее глаза, добрые, ласковые, улыбающіеся, и все-таки немного грустные.

— Да вѣдь и я его любила. По любви и замужъ шла. Только Богъ съ ней, и съ любовью-то...

Евгенія Алексѣевна вопросительно смотрѣла на Марью, и Марья, какъ бы отвѣчая ей, продолжала:

— Ревнивъ ужъ очень былъ покойникъ-то мой... Чахоточный былъ, да сердитый... да и пить ужъ больно шибко сталъ подъ конецъ-то...

— Зачѣмъ же вы такого полюбили?

— А это ужъ, какъ говорится, суженаго конемъ не объѣдешь. Сызмальства все вмѣстѣ были. Первый работникъ былъ по деревнѣ-то. Грамотный.

— Ну, теперь ужъ вы опытная—выбирайте осторожнѣе.

Марья усмѣхнулась:

— Гдѣ-жъ ихъ выбирать-то! Вотъ сейчасъ за меня конторщикъ багажный со станціи сватается—и опять чахоточный, и тоже выпить любитъ.

— Ну, а какъ онъ—нравится вамъ? Нравится?—шутливо, но участливо спрашивала Евгенія Алексѣевна.

Марья опять опустила глаза и, уже какъ будто не рѣшаясь шутить, отвѣтила:

— Да это какъ сказать-то?.. нравится ли, нѣтъ ли—кто-жъ его разберетъ?.. Сватается.

И Евгенія Алексѣевна по-прежнему полушутя-полусерьезно, но сердечно сказала:

— Ну, вотъ когда я буду уѣзжать съ вашей станціи, я посмотрю его и напишу вамъ о своемъ впечатлѣніи.

Между этими разговорами Евгенія Алексѣевна продолжала осматривать деревья, и, когда ей приходилось сдѣлать какое-нибудь указаніе, Марья съ величайшимъ вниманіемъ его выслушивала и съ поклономъ говорила:

— Ужъ вы извините, пожалуйста... вотъ ужо все исправлю...

Обошли весь садъ, и Марья пригласила Евгенію Алексѣевну заглянуть къ ней въ «горницу».

— Похвастаться захотѣли?—сказала Евгенія Алексѣевна, любуясь уютностью чисто прибранной избы, украшенной и картинками, и цвѣточками, и вязаными салфеточками.

— Нѣтъ, извините, пожалуйста,—смущенно проговорила Марья:—я вотъ еще хотѣла вамъ кружевца своего плетенія показать: можетъ, посовѣтуете, что къ лучшему.

— А! вы—кружевница?—сочувственно воскликнула Евге-

нія Алексѣевна.—Ну, теперь я понимаю, почему у васъ и садъ, какъ кружево.

Но научить чему-нибудь Марью въ плетеніи кружевъ Евгенія Алексѣевна не могла—никогда не была рукодѣльницей.

IV.

Проводить барышню до попова дома пошла, вмѣстѣ съ Лизой, и Марьина Аленка. Хорошенькая дѣвочка, съ такими же ясными, какъ у ея матери, глазами, съ любопытствомъ взглядывала украдкой на Евгенію Алексѣевну, а Евгенія Алексѣевна съ любовью смотрѣла на нее. Смотрѣла съ любовью, но и съ грустью: худенькая, блѣдная, дѣвочка, очевидно, унаслѣдовала отъ отца его влекущую къ ранней могилѣ болѣзнь.

Въ другое время Евгенія Алексѣевна приласкала бы дѣвочекъ, заговорила бы съ ними, сумѣла бы заставить и ихъ говорить и смѣяться—сейчасъ она шла молча, захваченная своими мыслями. И ея нервное лицо, такъ легко отражавшее ея душевныя переживанія, казалось теперь опять старше, суровѣе. Пустой, случайный разговоръ съ Марьей поднялъ въ ея душѣ всю муть былыхъ волненій, недоумѣній, споровъ съ жизнью, споровъ съ самой собой. «Гдѣ ихъ искать-то?»—говоритъ Марья. «Кто-жъ его знаетъ—нравится или нѣтъ?.. Сватается». Сколько разъ ей, какъ Марьѣ, приходилось ставить эти вопросительные знаки! Ей скоро тридцать—она не замужемъ.

А когда цвѣтутъ яблони, сердце такъ хочетъ любить!..

«Но Богъ съ ней, съ любовью!.. Намаялась замужемъ... хочется на своей волѣ пожить...» О, этотъ страхъ потерять свою дѣвичью волю!.. Марья «намаялась», но любила и жила... У Марьи дочка—быть можетъ, чахоточная, но любимая... А у нея—что есть у нея?.. Дѣвичья воля! Развѣ уже не принесла въ жертву этой дѣвичьей волѣ всѣ годы своей юности?.. Ни образованіе, ни красота, ни свобода, ни смѣлость мыслей и поступковъ, ничто не дало ей счастья любви. Отчего... «кто его знаетъ?» Сколько встрѣчъ, знакомствъ, общей работы, близкой дружбы... и ни одного «желаннаго». Разборчива! Но развѣ это худо? Не по хорошу милъ.... да по «выбору». Чего она хочетъ—она не знаетъ. Нужно, чтобъ полюбился—вотъ и все!.. А «онъ» не встрѣчается!.. Вѣдь всѣ метанія отъ учительства къ конторѣ, отъ конторы къ садоводству—все это давало только

удовлетвореніе гордости быть независимой. Имѣть право не быть рабой семьи!.. Жизнь холостяги... А въ семьѣ иногда такъ уютно...

И въ цвѣтущихъ садахъ яблони такъ ароматны!..

На крыльцѣ поповскаго дома Евгенія Алексѣевна позвонила. Отецъ Николай былъ занятъ съ дьякономъ приготовленіемъ какихъ-то бумагъ для отсылки къ благочинному. На звонокъ онъ всталъ и отперъ парадную дверь самъ.

— Извините, батюшка, я не помѣшала вамъ?

Приходъ незнакомой дѣвушки не удивилъ священника. Благожелательно отвѣтилъ онъ на ея короткій поклонъ и, жестомъ руки приглашая войти, спокойно произнесъ бархатнымъ, груднымъ голосомъ:

— Ничего, ничего... прошу.

Евгенія Алексѣевна прошла, вслѣдъ за нимъ, изъ передней въ гостиную и, немного смущенная, смотрѣла во всѣ глаза на о. Николая. Дольше, чѣмъ слѣдуетъ, замедлила она съ объясненіемъ цѣли своего прихода. Рѣшительно, у нея сегодня день какихъ-то необъяснимыхъ встрѣчъ! Какъ давеча этотъ непріятный рыжій Михайла вызвалъ въ памяти какой-то неясный, забытый образъ, такъ вотъ и опять: гдѣ она видала это лицо... эту фигуру?.. Что-то давно знакомое... кто-то, съ кѣмъ неуловимо связывали ее какія-то,—на этотъ разъ хорошія,—воспоминанія! И еще одна пара чудныхъ глазъ—какъ у Марьи... только сильнѣе, значительнѣе!.. Не впервые приходилось ей обращаться къ сельскимъ священникамъ, не любила она духовенство вообще, и тутъ ожидала не этого попа.

Высокій, худощавый, стройный онъ—этотъ о. Николай. Темные волосы были подстрижены немного короче, чѣмъ обыкновенно у священниковъ. Вьются сами собой. Рыжеватая бородка, слегка вьющаяся и довольно рѣдкая, красиво удлиняла благородный овалъ матоваго лица. Изъ-подъ темныхъ, густыхъ бровей синіе глаза смотрятъ такъ кротко и ласково. Евгенія Алексѣевна на мгновеніе забылась передъ этой живой картиной.

Немного смутившись отъ ея продолжительнаго взгляда, о. Николай точно уловилъ въ немъ что-то несоотвѣтствующее его уравновѣшенному, свѣтлому міросозерцанію. И, отгоняя лукаваго, уже болѣе сухо и дѣловито спросилъ:

— Чѣмъ могу служить вамъ?

Евгенія Алексѣевна стала объяснять, кто она и зачѣмъ здѣсь. На лицѣ о. Николая выразилось серьезное вниманіе. Онъ предложилъ гостьѣ сѣсть на диванъ, самъ сѣлъ около нея въ креслѣ. Слушая ея разсказъ о томъ, какъ она, прежде чѣмъ

попасть сюда, была уже въ сосѣдней, болѣе южной губерніи,— что тамъ видѣла, что дѣлала, о. Николай одобрительно кивалъ головой и, какъ всѣ, повторялъ:

— Дѣло доброе... Дѣло хорошее.

— О васъ, батюшка, слышала, что вы сами любитель, что вашъ садъ тутъ лучшій.

О. Николай скромно улыбнулся:

— Ну, какой я садоводъ!.. А что люблю это дѣло, такъ вѣдь какъ его и не любить-то: Богъ, создавъ перваго человѣка, указалъ ему садъ, какъ рай. Святое дѣло. Безгрѣшное.

— Живое дѣло,—съ увлеченіемъ подхватила Евгенія Алексѣевна.—Я и къ деревьямъ, какъ къ живымъ существамъ, подхожу. Это вѣдь не то, что какая-нибудь противная канцелярская бумага.

О. Николай шутливо возразилъ:

— И безъ бумаги не проживешь. Вотъ даже и отъ нашего брата, попа, кромѣ заботы о просвѣщеніи и спасеніи душъ, также и регистрація оныхъ требуется.

И онъ кивнулъ головой въ сторону сосѣдней комнаты, гдѣ дьяконъ шуршалъ бумагами.

Евгенія Алексѣевна, почувствовавъ неумѣстность своего дѣвически-наивнаго выпада, немного смутилась:

— Я помѣшала вамъ... оторвала васъ отъ дѣла?.. Простите.

О. Николай съ ласковой улыбкой успокоилъ ее:

— Отъ *мертваго къ живому*. Ничего, ничего... очень радъ... живому слову отъ свѣжаго человѣка.

Евгенія Алексѣевна тоже какъ бы въ утѣшеніе сказала:

— Вамъ, батюшка, и бумага, которую приходится писать, все-таки не «чужая»; вы о своемъ дѣлѣ пишете. А вотъ когда, какъ мнѣ, приходилось въ торговой конторѣ цѣлыми днями писать на машинѣ о разныхъ машинахъ,—да и словами-то все точно машиной штампованными,—такъ тутъ чувствуешь, что самъ въ машину превращаешься.

— Да, на этотъ мертвящій трудъ многіе жалуются,—спокойно замѣтилъ о. Николай.—Не всякая душа съ нимъ свыкается. А вы что же—тоже служили прежде гдѣ?

Евгенія Алексѣевна, съ горькой улыбкой, точно нехотя, произнесла:

— Три года корпѣла... Табачнымъ дымомъ насквозь пропиталась. Отъ стука пишущихъ машинъ оглохла. Всѣ нервы, какъ клавиши, расшатались. Вмѣсто словъ, цифрами говорить начала.

О. Николай сочувственно покачалъ головой. Задумчивымъ взглядомъ смотря въ полъ, онъ тихо произнесъ:

— Мнѣ знакомо это томленіе души... Знакомо не по себѣ...

Онъ пріостановился. Ему-было хотѣлось сейчасъ же измѣнить фразу, сказать: «не *столько* по себѣ»,—но онъ промолчалъ. Не подобаетъ легкомысленно обнажать душу свою! И онъ безстрастнымъ тономъ добавилъ:

— По человѣку близкому.

Евгенія Алексѣевна молча ждала, что дальше. Тогда о. Николай, взглянувъ на нее и замѣтивъ ея выжидательный взглядъ, сказалъ:

— Братъ у меня родной въ Петербургѣ. Старшій. Тоже семинарію кончилъ, но въ священники не пошелъ. Призванія не было. Теперь въ частной экспедиторской конторѣ при таможнѣ служитъ. Мѣсто очень хорошее въ смыслѣ щедраго вознагражденія. Но для души—скупо. Тяготится. Какъ и вы же, говоритъ: «нервы расшатались». Кажется, нравственный кризисъ переживаетъ...

О. Николай опять въ раздумьи опустилъ глаза. И помолчавъ добавилъ:

— А впрочемъ—кто его теперь не переживаетъ... Вѣдь вотъ и у васъ, видимо, было это?..

Евгенія Алексѣевна энергично тряхнула головой.

— Да еще какъ!

Теперь, въ молчаливомъ ожиданіи, посмотрѣлъ на нее о. Николай. И Евгенія Алексѣевна, слово за словомъ, начала разсказывать, какъ до отчаянія опостылѣла ей во время ея конторской службы вся эта машинная столичная жизнь, и съ ея удовольствіями, доводящими до самоистязанія, и съ ея свободнымъ женскимъ трудомъ, похожимъ на кабалу, и какъ она стала мечтать уйти отъ всего этого куда-нибудь ближе къ природѣ, къ человѣческой, къ «божеской» жизни.

— И встала на распутьи...

Быстро нанизывая слова на нить бѣжавшихъ воспоминаній, Евгенія Алексѣевна, договорившись до послѣдней фразы, вдругъ замолкла и остановила свой взглядъ на лицѣ о. Николая.

Онъ участливо спросилъ:

— И кто же вывелъ васъ на этотъ теперешній вашъ путь?

Евгенія Алексѣевна молчала, ея взглядъ точно искалъ во взглядѣ о. Николая уже какихъ-то новыхъ отвѣтовъ на какіе-то новые, внезапно возникшіе въ душѣ ея вопросы. Но сейчасъ же, снова оживленная, полная радостной энергіи, она отвѣтила:

Библиотека ГУЗСКАГО

— Кто вывелъ?.. Одинъ хорошій человѣкъ. Учитель жизни духовной. Вѣрнѣе, книжка его одна—самого-то его я никогда не видала.

О. Николай пытливо посмотрѣлъ ей въ глаза и, какъ на исповѣди, осторожно спросилъ:

— Толстой?

Евгенія Алексѣевна отрицательно покачала головой:

— Нѣтъ. Есть такая книжка Кривенка—«На распутьи» называется. Въ ней описывается бытъ интеллигентовъ, устраивавшихъ свои рабочія колоніи въ деревнѣ, и бытъ культурныхъ одиночекъ, ушедшихъ «въ народъ». Вотъ, когда мнѣ ужъ окончательно стало не въ моготу въ Петербургѣ и когда я рѣшила-было уйти, куда глаза глядятъ—хоть въ такую колонію,—я начала искать въ книгахъ рѣшенія мучившихъ меня вопросовъ, такъ прочла случайно и эту книжку. Прочла—и разочаровалась я и въ культурныхъ скитахъ, и въ самой себѣ, и въ своихъ мечтаніяхъ. Но прочла, между прочимъ, въ этой книжкѣ о нѣкоемъ нѣмцѣ Шмидтѣ—гдѣ-то на югѣ Россіи въ чьемъ-то имѣньи не то управляющимъ, не то просто старшимъ садовникомъ былъ. Грубый нѣмецкій солдафонъ. Къ мужикамъ и ко всему русскому относился высокомѣрно. Но, когда случалось ему, по дѣламъ имѣнья, бывать у мужиковъ, онъ ужъ такъ, по привычкѣ, интересовался и ихъ садами и всегда чему-нибудь ихъ училъ. А рядомъ была интеллигентская колонія, куда мужиковъ и въ гости звали, всяческое вниманіе и почтеніе имъ оказывали, и все имъ объ европейскихъ порядкахъ разсказывали. Года три просуществовала колонія—распалась, участники разъѣхались. Нѣмецъ тоже больше трехъ лѣтъ не выжилъ на мѣстѣ—поссорился, уѣхалъ. А потомъ еще и черезъ двадцать лѣтъ нѣмца этого тамъ мужички все добромъ вспоминали. Одному «Шмидтъ яблочки и груши такъ прищепилъ», что теперь ни у кого изъ сосѣдей такихъ нѣтъ, другому черенковъ хорошихъ сливъ для прививки далъ, третьяго виноградъ развести научилъ и такъ далѣе: вездѣ доходъ и благосостояніе мужика увеличилъ. И притомъ такъ-себѣ, безкорыстно, между дѣломъ. «Спасибо Шмидту, дай Богъ здоровье Шмидту»—всѣ говорятъ. А о «господахъ» изъ интеллигентной колоніи, если кто и помнитъ еще, такъ «ничего себѣ господа—добрые были...»—больше ничего.

О. Николай не прерывалъ разсказа. Легкимъ наклоненіемъ головы, внимательнымъ, сочувственнымъ взглядомъ онъ поощрялъ Евгенію Алексѣевну продолжать. И она весело, съ молодымъ увлеченіемъ, говорила:

— Вотъ я и рѣшила «пойти въ Шмидты». Только въ русскіе, не въ нѣмецкіе. Мнѣ захотѣлось доказать, что и я—женщина, русская—могу заставить мужиковъ и бабъ и черезъ двадцать лѣтъ вспомнить обо мнѣ: «дай Богъ Лексѣевнѣ здоровья—ничего-себѣ добрая была, да и научила кое-чему».

О. Николай ласково улыбнулся ей. Она продолжала:

— Бросила я тогда свою контору, собрала заработанные гроши и, очертя голову, въ Германію!—«въ Шмидты» готовиться! Никто меня не напутствовалъ—поѣхала наугадъ. Нашла, однако, все, что мнѣ было нужно. Нашла даже больше, чѣмъ ожидала. Сначала трудно было. Побѣдствовала, понамаялась. Пришлось и отъ родныхъ пособія просить. Но своего добилась. А выучилась, пріѣхала домой съ дипломомъ и съ знаніями—и вдругъ оказалась всѣмъ нужной и желанной. Нашла себѣ новую дорогу въ жизни. И мѣсто мнѣ дали, и даже у чиновниковъ готовность примѣнить мои знанія на практикѣ оказалась. А въ деревняхъ и селахъ, и у помѣщиковъ, и у крестьянъ, куда ни пріѣду,—вездѣ радушный пріемъ.

О. Николай, впадая немного въ проповѣднический тонъ, истово произнесъ:

— Ибо всѣмъ вы несете свѣтъ знанія и надежду на украшеніе ихъ жизни земной.

Евгенія Алексѣевна перешла къ своей любимой темѣ—къ школьнымъ садамъ и ихъ вліянію на воспитаніе подрастающихъ поколѣній. Съ неослабѣвающимъ жаромъ повторяла она теперь передъ о. Николаемъ все, что часа два тому назадъ говорила она о нѣмецкихъ школахъ старостѣ Ивану Дмитріевичу. Только здѣсь ее уже не стѣсняла необходимость считаться со степенью развитія слушателя, и она пересыпала рѣчь мелкими подробностями школьнаго дѣла, цифровыми данными, иностранными именами. Она говорила съ о. Николаемъ уже не только, какъ съ любителемъ-садоводомъ, а какъ съ педагогомъ, съ руководителемъ церковно-приходской школы и лицомъ, могущимъ имѣть вліяніе на весь приходъ.

О. Николай, задумчиво внимавшій ея восторженнымъ описаніямъ чудесъ нѣмецкой педагогики, покачалъ теперь головой и сказалъ съ затаенной горечью:

— Къ сожалѣнію, у насъ наше непосредственное начальство совсѣмъ не того требуетъ отъ насъ, чтобы поднимать въ народѣ духъ радости и самодѣятельности.

И, вдругъ, точно спохватившись, что онъ обмолвился какимъ-то неудачнымъ словомъ, точно вспомнивъ, что онъ оторвался

отъ какой-то другой важной задачи, о. Николай порывисто всталъ и уже тономъ любезнаго хозяина, готоваго къ услугамъ дорогого гостя, сказалъ:

— Сейчасъ вотъ я попрошу васъ съ собой въ садъ, а только позвольте мнѣ тутъ отцу дьякону объяснить кое-что по работѣ.

И онъ вышелъ въ сосѣднюю комнату, откуда все время продолжало доноситься шуршаніе перелистываемыхъ бумагъ.

Евгенія Алексѣевна проводила его взглядомъ: у батюшки и походка была красивая—стройная, какъ вся его фигура.

Хорошо у него и въ домѣ. Евгенія Алексѣевна оглянулась въ гостиной. Все такъ уютно и такъ незатѣйливо: захолустное, сытое мѣщанство, которое до сихъ поръ еще крѣпко-крѣпко сидитъ во многихъ русскихъ городахъ и селахъ, уцѣлѣвъ рядомъ съ вторгающимися элементами новой жизни. Тутъ многое, видимо, досталось по наслѣдству. Бережный уходъ хорошо сохранилъ все это больше чѣмъ на полстолѣтіе, и, старое, оно кажется теперь какъ бы самоновѣйшей, воскрешенной модернистами стариной.

А тамъ, въ сосѣднемъ кабинетѣ, о. Николай что-то громко говоритъ дьякону о числѣ родившихся и умершихъ, спорятъ о какомъ-то мѣсяцѣ и числѣ, говорятъ о какихъ-то расходахъ на подбѣлку церковной ограды. Голосъ дьякона слышался басистый, уже, видимо, старческій, надтреснутый... и строптивый. Потомъ о. Николай, понизивъ тонъ, сказалъ что-то о «пріѣзжей» и, вмѣстѣ съ дьякономъ, вышелъ въ гостиную. Невысокаго роста, худощавый, лысый старичокъ посмотрѣлъ на Евгенію Алексѣевну любопытствующимъ взглядомъ и отрекомендовался:

— Дьяконъ здѣшней церкви, Іорданскій.

О. Николай сказалъ:

— Вотъ у Николая Васильевича тоже садокъ, да плохо отецъ дьяконъ ходитъ за нимъ. Можетъ-быть, васъ послушаетъ.

Дьяконъ только молча насупился. А Евгенія Алексѣевна, пожимая дьякону руку, любезно произнесла:

— Постараюсь быть полезной.

Помолчали. И о. Николай сказалъ:

— Такъ милости прошу, пойдемте...

Дьяконъ, прищуривъ одинъ глазъ, посмотрѣлъ вслѣдъ уходившимъ и вернулся въ кабинетъ къ своимъ занятіямъ.

V.

Въ поповомъ саду было много очень старыхъ яблонь, но было много и подсаженыхъ молодыхъ.

— Вотъ это мы съ моей покойницей, Ольгой Никандровной, въ первый годъ нашего супружества посадили,—съ оттѣнкомъ грусти сказалъ о. Николай, указывая на двѣ стройныя яблоньки, стоявшія особнякомъ недалеко отъ входной калитки. Подъ яблоньками вкопана скамеечка со спинкой и маленькій столикъ, выкрашенные зеленой краской.

Евгенія Алексѣевна не рѣшилась чѣмъ-нибудь отозваться на эту непоказную сторону чужой жизни.

— А какое тутъ, повидимому, разнообразіе сортовъ у васъ!— восхищалась она, останавливаясь у разныхъ деревьевъ.

— Да, это-то есть. По стопамъ незабвеннаго тестя моего покойнаго и мы подсаживали съ разборомъ.

О. Николай называлъ поименно то одно дерево, то другое.

— Вотъ это анисъ сѣрый, вотъ бархатный, вотъ хорошавка бѣлая, черное дерево, бѣлый наливъ—всего есть... А вотъ это деревцо, посмотрите-ка, у меня какое,—уже съ гордостью указывалъ о. Николай на большую, старую яблоню.—Въ прошломъ году съ одного этого дерева пудовъ десять сняли.

— Да, дерево чудное, рѣдкое,—сказала Евгенія Алексѣевна.—Ему, вѣдь, лѣтъ пятьдесятъ будетъ, не меньше.

— Да, вы, пожалуй, угадали. А можетъ-быть и ошиблись вдвое. Я думаю, не посажено ли оно въ то время, когда церковь построили. А церкви нашей сто лѣтъ уже минуло.

Но опытный глазъ Евгеніи Алексѣевны разглядѣлъ на разныхъ деревьяхъ и здѣсь, несмотря на тщательный уходъ за ними, слѣды болѣзней. Нашлась и парша, и гниль, и, въ особенности, плодожорка.

— Опрыскиваемъ, какъ умѣемъ, известковымъ растворомъ,— точно оправдываясь, говорилъ о. Николай,—даже спрыскъ есть у меня, а все не убережешься.

— А вы ловчіе пояса накладывайте,—дѣловито сказала Евгенія Алексѣевна.

— Слыхать о нихъ слыхалъ и на рисункахъ видалъ, а самъ не обвязывалъ, — такъ же дѣловито отозвался о. Николай.

Евгенія Алексѣевна принялась объяснять ему, какъ, про-

стымъ способомъ, дѣлать на стволахъ перевязки изъ соломы и газетъ, чтобы ловить плодожорку.

Отъ яблонь перешли въ ту часть сада, гдѣ были вишни.

— Чудесныя!—искренно восхищаясь, воскликнула Евгенія Алексѣевна.

— Вотъ кисляковка, вотъ родителева,—ласково представлялъ своихъ питомцевъ о. Николай.—Съ вишнями какъ будто меньше хлопотъ, а и здѣсь, не догляди, такъ и на цвѣтъ всякая нечисть забирается.

— А вы ее попрыскайте,—весело учила его Евгенія Алексѣевна.—На ведро полтора золотника швейнфуртской зелени и немного мѣднаго купороса съ известью.

— Это я запишу,—сказалъ о. Николай.

Евгенія Алексѣевна пообѣщала дать ему всякихъ садовыхъ рецептовъ и пригласила его зайти къ ней, въ старостинъ домъ, посмотрѣть привезенные ею листы съ изображеніемъ всѣхъ древесныхъ паразитовъ въ разныхъ видахъ ихъ развитія и съ описаніемъ способовъ борьбы съ ними.

О. Николай заинтересовался. А Евгенія Алексѣевна сказала:

— Вотъ вамъ бы выписать эти плакаты изъ Петербурга и въ вашей церковно-приходской школѣ ввести хоть одинъ урокъ въ недѣлю о плодоводствѣ.

О. Николай пожалъ плечами:

— Радъ бы въ рай, да въ программахъ нашихъ этого нѣтъ.

— А вы безъ программъ.

— Тогда надо не въ школѣ.

Завязался длинный разговоръ сначала о современномъ положеніи школы, низшей, высшей, а потомъ и о всѣхъ больныхъ сторонахъ русской жизни. Онъ наросталъ медленно, развивался какъ бы противъ желанія говорившихъ. Батюшка подходилъ къ щекотливымъ вопросамъ осторожно, точно въ потемкахъ нащупывалъ, куда падаютъ произносимыя слова,—Евгенія Алексѣевна меньше считалась съ осторожностью, чѣмъ съ неохотой разсуждать о томъ, въ чемъ она не считала себя достаточно свѣдущей и къ чему не могла приложить своихъ рукъ. Но сказанныя слова вызывали мысли, мысли цѣплялись одна за другую, требовали выраженія ихъ, выраженныя—обнаруживали одинаковость пониманія жизни и сближали говорившихъ. Садъ, съ его цвѣтущими деревьями, фузиклядіумъ, монилья, медяница и всякіе иные паразиты, съ рецептами борьбы противъ нихъ, оказались на время

позабытыми, и черезъ полчаса Евгенія Алексѣевна и о. Николай уже сидѣли на скамейкѣ подъ яблоней въ задушевной бесѣдѣ на безконечную тему о смыслѣ жизни.

Для Евгеніи Алексѣевны этотъ вопросъ казался яснымъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи ея дѣятельности и, по крайней мѣрѣ, для даннаго времени,—для о. Николая онъ, повидимому, только начинался. Встрѣча съ такимъ человѣкомъ, какъ Евгенія Алексѣевна, только-что порвавшая съ однимъ складомъ жизни и перешедшая къ другому, была для о. Николая въ высшей степени желанной и—при всей ея неожиданности—какъ бы давно жданной. Ему самому не доставало рѣшительности сдѣлать какой-то новый шагъ въ своей жизни, шагъ, самому ему еще неясный, но къ которому его что-то властно подталкивало. И, когда онъ видѣлъ теперь предъ собой эту дѣвушку, такую рѣшительную, духовно сильную, со вспышками такой энергіи въ ея красивыхъ, выразительныхъ глазахъ, онъ чувствовалъ, что рядомъ съ ней и онъ могъ бы въ извѣстную минуту смѣлѣе принять то или иное рѣшеніе. Онъ, такъ горячо любившій свою первую жену, кроткую, добрую, «неземную», пожалуй, болѣе духовную, чѣмъ онъ самъ, такую близкую и дорогую ему, что, на первыхъ порахъ послѣ смерти ея, ему уже вся его будущая жизнь представлялась только въ вѣчной памяти о ней,—онъ вдругъ ясно почувствовалъ теперь то, что уже начинало въ послѣднее время волновать его, какъ смутное предчувствіе: да, у него можетъ зародиться новое влеченіе къ человѣку даже совсѣмъ иного склада, чѣмъ была его Ольга Никандровна.

И вотъ такой человѣкъ сидѣлъ тутъ, рядомъ, и исповѣдывался передъ нимъ такъ просто и въ то же время такъ красиво,—и съ такой увѣренностью въ чистотѣ своихъ помысловъ и въ справедливости своихъ поступковъ!

Евгенія Алексѣевна совсѣмъ и не думала, какія струны затрагиваетъ она въ душѣ о. Николая, разсказывая ему о себѣ. Подготовленная тѣмъ, что ей уже говорили о батюшкѣ у старосты, очарованная теперь его внѣшнимъ видомъ, и она точно обрадовалась случаю «отвести душу» съ хорошимъ человѣкомъ, поисповѣдываться такому случайному духовнику. Ей не пришло бы въ голову «каяться въ грѣхахъ» кому бы то ни было, если-бъ она даже знала ихъ за собой; но открыть свои думы человѣку, къ которому вдругъ почувствовалось довѣріе и съ которымъ потомъ, быть-можетъ, уже никогда въ жизни и не встрѣтишься—это значитъ провѣрить самое себя. Это—какъ посмотрѣться на свое отраженіе въ зеркалѣ чужой души.

— Я принадлежу къ типу «кающихся дворянъ»,—довѣрчиво говорила она.—Я ихъ наслѣдница и въ реальномъ и въ отвлеченномъ смыслѣ слова. У бабушки еще были крѣпостные, отецъ еще помнилъ своего крѣпостного дядьку, и я еще помню богатое дѣтство. Но... бабушкины «выкупные» прожиты ея наслѣдниками до-чиста по всѣмъ «заграницамъ». И я... я пролетарій. Съ того самаго дня, какъ я кончила на казенный счетъ институтъ, я—выражаясь высокимъ слогомъ—уже вступила въ ряды пролетаріата. Вступила безъ всякаго съ моей стороны желанія. А втиснули—и сразу почувствовала свою связь съ нимъ. Боль пролетарской нищеты стала понятна!.. Но я помнила и радость богатства. Въ душѣ была цѣла и связь съ тѣмъ классомъ, къ которому принадлежала по рожденію. И теплое чувство къ нему. Въ тѣхъ, «кающихся», было вѣдь всегда столько прекраснодушія!

Евгенія Алексѣевна посмотрѣла хорошимъ, добрымъ взглядомъ въ синіе задумчивые глаза о. Николая и, помолчавъ, продолжала:

— Я не захотѣла... я, просто, не могла вступить въ ряды борющихся за новыя условія пролетарскаго быта. Всякая борьба была мнѣ всегда по натурѣ противна. Даже всякое обличеніе вызывало во мнѣ еще въ институтѣ отвращеніе къ обличителю. А бороться... брать что-то насильно... у кого-то что-то отнимать,—нѣтъ,—я хотѣла просто быть богатой, чтобъ дарить.

Подумавъ, она добавила:

— Ну, а быть богатой деньгами—это мнѣ было недоступно, и я вотъ бросилась за границу—разбогатѣть тамъ знаніями. Вернула оттуда въ видѣ знаній то, что мои родичи вывезли туда въ видѣ дворянской расточительности. И, когда я теперь дарю народу свои знанія, приносящія ему непосредственную пользу, у меня на душѣ такъ хорошо-хорошо!..

Она замолчала. О. Николай отозвался не сразу. Въ раздумьи, точно задавалъ вопросъ самому себѣ, онъ тихо произнесъ:

— Непосредственная польза!.. Благо вѣрующимъ въ непосредственную пользу.

Ему такъ хотѣлось сказать: «Какъ часто я задумывался надъ пользой, какую приношу я»,—но онъ еще воздержался отъ излишней откровенности. Онъ только сказалъ:

— Да, вы избрали такой родъ дѣятельности, который оставляетъ гораздо меньше сомнѣній въ его прямой полезности, чѣмъ всякое иное учительство... или наставничество.

Евгенія Алексѣевна съ веселой улыбкой возразила:

— У *меня* не оставляетъ никакихъ.

О. Николай тоже съ улыбкой—съ кроткой улыбкой снисхожденія—отвѣтилъ ей:

— Ну, да, вы—вѣрующая въ свое дѣло. Вы изъ тѣхъ, кто ищетъ какой бы то ни было вѣры, хочетъ ея, наконецъ находитъ и вѣритъ.—И онъ утвердительно повторилъ—Вы вѣрующая.

Ей хотѣлось спросить:—«А вы—развѣ нѣтъ?» Не рѣшилась.

О. Николай продолжалъ:

— И благо вамъ! Такіе люди именно и нужны теперь, въ наше время всеобщаго шатанія умовъ. Вѣрьте въ себя!..

Потомъ, точно отвѣчая самому себѣ на свои думы, онъ медленно произнесъ:

— А то представьте, что человѣкъ вдругъ еще задумался надъ вопросомъ: да стоитъ ли заботиться о питаніи тѣла, когда томится духовнымъ голодомъ душа?.. Чѣмъ насытить оскудѣвшую душу?.. Знаете—для здоровья тѣла въ разные возрасты, въ разныхъ климатахъ, въ разныхъ условіяхъ работы, требуется различная или разнообразная пища,—не то ли же и съ пищей духовной!..

— Ну, это ясно!—не задумываясь, отозвалась Евгенія Алексѣевна.—Я вотъ и не захотѣла мучиться этими сомнѣніями и избрала дѣло болѣе простое—болѣе для меня надежное.

— А я и говорю вамъ: отлично!—подтвердилъ о. Николай. И, уже впадая въ ироническій тонъ, шутливо заговорилъ:—А то вѣдь и о пользѣ простой грамотности спорить можно... И грамота можетъ быть «вредна», смотря по тому, какое употребленіе изъ нея потомъ сдѣлаетъ грамотный. Вѣдь еще не такъ давно было время, когда у насъ были мужички, читавшіе только то, что печаталось церковно-славянской печатью. Всякія титла отлично разбирали, а печать гражданскую читали плохо. И презирали всякую «гражданскую» книжку. А теперь—кажется, уже скоро упразднятъ печать церковно-славянскую... да и самый языкъ славянскій... а затѣмъ и насъ, поповъ.

Ни по его тону, ни по выраженію лица, Евгенія Алексѣевна не могла опредѣлить, иронизируетъ ли онъ надъ самой судьбой своей, или только надъ тѣми, кто можетъ такъ думать о будущемъ. И въ свою очередь ея откликъ на слова о. Николая вышелъ не отъ сердца. Выражая не выстраданныя или глубоко продуманныя убѣжденія, а, просто, пользуясь готовыми теоріями и словами, вошедшими въ обиходъ современнаго «искательства», она какъ будто съ увѣренностью возразила:

— Этого никогда не будетъ. Религія несокрушима. Мнѣ кажется, что, напротивъ, сколько бы ни развивалось невѣріе, въ то же время будетъ развиваться искренняя, глубокая религіозность во всѣхъ слояхъ общества. Духовенство можетъ въ будущемъ сыграть еще новую, огромную просвѣтительную, культурную роль. Въ особенности среди крестьянства. Все дѣло въ томъ, чтобъ въ священники шли люди не только вѣрующіе, но разносторонне образованные, съ широкимъ кругозоромъ, беззавѣтно преданные своему служенію.

О. Николай покачалъ головой и въ томъ же ироническомъ тонѣ, но ужъ съ горькой усмѣшкой, произнесъ:

— Ахъ, да! Все дѣло только въ этомъ!.. Въ сущихъ пустякахъ. Такихъ людей вѣдь сколько угодно—стоитъ только кличъ кликнуть.

И потомъ, посмотрѣвъ ей въ глаза ласковымъ взглядомъ, онъ спросилъ ее:

— Вы—съ вашимъ образованіемъ, съ вашимъ кругозоромъ, вы,—какъ я вамъ давеча сказалъ, ищущая какой-нибудь вѣры, вѣрующая, беззавѣтно преданная избранному вами служенію—пошли ли бы вы, будь вы мужчина, въ священники или, скажемъ, какъ женщина, въ священнослужительницы?

Въ мягкомъ, задушевномъ голосѣ о. Николая прозвучали вдругъ ноты почти торжественной строгости. Евгенія Алексѣевна потупилась. Кровь прилила къ ея лицу. Но она молчала недолго, и отвѣтила:

— Нѣтъ!.. Но я не примѣръ. Я не чувствую къ этому призванія... Я, какъ видите, и въ гражданской жизни избрала проповѣдь матеріальныхъ благъ. У меня это, можетъ-быть, атавизмъ... или дурная черта, привитая воспитаніемъ...

— Ну, да,—съ оттѣнкомъ горечи прервалъ ее о. Николай:—такъ и всѣ: «я—не примѣръ... нѣтъ призванія»... А вотъ мы, поповичи, *должны* имѣть это призваніе! Наши жены, изъ поповенъ, должны имѣть призваніе быть нашими женами!

Разговоръ на время прервался. Но сейчасъ же опять, слово за словомъ, возобновился. Начали съ того, что за границей на теологическій факультетъ поступаютъ лица разныхъ сословій, что католичество не знаетъ лицъ «духовнаго происхожденія». Перешли на тему о безбрачіи католическаго духовенства. Тема оказалась щекотливой не только сама по себѣ, но и по отношенію къ каждому изъ говорящихъ. И теперь опять оба останавливались иногда на полусловѣ, не договаривая, боясь, чтобъ не вырвалось наружу то, въ чемъ и самому себѣ не всегда

хочется признаться. Но съ каждой такой неясно выраженной мыслью они незамѣтно дѣлались ближе другъ другу; постепенно между ними устанавливалась духовная связь, нежданная, неподготовленная и готовая затаиться, остаться необнаруженной навсегда.

И это настроеніе, и этотъ разговоръ прервала старуха кухарка, пришедшая спросить, подавать ли обѣдать, такъ какъ уже все готово и наступилъ полдень.

О. Николай спохватился, взглянулъ на часы.

— Какъ мы заговорились!—сердечно сказалъ онъ Евгеніи Алексѣевнѣ. И, нимало не смутившись, добавилъ:—Что-жъ, тѣмъ лучше: позвольте предложить вамъ раздѣлить со мной мою скромную трапезу... Что у тебя тамъ сегодня наготовлено, Ириша?—обратился онъ къ кухаркѣ.

— Да... уха... да лапшеникъ. Больше-то ничего.

— Вы какъ на этотъ счетъ располагали?—спросилъ о. Николай Евгенію Алексѣевну.

— Да никакъ,—весело отвѣтила она.—Думала, у старосты найду что-нибудь—яичницу да молока. Я привыкла въ дорогѣ довольствоваться малымъ.

— Такъ милости прошу. Яишенку-то и у насъ можно будетъ сдѣлать.

Евгеніи Алексѣевнѣ оставалось только поблагодарить.

На крыльцѣ встрѣтили уходившаго дьякона.

— Куда же, отче!—дружески остановилъ его о. Николай.—Пообѣдаемъ.

Дьяконъ, прищурясь, посмотрѣлъ на батюшку и его гостью, и съ удареніемъ на о буркнулъ:

— Нѣтъ, ужъ я домой пойду.

О. Николай съ добродушной улыбкой многозначительно сказалъ:

— Ежели насчетъ «чары», такъ вѣдь и у меня предобѣденная-то найдется.

Дьяконъ взглянулъ повеселѣе, поколебался, но все-таки устоялъ на своемъ:

— Нѣтъ, надо домой. Дьяконица наказывала прибыть непремѣнно. Оттрапезовавъ, вернусь.

О. Николаю хотѣлось, во избѣжаніе пересудовъ, задержать дьякона на обѣдъ съ Евгеніей Алексѣевной; но въ душѣ онъ былъ радъ его уходу: при немъ разговоръ за обѣдомъ принялъ бы совсѣмъ другой характеръ, вдвоемъ же онъ самъ собой явился продолженіемъ начатаго. А воспользоваться случаемъ — поговорить о. Николаю теперь уже хотѣлось неудержимо.

*

И какъ только сѣли за столъ, и батюшка, сыгравъ роль радушнаго хозяина, самъ налилъ Евгеніи Алексѣевнѣ изъ миски ухи, предложилъ хлѣба, и оба хлебнули по нѣскольку ложекъ, онъ первый же вернулся къ волновавшей его темѣ. Но, не рѣшаясь на прямую откровенность, боясь поставить и слушателя въ неловкое положеніе обнаженіемъ язвъ своей души, о. Николай говорилъ о себѣ въ третьемъ лицѣ, обобщалъ частные случаи, и мечту, мысль изображалъ, какъ фактъ. Онъ говорилъ:

— Тайна брака—тайна великая! Влюбленность брачущихся еще не даетъ ея разгадки. Истинная любовь, безъ которой нѣтъ полноты жизни,—любовь, какъ сліяніе душъ,—познается иногда спустя лишь немалое число лѣтъ послѣ брака. Самое пониманіе такой любви не дано не жившимъ брачно.

— Значитъ, что же: ни замужъ выходить, ни жениться никому и никогда не приходится съ пониманіемъ истинной любви?— немного задорно прервала его Евгенія Алексѣевна. — Какая же любовь лежитъ, въ такомъ случаѣ, въ основѣ всѣхъ нашихъ браковъ вообще?

Проповѣдническимъ тономъ о. Николай отвѣтилъ:

— Только зерно любви. Если почва брака была благопріятна, оно распустится пышнымъ цвѣткомъ и дастъ плодъ. Мы видимъ и несчастные браки по страстной любви, видимъ и счастливые по простому влеченію. Возьмите, какъ совершаются браки священнослужителей. Кто не знаетъ, какъ семинаристъ ищетъ невѣсту-поповну, отецъ которой передастъ ему какъ бы въ приданое свой приходъ. А вѣдь вотъ и при этихъ условіяхъ часто выдаются браки счастливые, любовь супружеская истинная.

Помолчавъ, онъ въ раздумьи произнесъ:

— Тутъ имѣетъ, конечно, значеніе и то, что духовнымъ указана только одна жена на всю жизнь.

Посмотрѣвъ на Евгенію Алексѣевну пытливымъ взглядомъ, точно желая угадать, встрѣтятъ ли у нея его слова сочувствіе, о. Николай заговорилъ уже болѣе рѣшительно. Онъ отдавался мысли, не задумываясь надъ ея выраженіемъ. Онъ говорилъ:

— Да, въ такомъ единобрачіи на всю жизнь есть многія и свѣтлыя, и сильныя стороны брака. А вотъ вы представьте себѣ положеніе священника, познавшаго всю красоту возвышенной любви брачной, понявшаго вмѣстѣ съ тѣмъ и всю важность своего мірского священнослуженія, священника, готовившагося своей брачной семейной жизнью быть благимъ примѣромъ для прихожанъ и вдругъ преждевременно овдовѣвшаго...

Голосъ о. Николая, привыкшаго къ церковной акустикѣ,

вдругъ зазвучалъ немного патетичнѣе, а самая рѣчь полилась болѣе стремительно.

— Представьте,—продолжалъ онъ:—что этотъ вдовецъ молодъ, полонъ силъ, и въ монахи идти не хочетъ. Ему нечего дѣлать въ монастырѣ: онъ любитъ міръ, мірскую жизнь, свѣтлую, чистую, чуждую пороковъ, жизнь въ Богѣ, но мірскую. Жизнь со всѣми ея мірскими радостями... Живя въ постоянномъ общеніи съ своими прихожанами, онъ, какъ подвига, жаждалъ принести міру живую, наглядную проповѣдь чистой семейной жизни, какой можетъ и должна быть и жизнь всѣхъ. Онъ хотѣлъ и могъ сдѣлать это, пока смерть любимой жены не обрекла его на вѣчное вдовство. И вотъ, теперь уже не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ бы женатый. Онъ не можетъ не считаться съ соблазнами міра, онъ долженъ будетъ тратить свои духовныя силы на борьбу съ ними, и онъ уже не будетъ тѣмъ цѣльнымъ духовнымъ человѣкомъ, какимъ хотѣлъ бы быть. У него не будетъ даже простой увѣренности, что его мірская проповѣдь внушаетъ полное довѣріе къ нему. Потому что, прежде всего, не будетъ его *живой* проповѣди — личнаго примѣра... И, наконецъ, и самъ-то онъ, въ своемъ одиночествѣ вдовца, можетъ являться объектомъ соблазна для другихъ...

О. Николай пріостановился и, какъ бы умѣряя самого себя въ своемъ увлеченіи, перешелъ отъ тона невольно вырвавшихся жалобъ къ скромному, будто безучастному вопрошенію:

— Что дѣлать въ этомъ положеніи? Какъ чистыя, возвышенныя стремленія къ полнотѣ жизни примирить съ неумолимыми условіями дѣйствительности?

А Евгенія Алексѣевна, внимательно слушая его, смотрѣла на него напряженно. И въ его синихъ, глубокихъ, теперь немного грустныхъ глазахъ она уже улавливала нѣчто большее, чѣмъ простое желаніе разрѣшить общій вопросъ,—улавливала личную душевную тревогу проповѣдника. И хотя она боялась какимъ-нибудь неосторожнымъ словомъ дать новую пищу этой тревогѣ, но его молчаливый, скорбно вопрошающій взглядъ вынуждалъ ее отвѣтить, и она сказала:

— Изъ такихъ положеній выходъ всегда есть: уйти. Сложить санъ, уйти въ міръ, и дѣлать въ мірскомъ званіи то, чего нельзя было осуществить въ положеніи священника.

О. Николай тихо, спокойно, но съ еще болѣе грустнымъ выраженіемъ въ глазахъ, отвѣтилъ:

— Я зналъ, что вы это скажете!.. Когда давеча говорили, какую пользу могло бы принести духовенство въ дѣлѣ распространенія среди крестьянъ сельскохозяйственныхъ знаній, я по-

думалъ: «какая все-таки утилитарная точка зрѣнія на попа»! Я знаю, что за границей, во многихъ мѣстахъ, духовенство эту роль даже сыграло. Но вы не замѣтили, какъ мало интереса проявили вы при этомъ къ самому-то духовенству.

Паѳосъ опять зазвучалъ въ голосѣ о. Николая. Мягко, ласково, съ оттѣнкомъ грусти, онъ говорилъ:

— Вы по-своему правы — вы пришли сюда съ миссіей поднятія матеріальнаго благосостоянія народа. Я принимаю вашу миссію. Всю. Цѣликомъ. Но примите и вы мою—хоть частью. Вѣдь у священника, преданнаго своему дѣлу, кромѣ матеріальнаго благоденствія народа, есть еще своя спеціальная задача: поднимать нравственный уровень, поднимать *жизнь духа* окружающей его среды. Приходится прежде всего тянуть въ высь своихъ ближайшихъ сотрудниковъ...

Онъ пріостановился, задумался и точно хотѣлъ прекратить разговоръ. Временно отвлекъ и приходъ Ириши, перемѣнявшей на столѣ тарелки. Но молчаніе длилось недолго. Евгенія Алексѣевна сказала:

— Да, батюшка, вы правы. Простите, я... не то, чтобъ упустила изъ виду чисто-духовную миссію духовенства, а просто, для меня это разумѣлось само собой. Я только думала, что одно можетъ помогать другому.

О. Николай ничего не отвѣтилъ на это. Сейчасъ его занимало иное и, отдаваясь только теченію своихъ мыслей, онъ говорилъ:

— Вы сказали: «уйти»... Это не трудно. Гораздо труднѣе «прійти». Прійти съ вѣрой, съ готовностью на подвигъ, съ вдохновеніемъ на служеніе, съ дѣйствительной надеждой сдѣлать что-нибудь полезное. Большинство-то вѣдь идетъ въ священники или въ дьяконы не по особому, неудержимому призванію, а потому, что это ближайшій вѣрный кусокъ хлѣба. Часто очень скудный, иногда горькій, но сразу получаемый. Между попами атеисты есть! Но, скажемъ, большинство все люди искренно вѣрующіе и добросовѣстные. И все-таки—много ли между ними свѣтильниковъ вѣры, образцовъ благочестія и истинныхъ пастырей-руководителей своихъ прихожанъ,—такихъ пастырей, которые могли бы для прихожанъ назваться настоящими друзьями и въ обыденномъ, и въ то же время въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова?

— Конечно, найдутся и такіе,—замѣтила Евгенія Алексѣевна:—но, правда, ихъ немного.

О. Николай продолжалъ:

— И вотъ, представьте, что одинъ изъ такихъ священниковъ, для которыхъ ихъ служеніе есть радостный подвигъ, долженъ, какъ вы сейчасъ сказали, «уйти»! Уйти только потому, что онъ, овдовѣвъ, не находитъ полноты жизни въ своей безсемейности и чувствуетъ себя, благодаря вдовству, ограниченнымъ даже въ смыслѣ своего нравственнаго вліянія на прихожанъ и ихъ семьи. Опять-таки, вспомните только безсемейное католическое духовенство.

И, самъ точно что вспомнивъ, онъ, послѣ минутнаго молчанія, заговорилъ тономъ безстрастнаго повѣствованія:

— И представьте себѣ къ этому еще вотъ что. Овдовѣвъ, этотъ священникъ сталъ еще болѣе вѣрующимъ и еще болѣе духовнымъ, благодаря новому для него чувству постоянной связи съ душой усопшей любимой жены... Идя въ священники, женясь, онъ сдѣлалъ это, быть-можетъ, какъ всѣ, по сложившимся благопріятнымъ обстоятельствамъ, но безъ вдохновенія. Постигнувъ въ бракѣ святую истину любви, какъ глубочайшаго единенія душъ,—воспріявъ въ смерти любимой жены-друга великую тайну грядущей неземной жизни, онъ сталъ болѣе подготовленнымъ къ своей миссіи пастыря душъ и друга паствы своей... Какъ же уйти-то?..

— Такъ въ чемъ же дѣло?—прервала его Евгенія Алексѣвна.—Мнѣ кажется, такому человѣку только и остается безбрачіе и одиночество... безсемейность...

О. Николай, съ опущеннымъ взглядомъ, устремленнымъ куда-то вдаль, отрицательно покачалъ головой и убѣжденно произнесъ:

— Нѣтъ!.. потребность въ одиночествѣ бываетъ у овдовѣвшихъ только временно—пока еще свѣжо впечатлѣніе утраты... Потомъ...—наступаетъ страшная тоска о полнотѣ жизни, о той радости, которую давала постоянная близость двухъ любящихъ другъ друга существъ... Съ этой тоской можно помириться, можно скрыть ее, можно заставить ее молчать, но съ этой затаенной тоской душа уже не будетъ имѣть тѣхъ силъ, какія она получаетъ въ счастьи свѣтлой семейной жизни.

О. Николай поднялъ теперь глаза на Евгенію Алексѣевну, и ихъ взгляды встрѣтились. Въ ея глазахъ свѣтилась пытливая энергія, готовность идти на неустанное искательство,—въ его—томилась скованная жажда жизни, смутное ожиданіе чьего-то пришествія. Онъ продолжалъ:

— Я не говорю объ усталыхъ душахъ стариковъ и старухъ, кому остается только молиться словами ектеньи: «прочее

время живота нашего въ мирѣ и покаяніи скончати подай, Господи!» Я говорю о тѣхъ, кто способенъ жить и творить жизнь... Я говорю о великой истинѣ: «мертвый мирно въ гробѣ спи, жизнью пользуйся живущій!» Вѣчная, ненарушимая связь съ душами усопшихъ не можетъ мѣшать нашему сближенію съ живыми—разъ встрѣтится родственная душа. Для овдовѣвшихъ... новый бракъ можетъ вернуть всю полноту духовныхъ силъ, нарушенную смертью одного изъ супруговъ.

О. Николай развивалъ свою мысль осторожно, останавливаясь послѣ каждой произнесенной фразы, съ трудомъ подбирая слова, чтобъ въ томъ, что онъ обобщалъ, не прорвалось слишкомъ рѣзко его личное чувство. И въ то же время что-то властно подталкивало его высказываться и высказываться дальше, нетолько отвлеченно, но и по отношенію къ себѣ самому, и онъ говорилъ:

— Возьмите же теперь въ этомъ положеніи вдовствующаго священника, которому пришлось бы выбирать между своимъ призваніемъ священнослужительства и новымъ бракомъ, сулящимъ ему... безгрѣшную, чистую... свѣтлую и радостную жизнь, но... съ лишеніемъ правъ—правъ его прежняго, столь дорогого ему состоянія. Развѣ это не трагедія!

Голосъ о. Николая на послѣднихъ словахъ немного дрогнулъ.

Евгенія Алексѣевна, въ раздумьи, долго ожидала продолженія. Но о. Николай молчалъ. И она тихо произнесла:

— Да, это трагедія... Но... въ ней даны два выхода... выборъ. Въ томъ или другомъ рѣшеніи потеря одного вознаграждается полученіемъ другого.

Помолчавъ, она также тихо, спокойно продолжала:

— Есть трагедія болѣе глубокая, безвыходная... Трагедія дѣвичьей души, когда она, безъ брака, по вдохновенію, по врожденному инстинкту, постигаетъ всю красоту и радость чистой, свѣтлой супружеской любви,—вотъ трагедія, когда дѣвичья душа жаждетъ этой любви, ищетъ ея—и не находитъ!.. Представьте, что она ни въ своемъ дьяконскомъ... какъ это сказать: званіи... или чинѣ?.. дѣвушки, ни въ своемъ будущемъ санѣ матери не хочетъ помириться ни съ чѣмъ ложнымъ. Такая чуткая дѣвушка скорѣе сдѣлаетъ, какъ вотъ сдѣлалъ вашъ старшій братъ, выйдя изъ духовнаго званія,—она скорѣе выйдетъ изъ своего «званія» женщины, уйдетъ въ мужскую работу и мужскую жизнь, чѣмъ возьметъ себѣ приходъ—семью, если у нея не будетъ вѣры въ то, что въ этой создаваемой ею семьѣ она найдетъ свѣтлую

любовь... Ну, а родственная-то душа все не встрѣчается!.. Готовый, распустившійся цвѣтокъ супружеской любви—истинной любви—не попадается ей на пути!.. А дѣлать опыты, сѣять зерно въ невѣдомую почву и смотрѣть, что изъ него вырастетъ—этого не позволяетъ ей... ни ея дьяконскій чинъ дѣвушки, ни ея будущій санъ матери...

VI.

Затянувшійся обѣдъ еще не былъ конченъ, разговоръ еще продолжался, дьяконъ еще не вернулся, а Евгенію Алексѣевну уже совсѣмъ неожиданно позвали. Вошла въ столовую Ириша и доложила, что пришли мужики, Петръ Сидоровъ да Ѳедоръ, спрашиваютъ «барышню на счетъ садовъ».

Еще когда Евгенія Алексѣевна шла въ сопровожденіи дѣвочекъ къ попу, имъ попался пьяненькій мужиченко и присталъ съ разспросами: кто да что?

— Вотъ вамъ куда,—говорилъ онъ:—къ Петру Сидорову!.. У него первый садъ у насъ! Четыре десятины! Вотъ куда пойдемте.

Евгенія Алексѣевна обѣщала.

Теперь и этотъ вѣстовщикъ, и Петръ Сидоровъ, и какой-то Ѳедоръ стояли у воротъ дома о. Николая въ ожиданіи выхода барышни. Мужики, какъ только вернулись съ поля къ обѣду и узнали о пріѣзжей, спѣшили каждый не упустить своего. Въ село уже наѣзжали и раньше земскіе инструкторы по садоводству; садоводы заподазривали въ нихъ агентовъ скупщиковъ и наперерывъ старались расхвалить свои сады и задобрить пріѣзжаго. Теперь особенно внимательное отношеніе всѣхъ къ Евгеніи Алексѣевнѣ вызывалось тѣмъ, что здѣсь впервые появилась въ такой роли женщина, и притомъ располагавшая къ себѣ всѣмъ своимъ видомъ и обращеніемъ.

О. Николай подалъ Петру Сидорову руку и отрекомендовалъ Евгеніи Алексѣевнѣ:

— Человѣкъ хорошій.

Петръ Сидоровъ, дѣйствительно, имѣлъ почтенный видъ. Рослый, коренастый, по мѣщански одѣтый въ пиджачную пару, въ высокихъ сапогахъ, въ бѣломъ картузѣ, онъ казался тѣмъ, чѣмъ и былъ—мѣстнымъ лавочникомъ. Лицо благообразное, разговоръ степенный, голосъ тихій.

Евгенія Алексѣевна охотно согласилась сейчасъ же пойти

къ нему. Но о. Николай предложилъ ей заглянуть по пути къ псаломщику.

— Дѣлать вамъ тамъ все равно ничего не придется,— шутливымъ тономъ сказалъ онъ:—долго не пробудете, а все-таки вы старика, можетъ-быть, хоть немножко расшевелите. Насъ никого не слушаетъ.

Обратившись къ лавочнику, батюшка сказалъ:

— Ты, Петръ Сидорычъ, проводи-ка барышню-то къ нему.

Тотъ, съ степеннымъ поклономъ, любезно сказалъ:

— Пожалуйте.

Псаломщика застали врасплохъ. Онъ сидѣлъ въ своемъ домикѣ, въ однихъ портахъ и рубахѣ, и крутилъ изъ конскихъ волосъ лесу. Любитель-рыболовъ, онъ собирался сегодня къ вечеру пойти далеко за село на яръ, гдѣ на живца клевали большія щуки. И ничто въ мірѣ не интересовало его теперь такъ, какъ приготовленіе новой крѣпкой лесы. Неожиданный приходъ барышни съ мужиками страшно смутилъ его. Старикъ поспѣшно скрылся за перегородку, чтобъ наскоро одѣться, а изъ-за перегородки вышла старуха-дьячиха, тоже смущенная своей растрепанностью. Услыхавъ, что барышня пришла отъ о. Николая, старуха засуетилась, стараясь всячески выказать барышнѣ свое вниманіе, и, схвативъ головной платокъ и на ходу надѣвая его, сейчасъ же повела Евгенію Алексѣевну въ садъ.

Густо и темно. Какъ въ лѣсу. Все заросло, цвѣту совсѣмъ мало. Евгенія Алексѣевна съ сокрушеніемъ качала головой, глядя на это запустѣніе. Старуха оправдывалась:

— Да вѣдь некому взяться-то!.. Старики мы... Доходы наши плохіе, нанимать не на что.

— Да вѣдь отъ сада-то вамъ и былъ бы доходъ, если-бъ вы хорошенько за нимъ поухаживали.

Подошелъ и дьячокъ. Еще довольно густые, сѣдые волосы его были спереди слегка приглажены, но изъ плохо заплетенной назади коротенькой косички торчали прядки. Подрясникъ былъ надѣтъ что поновѣе, но изъ-за ворота высунулась грязная рубашка.

Онъ поздоровался, отрекомендовался и потомъ повторилъ за старухой:

— Гдѣ ужъ намъ ухаживать!.. Въ прежнія-то времена, бывало, безъ всякаго особаго ухода, велитъ Богъ—столько народитъ, что возблагодаришь Создателя, да и кушаешь весь годъ во славу Божію. Ну, а пришла старость — отнялъ Господь у

насъ и красу и силу, а у сада цвѣтъ и плодъ. Противъ Господа не пойдешь.

— Да вамъ его, просто, хорошенько прорѣдить надо!—съ оттѣнкомъ легкаго раздраженія сказала Евгенія Алексѣевна.

Дьячокъ почувствовалъ ея тонъ и упрямо возразилъ:

— А я такъ думаю, какъ бы вреда не было. Оно—какъ тѣнисто-то, такъ суши нѣтъ. Влагу земля содержитъ, безъ поливки можно обойтись. И въ жаркую погоду погулять тутъ хорошо—тѣнь, прохлада. А какъ солнце-то вездѣ пустишь, такъ вѣдь воды не натаскаешься.

— Богъ труды любитъ! — уже съ добродушной улыбкой заговорила Евгенія Алексѣевна.—Надо порасчистить, надо поливать...

Пьяный мужиченко, не отстававшій теперь отъ компаніи, насупивъ брови, съ важностью замѣтилъ:

— Извѣстное дѣло! Причешись-ка, да помойся-ка, такъ люди на тебя другими глазами смотрятъ!

— Не жалѣйте трудовъ, — дружески уговаривала Евгенія Алексѣевна дьячка.—Вы еще совсѣмъ не старикъ. Посмотрите-ка, какой у васъ черезъ годъ, два, будетъ садъ, если вы его хорошенько устроите. Богъ труды вознаграждаетъ.

Дьячокъ искоса, съ оттѣнкомъ умственнаго превосходства, посмотрѣлъ на нее и ворчливо произнесъ:

— Не всегда!.. Вотъ я раньше былъ въ приходѣ въ селѣ Спасскомъ. Тамъ церковь и домъ священника были на горкѣ, а рѣка подъ горой. Приходъ былъ бѣдный, а матушка-попадья, ретивая была, тоже вздумала для увеличенія доходовъ садъ развести... ну, землянику, огородъ, и все такое. На самомъ солнцепекѣ. Я два года былъ при нихъ — насмотрѣлся. Матушка-попадья до тысячи ведеръ на своихъ плечахъ, бывало, перетаскаетъ, а сниметъ десятокъ огурцовъ да пять кочней капусты. А яблочковъ-то ни единаго и не родило.

Евгенія Алексѣевна спросила дьячиху:

— А у васъ-то садъ давно не родитъ?

— Да ужъ годовъ, чай, двадцать будетъ. Цвѣсти-то цвѣтетъ понемножку, да все пустоцвѣтъ. А которое и завяжется яблоко, такъ зеленое такъ и отпадетъ.

— Ну, вотъ, видите! А вѣдь изъ этого сада можно еще очень хорошій сдѣлать.

— Не нашими руками!—убѣжденно отвѣтилъ дьячокъ. — Нашъ вѣкъ мы и такъ проживемъ.

Петръ Сидоровъ тихо сказалъ Евгеніи Алексѣевнѣ:

— Старика не переубѣдите. Онъ у насъ вродѣ какъ полоумнаго. Пожалуйте-ка ко мнѣ.

Въ огромномъ саду Петра Сидорова Евгенія Алексѣевна сразу почувствовала приливъ энергіи: тутъ было надъ чѣмъ съ удовольствіемъ поработать. Деревья все хорошія, здоровыя, и уходъ за ними, видимо, былъ постоянный, только не совсѣмъ умѣлый. А желанія усовершенствоваться — и у владѣльца, и у его двухъ взрослыхъ сыновей оказалось много. Они наперерывъ задавали дѣловые вопросы, подводили Евгенію Алексѣевну къ отдѣльнымъ деревьямъ, особенно выдающимся своими достоинствами или болѣзнями, сообщали біографическія подробности изъ жизни и старыхъ, и молодыхъ яблонь. Евгенія Алексѣевна точно преобразилась: отъ того элегическаго настроенія, въ которомъ она ушла отъ о. Николая, не осталось и воспоминанія. Лицо ея засвѣтилось такимъ удовольствіемъ, какъ будто для нея, сейчасъ, не было на свѣтѣ ничего болѣе важнаго и интереснаго, чѣмъ вылѣчить вотъ эту яблоню или эту грушу отъ начинающейся болѣзни, которую хозяева сада и не подозрѣвали. Съ ножомъ въ рукахъ Евгенія Алексѣевна скоблитъ кору, сдѣлала уже мазь, уже накладываетъ пластырь, и въ то же время обмѣнивается вопросами и отвѣтами съ окружающими.

Тѣмъ временемъ появились въ саду еще два мужика-садовода, двѣ бабы-сосѣдки, нѣсколько ребятъ. Евгенія Алексѣевна рѣшила воспользоваться случаемъ, чтобъ прочесть импровизированную лекцію. Спосылали, вмѣстѣ съ Лизой, мальчика-подростка къ старостѣ на домъ. Евгенія Алексѣевна велѣла принести оттуда два своихъ свертка листовъ съ картинками, изображающими болѣзни плодовыхъ деревьевъ, и садъ превратился въ аудиторію. Петръ Сидоровъ сначала поморщился-было, увидѣвъ, что народу собралось много, но потомъ вдругъ сразу почувствовалъ приливъ гордости отъ сознанія, что у него тутъ происходитъ нѣчто важное—ученіе. Онъ воодушевился, самъ сталъ размѣщать слушателей, выдвигая ребятъ впередъ, чтобы имъ виднѣе были картинки. Видя отзывчивость аудиторіи, воодушевилась и Евгенія Алексѣевна. Постепенно въ ея объясненія стали вторгаться съ своими замѣчаніями и слушатели, и лекція приняла характеръ общей бесѣды. Каждый старался сказать что-нибудь полезное или задать какой-нибудь вопросъ. Пожилая баба сказала полюбившейся ей лектрисѣ:

— Все бы тебя слушала. Ты ко мнѣ приходи.

— Приду, тетенька, приду.

Другая, помоложе, хвасталась:

— У насъ, въ саду, земля, какъ пухъ, вся потревоженная! Деревца стоятъ веселыя!

Евгенія Алексѣевна, развернувъ одинъ изъ листовъ, показала увеличенныхъ на картинѣ большихъ червей, зародыши которыхъ она только-что сейчасъ сняла съ двухъ, трехъ яблонь. Одинъ изъ мужиковъ обрадовался громадному червю, точно родному:

— Вотъ, вотъ! У насъ *этотъ*, два года тому назадъ, на садъ-отъ напалъ. Такъ мы его съ ребятишками руками передавили. Всего—до-чиста! Сколько ни было, хватаемъ и давимъ, хватаемъ и давимъ! Утро цѣлое проработали надъ имъ, пришли обѣдать, сѣли, такъ ѣсть не можемъ. Супротивно. Такъ съ души и воротитъ, какъ вспомнишь давленыхъ-то. Зато одолѣли. У всѣхъ тотъ годъ пусто было, а у насъ урожай.

Стоявшая за нимъ баба поправила его:

— Зачѣмъ брешешь неправду! Зачѣмъ у всѣхъ? У Митрія, у Василія нешто не одолѣли?

Мужикъ промолчалъ.

Пьяный мужиченко, все время вертѣвшійся около Евгеніи Алексѣевны, теперь понемногу трезвѣлъ. Неожиданно онъ всхлипнулъ и слезливо заговорилъ:

— А у меня нѣтъ, вотъ, нѣтъ садочка. Слушаю—ахъ, хорошо!—а мнѣ ни къ чему!.. Да вы, барышня, не думайте, что я пьяница. Это у меня въ прошломъ мѣсяцѣ моего дядю убили, такъ вотъ я съ горя, значитъ, пью.

Любознательная баба, уже зазывавшая Евгенію Алексѣевну къ себѣ, разсматривала теперь картинку, ткнула въ нее пальцемъ и сказала:

— Вотъ я эту бабочку знаю. Это она деревья портитъ. Сама видала: сейчасъ это головку съ себя спуститъ, останется одно пузичко, а въ пузичкѣ томъ икра...

Сталъ одинъ старикъ разсказывать, будто онъ видѣлъ, какъ жучокъ таскаетъ яйца бабочки-кольцепряда,—одинъ изъ мужиковъ,—видимо,—нездѣшній—вставилъ свое замѣчаніе:

— А я-то бачив! Як він то робить. Наліпляе, наліпляе, и побіг... знов прибіг... и знов наліпляе.

Прежде, чѣмъ кончилась эта бесѣда-лекція, не разъ прерывавшаяся практическимъ примѣненіемъ сдѣланныхъ указаній сейчасъ же на тѣхъ деревьяхъ, которыя давали поводъ къ этому, пришелъ сюда и о. Николай. Петръ Сидоровъ, видимо, очень довольный всѣмъ происшедшимъ въ его саду, обратился къ о. Николаю:

— Батюшка, сейчасъ вотъ мы тутъ растворцемъ покропили—святой бы водицей покропить.

О. Николай одобрительно кивнулъ головой.

— Что же, можно и это. Благое дѣло.

Того же паренька, что бѣгалъ за картинками, послали теперь къ псаломщику, чтобъ тотъ принесъ епитрахиль, кропило, крестъ. Помолились, покропили. Петръ Сидоровъ хотѣлъ-было сунуть батюшкѣ въ руку полтину,—о. Николай отказался:

— Не надо, Петръ Сидорычъ! Къ усердію твоему мое да прибавится.

— Ну, чайку стаканчикъ выкушайте. Самоваръ-отъ, надобыть, готовъ ужъ.

— Это можно.

Выпить чайку охотно согласилась и Евгенія Алексѣевна.

— Во рту промочить хорошо,—шутливо сказала она:—а то весь день говорю—горло—какъ сушеное яблоко стало.

А за чаемъ она заговорила о выгодѣ сушить плоды для продажи. Петръ Сидоровъ отнесся къ этому очень сочувственно и разспрашивалъ о разныхъ печахъ и способахъ сушки.

— Давно объ этомъ думаю, да все не добраться, — раза два повторилъ онъ.

А о. Николай сказалъ:

— Тебѣ-то это хорошо, ты можешь. А вотъ намъ съ мужичками, что побѣднѣе, и не удастся.

— Отчего же?—спросила Евгенія Алексѣевна.

— Да мужичкамъ вѣдь деньги-то поскорѣе осенью на подати надо, а про меня сказали бы: «попъ фабрику завелъ!» Попрековъ не оберешься.

Евгеніи Алексѣевнѣ хотѣлось возразить. Хотѣлось сказать: «Неужели вы руководитесь въ такихъ случаяхъ мнѣніемъ окружающихъ, а не сами руководите имъ?» Но она знала, что, возраженіе за возраженіемъ, можетъ возникнуть споръ, не совсѣмъ удобный для батюшки при постороннихъ, и она промолчала. Она поторопилась выпить свою чашку чаю и пойти по другимъ садамъ, распрощавшись съ о. Николаемъ до завтра. Петръ Сидоровъ предложилъ ей завтра отобѣдать у него.

— Право, ужъ и не знаю,—отвѣтила Евгенія Алексѣевна.— Мнѣ вѣдь завтра дѣлать, вѣроятно, здѣсь будетъ нечего, такъ я пораньше на станцію поѣду, чтобъ къ поѣзду успѣть.

— Да и послѣ обѣда еще успѣете, — возразилъ Петръ Сидоровъ.

— Куда же вы?—спросилъ о. Николай.

Евгенія Алексѣевна, немного вызывающе смотря ему въ глаза, съ улыбкой отвѣтила:

— Все дальше и дальше!

— Такъ скоро.

— Жизнь не ждетъ!

— Погостите у насъ-то,—сказалъ Петръ Сидоровъ.

— Не могу, — шутливо отвѣчала Евгенія Алексѣевна.— У меня ужъ и ямщикъ подговоренъ.

— А кто такой?—спросилъ Петръ Сидоровъ.

— Вашъ, деревенскій, который со станціи меня привезъ. Старичокъ, Никифоръ.

Петръ Сидоровъ усмѣхнулся:

— «Побѣдоносецъ»!.. Ну съ этимъ точно-что—съ разсвѣтомъ надо выѣзжать!

Евгенія Алексѣевна посмотрѣла на Петра Сидорова и на батюшку, и съ улыбкой спросила:

— Почему: «побѣдоносецъ»?

О. Николай, тоже улыбаясь, отвѣтилъ:

— А это онъ самъ въ календарѣ откопалъ, что имя его— Никифоръ — по-гречески значитъ «побѣдоносецъ», — ну, вотъ, мужики надъ старикомъ и смѣются.

Петръ Сидоровъ сказалъ:

— И лошади у него: за смертью ѣздить!.. Да мы на своихъ-то, и послѣ обѣда выѣхавъ, куда тебѣ, задолго до поѣзда-то на станцію васъ предоставимъ. И дороже Никифора-то не возьмемъ.

Евгенія Алексѣевна, съ улыбкой, отрицательно покачала головой:

— Зачѣмъ же я буду старика обижать! Я обѣщала. Доѣдемъ.

— Ну, напредки милости къ намъ просимъ, — сказалъ Петръ Сидоровъ, провожая ее до крыльца.

Только вечеромъ, къ закату, вернулась Евгенія Алексѣевна на свою «квартиру», къ старостѣ. Вернулась усталая, загорѣлая отъ работы на солнцѣ, но въ хорошемъ, бодромъ настроеніи: она сегодня много сдѣлала, ея день не пропалъ даромъ.

Анна Ивановна уже приготовила для нея въ избѣ, какъ было и вчера, сѣнникъ на двухъ рядомъ составленныхъ лавкахъ, приготовила ей парного молока и ржаного хлѣба.

— За все, за все спасибо, Анна Ивановна,—весело благодарила ее Евгенія Алексѣевна, беря костлявую руку старухи въ обѣ свои руки.—Покойной ночи вамъ.

— Чего еще не надо ли?—тронутая ея ласковостью, заботливо спросила ее старостиха.

— Ничего, ничего не надо, милая Анна Ивановна. Я вотъ немного попишу — такъ у меня и подсвѣчникъ, и свѣчки, и спички, все въ чемоданчикѣ есть. Ничего мнѣ не надо.

— Ну, почивай, матушка, съ Богомъ,—ласково попрощалась съ ней старуха.—А ежели что занадобится, такъ мы вотъ тутъ со старостой легли—по-лѣтнему—за пологомъ.

Евгенія Алексѣевна сокращенно записывала въ свой отчетный дневникъ все, что она дѣлала въ теченіе дня: гдѣ была, что видѣла, съ кѣмъ говорила, нужное и ненужное. Не отступила она отъ этого и сегодня. Не записала только ничего изъ задушевной бесѣды съ о. Николаемъ. Начала-было, задумылась—и рѣшила пропустить. Писала, а глаза слипались. Кончила, скоро-на-скоро раздѣлась и уснула крѣпкимъ, спокойнымъ сномъ.

VII.

Проснулась Евгенія Алексѣевна рано. Но, послѣ крѣпкаго сна, голова была свѣжа, и глаза смотрѣли ясно. Услыхавъ, что въ сѣняхъ уже ходятъ, она, чтобъ не стѣснять хозяевъ, поспѣшила встать. Въ ногахъ, однако, почувствовала тяжесть. «Еще бы! Вчера—цѣлый день была на ногахъ. Разомнутся!..»

Лиза предложила ей пойти купаться.

— А близко рѣчка?

— Близехонько. Въ минуту сбѣганемъ.

— Сбѣганемъ!

Боже, какъ хорошо было въ маленькой рѣчкѣ! Не глубока, она быстро нагрѣвалась, а за ночь успѣла поостыть, и теперь вода была такая свѣжая-свѣжая, но не холодная. Всякія ощущенія вчерашней усталости исчезли у Евгеніи Алексѣевны, едва она окунулась. По тѣлу сначала пробѣжали мурашки, потомъ вдругъ стало тепло-тепло. И Евгеніи Алексѣевнѣ захотѣлось шалить, дурачиться. Она, какъ большая рыбина между маленькими рыбешками, плавала въ мелкой рѣчонкѣ, руками почти касаясь дна, потомъ вскакивала, плескала водой на Лизу и смѣялась и кричала ей:

— Побѣжимъ!

И обѣ старались бѣжать взапуски—черепашьимъ шагомъ—по гладкому, песчаному дну, бороздя воду, едва прикрывавшую

у Евгеніи Алексѣевны колѣни. Весело,—даже Лиза, по брюхо въ водѣ, стараясь бѣжать и разгребая передъ собой руками воду, начала громко смѣяться.

Но за кустами, на песчаномъ бережку, показалась спускавшаяся къ водѣ баба съ бѣльемъ на коромыслѣ, и купальщицы присмирѣли.

— Баста, Лиза! Домой!

У Евгеніи Алексѣевны было намѣчено на сегодня побывать еще въ двухъ садахъ, а къ полудню, пораньше пообѣдавъ, долженъ былъ подать лошадей Никифоръ.

Когда Евгенія Алексѣевна, успѣвъ побывать не въ двухъ, а въ четырехъ садахъ, вернулась домой, лошади уже ждали у воротъ. Никифоръ, тощій, сѣдой старикашка, съ трясущейся головой, съ согнутой спиной, молча поклонился.

— Здравствуй, дѣдушка,—сказала Евгенія Алексѣевна.— Сейчасъ, сейчасъ буду готова, и ѣдемъ. Успѣемъ, вѣдь?

— Поспѣемъ, какъ не поспѣть—не впервой!—съ убѣжденіемъ прошамкалъ беззубый Никифоръ.

Евгенія Алексѣевна вошла въ калитку, а Никифоръ почему-то поправилъ сбрую у смирно стоявшихъ лошадей и погладилъ морду коренного.

— Стой, Рыженькій, стой, миленькій,—ласково прошепталъ Никифоръ.

И Рыженькій въ знакъ согласія основательно мотнулъ головой.

Коренникъ былъ славный рыжій коняга, еще молоденькій, съ веселыми глазками—добродушный мужицкій парень. А въ пристяжкѣ была старая сивая кобыла, съ опущенной головой и отвислой губой. Немало она на своемъ вѣку родила такихъ пареньковъ, какъ запряженный теперь въ корню; много она потаскала соху по пашнѣ; много побѣгала по разнымъ проселочнымъ дорогамъ въ пыль и въ дождь, въ путь и въ распутину — но тѣло до сихъ поръ держала. Отъ соломы, которой ее часто кормили, вмѣсто сѣна, отъ мякины, да отъ материнскихъ трудовъ ее такъ вспучило, что она и сейчасъ казалась жеребой. Пристегивали ее въ парѣ больше для видимости, для счету,—вывозилъ одинъ коренничокъ; но и она по старой памяти и по свойственному ей чувству товарищества въ горку постромки натягивала. Тарантасикъ маленькій, на короткихъ дрогахъ, и почти такой же старенькій, какъ самъ Никифоръ. Когда Никифоръ на всякихъ дорожнихъ выбоинахъ и кочкахъ сдерживалъ ретивость Рыженькаго, онъ столько же оберегалъ свои собственныя кости, сколько кости своего старенькаго тарантаса.

Никифору не пришлось уснуть въ ожиданіи: барышня закусывала недолго и такъ мало, что Анна Ивановна даже завернула ей въ бумагу крутыхъ яицъ и хлѣба съ солью въ дорогу. Евгенія Алексѣевна заплатила за постой, что́ спросили, на прощаніе съ Анной Ивановной и Лизой расцѣловалась, староста вынесъ ей чемоданчикъ, Лиза—подушки. Когда Евгенія Алексѣевна сѣла въ тарантасъ, еще разъ попрощались, и Никифоръ махнулъ кнутикомъ.

Немного отъѣхавъ, Евгенія Алексѣевна сказала:

— По дорогѣ остановись у батюшкина дома, дѣдушка: заѣду съ о. Николаемъ проститься.

— Хорошо, — съ видимымъ удовольствіемъ отвѣтилъ Никифоръ; и, помолчавъ, спросилъ:—А вы не сродственница о. Николаю-то будете?

— Нѣтъ. — Заинтересованная вопросомъ, Евгенія Алексѣевна въ свою очередь спросила:—А что?

Никифоръ машинально отвѣтилъ:

— Такъ.

Отвѣтъ не удовлетворилъ Евгенію Алексѣевну.

— Нѣтъ, все-таки почему ты спросилъ, дѣдушка?

— Да думается: хорошіе люди, такъ сродни.

— Да почему ты думаешь, что я хорошая? Развѣ это такъ?

— Похоже на то.

— Вотъ о. Николай у васъ хорошій.

Никифоръ только утвердительно мотнулъ головой и ничего не сказалъ. Евгенія Алексѣевна, помолчавъ, весело произнесла:

— Хорошіе люди во всемъ мірѣ другъ другу сродни, дѣдушка.

Никифоръ немного повернулся на козлахъ въ ея сторону и не то вопросительно, не то удивленно произнесъ:

— Гм!..

Прощаніе съ батюшкой было недолгое. Онъ посѣтовалъ, что Евгенія Алексѣевна заѣхала къ нему уже только по дорогѣ, пожалѣлъ, что она такъ скоро покидаетъ ихъ село. Все обычныя слова.

Но и по взгляду, и по тону о. Николая Евгенія Алексѣевна видѣла, что у него за этими общими фразами кроется настоящая грусть. О. Николай только что кончилъ обѣдать, дьякона тутъ не было, и казалось, вотъ, вотъ опять по вчерашнему завяжется душевная бесѣда. Но не было повода начинать ее. Евгенія Алексѣевна сидѣла въ своемъ дорожномъ костюмѣ, на кончикѣ стула; за воротами ждали лошади; и, вмѣсто словъ,

настроеніе о. Николая выразилось только краснорѣчивымъ молчаніемъ, въ которомъ онъ нѣкоторое время смотрѣлъ на Евгенію Алексѣевну. Наконецъ, онъ сказалъ ей:

— Вы промелькнули въ нашей глуши, какъ свѣтлое видѣніе... Хотѣлось бы встрѣтиться съ вами опять!

— Только гора съ горой не сходятся, батюшка,—скромно отвѣтила Евгенія Алексѣевна.

— Хотѣлось бы хоть знать о васъ! Напишите хоть когда-нибудь...

— Съ удовольствіемъ, батюшка.

— Я тоже подѣлюсь съ вами какъ-нибудь нашими деревенскими настроеніями.

— Пожалуйста!

Евгенія Алексѣевна передала ему карточку со своимъ петербургскимъ адресомъ.

Заговорили о ея дальнѣйшемъ теперешнемъ маршрутѣ. О. Николай указалъ ей нѣсколько помѣщичьихъ садовъ въ ихъ уѣздѣ, порекомендовалъ, между прочимъ, заѣхать въ женскій монастырь. Прощаясь, она старалась быть какъ можно внимательнѣе и сердечнѣе съ о. Николаемъ; по той душевной близости, какая образовалась-было между ними вчера—сейчасъ у нея уже не было.

О. Николай проводилъ ее на крыльцо и вернулся въ домъ, только когда она, уже отъѣхавъ и оглянувшись, еще разъ привѣтливо кивнула ему головой.

Онъ вышелъ въ садъ; постоялъ на дорожкѣ; безцѣльно, безучастно посмотрѣлъ на цвѣтущія, обвѣянныя ароматомъ яблони; потомъ тихо, медленно дошелъ до скамеекъ у столика, сѣлъ, облокотился и, свѣсивъ на руки голову, задумался.

Думалось обо всемъ, о чемъ онъ говорилъ вчера съ этой нежданной гостьей!.. Думалось о своемъ одиночествѣ, объ окружающей его средѣ,—съ кѣмъ опять остался! Вспоминалось прошлое... семинарія... поѣздка въ Петербургъ... покойница-жена... Какъ манящій призракъ, встала дума о монашествѣ, мечта объ Академіи, соблазны честолюбія... И опять мечта о другой возможной — тихой, семейной жизни... Прозвучалъ, какъ стонъ, подавленный вздохъ о разбитыхъ надеждахъ, о тѣхъ невозвратныхъ счастливыхъ минутахъ, которыя онъ проводилъ вотъ здѣсь же, на этой скамейкѣ, рядомъ съ Олей...

Не вспоминался только внѣшній обликъ Евгеніи Алексѣевны. Мелькнула, подняла со дна души всѣ спавшія тамъ тревоги и сомнѣнія — и оставила его наединѣ съ ними. Но, какъ не осталась

сама, такъ не оставила въ его памяти прочнаго отпечатка своего образа. И только все кажется о. Николаю, что кто-то, она ли, не она ли — стоитъ около него и, незримо, смотритъ на него. На мгновеніе промелькнетъ въ душѣ какое-то чувство, не то стыдъ, не то раскаяніе, что онъ такъ легко обнажилъ язвы своей души предъ этой дѣвушкой, но сейчасъ же другое чувство подсказываетъ ему оправданіе: въ тѣхъ словахъ прорывалось наружу все давно искавшее выхода, а въ этой дѣвушкѣ было что-то, что неудержимо влекло на признанія...

Когда о. Николай черезъ полчаса всталъ, чтобъ идти къ уже дожидавшемуся его въ его кабинетѣ дьякону, глаза его были красны отъ невыплаканныхъ слезъ.

Ал. Луговой.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОТВѢТЪ.

Я пришелъ въ горячій полдень
И сказалъ: «люби меня!
Посмотри, какъ пышетъ небо
И дрожитъ дыханье дня,

Какъ въ окно съ луговъ сосѣднихъ
Льется пряный ароматъ,
Какъ разросся съ буйной силой
Твой, печальный прежде, садъ!..

Убери въ корону косы
И пойдемъ далеко въ рожь...
День сегодня такъ роскошенъ,
Міръ сегодня—такъ хорошъ!

Я хочу во ржи волнистой,
Средь ликующихъ полей,
Пѣсни пѣть о дивномъ солнцѣ
И о юности твоей»...

Но съ улыбкой, чуть замѣтной,
Ты отвѣтила тогда:
«Я люблю лишь темной ночью,
Въ яркій полдень—никогда»...

И, поднявъ высоко руки
Надъ кудрявой головой,
Ты мнѣ бросила, чуть слышно:
«Часъ ночной возьми: онъ твой»..

Леонидъ Старкъ.

ВЪ ГЛУБИНѢ ПРЕИСПОДНЕЙ.

(По замѣткамъ, писаннымъ въ ней самой).

(Окончаніе) [1].

Очнувшись отъ своихъ воспоминаній къ окружавшей меня теперь дѣйствительности, я подошелъ опять къ покрытой пылью рамѣ моего тюремнаго окна посмотрѣть еще разъ на сѣрыя фигуры, вяло ходящія по круглой дорожкѣ, и вдругъ я почувствовалъ, что сравненіе этой тюрьмы съ угольными рудниками было не въ ея пользу! Тамъ все же есть перемѣны! Тамъ все же каждый день поднимаешься на поверхность, можешь броситься на грудь матери-земли, посмотрѣть на широкій просторъ, на луну, на звѣзды... Да и въ глубинѣ земли каждый разъ можешь встрѣтить что-нибудь удивительное: необычайный стволъ сигилляріи, или кусокъ чешуйчатаго лепидодендрона... Можешь сдѣлать серьезную, въ научномъ смыслѣ, находку... А здѣсь?

На дворѣ подъ моимъ окномъ раздался вновь ударъ колокола, и вся сѣрая, бритая, печальная толпа медленно пошла обратно въ свои камеры. Большинство гулявшихъ даже и не простились другъ съ другомъ. Дворъ опустѣлъ, я тоже отошелъ отъ окна и старался представить, какъ они разошлись теперь по своимъ камерамъ, молчаливо сѣли на свои койки или табуреты и, подперевъ рукой голову, думаютъ... о чемъ?

Отдаленные раскаты грома вывели меня изъ раздумья и, какъ всегда, вызвали у меня въ душѣ какой-то родственный отзвукъ... Вспомнились любимые съ дѣтства стихи:

---

[1]) См. май, 1913 г., стр. 132—1175.

Скучно безъ счастья и воли!
Жизнь безконечно-длинна.
Буря бы грянула что-ли!
Чаша съ краями полна.
Грянь надъ пучиною моря,
Въ полѣ, въ лѣсу засвищи!
Чашу народнаго горя
Всю расплещи!

Я тихо повторилъ эти стихи Некрасова и съ новымъ чувствомъ бодрости подошелъ къ окну, призывая приближающуюся грозу грохотать сильнѣе. Ея порывы дули уже въ мое окно, я жадно вдыхалъ свѣжій воздухъ, раскрывалъ передъ нимъ свою грудь...

И то же самое, казалось, дѣлалъ теперь молодой узникъ, только что выпущенный на дворъ, въ такихъ же холщевыхъ штанахъ, курткѣ и шапочкѣ, какъ у другихъ, но на этотъ разъ уже одинокій и въ кандалахъ, надѣтыхъ на его ноги и подвязанныхъ къ поясу.

«Вѣрно, политическій!»—подумалъ я.

Мальчикъ лѣтъ пяти, очевидно, сынъ кого-то изъ служащихъ въ тюрьмѣ, подбѣжалъ къ нему и схватилъ за руку, очевидно, давно познакомившись съ нимъ при такихъ же одинокихъ прогулкахъ.

— Разскажи еще что-нибудь!—послышался его тонкій голосокъ.

И ребенокъ, быстро перебирая ножками, бѣжалъ, чтобы не отстать отъ своего спутника. Тотъ ласково погладилъ его по бѣленькой головкѣ, отвѣтилъ ему что-то неслышное для меня, очевидно, прося дать немного походить. Но тотъ не отставалъ, бѣжалъ за нимъ кругъ за кругомъ, а разводящій сторожъ лѣниво стоялъ подъ навѣсомъ, не вмѣшиваясь въ эту сцену.

«Хоть это хорошо»!—подумалось мнѣ.

Но вотъ новый сильный порывъ вѣтра поднялъ надъ дворомъ облако наружной уличной пыли, грянулъ новый ударъ грома, и крупныя капли дождя начали падать на печальный дворикъ и звонко ударять по желѣзному подоконнику моего окна. Мальчикъ побѣжалъ домой, а молодой узникъ продолжалъ быстро ходить кругомъ по своей ничѣмъ не прикрытой дорожкѣ, какъ будто ничего не замѣчая.

Дождь превратился въ ливень. Въ одну минуту вся его полотняная одежда, промоченная насквозь, стала сѣрой и

облипла кругомъ его тѣла. Съ каждаго ея висячаго края текли потоки воды... Удары грома и вспышки молніи каждую секунду смѣняли другъ друга. Его сторожъ давно спрятался подъ навѣсомъ, а онъ все ходилъ и ходилъ, тѣмъ же быстрымъ, ровнымъ шагомъ, и вся его молодая, сильная фигура, стройная несмотря на казенный костюмъ, была олицетвореніемъ полнаго безразличія.

Но вотъ прозвучалъ новый ударъ колокола, и онъ, повернувшись, вошелъ въ тюремныя двери.

Я зналъ, по своему прежнему опыту, что перемѣны платья и бѣлья у него не было. Казенная одежда выдается по субботамъ на цѣлую недѣлю въ одномъ экземплярѣ и другой до субботы вы не получите, что бы съ вами ни случилось. Сниметъ ли онъ ее, возвратившись въ свою камеру, въ такую же маленькую, пыльную и темную, какъ моя, или такъ и оставитъ все на себѣ сохнуть до завтра на своемъ мокромъ, дрожащемъ отъ сырости, тѣлѣ? Перенесетъ ли онъ эту прогулку, или получитъ бронхитъ, а потомъ и чахотку, и отнесется къ нимъ такъ же презрительно-равнодушно? Или это просто молодая увѣренность въ своихъ силахъ, готовая лицомъ къ лицу встрѣтить всякую невзгоду, все побѣдить или умереть?

Этимъ закончились прогулки подъ моимъ окномъ. Мнѣ, какъ новому, она еще не полагалась.

Стало смеркаться.

Я досталъ изъ своего фотографическаго мѣшка часть булки, нѣсколько ломтиковъ колбасы, запилъ ихъ кружкой приготовленнаго мною чая и сталъ вновь ходить взадъ и впередъ по камерѣ.

Мнѣ подали зажженную лампочку. Времени дня я не зналъ, такъ какъ здѣсь не допускалось часовъ. Почувствовавъ наконецъ легкую физическую усталость, давшую мнѣ надежду на возможность сна, я легъ на свой мѣшокъ съ соломой и дѣйствительно, забылся глубокимъ сномъ.

Долго ли я спалъ—не знаю. Я сразу былъ разбуженъ грохотомъ замковъ своей отворяющейся двери. Въ окнѣ еще была полная темнота, въ моей камерѣ по-прежнему тускло свѣтила ночная лампочка.

— Одѣвайтесь, и захватите съ собою всѣ вещи!—сказалъ мнѣ корридорный дежурный.—Васъ ждутъ внизу этапные для увоза.

— Развѣ уже утро?—спрашиваю.

— Нѣтъ, еще вечеръ, но васъ приказано отправить отсюда сегодня же немедленно.

Я собралъ свои вещи и вышелъ изъ камеры.

— Была здѣсь моя жена? — спрашиваю дежурившаго въ пріемной чиновника.

— Нѣтъ!—отчетливо отвѣчалъ онъ и, какъ оказалось потомъ, солгалъ, потому что бѣдная Ксана была здѣсь второй разъ незадолго до моего увоза, но ее снова не пустили.

Началась обычная процедура обыска, особенно тщательная въ этотъ вечеръ.

— Пойдемте!..—сказалъ мнѣ, наконецъ, старшій.

Я взялъ свой чайникъ и мѣшокъ. Оба солдата, обнаживъ сабли, подняли ихъ на плечо и пошли вплотную рядомъ со мной по обѣимъ сторонамъ, а старшій шелъ сзади меня, постоянно прикасаясь рукой къ верху моей спины и какъ бы показывая этимъ, что попытка къ бѣгству безнадежна: онъ меня сейчасъ же схватитъ за шиворотъ. Наконецъ, воспользовавшись догнавшимъ насъ извозчикомъ, возвращавшимся въ городъ, онъ крикнулъ ему:

— Извозчикъ! Сколько возьмешь къ вокзалу?

— Сорокъ копеекъ!—отвѣчаетъ тотъ.

— Садитесь!—сказалъ онъ мнѣ.—Иначе не успѣемъ къ уходу поѣзда.

Я сѣлъ, онъ помѣстился рядомъ со мною, двое солдатъ прикрѣпились противъ насъ на маленькой скамеечкѣ, и мы рысцой поѣхали въ городъ къ вокзалу.

Подошли вагоны, и меня, окруживъ толпой конвойныхъ, провели въ самый послѣдній изъ нихъ, въ вагонъ 3-го класса, гдѣ предупрежденный заранѣе кондукторъ отвелъ насъ въ «служебное отдѣленіе»—въ задней части вагона.

— Сюда никого нельзя пускать кромѣ контролера!—сказалъ ему старшій.

— Никто и не будетъ,—отвѣчалъ тотъ.—Только я обязательно долженъ проходить черезъ вашу часть на заднюю площадку наблюдать за дорогой и фонарями.

Въ отдѣленіи было два купэ съ поднимающимися скамейками. Въ первомъ изъ нихъ, закрывъ занавѣской окно, помѣстили меня и двоихъ конвойныхъ напротивъ меня. Третій и четвертый конвойные помѣстились на скамеечкѣ противъ этого отдѣленія.

Такова была моя теперешняя, уменьшенная, послѣ телеграммы изъ Петербурга, стража.

Начала прибывать публика и, не находя свободныхъ мѣстъ впереди, постоянно пріотворяла двери въ наше отдѣленіе, чтобъ поискать въ немъ мѣста.

— Нельзя, нельзя!—кричали заглядывающимъ конвойные, захлопывая наши двери передъ ихъ носомъ.

Попытался войти смазчикъ—его выставили, несмотря на протестъ, что онъ служащій, и что это служебное отдѣленіе. Попытался войти и сѣсть жандармскій унтеръ—выставили и его, несмотря на синій мундиръ, и онъ, можетъ быть, тоже присланный для соглядатайства за нами, былъ принужденъ тоже сѣсть за дверьми, несмотря на его заявленіе, что онъ жандармъ и имѣетъ право.

— Кто бы вы ни были—не пущу!—говорилъ рѣшительнымъ, авторитетнымъ тономъ мой старшій.—У меня своя инструкція и, если вы недовольны—можете жаловаться по начальству, а не здѣсь!

Разспросивъ конвойныхъ, откуда они родомъ (такъ какъ они всегда боятся молчаливыхъ арестованныхъ), я сказалъ имъ, для дальнѣйшаго успокоенія, нѣсколько безхитростныхъ шутокъ. Потомъ я удовлетворилъ и ихъ любопытство, сказавъ, что посаженъ на годъ за стихи, но никакъ не могъ объяснить имъ, почему меня везутъ съ усиленной охраной. Вѣроятно, поэтому трое изъ нихъ, и въ томъ числѣ и старшій, рѣшили всю ночь не спать. Уложивъ четвертаго въ запасъ, они начали наблюдать за каждымъ моимъ движеніемъ.

Не дождавшись отхода поѣзда, я влѣзъ, къ ихъ видимому удовольствію, на верхнюю скамью, и, снявъ башмаки, такъ безпокоившіе ихъ своими пятками, оставилъ ихъ у нихъ внизу. Подъ голову себѣ я положилъ свой мѣшокъ отъ фотографическаго прибора и прикрылся вынутою изъ него простыней. Несмотря на всѣ усилія, я долго не могъ заснуть. Я слышалъ въ полудремотѣ, какъ медленно двинулся поѣздъ и наконецъ помчался полнымъ ходомъ куда-то, въ глубокій мракъ ночи.

Сильно зазвякали цѣпи, мѣрно закачался вагонъ на своемъ ходу, а въ головѣ моей вдругъ воскресло и неотвязно, какъ муха, начало повторяться, все снова и снова, трудно смысленное и давно забытое мною стихотвореніе:

По стезѣ своей затѣйной
Ѣдетъ поѣздъ мой идейный,
Легкокрылый, тиховѣйный,—
По стезѣ своей затѣйной!

Мчись же, поѣздъ окрыленный
Передъ толпою милліонной,
Желтой, красной и зеленой,—
Мчись, мой поѣздъ окрыленный!

Я въ тебѣ поѣхалъ смѣло
Въ край волшебный грезъ безъ тѣла,
Въ край, гдѣ утро заалѣло,
Я въ тебѣ поѣхалъ смѣло!

Сколько десятковъ разъ въ моемъ утомленномъ мозгу произнеслось это стихотвореніе—я не могу сказать. Несмотря на всѣ усилія, я не былъ въ состояніи прервать его какъ сказку о бѣломъ бычкѣ. Ритмическія ли сотрясенія поѣзда подсказывали его мнѣ, или сходство моего настроенія съ тѣмъ, при которомъ я его написалъ? Оно было составлено мною три года тому назадъ, когда я лежалъ, стиснувъ зубы, полураздѣтый, на оперативномъ столѣ подъ ножомъ хирурга, вырѣзывавшаго у меня небольшую кисту, послѣднее наслѣдіе шлиссельбургскаго заключенія. Я записалъ его потомъ, какъ только перенесли меня со стола въ постель, и самъ не могъ ясно понять его туманнаго смысла.

И вотъ теперь всю ночь въ этомъ печальномъ поѣздѣ, везущемъ меня куда-то, «въ край волшебный грезъ безъ тѣла», мои стихи сразу вспомнились мнѣ и дѣлали монотонный аккомпаниментъ къ моему пути.

Я чувствовалъ, что это симптомъ болѣзненнаго состоянія моего мозга, и вспомнилъ слова Ксаны, сказанныя ею въ концѣ одного изъ нашихъ свиданій:

— Будемъ смотрѣть на этотъ періодъ, какъ на тяжелую болѣзнь, которую приходится перенести.

Какъ я заснулъ, не помню, но новый яркій сонъ, скорѣе кошмаръ, оставилъ въ моей памяти такое отчетливое воспоминаніе, что я помню его и безъ замѣтки на обложкѣ своего чаю, которой не могъ сдѣлать на своемъ пути, благодаря неустанному наблюденію конвойныхъ за каждымъ моимъ шагомъ.

Мнѣ казалось,—и это было совсѣмъ отчетливо, какъ на яву,—что, запустивъ свои пальцы въ волосы, я почувствовалъ, тамъ нѣчто неладное. Между ними выросли, да и еще выростаютъ, желтые цвѣты вродѣ лютиковъ, но только не высокіе, а на толстыхъ, короткихъ ножкахъ, составляющихъ непрерывное продолженіе моей кожи. Нѣсколько изъ нихъ уже подняли свои вѣнчики между моими волосами, какъ въ травѣ, другіе были еще въ бутонахъ подъ ними, а два на одной вѣткѣ уже увядали. Я оборвалъ ихъ тычинки и разсматривалъ. Онѣ были совсѣмъ обыкновенныя, даже съ пыльцой. Однако, меня нисколько не радовало такое украшеніе моей головы, а, напротивъ, очень огорчало. Оно представлялось мнѣ накожной болѣзнью, вродѣ парши, и я хотѣлъ оборвать въ волосахъ всѣ цвѣтки. Они рвались съ трудомъ, но

безъ боли, и въ отверстія оставшихся стебельковъ просачивался изъ моей кожи какой-то бѣлый густой сокъ, который застывалъ тутъ же, какъ болячка. При всякомъ проведеніи рукой по головѣ, я сковыривалъ болячку и вызывалъ новое истеченіе того же самаго сока. Все это страшно мучило меня, но я зналъ, что лѣкарства отъ такой болѣзни нѣтъ.

Я проснулся посреди ночи, взглянулъ внизъ со своего высокаго мѣста и еще разъ убѣдился въ полуосвѣщенной темнотѣ вагона, что спитъ на скамьѣ подо мною только одинъ конвойный, а старшій и второй солдатъ сидятъ противъ него и тихо говорятъ между собою,—о чемъ—нельзя было разслышать изъ-за звуковъ движущагося поѣзда,—а третій даже стоитъ у двери!

«Все еще страшно боятся моего побѣга»!—подумалъ я и, повернувшись на другой бокъ, вновь заснулъ.

Считая, что въ такомъ путешествіи, какъ мое теперешнее, лучше всего дольше спать, я валялся на своей жесткой скамьѣ почти до полудня и всталъ только тогда, когда моимъ бокамъ стало слишкомъ больно, несмотря на поворачиванія къ жесткой скамьѣ поочередно всѣхъ мѣстъ моего тѣла. Да и тяжесть въ головѣ давала знать, что болѣе продолжать лежанія мнѣ нельзя, не вызвавъ у себя головной боли.

Прежде всего я увидѣлъ этого ѣхавшаго съ нами жандарма въ отворившуюся дверь, при входѣ одного изъ моихъ конвойныхъ. Онъ скромно умѣстился кое-какъ на боковой скамьѣ вагона непосредственно за нашей дверью и ѣхалъ тоже до Кіева.

Двое дежурившихъ ночью конвойныхъ, повидимому, успокоились теперь. Они лежали и храпѣли внизу, а старшій заснулъ сидя. Бодрствовалъ только одинъ, выспавшійся за ночь и очевидно смѣнившій остальныхъ.

Но едва я спустился и, вынувъ мыло и полотенце, приготовился идти въ уборную, какъ всталъ еще одинъ и, быстро проскользнувъ впереди меня, вошелъ въ нее первый и остановился у окна, чтобъ я не могъ въ него выскочить. Другой, послѣдовавшій за мною, всталъ у двери, и все это продолжалось, пока я не окончилъ своего туалета и не былъ въ томъ же порядкѣ слѣдованія водворенъ въ свое отдѣленіе.

На ближайшей станціи одинъ изъ конвойныхъ принесъ мнѣ кипятку. Заваривъ большую порцію, я предложилъ имъ пить вмѣстѣ со мною.

— Денегъ у меня не взялъ предыдущій конвой,—говорю я имъ.—Не предупредили о моемъ отъѣздѣ и жены, хотѣвшей ѣхать въ одномъ поѣздѣ со мной, которая накупила бы намъ всякихъ

припасовъ. Поэтому угощаю васъ тѣмъ единственнымъ, чего у меня достаточно—чаемъ!

Они не отказались, и наши отношенія съ момента общаго чаепитія стали становиться довѣрчивѣе.

На склонѣ дня, когда намъ оставалось лишь нѣсколько часовъ до Кіева, гдѣ долженъ былъ принять меня другой конвой, они убѣдились, наконецъ, что я совсѣмъ не собираюсь бѣжать. Отъ такой неожиданной для нихъ новости они даже совсѣмъ развеселились и, выспавшись, поочереди начали по-своему шутить и паясничать другъ съ другомъ.

Особенно отличался этимъ одинъ худощавый солдатъ—бывшій портной—и нашъ старшій конвойный, державшій себя съ остальными (какъ я замѣтилъ и при всѣхъ другихъ конвояхъ) совершенно по-товарищески, безъ всякаго начальническаго тона. Такія отношенія вырабатываются, какъ я слышалъ, также между офицерами и солдатами въ тѣхъ отдаленныхъ отъ центра странахъ, гдѣ имъ часто приходится вмѣстѣ ходить на охоту или раздѣлять другъ съ другомъ всякія невзгоды и опасности, обнаруживающія наглядно, какъ каждый нуженъ всѣмъ остальнымъ безъ различія чиновъ и положеній. Конвойные же всѣ находятся подъ круговой порукой.

Когда одинъ изъ нихъ купилъ въ этотъ день на общій счетъ небольшую бутылку водки и предложилъ старшему «какъ начальнику» раздѣлить—тотъ налилъ сначала имъ всѣмъ и умышленно оставилъ себѣ почти вдвое меньшую долю. Всѣ четверо выпили свои доли, сплюнули на полъ и принялись закусывать, взятымъ съ собою еще въ Одессѣ, ситнымъ хлѣбомъ и колбасой.

Съ этого момента веселье ихъ достигло наивысшей степени. Конвойный изъ портныхъ попросилъ у меня мою соломенную шляпу и, надѣвъ ее задомъ напередъ на самый затылокъ, началъ разсказывать смѣшные, по его мнѣнію, анекдоты. Часть этихъ анекдотовъ была неприличнаго содержанія и онъ демонстрировалъ ее нѣсколькими неприличными же фотографіями, вынутыми изъ кармана. Другіе разсказы были безсодержательны по существу, но соль ихъ состояла въ подражаніи говору хохловъ и евреевъ, причемъ ломаніе словъ вызывало у его компаньоновъ еще большіе взрывы хохота, чѣмъ и неприличные анекдоты, очевидно, слышанные уже не разъ.

Затѣмъ началась дуэль словеснаго остроумія между портнымъ и старшимъ, тоже съ коверканіемъ словъ на хохлацкій ладъ.

— Ось, ось, дидко!—воскликнулъ бывшій портной.—Дивуйся! ось иде моя жинка!

И онъ показалъ на молодую барышню, идущую по деревнѣ за полотномъ дороги.

— Вре, вре!—отвѣчалъ ему старшій.—Се моя жинка, а твоя вонъ-то иде!

И онъ указалъ на проходящую по насыпи корову.

— Вре! Се—твоя жинка, а моя вона! —парировалъ тотъ.

— Не! Се мòя!

И они, не будучи въ состояніи придумать чего-либо новаго, повторяли эти два отвѣта другъ другу безъ конца.

Потомъ портной началъ изображать хохла и упрекать старшаго, будто тотъ воруетъ у него баштаны. Старшій отвѣчалъ:

— Такъ тоби и надо! И всяку ночь буду вороваты!

— Не будешь!

— Буду!

— Не будешь!

— Буду!

— Не будешь!

— Буду!

Портной выхватилъ изъ кобура свой револьверъ и, прицѣлившись въ него, крикнулъ:

— Такъ-отъ тоби!

Тотъ выхватилъ свой револьверъ и, нацѣлившись въ портного тоже, крикнулъ:

— А-отъ тоби!

Оба начали бѣгать, повторяя свои крики, кругомъ по свободной части нашего отдѣленія, дѣлая видъ, что пускаютъ другъ въ друга зарядъ за зарядомъ.

Мнѣ стало неловко. Вдругъ кто-нибудь нечаянно нажметъ спускъ—вѣдь убьетъ человѣка наповалъ. А потомъ,—подумалось мнѣ,—чтобъ избавиться отъ уголовнаго наказанія, сговорятся всѣ и скажутъ, что это я вырвалъ у него оружіе и застрѣлилъ, пытаясь бѣжать.

— Смотрите, какъ бы револьверъ не выстрѣлилъ!—сказалъ я имъ, наконецъ.

— Нѣтъ!—обратился ко мнѣ, смѣясь, конвойный портной.—У насъ безопасные револьверы, системы Нагана. У нихъ для выстрѣла каждый разъ надо особо взводить курокъ.

Однако, оба вложили оружіе въ кобуры и возобновили словесную перепалку и неприличные анекдоты.

Наступилъ вечеръ. Вдали показались пригородные фонари

Кіева и мы начали приготовляться къ высадкѣ. Еще ранѣе того я отбилъ спинкой своей сапожной щетки комья грязи съ моихъ штиблетъ и обломалъ пальцами грязную кору со штановъ и брызги съ пиджака. Только теперь сукно настолько подсохло, что его можно было почистить, не размазывая въѣвшейся въ него сырой земли. Я это и сдѣлалъ, и даже довольно удачно. Но, когда дѣло дошло до обуви, я остановился въ полномъ затрудненіи. Дѣло въ томъ, что конвой въ Одессѣ разрѣшилъ мнѣ положить въ мой мѣшочекъ только щетки для платья и сапогъ, но рѣшительно отказалъ мнѣ взять съ собой коробочку съ ваксой.

«Какъ тутъ быть?»—думалъ я, печально поглядывая на свои штиблеты «земляного цвѣта».

И вдругъ меня вывелъ изъ затрудненія одинъ изъ моихъ конвойныхъ, который, увидѣвъ пятно грязи на своихъ, еще съ утра вычищенныхъ, сапогахъ, наплевалъ на него и размазалъ своей сапожной щеткой. Немедленно я сдѣлалъ то же самое, и, натеревъ сапоги мои усердно щеткой, убѣдился къ великому удовольствію, что они стали, какъ свѣже вычищенные. Въ результатѣ оказалось, что въ тотъ самый моментъ, какъ поѣздъ сталъ подходить къ вокзалу, я вновь принялъ видъ путешествующаго изящнаго туриста и въ такомъ видѣ былъ выведенъ изъ вагона на платформу, съ мѣшкомъ въ одной рукѣ и чайникомъ въ другой.

Тамъ встрѣтилъ меня уже предупрежденный заранѣе мѣстный конвойный офицеръ. Онъ любезно раскланялся со мной и, вмѣсто того, чтобъ приказать вести меня на ночь въ тюрьму, сказалъ:

— Вамъ придется подождать здѣсь на вокзалѣ до двѣнадцати часовъ ночи. Раньше нѣтъ поѣзда въ Витебскъ.

— Развѣ меня не поведутъ въ тюрьму ночевать?

— Ни въ какомъ случаѣ. Васъ должны спѣшно отправить въ распоряженіе витебскаго губернатора.

Меня отвели въ залу третьяго класса и посадили въ сторонѣ, окруживъ новыми конвойными, такъ какъ прежніе, передавъ меня имъ подъ расписку, пошли ночевать въ казармы. Какой-то молодой господинъ, проходя мимо, взглянулъ на меня и громко сказалъ своей дамѣ:

— Вѣдь это М.....!

Они остановились, посмотрѣли на меня нѣсколько секундъ и спѣшно пошли въ сосѣднее помѣщеніе, соединяющее третій классъ съ первымъ и вторымъ.

Черезъ минуту, небольшія группы прилично одѣтой публики, появляясь съ платформы и изъ зала перваго и второго

классовъ, стали безпрестанно проходить мимо насъ взадъ и впередъ, молча и подолгу поглядывая на меня.

Наконецъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, собралась цѣлая толпа мужчинъ и женщинъ, уже остановившихся и молча смотрящихъ на меня.

— Да васъ тутъ знаетъ половина Кіева!—сказалъ, возвращаясь, уходившій на время, мой новый старшій конвойный.

Это былъ молодой человѣкъ франтоватаго и независимаго вида.

— Да!—отвѣчаю.—Вѣдь я здѣсь два раза читалъ публичныя лекціи при большомъ стеченіи народа.

— Какъ же, я слышалъ. Въ прошломъ году вы читали здѣсь о воздухоплаваніи, только мнѣ не удалось быть на вашей лекціи изъ-за отъѣзда по службѣ. Но лучше пойдемте отсюда. Здѣсь собирается такая толпа, что становится неудобно оставаться.

Захвативъ снова свой мѣшокъ и чайникъ, я пошелъ среди нихъ, прощаясь взглядомъ съ публикой, пришедшей посмотрѣть на меня въ моей возобновленной роли важнаго политическаго преступника.

Толпа въ отдаленіи слѣдовала за нами. Меня вывели на платформу и, приведя въ узкій, короткій корридоръ, соединяющій вестибюль съ заломъ перваго и второго класса, помѣстили тамъ на принесенномъ стулѣ, а сами остались стоять, затворивъ двери направо и налѣво.

Оказалось, что это былъ проходъ спеціально для служащихъ. Они безпрестанно толкались въ наши двери снаружи то съ одной, то съ другой стороны, и всѣмъ имъ мои конвойные кричали, пріотворивъ извнутри щелку:

— Нельзя! Нельзя! Здѣсь арестованный.

— Но гдѣ же мы пойдемъ? Это нашъ проходъ!

— Гдѣ хотите, но здѣсь нельзя!

И служащіе, ругаясь, отходили и шли какимъ-то круговымъ путемъ.

Мои новые конвойные были совсѣмъ не похожи на предыдущихъ, одесскихъ и севастопольскихъ. Они были несравненно интеллигентнѣе и явно не запуганы своимъ офицеромъ насчетъ меня.

— Объ васъ еще вчера было въ здѣшнихъ газетахъ, — сказалъ мнѣ старшій.

— Что же было?

— Что васъ переводятъ изъ Севастополя въ Двинскъ, за стихи. А гдѣ теперь Горькій?

— Все еще за границей, въ Италіи.

— Вотъ и ему нельзя возвратиться!—сказалъ второй конвойный.—А какой большой талантъ!

— Да, огромный талантъ!—прибавилъ старшій.

— И главное, до всего дошелъ самъ, своими собственными силами!—продолжалъ первый.

Здѣсь для меня снова обнаруживалась, уже и ранѣе замѣченная мною, огромная популярность Горькаго въ народѣ. Тамъ онъ оцѣнивается всегда наравнѣ съ Толстымъ, а часто пользуется и еще большей симпатіей, какъ человѣкъ, вышедшій изъ простой среды.

— Ваши стихи мнѣ случалось читать въ разныхъ сборникахъ,—сказалъ мнѣ старшій и при этомъ онъ очень одобрительно отозвался о нихъ.

— А мнѣ еще не приходилось!—прибавилъ первый конвойный.—Я больше всего люблю стихи Шевченка. Я самъ украинецъ.

— Ну, а вы?—обратился я къ двумъ самымъ молодымъ изъ четырехъ, назначенныхъ для моего сопровожденія.

— Мы поляки,—отвѣчалъ, улыбаясь, одинъ,—и больше читаемъ польскія книги, когда есть время.

— А между тѣмъ, вы хорошо говорите по-русски.

— Да, вѣдь, обученіе у насъ на русскомъ языкѣ.

Мнѣ стало интересно позондировать ихъ отношеніе къ націонализму.

— А какъ у васъ смотрятъ на австрійскихъ поляковъ? Считаютъ за своихъ же?

— Нѣтъ!—австрійскіе поляки смотрятъ на насъ свысока, называютъ насъ москалями.

Это былъ для меня полный сюрпризъ! Неужели—подумалъ я,—разница въ политическихъ режимахъ начинаетъ вызывать расколъ въ польскомъ простомъ народѣ?

Естествоиспытатель по всему складу своего ума, я бралъ фактъ, какъ онъ есть, и не преувеличивалъ его значенія. Не имѣя возможности подвести безпристрастную статистику мнѣній, я просто говорилъ себѣ: распространенность такихъ, неслыханныхъ мною ранѣе, взглядовъ среди крестьянскаго польскаго простого населенія мнѣ не извѣстна, но эти два поляка стоятъ теперь передо мною и ихъ нельзя отрицать!

— Вы католики?—спросилъ я, чтобъ убѣдиться, что они настоящіе польскіе крестьяне.

— Да, католики!—отвѣчали оба, и мои сомнѣнія окончательно исчезли.

Когда, послѣ полуночи, подошелъ нашъ поѣздъ, намъ не

дали уже въ немъ цѣлаго служебнаго отдѣленія, а только крайнее купэ. Я вновь расположился спать на верхней скамейкѣ и на этотъ разъ спалъ несравненно спокойнѣе, чѣмъ въ предыдущую ночь, или, лучше сказать, мнѣ не было возможности спать плохо и видѣть всякіе кошмары. Дѣло въ томъ, что часовъ черезъ пять послѣ отъѣзда, на самомъ разсвѣтѣ, намъ пришлось сдѣлать пересадку въ Жлобинѣ, потомъ черезъ три часа въ Гомелѣ, гдѣ намъ уже совсѣмъ не дали краевого купэ, а помѣстили въ серединѣ вагона, среди публики.

Спать болѣе мнѣ не хотѣлось, и я, несмотря на раннее время дня, принялся смотрѣть черезъ открытое окно на холмы, поля и лѣса, проносившіеся мимо меня.

Открывавшаяся мѣстность стала близко напоминать мнѣ родные края, въ которыхъ такъ и не удастся побывать въ это лѣто! Въ душѣ опять пробудилось страстное желаніе улетѣть куда-то за полукруглую черту отдаленнаго горизонта. «Что звенитъ тамъ вдали, и звенитъ, и зоветъ?»—вспомнилось мнѣ начало полузабытаго мною стихотворенія, кажется, Жадовской, и взглядъ уносился въ голубую даль и надолго прощался съ нею.

— Не хотите ли посмотрѣть бумагу, по которой мы васъ веземъ?—обратился ко мнѣ старшій.

Я взялъ. Это была та самая, съ которой меня отправили изъ Севастополя.

«Въ распоряженіе витебскаго губернатора на предметъ помѣщенія въ двинскую тюрьму».

— Я знаю уже эту бумагу.

— А только у насъ,—улыбаясь, сказалъ старшій конвойный,—кромѣ бумаги, которую мы должны показывать, часто бываетъ другая, секретная бумага!

— И у васъ такая есть?

— Да. И по ней мы васъ не повеземъ въ распоряженіе витебскаго губернатора, а прямо въ Двинскъ, гдѣ васъ будетъ уже ждать тамошній конвойный начальникъ, который и доставитъ васъ по назначенію.

Это было новымъ ударомъ для меня!

Вѣдь мы же съ Ксаной, на основаніи первой, не-секретной бумаги, условились, что если она потеряетъ меня дорогой, то поѣдетъ прямо въ Витебскъ и тамъ будетъ меня ждать въ домѣ нашей тамошней знакомой, Александры Александровны, наводя ежедневныя справки обо мнѣ въ мѣстной тюрьмѣ и въ канцеляріи губернатора! А теперь она тамъ цѣлыя недѣли можетъ

сидѣть, получая однообразный отвѣтъ: «еще не прибылъ». А я въ это время буду голодать въ двинской тюрьмѣ!

«Какъ бы ее предупредить!»—ломалъ я себѣ голову и рѣшилъ, что остается только одно средство.

— Ничего не буду ѣсть всю дорогу до Двинска! Надо сохранить оставленныя у меня семьдесятъ восемь копеекъ и сейчасъ же по пріѣздѣ послать на нихъ изъ двинской тюрьмы, если разрѣшатъ, телеграмму въ Витебскъ Александрѣ Александровнѣ, или въ канцелярію губернатора о томъ, что я уже привезенъ на мѣсто.

Я понималъ, что это будетъ не легко. Запасы пищи, данные мнѣ Ксаной, истощились еще въ Одессѣ. Предыдущій день, желая сохранить деньги, на случай крайняго голода, я тоже ничего не ѣлъ, кромѣ куска хлѣба съ чаемъ. Но въ нервно-напряженномъ состояніи мнѣ обыкновенно никогда и не хочется ѣсть, я только быстро худѣю. Такъ было и теперь. Мой поясъ сократился со времени ареста уже на полтора вершка и сокращался далѣе, но аппетитъ не возвращался и я зналъ, что это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока, истощивъ весь внутренній запасъ своего организма, я сразу почувствую адскій голодъ

Когда это случится? Не все ли равно! Зачѣмъ спрашивать неизбѣжномъ? Деньги же надо, во всякомъ случаѣ, сохранить цѣликомъ. Поэтому я отказался отъ предложенія конвойнаго купит для меня на станціи чего-нибудь съѣстного и откровенно объяснилъ ему, въ чемъ дѣло.

— Но, можетъ быть, поѣздъ вашей супруги обгонитъ насъ ранѣе Витебска? Тогда я выйду на платформу и разыщу ее.

— Нѣтъ! Я уже справлялся у кондуктора, какъ только мы выѣхали изъ Кіева. Онъ отвѣтилъ, что ни одинъ поѣздъ отъ самой Одессы не догоняетъ нашего.

— Тогда мы съ вами подѣлимся, чѣмъ богаты!

И онъ предложилъ мнѣ колбасы съ чернымъ хлѣбомъ.

Я взялъ кусокъ послѣдняго, а отъ колбасы изъ деликатности отказался и взамѣнъ заварилъ для нихъ всѣхъ своего чаю, единственнаго продукта, оставшагося у меня въ избыткѣ.

Узнавъ, что моя жена по профессіи піанистка, старшій конвойный сказалъ, что и онъ немного причастенъ къ этому дѣлу, такъ какъ его спеціальность—полировка и сборка роялей.

— Я сначала работалъ въ мастерской у Юнкера, а затѣмъ въ мастерской роялей въ Ростовѣ-на-Дону,—сказалъ онъ.—Я и самъ играю и умѣю настраивать рояли. Но какъ только окончу

*

службу, — а мнѣ остается годъ, — уѣду навсегда въ Америку, искать счастья. Въ Россіи мнѣ не нравится.

— А какъ же вы будете съ англійскимъ языкомъ?

— Выучусь. Я, собственно говоря, самъ виноватъ, что не кончилъ курса. Меня дядя отдалъ въ реальное училище, а я все думалъ, какъ бы удрать оттуда, больше ухаживалъ за барышнями, учиться было страшно лѣнь, ну, меня и исключили.

Мимо нашего купэ начали проходить въ уборную съ полотенцами и мылами въ рукахъ, окончательно пробудившіеся, но все еще заспанные и вялые, пассажиры. Вотъ прошла молоденькая барышня — по виду курсистка, и изумленно посмотрѣла на насъ. Возвращаясь, она сдѣлала то же, и въ лицѣ ея выражалось сильное участіе и безпокойство. Вотъ она стала у окна наискось противъ нашего отдѣленія, вмѣстѣ съ молодымъ интеллигентнымъ господиномъ, еврейскаго облика, и оба долго разговаривали другъ съ другомъ, все время поглядывая на меня. Старшій конвойный прошелъ зачѣмъ-то мимо нихъ и она его сейчасъ же остановила.

— Вѣдь это М.....?

— Да.

— Я его знаю. Можно посидѣть съ нимъ?

— Посидите. Это зависитъ отъ меня.

Она быстро подошла ко мнѣ.

— Здравствуйте! Это ужасно! Я уже читала въ газетахъ, что васъ арестовали и должны перевезти въ Двинскъ. Но могла ли я ожидать, что поѣду въ одномъ вагонѣ съ вами?

— А вы куда?

— Въ Петербургъ, къ сестрѣ-курсисткѣ. Я тоже была на курсахъ и даже у васъ, въ бывшей Вольной Высшей Школѣ, гдѣ вы читали химію. Но я, по недостатку денегъ, должна была прервать ученіе и уѣхать на время къ отцу въ Сумы.

— Вы сумская? Я тоже изъ Сумъ родомъ, тамъ и учился!— перебилъ ее старшій конвойный.—Я васъ даже помню.

— Меня зовутъ В. Л.,—сказала она.—Конвойный тоже назвалъ себя.

На станціи она выбѣжала и, купивъ у деревенскихъ ребятишекъ черники и малины, принесла мнѣ.

— Вотъ,—сказалъ я, смѣясь,—неожиданное подкрѣпленіе силъ! А я уже собирался проголодать еще цѣлыя сутки въ дорогѣ, а затѣмъ, на мѣстѣ, и болѣе.

— Зачѣмъ?

— Чтобъ сохранить оставленныя мнѣ деньги для телеграммы и писемъ изъ двинской тюрьмы.

Я ей разсказалъ, какъ меня увезли изъ Одессы тайно отъ Ксаны съ семидесятью восемью копейками въ карманѣ.

Она пришла въ новый ужасъ и, открывъ свой кошелекъ, сунула мнѣ въ руку одинъ изъ оставшихся тамъ трехъ рублей.

— Мнѣ хватитъ двухъ для носильщика и для извозчика до сестры. А третій вы возьмите на всякій случай.

Отказываться, при такихъ обстоятельствахъ, значило бы разрушать то, чѣмъ больше всего дорога жизнь.

— Спасибо!—сказалъ я, страшно тронутый, и положилъ ея серебряный рубль въ свой карманъ. — Приходите ко мнѣ, когда будете въ Петербургѣ, послѣ моего освобожденія. Я вамъ тоже буду помогать, чѣмъ могу.

Я крѣпко пожалъ ей руку и мы стали друзьями.

Нѣсколько минутъ я молчалъ, охваченный давнишнимъ чувствомъ.

— Да,—думалось мнѣ—молодость всегда одна и та же! Ошибаются тѣ, которые говорятъ, будто наша учащаяся молодежь теперь измельчала! Они не понимаютъ, что это кажется имъ только по закону перспективы, благодаря которому всякій предметъ представляется глазамъ тѣмъ меньше, чѣмъ дальше вы отошли отъ него. Всѣ помятые жизнью, отцвѣтающіе, глядящіе въ свое прошлое, не могутъ, конечно, войти, какъ равноправные товарищи, въ юную среду, вся психологія которой основана на томъ, что, не имѣя пока прошлаго, она смотритъ исключительно въ будущее. Глядѣть всегда впередъ черезъ свое настоящее въ грядущее, приспособлять всѣ свои поступки для него, какъ будто въ прошломъ и во всемъ уже сдѣланномъ вами не на что взглянуть—вотъ единственный способъ остаться до конца своей жизни товарищемъ юности, понимать ее и быть понимаемымъ ею! А она въ каждомъ новомъ поколѣніи та же самая, или даже лучше, добрѣе и идеальнѣе, какъ и слѣдуетъ быть по общимъ законамъ человѣческой эволюціи. Вотъ часто говорятъ, что среди новыхъ молодыхъ писателей нѣтъ такихъ мощныхъ фигуръ, какъ Толстой, Тургеневъ, Пушкинъ, Лермонтовъ... И ни говорящіе это, ни ихъ слушатели не могутъ понять, что сравниваютъ несравнимое. Человѣка, который сдѣлалъ все, что ему было суждено, сравниваютъ съ такимъ, который только начинаетъ предопредѣленную ему работу! И не хотятъ допустить, что когда онъ закончитъ ее черезъ много лѣтъ, то окажется, можетъ быть, еще болѣе великимъ геніемъ, чѣмъ всѣ его предшествен-

ники, съ которыми глупыя головы сравниваютъ его теперь и находятъ, что сравненіе не въ его пользу!

— А знаете,—прервала мои мысли наша спутница,—вѣдь вамъ могутъ и не дать послать телеграмму изъ двинской тюрьмы. Не лучше ли мнѣ сдѣлать это съ дороги? Впрочемъ, можно сдѣлать еще лучше. Здѣсь ѣдетъ одинъ молодой человѣкъ, тоже знающій васъ—его фамилія Z,—которому надо высадиться въ Витебскѣ и пробыть тамъ до завтрашняго утра. Можетъ быть, лучше поручить ему зайти къ вашей знакомой и предупредить ее?

Она вскочила, убѣжала и привела ко мнѣ того самаго интеллигентнаго господина еврейскаго облика, съ которымъ она разсматривала меня издали еще ранѣе нашего знакомства.

Онъ съ большой охотой взялся все исполнить. Я далъ ему адресъ А. А., у которой должна была остановиться Ксана, и на моей душѣ стало легче. Не такъ страшенъ чортъ, какимъ онъ представляется!—подумалось мнѣ.—Вотъ обстоятельства начинаютъ вновь какъ будто складываться въ мою пользу!

Мои молодые спутники на нѣкоторое время ушли, «чтобъ не слишкомъ утомлять меня», но потомъ снова возвратились, принеся мнѣ со станціи бутербродовъ, и благодаря имъ я и въ этотъ день не чувствовалъ ожидаемаго мною адскаго голода.

Въ Витебскѣ, куда мы пріѣхали около полуночи того же самаго дня, я дружески распростился съ ними обоими и мы разстались, не знаю, навсегда ли или надолго...

Онъ высадился въ городѣ, она пересѣла на скрещивающійся здѣсь поѣздъ въ Петербургъ, и мнѣ представилось, какъ нити нашихъ жизней точно также скрестились здѣсь по нашей дорогѣ къ неизвѣстному будущему... И я отъ души пожелалъ, чтобъ будущее оказалось на ихъ пути привѣтно и свѣтло!

Рано утромъ мы пріѣхали въ Двинскъ. Тамъ уже ждалъ меня начальникъ мѣстнаго этапнаго конвоя.

— Я васъ долженъ отправить въ двинскую крѣпость!—поклонившись, сказалъ онъ мнѣ.

И онъ повелъ меня и моихъ конвойныхъ къ выходу на площадь.

Въ «крѣпость»!—какъ молнія, пронеслась у меня въ головѣ мысль. Значитъ, не въ тюрьму! Неужели благодаря отчаяннымъ телеграммамъ Ксаны ко всѣмъ нашимъ петербургскимъ знакомымъ сдѣлано поправочное распоряженіе вести меня въ крѣпость? Но примутъ ли меня тамъ? Можетъ быть, комендантъ скажетъ, что нѣтъ мѣста, и, подразнивъ перспективой свѣтлой

и просторной комнаты и привѣтливаго военнаго начальства вмѣсто мрачныхъ камеръ и мрачныхъ тюремщиковъ-спеціалистовъ, меня все-таки посадятъ въ мѣстную тюрьму?

— Мошка! — вдругъ повелительно крикнулъ начальникъ конвоя стоящимъ извозчикамъ, евреямъ.

Меня внутренно перевернуло отъ этого, еще не привычнаго мнѣ приглашенія извозчиковъ. Но извозчикъ спокойно подъѣхалъ.

— Въ крѣпость! — крикнулъ ему офицеръ и пригласилъ меня садиться.

Я сѣлъ одинъ. Конвойные, обнаживъ сабли, пошли справа и слѣва. Офицеръ остался на вокзалѣ. Мы въѣхали въ очень грязный уѣздный городъ. Уличные ароматы поднимались здѣсь, особенно на окраинахъ, отъ всякихъ отбросовъ, почти такіе же трудно выносимые для носа, какъ изъ корридора ялтинской тюрьмы въ мою камеру.

Мы проѣхали городъ, мимо большихъ навозныхъ кучъ и выѣхали въ поле, гдѣ пахнуло на меня свѣжимъ воздухомъ.

Заросшіе зеленью и деревьями валы показывали невдалекѣ мѣстоположеніе крѣпости. Мы направились между ними и рвами съ остатками воды на ихъ днѣ въ аллею изъ высокихъ лиственныхъ деревьевъ вродѣ дубовъ или платановъ, идущую на нѣкоторомъ разстояніи по правому берегу Двины, и въѣхали въ каменныя крѣпостныя ворота съ государственными гербами вверху. За ними открылись ряды домовъ и казармъ, миновавъ которые, мы подъѣхали къ длинному бѣлому двухэтажному зданію передъ скверомъ, около подъѣзда котораго стоялъ шлагбаумъ и ходилъ часовой. Намъ указали подъѣздъ съ надписью: «Комендантское Крѣпостное Управленіе». Войдя въ него и поднявшись по лѣстницѣ, мы пришли въ комнату, гдѣ сидѣлъ только одинъ молодой артиллерійскій унтеръ-офицеръ— повидимому, писарь.

— Надо сдать арестованнаго!—сказалъ ему мой старшій.

— Придется подождать, пока придетъ комендантскій адъютантъ и доложитъ коменданту. Садитесь.

Мы всѣ сѣли въ разныхъ мѣстахъ.

Пришелъ другой молодой унтеръ-офицеръ интеллигентнаго вида и, спросивъ мою фамилію, сказалъ, что по газетамъ меня уже давно ожидаютъ сюда.

— А свободная камера есть?

— Есть цѣлыхъ три. Проситесь въ номеръ первый или второй—они лучше.

Наконецъ, пришелъ и комендантскій адъютантъ съ сере-

брянымъ аксельбантомъ на плечѣ и, поздоровавшись со мной, взялъ у старшаго конвойнаго мою сопроводительную бумагу.

— Но вы адресованы не сюда, а въ двинскую тюрьму!— сказалъ онъ.—Почему вы привели сюда?—спросилъ онъ конвойныхъ.

У меня замерло сердце. Значитъ, все-таки придется попасть въ темную, тѣсную тюрьму и просидѣть тамъ по крайней мѣрѣ три мѣсяца, пока не кончится лѣтнее, каникулярное время, и наши друзья не возвратятся въ Петербургъ, чтобъ настаивать на переводѣ меня въ крѣпость, какъ меня осудили, или въ родную мнѣ Мологу.

— Намъ приказалъ здѣшній конвойный начальникъ!—отвѣтилъ мой старшій.

— Это все перепуталъ симферопольскій прокуроръ!— говорю я.—Вѣдь въ началѣ бумаги говорится же, что я приговоренъ на годъ въ крѣпость!—и я показалъ ему строчку.— А онъ, по привычкѣ,—въ тюрьму, да въ тюрьму!—начавъ за здравіе—кончилъ за упокой. Это онъ называетъ тюрьмой помѣщеніе въ крѣпости.

— Но у насъ и мѣста, кажется, нѣтъ!—возразилъ онъ.

— Какъ нѣтъ!—восклицаю я.—У васъ три камеры свободны и я даже просилъ бы помѣстить меня или въ первый, или во второй номеръ!

Адъютантъ засмѣялся.

— Даже и номера вамъ уже извѣстны!

— Конечно. Вѣдь это мои друзья въ Петербургѣ просили перевести меня сюда и именно въ крѣпость. Если меня посадятъ въ тюрьму, то они и теперь будутъ настаивать на переводѣ меня изъ нея сюда.

— Но бумага все же адресована не къ намъ, а въ городскую тюрьму. И тамъ, вѣроятно, уже есть о васъ распоряженіе, такъ что я ничего не могу сдѣлать.

Онъ взялъ со стѣны телефонную трубку.

— Тюрьма!—сказалъ онъ въ нее.

Прошла минута, онъ слушалъ.

— Скажите, есть у васъ бумага о М. съ назначеніемъ къ вамъ?

Отвѣта мнѣ не было слышно изъ трубки, но онъ, повѣсивъ ее на ручку, сказалъ мнѣ:

— Сейчасъ обѣщали посмотрѣть!

Прошло съ полчаса томительнаго ожиданія. Раздался звонокъ.

— Ну, что?

Опять отвѣта не было слышно.

— Но онъ адресованъ именно къ вамъ!

Опять долгое, безмолвное слушаніе въ трубку. Наконецъ, онъ повѣсилъ ее на стѣну и задумался.

— Тамъ о васъ нѣтъ никакой бумаги и не хотятъ принимать безъ прокурорскаго предписанія. Я пойду и доложу коменданту.

Онъ взялъ бумагу и ушелъ. Длинныя минуты ожиданія вновь потекли одна за другой. Наконецъ, онъ возвратился и сказалъ съ улыбкой:

— Комендантъ сказалъ, что если вы—астрономъ, то онъ приметъ, а другого ни въ какомъ случаѣ.

— Ну, конечно, это я и есть!—отвѣчаю я съ огромнымъ облегченіемъ.

Я думаю, что, если-бъ я ждалъ смертнаго приговора и судъ вдругъ вынесъ оправданіе—я не былъ бы больше радъ, а вѣдь мнѣ предстояла даже не свобода, а годъ заключенія, но только не въ той глубинѣ преисподней, въ которую спускался я на недолгое время въ севастопольской и одесской центральныхъ тюрьмахъ.

— «И чрево адово извергло тебя»!—торжествующе повторялъ я слова какого-то стариннаго гимна, идя въ сопровожденіи старшаго штабъ-офицера въ свое новое помѣщеніе.

Пройдя фасадъ комендантскаго зданія, я увидѣлъ за нимъ каменное помѣщеніе вродѣ флигеля съ большими рѣшетчатыми окнами. Въ глубинѣ крайняго изъ нихъ стояла за рѣшеткой фигура бѣлокураго, высокаго человѣка.

— Вотъ вашъ будущій товарищъ—профессоръ Мякотинъ,—сказалъ мнѣ штабъ-офицеръ.

— Это мой хорошій знакомый—отвѣчаю я, и мы раскланялись издали.—Кромѣ него у васъ теперь сидитъ еще одинъ изъ знакомыхъ мнѣ писателей—Пѣшехоновъ.

— Да. Онъ рядомъ съ Мякотинымъ. А вамъ назначена камера № 2, въ противоположной сторонѣ помѣщенія. У насъ только восемь номеровъ.

— Значитъ, маленькая тюрьма!—съ новымъ облегченіемъ подумалъ я.—Въ такихъ личность узника не превращается въ глазахъ начальства въ простой номеръ.

Мы вошли въ крошечный дворикъ, а изъ него черезъ простую деревянную дверь, запираемую извнутри на цѣпочку,

въ длинный, мрачный корридоръ съ окнами на обоихъ далекихъ его концахъ. Въ немъ ходилъ солдатъ съ ружьемъ.

Направо и налѣво по сторонамъ, но довольно рѣдко другъ отъ друга, шли бѣлыя деревянныя двери, такого же устройства, какъ и въ обычныхъ комнатахъ.

— Отворите номеръ второй!—сказалъ штабъ-офицеръ пришедшему вмѣстѣ съ нами унтеру съ пачкой ключей.

Мы вошли въ просторную, квадратную комнату съ двумя высокими окнами съ рѣшетками. Рамы были открыты, и свѣту было не менѣе, чѣмъ въ обыкновенной квартирѣ.

Между окнами стоялъ длинный столъ, вродѣ письменнаго въ канцеляріяхъ, и около него табуретъ. У одной изъ стѣнъ кровать безъ постели и больше не было ничего.

— Къ сожалѣнію, не можемъ предоставить вамъ никакой мебели,—сказалъ мнѣ штабъ-офицеръ.—Если что нужно — можно взять напрокатъ въ городѣ. Обѣдъ можно брать на свой счетъ изъ офицерскаго собранія, или отъ одной дамы, живущей рядомъ и держащей домашнюю столовую.

Солдатъ принесъ въ комнату мой мѣшокъ отъ фотографическаго аппарата, въ которомъ я привезъ съ собой полотенце, перемѣну бѣлья, двѣ щетки, а также мою подушку и жестяной чайникъ.

— А гдѣ же ваши остальныя вещи?

— Да развѣ вы еще не знаете, какъ и откуда меня привезли?

И я кратко разсказалъ ему, какъ Ксана гонится теперь за мною черезъ всю Россію и направляется въ Витебскъ, не зная, что я здѣсь.

— Мнѣ необходимо послать сейчасъ же телеграмму, чтобы она ѣхала сюда.

— Это можно,—сказалъ онъ.—А пока она пріѣдетъ, я вамъ дамъ денегъ въ долгъ. Сколько вамъ нужно?

— Рублей десять будетъ достаточно за глаза до ея пріѣзда.

Онъ тотчасъ же вручилъ мнѣ ихъ.

Какъ все это было не похоже на порядки тюремнаго вѣдомства! Тамъ я десять разъ умеръ бы съ голоду и ни одинъ смотритель не подумалъ бы хоть полтинникъ дать мнѣ въ долгъ!

Оставшись одинъ, я началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Въ ней было двѣнадцать шаговъ изъ одного угла въ другой—противоположный и мое хожденіе не походило больше на

верченіе на одномъ мѣстѣ, какъ въ крошечныхъ одиночныхъ камерахъ.

— Да, здѣсь я выживу, и даже, вѣроятно, что-нибудь успѣю и написать, какъ только поправятся немного глаза!—подумалъ я.

Пришелъ дежурный унтеръ-офицеръ, передалъ мнѣ квитанцію на мою телеграмму Ксанѣ и спросилъ, гдѣ заказывать обѣдъ.

— Принесите изъ офицерскаго собранія.

— Слушаю-съ. А вотъ насчетъ кровати какъ быть?—у насъ матрацовъ нѣтъ.

— Принесите пока солдатскую соломенную постель, если есть. Мнѣ не привыкать спать на жесткомъ, а потомъ пріѣдетъ жена, и я устроюсь получше.

Вечеромъ я легъ на принесенный мнѣ солдатскій соломенный мѣшокъ, но онъ уже не казался мнѣ такимъ неудобнымъ.

Получила ли Ксана мою телеграмму, если уже пріѣхала въ Витебскъ? Нашелъ ли время Z. побывать у Александры Александровны и предупредить? Или она тоже уѣхала на лѣто изъ Витебска и всѣ наши старанія были напрасны?

— Во всякомъ случаѣ,—думалъ я,—если завтра не получу отвѣта, то буду телеграфировать въ канцелярію витебскаго губернатора и начальнику витебской тюрьмы, чтобы Ксанѣ сказали обо мнѣ, когда она придетъ къ нимъ.

Раннее утро уже алѣло въ моихъ окнахъ, когда я проснулся и почти въ то же самое время дежурный по корридору принесъ мнѣ телеграмму. Я съ жадностью распечаталъ ее и вновь сильно заволновался.—«В. выѣхала дачу». Но кто же это телеграфируетъ мнѣ? Кто-нибудь изъ ея домашнихъ? Тогда Ксана все равно узнаетъ. Но подписи не было и я сообразилъ, что это любезно отвѣчаетъ мнѣ мѣстный телеграфистъ, очевидно, узнавшій изъ газетъ о моемъ привозѣ въ Двинскъ.

— Нельзя ли мнѣ сейчасъ же послать двѣ телеграммы въ Витебскъ?—спрашиваю.

— Раньше десяти утра невозможно,—отвѣчаетъ унтеръ-офицеръ.—Я ихъ долженъ сначала представить штабъ-офицеру, а онъ приходитъ въ канцелярію не раньше этого времени.

— Такъ я вамъ сейчасъ же напишу ихъ, а вы передайте штабъ-офицеру, какъ только онъ придетъ.

— Слушаю-съ!—и онъ взялъ отъ меня листки.

Я сѣлъ у окна и грустно началъ смотрѣть изъ него въ переулокъ, по другую сторону котораго стояли невысокія каменныя конюшни и помѣщенія пожарнаго депо. За крышей его поднимались вершины деревьевъ комендантскаго сада, съ которыхъ

доносились ко мнѣ крики грачей. Часъ проходилъ за часомъ, а я все сидѣлъ и смотрѣлъ. Солдатъ мѣрно ходилъ подъ окнами нашего помѣщенія со своимъ штыкомъ, выдающимся надъ его фуражкой. Рѣдко кто проходилъ этимъ глухимъ переулкомъ.

Послышался звукъ подъѣзжающаго экипажа. Въ отблескѣ отъ стеколъ моего открытаго окна показалось отраженіе извозчичьей пролетки, задолго раньше, чѣмъ мнѣ можно было увидѣть ее въ самомъ окнѣ.

Я приглядѣлся къ отраженію. Въ пролеткѣ сидѣла дама въ бѣломъ платьѣ и въ широкой бѣлой шляпкѣ съ черной каймой.

— Да это Ксана!—мысленно воскликнулъ я.

Да! Это была дѣйствительно она. Она проѣхала передъ моими окнами, смотря вдаль передъ собою, и не замѣтила меня, а мнѣ такъ и хотѣлось крикнуть ей отсюда:

— Ксана! Я здѣсь!

Пролетка повернула за уголъ и видѣніе скрылось. Вскочивъ, какъ на пружинѣ, я началъ быстро ходить изъ угла въ уголъ. Значитъ, извѣстіе обо мнѣ дошло, несмотря на отъѣздъ Александры Александровны изъ Витебска. Какимъ образомъ? Кто передалъ ей?...

Прошло цѣлыхъ два часа.

— Очевидно, исполняютъ всякія канцелярскія формальности, прежде чѣмъ разрѣшить свиданіе,—догадывался я, и не ошибся.

Въ корридорѣ за моей дверью раздался мягкій, привѣтливый говоръ Ксаны, который показался мнѣ настоящей музыкой, дверь отворилась и рундъ (дежурный офицеръ), входя, сказалъ мнѣ:

— Позвольте вамъ представить вашу жену!

Мы бросились въ объятія другъ друга. Офицеръ, постоявъ немного, сказалъ:

— Я пока пройдусь по корридору! — и оставилъ насъ вдвоемъ.

— Какъ ты узнала? Получила ли мою телеграмму?

— Телеграммы не было, но твой посланный былъ и предупредилъ. Александры Александровны дѣйствительно не оказалось дома, она на дачѣ въ двѣнадцати верстахъ, но живущій у меня С., твой знакомый, какъ разъ пріѣхалъ въ это время и нарочно остался ждать меня.

— Какъ же ты пріѣхала такъ скоро?

— Я гналась за тобой изо всѣхъ силъ.

Передавъ спѣшно свои впечатлѣнія послѣ разлуки, мы начали мечтать о томъ, какъ устроимъ свою жизнь. Она посе-

лится здѣсь же около меня въ крѣпости, найметъ гдѣ-нибудь въ семьѣ мѣстнаго офицера комнатку и будетъ каждый день приходить ко мнѣ на свиданіе. Можетъ быть, найдется и рояль или піанино, гдѣ она могла бы продолжать заниматься музыкой.

— А ты,—говорила она,—долженъ прежде написать свои воспоминанія объ этомъ ужасномъ пути ранѣе, чѣмъ стушуются въ твоей памяти его подробности, а потомъ тебѣ надо воспользоваться случаемъ, чтобы написать и о прежней твоей жизни. Вѣдь ты же самъ говорилъ не разъ, что никогда тебѣ не будетъ времени для нихъ, если не посадятъ тебя снова! Вотъ тебя и посадили!

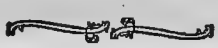
— А мое давно обѣщанное изслѣдованіе о библейскихъ пророкахъ?

— Ну, это ты быстро сдѣлаешь и послѣ освобожденія!

Такъ мы мечтали, сидя вдвоемъ въ крѣпостной комнаткѣ, гдѣ мнѣ предстояло провести еще много мѣсяцевъ. Безоблачное небо виднѣлось передъ нами за окномъ, и теплый лѣтній вѣтеръ проникалъ къ намъ черезъ его рѣшетку.

Николай Морозовъ.

Двинская крѣпость.
Между 13 іюля—10 августа 1912 г.



НА РОДИНѢ.

Усталыя лошади съ трудомъ подняли тарантасъ на низкій, глинистый холмъ. Отсюда должно быть видно Воздвиженское. Аркадій Семеновичъ приподнялся и выглянулъ изъ-за спины ямщика.

Все по-старому, какъ было девять лѣтъ тому назадъ! Впереди—бѣдное, тѣсно скученное село съ бѣлой церковью, влѣво—господскій домъ, сѣрый, обветшалый, придавленный ржавой, бурой крышей, за нимъ густо разросшійся садъ. Бѣдно и некрасиво кругомъ! Кривы и низки березы въ рѣдкой рощѣ за поповскими огородами, жестка осока на топкомъ берегу мелкой рѣчки, скудна рожь въ плохо вспаханномъ полѣ, уныло стоитъ старая мельница-вѣтрянка съ неподвижными, заплатанными крыльями. И небо блѣдно и безцвѣтно, и не льетъ съ него жаркихъ лучей лѣтнее солнце, точно сознаетъ, что не стоитъ тратить великую силу на убогую землю.

Не доѣзжая села, лошади свернули въ усадьбу.

Домъ выглянулъ тусклыми, кое-гдѣ заколоченными окнами, параднымъ крыльцомъ съ облупленными колоннами. Весь дворъ заросъ кудрявой, короткой травой. Одиноко торчали качели, и на верхней ихъ перекладинѣ угрюмо висѣлъ обрывокъ истлѣвшей веревки.

Барина не ждали. На зовъ ямщика изъ вросшаго въ землю флигеля вышелъ старикъ, босикомъ и въ накинутомъ на плечи худомъ армякѣ.

— Баринъ, никакъ! А староста на селѣ, праздникъ нынѣ,— сказалъ онъ, подходя къ тарантасу и вглядываясь въ пріѣзжаго странными, разсѣянными глазами.

— Развѣ не ждали меня, Ириней? Я писалъ старостѣ, что пріѣду на-дняхъ.

— Баялъ мнѣ староста, да я не повѣрилъ. Сколько лѣтъ, какъ сулишься.

Онъ пошелъ за ключемъ. Аркадій Семеновичъ стоялъ на крыльцѣ и смотрѣлъ ему вслѣдъ.

Трудно было представить себѣ Воздвиженское безъ Иринея. Его жалкая фигура такъ сливалась со всѣмъ окружающимъ, точно была слѣплена изъ этой желтой, вязкой глины, изъ этой рѣдкой, безцвѣтной травы. Ириней родился въ усадьбѣ, прожилъ въ ней пятьдесятъ лѣтъ и все еще примѣривался къ жизни, искалъ въ ней подходящаго мѣста. У него не было ни семьи, ни земли, ни будущаго, ни прошлаго; казалось даже, что онъ не зналъ въ жизни ни горя, ни радости.

— Ты все здѣсь, Ириней? При домѣ живешь?—спросилъ Аркадій Семеновичъ, когда Ириней отперъ парадную дверь.

— А гдѣ же мнѣ быть?

Холодомъ погреба пахнуло на нихъ изъ полутемныхъ, просторныхъ комнатъ. Лѣтній зной не успѣлъ согрѣть ихъ, и широкія пятна сырости ползли по стѣнамъ, чередуясь съ обрывками полинялыхъ обоевъ. Гулко звучали голоса и шаги въ пустомъ залѣ съ кучкой недавно обвалившейся штукатурки на покоробленномъ паркетѣ.

Аркадій Семеновичъ прошелся по комнатамъ, легонько толкнулъ кресло, въ которомъ когда-то возили его разбитаго параличемъ отца, въ спальной матери посмотрѣлся въ пыльное зеркало и, съ помощью Иринея отворивъ забухшую дверь, вышелъ на балконъ.

Садъ въ самомъ дѣлѣ разросся. Густой чащей стояли кусты акаціи, бузины, жимолости и сирени, глушили слѣды заросшихъ дорожекъ, зеленѣли на прежнихъ рабаткахъ и клумбахъ, облѣпляли стволы вымирающихъ тополей и дубовъ. У ихъ корней, плотно сплетаясь листами, изъ влажной земли побѣдоносно выпирали мать-и-мачеха, лопухи и крапива, зеленые, сочные, никѣмъ не тревожимые въ завоеванной ими глуши.

— Одичалъ садъ-отъ! Бурьяномъ да лопухомъ весь пошелъ,—сказалъ Ириней, спускаясь со ступенекъ балкона.— Цвѣтовъ званія не осталось. Пытали коровамъ траву косить, да не жрутъ, не ѣдкая.

— А ты все бобылемъ живешь? Все одинъ, безъ хозяйства?

Мелкія морщины на лицѣ Иринея разбѣжались во всѣ стороны.

— Къ чему мнѣ хозяйство? Я не мужикъ, исконный дворовый! Для чего мнѣ маяту на себя принимать.

— А бѣдно живутъ мужики?—спросилъ Аркадій Семеновичъ.

— Какъ не бѣдно! Земли вовсе мало, да и скупая она, не родитъ.

— Да, плохая земля. А ты, видать, мужичковъ-то жалѣешь?..

— Чего ихъ жалѣть. Не покойники, выпрямятся.

Пришелъ староста, и сразу стало шумно и людно. Настроенъ онъ былъ по-праздничному и проявлялъ суетливую дѣятельность. Тотчасъ открылъ ставни, приволокъ кое-какую мебель, послалъ жену за собственнымъ самоваромъ. Запахло угаромъ и помойнымъ ведромъ. Аркадій Семеновичъ взглянулъ на голыя ноги бабы съ синими, вздутыми жилами, на потоки воды, которые она гнала по полу грязной тряпкой, и почувствовалъ отвращеніе. Онъ надѣлъ фуражку и вышелъ.

Аркадій Семеновичъ пріѣхалъ въ Воздвиженское отдыхать. Въ жизни его неожиданно произошелъ крутой переломъ. Точно сразу оборвались всѣ тѣ струны, на которыхъ звучалъ несложный мотивъ его жизни. Повѣяло чѣмъ-то новымъ, съ чѣмъ онъ не могъ, не хотѣлъ примириться.

При первомъ несогласіи съ новымъ начальникомъ онъ подалъ въ отставку и съ горечью убѣдился, что уходъ его не взволновалъ никого. Легкая и вполнѣ приличная связь съ женой сослуживца оборвалась почти одновременно, и Петербургъ сразу опротивѣлъ Аркадію Семеновичу, сталъ ему чуждъ и непріятенъ. Онъ вспомнилъ Воздвиженское, и тихая, заброшенная усадьба показалась ему земнымъ раемъ.

— Поѣду туда, отдохну, соберусь съ мыслями, а можетъ и совсѣмъ поселюсь тамъ, въ этомъ затишьи,—думалъ онъ.

Видъ унылой природы, одичавшаго сада, тягучая рѣчь Иринея наполнили его умиленіемъ.

— Все по-старому! Все, какъ было!—повторялъ онъ, пробираясь заглохшей тропинкой, раздвигая зеленыя вѣтки и поминутно стирая съ лица налипшую паутину.

Обогнувъ сонный прудъ, онъ вышелъ въ поле. Шаткія лавы, переброшенныя черезъ неглубокій оврагъ, привели его къ плоской горушкѣ, на которой стояли домики сельскаго причта. Село ютилось въ ложбинѣ.

Въ домѣ о. Марка всѣ окна стояли настежь. Во дворѣ кипѣла незатѣйливая, деревенская жизнь: бѣгали и кричали за-

горѣлыя ребятишки съ кускомъ праздничнаго пирога въ грязныхъ рукахъ, мычала корова съ повязанной тряпицей ногой, нетерпѣливо билъ копытами землю гнѣдой жеребецъ у коновязи, баба мыла у колодца посуду, у вчерашней каши толкались смѣшные цыплята-подростки на высокихъ, голыхъ ногахъ.

Изъ комнатъ доносился оживленный разговоръ и Аркадій Семеновичъ вошелъ въ открытую дверь. На столѣ, по-праздничному, стояли бутылки съ ярко краснѣвшей наливкой и темной, густо настоенной водкой. Шумѣлъ самоваръ и отъ пышнаго пирога шелъ запахъ остывающей рыбы. О. Маркъ, маленькій, сѣденькій, похожій на мощи, утонулъ въ полосатомъ креслѣ грубой работы. Онъ взглянулъ на вошедшаго и сразу вспомнилъ, смекнулъ.

— Аркадій Семеновичъ! Гость дорогой! Вотъ не чаяли! На папашу покойнаго схожи какъ стали... Вѣруша!

Вѣруша подходила съ протянутой рукой.

— Не узнали меня? А я васъ хорошо помню! Чаю съ дорожки? Вина?

Онъ смотрѣлъ на смуглое, оживленное лицо дѣвушки, и узнавалъ и не узнавалъ ее.

— Какая вы стали большая... совсѣмъ не та дѣвочка. Возмужали, измѣнились...—на языкѣ вертѣлось—«похорошѣли», но Вѣруша не была хороша.

Маленькая, тщедушная, въ отца, она могла нравиться только своей живостью и открытымъ, правдивымъ до дерзости взглядомъ большихъ, сѣрыхъ глазъ. Аркадій Семеновичъ помнилъ ее угловатой, застѣнчивой дѣвочкой. Онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ на похоронахъ своего отца. Въ новомъ розовомъ платьѣ, съ красной ленточкой въ волосахъ, она стыдливо пряталась въ толпѣ крестьянъ и прислуги. Когда гробъ стали накрывать крышкой, она быстро выступила впередъ и сняла съ груди покойника пышный букетъ свѣжихъ цвѣтовъ. Сняла и смутилась до слезъ. Въ тотъ же вечеръ онъ встрѣтилъ ее по дорогѣ въ село.

— А цвѣточки-то вы, видно, пожалѣли сегодня!—съ легкой насмѣшкой сказалъ онъ.

Она вспыхнула, опустила глаза, но тотчасъ овладѣла собой и взглянула на него смѣло, спокойно.

— Зачѣмъ цвѣты зарывать?—просто сказала она:—Они должны на солнышкѣ умирать. Людей въ землю закапываютъ, такъ у людей грѣховъ много, а у цвѣтовъ—какіе грѣхи?

Онъ усмѣхнулся тогда на ея наивный отвѣтъ, теперь онъ

вспомнилъ его и нашелъ прелестнымъ по простотѣ и правдивости.

— Чаю выпью охотно,—отвѣтилъ онъ на ея предложеніе.— А вы здѣсь хозяйничаете?

— Да, когда пріѣзжаю...

— Лѣтомъ, во время каникулъ,—перебилъ о. Маркъ, и старое, окрѣпшее недовольство слышалось въ его голосѣ.— Гордячка она! Отцовскаго хлѣба ѣсть не желаетъ! Въ Грибцовѣ учительницей служитъ, а я тутъ одинъ. Попадью схоронилъ, дѣти разъѣхались. Спасибо еще, дьяконъ семейный, такъ его ребятишки по двору шмыгаютъ, да вотъ, Никита не забываетъ меня. Не признали, видно, Никиту?

Онъ указалъ морщинистой рукой на здороваго молодца, молча курившаго у окна папиросу.

— Неужели—Никита Рязановъ?...

Въ воспоминаніи Аркадія Семеновича мелькалъ образъ бѣлобрысаго, босого мальчишки и никакъ не вязался съ тѣмъ сильнымъ, рослымъ юношей, который привѣтливо и свободно протягивалъ ему руку.

— Лѣтъ пятнадцать, должно быть, не видались мы съ вами, Аркадій Семеновичъ, не мудрено и не признать сразу, я же, говорятъ, сильно измѣнился.

— Совсѣмъ другой, Никита...—онъ поймалъ выжидающій взглядъ Вѣруши,—Никита Васильевичъ.

Присѣли къ столу. Вѣруша угощала заботливо, безъ назойливости. Вспоминали родныхъ, старыхъ слугъ, знакомыхъ крестьянъ. Многіе умерли, уѣхали навсегда и было что-то тоскливое, какъ въ панихидѣ, въ этомъ перечнѣ привычныхъ именъ.

— Надолго сюда? Или, можетъ, только въ глаза напорошите?—полюбопытствовалъ о. Маркъ.

— Самъ не знаю. Можетъ, и совсѣмъ поселюсь здѣсь.

— Что такъ? Или пріѣлась столица? А намъ-то, въ глуши, кажется, что лучше столицы и нѣтъ ничего. Электричество тамъ, телефоны, театры, всякія чудеса, удобства и новшества,—перечислялъ о. Маркъ.

— Богъ съ ними, батюшка! У меня здоровье расшатано, нервы давно не въ порядкѣ, я ищу покоя, затишья. А здѣсь все, какъ было. Не коснулись здѣшняго уголка вѣянія новизны.

— Напрасно такъ думаете, Аркадій Семеновичъ,—чуть-чуть усмѣхнулся Никита,—и здѣсь люди живутъ, работаютъ, думаютъ.

— Живутъ традиціями старины. Все тѣ же крѣпостные, покорные рабы, та же грязь, нищета, заброшенность, тупость... Нѣтъ, здѣсь я найду то, что мнѣ нужно—душевный и тѣлесный покой.

— А вѣдь правда, что и здѣсь стало не то; говѣльщиковъ съ каждымъ годомъ становится меньше,—съ наивнымъ прискорбіемъ вздохнулъ о. Маркъ.

Замолчали. Никита всталъ, попрощался.

— Пора. Лошадь совсѣмъ застоялась.

— А вашъ этотъ конь? Я видѣлъ, хорошій.

— Хозяйскій. Я въ Жуковѣ на сыроваренномъ заводѣ служу.

— Никита въ Ярославской губерніи обучался. Хозяинъ души въ немъ не чаетъ,—хвастливо сообщилъ о. Маркъ.

— Неужели молочное хозяйство можетъ здѣсь давать приличный доходъ? Я этого никогда не предполагалъ.

Рѣзко сдвинулъ брови Никита.

— Отчего же не дать? Конечно, безъ труда ничего не добьешься...

— Ну, наши мужички не горазды трудиться. Имъ и свою полосу лѣнь обработать какъ слѣдуетъ, а гдѣ же имъ думать объ улучшеніи луговъ, породы скота. Не умереть съ голоду,—вотъ идеалъ мужика.

Аркадій Семеновичъ говорилъ насмѣшливо, точно хотѣлъ вызвать въ Никитѣ взрывъ негодующей откровенности.

— Напрасно такъ думаете.

Никита кивнулъ головой и вышелъ, не прибавивъ ни слова.

Смеркалось. Въ тучѣ пыли прошло мимо оконъ деревенское стадо. Росистый вѣтеръ колыхнулъ занавѣски, принесъ запахъ ржи. Изъ села доносилась безнадежно пьяная пѣснь, коростель перебивалъ ее своимъ рѣзкимъ крикомъ.

— И мнѣ пора!—сказалъ Аркадій Семеновичъ.

Вѣруша накинула на голову бѣлый платокъ.

— Я провожу васъ. Тропинкой ближе,—сказала она.

Они вышли въ балконную дверь. Садъ о. Марка былъ не великъ, но тѣсно засаженъ. Вѣруша шла не спѣша между рядами грядокъ, кустами смородины и малины. Подолъ ея свѣтлаго платья начиналъ темнѣть отъ росы.

— Неужели вы думаете здѣсь поселиться? — спросила она.

— Надоѣло мнѣ въ городѣ. Тамъ люди корыстные, алчные, думаютъ лишь о себѣ. На службѣ, въ обществѣ, даже на улицѣ какая-то бѣшеная скачка за лучшимъ мѣстомъ, за крупнымъ

кускомъ. Ни отъ кого не жди пощады. Не сумѣлъ добыть, сиди голоднымъ.

— А вамъ хотѣлось бы, чтобы всѣ все лучшее вамъ уступали?

— Зачѣмъ? Мнѣ нужно такъ мало! Вотъ я и пріѣхалъ сюда. Здѣсь я найду покой и свободу.

— А чѣмъ вы жить будете?

— Чѣмъ?—удивился Аркадій Семеновичъ,—у меня есть капиталъ и другое имѣніе въ арендѣ...

Вѣруша досадливо дернула плечами.

— Да развѣ я о томъ! Какъ вы могли подумать... Я спрашиваю, что вы дѣлать здѣсь будете? Чѣмъ заниматься?

— Отдыхать буду, Вѣруша. Я усталъ, никуда не гожусь.

— Отдыхать?..—протянула она и пошла быстрѣе.

Онъ нагналъ ее у калитки.

— Зачѣмъ вы въ учительницы пошли? Батюшка этимъ, видать, недоволенъ.

— Да вотъ! еще отдыхать не хочу!

Она разсмѣялась звонко, не зло, и подошла ближе, точно желая сгладить насмѣшку.

— Отцу что нужно? Супъ сварить да булку испечь, это и Марфа сумѣетъ,—довѣрчиво объяснила она.—А мнѣ этого мало. Руки заняты будутъ, а голова останется праздной, и стану я думать: отчего меня въ гимназіи не учили? Была бы я образованная, въ городѣ бы жила, съ хорошими людьми зналась бы, книжки умныя читала бы. И стала бы я на судьбу свою плакаться. А теперь, какъ съ утра до ночи я занята, и времени у меня на жалобы нѣтъ. Лѣтомъ сюда пріѣду, какъ дитя малое рѣзвлюсь, купаюсь, гуляю, пѣсни пою! Хорошо.

Аркадій Семеновичъ смотрѣлъ на нее съ восхищеніемъ.

— Какая вы хорошая стали, Вѣруша! Не ожидалъ я васъ встрѣтить такой.

Они дошли до оврага. Отъ закатившагося солнца осталась лишь узкая багровая полоса, въ темномъ небѣ загорались блѣдныя звѣзды, поля тонули въ туманѣ, поднимавшемся съ сырыхъ луговъ, и пахло все сильнѣе цвѣтущей рожью, полынью, остро-душистыми травами.

— Я все вспоминаю, Вѣруша, какая вы были застѣнчивая, даже неловкая, когда я видѣлъ васъ въ послѣдній разъ на похоронахъ отца.

Она тихо засмѣялась.

— Да и я этого вѣкъ не забуду! Сколько я тогда натер-

БИБЛІОТЕКА РУССКАЯ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА ОБЩЕЙ ТРЕЗВОСТИ

пѣлась! Всѣ-то въ темныхъ платьяхъ, въ черныхъ платкахъ, одна я точно на вѣнчанье вырядилась... Вѣдь одно хорошее платье только и было, а то послѣ сестеръ все донашивала... И стыдно же было мнѣ въ немъ. Плакать хотѣлось... Я очень любила вашего батюшку, а тутъ все забыла, въ головѣ одна мысль, что всѣ смѣются надъ нарядомъ моимъ.

— Отецъ васъ тоже любилъ, да и мама часто мнѣ про васъ говорила. Она называла васъ «кроткой Вѣрушей».

— Вотъ это напрасно. Какая я кроткая! Что захочу — вынь да положь, чтобъ было по-моему. Ну, вотъ и дошли, тутъ ужъ вамъ прямо домой.

— До свиданія, Вѣруша. Вы не сердитесь, что я васъ такъ называю?

— За что сердиться? Меня такъ всѣ бабы и мужики называютъ. По селу иду, а мнѣ ребятишки вслѣдъ: «Что, Вѣрунька, поспѣлъ у батюшки сладкій горохъ?»

Она повернулась и молча пошла по притихшему, темному полю.

— Заходите!—прозвучалъ ея голосъ издалека.

Аркадій Семеновичъ проводилъ ее глазами до тѣхъ поръ, пока ея свѣтлое платье не слилось съ окружающей мглой, и медленно побрелъ къ своему дому, гдѣ, по приказанію старосты, у оплывшей свѣчи дремотно поджидалъ барина Ириней.

Странно сложилась жизнь Аркадія Семеновича въ Воздвиженскомъ. Когда онъ ѣхалъ сюда, у него были, хотя и смутные, но все же кое-какіе планы: привести домъ въ порядокъ, прикупить мебели, выписать книгъ и журналовъ, нанять приличную прислугу, а главное—серьезно заняться лѣченіемъ расшатанныхъ нервовъ, запущеннаго катарра. Въ его мысляхъ и планахъ не было мѣста тѣмъ людямъ, съ которыми предстояло встрѣчаться, онъ ни разу не задавался вопросомъ—каковы будутъ ихъ отношенія.

— Буду жить, какъ улитка,—съ улыбкой думалъ онъ, и ему казалась заманчивой эта жизнь для себя.

На дѣлѣ вышло не то. Проходили дни, а у него въ комнатѣ стояла все та же неудобная, разсохшаяся мебель, окна были закрыты газетами, а пузырьки съ лѣкарствами стояли нераскупоренными. Обѣдъ стряпала ему жена старосты, а подавалъ Ириней, и трудно было рѣшить, что менѣе аппетитно—скользкая, жилистая говядина въ мутномъ супѣ, или грязныя руки Иринея, крѣпко державшія грубую тарелку.

Аркадій Семеновичъ морщился, бранился, но обѣдъ кончался, и онъ брался за фуражку, чтобы поскорѣе поспѣть къ о. Марку.

Ему всегда казалось, что вчера онъ мало видѣлся съ Вѣрой, не поговорилъ съ ней о самомъ главномъ, не выслушалъ ея мнѣнія по важному вопросу. Но стоило ему отворить калитку сада о. Марка, какъ всѣ вопросы забывались, и онъ могъ только молча смотрѣть на Вѣрушу, любоваться ею. И не то, чтобы она нравилась ему своей наружностью. Въ минуты раздумья онъ даже не совсѣмъ лестно относился къ ней въ этомъ смыслѣ, находилъ, что руки ея грубы и не гибки, походка небрежна, что ни причесаться, ни выбрать платья къ лицу она не умѣетъ, что въ ней слишкомъ видны слѣды постоянной жизни въ деревнѣ, общенія съ мужиками. Разговоръ ея тоже казался ему однообразнымъ. Она мало читала, неразвита, интересуется только тѣмъ, что составляетъ жизнь ея жалкаго захолустья, а между тѣмъ... съ ней хорошо, ея оживленное лицо точно свѣтится любовью ко всѣмъ, участьемъ, здоровымъ весельемъ, готовностью помочь, облегчить всякую тяготу.

О. Маркъ обычно проводилъ время въ саду. Согнувъ тощую спину въ старомъ подрясникѣ, онъ пололъ, поливалъ, подрѣзывалъ.

— Эхъ, климатъ у насъ!—скорбно качалъ онъ сѣдой головой,—ничто не растетъ. То дожди льютъ безъ конца, то морозъ нежданно нагрянетъ, и прощай всѣ труды.

— А вы любитель, о. Маркъ! Заправскій ботаникъ!

— Гдѣ ужъ намъ! Кромѣ капусты да рѣпы всю жизнь ничего не видали, только по наслышкѣ да по картинкамъ и знаемъ, что есть овощи и получше.

— Вамъ бы на югъ!

— Лучше не говорите. Всю свою жизнь только о томъ и мечталъ, чтобы по такому саду прогуляться, гдѣ и вишни, и сливы, и груши, гдѣ и розы цвѣтутъ, и миндаль созрѣваетъ... Иной разъ во снѣ увижу, такъ, вѣрите ли, просыпаться не хочется,—добродушно смѣялся старикъ.

Приходила Вѣруша. Она тоже цѣлый день проводила на воздухѣ, въ полѣ, въ рощѣ, на лугу возлѣ рѣчки. Отъ нея всегда пахло полевыми цвѣтами, мохомъ, влажной землей и въ волосахъ ея часто запутывались сухіе листочки, былинки, пухъ одуванчиковъ.

— Тепломъ запасаюсь,—шутила она.—У меня въ Грибцовѣ квартира холодная, во всѣ щели дуетъ. А когда весна настаетъ и на улицу тянетъ, гулять не приходится — экзамены близко. Въ этомъ году новаго попечителя ждали, говорили — придирчивый, такъ я двѣ недѣли какъ въ лихорадкѣ была! Ничего, обошлось.

— Ага! Струсили!

— Не за себя. Малышей жалко, вѣдь вы войдите въ ихъ душу, поймите, что это значитъ для нихъ.

Она принялась горячо говорить о своей школѣ, хвалила учениковъ, жалѣла, что ученіе имъ дается съ трудомъ, благодаря тяжкимъ условіямъ жизни. Въ каждомъ ея словѣ сквозило желаніе помочь, надежда, что жизнь ребятишекъ сложится лучше жизни отцовъ. Она разгорѣлась внутреннимъ огнемъ, лицо ея становилось осмысленнымъ, почти вдохновеннымъ, она хорошѣла.

— Всѣмъ хочется жить,—говорила она.—И вамъ и имъ тоже. Каждый думаетъ про себя: «Неужели и я буду всю жизнь сѣрымъ мужикомъ спину гнуть?» Каждаго тянетъ къ знанію, къ свѣту, каждый хочетъ завоевать себѣ счастье.

— Да вѣдь и землю нужно кому-нибудь обработать, Вѣруша! Какъ же безъ этого?—спрашивалъ, любуясь ею, Аркадій Семеновичъ.

— Знаю, что нужно, только не такъ. Ахъ, не умѣю я объяснить, глупая я, а нужно, чтобы трудъ давалъ радость, сознаніе, что наши усилія не пропадутъ даромъ, а у насъ трудъ и горе, и больше нѣтъ ничего.

— Какъ ничего? Посмотрите, Вѣруша, какъ многое измѣнилось. Ужъ про крѣпостное право и говорить мы не будемъ, а за послѣдніе годы въ самомъ глухомъ уголкѣ вы найдете и больницы, и школы. Крестьянину помогаютъ и словомъ, и дѣломъ.

Она сомнительно качала головой.

— Все это не то. Вотъ вы пройдете по деревнѣ съ тросточкой, посмотрите на пустые дворы, на гнилыя крыши, на оборванныхъ ребятишекъ и подумаете: «Да, бѣдно живутъ мужички!» А пройдетъ часъ, другой, вы и забыли объ этомъ... Объ этомъ грѣхъ забывать, надо помнить всегда, тогда только будетъ настоящая помощь.

При этихъ бесѣдахъ иногда присутствовалъ и Никита. Онъ рѣдко вставлялъ свое слово, но по тому, какъ взглядывала на него Вѣруша, можно было понять, что мыслятъ они одинаково.

— Посмотрите,—продолжала Вѣруша, — что дѣлается у насъ: іюль на дворѣ, рожь еще не убрали, а выгоны всѣ уже съѣли до тла, скотина голодная приходитъ домой. Овесъ плохо родится, осоки мало, съ зимняго Николы кормятъ соломой, да и той хватаетъ лишь до поста. Овощей нѣтъ, ребятишки за зиму всѣ зачахнутъ, жалко глядѣть.

— Не горюйте, Вѣруша, все понемногу исправится.

— Когда-то еще исправится,—грустно проговорила она.

— Исправится, безъ сомнѣнія,—подтвердилъ молчавшій до сихъ поръ Никита,—но помощь нужна.

— Какая?—насмѣшливо спросилъ Аркадій Семеновичъ.

— Настоящая, конечно, а не на однихъ словахъ.

— Я готовъ хоть сію минуту отдать крестьянамъ траву въ своемъ саду, пусть косятъ!

— На что она? Горькая, ѣсть коровы не станутъ. Вы бы лучше продали крестьянамъ по сходной цѣнѣ лѣсочекъ на томъ берегу. Вамъ отъ него нѣтъ никакого дохода, а они бы его вырубили, выкорчевали и засѣяли бы это мѣсто травой.

— Можетъ, и садъ для нихъ вырубить?—грубо перебилъ Аркадій Семеновичъ.

Каждое слово Никиты раздражало его, поднимало въ немъ желчь.

— Доброе дѣло! Земля тамъ жирная, отлично клеверъ пойдетъ.

— А затѣмъ?

— Затѣмъ скотъ поправится, станетъ больше давать молока.

— И тогда можно будетъ открыть здѣсь сыроваренный заводъ, такъ по-вашему?

— Отчего-жъ бы и не такъ?

— Можетъ, и домъ мой для завода пригодится?

— Чего лучше? Тамъ подвалы отличные.

Никита всталъ со скамейки и прошелся по саду. Тяжелымъ, затуманеннымъ взглядомъ слѣдилъ за нимъ Аркадій Семеновичъ. Красивъ Никита, ростомъ высокъ, широкоплечъ и одѣтъ хорошо, просто, удобно, и руки у него сильныя съ широкими, крѣпкими ногтями. Смѣлъ онъ, увѣренъ въ себѣ, но нѣтъ въ немъ и наглости. Видна сила сознательная, спокойная за себя. А давно ли, подумаешь, оборваннымъ мальчишкой по селу бѣгалъ и отецъ его униженно просилъ у господъ то овса на посѣвъ, то мучицы на праздникъ.

— И что же вы, Никита Васильевичъ,—старательно выговаривая имя Никиты, спросилъ Аркадій Семеновичъ,—если бы, скажемъ, на меня нашелъ такой стихъ и я отдалъ бы крестьянамъ въ аренду Воздвиженское, сами бы здѣсь хозяйничать стали?

— Зачѣмъ? Дѣло бы повелось на артельныхъ началахъ и я сталъ бы служить у крестьянъ за извѣстную плату, какъ служу и теперь.

— Ну, а процентикъ за трудъ, за науку, взяли бы съ мужичка?

Никита промолчалъ, и въ насупленныхъ бровяхъ Вѣруши Аркадій Семеновичъ прочелъ себѣ порицаніе.

— Вы разсердились на меня за Никиту?—спросилъ онъ Вѣрушу, когда они остались одни.

— Онъ правильно говоритъ и правильно поступаетъ.

— Въ чемъ это?

— А въ томъ, что, когда кончилъ учиться, не взялъ выгоднаго мѣста, а вернулся на родину и служитъ здѣсь на меньшемъ жалованіи только для того, чтобы помогать сосѣдямъ словомъ и дѣломъ. Брата отдалъ въ городъ, въ ученіе, отцу-старику помогаетъ.

— Однимъ словомъ—совершенство! Такъ вѣдь? Но Богъ съ нимъ! Гдѣ вы-то были весь день? Я искалъ васъ, не зналъ, что подумать...

— Я ходила на мельницу въ Прядино. Хорошо тамъ! Вода чистая, быстрая, дикія утки плаваютъ, рыба плещется, лиліи водяныя цвѣтутъ.

— Все-то вы бродите! Когда вы устанете?

— А когда вы отдыхать приметесь?

Онъ улыбнулся и взялъ ее подъ руку.

— Вѣруша, поймите! Я точно другой человѣкъ сталъ. Всѣ мои планы—ни къ чорту!

— Какъ? А лѣченіе? Вы хотѣли пить какую-то воду.

— Оставьте, Вѣруша! Никакой мнѣ не нужно воды, мнѣ такъ хорошо...

Они тихо шли по дорожкамъ садика, и Аркадій Семеновичъ чувствовалъ, какъ въ груди его наростаетъ что-то большое и сильное. Ему становилось трудно дышать, кровь приливала къ лицу, стучала въ вискахъ. Онъ смотрѣлъ сбоку на Вѣру, на ея лобъ, на который падала прядь свѣтлыхъ волосъ, и его неудержимо тянуло прижаться губами къ этой мягкой, растрепавшейся пряди.

Іюль былъ на исходѣ. У о. Марка поспѣла малина, и Вѣруша варила варенье.

— Себѣ на зиму. Соскучусь, самоварчикъ поставлю, чаю съ вареніемъ попью, Воздвиженское вспомню и веселѣе станетъ,—говорила она.

Аркадій Семеновичъ пристально смотрѣлъ на нее. Лицо ея было блѣднѣе обыкновеннаго, таило въ себѣ не то радость, не то рѣшимость, и это волновало его.

— И все вы одна тамъ, Вѣруша?

— Зачѣмъ одна! Матушка тамъ молодая, часто съ ней вижусь. Дѣвушки деревенскія ко мнѣ на посидѣлки приходятъ, читаю имъ, пѣсни поемъ, а не то игры затѣемъ, въ колечко, въ жмурки, гадаемъ... Никита иногда заѣзжаетъ...

— Этотъ гость вамъ милѣе всего.

Голосъ Аркадія Семеновича прозвучалъ жестко, обиженно. На лицо Вѣруши набѣжала мимолетная тѣнь.

— Мнѣ всѣ милы,—сдержанно проговорила она.

Августъ начался дождями. Два дня не переставая, словно изъ частаго сита, сѣяли мелкія, холодныя капли. Аркадій Семеновичъ сидѣлъ безвыходно дома, у него болѣла голова, знобило. Въ комнатахъ было холодно, скучно, печи дымили, въ окнѣ спальной моталась мокрая отъ дождя вѣтка рябины, уныло звенѣли струйки воды, стекая въ каменный желобъ, а въ каморкѣ подъ лѣстницей нудно вздыхалъ и ворочался Ириней.

Аркадій Семеновичъ лежалъ на неудобной постели и смотрѣлъ то въ окно, то на сѣрый, потрескавшійся потолокъ. Даже курить ему не хотѣлось и мысли были растеряны, обрывались, кружились, все возвращаясь къ Вѣрушѣ. Она сказала ему въ день ихъ послѣдняго свиданія, что скоро уѣдетъ дня на три въ сосѣднее село Заболотное, къ о. Константину. Тамъ, у ея подруги, Анюты, соберется окрестная молодежь, будутъ семинаристы. Днемъ отправятся въ лѣсъ, за грибами, за брусникой, будутъ пѣть хоромъ, жечь большіе костры, а вечеромъ фанты, танцы, горѣлки.

— А какъ же я?—холодѣя при мысли о разлукѣ, подумалъ Аркадій Семеновичъ и рѣзко спросилъ:

— Когда же вернетесь?

— На той недѣлѣ, въ четвергъ. Пробуду здѣсь воскресеніе, а тамъ и въ Грибцово пора. Надо до молебна въ порядокъ все приводить. Лѣтомъ у писаря всегда много гостей, ночуютъ въ училищѣ, навѣрно грязь тамъ страшную развели. Повеселюсь напослѣдокъ у Анюты, да и за дѣло.

Она весело улыбалась, вспоминая подругъ, прошлогоднія знакомства съ пріѣзжими кавалерами, шутки, громкій говоръ въ тѣсныхъ комнатахъ, у столовъ, заставленныхъ незатѣйливымъ угощеніемъ, а ему хотѣлось крикнуть ей, чтобы она не смѣла такъ улыбаться, чтобы не смѣла радоваться тѣмъ днямъ, въ которые не увидитъ его. Ему хотѣлось сказать ей, что всякая ея мысль, чувство, радость, печаль, все должно принадлежать ему одному. Въ немъ просыпалась перешедшая отъ дѣдовъ

привычка властвовать надъ безмолвными крѣпостными, смотрѣть на женщину, какъ на вещь, какъ на покорную игрушку своей необузданной прихоти. И теперь онъ съ гнѣвнымъ нетерпѣніемъ смотрѣлъ на сѣрую пелену облаковъ. Поскорѣй бы разведрило, онъ пойдетъ тогда къ о. Марку и объяснится съ Вѣрушей. Ни малѣйшаго сомнѣнія въ ея согласіи у него не было.

— За счастье сочтетъ!—самолюбиво думалъ онъ, и воображеніе рисовало ему ея смущеніе, радостное удивленіе о. Марка.

На третій день порывистый вѣтеръ раздулъ тучи съ юга, и онѣ, точно спѣша очистить солнцу дорогу, сгущались и свертывались по краямъ, убѣгая на сѣверъ. Заиграли зайчики на стѣнѣ, засверкали лужи въ саду, въ открытое окно пахнуло здоровымъ холодкомъ, и ребятишки гурьбой побѣжали подъ горку, въ рощу, за ягодами, за грибами. Ириней принесъ самоваръ, и лицо его казалось моложе и чище, чѣмъ наканунѣ. Аркадій Семеновичъ наспѣхъ выпилъ стаканъ и пошелъ къ о. Марку.

Онъ спѣшилъ, и ноги его разъѣзжались на мокрой тропинкѣ, съ кустовъ сыпались на него тяжелые брызги, вѣтеръ поднималъ полы пальто. Но онъ улыбался веселыми, юношескими глазами и, смѣшно размахивая руками, перескакивалъ черезъ лужи. Имъ овладѣлъ порывъ почти мальчишеской отваги, хотѣлось пѣть, свистать, бороться съ кѣмъ-нибудь.

Вотъ и калитка въ концѣ знакомаго сада. Осторожно просунулъ онъ руку въ отверстіе забора, повернулъ неуклюжій костыль и распахнулъ узкую дверку. Прямо отъ него шла дорожка къ дому, густо усаженная кустами сирени, дикаго жасмина, калины. Корявыя вѣтви китайскихъ яблонь далеко протягивались надъ ней, образуя зеленый, блестящій отъ дождевыхъ капель, подвижной сводъ. И на этой зеленой, просвѣчивающей завѣсѣ четко рисовались фигуры Вѣруши и Никиты.

Тѣсно слившись, крѣпко обнявшись, они шли подъ сверкающими, ярко освѣщенными вѣтками, какъ воплощеніе новой жизни, молодой, бодрой, радостно отдающей избытокъ своего счастья и силы другимъ.

Аркадій Семеновичъ стоялъ у калитки, смотрѣлъ имъ вслѣдъ, и рука его застыла на желѣзной скобѣ. Онъ смотрѣлъ, и сквозь острое горе, едва замѣтно, тоненькой струйкой пробивалось сознаніе, что такъ нужно, такъ хорошо.

Тихо отступилъ онъ и, не закрывая калитки, вышелъ на лугъ. Здѣсь онъ остановился въ раздумьи. Ему казалось, что онъ стоитъ передъ высокой стѣной и не знаетъ, куда ему ле-

житъ путь. Онъ чувствовалъ себя старымъ, больнымъ, ослабѣвшимъ. Минутный порывъ, казалось, унесъ его силы.

Набѣжала тучка на солнце и длинная тѣнь легла на лугъ и на поле. Вѣтеръ нагнулъ чахлыя березы въ рощѣ и съ ихъ верхушекъ дождемъ посыпались блѣдно-золотистые, осенніе листья; потемнѣла бурая пашня съ рѣдкими суслонами вымокшей ржи, колеистая, размытая дорога. Зашуршала осока на берегу рѣчки и мелкая рябь побѣжала хмуро и торопливо, точно хотѣла скрыть ото всѣхъ, какъ мелки и безполезны ея малосильныя струйки.

Аркадій Семеновичъ вяло побрелъ по дорогѣ въ село. Въ его походкѣ, въ опущенныхъ рукахъ видна была усталость. Онъ изрѣдка улыбался насмѣшливо и злобно. Ему не хотѣлось даже думать о томъ, что онъ видѣлъ, о томъ, что это значило для него. Одно сознавалъ онъ ясно теперь, что ему надо уѣхать, забыть...

Въ селѣ церковь была отперта, и изъ нея доносилось заунывное пѣніе. О. Маркъ отпѣвалъ бѣдняка. Бѣлѣлъ гробъ, грубо сколоченный, покрытый въ ногахъ новиной, бѣлѣли и волосы старика, такъ безжизненно застывшіе по краямъ впалыхъ щекъ. Псаломщикъ пѣлъ, спѣша, громко перелистывая книгу, и его рѣзкій голосъ непріятно вплетался въ тихіе возгласы о. Марка. Сынъ старика стоялъ тутъ же съ тремя сосѣдями по деревнѣ. У двоихъ были лопаты въ рукахъ, и ждали они съ нетерпѣніемъ той минуты, когда можно будетъ взвалить гробъ на плечи и скорымъ шагомъ отнести въ уголъ кладбища. Что говорить, не во-время умеръ старикъ. Рожь бы повѣять сегодня, что до дождя смолотили, ишь вѣтеръ какой разыгрался!

О. Маркъ подошелъ къ Аркадію Семеновичу. Отъ него пахло дешевымъ ладономъ, и старая, проношенная на складкахъ риза некрасиво гнулась на его тощихъ плечахъ.

Извѣстіе объ отъѣздѣ Аркадія Семеновича онъ выслушалъ довольно равнодушно.

— Давно говорю, что соскучитесь,—сказалъ онъ:—гдѣ ужъ вамъ, городскимъ, у насъ жить! Погодите, выйдемте вмѣстѣ, я сейчасъ.

Онъ исчезъ въ алтарѣ. Крестьяне, толкаясь, подняли гробъ и долго налаживались идти въ ногу. Впереди нихъ шелъ мальчикъ и несъ ихъ плоскіе, грязные картузы. Гробъ качался отъ неровныхъ движеній, и было жутко думать, что подъ его крышкой навѣки скроется желтое лицо старика.

О. Маркъ вернулся въ тепломъ армякѣ и съ мѣховой шапкой подъ мышкой.

— Старъ становлюсь, еще лѣто на дворѣ, а я по-зим-

нему,—улыбнулся онъ.—Такъ-то, гость дорогой! Встрѣтили васъ и проводимъ. Искренно жаль.

Онъ былъ озабоченъ.

— Вѣтеръ какой! Выяснитъ къ ночи, а утромъ морозецъ. Прощай огурцы, да и ячменю вредно. Не хозяйство, а горе у насъ.

— Потерпите, батюшка. Вотъ Никита здѣсь все наладитъ поновому. И погоду исправитъ, и землю, всѣмъ дастъ богатство и счастье.

Маленькое лицо о. Марка подъ вытертой шапкой стало вдругъ серьезно и замкнуто. Онъ остановился на послѣдней ступенькѣ паперти.

— А вы что думаете?—убѣжденно сказалъ онъ,—Никита вѣдь голова! Онъ многое можетъ. Молодъ, а заботливъ, себя не жалѣетъ, другимъ хочетъ помочь. Мы вотъ сколько здѣсь прожили, мужичка знаемъ, вмѣстѣ росли, вмѣстѣ трудились, горе терпѣли, вмѣстѣ и помирать будемъ, а чему мы его научили? въ чемъ помогли? Какъ при отцахъ было, такъ и при насъ. А Никита пришелъ, увидалъ нужду, горе, темноту непроглядную, и сталъ думать, какъ тому пособить, и пособитъ, увидите!

— Что-жъ, въ часъ добрый! Честь и мѣсто, а мы съ вами, батюшка, значитъ, въ отставку?

— Въ отставку,—добродушно засмѣялся о. Маркъ. — Я готовъ, хоть сейчасъ, пора и на покой старымъ костямъ.

Они дружески разстались у крайней избы. Дома Аркадій Семеновичъ лихорадочно принялся за дорожные сборы. Ириней съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на него.

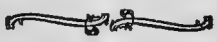
— Какъ же я, баринъ? Чаялъ до смерти вамъ послужить, а вонъ оно что вышло... Въ пастухи, что-ль, наняться?..

Рано выѣхалъ Аркадій Семеновичъ. Утро стояло ясное, яркое. На травѣ бѣлѣлъ первый иней. Было весело, свѣтло и просторно, но Аркадій Семеновичъ хмуро глядѣлъ на домъ и на садъ, не прощаясь съ ними, не сожалѣя о нихъ, не спрашивая себя, увидитъ ли ихъ еще разъ.

Лошади бѣжали дружно и, когда взобрались на плоскій холмъ у села, Аркадій Семеновичъ издали увидѣлъ Вѣрушу. Она спѣшила по узкой межѣ наперерѣзъ экипажу. Въ душѣ Аркадія Семеновича шевельнулось непріязненное чувство къ ней. Онъ подумалъ, что нужно остановиться, прощаться, говорить пустыя, лживыя слова, можетъ быть, послать поклонъ Никитѣ...

Онъ нахлобучилъ фуражку, откинулся вглубь тарантаса, и сердито приказалъ ямщику погонять лошадей.

М. Межакова.



* * *

Быть бѣднымъ странникомъ...
Какъ съ другомъ,
Съ высокимъ посохомъ идти
Лѣсной тропинкой, пышнымъ лугомъ,
Тѣсниной горнаго пути.

Любить дыханіе заката,
Вечернихъ росъ, степной травы,
И вѣрить звѣздамъ такъ же свято,
Какъ древле вѣрили волхвы,

Чтобъ въ блескѣ дня и въ шумѣ битвы
И въ тишинѣ полночной тьмы
Звучали пѣсни—какъ молитвы,
И были думы—какъ псалмы.

Потомъ покорно и блаженно
Принять послѣднюю печаль,
Какъ чей-то голосъ сокровенный,
Какъ чей-то зовъ въ иную даль.

И, опустивъ усталый посохъ,
Въ послѣдній разъ прильнуть къ нему,
И умереть въ вечернихъ росахъ,
Какъ въ сладкомъ жертвенномъ дыму.

Г. Вяткинъ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

Н. Г. Чернышевскій. Его взглядъ на соотношеніе общественныхъ силъ, двигающихъ прогрессомъ.

I.

«Будемъ оптимистами! Многаго не ждешь ни отъ чего, зато отъ всего ждешь хотя немногаго. Будемъ оптимистами!» Эти слова, сказанныя Чернышевскимъ при случаѣ, очень точно передаютъ сущность того настроенія, какимъ онъ бывалъ охваченъ, когда думалъ надъ судьбами историческаго процесса въ его цѣломъ. Суровый судья отдѣльныхъ эпизодовъ трагикомедіи человѣчества, подчасъ большой пессимистъ въ оцѣнкѣ текущей минуты, онъ былъ увѣренъ въ счастливой развязкѣ затянувшихся узловъ матерьяльной и духовной жизни человѣка. Онъ вѣрилъ, что человѣку удастся устроить земную жизнь такъ, какъ того требуютъ его разумъ и нравственное чувство. Онъ предполагалъ, что требованія нравственнаго чувства и разума у всѣхъ нормальныхъ, здоровыхъ и развитыхъ людей одинаковы. Если до сихъ поръ наличность такихъ признанныхъ нравственныхъ принциповъ допускаетъ на землѣ существованіе и процвѣтаніе большого количества зла, несправедливости и страданій, то только лишь потому, что эти принципы пока еще не стали общепризнанными. Условія политическаго, гражданскаго и экономическаго положенія сложились такъ, что умственная тьма, сознаніе своей за-

висимости, вялость характеровъ, соблазны жизни, привиллегированное положеніе, разныя формы суевѣрія, неправильность воспитанія и многое иное пока еще не позволяютъ истинной и разумной нравственности пріобрѣсти право руля въ жизни.

Исторіософскій оптимизмъ Чернышевскаго выливался такимъ образомъ въ довольно простую форму. Философскаго вопроса о цѣнности бытія вообще Чернышевскій не ставилъ и головы надъ нимъ не ломалъ, такъ какъ для него, какъ для «матерьялиста», цѣнность бытія была оправдана уже одной его наличностью. Не соблазняли Чернышевскаго и тѣ многочисленныя построенія теоріи прогресса, которыя съ конца XVIII вѣка сопутствовали попыткамъ философскаго истолкованія міровой проблемы вообще. Во всѣхъ этихъ теоріяхъ—опредѣленія конечнаго блаженнаго состоянія, къ какому прогрессъ долженъ былъ привести человѣчество, либо терялись въ метафизическихъ тонкостяхъ, либо превращались въ поэтическія метафоры. Критическій умъ Чернышевскаго плѣненъ ими не былъ. Обѣщанное царство «гуманности», царство «свѣта», «свободы, побѣждающей необходимость», царство «предвѣчной идеи, достигшей конечнаго своего воплощенія», царство «гармоніи», даже болѣе понятное царство свободы, равенства и братства—что могли сказать такія опредѣленія уму, любящему ясность и привыкшему исходить въ своихъ разсужденіяхъ изъ конкретныхъ фактовъ? Такія туманныя картины блаженства имѣли цѣнность въ свое время, когда въ первыя десятилѣтія XIX вѣка служили людямъ утѣшеніемъ въ міровой скорби, охватившей ихъ сердца и умы. Тогда эти философскія и поэтическія построенія теоріи прогресса были цѣлебной мечтой для опечаленной души, которая отрицала всякій прогрессъ въ мірѣ. Чернышевскій и его поколѣніе міровой скорбію не болѣли, а для скорби гражданской мечты о грядущемъ раѣ на землѣ — были даже какъ будто оскорбительны. Не мудрено, что теоріи прогресса, хотя бы подкрѣпленныя самыми видными именами философской науки, но безъ указаній на ясныя формы правовыхъ отношеній—не могли ничего сказать Чернышевскому; и онъ прошелъ мимо этихъ теорій, которыя несомнѣнно были ему извѣстны. Мечты Руссо о золотомъ вѣкѣ Чернышевскій, конечно, помнилъ, но врядъ ли эта греза объ «естественномъ» состояніи, къ которому мы въ будущемъ можемъ, если захотимъ, вернуться, говорила что-нибудь его мыслямъ о прогрессѣ. Ему скорѣе по душѣ могъ быть Вольтеръ, но взгляды Вольтера на процессъ историческаго развитія были полны противорѣчій. Богословская

точка зрѣнія Лессинга и Гердера въ ихъ разсужденіяхъ «о воспитаніи рода человѣческаго» и о торжествѣ «гуманности» на землѣ была по существу своему ненаучна, и Чернышевскій съ ней не считался. Врядъ ли многое могли ему сказать и письма Шиллера объ эстетическомъ воспитаніи человѣчества; еще меньше ученіе Шеллинга о трехъ послѣдовательныхъ періодахъ человѣческой жизни, въ которыхъ совершается постепенное обнаруженіе абсолюта. Исторіософія Гегеля съ ея ученіемъ объ идеѣ «свободы», которая, воплощаясь въ разныхъ государственныхъ формахъ, проясняется въ человѣческомъ сознаніи, не могла не остановить на себѣ вниманія Чернышевскаго, одно время вообще увлекавшагося системой Гегеля. Но и это философское видѣніе относилось къ числу тѣхъ общихъ формулъ прогресса, которыя скорѣе могли дѣйствовать на фантазію и чувство человѣка, чѣмъ удовлетворить требованіямъ критически мыслящаго разума. Всѣ такія поэтическія предсказанія о грядущихъ судьбахъ земной жизни давали лишь толчекъ пытливой мысли, которая на нихъ не могла остановиться и должна была очень скоро отчислить ихъ въ разрядъ сказокъ, въ которыхъ правдиво одно лишь настроеніе, ихъ создавшее.

Когда Чернышевскому попали въ руки сочиненія французскихъ соціалистовъ, онъ нашелъ наконецъ тѣхъ теоретиковъ прогресса, съ которыми онъ могъ до извѣстной степени договориться. Вѣдь въ сущности всѣ соціалистическія утопіи С.-Симона, Фурье и другихъ были также теоріями прогресса, съ тою только разницею, что желанное грядущее было въ нихъ придвинуто на болѣе близкое разстояніе къ современному, и довольно точно опредѣлены тѣ общественныя, политическія и главнымъ образомъ экономическія условія, въ какихъ должна протекать жизнь при совершенномъ ея строѣ. Съ ученіями французскихъ соціалистовъ Чернышевскій ознакомился въ первые же годы своего пребыванія въ Петербургѣ. Ихъ теоріи были для него предметомъ первой идейной любви, къ которой примѣшивалось много страсти. Увлечь его эти системы могли не однимъ только своимъ гуманизмомъ, той защитой слабаго и неимущаго, которая лежала въ ихъ основѣ. Эта сторона ученій могла говорить его сердцу; но была вѣдь и другая сторона, которая должна была говорить уму. Умъ требовалъ извѣстной системы и научности во взглядахъ на развитіе историческаго процесса, и соціальныя утопіи, лаская воображеніе гуманными картинами грядущей соціальной гармоніи, пытались подтвердить эти мечты доводами разума, историческими справками, научными

выкладками, на основаніи наличныхъ фактовъ общественной и экономической жизни текущей исторической минуты. Утопія пріобрѣтала характеръ исторіософскаго трактата — трактата по исторіи и теоріи прогресса съ красивыми иллюстраціями изъ предполагаемой въ близкомъ будущемъ жизни. Эти иллюстраціи могли подкупить и надолго любой живой умъ, пока критическій разумъ мало по малу не начиналъ протестовать противъ вторженія мечты въ область научнаго мышленія. И Чернышевскій въ своемъ раздумьи надъ грядущей судьбой человѣчества былъ долгое время во власти той поэзіи, какой такъ сильны всѣ утопіи, пока не началъ медленно переходить къ научному обоснованію того, что открывалось его гуманной душѣ какъ греза, близкая къ осуществленію. Отъ любви къ утопіи Чернышевскій окончательно отдѣлаться не смогъ и во многихъ своихъ разсужденіяхъ на чисто научныя темы онъ допускалъ извѣстную примѣсь мечты, которую не всегда можно было привести въ связь съ наличной жизнью. Но несомнѣнно, что съ годами вопросъ о прогрессѣ,—т. е. объ установленіи новаго соціальнаго порядка въ людскихъ отношеніяхъ, становился для него предметомъ все болѣе и болѣе научнаго мышленія. Отъ утопіи нашъ соціологъ и первый по времени теоретикъ соціализма въ Россіи переходилъ къ научному обоснованію своихъ взглядовъ на возможную въ ближайшемъ будущемъ соціальную реформу.

II.

Въ своемъ увлеченіи картинами грядущей жизни Чернышевскій имѣлъ большую свободу выбора. Онъ былъ знакомъ съ ученіями всѣхъ великихъ реформаторовъ начала XIX вѣка и весьма внимательно слѣдилъ за судьбой зарождавшагося соціализма. Успѣхи соціалистической доктрины въ области мысли или въ области политики его очень радовали; онъ не щадилъ времени, которое отдавалъ на изученіе книгъ весьма трудныхъ для уразумѣнія, и въ кружкѣ И. Введенскаго и петрашевцевъ онъ много говорилъ на любимыя темы. Сенъ Симонъ, Оуэнъ, Фурье, Ламмене, Леру и Луи Бланъ стали на нѣкоторое время его наиболѣе частыми собесѣдниками. Не ко всѣмъ изъ этихъ писателей относился онъ съ одинаковой симпатіей, и въ раннемъ направленіи его симпатій уже видна господствующая черта его характера и умственнаго склада. Во всѣхъ этихъ общихъ теоріяхъ прогресса и въ этихъ разработкахъ вопроса о практи-

ческихъ способахъ измѣненія господствующаго соціальнаго строя Чернышевскій прежде всего цѣнилъ научность построенія и удобоисполнимость рекомендуемыхъ способовъ воздѣйствія на жизнь. Къ сенсимонизму, онъ отнесся холодно, хотя къ самому С. Симону, какъ къ человѣку, съ большой симпатіей. Теократическая тенденція сенсимонизма, его, несомнѣнно, буржуазный гуманизмъ и, главное, тотъ нивелирующій деспотизмъ духовной и матеріальной опеки, какую устанавливала школа Сенъ-Симона надъ своей паствой, были Чернышевскому не по-нутру. Въ конечномъ своемъ судѣ надъ сенсимонистами (въ 1860 году), Чернышевскій перешелъ даже границу исторической справедливости, обозвавъ сенсимонизмъ «экзальтаціей, презиравшей всѣ внушенія разсудка», а сенсимонистовъ «салонными героями, подвергавшимися припадку филантропизма». Къ пророчествамъ Леру Чернышевскій могъ быть достаточно равнодушнымъ и въ этомъ не было ничего удивительнаго, такъ какъ религіозное ученіе Леру о прогрессѣ «человѣчества, тождественнаго съ человѣкомъ» было во многомъ лишь мистическимъ, малопонятнымъ толкованіемъ такихъ общихъ понятій, какъ понятіе о любви и о равенствѣ. Послѣ Леру, какъ признавался Чернышевскій, ему Луи Бланъ показался «увлекательнымъ», и, дѣйствительно, одно время Луи Бланъ увлекъ Чернышевскаго настолько, что онъ призналъ въ немъ «великаго человѣка». Проектъ «организаціи труда»—проектъ, которымъ Луи Бланъ тогда на всю Европу прославился, могъ, конечно, вскружить голову любому, даже очень трезвому, мыслителю. Проектъ этотъ обѣщалъ практическое и немедленное разрѣшеніе самой острой соціальной задачи—урегулированія труда и притомъ безъ всякой ломки существующаго порядка. Въ глазахъ Чернышевскаго такая организація, вмѣстѣ съ извѣстной попыткой Оуэна, была первой побѣдой соціалистической практики надъ жизнью, которая на доводы соціалистической теоріи совсѣмъ не хотѣла откликаться. Но какія бы надежды ни возбуждалъ проектъ Луи Блана, онъ касался лишь одной частности въ соціальной жизни человѣка и съ общей теоріей прогресса стоялъ въ косвенной связи. Косвенное касательство къ этой теоріи имѣли и сочиненія Ламмене, въ которыхъ былъ воплощенъ лишь поэтическій паѳосъ протеста, поэтическій подъемъ души, насыщенной небесной любовью, но въ которыхъ отсутствовалъ совершенно всякій научный методъ истолкованія историческаго процесса. А для Чернышевскаго такая научность, въ связи съ практичностью, была первымъ требованіемъ, которое онъ ставилъ новому ученію о соціальномъ строѣ будущаго.

*

Одна теорія Фурье на первыхъ порахъ, казалось, удовлетворяла этому требованію. Сначала Чернышевскому показалось, что слова Фурье и несамостоятельны, и отзываются «разсужденіями сумасшедшаго у Гоголя», но онъ сразу замѣтилъ, что Фурье провозгласилъ нѣсколько новыхъ мыслей, «которыя нѣкоторымъ кажутся нелѣпыми, а на самомъ дѣлѣ рѣшительно разумны, и что этимъ мыслямъ, несомнѣнно, принадлежитъ будущее». Чѣмъ больше Чернышевскій въ Фурье вчитывался, тѣмъ все больше «гоголевскій» элементъ отходилъ въ тѣнь, а на первый планъ проступали, дѣйствительно, разумныя мысли. Разумность ихъ заключалась, прежде всего, въ томъ, что эта теорія, не въ примѣръ прочимъ, основывала свои разсчеты не столько на любви, вѣрѣ или иныхъ чувствахъ, сколько на мысли, которая не боится провѣрки и стоитъ крѣпко на спокойномъ и вѣрномъ фундаментѣ. Система была всеобъемлющая, объединявшая и людей, и Бога, но вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣсно связанная съ ходомъ чисто земныхъ дѣлъ и ставившая своей цѣлью, прежде всего, матеріальное благополучіе всѣхъ участниковъ земной жизни. Ученіе допускало большую свободу личности, предполагая, что свобода одного лица найдетъ себѣ законное ограниченіе въ свободѣ его сосѣда и, что вмѣсто всякаго принужденія, всякой нивеллировки личностей, на землѣ будетъ установлена гармонія страстей, — страстей, безъ которыхъ нѣтъ истинно дѣятельной и счастливой жизни. Гармонія наслажденій сочеталась въ этомъ ученіи съ равенствомъ, братствомъ и матеріальнымъ довольствомъ. Соціальный вопросъ долженъ былъ рѣшиться быстро, безъ всякой политической изнурительной борьбы, безъ насилія, такъ какъ рѣшеніе его вытекало изъ основного непреложнаго закона развитія матеріальныхъ силъ, управляющихъ ходомъ прогресса. Цѣль этого прогресса была — матеріальное обезпеченіе всѣхъ живущихъ, ихъ уравненіе передъ трудомъ, съ полнымъ сохраненіемъ свободы ихъ духа, и съ обезпеченіемъ для каждаго возможности подняться на доступную ему ступень духовнаго развитія.

Таковы были тѣ теоріи прогресса и тѣ иллюстраціи къ нимъ, какія Чернышевскій находилъ въ соціалистическихъ утопіяхъ. Онъ былъ, несомнѣнно, увлеченъ этими картинами будущаго, увлеченъ настолько, что даже чтеніе Прудона его не расхолаживало. Всесокрушающая критика всѣхъ соціальныхъ системъ, критика, въ которой Прудонъ не имѣлъ себѣ равнаго, не могла поколебать этико-соціальной вѣры нашего трезваго «идеалиста» шестидесятыхъ годовъ. Чернышевскій умѣлъ цѣнить Прудона, умѣлъ, когда

нужно было брать его себѣ въ союзники,но онъ всегда былъ далекъ отъ соблазна поголовнаго отрицанія.

Для Чернышевскаго соціальныя утопіи остались однимъ изъ историческихъ доказательствъ правоты и научности его истолкованія теоріи прогресса въ демократическомъ духѣ.

III.

Одновременно съ работой надъ изученіемъ соціалистическихъ утопій—Чернышевскій былъ занятъ выработкой философскаго міросозерцанія. Въ итогѣ этой работы получились, мы помнимъ, нѣсколько общихъ взглядовъ на органическую природу человѣка, на сущность его нравственныхъ чувствъ и понятій и на воплотившуюся въ немъ красоту. Чернышевскій отстаивалъ «права матеріи» въ вопросахъ о «началахъ» жизни, исповѣдывалъ «здоровый эгоизмъ», какъ основу теоретической и практической морали, старался замѣнить традиціонныя формы религіозныхъ представленій и мыслей—особой «религіей человѣчества» и хотѣлъ видѣть въ человѣкѣ самое полное и совершенное обнаруженіе красоты въ мірѣ. Надъ всѣми этими областями единаго философскаго міропониманія Чернышевскій работалъ не безкорыстно, и очень опредѣленная демократическая тенденція легла въ основу его міропониманія. Конечно, не она руководила имъ при *выборѣ* философскихъ темъ, но она не могла быть имъ забыта при самомъ процессѣ умственной работы надъ этими темами. Она тайно присутствовала при зарожденіи и развитіи его мыслей, при ихъ проясненіи и сочетаніи. Всѣ обобщающіе выводы, къ которымъ пришелъ Чернышевскій въ вопросахъ религіи, философіи, морали и эстетики, каждый порознь, становились поочередо опорой для его демократическаго склада мыслей и чувствъ. Вся философская работа пошла въ концѣ концовъ на пользу теоріи прогресса въ его соціалистической формулѣ. Такое подчиненіе философской мысли или, вѣрнѣе, такое ея сочетаніе съ практической программой жизни и было въ тѣ годы явленіемъ очень обычнымъ, при все болѣе и болѣе возроставшихъ требованіяхъ общественнаго чувства и политико-соціальныхъ убѣжденій.

Между матеріализмомъ, какъ философской доктриной, и демократическими тенденціями души человѣческой никакой прямой связи, повидимому, не существуетъ. Можно быть большимъ демократомъ въ духѣ христіанина первыхъ годовъ христіанской эры и подчинять все матеріальное въ жизни духовному началу; можно быть самымъ крайнимъ матеріалистомъ въ духѣ французскихъ энциклопедистовъ XVIII столѣтія и оставаться аристократомъ во всѣхъ смыслахъ.

Но въ XIX в. на западѣ и въ особенности у насъ матеріалистическое міропониманіе шло рука объ руку съ все расширявшейся побѣдоносной демократической доктриной,—въ то время, какъ всевозможные виды идеализма—религіознаго и философскаго — сближались все тѣснѣе и тѣснѣе съ разными формами общественнойи политической реакціи.

Чернышевскій, который цѣнилъ философію постольку, поскольку она могла быть «дѣломъ» жизни — имѣлъ полное право искать въ доктринѣ матеріализма поддержку своему демократическому образу мыслей и «права матеріи» истолковывать въ пользу правъ обездоленныхъ жизнью людей.

Вопросомъ о «началахъ» жизни Чернышевскій въ сущности интересовался мало. Матеріализмъ былъ ему любъ, какъ противоядіе противъ разныхъ «предразсудковъ» —религіозныхъ, философскихъ и эстетическихъ. Къ числу такихъ предразсудковъ, которые могутъ быть уничтожены или обезврежены признаніемъ «правъ матеріи» можно было отнести, при желаніи, и предразсудки классовые. Для такого сочетанія понятій мало другъ съ другомъ схожихъ—нужно было только при исповѣданіи матеріалистическихъ взглядовъ не столько думать о томъ, въ какой мѣрѣ они истинны, сколько чувствовать, какъ они могутъ воинственно настраивать душу. Нужно было только отдаться наплыву того настроенія, какое можетъ охватить человѣка, проповѣдующаго нѣчто «радикальное», какъ напримѣръ: отрицаніе за «духомъ» издавна за нимъ признаннаго права на первенство и его преимущества по существу сравнительносъ «матеріей»; не признаніе вообще никакого дѣленія на «высшія» и «низшія», когда рѣчь идетъ о явленіяхъ природы во всемъ ихъ разнообразіи; уравненіе въ правахъ всѣхъ явленій, поскольку они всѣ обнаруженія единаго начала жизни; признаніе требованій «плоти» столь же законными, какъ и требованія «духа»; предостереженіе не подпадать соблазну «красоты» и «поэтичности», когда дѣло идетъ объ оцѣнкѣ жизни, понимаемой какъ не-

избѣжное закономѣрное развитіе заложенной въ ней единой силы и т. п. Всѣ такія на половину мысли, на половину чувства могутъ быть пробуждены матеріалистическимъ міропониманіемъ въ человѣкѣ, идущемъ навстрѣчу такому міровоззрѣнію главнымъ образомъ потому, что онъ неудовлетворенъ тѣмъ житейскимъ порядкомъ, который процвѣлъ какъ будто подъ сѣнью противорѣчащихъ матеріализму ученій. Во всякомъ случаѣ какъ бы произвольны ни были скачки мысли изъ области философскаго матеріализма въ область гражданскихъ чувствъ и соціально-политическихъ взглядовъ, но такіе скачки вполнѣ возможны, въ особенности при извѣстномъ темпераментѣ, подогрѣтомъ исключительными общественными условіями. Несомнѣнно, что и демократическіе идеалы Чернышевскаго находили себѣ немалую поддержку въ его матеріалистическомъ истолкованіи началъ жизни; и закономѣрный прогрессъ, который долженъ былъ въ концѣ концовъ уравнять всѣхъ людей въ ихъ правѣ на жизнь и на ея блага— являлся въ его глазахъ желѣзной необходимостью въ развитіи матеріальной силы, движущей міромъ.

Если матеріализмъ въ его упрощенной формѣ могъ поддержать демократическую тенденцію мысли и чувства, то теорія «здороваго эгоизма», на которой Чернышевскій остановился какъ на самомъ научномъ и психологически наиболѣе обоснованномъ истолкованіи основъ и сущности нашихъ нравственныхъ понятій и дѣйствій могла оказать этой тенденціи еще большую помощь. Эта теорія признавала за всѣми людьми безъ изъятія право на «эгоизмъ» и на его самооборону. Разумный эгоистъ, какъ думалъ Чернышевскій, былъ даже нравственно обязанъ давать волю своему эгоизму, такъ какъ такое утвержденіе своей эгоистически-нравственной личности должно было идти на благо обществу. Предположить, что на такой эгоизмъ имѣютъ право лишь нѣкоторые люди—въ томъ или иномъ смыслѣ привилегированные — было невозможно, не нарушая общаго правила, примѣнимаго къ психикѣ каждаго. «Здоровый эгоизмъ» былъ общечеловѣческимъ нравственнымъ закономъ. Болѣе демократичную этику трудно было себѣ представить, т. к. верховнымъ ея закономъ являлось не какое-нибудь высокое нравственное сознаніе, до котораго многіе могли и не дорости, не какая-нибудь религіей или философіей санкціонированная мораль любви и состраданія, которая до сихъ поръ мирилась со всевозможными нравственными аномаліями, а здоровый инстинктъ, всѣмъ присущій и самъ по себѣ благодѣтельный. Теорія здороваго эгоизма избавляла, кромѣ того, своего исповѣдника отъ раздумья надъ

труднѣйшимъ вопросомъ о согласованіи интересовъ личныхъ съ интересами общими. Этотъ вопросъ теорія не рѣшала, а разрубала, предположивъ заранѣе, что всякій разумно эгоистическій поступокъ личности идетъ на пользу среды и что всякій неразумно эгоистическій поступокъ отдѣльнаго лица будетъ тотчасъ же обезвреженъ и парализованъ разумнымъ эгоизмомъ ближняго. Для демократическихъ идеаловъ Чернышевскаго и для мечтаній объ утопической гармоніи страстей и интересовъ при грядущемъ общественномъ строѣ, такая этика была очень утѣшительной увѣренностью, и Чернышевскій, не тратя силъ на ея научное обоснованіе, не упускалъ случая подтверждать ее своимъ авторитетомъ...

Въ демократическомъ духѣ можно было истолковать и ту «религію человѣчества», которая, какъ Чернышевскому казалось, должна стать законной наслѣдницей господствующаго религіознаго міропониманія. «Религія человѣчества» для демократа по убѣжденію и чувству таила въ себѣ, однако, большую опасность. «Человѣчество» могло быть понято въ прямомъ смыслѣ, какъ собирательное имя всѣхъ на свѣтѣ жившихъ, живущихъ и имѣющихъ жить людей — и тогда религія такого человѣчества могла быть вполнѣ согласована съ демократической тенденціей. Но подъ «человѣчествомъ» можно было разумѣть и понятіе о «человѣческомъ» вообще, въ его самой совершенной, самой сильной и красивой формѣ. При такомъ толкованіи культъ человѣчества легко могъ перейти въ культъ человѣка-бога,— т. е. отвлеченнаго представленія о героѣ-человѣкѣ, совмѣщающемъ въ себѣ всевозможныя совершенства. Этотъ сверхъ-человѣкъ, какъ идеалъ, и тѣ сверхъ-люди, которые къ этому идеалу на землѣ приближались, могли претендовать на особыя преимущества и прерогативы. Имъ въ жертву могло быть принесено благо тѣхъ, кто менѣе совершененъ, чѣмъ они, и ихъ появленіе на землѣ можно было привѣтствовать какъ завершеніе историческаго процесса, какъ обнаруженіе тайнаго смысла всей эволюціи жизни. Въ этомъ смыслѣ религія человѣчества и была, какъ извѣстно, истолкована многими въ недавніе дни пресловутой переоцѣнки всѣхъ моральныхъ цѣнностей. Она повлекла за собой проповѣдь крайняго индивидуализма и аристократизма духа и тѣла и полное отрицаніе той нравственности, на какой всѣ соціальныя утопіи до сей поры были построены. Но не эту религію человѣка,—на возможность появленія которой въ шестидесятыхъ годахъ были лишь намеки — имѣлъ въ виду Чернышевскій, когда, исходя изъ ученія Фейер-

баха и вспоминая мистическую доктрину Пьера Леру—онъ говорилъ о культѣ «человѣчества». Этимъ словомъ онъ обозначалъ единое цѣлое, чувствующее, мыслящее и живущее на землѣ—то, конечное обнаруженіе силъ природы, которому данъ великій даръ—сознаніе міра и самого себя и даръ размышленія о цѣли своего призванія. Къ этому единому «человѣчеству» мы должны относиться съ тѣмъ религіознымъ чувствомъ, съ какимъ привыкли обращаться къ Богу; въ человѣчествѣ мы должны видѣть весь смыслъ бытія, и, не рѣшая вопроса о томъ, во что это бытіе разрѣшится за гранями жизни, мы земную жизнь должны признать за высшую цѣнность. Здѣсь на землѣ человѣчеству надлежитъ построить себѣ достойный его храмъ—тотъ храмъ жизни, въ которомъ нѣтъ мѣста для страданія и несправедливости. Храмъ этотъ долженъ быть воздвигнутъ во спасеніе всѣхъ безъ изъятія, всѣхъ кто имѣетъ право на святое имя человѣка; и не должно быть такихъ, кто остался бы за его оградой. Пока есть обездоленные, страдающіе и униженные, пока существуютъ люди темные, съ не просвѣтленнымъ умомъ и сердцемъ—осквернена святыня человѣчества и униженъ предметъ богопочитанія. Такъ думалъ Чернышевскій, и такая новая форма религіознаго міропониманія могла вполнѣ быть согласована съ его строгими демократическими идеалами.

Такое же согласованіе допускала въ извѣстномъ смыслѣ и эстетическая теорія Чернышевскаго. Если живая жизнь—высшее и совершенное обнаруженіе красоты въ мірѣ, и человѣкъ, какъ таковой, ея наиболѣе яркій выразитель, то всякое безобразіе, въ особенности нравственное—есть оскорбленіе красотѣ, которая, конечно, не можетъ довольствоваться лишь областью внѣшняго. Высшее эстетическое наслажденіе дано въ созерцаніи человѣка внѣшне и внутренне красиваго, и потому все, что такой красотѣ наноситъ ущербъ, все, что не позволяетъ ей развиться въ человѣкѣ — всѣ условія жизни, ей неблагопріятныя, должны быть устранены, и всѣмъ людямъ безъ исключенія дарована возможность—развивать и совершенствовать въ себѣ и собой эстетическое начало. Передъ красотой всѣ люди также равны.

Такимъ образомъ старая идеалистическая исторіософія, соціалистическія утопіи и выработанное имъ самимъ философское міросозерцаніе укрѣпляли Чернышевскаго въ его оптимистическихъ взглядахъ на прогрессъ и, главное, оттѣняли въ этихъ взглядахъ очень ярко ихъ демократическую тенденцію—ту, которая еще на самой зарѣ его жизни заставила его признаться са-

мому себѣ въ томъ, что онъ—демократъ «рѣшительно, въ душѣ, по существу, и не однимъ умственнымъ убѣжденіямъ». («Дневникъ»).

Хоть и медленно, но міръ идетъ впередъ. «Законъ прогресса—ни болѣе, ни менѣе, какъ чисто физическая необходимость, въ родѣ необходимости скаламъ понемногу вывѣтриваться, рѣкамъ стекать съ горныхъ возвышенностей въ низменности, водянымъ парамъ подниматься вверхъ, дождю падать внизъ. Прогрессъ—просто законъ наростанія. Элементы и процессы въ исторіи общества гораздо сложнѣе, нежели въ исторіи природы и поэтому слѣдить за ихъ законами гораздо труднѣе, но во всѣхъ сферахъ жизни законы одинаковы. Отвергать прогрессъ—такая же нелѣпость, какъ отвергать силу тяготѣнія, или силу химическаго сродства... Прогрессъ совершается чрезвычайно медленно, но все таки девять десятыхъ частей того, въ чемъ состоитъ прогрессъ, совершается во время краткихъ періодовъ усиленной работы. За напряженіемъ силъ слѣдуетъ усталость, принуждающая къ бездѣйственному отдыху. Во время отдыха возстановляются силы; бездѣйствіе, сначала столь отрадное, мало по малу становится скучнымъ и возвращается жажда дѣятельности, покинутой на время отъ изнеможенія... Таковъ общій ходъ исторіи: ускоренное движеніе и всеобщій его застой и во время застоя возрожденіе неудобствъ, къ отвращенію которыхъ была направлена дѣятельность, но съ тѣмъ вмѣстѣ и укрѣпленіе силъ для новаго движенія, и за новымъ движеніемъ новый застой и потомъ опять движеніе, и такая очередь до безконечности... Кто въ состояніи держаться на этой точкѣ зрѣнія, тотъ не обольщается излишними надеждами въ свѣтлыя эпохи одушевленной исторической работы: онъ знаетъ, что минуты творчества непродолжительны и влекутъ за собой временный упадокъ силъ. Но зато неунываетъ онъ и въ тяжелые періоды реакціи, онъ знаетъ, что отъ реакціи по необходимости возникаетъ движеніе впередъ, что самая реакція приготовляетъ и потребность, и средства для движенія. Онъ не мечтаетъ о вѣчномъ продолженіи дня, когда поля облиты радостнымъ, теплымъ свѣтомъ солнца. Но когда охватитъ ихъ мрачная, сырая и холодная ночь, онъ съ твердой увѣренностью ждетъ новаго разсвѣта и, спокойно всматриваясь въ положеніе созвѣздій, считаетъ, сколько именно часовъ осталось до появленія зари». Эти строки, написанныя въ 1859 году, объединяютъ въ красивомъ обобщеніи высказанныя Чернышевскимъ при разныхъ случаяхъ взгляды на движеніе человѣчества къ имъ намѣченной и самой природой ему поставленной цѣли.

IV.

Спокойная и радостная увѣренность въ возможномъ достиженіи желаемаго не исключала, конечно, упорной мысли о томъ, какими же средствами это желаемое должно быть достигнуто и какія именно общественныя силы двигаютъ прогрессомъ. Идеалистическая исторіософія объ этихъ силахъ ничего не говорила; она давала лишь величественную и красивую картину торжества конечнаго идеала; соціалистическія утопіи говорили объ этихъ силахъ очень часто, но всѣ ихъ разсчеты были построены на слишкомъ произвольной оцѣнкѣ этихъ силъ и на предположеніи, что онѣ сами по себѣ начнутъ дѣйствовать въ опредѣленномъ желательномъ направленіи и будутъ въ состояніи именно такъ дѣйствовать. Изъ всѣхъ утопій Чернышевскій, мы знаемъ, облюбовалъ ту, которая при всей фантастичности въ деталяхъ, была въ основѣ своей всетаки до извѣстной степени научна, такъ какъ въ своихъ построеніяхъ исходила главнымъ образомъ изъ экономическихъ соображеній. Но потерявъ вѣру въ фурьеризмъ и сохранивъ лишь любовь къ нему, Чернышевскій не могъ не признать, что и эта наиболѣе, казалось, осуществимая утопія врядъ ли окажется кратчайшимъ путемъ къ намѣченной цѣли. Фурьеризмъ возлагалъ слишкомъ много надеждъ на «доброе желаніе» людей, чтобы имѣть право говорить съ увѣренностью о грядущемъ. Грядущее зависѣло, несомнѣнно, отъ того направленія, въ какомъ будутъ дѣйствовать исторически сложившіяся силы цѣлыхъ общественныхъ группъ, а не силы отдѣльныхъ личностей, и ихъ хотя бы многочисленныхъ послѣдователей.

Такихъ исторически сложившихся общественныхъ силъ было нѣсколько: 1) сила господствующей верховной власти и всѣхъ ея исполнителей, обязанныхъ такъ или иначе осуществлять и защищать установившійся порядокъ; 2) сила такъ называемыхъ либеральныхъ элементовъ—вербуемыхъ изъ всевозможныхъ слоевъ общества, преимущественно интеллигентныхъ—сила довольно большого количества людей, недовольныхъ положеніемъ дѣлъ, стремящихся видоизмѣнить его въ болѣе либеральномъ духѣ и борющихся съ правительственной властью за расширеніе политическихъ правъ; 3) сила народныхъ массъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, массъ трудящихся, пользующихся наименьшими правами и несущихъ наибольшую тяжесть общественной работы—сила, размѣры и размахъ которой усчитать было трудно,

такъ какъ она вступала въ дѣйствіе лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

Отъ сочетаніе этихъ трехъ силъ—правительственной, либерально-оппозиціонной и силы народной съ пока затаенной программой, но съ рѣзко высказаннымъ чувствомъ недовольства—зависѣло то движеніе впередъ, которое должно было привести къ желанной цѣли. Всякій, кто задумывался надъ способами, какими можно было торопить это движеніе, долженъ былъ рѣшить, на какую-же изъ этихъ трехъ силъ можно съ увѣренностью опереться. Предположить, что правительственная власть сама поторопится приблизить жизнь къ демократическому идеалу — для такого трезваго ума, какъ Чернышевскій—было немыслимо. Хотя въ нѣкоторыхъ соціалистическихъ утопіяхъ и высказывалась неоднократно мысль о томъ, что существующее правительство могло-бы взять на себя иниціативу въ дѣлѣ обновленія соціальнаго строя, но Чернышевскій былъ хорошо освѣдомленный историкъ и онъ зналъ, что всегда и вездѣ правительство (кромѣ революціоннаго, т. е. переходнаго) стояло на стражѣ существующаго и съ большимъ трудомъ — лишь въ силу необходимости — шло на уступки. Такую необходимость могла создать лишь посторонняя сила, но отнюдь не сама власть, которая крайне упорна даже тогда, когда сама сознаетъ неизбѣжность перемѣны. Во всякомъ случаѣ строить свои надежды на правительствахъ, какова бы ни была ихъ форма, значило обнаружить большую наивность ума. Во всемъ, что Чернышевскій писалъ по политическимъ вопросамъ, говорилъ-ли онъ о западѣ или о Россіи, — такой наивности незамѣтно.

Сила утвердившейся власти не могла быть, такимъ образомъ, использована въ интересахъ быстраго движенія къ той цѣли, какая намѣчена прогрессомъ, какъ его понималъ Чернышевскій. Насколько же твердую опору представляла въ данномъ случаѣ сила либеральной оппозиціи, въ лицѣ разныхъ болѣе или менѣе интеллигентныхъ и обезпеченныхъ общественныхъ слоевъ, къ правительственнымъ кругамъ не примыкающихъ?

V.

Чернышевскому надлежало высказаться по вопросу о значеніи и цѣнности политической борьбы партій, — такъ какъ именно въ этой формѣ могла проявиться энергія и жизнеспо-

собность той либеральной силы, которая брала на себя защиту грядущаго лучшаго передъ неудовлетворящимъ ее настоящимъ.

Много было писано о томъ, въ какой мѣрѣ Чернышевскій можетъ назваться сторонникомъ борьбы за политическія права, т. е. за тѣ права, которыя идутъ на пользу прежде всего классамъ интеллигентнымъ и имущимъ и лишь косвенно могутъ вліять на улучшеніе условій жизни классовъ трудовыхъ и неимущихъ. Высказывалось нерѣдко мнѣніе, что эту борьбу Чернышевскій оцѣнивалъ очень низко. Его взгляды на этотъ вопросъ, къ сожалѣнію, не приведены въ систему. Чернышевскій очень часто говорилъ на эту тему, писалъ ли онъ о дѣлахъ европейскихъ или русскихъ; и быстрый переходъ отъ вопросовъ жизни иноземной къ темамъ жизни отечественной и обратно долженъ былъ внести нѣкоторую безсистемность въ его оцѣнку политической борьбы вообще, такъ какъ иной она была на западѣ и совсѣмъ иной могла быть у насъ.

Положеніе Чернышевскаго при обсужденіи именно этого вопроса о значеніи политической борьбы въ ходѣ прогресса было не свободное. Писалъ Чернышевскій для русскихъ и имѣлъ въ виду, конечно, прежде всего интересы своей родины—т. е. страны, въ которой никакой политической борьбы пока не существовало. Политикомъ теоретикомъ онъ не былъ, и политическая борьба партій сама по себѣ интересовала его постольку, поскольку она могла быть использована не для ближайшихъ цѣлей, а для цѣли конечной. Сравнивая положеніе дѣлъ въ Россіи съ положеніемъ на западѣ, онъ не могъ не видѣть огромнаго значенія, какое имѣли завоеванныя политическія права для лицъ, находящихся съ нимъ—съ Чернышевскимъ — въ одномъ положеніи. Зналъ онъ также, что, несмотря на относительно выгодное положеніе, въ какомъ находились нѣкоторыя общественныя группы положеніе трудовыхъ массъ на западѣ было весьма жалкое. Еще болѣе жалкимъ было положеніе этихъ массъ въ Россіи, къ тому же при отсутствіи всякихъ болѣе или менѣе сносныхъ условій для политико-общественной работы интеллигентныхъ лицъ, недовольныхъ существующимъ строемъ. И могъ возникнуть вопросъ: а желательно-ли, чтобы Россія прошла черезъ ту форму политическаго развитія, которая грозитъ дать русскому народу столь же мало, сколь она дала народамъ сосѣднимъ? Быть можетъ, намъ, русскимъ, удастся какъ-нибудь избѣжать этой борьбы политическихъ партій, борьбы, которая идетъ на пользу, прежде всего, привиллегированнымъ общественнымъ группамъ, а не всему народу? Съ другой стороны, взвѣ-

шивая условія, въ которыхъ приходится работать русскому интеллигенту—въ томъ числѣ и всѣмъ народолюбцамъ—можно было придти въ полное отчаяніе и съ завистью смотрѣть на западъ, гдѣ долголѣтняя политическая борьба въ концѣ концовъ всетаки увѣнчалась дарованіемъ нѣкоторыхъ политическихъ правъ, которые могли благотворно отозваться и на общенародной жизни, Всѣ эти соображенія чисто практическаго свойства должны были нарушать систематичность мысли Чернышевскаго по данному вопросу. Демократъ-теоретикъ относился съ нѣкоторымъ презрѣніемъ къ правамъ, отъ которыхъ демократическій принципъ жизни выигрывалъ мало, а русскій обездоленный интеллигентъ завидовалъ своему сосѣду и думалъ, что, находись онъ на его мѣстѣ, онъ сумѣлъ бы, въ интересахъ народа, полнѣе и лучше использовать свое выгодное политическое положеніе. Но если Чернышевскій и не далъ связнаго трактата по вопросу о цѣнности политическихъ правъ и по вопросу о формѣ правленія, при которой такія права могли бы пойдти на прямую пользу демократическому началу—то въ своей публицистикѣ онъ такъ часто возвращался къ этой темѣ, что общій выводъ, къ которому онъ пришелъ, можетъ быть легко угаданъ.

Русскій читатель, не получившій никакого политическаго воспитанія, находилъ въ статьяхъ Чернышевскаго первое и очень подробное руководство къ изученію совсѣмъ ему незнакомаго предмета. Никто изъ русскихъ журналистовъ не отводилъ вопросамъ внутренней политики столько мѣста, сколько Чернышевскій. Онъ говорилъ о нихъ при каждомъ удобномъ случаѣ, въ основныхъ статьяхъ, въ рецензіяхъ, въ библіографическихъ замѣткахъ, преимущественно въ отдѣлѣ «Политика», который съ 1859 года былъ включенъ въ программу «Современника». Чернышевскій зорко слѣдилъ за ходомъ внутренней жизни на западѣ,—во Франціи, Англіи, Австріи, Италіи, Пруссіи и Соединенныхъ Штатахъ; онъ вводилъ читателя не только въ сущность вопросовъ, но и въ детали, и иногда могло казаться, что статья написана иностранцемъ, непосредственно заинтересованнымъ въ дѣлѣ. Вопросы о свободѣ рѣчи и печати, объ избирательномъ правѣ, о конституціонныхъ порядкахъ разнаго типа въ разныхъ странахъ давали Чернышевскому матерьялъ на сотни страницъ, и тотъ, кто внимательно вчитывался въ эти страницы, могъ замѣтить, что всѣ разговоры о политикѣ въ концѣ концовъ были разсчитаны на то, чтобы расположить читателя въ пользу демократическаго образа мыслей самого автора. Если «демократія» въ самой жизни отъ политической борьбы выигрывала мало, то отчего не попытаться

дать ей кое-что выиграть изъ разговоровъ объ этой борьбѣ? Въ этомъ духѣ Чернышевскій и велъ свои длинныя бесѣды. Онъ всего подробнѣе останавливался на тѣхъ явленіяхъ внутренней политической жизни Европы, въ которыхъ всего ярче проступали наружу либо удовлетворенные (что бывало рѣдко), либо неудовлетворенные (что случалось гораздо чаще) интересы народной массы. Что выигрываетъ народъ при данномъ политическомъ положеніи или при проведеніи той или другой политической реформы — этотъ вопросъ выдвигался всегда на первое мѣсто, и съ этой точки зрѣнія оцѣнивались событія. Такимъ образомъ, если Чернышевскій и былъ очень невысокаго мнѣнія о цѣнности разныхъ политическихъ правъ, то это нисколько не мѣшало ему сдѣлать разговоръ объ этихъ правахъ очень цѣннымъ для дорогого ему дѣла—укорененія въ русскомъ читателѣ демократическаго образа мыслей и демократическихъ симпатій сердца. На западѣ такіе разговоры были бы только словами; у насъ же эти слова о политикѣ были, несомнѣнно, политическимъ выступленіемъ, актомъ служенія не какой-нибудь партійной программѣ, а дѣлу общаго политическаго воспитанія, безъ котораго немыслимо и проведеніе демократическихъ идеаловъ въ жизнь. Но былъ-ли Чернышевскій, дѣйствительно, невысокаго мнѣнія о политической борьбѣ? Изъ сопоставленія всѣхъ его разрозненныхъ мнѣній по этому вопросу — вытекаетъ очень опредѣленный выводъ, точно формулированный однимъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей его ученія. «Не отрицаніе свободныхъ политическихъ учрежденій, пишетъ Русановъ [1]), но серьезное раздумье надъ тѣмъ, какъ заинтересовать народъ въ широкой политической свободѣ — вотъ что составляетъ центръ тяжести мыслей Чернышевскаго относительно той перспективы, въ которой должны размѣщаться политическія и экономическія требованія «демократовъ» (синонимъ «соціалистовъ» у Чернышевскаго) желающихъ торжества трудового міровоззрѣнія. И если вы остановитесь на констатированіи Чернышевскимъ того факта, что «при нынѣшнемъ состояніи, свобода слова становиться средствомъ демократической страстной пропаганды» или того факта, что «парламентскія пренія также должны принять повсюду радикально-демократическій характеръ, если парламентъ будетъ состоять изъ представителей націи въ обширномъ смыслѣ слова», то вы поймете, что исходъ изъ современнаго положенія дѣлъ Чернышевскій видѣлъ всетаки въ возможномъ пріобщеніи массъ къ политическимъ правамъ и въ борьбѣ за ихъ расширеніе».

---

[1]) *Н. С. Русановъ.* Соціалисты Запада и Россіи. Спб. 1908, 307.

Не учесть значенія политической борьбы въ общемъ ходѣ прогресса Чернышевскій, конечно, не могъ, но онъ имѣлъ всѣ основанія думать, что эта борьба отнюдь не главный факторъ движенія. Въ ней находила себѣ проявленіе лишь одна изъ дѣйствующихъ общественныхъ силъ—быть можетъ, въ общемъ болѣе значительная, чѣмъ сила правительственной власти, но все-таки менѣе значительная, чѣмъ сила «народная», сила той массы, которая въ политической борьбѣ участвуетъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ лишь на правахъ безучастнаго зрителя или, въ лучшемъ смыслѣ, слѣпого орудія, съ которымъ можно не считаться, разъ оно свое дѣло сдѣлало.

Представить себѣ ходъ развитія прогресса безъ участія въ немъ массовой силы народа немыслимо. Всѣми трудами отдѣльныхъ личностей должна въ концѣ концовъ воспользоваться масса; работа всѣхъ героевъ должна пойти ей на пользу. «Какова бы ни была форма политическаго устройства, предпочитаемая извѣстной партіею, все равно,—эта форма можетъ получить прочность только отъ разрѣшенія вопросовъ, составляющихъ предметъ изслѣдованія для тѣхъ мечтателей, которые заботятся пріискать средства къ удовлетворенію потребностей массы». Этой массовой силой приводится въ движенію и весь міровой процессъ: «Ходъ великихъ міровыхъ событій неизбѣженъ и неотвратимъ, какъ теченіе великой рѣки: никакая скала, никакая пропасть не удержитъ ея, не говоря уже о плотинахъ, произвольно устраиваемыхъ: плотиною ничья сила не пересилитъ Рейна или Волги, и всесильная рѣка однимъ напоромъ выброситъ на берегъ всѣ сваи и весь мусоръ, которымъ дерзкая рука безумца хотѣла преградить ея теченіе. Единственнымъ результатомъ безразсудной попытки будетъ только то, что берегъ, который спокойно напоился бы рѣкою и зеленѣлъ роскошнымъ лугомъ, будетъ на время истерзанъ и обезображенъ гнѣвомъ оскорбленной волны—а рѣка пойдетъ таки своимъ путемъ, зальетъ всѣ пропасти, прорветъ хребты горъ и достигнетъ океана, къ которому стремится. Совершеніе великихъ міровыхъ событій не зависитъ ни отъ чьей воли, ни отъ какой личности. Они совершаются по закону столько же непреложному, какъ законъ тяготѣнія или органическаго возрастанія. Но скорѣе или медленнѣе совершается міровое событіе, тѣмъ или другимъ способомъ совершается оно—это зависитъ отъ обстоятельствъ, которыхъ нельзя предвидѣть и опредѣлить напередъ. Важнѣйшее изъ этихъ обстоятельствъ—появленіе сильныхъ личностей, которые характеромъ своей дѣятельности даютъ тотъ или другой характеръ

неизмѣнному направленію событій, ускоряютъ или замедляютъ его ходъ и сообщаютъ своею преобладающею силой правильность хаотическому волненію силъ, приводящихъ въ движеніе массы». Опредѣлить точно сущность таинственныхъ силъ, двигающихъ міровыми событіями—нельзя, но указать на главный рычагъ, какимъ эти силы пользуются—вполнѣ возможно; этотъ рычагъ, несомнѣнно—народныя массы.

VI.

Но указать на главный факторъ прогресса, не значило еще отвѣтить на вопросъ, какъ этотъ факторъ дѣйствуетъ и какими способами его дѣйствіе можетъ быть ускорено. Если выступленіе отдѣльныхъ личностей можетъ быть благотворно лишь постольку, поскольку это дѣйствіе находится въ согласіи съ потребностями и желаніями массы; если борьба цѣлыхъ политическихъ партій получаетъ свой смыслъ и идетъ на пользу жизни лишь при условіи совпаденія интересовъ этихъ партій съ интересами народа въ широкомъ смыслѣ слова,—нужно же выяснить наконецъ, что такое по существу своему эта главенствующая народная сила, каково ея историческое прошлое, какова ея психологія, ея образъ мыслей, ея потребности; надо выяснить, въ какой области жизни она можетъ имѣть болѣе или менѣе рѣшающій голосъ и замѣтное вліяніе. Въ наше время цѣлый рядъ наукъ отвѣчаетъ на эти вопросы: соціологія, исторія народныхъ движеній, психологія толпы, политическая экономія, статистика, и объединяющій всѣ эти отрасли знанія—«научный соціализмъ». Въ годы когда писалъ Чернышевскій всѣ эти науки на западѣ находились въ стадіи очень серьезной подготовительной работы вплоть до научнаго соціализма, который изъ кабинета ученыхъ съ Робертусомъ и Марксомъ во главѣ, пока еще не выходилъ на площадь. Для Россіи эти науки не существовали. Чернышевскій зналъ о нихъ и былъ въ Россіи, пожалуй, единственнымъ человѣкомъ, не выключая и спеціалистовъ, который вполнѣ правильно оцѣнивалъ ихъ значеніе въ вопросѣ о сущности и ближайшей цѣли прогресса. Слѣдить внимательно за ростомъ всѣхъ этихъ наукъ онъ, конечно, времени и возможности не имѣлъ, но среди нихъ была одна уже достаточно въ то время на западѣ разработанная и потому болѣе удобная для изученія. Отъ этой науки, отъ политической экономіи, Чернышевскій надѣялся получить отвѣтъ на вопросъ, которымъ онъ былъ такъ занятъ: она могла объяснить, какимъ

основнымъ законамъ повинуется жизнь народной массы, въ чемъ мощь этой массы, какія силы ею двигаютъ и въ какомъ направленіи. Чернышевскому было ясно, что народная масса сильна преимущественно своимъ экономическимъ значеніемъ, что условія ея силы даны именно въ ея экономическомъ положеніи, и что только въ области экономическихъ явленій народная масса можетъ непосредственно вліять на ходъ прогресса. Когда-то эта масса была сильна своимъ религіознымъ вдохновеніемъ, но времена эти прошли; она была сильна нѣкогда военной физической силой, теперь эта сила стала послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правящихъ классовъ; идейной силой масса никогда не владѣла; революціонныя вспышки давали ей власть на весьма короткій срокъ, и только какъ сила экономическая она могла имѣть длительное и прочное значеніе. Если ей суждено стать виднымъ факторомъ прогресса, то она можетъ стать имъ лишь при условіи, если отъ нея будетъ зависить направленіе всего дальнѣйшаго экономическаго развитія жизни. Наука политической экономіи можетъ освѣтить эту пока еще темную сторону въ исторіи прогресса. Такъ думалъ Чернышевскій и въ этомъ онъ хотѣлъ убѣдить своихъ современниковъ. Слѣдуя за нимъ, все демократически настроенное и радикально мыслящее молодое поколѣніе считало политическую экономію основной наукой, на которой должно быть построено новое научное пониманіе историческаго процесса. Не только какъ строгая наука въ цѣломъ и въ деталяхъ была цѣнна политическая экономія; она была цѣнна главнымъ образомъ тѣмъ, что опредѣляла научную точку зрѣнія, на которую надо было стать, чтобы въ оцѣнкѣ прогресса имѣть правильную историческую перспективу въ прошломъ, и вѣрный разсчетъ на будущее. Неудивительно, что пылкіе, страстные и нетерпѣливые молодые люди шестидесятыхъ годовъ отдавали столько любви и терпѣнія этой въ сущности очень сухой наукѣ.

«Матеріальныя условія быта, говорилъ Чернышевскій еще въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности (1856), играютъ едва ли не первую роль въ жизни и составляютъ коренную причину почти всѣхъ явленій и въ другихъ высшихъ сферахъ жизни». Изъ этихъ матеріальныхъ условій Чернышевскій сталъ все чаще и настойчивѣе выдѣлять условія экономическія.

Надлежало, однако, найти такую книгу, которая облегчила бы пропаганду науки политической экономіи въ Россіи. Задача была нелегкая, такъ какъ Чернышевскій отъ этой науки ожидалъ не только научныхъ выводовъ, но главнымъ образомъ под-

твержденія своихъ взглядовъ на ходъ прогресса, приближающаго насъ къ соціалистическому строю. Политическая экономія должна была такъ или иначе поступить въ услуженіе къ соціализму. Въ настоящее время такое сочетаніе намъ кажется вполнѣ естественнымъ, но въ годы, когда Чернышевскій о немъ думалъ, союза между политической экономіей и соціалистическимъ ученіемъ еще не существовало. Господствовавшая экономическая школа,— она боялась соціализма, видѣла въ немъ своего врага, нерѣдко выступала противъ него, опираясь на выводы старыхъ экономическихъ трактатовъ. Опереться на нихъ Чернышевскій не могъ. Но для созданія систематическаго трактата по экономической наукѣ во всемъ ея объемѣ, трактата съ новой соціалистической тенденціей требовалось много времени, а между тѣмъ нужно было торопиться, такъ какъ отъ успѣшнаго и быстраго укорененія этой науки въ русскихъ мозгахъ зависѣло цѣлое направленіе общественной мысли. Чернышевскій остановился на извѣстной книгѣ Милля, часть ея перевелъ, часть изложилъ своими словами и снабдилъ ее своими примѣчаніями. Эти примѣчанія высоко цѣнятся въ экономической наукѣ, но не она главнымъ образомъ выиграла отъ этихъ комментарій. Они пошли прежде всего на пользу общественному развитію русской молодежи, которая по нимъ стала знакомиться съ научнымъ пониманіемъ соціализма. Соціалистомъ Милль не былъ; главнымъ факторомъ прогресса онъ признавалъ не экономическую силу, а силу знанія и идей, измѣненія въ которыхъ предшествуютъ всякому прогрессивному движенію; мѣриломъ прогресса онъ бралъ развитіе умозрительскихъ способностей и стремленіе людей къ истинѣ; большія надежды возлагалъ онъ на «перемѣны въ *характерѣ*» людей; въ экономическихъ взглядахъ онъ примыкалъ къ старой школѣ, и Чернышевскій подозрѣвалъ его въ томъ, что онъ не свободенъ отъ сословныхъ предразсудковъ того богатаго класса, къ которому онъ принадлежалъ. Но и врагомъ соціализма Милль также не былъ. «Онъ смотрѣлъ на ужасающіе другихъ теоріи очень спокойно и не видѣлъ въ нихъ ничего возмутительнаго. Пересматривая возраженія, какія дѣлаются противъ коммунизма, онъ не находилъ, между ними не одного основательнаго. Рѣшительный выводъ его о коммунизмѣ былъ тотъ, что если система собственности будетъ усовершенствована, она—почему знать?—окажется можетъ быть и лучше коммунизма, но въ нынѣшнемъ своемъ видѣ далеко уступаетъ ему. Къ соціализму Милль обнаруживалъ еще болѣе сочувствія и не видалъ уже въ немъ ровно ничего не только дурного, но и неудобнаго. Одно только сомнѣніе выставлялъ онъ:

онъ говорилъ, что нынѣшній уровень общественной нравственности очень низокъ; и спрашивалъ, способны ли люди къ принятію какого нибудь хорошаго устройства при этомъ нынѣшнемъ своемъ состояніи»? Можно было слегка поглумиться надъ Миллемъ за такую осторожность сужденія,—что Чернышевскій и сдѣлалъ. Можно было возразить Миллю, и сказать какъ бы въ назиданіе: «хладнокровно разсуждать о шансахъ любимаго дѣла, въ то самое время, когда стараешься объ исполненіи его, это возможно только при большой опытности или при особенномъ темпераментѣ, въ которомъ холодность ума соединяется съ горячностью воли. Людей того и другого рода всегда бываетъ мало. Остальныхъ не разубѣдить: имъ все будетъ казаться, что вотъ, вотъ представляется одинъ изъ тѣхъ, почти безпримѣрныхъ въ исторіи случаевъ, когда съ одного раза прочно пріобрѣталось многое». Можно было съ особенной настойчивостью оттѣнить такія слова Милля: «Я согласенъ съ соціалистскими писателями въ понятіяхъ о формѣ, къ принятію которой идетъ развитіе промышленныхъ операцій, и совершенно раздѣляю ихъ мнѣніе, что уже созрѣло время для начинанія этой реформы и что ей надобно помогать и поощрять ее всѣми справедливыми и дѣйствительно успѣшными средствами». Можно было въ самомъ предисловіи книги сказать совершенно откровенно, что на русскомъ языкѣ нѣтъ трактатовъ о политической экономіи, излагающихъ науку въ духѣ теоріи, *нами раздѣляемой*, что книга Милля переводится на русскій языкъ, чтобы дать читателю доказательство, что большая часть понятій, противъ которыхъ *мы* споримъ, вовсе не принадлежитъ къ строгой наукѣ, а должна считаться только изложеніемъ ея; что книга Милля при всѣхъ ея достоинствахъ излагаетъ систему, которая всетаки далеко *не наша система*; что мы считаемъ систему Милля не вполнѣ удовлетворительной, но опираемся на нее потому, что въ ней честно и вѣрно изложена та сторона науки, которая развилась раньше другихъ частей и служитъ основаніемъ для *дальнѣйшихъ выводовъ*; что наконецъ всѣ эти выводы будутъ даны въ дополненіяхъ переводчика.

Можно было сдѣлать всѣ эти оговорки и тогда ученый трактатъ получалъ бы характеръ боевой книги, которая должна была не закрѣплять за собой установившееся ученіе, а породить его пересмотръ и ускорить переходъ къ ученію болѣе современному и совершенному. Такимъ ученіемъ являлся соціализмъ, понимаемый уже не какъ утопія, не какъ мечта о грядущемъ, а какъ ближайшій этапъ прогресса, этапъ, на который жизнь

уже вступила и по которому она уже идетъ, движимая опредѣленной общественной силой, носителемъ которой является народная масса.

VII.

На условія жизни этой народной массы, преимущественно, массы рабочей, Чернышевскій не упускалъ случая направлять вниманіе своего читателя. Случаевъ представлялось много и по статьямъ Чернышевскаго читатель знакомился съ положеніемъ рабочаго люда на западѣ, съ историческими выступленіями рабочей массы, съ дебатами о рабочемъ вопросѣ въ англійскомъ парламентѣ и въ французской палатѣ депутатовъ, (о рабочемъ движеніи въ Германіи у Чернышевскаго свѣдѣній мало), о разныхъ частностяхъ въ правовомъ и экономическомъ положеніи рабочаго труда, о трудѣ женщинъ и дѣтей и т. п. Всѣ разговоры на эти темы велись Чернышевскимъ въ большинствѣ случаевъ безъ всякой системы въ изложеніи предмета, но съ неизмѣнной основной тенденціей—дать понять, какая общественная сила зрѣетъ въ народной массѣ и какое огромное вліяніе эта сила можетъ имѣть на дальнѣйшій ходъ нашей жизни.

«Масса можетъ быть презираема; но состояніе и развитіе всѣхъ классовъ общества зависитъ отъ состоянія массы; ея невѣжество отражается и на ученыхъ, ея пошлость—и на свѣтскихъ людяхъ; ея страданія—и на людяхъ, изобилующихъ всѣмъ. Развитіе наукъ, искусствъ, нравственности и всѣхъ другихъ совершенствъ всегда бываетъ прямо пропорціонально матерьяльному благосостоянію массы». «Важнѣйшій національный капиталъ есть запасъ нравственныхъ силъ и умственной развитости въ народѣ». «Сто лѣтъ тому назадъ масса населенія еще не имѣла твердой мысли о возможности измѣнить свое положеніе. Кто не предъявляетъ своихъ требованій, о томъ никто не заботится. Средній классъ думалъ, что простолюдину ничего особеннаго не нужно, что полнымъ счастіемъ для народа будетъ то, когда ему, среднему классу, удастся осуществить свои требованія. Теперь оказалось иное; простолюдины находятъ, что для прочнаго улучшенія ихъ состоянія

нужны вещи, которыя не нужны среднему сословію, которыя во многомъ даже несовмѣстны съ выгодами средняго сословія. Оно испугалось этихъ новыхъ требованій; борясь противъ нихъ въ жизни, оно старается опровергнуть ихъ въ теоріи. Если это не измѣнится, если теорія, созданная среднимъ сословіемъ, не будетъ перестроена сообразно потребностямъ новаго, простонароднаго элемента жизни и мысли, она будетъ отвергнута прогрессомъ, уже начавшимъ быть во враждѣ съ нею». «Либералы безсильны противъ реакціонеровъ, если остаются съ однѣми своими силами, потому что либерализмъ понятенъ только образованнымъ людямъ, стало быть имѣетъ своими приверженцами только горсть людей, по сравненію съ массою населенія. Эта масса имѣетъ стремленія, въ сущности одинаковыя съ желаніями послѣдовательныхъ либераловъ, у которыхъ либерализмъ состоитъ не въ однихъ словахъ, а въ стремленіи къ важнымъ реформамъ... Но то, чего хочетъ масса, гораздо обширнѣе реформъ, которыми могли бы удовлетвориться сами по себѣ образованныя сословія. Масса хочетъ коренныхъ измѣненій въ своемъ матерьяльномъ бытѣ. Обыкновенно либералы забываютъ объ этой потребности, и потому масса остается холодна къ нимъ».

На смѣну «либеральнымъ» силамъ идетъ сила народная. Иногда она даетъ знать о себѣ возстаніемъ, и тогда люди политики, даже самые увлеченные крайними республиканскими понятіями, спрашиваютъ: зачѣмъ она возстала и чего она хочетъ? «Жить работою и умереть въ бою» — отвѣчаетъ она, и это девизъ чуждый всѣмъ партіямъ. «Основа для благосостоянія рабочихъ людей должна отнынѣ быть совершенно иного рода. Бѣдные уже переросли возможность водить ихъ на помочахъ и нельзя поступать съ ними, какъ съ дѣтьми. Забота объ ихъ судьбѣ должна быть нынѣ предоставлена имъ самимъ. Нынѣшнимъ наукамъ приходится понять, что благосостояніе народа должно основываться на справедливости и самоуправленіи каждаго гражданина. Теперь, когда зависимыя сословія по общественному положенію становятся все менѣе и менѣе зависимы, а мысли ихъ все менѣе и менѣе довольны и тою степенью зависимости, какая еще остается, имъ нужны качества, нужныя для качества независимыхъ людей. Если дается теперь совѣтъ рабочимъ классамъ, надобно подавать его имъ какъ равнымъ, чтобы они судили о немъ собственнымъ умомъ. Будущность зависитъ оттого, до какой степени они могутъ стать разумными людьми».

VIII.

Всѣ такія мысли, высказанныя отъ своего лица или отъ имени признаннаго авторитета показываютъ, какъ рѣшительно и послѣдовательно двигались взгляды Чернышевскаго въ направленіи къ истолкованію историческаго процесса въ духѣ соціализма. Въ Россіи Чернышевскій былъ первымъ по времени теоретикомъ соціализма и притомъ того научнаго соціализма, который на западѣ въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ шелъ на смѣну соціалистической романтикѣ утопій. При всей ихъ разбросанности и случайности, сужденія Чернышевскаго по этому вопросу представляютъ собою довольно связный очеркъ общихъ положеній. Въ ряду общественныхъ силъ, двигающихъ прогрессомъ за послѣднее время выдвигается новая сила—сила народной массы, которая до сей поры не давала себя чувствовать такъ, какъ она могла бы себя дать почувствовать, если бы условія ея жизни были иныя. Съ развитіемъ промышленности и вообще съ повышеніемъ цѣнности земного матеріальнаго благополучія — народная масса, главная носительница физической силы, выступаетъ какъ рѣшающій факторъ въ движеніи нашей жизни. То направленіе, какое этой жизни давали классы правящіе, и въ рѣдкихъ случаяхъ группы либеральныхъ политиковъ,—не можетъ быть согласовано съ назрѣвшими потребностями массы и съ тѣмъ положеніемъ, какое она пока занимаетъ. Дѣломъ воспитанія и образованія этой массы надо заняться какъ можно скорѣе, но не такъ, какъ этимъ занимались до сихъ поръ, не обращая вниманія на улучшеніе ея матерьяльнаго положенія и самовольно опекая ее: въ ней надо признать равноправную общественную силу и предоставить ей самой свободу въ изысканіи средствъ для улучшенія ея положенія.

Въ сочиненіяхъ Чернышевскаго найдется длинный рядъ статей, по которымъ можно возстановить—конечно не безъ пропусковъ, неясностей, и противорѣчій—цѣлый трактатъ о прошломъ, настоящемъ и будущемъ соціальнаго вопроса. Эта работа въ послѣднее время продѣлана тремя изслѣдователями, и съ появленія ихъ сочиненій началась въ нашей литературѣ истинно-научная разработка учено-публицистической дѣятель-

ности Чернышевскаго. Послѣ книгъ *Г. Плеханова* «Н. Г. Чернышевскій» 1910 г.; *Ю. Стеклова* «Н. Г. Чернышевскій. Его жизнь и дѣятельность». 1909 г. [1]) и *М. Антонова* «Н. Г. Чернышевскій. Соціально-философскій этюдъ. 1910 [2]) вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ Чернышевскій былъ соціалистъ и имѣетъ ли онъ право назваться научнымъ соціалистомъ — выясненъ довольно опредѣленно.

Приведемъ изъ этихъ книгъ нѣсколько общихъ выводовъ, оговариваясь, что авторы не всегда другъ съ другомъ въ нихъ согласны.

Въ своихъ конечныхъ взглядахъ на желательную форму соціальныхъ отношеній въ будущемъ Чернышевскій былъ несомнѣннымъ соціалистомъ. Опредѣлить время, когда соціалистическій строй установится, онъ не брался. Есть указанія, что онъ отлагалъ его торжество на очень долгіе годы, но признавалъ возможнымъ и при существующемъ соціальномъ порядкѣ проведеніе въ жизнь нѣкоторыхъ правовыхъ и экономическихъ отношеній въ духѣ соціализма. Вопросъ о томъ, станутъ-ли дѣйствующія политическія партіи на сторону соціализма, или онъ будетъ вынесенъ на плечахъ исключительно одной новой партіи, вербуемой изъ иныхъ слоевъ общества, чѣмъ находящіяся на лицо прогрессивныя общественныя группы—оставался открытымъ. Несомнѣннымъ было только то, что главнымъ и наиболѣе сильнымъ проводникомъ соціализма въ жизнь должна стать сама народная масса. Эта общенародная масса, въ одинаковой степени и земледѣльческая, и рабочая, болѣе другихъ заинтересована въ осуществленіи новаго соціальнаго строя и если такой строй будетъ установленъ, то онъ въ одинаковой степени и земледѣльцу, и рабочему, гарантируетъ какъ матеріальное благосостояніе, такъ и свободное удовлетвореніе всѣхъ духовныхъ потребностей. Но въ борьбѣ за право на новую жизнь рабочій и земледѣлецъ располагаютъ не равными силами: рабочій болѣе энергиченъ и развитъ, менѣе стѣсненъ традиціями, и ему будетъ принадлежать первенствующая роль. Растущая промышленность и развивающійся капитализмъ создадутъ современемъ сильную армію

---

[1]) Талантливая книга *г. Стеклова* съ богатымъ ученымъ матерьяломъ и очень отчетливая по основной мысли обратила на себя вниманіе далеко не въ той степени, въ какой она этого заслуживаетъ.

[2]) Къ этимъ книгамъ слѣдуетъ добавить статью г. *Русанова* «Ученики Маркса о Чернышевскомъ». «Русское Богатство», 1909 г.

рабочихъ. Капитализмъ имѣетъ много вредныхъ сторонъ, но онъ въ концѣ концовъ воспитываетъ пролетарія. На воспитаніе и образованіе этого пролетарія, на заботу объ огражденіи его правъ, экономическихъ и юридическихъ, должно по преимуществу быть обращено вниманіе всѣхъ тѣхъ, кто вѣритъ въ соціализмъ, какъ въ историческую необходимость. Побѣда соціализму обѣщана самой исторіей и текущая жизнь тѣмъ болѣе выиграетъ, чѣмъ развитѣе и гуманнѣе будетъ грядущій побѣдитель. Какой порядокъ жизни во всѣхъ ея частностяхъ установится—объ этомъ подробно говорить въ настоящую минуту нѣтъ нужды, но присмотрѣться внимательно къ нѣкоторымъ уже дѣйствующимъ формамъ общежитія, какъ напр., къ общинному землевладѣнію или артельному началу весьма полезно и поучительно.

Признавалъ-ли Чернышевскій классовую борьбу главнымъ двигателемъ историческаго процесса? Этотъ вопросъ задавали себѣ всѣ изслѣдователи и связывали его съ другимъ, который неизбѣжно напрашивался, а именно—въ какой мѣрѣ Чернышевскій можетъ быть названъ единомышленникомъ Маркса и сторонникомъ экономическаго матеріализма? Мнѣнія разошлись: одному изслѣдователю казалось, что во взглядахъ Черышевскаго были лишь зачатки истинно научнаго взгляда на соціализмъ, что первенствующее историческое значеніе борьбы классовъ было ему недостаточно ясно, что онъ недостаточно высоко оцѣнилъ силы пролетаріата и вообще былъ болѣе «раціоналистъ», чѣмъ матеріалистъ въ исторіи; другой ученый утверждалъ, что Чернышевскій шелъ въ своихъ разсужденіяхъ той же дорогой, что и Марксъ, что къ матеріалистическому истолкованію процесса исторіи онъ подошелъ очень близко, что все великое значеніе капитализма и связаннаго съ нимъ рабочаго движенія было ему вполнѣ ясно и что онъ несомнѣнный исповѣдникъ строгаго научнаго соціализма; наконецъ, было высказано мнѣніе, что Чернышевскій не марксистъ, а «интеллектуалистъ», но съ несомнѣннымъ пониманіемъ того огромнаго значенія, какое экономическій факторъ имѣетъ въ жизни народовъ. Въ одномъ всѣ были согласны—въ томъ, что Маркса Чернышевскій не читалъ и, вѣроятно, о немъ не слышалъ, и что до всѣхъ положеній своего ученія, которыя напоминаютъ Маркса, Чернышевскій доработался безъ чужой помощи. Съ этимъ можно вполнѣ согласиться, равно какъ и съ тѣмъ, что въ вопросѣ объ историческомъ значеніи классовой борьбы Чернышевскому было вполнѣ ясно значеніе этой борьбы для настоящаго и будущаго. Что же касается роли этой борьбы въ прошломъ, то Черны-

шевскій этимъ вопросомъ интересовался мало и потому не могъ быть сторонникомъ экономическаго матеріализма во всемъ его объемѣ. Признать, что изъ всѣхъ факторовъ прогресса экономическій самый главный, что именно онъ обусловливаетъ собою все остальное — Чернышевскій врядъ ли бы согласился, такъ какъ подобное утвержденіе должно было быть провѣрено на всемъ историческомъ процессѣ, а не на какой либо одной его части; а такой исторической провѣрки Чернышевскій не производилъ.

IX.

Мысли Чернышевскаго о соціализмѣ не стоятъ въ сущности прямой связи съ его общественной ролью. Никакихъ корней въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ и въ русской народной массѣ соціализмъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ не имѣлъ. Какъ общественная сила, соціализмъ появился въ Россіи значительно позже и велъ онъ свое начало не отъ статей Чернышевскаго, которыя на долгое время были похоронены въ старыхъ журналахъ. Соціализмъ какъ ученіе съ практической тенденціей возникъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ соціалистическихъ теорій западныхъ. Но самъ по себѣ, какъ первый русскій соціалистъ теоретикъ, Чернышевскій явленіе очень яркое и характерное; въ исторіи международнаго соціализма онъ долженъ также занять свое мѣсто, какъ оригинальный изслѣдователь нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ. Въ интернаціональную армію соціалистовъ Чернышевскій, впрочемъ за собой не привелъ никого. Говорить и писать о соціализмѣ ему пришлось въ ту эпоху, когда его русскіе читатели и поклонники могли уловить лишь самый общій смыслъ его разсужденій. Самодержавіе, какъ основа государственнаго строя, полное отсутствіе политической жизни въ обществѣ, крѣпостное право пока еще во всей его неприкосновенности и ничтожная по численности крѣпостная же рабочая толпа на фабрикахъ—о какомъ соціализмѣ можно было говорить при такихъ условіяхъ? Говорить, впрочемъ, можно было, и о немъ, дѣйствительно, говорилось часто, и много, и конечно не безъ связи со статьями Чернышевскаго,—но къ чему могли приводить такіе разговоры? Были, несомнѣнно, отдѣльные люди съ научнымъ интересомъ къ тѣмъ областямъ знанія, съ которыми сопри-

касались соціальныя науки и въ этихъ разговорахъ ихъ мысль получала направленіе и пищу; были такіе, которые затѣмъ становились спеціалистами той или другой науки—и съ благодарностью вспоминали, какъ статьи Чернышевскаго направили впервые ихъ вниманіе на любимыя ими знанія... Но общая масса читателей, хоть она и читала статьи Чернышевскаго внимательно и тратила много труда на ихъ усвоеніе, она врядъ ли въ концѣ концовъ выносила изъ нихъ что-нибудь иное, кромѣ общаго впечатлѣнія. Но и этого впечатлѣнія было достаточно, чтобы юному человѣку, ищущему пути, указать на этотъ путь и на ту цѣль, къ которой онъ приводитъ. Тотъ фактъ, что самые главные тезисы историко-соціологическихъ статей Чернышевскаго находились въ полномъ противорѣчіи съ русской дѣйствительностью едва ли могъ парализовать вліяніе этихъ статей на складъ мысли и на настроеніе читающаго. Все въ словахъ Чернышевскаго могло казаться и неприложимымъ и неосуществимымъ въ Россіи (хотя было не мало и такихъ читателей, которые на русскій завтрашній день возлагали огромныя надежды), но въ общемъ всѣ такіе разговоры о «не нашихъ» дѣлахъ должны были имѣть большое воспитательное значеніе уже потому, что они ставили опредѣленную цѣль одному изъ самыхъ сильныхъ стремленій юныхъ умовъ и темпераментовъ.

X.

Молодежь всегда любитъ думать и говорить о цѣляхъ бытія. Есть періоды въ жизни отдѣльныхъ лицъ и въ жизни поколѣній когда слишкомъ близкія цѣли не удовлетворяютъ; но есть періоды и такіе, когда перестаютъ удовлетворять и цѣли слишкомъ далекія. Въ тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ наша молодежь довольствовалась отдаленными цѣлями и съ философскимъ смиреніемъ созерцала, какъ какая-нибудь вѣчная идея или невѣдомый абсолютъ проходили на ея глазахъ черезъ опредѣленный фазисъ развитія, совсѣмъ не считаясь съ недовольствомъ, какое въ душѣ простого смертнаго отъ такого прохожденія накипаетъ. Въ шестидесятыхъ годахъ любовь къ далекимъ цѣлямъ исчезла, философское спокойствіе стало анахронизмомъ, и недовольство не хотѣло мириться съ необходимостью. Но съ другой стороны это недовольство было настолько требовательно, что скромными цѣлями оно также не могло быть удовлетворено. Радикально настроеннымъ и

мыслящимъ людямъ хотѣлось подсмотрѣть въ процессѣ жизни быстрое приближенье къ той желанной цѣли, которая въ предѣлахъ земныхъ казалась вполнѣ достижимой. Эта цѣль была—установленіе новыхъ соціальныхъ отношеній, при которыхъ матерьяльное благополучіе и духовное развитіе были бы гарантированы всѣмъ безъ изъятія участникамъ прогресса. Для русскаго молодого читателя необычайно цѣнной должна была являться всякая научная попытка, истолковывающая ходъ жизни человѣческой въ этомъ смыслѣ. Тотъ аргументъ, что русская жизнь въ данномъ случаѣ не можетъ служить примѣромъ—былъ недѣйствителенъ, такъ какъ дѣло шло пока лишь объ установленіи общаго взгляда на исторію жизни вообще, а вопросъ, какъ это общее положеніе будетъ доказано на Россіи, отодвигался вдаль, и рѣшеніе его отлагалось до того времени, когда основной принципъ разсужденія будетъ признанъ непоколебимымъ.

Историческія и политико-экономическія статьи Чернышевскаго были такой научной попыткой опредѣлить взаимоотношеніе общественныхъ силъ, двигающихъ прогрессомъ. Чернышевскій былъ единственный теоретикъ этого новаго взгляда на жизнь, ученый и публицистъ, который, минуя цѣли дальнія и не останавливаясь намелкихъ требованіяхъ текущаго дня, говорилъ о ближайшей, общей для всѣхъ народовъ цѣли—соціальнаго переустройства земной жизни. Ясная развертывалась картина: на смѣну двумъ общественнымъ силамъ, до сей поры двигавшимъ жизнью—силѣ правительственной власти и силѣ политическихъ либеральныхъ партій выступала новая сила—народной массы, которая наконецъ должна была взять въ свои руки заботу о проведеніи въ жизнь истинно демократическаго начала. Только въ союзѣ съ ней искомая цѣль могла быть достигнута. И только ею желанный ходъ прогресса былъ обезпеченъ. Ей въ услуженіе надлежало отдать и трудъ, и любовь, и помыслы...

Это была уже не мечта, не видѣніе, не утопія, а сама жизнь, какъ съ ней можно было столкнуться лицомъ къ лицу за предѣлами нашей родины. А, кто знаетъ, можетъ быть и у насъ скоро появятся симптомы, указывающіе на пробужденіе народной силы или по крайней мѣрѣ на пробужденіе въ обществѣ сознанія, что эта сила, дѣйствительно, самая главная.

«Каждый отдѣльный человѣкъ изнашивается событіями, въ которыхъ участвовалъ; образъ его мыслей и размѣръ его желаній складывается въ неизмѣнную форму пятнадцатью или двадцатью первыми годами его общественной жизни. Такимъ образомъ, когда завершился извѣстный циклъ событій, извѣстный

періодъ государственнаго порядка, почти все общество состоитъ изъ людей сформировавшихся прежними стремленіями, не стремящихся или не отваживающихся стремиться ни къ чему новому сверхъ того результата, который произведенъ прежнимъ порядкомъ вещей и характеромъ идей ихъ молодости. Чтобы совершилось въ обществѣ что-нибудь важное, новое, нужно большинству общества составиться изъ новыхъ людей, силы которыхъ не изнурены участіемъ въ прежнихъ событіяхъ, мысли которыхъ сложились уже на основаніи достигнутаго ихъ предшественниками результата, надежды которыхъ еще не обрѣзаны опытомъ. Чтобы составъ общества обновился такимъ образомъ, нужно бываетъ около пятнадцати лѣтъ, по простому ариѳметическому закону физической смѣны поколѣній: въ пятнадцать лѣтъ большинство людей бывшихъ взрослыми при началѣ срока, вымираетъ или дряхлѣетъ и замѣняется новымъ большинствомъ, составившимся изъ людей, бывшихъ при началѣ періода юношами или дѣтьми. Эти новые люди могутъ обнаружить рѣшительное вліяніе на ходъ событій нѣсколько раньше средняго срока, напр., лѣтъ черезъ десять, если обстоятельства благопріятствуютъ ускоренію перемѣны, или нѣсколько позднѣе, напр., лѣтъ черезъ двадцать если обстоятельства неблагопріятны ея быстротѣ, но всетаки существуетъ средній срокъ для осуществленія новыхъ идей, и нельзя не замѣтить, что крайніе колебанія и предѣлы разныхъ эпохъ, то растягиваясь, то сокращаясь, колеблются около средней цифры пятнадцати или шестнадцати лѣтъ. Эта періодичность видна во всѣхъ тѣхъ вѣкахъ и странахъ, которые особенно важны были для прогресса».

XI.

И у насъ въ Россіи, въ указанный срокъ обновится поколѣніе и новымъ людямъ придется свершить нѣчто «важное и новое», и, конечно, это новое свершится не въ союзѣ со старыми общественными силами. Пусть наше теперешнее положеніе даже не намекаетъ на то соотношеніе силъ двигающихъ прогрессомъ, которое должно установиться,—уклониться отъ общаго закона мы не можемъ.

Но, надо же разобраться и въ тѣхъ общественныхъ силахъ, какія у насъ въ Россіи на лицо имѣются. Къ какимъ бы печальнымъ выводамъ насъ ни привелъ этотъ разборъ, онъ намъ прояснитъ наше положеніе и онъ укажетъ, если не самой народ-

ной массѣ, то хоть намъ, интеллигентнымъ людямъ, то направленіе, въ какомъ идти должно.

И опять Чернышевскій оказался самымъ смѣлымъ и наиболѣе разностороннимъ писателемъ, который рѣшился повести бесѣду на эту уже не общую, а частную, къ русской жизни прямо относящуюся тему.

Несторъ Котляревскій.

„ПОРУЧИТЕЛЬ“.

(Разсказъ изъ недавняго прошлаго).

I.

Мой дядя ребъ-Хуне, въ случаѣ крайности, могъ бы, конечно, скрѣпя сердце мириться съ тѣмъ, чтобы сѣсть за субботній или праздничный столъ безъ рыбы, но сѣсть за субботній или праздничный столъ безъ «ойреха» [1])—съ этимъ онъ никогда, такъ таки никогда не могъ бы помириться.

Ибо тогда ужинъ былъ бы для него не ужинъ, обѣдъ не обѣдъ и весь праздникъ не въ праздникъ,—словомъ, все было бы отравлено и профанировано. А потому, «хоть бы горѣло», онъ долженъ былъ имѣть къ столу ойреха.

Дядя фабриковалъ сапожную ваксу и онъ такъ и былъ извѣстенъ подъ именемъ ребъ Хуне Шуваксеръ [2]). И эту ваксу, которую онъ дѣлалъ въ «задней» изъ сажи, ворвани и еще чего то, онъ продавалъ въ мелочь-за гроши, за копѣйку, или же въ бѣлыхъ высокихъ узкихъ жестяныхъ коробочкахъ различной величины, въ своей лавочкѣ, гдѣ, кромѣ того, продавались ворвань, деготь, камфора, воскъ, канифоль, охра и разныя другія краски въ порошкахъ, а также лѣчебныя травы, въ родѣ ромашекъ, липоваго цвѣта, ревеня и т. п. Всѣ эти травы лѣчебныя хранились въ выдвигавшихся ящикахъ или же въ большихъ запыленныхъ склянкахъ и банкахъ.

Сапожная вакса дяди считалась самой лучшей въ городѣ, среди евреевъ, разумѣется,—и вся его торговля по этой части

---

1) Ойрехъ—застольный гость.
2) Шуваксъ—сапожная мазь.

происходила по пятницамъ и въ кануны праздниковъ, когда она доходила до своего апогея, ибо какому еврею могло бы взбрести на умъ вдругъ ни съ того-ни сего чистить сапоги среди будней.

И хоть бы рано вспомнили о томъ, что надо ваксу покупать. Такъ нѣтъ же. Часа за два, за три уже до захода солнца только и начинается бѣготня за ваксой и кончается съ заходомъ солнца.

Кромѣ покупки ваксы, въ кануны субботъ и праздниковъ еще совершалась смазка сапогъ. На дворѣ у самаго порога дядиной лавочки, на ящикахъ, стояла большая кадка, наполненная ворванью, а въ ней торчалъ постоянно такъ называемый «квачъ», т. е. палочка, конецъ которой былъ обмотанъ тряпочкой. Этимъ-то «квачемъ» мазали сапоги. За смазку взымалась копѣйка. И вотъ у этой кадки до самаго захода солнца десятками толпились еврейскіе ломовые извозчики, биндюжники и разный рабочій людъ...

Всѣ эти обстоятельства вели часто къ тому, что дядя почти вечеромъ возвращался домой. Это случалось особенно въ короткіе осенніе и зимніе дни.—Квартира дяди находилась въ томъ же домѣ, гдѣ и «фабрика» съ лавочкой, только въ глубинѣ двора.

Придетъ онъ бывало домой въ своей одеждѣ, насквозь пропитанной жиромъ и нестерпимымъ запахомъ ворвани и рыбьяго жира, и пока онъ все это сброситъ, умоется и переодѣнется, уже оказывается слишкомъ поздно, чтобы идти молиться въ бесъ-гамедрашъ [1]). И вотъ дядя, надѣвши свой атласный капотъ и мѣховой картузъ, осматриваетъ уже приготовленный столъ, на которомъ горятъ девять свѣчекъ, зажженныхъ и благословленныхъ теткой до его прихода еще. Собираясь приняться за вечернюю молитву и засовывая, по своему обыкновенію, пальцы за широкій шелковый поясъ, которымъ перехваченъ его атласный сюртукъ, онъ обращается къ теткѣ, сидящей за своими «техиносъ» [2]) и читающей громку «техину» послѣ благословенія свѣчекъ:

— «Рухеле, а что на счетъ «ойреха»?

— А, на счетъ ойреха, поднимаетъ тетка глаза изъ за очковъ. Что ты думаешъ,—таки худо. Какъ же такъ его, бѣднаго, послать, когда такая слякоть,—до колѣнъ доходитъ, а его сапоги—одна дыра. Надо будетъ опять ихъ отдать починить, Богъ дастъ, послѣ субботы.

---

[1]) Молитвенный домъ.

[2]) Спеціальныя молитвы для женщинъ на разговорномъ еврейскомъ языкѣ.

Дѣло идетъ, разумѣется, обо мнѣ. У дяди сыновья всѣ уже женаты и живутъ въ разныхъ городахъ. Дома у него еще двѣ дочери, изъ которыхъ старшей лѣтъ шестнадцать, а младшей четырнадцать.

И вотъ, когда онъ самъ не ходитъ въ бесъ-гамедрашъ, то приводить ойреха приходится мнѣ. Я, собственно, очень счастливъ, когда на мою долю выпадаетъ эта честь—и отношусь я къ своей задачѣ очень серьезно. Никогда я не беру перваго встрѣчнаго, а, ставъ у дверей, гдѣ понуро стоитъ толпа бѣдняковъ, ждущихъ приглашенія, я заглядываю всѣмъ въ лицо и выбираю того, кто производитъ на меня болѣе сильное впечатлѣніе своимъ несчастнымъ, забитымъ и страдальческимъ видомъ, или же такого, что прячется, ни на кого не глядя.

II.

Въ одинъ изъ подобныхъ пятничныхъ вечеровъ, когда дядя не могъ отправиться въ бесъ-гамедрашъ, мнѣ было поручено привести ойреха.

Случилось такъ, что я замѣшкался, остановившись около образовавшейся у восточной стѣны группы, гдѣ взволнованно разсказывали о несчастіи, случившемся съ однимъ ребъ Нухемомъ, котораго «наемщикъ» [1]) бѣжалъ въ самый день пріема, забравъ уплаченныя впередъ ему двѣсти рублей. И вотъ, когда я подошелъ къ «дверямъ», тамъ находился всего на всего одинъ бѣднякъ только, ждавшій приглашенія, и я поторопился его захватить, не то на него нашлось бы много охотниковъ.

Стоялъ онъ не у выхода, какъ обыкновенно, а прижавшись въ углу, за дверью, къ стѣнѣ съ понуро опущенной головой. И когда я ему сказалъ: «Дядя, пойдемте къ намъ на субботу», онъ какъ будто не сразу согласился, и прежде чѣмъ пойти, боязливо оглянулся вокругъ.

Это былъ человѣкъ весьма высокаго роста съ широкими, нѣсколько сутуловатыми сверху плечами, къ которымъ, посредствомъ весьма тонкой жилистой шеи, была прикрѣплена большая голова съ взъерошенными волосами, плоскимъ лицомъ, плоскимъ носомъ, съ большой взъерошенной широкой темнорусой бородой и небольшими, глубоко ушедшими внутрь, сѣрыми пугливыми и страдальческими глазами. Такъ что, не смотря на гигантскій

[1]) Охотникъ, который за извѣстную сумму шелъ въ рекруты вмѣсто другого лица.

почти ростъ, онъ сразу произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка очень робкаго, запуганнаго. Была на немъ длинная, темнокоричневая бурка, но безъ капюшона и плоскій засаленный картузъ съ большимъ козырькомъ.

Онъ шелъ за мною молча, все оглядываясь по сторонамъ, словно пугаясь чего-то, и отъ времени до времени издавалъ глубокіе вздохи. Когда я попытался съ нимъ заговорить, онъ разсѣянно слушалъ и дѣлалъ такой видъ, какъ будто всякій разговоръ причиняетъ ему неимовѣрное страданіе. На мой вопросъ, откуда онъ, онъ отвѣтилъ: «Тамъ, изъ одного мѣстечка».

Другого я не могъ отъ него добиться.

Итакъ продолжали мы идти молча, и гулко и тоскливо отдавался шумъ нашихъ шаговъ въ тихой глухой улицѣ; ибо дѣло было зимой, и земля сильно промерзла

Когда мы зашли въ домъ, онъ благоговѣйно поцѣловалъ «мезузу» [1]) и тихо, еле слышно произнесши: gut schabes, [2]), робко прижался къ косяку, пока дядя не привлекъ его къ столу со своею обычной сердечной привѣтливостью.

Но и дядя, умѣвшій своей мягкостью и радушіемъ «заставлять говорить стѣну», тоже многаго не могъ добиться отъ этого страннаго, робкаго существа. За столомъ онъ продолжалъ упорно молчать, все время пугливо и тревожно оглядываясь на двери, ѣлъ какъ-то вяло и неохотно, и каждый разъ, всовывая ложку въ общую миску или протягивая руку, чтобы взять кусочекъ изъ нарѣзаннаго въ общей тарелкѣ мяса, онъ оглядывалъ всѣхъ съ такимъ выраженіемъ, словно просилъ прощенія за свою необычайную дерзость.

Вообще въ лицѣ его выражалось столько глубокой скорби, столько внутренняго страданія, что даже хохотунья Динеле, младшая дочь дяди, которая уже собиралась было фыркнуть при видѣ этихъ странныхъ, неловкихъ манеръ гостя, казавшихся ей очень смѣшными, какъ то вдругъ застыла, взглянувъ на него близко.

Дядя дѣлалъ все возможное, чтобы отвлечь гостя отъ его печальныхъ думъ и чувствъ, подливалъ ему вина, шутилъ, разсказывалъ забавныя вещи про своихъ кліентовъ и особенно кліентокъ, приходившихъ за разными лѣчебными травами. Тетка съ своей стороны тоже старалась его развлечь разными разговорами.

Ничто не помогало. Ни одна черточка не пришла въ дви-

---

[1]) Небольшой пергаментный свитокъ, прибитый къ косяку, и на которомъ написаны стихи изъ пятикнижія: Слушай, Израиль и т. д.

[2]) Добрая суббота.

женіе на этомъ застывшемъ въ своей печали лицѣ, ни одна свѣтлая точка не мелькнула хоть на мгновеніе въ этихъ скорбныхъ глазахъ. Иногда разсѣянно качнетъ головой, при чемъ его большой плоскій лобъ покроется множествомъ морщинъ, словно онъ сдѣлалъ большое усиліе. Потомъ опять понуритъ голову и, засунувъ руки въ рукава своей бурки, сидитъ неподвижно, и по выраженію его лица видно, что онъ весь ушелъ далеко-далеко.

Обычно спрашивали гостя, имѣетъ ли онъ гдѣ ночевать и, когда онъ отвѣчалъ отрицательно, его оставляли на ночь. Этого же и не спрашивали, и послѣ ужина тетка сейчасъ же постлала ему на лежанкѣ, что прилегала къ самой кухонной печи.

Спать сейчасъ не легли, а, какъ всегда, сидѣли на кухнѣ, служившей столовой, до тѣхъ поръ, пока не кончились свѣчки. Тетка была рѣдкая чистеха, и кухня буквально блистала бѣлизной своихъ стѣнъ и своего деревяннаго пола, и поражала царившими во всѣхъ уголкахъ чистотой и порядкомъ. И нигдѣ не сидѣлось такъ хорошо, нигдѣ не чувствовали себя такъ уютно, какъ на кухнѣ, гдѣ все такъ мило и привѣтливо улыбалось, какъ сама хозяйка, и гдѣ стояла такая милая, ласкающая теплота. Впрочемъ, кромѣ кухни, была всего одна еще большая, очень низкая комната и совсѣмъ темная комора, гдѣ спали Дина и Сура-Рейзель, старшая дочь, которая уже была невѣста и которой свадьба должна была состояться мѣсяца за два до этого, но была отложена изъ-за того, что дядя не могъ внести всѣхъ ста рублей приданаго.

Эта милая привѣтливая обстановка и глубокая сердечность наконецъ-таки подѣйствовали на нашего ойреха. Онъ сталъ отвѣчать на осторожные вопросы, правда, отрывочными, взволнованными фразами и словами, изъ которыхъ многія были сбивчивы и неясны. Но постепенно его втянули и довели до того, что онъ выложилъ все, что у него было на душѣ,—и мы узнали слѣдующее. Онъ сапожникъ изъ Б. Кіевской губерніи, гдѣ имѣлъ собственную землянку на окраинѣ города, недалеко отъ «воды», т. е. отъ рѣки, о которой онъ говорилъ, какъ о чемъ-то родномъ и дорогомъ. У него жена и четверо дѣтей, три мальчика и дочь. Она самая старшая въ семьѣ и ей семнадцать лѣтъ, зовутъ ее Блюмой [1]). «Таки настоящій цвѣтокъ, еслибъ вы ее видѣли». Убѣдняги при этомъ сдавливается горло, и нѣсколько минутъ онъ не въ состояніи сказать слова. Есть въ Б. какой-то «махеръ» [2]) при

---

1) Блюма (по-нѣмецки Blume)—цвѣтокъ.
2) Дѣлецъ.

банкѣ, о которомъ онъ слыхалъ какъ-то, но котораго близко никогда не видалъ. Гдѣ ему видѣть такихъ людей близко. Говорили о немъ, что это замѣчательная голова, можетъ изъ ничего дѣлать «дѣло» и что онъ зарабатываетъ много денегъ. Разсказывали о немъ иногда въ бесъ-гамедрашѣ, но онъ даже не интересовался особенно этими разсказами. «Въ одно ухо входитъ, изъ другого выходитъ». У него было о чемъ думать. Хата полна дѣтей, а заработки извѣстно какіе. Два мальчика въ хедерѣ (школѣ). Старшій уже три года гемуру (талмудъ) изучаетъ, а младшій уже началъ въ прошломъ году Раши [1]). Заботъ достаточно, и голова такъ забита ими, что уже туда ничего не лѣзетъ.

Представьте же себѣ, мѣсяцевъ пять тому назадъ, въ одинъ четвергъ, въ его землянку является вдругъ этотъ самый банковый «махеръ, котораго заработокъ хватилъ бы на двадцать еврейскихъ семействъ», и говоритъ ему безъ обиняковъ: «Ребъ Уренъ, хотите заработать сейчасъ двадцать рублей, такъ одѣвайте субботнюю «капоту» [2]) и идите сейчасъ со мной».

Заработать двадцать рублей! Какъ это такъ себѣ заработать двадцать рублей. Что это онъ издѣваться надъ нимъ и надъ его бѣдностью горькою пришелъ, шутить вздумалъ надъ его горемъ.

— «Нѣтъ, ребъ Уренъ, я не шучу, упаси меня Боже шутить надъ бѣднымъ человѣкомъ. Могу вамъ дать сейчасъ-таки три рубля задатокъ». И онъ тутъ же вынимаетъ новенькую, такъ соблазнительно шелестящую трехрублевую ассигнацію и кладетъ ее на верстакъ.

Эти три рубля прямо ошеломили его, словно обухомъ по головѣ ударили.

А «махеръ», ребъ Нухимъ-Сендеръ его зовутъ, торопитъ.

— «Присядьте, говоритъ вотъ тутъ у стола, и я растолкую вамъ, въ чемъ дѣло. Понимаете, двадцать рублей пѣшкомъ не идутъ. А вы ихъ въ одинъ часъ заработаете».

Тутъ какъ разъ зашла моя Цирль.

— Вотъ говоритъ онъ, я предлагаю вашему мужу заработать двадцать рублей и за совсѣмъ пустяшное дѣло. Собственно за это рубль или даже меньше достаточно уплатить, но такъ какъ вы люди бѣдные, то я рѣшилъ просто такъ дать вамъ лишнее. Понимаете. А дѣло вотъ въ чемъ. Вы знаете подрядчика ребъ Шморье-Леви, что строитъ казармы у казны. Ну такъ вотъ вы съ нимъ пойдете въ банкъ и тамъ подпишете одну

---

[1]) Извѣстный коментаторъ пятикнижія.
[2]) Длинный сюртукъ.

бумагу. Вотъ это и все. Одинъ смѣхъ, не правда ли? Ну тамъ въ банкѣ спросятъ: Купецъ? Скажите: Купецъ. Что это вамъ мѣшаетъ? и даже бумаги покажете, что вы, значитъ, дѣйствительно, купецъ. Я уже вамъ ихъ доставлю. Ну вотъ и все. Это будетъ значить, что вы поручитель. Одинъ купецъ за другого порука. Идете въ банкъ, подписываете и за это двадцать рублей кладете въ карманъ.

— «А можетъ быть онъ двадцать пять дастъ, ребъ Шморье-Леви, замѣтила моя Цирль, дѣлая видъ, будто она все отлично поняла.

Ребъ Нухимъ-Сендеръ взялъ съ верстака три рубля, сунулъ ихъ моей Цирли и говоритъ: «Вы потрудитесь, ребъ Уренъ, одѣньте субботнюю капоту и черезъ часъ эдакъ зайдете ко мнѣ... Вечеромъ же послѣ Минха и Мааривъ, вы зайдете къ ребъ Шморье-Леви и тамъ уже окончательно узнаете, когда и что все это надо будетъ сдѣлать. И, вѣроятно, онъ не постоитъ,—и дадутъ вамъ цѣлыхъ двадцать пять рублей; хотя за что вамъ тутъ давать такіе деньги? Но я уже самъ все улажу. Съ ребъ Шморье-Леви объ этомъ говорить не надо. И онъ ушелъ.

А у меня, не знаю почему, такъ смутно, такъ смутно на душѣ стало, даже страхъ какой-то охватилъ. Не лежитъ мое сердце къ этому дѣлу—и кончено. Но вижу, что моя Цирль радуется, такъ думаю: она вѣдь всегда лучше меня понимаетъ. И это меня немного успокоило. Къ тому она меня стала торопить и уже сняла капоту со стѣны. Нечего было дѣлать, одѣлся и пошелъ, а вечеромъ опять одѣлъ субботнюю капоту—и пошелъ уже къ самому ребъ Шморье-Леви. Ужъ какъ у меня сердце стучало, пока я осмѣлился открыть двери. Шутка ли, такой богачъ. И вдругъ тамъ меня принимаютъ съ такимъ почетомъ. Усадили за столъ, на которомъ кипѣлъ огромный самоваръ, блиставшій, какъ чистое золото, преподнесли чай съ какими-то молочными печеніями, что и предки мои такихъ не видали. Тамъ былъ ребъ Нухимъ-Сендеръ и еще два-три еврея, говорили о томъ, о семъ, а я себѣ такъ сижу. Не по себѣ мнѣ было и не знаю, что дѣлать съ собой. Шутка ли, у такого богача въ домѣ. И не могу ни до чего дотронуться, хотя всѣ держатся такъ просто, какъ всѣ евреи, а жена ребъ Шморье-Леви, Двойреле, все подсовываетъ: «Кушайте, пейте, что вы такъ стѣсняетесь».

Словомъ, не стану долго разсказывать. Тутъ мнѣ опять объяснили, что я явлюсь въ банкъ, какъ первой гильдіи купецъ, и подпишу поручителемъ какой-то вексель. Смутно мнѣ стало

отъ этого слова «вексель», но всѣ увѣряли, что это совсѣмъ вздоръ, что, кромѣ меня, еще двое подпишутъ...

Черезъ недѣлю, въ одно прекрасное утро нашего бѣднаго сапожника одѣли въ новую капоту, новые сапоги, новый бархатный картузъ, совсѣмъ какъ жениха—и на бричкѣ повезли въ банкъ, гдѣ онъ чуть не умеръ отъ страха. Тамъ провозились часа три, и каждую секунду ему казалось, что онъ отдаетъ Богу душу, до того были мучительны охватившіе его страхъ и трепетъ.

Еслибы не ребъ Нухимъ-Сендеръ, который все время его ободрялъ и подшучивалъ надъ нимъ, онъ лишился бы чувствъ. Наконецъ онъ не къ одной, а къ нѣсколькимъ «бумажкамъ» приложилъ свою аляповатую, съ огромными буквами, подпись по еврейски и съ большимъ трудомъ, ибо грамотей онъ былъ небольшой, и съ облегченной душой ушелъ домой, думая, что этимъ все кончено. По дорогѣ ребъ Нухимъ Сендеръ вручилъ ему цѣлыхъ двадцать пять рублей, кромѣ задатка, и это заставило его окончательно забыть всѣ пережитыя волненія и страхи.

Хотя всѣ клятвенно обѣщали никому ничего не говорить, но въ городѣ чуть ли не ребенокъ въ колыбелькѣ зналъ всю эту исторію. Но въ концѣ концовъ все это евреи вѣдь, и бояться нечего было. И что онъ такое сдѣлалъ: подписалъ. Такъ по крайней мѣрѣ утѣшала его Цирль. Но у него что-то тяжелое залегло на душѣ.

«Деньги идутъ къ деньгамъ», говорятъ люди. И вотъ послѣ этого событія у него появилась работа. Правда, достаточно было одного дома ребъ Шморье-Леви, чтобы можно было имѣть кусокъ хлѣба. Сколько одной прислуги! Кухарка Зисель-Голда, двѣ «покоевыя» (горничныя), мамка у старшей дочери, няньки у двухъ младшихъ дочерей и т. д.

Такъ прошло около трехъ мѣсяцевъ. — Вдругъ, дней за десять до Хануки [1]), въ одинъ холодный дождливый вечеръ, какъ только они легли спать, вдругъ стучатъ въ окно. Испуганно бросились къ окну.

— «Отворяйте»,—говоритъ какой-то мущина, приложивши ротъ къ самому стеклу. Бросились въ темнотѣ отыскивать спички. Наконецъ нашли.

Цирль дрожащими руками зажгла свѣчку, накинула юбку и пошла отворять.

---

1) Праздникъ въ память освобожденія Маккавеями отечества отъ чужеземнаго ига.

— «Несчастье, большое несчастье»,—весь вздрагивая, говоритъ вошедшій еврей, котораго нашъ сапожникъ сразу не узналъ. А былъ это ребъ Хаимъ-Вольфъ, бѣдный маклеръ, который тоже подписался, тоже значитъ состоялъ поручителемъ. «Несчастье»,—говоритъ онъ, ломая руки. «Мы должны бѣжать, иначе въ острогъ попадешь. Зарѣзали насъ за пятьдесятъ рублей, зарѣзали насъ съ женами и дѣтьми». И онъ разрыдался. Легко себѣ представить, что произошло въ домѣ ребъ Урена. Цирль заревѣла благимъ матомъ, дѣти испуганно вскочили съ постелей съ отчаянными криками и плачемъ.

Но ребъ Хаимъ-Вольфъ опомнился и просилъ не производить шума; ибо могутъ сбѣжаться люди, и тогда они пропали. Онъ передалъ ребъ Урену десять рублей, которые прислалъ для него ребъ Нухимъ-Сендеръ на путевыя издержки и велѣлъ сейчасъ же собраться въ дорогу. Подвода уже готова, и она ихъ довезетъ до перваго мѣстечка, а тамъ они уже увидятъ, какъ поступить дальше.

И вотъ несчастный сапожникъ сталъ торопливо одѣваться, весь дрожа и заливаясь, въ то время какъ блѣдная, какъ смерть, еле державшаяся на ногахъ Цирль истерически рыдая, какъ надъ мертвымъ, укладывала въ мѣшокъ все, что попадало въ руки. И почти ни съ кѣмъ не попрощавшись, не зная, что онъ дѣлаетъ, ничего не видя, ничего не понимая, ошеломленный, вышелъ онъ изъ дома. А на улицѣ ревѣлъ вѣтеръ и ведрами лилъ дождь.

III.

«Поручитель», — такъ мы съ тѣхъ поръ стали называть между собой нашего «ойреха», сдѣлался нашимъ постояннымъ застольнымъ субботнимъ гостемъ. Сердечное отношеніе и глубокое сочувствіе всѣхъ нашихъ его глубоко трогало, и очевидно у насъ онъ отдыхалъ нѣсколько душой; но это ни въ чемъ наружно не выразилось. Напротивъ того, онъ дѣлался все замкнутѣе, все мрачнѣе, глаза все больше и больше уходили вглубь, лицо сдѣлалось совершенно землистымъ, все больше изрѣзывалось глубокими морщинами. Онъ совершенно обрюзгъ, пренебрегалъ всякими заботами о своей наружности, о своей одеждѣ. Никогда онъ не выходилъ изъ своей «бурки», въ которой даже спалъ обыкновенно. Ибо всю недѣлю онъ проводилъ и ночевалъ въ бесъ-гамедрашѣ, этомъ единственномъ пріютѣ для всѣхъ не-

счастныхъ и бездомныхъ. Бывало заберется въ какой-либо отдаленный уголъ бесъ-гамедраша, заложитъ руки въ широкіе, сильно засаленные у края рукава своей бурки, и, опустивъ голову на грудь, такъ просиживаетъ нѣмо и неподвижно цѣлые часы. Только временами тревожно оглянется. Богъ его только знаетъ, чѣмъ онъ питался цѣлую недѣлю. Его обычно къ намъ въ субботу приглашали на всѣ три трапезы, и такъ какъ послѣднюю трапезу мой дядя любилъ затягивать до поздняго вечера, то нашего ойреха часто оставляли ночевать и въ субботу.

Однажды въ воскресеніе утромъ, передъ его уходомъ, тетка, предложила ему нѣсколько копѣекъ. Онъ на-отрѣзъ отказался.

И вотъ, не смотря на то, что онъ цѣлую недѣлю жилъ впроголодь, онъ у насъ за столомъ ѣлъ мало и какъ будто неохотно.

У него какъ будто были атрофированы всѣ физическія желанія и потребности. Сильная, жгучая, мучительная тоска по своимъ овладѣла всѣмъ его существомъ до того, что онъ ни о чемъ другомъ не въ состояніи былъ думать, ничего другого не могъ воспринимать. По ночамъ онъ не спалъ, и метался, какъ въ агоніи, издавая тихіе стоны.

Самое ужасное было то, что онъ отъ семьи не могъ получить никакой вѣсточки, а еще меньше могъ ей дать вѣсточку о себѣ.

Для послѣдняго ему необходимо было найти какого-либо совсѣмъ вѣрнаго и близкаго человѣка, который никому, кромѣ жены его, не сообщилъ бы его мѣстопребыванія.

А гдѣ найти такого человѣка, когда вообще въ N трудно было найти какого либо еврея изъ Б., откуда рѣдко кто тогда пускался въ такую даль, тѣмъ болѣе зимою.

Такъ прошла вся зима, а нашъ поручитель продолжалъ жить все въ той же мучительной агоніи и какъ бы угасалъ съ каждымъ днемъ. Наши опасались, чтобъ онъ не лишился разсудка. Онъ до того погрузился весь въ безысходную тоску по своимъ, что часто бывало не слышитъ, что ему говорятъ, и не отвѣчалъ на вопросы; къ кушаньямъ еле дотрагивался и дѣлался все болѣе и болѣе молчаливымъ.

Въ то время какъ раньше онъ бывало неподвижно сидитъ на одномъ мѣстѣ въ бесъ-гамедрашѣ, теперь, напротивъ того, онъ сталъ по цѣлымъ днямъ бродить по городу, обходилъ всѣ заѣзжіе дворы, всѣ синаноги, которыхъ въ N было до тридцати, въ надеждѣ найти кого либо изъ своего города.

Попробовалъ онъ было найти работу; зашелъ къ нѣкоторымъ сапожникамъ. Но хорошіе сапожники на него смотрѣли свысока. Что, молъ, знаетъ такой провинціалъ. Вѣроятно и

штифтикъ въ подошву вбить не умѣетъ. У нихъ вѣдь тамъ въ мѣстечкахъ все дратвой. Ну, а плохому сапожнику, заплаточнику, никто не нуженъ—самъ справится.

При его робости и апатіи, онъ послѣ двухъ-трехъ попытокъ потерялъ всякую смѣлость и всякое желаніе обивать пороги своихъ собратьевъ по ремеслу.

Наступилъ праздникъ Песахъ [1]), которую нашъ несчастный поручитель провелъ у насъ, разумѣется. И именно въ этотъ праздникъ его муки достигли своего апогея. Какъ только усѣлись за седеръ [2]), онъ вдругъ истерически зарыдалъ, рыдалъ такъ, что все его гигантское тѣло вздрагивало, и прошло полчаса, пока онъ успокоился.

Впрочемъ, моя добрая тетка этимъ рыданіямъ обрадовалась и все время шептала тихо: «Это хорошій признакъ. Слава Богу». И у самой-то въ это время все лицо было залито слезами.

Прошло уже около мѣсяца послѣ Песаха. Стояли дивные весенніе дни, которые особенно чувствовались на нашей тихой и широкой уличкѣ, гдѣ рѣдко кто проходилъ и гдѣ почти не было жилыхъ домовъ по близости. Весною она бывало вся заростала густою высокою зеленой травой, особенно на тротуарахъ, гдѣ она доходила до колѣнъ иногда. Впрочемъ, это была не обычная трава, а пшеница. Вся наша улица состояла почти изъ пшеничныхъ складовъ. Зерна въ изобиліи тутъ падали на землю и весной всходили и давали обильную жатву воробушкамъ и всякимъ другимъ птичкамъ.

Домъ, гдѣ жилъ мой дядя и гдѣ находилась его фабрика, тоже представлялъ собою пшеничные склады и въ немъ было всего три квартиры, изъ которыхъ двѣ находились въ глубинѣ обширнаго, вымощеннаго щебнемъ двора. Этотъ дворъ постоянно выглядѣлъ такимъ пустыннымъ, и каждый звукъ отдавался громкимъ гуломъ, словно въ горномъ ущельѣ. Кругомъ массивнымъ четырехугольникомъ тянулись длинныя двухъэтажныя каменныя зданія, съ некрашенными ставнями, безъ оконъ и даже безъ оконныхъ рамъ. Всѣ эти зданія служили складами для пшеницы и для всякаго другого рода зернового хлѣба.

Эту пшеницу, когда она бывало долго лежитъ, перебрасывали отъ времени до времени зимою въ самыхъ магазинахъ съ одного мѣста на другое, для того, чтобы не дать ей отсырѣть, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы очистить ее нѣсколько отъ накопившейся въ ней пыли. Когда же наступали теплые весенніе и сухіе дни,

---

1) Пасха.
2) Пасхальная вечеря.

все это дѣлалось ежедневно на улицѣ, а у насъ, въ виду огромнаго пространства, дѣлали это и во дворѣ.

По всему двору разстилали огромныя плотныя полотняныя рядна, въ родѣ тѣхъ, изъ которыхъ дѣлаютъ паруса. Пшеницу въ мѣшкахъ выносили изъ амбаровъ и высыпали высокимъ огромнымъ ворохомъ на одну половину рядна: затѣмъ весь ворохъ перебрасывался на другую сторону. Такъ нѣсколько разъ... Тѣ, что совершали эту работу, назывались у насъ «лопатниками», и всѣ эти лопатники состояли исключительно почти изъ евреевъ, большею частью изъ пріѣзжихъ, прибывавшихъ во множествѣ изъ различныхъ мѣстечекъ и городовъ ближайшихъ южныхъ губерній въ N. на эти заработки. Поработавъ все лѣто, многіе увозили пятьдесятъ-шестьдесятъ и больше рублей, что въ тѣ времена считалось цѣлымъ богатствомъ. Работа начиналась въ пять часовъ утра и кончалась послѣ захода солнца.

Лопатники покрывались толстыми слоями пыли до того, что лица ихъ дѣлались неузнаваемы. Когда работа оканчивалась, ворохи, вышиной въ человѣческій ростъ, длиной въ десять и больше саженъ, имѣвшіе форму длинной горы съ острымъ хребтомъ и двумя отлогими склонами, тщательно укрывались такими же огромными и плотными ряднами. Въ случаѣ же дождя сверхъ рядёнъ накладывались брезенты.

Покончивъ работу, лопатники, умывшись у цистерны, находившейся въ серединѣ двора и окруженной полисадникомъ съ нѣсколькими акаціями, собирались въ огромный, необозримый магазинъ, гдѣ, сбившись въ какой либо уголъ, торжественно совершали молитву, при чемъ, по очереди, то одинъ, то другой выступалъ «хазаномъ» [1]). Очередь необходимо было установить, ибо всѣ очень любили выступать въ этой роли хазана, и за это часто происходили препирательства. Замѣчательно то, что у всѣхъ почти были пріятные, пѣвучіе голоса, и такъ задушевно, такъ печально и заунывно и такъ красиво звучали молитвенные напѣвы въ ихъ устахъ.

Моя тетка — глубоко-благочестивая душа. Какъ только увидитъ бывало черезъ окно своей кухни, что лопатники собираются на молитву, сейчасъ умоетъ руки и спѣшитъ въ амбаръ. И тамъ, ставъ у порога, благоговѣйно прислушивается къ каждому звуку столь родныхъ и дорогихъ ей словъ и напѣвовъ, и на ея лицѣ разливается тогда такая трогательная радость, такое душевное умиленіе.

[1]) Хазанъ—тотъ, который совершаетъ молитву передъ амвономъ.

Послѣ молитвы всѣ усаживались на ворохѣ и принимались ужинать. Ужинъ состоялъ большею частью изъ хлѣба и «качкавала» (родъ овечьяго сыра) или такъ называемыхъ «сырныхъ коржиковъ», т. е. обычнаго заплеснѣвшаго творога, продававшагося въ такомъ видѣ. Послѣ ужина лопатники, что называется, расходились, и начиналось пѣніе, забавные разсказы и бесѣды.

Эти лѣтніе вечера съ лопатниками составляли истинную радость не только для меня, но и для всего нашего дома. Какъ только бывало поужинаешь, сейчасъ всей семьей отправляемся на «кучи» и тамъ проводимъ время до поздней ночи.

Я большею частью спалъ тутъ всю ночь, и даже самъ дядя въ душныя, знойныя ночи спасался сюда отъ невыносимой духоты и еще болѣе невыносимыхъ блохъ. Мы всегда были дорогими гостями для лопатниковъ, ибо моя милая тетка являлась для нихъ часто заботливой матерью, варила имъ отъ времени до времени, принимала въ стирку ихъ бѣлье, когда наша Настасья приходила къ намъ стирать, и вообще оказывала имъ всевозможныя услуги.

Изъ нихъ же дядя приглашалъ иногда до пяти человѣкъ на субботу, мало заботясь о томъ, что бѣдной теткѣ въ понедѣльникъ придется вторично печь хлѣбъ. Но и сама тетка не жаловалась. Какъ это она бы жаловалась, тамъ, гдѣ дѣло идетъ о «мицвѣ» [1]), о томъ, чтобы пріютить и накормить еврея, да еще еврея изъ чужого города.

IV.

Наступалъ и въ этомъ году благословенный, радостный періодъ лопатниковъ, котораго обычно я ждалъ съ такимъ же нетерпѣніемъ, съ какимъ впослѣдствіи ждалъ открытія сезона итальянской оперы. Было это недѣли за двѣ до праздника Шевуса [2]). Работало ихъ пока немного еще, такъ человѣкъ пятнадцать, между тѣмъ какъ число ихъ доходило до сорока въ горячее время и даже до шестидесяти,—и тогда часть работала на улицѣ, гдѣ образовывались такіе же ворохи или «кучи», какъ ихъ лопатники всѣ называли. Между явившимися было двое-трое старыхъ знакомыхъ, и мы имъ обрадовались, какъ роднымъ. Старые знакомые были у насъ какъ у себя дома, заходили часто по утрамъ со своими молитвенными принадлежностями и совершали у насъ

---

[1]) О добромъ дѣлѣ
[2]) Семидесятница.

утреннюю молитву, приходили со своими завтраками, и тетка имъ накрывала край стола толстой сѣрой скатертью, подавала соль, ножъ, луковицу и т. п.

Дверь то и дѣло отворялась и въ квартиру входили то одинъ, то другой изъ лопатниковъ.

— «Рухеле, будьте такъ добры, утиральникъ»—«Рухеле, не найдется ли у васъ иголка съ черной ниткой?» «Рухеле, у васъ навѣрное есть «яхенфластеръ» — сильно нарвало у меня палецъ». И тетка Рухеле все это даетъ съ неизмѣнной милой улыбкой, не сходившей съ ея лица.

По пятницамъ лопатники кончали работу часа за два до захода солнца—и всей гурьбой отправлялись купаться въ море. Это было ихъ величайшимъ наслажденіемъ и радостью, и они это купаніе описывали восторженно въ самыхъ яркихъ и красивыхъ краскахъ. Всѣ почти «заказывали себѣ субботу» въ дешевыхъ еврейскихъ харчевняхъ, ютившихся большею частью въ подвальныхъ этажахъ еврейской улицы. Большею частью они тамъ же ночевали по субботамъ, и только нѣкоторые предпочитали спать на свѣжемъ воздухѣ и послѣ ужина приходили спать на ворохи.

Наступила первая суббота послѣ появленія лопатниковъ. Кромѣ нашего постояннаго теперь ойреха, «поручителя», мы имѣли за столомъ еще двухъ старыхъ лопатниковъ, изъ которыхъ одинъ былъ изъ Волынской, а другой изъ Подольской губерніи. Послѣдній былъ большой весельчакъ и превосходный пѣвецъ и имѣлъ постоянно большой запасъ особенно красивыхъ «нигунимъ» [1]) къ застольнымъ пѣснямъ.

Эти нигунимъ дядя всегда старался запомнить, и, не полагаясь за свою музыкальную память, просилъ Динеле ихъ запомнить: ибо у Динеле былъ чудесный слухъ и чудесный голосокъ.

Кончили ужинъ очень поздно и, по обыкновенію, вышли всѣ подышать свѣжимъ воздухомъ и разсѣлись или растянулись на одномъ изъ двухъ вороховъ, занимавшихъ почти половину нашего двора.

Вышелъ съ нами, хотя и неохотно, и нашъ поручитель.

Тамъ, на ворохахъ, было человѣкъ пять, новичковъ все, которые, растянувшись на спинѣ, тихо между собой бесѣдовали.

— Gut schaboss [2]), привѣтствовали мы ихъ.

---

1) Мелодій.
2) Добрая суббота.

— Gut iohr[1]), отвѣтили они намъ, поднялись и усѣлись около насъ. Разговорились.

— Откуда еврей?

— Откуда быть еврею—изъ К., Подольской губерніи.

— А вы, молодой человѣкъ?

— А если скажу, то развѣ будете знать. Совсѣмъ крошечный городокъ, тоже Подольской губерніи. Т. называется. Вѣроятно, никогда не слыхали.

— Ну, а вы?

— Я изъ знаменитаго Б., о которомъ уже навѣрное слыхали?

— Изъ Б.,—подскакиваетъ и не своимъ голосомъ вскрикиваетъ нашъ ребъ Уренъ,—вы изъ Б.? Да что это я! Какъ не узналъ. Это вѣдь Лейбце Ханъ-Суресъ!

— Ребъ Уренъ! Вы тутъ въ N. Да благословенъ будетъ Тотъ, Который воскрешаетъ мертвыхъ. Что значитъ женщина! Ваша Цирль вѣдь предполагала, что вы тутъ. Въ день моего отъѣзда была у меня.

— Вы ее видѣли!

— Вотъ тебѣ на—видѣлъ ли. Довольно она, бѣдная, нашъ домъ заплакала. Моя Хая прямо не живетъ. Какъ придетъ, такъ обѣ сидятъ и плачутъ.

— И Блюму видѣли, и дѣтей видѣли?

— Вопросъ,—сосѣди вѣдь. Видѣлъ всѣхъ, всѣхъ.

— Такъ вы ихъ всѣхъ, всѣхъ видѣли! Какія онѣ? Господи, да будетъ благословенно Твое имя во вѣки вѣковъ.

И ребъ Уренъ весь затрясся отъ рыданій. Но то были совсѣмъ другія рыданія.

Когда ребъ Уренъ успокоился, тотъ, котораго онъ называлъ Лейбце Ханъ-Суресъ, т. е. сынъ Ханы-Суры, разсказалъ, что Цирль предъ его отъѣздомъ поручила ему поискать мужа въ N., гдѣ онъ долженъ былъ находиться, по ея предположенію. Предполагала же она это потому, что обычно туда направляются евреи со всѣхъ концовъ Россіи искать счастья. Кромѣ того, туда совѣтовалъ ему направиться его товарищъ по несчастью, ребъ Хаимъ-Вольфъ, какъ ей сообщила жена послѣдняго. Самъ же ребъ Хаимъ-Вольфъ уѣхалъ куда то въ Литву, гдѣ имѣетъ родню, и куда скоро переѣхала вся его семья.

На другой день ребъ Уренъ уже явился совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Перемѣна выразилась прежде всего въ томъ, что

---

1) Добрый годъ.

онъ, прійдя изъ бесъ-гамедраша, снялъ свою бурку, съ которой, кажется, въ первый разъ разстался съ тѣхъ поръ, какъ мы его знали, и остался въ своей субботней, давно уже позеленѣвшей ластиковой капотѣ. И затѣмъ, когда тетка, отвѣтивъ на его субботнее привѣтствіе, произнесенное на этотъ разъ громко и торжественно, сказала:

— Ну, ребъ Уренъ, теперь видите, что у насъ великій Богъ есть на свѣтѣ и что нечего было такъ убиваться и отчаяваться—онъ широко улыбнулся такой славной, счастливой дѣтской улыбкой и сказалъ:

— Вы таки правы, великій у насъ Богъ.

Радость раздѣлялъ весь домъ, и эта радость выразилась на всѣхъ лицахъ. Во всемъ чувствовалось, что случилось нѣчто совсѣмъ хорошее. Дядя же совсѣмъ возликовалъ и по этому поводу «поставилъ» кварту «выморозокъ», за которой мнѣ пришлось бѣжать въ погребъ къ ребъ Меиру, при чемъ послѣдній выразилъ даже свое удивленіе:

— Кому это ребъ Хуне посылаетъ вино?

Появленіе на столѣ темнокраснаго «выморозка» оживило всѣхъ, кромѣ нашего ребъ Урена, который смертельно боялся всякихъ напитковъ. И вотъ дядя задалъ себѣ цѣлью непремѣнно опоить нашего поручителя, въ чемъ ему съ особенной готовностью помогалъ «уманскій лецъ» [1]), какъ всѣ почему то называли нашего весельчака и пѣвца, хотя онъ совсѣмъ не былъ изъ Умани.

Ребъ Уренъ, который совсѣмъ распоясался, такъ сказать, и дошелъ до того, что раза два, правда, довольно сбивчиво, произнесъ почти цѣлыхъ двѣ фразы, послѣ долгихъ настояній, выпилъ цѣлыхъ два бокала крѣпкаго, краснаго «выморозка» и послѣ этого совсѣмъ осовѣлъ, и только и дѣлалъ, что покачивалъ головой и улыбался; при этомъ онъ весь выглядѣлъ до того комичнымъ, что стоило только взглянуть на него, чтобы покатиться со смѣху. Даже тетка хохотала до слезъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было что то трогательно дѣтское въ его безпрерывно и блаженно улыбавшемся лицѣ.

За столомъ оставались часовъ до четырехъ, пѣли самые «веселые», бравурные хассидскіе нигунимъ, щелкали пальцами, звонко прихлопывали ладонями и въ порывѣ «веселья» пустились даже въ пляску.

---

1) Шутникъ.

И въ это самое время самъ виновникъ торжества, опустивъ голову на грудь и засунувъ руки въ рукава своей капоты, тихо и блаженно дремалъ, временами издавая какіе то особенно странные звуки своими засохшими и посинѣвшими губами.

V.

Черезъ три дня послѣ вышеупомянутыхъ событій у зеленыхъ воротъ нашего дома, у самой калитки, былъ водворенъ нашъ большой табуретъ, на которомъ лежали различные, самые элементарные сапожные инструменты, какъ напильникъ, шила и т. п., въ коробкѣ отъ сардинокъ лежали деревянные и желѣзные штифтики, кусокъ смолы, связочка щетинъ и т. п.

Передъ этимъ, только наканунѣ оборудованнымъ верстакомъ, въ который былъ вложенъ капиталъ въ три рубля, выданныхъ въ видѣ займа дядей, на низенькомъ, глубоко выдолбленномъ стульчикѣ, сидѣлъ ребъ Уренъ и тщательно накладывалъ заплату на совсѣмъ расползшійся сапогъ уманскаго «леца», который увѣрялъ, что онъ всегда весьма «хорошъ на починъ» и потому предложилъ своими сапогами освятить въ добрый часъ начатую впервые въ N. работу. Онъ, дѣйствительно, оказался легкимъ на починъ. Работа посыпалась со всѣхъ сторонъ. Получивъ за эту первую работу, надъ которой провозился больше полудня, шестнадцать копѣекъ, ребъ Уренъ, съ влажными отъ счастья глазами, пересчиталъ ихъ нѣсколько разъ, плюнувъ по три раза на каждую монету, завязалъ въ край своего давно потерявшаго свой первоначальный цвѣтъ и рисунокъ, большого платка, которымъ обвязывалъ обычно шею, и опустилъ глубоко въ карманъ своихъ, сомнительнаго цвѣта, штановъ. Совершивъ сей торжественный актъ освященія своего заработка, онъ затѣмъ принялся сейчасъ же за другую работу. Его артистическихъ рукъ тутъ же ждала другая пара сапогъ съ широко раскрытою въ пальцахъ пастью, также принадлежавшая одному изъ лопатниковъ.

Въ этотъ день ребъ Уренъ заработалъ тридцать одну копѣйку!

— О, о,—подумалъ онъ.—Недурно, совсѣмъ таки недурно. Если дальше пойдетъ такъ, то...

Довести до конца свою слишкомъ смѣлую мысль, онъ не дерзалъ.

Когда въ пятницу, часа за полтора до захода солнца, ребъ Уренъ прекратилъ работу и, извлекши свой завѣтный платокъ

изъ глубины кармана, подвелъ счетъ всѣмъ своимъ заработкамъ, у него чистоганомъ оказалось одинъ рубль двадцать три копѣйки! А вѣдь, кромѣ того, онъ еще издержалъ на свое пропитаніе девятнадцать копѣекъ! И это всего за четыре дня!

Видя это благословленіе Божье, ребъ Уренъ сказалъ про себя:

— Недаромъ же говорили люди, что въ N. деньги черпаютъ лопатами.

И въ его головѣ возникли двѣ смѣлыя идеи: во-первыхъ, начать сейчасъ же выплачивать дядѣ долгъ по двадцать пять копѣекъ въ недѣлю, какъ было условлено; во вторыхъ, сейчасъ же выписать Цирль съ дѣтьми.

Первую идею онъ сейчасъ же началъ приводить въ исполненіе и, перетащивши свой верстакъ къ намъ въ сарай, занесъ дядѣ двадцать пять копѣекъ, отдавъ ему при этомъ на храненіе всѣ остальныя свои богатства. По поводу второй идеи онъ на другой день за столомъ держалъ совѣтъ съ нашими, которые горячо одобряли ее.

Было рѣшено, что Лейбце, который велъ переписку между ребъ Уреномъ и его женой, въ эту же недѣлю напишетъ объ этомъ Цирли, ибо надо же ей готовиться въ дорогу. Вѣдь домъ съ хозяйствомъ, слава Богу. Однихъ перинъ четыре, а подушекъ... и какія подушки!—горы прямо. Не такъ скоро справиться со всѣмъ этимъ.

Недѣли черезъ три отъ Цирли получился отвѣтъ. Она писала, во-первыхъ, что слава Богу, она и дѣти совершенно здоровы, чего и желаетъ своему мужу. Посланные ей три рубля получила и обливала ихъ слезами радости. За эти три рубля ребъ Уренъ сильно безпокоился: онъ никакъ не вѣрилъ, что эти деньги дойдутъ, хотя и были они отправлены по еврейской почтѣ (была такая въ N.). Затѣмъ она сообщала, что въ добрый часъ готовится въ дорогу, совершенно одобряя его мысль. Богъ вездѣ есть и вездѣ можно жить, когда есть ремесло въ рукахъ; зачѣмъ же жить въ мукахъ далеко другъ отъ друга. Землянку она продать не можетъ: ничего почти не даютъ, и больно отдать за безцѣнокъ. Пускай останется кусочекъ собственности. Тамъ поселился старый портной ребъ Меиръ-Шоэль, который обѣщаетъ вымазать всѣ стѣны снаружи глиной. Затѣмъ она спрашивала, надо ли привезти корыто, въ которомъ мѣсятъ тѣсто, доску, на которой выдѣлываютъ тѣсто и т. д. Пасхальную посуду она, конечно, всю заберетъ. Слишкомъ больно было бы ей это оставить: съ самой свадьбы служитъ. Еще она не рѣшила на счетъ

недранныхъ перьевъ, что лежать на чердакѣ. Ихъ три мѣшка. Какъ же ихъ оставить, когда въ домѣ есть уже взрослая дѣвушка, о которой давно пора подумать. Не одинъ десятокъ лѣтъ она ихъ собираетъ для нея. Кочергу и лопату придется, конечно, продать и за безцѣнокъ, хотя очень и очень больно. Но ихъ въ будѣ не уложишь. Впрочемъ, она еще увидитъ.

Что и говорить, она всякую вещь обливаетъ слезами, срослась она вѣдь съ ними, какъ съ живыми существами. Но такова воля Божья и роптать нечего послѣ чудесъ, которыя онъ совершилъ для нихъ.

Вѣдь все, что произошло, эта встрѣча съ Лейбце и т. д. такое же чудо, какъ переходъ черезъ Чермное море. Поэтому они должны только благодарить Бога и радоваться, что скоро будутъ вмѣстѣ. И да будетъ Его святая воля, чтобы мы скоро видѣли другъ друга въ радости и счастьѣ живыми и здоровыми.

— Это писалъ навѣрное Арье-Лейбъ, что торгуетъ яблочнымъ квасомъ, подъ ея диктовку,—сказалъ съ гордостью, весь взволнованный и вытирая тихія слезы ребъ Уренъ, когда дядя кончилъ чтеніе письма. — Уже моя Цирль знаетъ, что велѣть писать.

Въ глубинѣ нашего обширнаго двора, недалеко отъ отхожихъ мѣстъ и надъ конюшнями, тянулся рядъ сараевъ съ длинной, весьма легкой и сильно покривившейся галлереей передъ ними. Одинъ изъ этихъ сараевъ, имѣвшихъ вмѣсто оконъ маленькія отдушины съ деревянными рѣшетками, ребъ-Уренъ, по идеѣ того же Лейбце, рѣшилъ нанять и временно поселиться тамъ съ семьей до наступленія зимы. А тамъ, Богъ дастъ, онъ найдетъ что-нибудь получше.

Домъ, гдѣ мы жили, принадлежалъ итальянцу Вантурини, который въ молодости былъ матросомъ, какъ говорили всѣ. Это былъ весьма предпріимчивый и весьма скупой старичекъ, вертлявый, крикливый, не могшій выносить малѣйшаго безпорядка, малѣйшей нечистоты. Поэтому, какъ только онъ являлся, онъ всегда разносилъ несчастнаго, вѣчно пьянаго дворника Данилу, тыча палкою въ то мѣсто, гдѣ была найдена неподобранная куча сору, конскій навозъ и т. п. Но при всемъ этомъ, это былъ человѣкъ совсѣмъ не злой. Дядю онъ очень любилъ, и какъ говорила тетка, «мѣшка квасу за него не взялъ бы». Вотъ дядя и взялся устраивать это важное дѣло.

— А будетъ платить два рубля въ мѣсяцъ?—дѣлая суровое лицо, отвѣтилъ Вантурини на предложеніе дяди.

Дядя скорчилъ такую удивленную и испуганную физіоно-

мію, что старикъ расхохотался: молъ, здорово напугалъ. Довольный своей выходкой, Вантурини подошелъ къ ребъ Урену, осмотрѣлъ его «мастерскую» около воротъ и, участливо, сочувственно покачивая головой, потрепалъ его по плечу, и обращаясь затѣмъ къ дядѣ, сказалъ, что онъ можетъ хоть сейчасъ занять любой сарай.

— А сколько же?—спросилъ дядя.

— Niente, сказалъ итальянецъ, махнувъ рукой, и удалился.

А что такое niente, дядя, имѣвшій дѣло съ синьоромъ Винтурини лѣтъ двадцать, отлично зналъ, и часто употреблялъ это слово, когда приходилось платить за квартиру и лавку, (это составляло вмѣстѣ восемъ рублей), а денегъ не было.

Стоялъ необычайно знойный, удушливый день... Казалось, что весь воздухъ былъ вычерпнутъ, а атмосфера была вся насыщена одной тонкой жгучей пылью, которая закупоривала всѣ дыхательные пути, мостовыя были накалены, и всякій выходившій на улицу чувствовалъ себя, словно его бросили въ раскаленную печь.

Это былъ канунъ мѣсяца Элула, и я въ тотъ день утромъ не пошелъ въ хедеръ, потому что долженъ былъ итти съ теткой на кладбище на могилы моей матери и моего отца, который былъ ея братомъ.

Возвратились мы оттуда въ часъ дня, до послѣдней степени запыленные съ ногъ до головы, съ засохшимъ ртомъ, наполненнымъ невыносимой горечью. Отправились мы, конечно, натощакъ: кто это ѣстъ вообще передъ тѣмъ, какъ посѣтитъ могилы? Кромѣ того, въ канунъ Элула, какъ и во всѣ понедѣльники и четверги этого мѣсяца, тетка и дядя совсѣмъ постились.

Тетка поэтому, еще больше изнуренная, съ красными еще глазами отъ слезъ, которыми она обильно оросила не только могилы родныхъ, но могилы всѣхъ раввиновъ и близкихъ знакомыхъ, прилегла отдохнуть нѣсколько на деревянномъ, ничѣмъ не обитомъ диванѣ, а я, умывъ руки, присѣлъ у открытаго окна и ѣлъ хлѣбъ съ соленымъ огурцомъ, глядя въ тоже время на работающихъ лопатниковъ, у которыхъ обильный потъ, смѣшиваясь съ густою полью, образовалъ на ихъ лицахъ и лбахъ множество черныхъ грязныхъ потоковъ.

Было тихо кругомъ и только слышно было жужжаніе мухъ, мѣрный взмахъ лопатъ и тихій глухой шумъ падающихъ зернъ. Иногда издалека доносились звуки итальянской шарманки, наигрывавшей арію изъ Трубадура или Травіаты.

Я уже кончилъ свою трапезу и хотѣлъ уже было при-

няться за молитву, какъ вдругъ съ шумомъ и грохотомъ, скача по острымъ камнямъ, которыми вымощенъ былъ дворъ, въѣзжаетъ ручная телѣжка, которую тащилъ, напрягая всѣ свои силы, знакомый нашъ, николаевскій солдатъ ребъ-Аврумъ, до сихъ поръ сохранившій еще свою солдатскую шапку съ краснымъ околышкомъ.

За телѣжкой, высоко нагруженной огромными узлами, сверхъ которыхъ попрыгиваетъ и покачивается кадушка, идетъ ребъ Уренъ съ огромнымъ мѣшкомъ на плечахъ; а рядомъ съ нимъ женщина, весьма маленькаго роста, держащая подъ каждой рукой по узлу. За ними, тоже чѣмъ то нагруженные, плетутся двое мальчишекъ, затѣмъ, нѣсколько отставши, идетъ молодая дѣвушка, плотная, коренастаго сложенія, тоже невысокаго роста, съ толстою черною косою, смуглая, съ парой большихъ чудныхъ черныхъ глазъ. Она одной рукой ведетъ за руку крошечную замурзанную съ вьющимися волосами дѣвочку лѣтъ двухъ или трехъ, а другою рукою охватываетъ огромную глазированную темную миску, въ которой одна въ другой лежало нѣсколько меньшихъ мисочекъ и сѣрыхъ тарелокъ, и затѣмъ макитра, изъ которой торчатъ ручки деревянныхъ ложекъ.

— Поручителя жена и дѣти!—крикнулъ я не своимъ голосомъ, увидѣвъ эту процессію.

Въ одно мгновенія ока всѣ, не исключая и дяди, очутились около телѣжки, уже окруженной нѣсколькими лопатниками.

— Это вы—Рухеле, жена ребъ Хуне, воскликнула жена ребъ Урена, миловидная, хотя крайне исхудалая женщина съ чудесными, выразительными глазами, выглядѣвшая не больше тридцати двухъ-трехъ лѣтъ.—Это вы Рухеле и это, навѣрное, вашъ мужъ ребъ Хуне. Ой, что мнѣ сказать вамъ? Мой Уренъ уже мнѣ все разсказалъ по дорогѣ изъ подворья. Есть у насъ Великій Творецъ на небѣ, и Онъ воздастъ вамъ за все, что вы сдѣлали для насъ.

И женщины бросились другъ другу въ объятія, крѣпко обнялись и залились тихими слезами.

А ребъ Уренъ, не снимая мѣшковъ съ плечъ, въ тихомъ, нѣмомъ, восторженномъ оцѣпенѣніи стоялъ и смотрѣлъ то на свою жену, то на своихъ малютокъ, то на свою красавицу дочку—и лицо его выражало столько счастья и такое глубокое неизмѣримое чувство тихой внутренней гордости, какія врядъ-ли когда-либо выпадали на долю смертнаго.

И съ этого момента счастливая, блаженная улыбка никогда не сходила съ лица нашего поручителя. Улыбалось какъ будто

все его существо, все въ немъ говорило: «Вѣдь моя Цирль, моя Блюма, мои крошки со мной опять».

И великая любовь, и великое, какое только доступно человѣку, счастье водворились въ темномъ сараѣ надъ конюшней, въ которой стояли два сѣрыхъ рысака въ яблокахъ итальянца Вантурини.

Въ субботу къ столу ребъ Уренъ получилъ «съ гостями» графинъ «выморозка» отъ дяди, кварту бѣлаго вина отъ Лейбце и такую же кварту вина отъ Уманскаго «леца».

— Скажите имъ, что мы сейчасъ послѣ благословленія придемъ всѣ,—крикнулъ дядя мнѣ и Динеле, когда мы съ бутылками и штофами двинулись въ путь, направляясь къ завѣтному сараю, куда надо было подняться по узкой, покачивавшейся лѣстницѣ безъ перилъ.

На полу, вокругъ большого покрытаго бѣлой скатертью ящика для упаковки товаровъ, на которомъ стояли три мѣдныхъ и два низенькихъ новенькихъ жестянныхъ подсвѣчника, сидѣла вся семья ребъ Урена, державшаго младшую дѣвочку на рукахъ, и кончала обѣдъ. На право и на лѣво, тщательно прикрытые и красиво сложенные, лежали перины и подушки. Въ самомъ углу позади раскрытыхъ дверей лежала большая, рядномъ прикрытая, куча всякаго домашняго скарба. Въ сараѣ, сильно пропитанномъ запахомъ сѣна и конскаго навоза, стоялъ такой пріятный полумракъ и свѣжая прохлада, и мнѣ все казалось тутъ такъ мило и уютно, что не хотѣлось уйти. Тоже самое испытывала и Динеле, и мы присѣли у порога, съ любопытствомъ и чуть ли не съ нѣкоторой завистью глядя на эту удивительную семью, совершавшую свою субботнюю трапезу подъ аккомпаниментъ громкаго жеванія сѣрыхъ рысаковъ, весьма отчетливо доносившагося черезъ довольно широкія щели пола. И эта обстановка нисколько не нарушала торжественности трапезы и не мѣшала ребъ Урену громко распѣвать свои торжественные гимны милой, возлюбленной «невѣстѣ—субботѣ» и «Великому Владыкѣ, Который ежедневно являетъ намъ Свою помощь, шлетъ освобожденіе, Котораго именемъ мы постоянно радуемся, помощью Котораго мы высоко поднимаемъ голову: ибо Онъ—защита бѣдному, убѣжище неимущему» и т. д.

Очень скоро пришелъ дядя съ застольными гостями; пришла также и тетка, и темное жилище ребъ Урена огласилось громкими: «Gut schoboss», въ «добрый часъ» и разными трога-

тельными сердечными пожеланіями. Ребъ Уренъ и Цирль, взволнованные, счастливые, растерялись совсѣмъ и не знали, что дѣлать отъ радости и смущенія.

— «Какъ это такихъ дорогихъ гостей принять тутъ. Стула даже нѣтъ, Господи»!

Но явились стулья, явился столъ, принесенные отъ насъ; пришли еще два лопатника. Всѣ усѣлись, заставили ребъ Урена разливать вино, и какъ только выпили по рюмкѣ, темный сарай огласился громкимъ пѣніемъ. Всѣ какъ-то были въ ударѣ, у всѣхъ явилось горячее желаніе освѣтить эту темную обитель радостью и счастьемъ.

— Веселѣе, веселѣе, дѣти,—восклицаютъ пѣвцы, пощелкивая пальцами. И вдругъ поднимаются съ своихъ мѣстъ, хватаютъ другъ друга за руки и пускаются въ пляску, поднявъ глаза къ небу, съ выраженіемъ тихой печали, необъятной, безграничной, какъ мірозданіе, вѣры и любви къ Тому, Кто тамъ пребываетъ...

Бенъ-Ами.

И. А. БУНИНУ.

Настала оттепель. И грезы о веснѣ
Туманятъ голову. Мнѣ грезится дыханье
Лѣсныхъ цвѣтовъ. Въ тревожномъ снѣ
Проходитъ ночь. Привѣтъ зарницѣ ранней,

И дню желанному мой искренній привѣтъ!
Привѣтъ тебѣ, загадочное небо!
Нѣтъ въ мірѣ странъ, гдѣ-бъ вѣщій духъ мой не былъ,
Но родина милѣй — и лучше края нѣтъ!..

Олегъ Леонидовъ.

СОВРЕМЕННАЯ БОЛГАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Литературная жизнь молодой Болгаріи не представляетъ собою отрадной во всѣхъ отношеніяхъ картины. Литературные, какъ и вообще духовные интересы большей части болгарскаго общества, не высоки и довольствуются повседневной печатью. Изъ поэтовъ пользуются въ средѣ болгарскихъ читателей неизмѣнной популярностью лишь давно умершіе, а изъ живущихъ развѣ одинъ только Вазовъ, являющійся въ своей поэзіи какъ бы эхомъ патріотическихъ и націоналистическихъ вожделѣній своего времени, а подчасъ и откликомъ на злободневные интересы. Люди съ университетскимъ образованіемъ, а равно и чиновничья интеллигенція считаютъ себя стоящими выше кого бы то ни было изъ „доморослыхъ" поэтовъ, бравируя своимъ незнаніемъ и полнымъ игнорированіемъ тѣхъ, въ комъ ближайшее поколѣніе склонно видѣть гордость родной страны.

И книжная торговля въ Болгаріи до недавнихъ поръ существовала скорѣе только по имени: въ книжныхъ магазинахъ, помимо учебниковъ, продавались только дешевыя русскія изданія и бульварные французскіе романы въ плохихъ болгарскихъ переводахъ. Болгарской книгой до недавняго времени никто не дорожилъ въ Болгаріи.

Несмотря, однако, на эти безотрадныя пока внѣшнія условія своего существованія, болгарская литература нашихъ дней кроетъ въ себѣ большую внутреннюю мощь. Въ эти два послѣднія десятилѣтія въ болгарской литературѣ появились произведенія, которыя создали ей почтенное мѣсто среди литературъ славянскихъ и западно-европейскихъ. Главою новыхъ литературныхъ вѣяній, вытѣснившихъ собою односторонне-патріотическія и узко-націо-

нальныя тенденціи предшествующей эпохи, давно признанъ только что сошедшій въ могилу въ полномъ блескѣ своихъ творческихъ силъ и дарованія Пенчо Славейковъ (1866—1912).

Младшій сынъ знаменитаго Петко Р. Славейкова (1828—1895), отца новой болгарской литературы и одного изъ самыхъ выдающихся дѣятелей эпохи болгарскаго возрожденія, скончавшійся 28-го мая прошл. года въ добровольномъ изгнаніи, вдали отъ обожаемой имъ родины, Пенчо Славейковъ въ новѣйшей болгарской литературѣ былъ тѣмъ центромъ, около котораго группировалось все, что было и есть выдающагося въ болгарской литературѣ. На первомъ мѣстѣ, и не только по времени, долженъ быть поставленъ здѣсь Алеко Константиновъ (1863—1897), окончившій свой жизненный путь прежде, чѣмъ Славейковъ достигъ высшаго расцвѣта своего поэтическаго таланта. Алеко Константиновъ—это, быть можетъ, единственный въ болгарской литературѣ конгеніальный Славейкову духъ, отличающійся тѣмъ же глубокимъ проникновеніемъ жизни и такою же самобытностью ума и чувства, какъ и Славейковъ. Но наиболѣе близкіе изъ современныхъ поэтовъ къ Славейкову, съ точки зрѣнія основныхъ мотивовъ его поэзіи,—это Петко Ю. Тодоровъ (р. 1879), который, идя въ своемъ творчествѣ по проложенному Славейковымъ пути использованія мотивовъ народной поэзіи, сумѣлъ придать большую широту и популярность его стремленіямъ, и Петко К. Яворовъ (р. 1877), удивительный мастеръ стиха, давшій въ первыхъ своихъ стихотвореніяхъ блещущія простотой и выразительностью картины и настроенія изъ крестьянской жизни, но вскорѣ затѣмъ перешедшій къ декадентству и символизму. Изъ поэтовъ, стоящихъ въ нескрываемой оппозиціи къ Славейкову, можно указать Кирилла Христова (р. 1877) и беллетриста Антона Страшимирова (р. 1875), относящихся болѣе или менѣе отрицательно къ таланту Славейкова и характернѣйшимъ особенностямъ всей его литературной дѣятельности и стоящихъ на точкѣ зрѣнія, что и внѣ строгой художественности формы возможны крупныя произведенія искусства. Совсѣмъ не затронутыми вліяніемъ Славейкова, не обвѣянными тѣмъ новымъ духомъ, который чрезъ него проникъ въ болгарскую поэзію, остались или писатели, лишенные болѣе глубокаго эстетическаго чутья, или же писатели дилеттантствующіе; ихъ мы коснемся только отчасти. Это, во-первыхъ, М. Георгіевъ, безыскусственный, но живой и занимательный лѣтописецъ жизни простонародья, изображающій на колоритномъ западно-болгарскомъ нарѣчіи (шопскій діалектъ) типы людей эпохи турецкаго владычества; во-вторыхъ, Анна

Карима, выдающаяся въ болгарской литературѣ представительница феминизма, авторъ хорошенькихъ очерковъ, а также нѣсколькихъ романовъ и драмъ не столь, впрочемъ, высокаго достоинства; въ третьихъ, Г. Стаматовъ, хорошій наблюдатель офицерской и мелко-чиновничьей жизни, единственный изъ этой группы писателей попытавшій, и не безъ успѣха, свои силы въ психологическомъ анализѣ. Наконецъ, совершенно въ сторонѣ отъ Славейкова стоитъ Елинъ Пелинъ, симпатичнѣйшій талантъ самородокъ, настоящее дитя народа, чуждый всѣмъ своимъ существомъ какихъ бы то ни было литературныхъ школъ и традицій, самый выдающійся изъ младшей генераціи поэтовъ, способный, какъ никто иной, проникнуть въ душу простолюдина и возсоздать его горе и радости съ поразительной задушевностью и глубиной.

Для характеристики Пенчо Славейкова и его значенія въ исторіи болгарской литературы достаточно отмѣтить, что это первый изъ нашихъ поэтовъ, отличающійся тонкимъ пониманіемъ искусства и относящійся къ нему съ самыми высокими требованіями. Развиваясь подъ вліяніемъ русскихъ поэтовъ и романистовъ второй половины XIX-го в., а впослѣдствіи также и нѣмецкой поэзіи и критики, Славейковъ въ своемъ творчествѣ соединялъ въ себѣ мягкость славянской души съ изысканностью художественной отдѣлки лучшихъ нѣмецкихъ поэтовъ и въ особенности Гёте и Гейне, которыхъ онъ зналъ и любилъ не меньше, чѣмъ Пушкина, Тургенева и Толстого.

Обладая въ одинаковой мѣрѣ лирическимъ и эпическимъ талантомъ, онъ, однако, шелъ не отъ лирики къ эпосу, а напротивъ, къ лирикѣ перешелъ довольно поздно и ужъ послѣ того, какъ создалъ или концепировалъ лучшія изъ своихъ произведеній эпическаго характера. Этой особенностью развитія его творческаго дарованія лучше всего, можетъ быть, объясняется и то, что Славейковъ въ своихъ лирическихъ стихотвореніяхъ, изданныхъ имъ отдѣльною книгой въ 1906 г. («Грезы о счастьи»), проявилъ столько безстрастія и эпическаго спокойствія, что господствующимъ настроеніемъ его лирики является какъ бы полная примиренность съ жизнью и съ своимъ невеселымъ жребіемъ.

Итакъ, не смотря на высокія достоинства его лирическихъ пѣсенъ, все же величайшія созданія Славейкова—его произведенія эпическаго характера: «Эпическія пѣсни» (1907), «На островѣ блаженныхъ» (1910) и оставшаяся, къ сожалѣнію,

неоконченной большая поэма въ девяти пѣсняхъ: «Кровавая пѣснь».

«Эпическія пѣсни» 1907 г. содержатъ въ себѣ отчасти въ новыхъ, отчасти въ совершенно наново написанныхъ редакціяхъ все значительное, что вышло изъ подъ пера Славейкова за время съ 1882 по 1907 г.г. и было уже опубликовано имъ раньше въ журналахъ и въ двухъ его же болѣе раннихъ сборникахъ: «Эпическія пѣсни» (1896) и «Грезы» (1898), но далеко не въ удовлетворительной обработкѣ. Лучшія вещи въ сборникѣ «Эпическія пѣсни» 1907 г. это, во первыхъ, «Колядники»— мастерски нарисованная картина болгарской народной жизни и національнаго міросозерцанія; во вторыхъ, удивительныя психологическія поэмы-этюды: «Фрина», «Бетховенъ», «Ленау», «Шелли», «Микель-Анджело»; въ третьихъ, глубокая по мысли, философская мистерія: «Симфонія безнадежности»; наконецъ, два прелестныхъ, поэтическихъ разсказа изъ народной жизни: «Байко» и «Ралица» и множество мелкихъ стихотвореній и балладъ.

Прямымъ продолженіемъ этихъ постольку же національныхъ, поскольку и общечеловѣческихъ, мотивовъ творчества покойнаго поэта являются и нѣкоторыя изъ лучшихъ его вещей въ «Островѣ блаженныхъ», въ родѣ, напр., «Эпиталаміи»—задушевнѣйшаго откровенія національной болгарской психики, «Въ Аидѣ», «На томъ берегу», «Периклъ», «Псаломъ поэта», «Богоборецъ», «Жрецъ жизни», «Гимны на смерть сверхчеловѣка» и т. п. Кромѣ того, сборникъ «На островѣ блаженныхъ» представляетъ собою въ высшей степени оригинальную книгу, которая, охватывая самыя разнообразныя стороны жизни, прекрасно знакомитъ читателя съ феноменальнымъ богатствомъ и всеобъемлющимъ талантомъ Славейкова. Вѣнцомъ же поэзіи Славейкова является его національная поэма «Кровавая пѣснь».

Это произведеніе представляетъ собою грандіозную и широкую картину жизни болгаръ наканунѣ возстанія 1876-го года, картину подготовки и развитія возстанія и его крушенія. Послѣдняя пѣснь поэмы—великолѣпная эпопея сверхчеловѣческихъ страданій и подвиговъ боя на Шипкѣ, гдѣ болгарскіе добровольцы («ополченцы») рука объ руку съ русскимъ войскомъ искупили кровью свободу своей родины. Охватывая всѣ области болгарской жизни съ невѣдомой дотолѣ глубиной проникновенія и пластической силой, поэма Славейкова возвышается высоко надо всѣмъ, что было значительнаго въ нашей литературѣ до нея, образуя собою какъ бы грань, отдѣляющую робкія начатки

предшествующей эпохи отъ зрѣлаго, увѣреннаго въ себѣ творчества врожденнаго генія.

Своимъ стремленіемъ воплощать глубокія душевныя переживанія современнаго человѣка въ давно знакомые родные образы—Пенчо Славейковъ явился нашимъ національнымъ поэтомъ по преимуществу, какимъ былъ Пушкинъ въ русской литературѣ, и его преждевременная смерть, съ точки зрѣнія утраты, понесенной въ его лицѣ болгарской литературой, можетъ сравниться развѣ только съ великой потерей русской литературы, которую она понесла вмѣстѣ со смертью рано погибшаго Пушкина.

Алеко Константиновъ, лучшій болгарскій юмористъ и мастеръ поэтическаго фельетона, принадлежалъ въ одинаковой степени и литературѣ, и политической жизни, при чемъ писателемъ, какъ и политическимъ дѣятелемъ, онъ сдѣлался благодаря нѣкоторымъ чисто внѣшнимъ обстоятельствамъ. Въ этомъ застѣнчивомъ и замкнутомъ въ себѣ молодомъ человѣкѣ, познавшемъ мучительнѣйшія переживанія тяжелой скорби уже въ двадцатипятилѣтнемъ возрастѣ, таились несомнѣнно богатыя и разнообразныя дарованія. Окончивъ курсъ юридическихъ наукъ въ Одессѣ (1885), онъ состоялъ уже членомъ Аппеляціоннаго Суда въ Софіи въ то время (1888), когда первый министръ Стамбуловъ приказалъ уволить его со службы за дерзость «смѣть свое сужденіе имѣть» въ вопросѣ объ осужденіи политическихъ преступниковъ, т. е. враговъ всесильнаго министра, не согласно съ его предначертаніями. Такимъ образомъ, Константиновъ остался безъ опредѣленныхъ занятій. Въ это время друзья его стали приставать къ нему съ просьбой написать что либо въ единственномъ издававшемся тогда въ Болгаріи литературномъ журналѣ, «Библіотека Св. Климента» (1888—1890).

Не желая отказывать своимъ друзьямъ, онъ рѣшилъ попытать свои силы въ переводахъ съ русскаго и французскаго языковъ и, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, напечаталъ свои переводы «Демона», «Полтавы», «Бахчисарайскаго фонтана», «Русскихъ женщинъ» и «Тартюфа». Вскорѣ, однако, переводы ему надоѣли, и онъ отправился путешествовать, побывалъ на Парижской всемірной выставкѣ (1889), въ Прагѣ (1891), гдѣ богатая приключеніями увеселительная поѣздка доставила ему прекрасный матеріалъ для его будущаго героя «Бай-Ганю»; наконецъ, въ 1893 г. онъ побывалъ и въ Америкѣ. Плодомъ этой послѣдней его поѣздки были прелестные очерки—«До Чикаго и обратно» (1893), первая работа, въ которой Константиновъ оказался,

однако, вполнѣ мастеромъ своего дѣла и сталъ въ первые ряды болгарскихъ художниковъ слова. Не много можно указать книгъ, которыя были бы въ такой же степени лишены всякихъ внѣшнихъ эффектовъ и въ то же время такъ захватывающи, какъ именно эта книга Алеко Константинова. Картины, нарисованныя здѣсь Константиновымъ, дышатъ жизнью и будятъ въ читателѣ чувство непосредственнаго переживанія описываемаго. Годомъ позже, въ 1894 г., онъ началъ свои знаменитые очерки «Бай-Ганю»,—«невѣроятные разсказы объ одномъ изъ современныхъ болгаръ», какъ самъ авторъ назвалъ свое новое произведеніе. Но эти разсказы въ дѣйствительности были такъ вѣроятны и такъ правдивы, что его современники тотъ же часъ и безъ труда узнали въ героѣ самихъ себя и вообще типичнаго болгарина конца 80-хъ и начала 90-хъ г.г. прошлаго столѣтія со всѣми характерными, подчасъ комичными его чертами. Имя героя очерковъ, Бай-Ганю, быстро пріобрѣло широкую популярность, сдѣлалось нарицательнымъ, превратилось въ своего рода легенду въ устахъ народа.

Несмотря, однако, на это, какъ путевые очерки, такъ и «Бай-Ганю» были написаны Константиновымъ вслѣдствіе болѣе или менѣе внѣшнихъ причинъ. Но вотъ въ жизни поэта совершается событіе, которое вдругъ заставило его какъ бы выйти изъ себя и преодолѣть присущую ему врожденную застѣнчивость. Этимъ событіемъ было его Штокманское открытіе, сдѣланное имъ на выборахъ въ сентябрѣ 1894 г., которое привело его къ убѣжденію, что всѣ источники болгарской общественной жизни отравлены, и что его пресловутый Бай-Ганю не безобидный дуракъ, какимъ онъ его себѣ представлялъ, но и отъявленный мошенникъ. Съ этого момента Алеко Константиновъ и рѣшилъ всецѣло посвятить себя безпощадной борьбѣ съ коренными язвами болгарской политической жизни. Единственнымъ его оружіемъ въ этой борьбѣ были его фельетоны. Пламенные, увлекающіе, какъ боевыя пѣсни, полные то юмора и негодованія, то безобиднаго смѣха и трогательной задушевности, фельетоны Константинова отражаютъ богатый душевный міръ ихъ автора лучше, чѣмъ остальныя его произведенія. Его развитіе, какъ писателя, закончено; онъ уже выработалъ себѣ вполнѣ индивидуальный стиль, приспособленный передавать причудливые полеты его воображенія. Но его дѣятельности былъ положенъ внезапный конецъ: въ одну майскую ночь въ 1897 г. онъ былъ убитъ въ экипажѣ выстрѣломъ, предназначавшимся его спутнику. Его смерть была такимъ же общественнымъ со-

бытіемъ, какъ и его жизнь, какъ и все вообще, касающееся поэта: студенты софійскаго университета и населеніе города отъ демонстраціи противъ подозрѣвавшагося, конечно, неосновательно, въ соучастіи въ убійствѣ Константинова правительства едва не перешли къ болѣе серьезнымъ безпорядкамъ.

Кириллъ Христовъ и Антонъ Страшимировъ, несомнѣнно, талантливые писатели, но вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій нашей жизни, а также отчасти и по своей собственной винѣ они не далеко ушли въ своемъ развитіи. Муки слова, неразлучныя со всякимъ истиннымъ творчествомъ, остались имъ обоимъ какъ бы неизвѣстными. Первый набросокъ для нихъ, казалось, былъ уже самымъ лучшимъ, что они могли создать; писать легко и скоро вотъ основное правило этихъ поэтовъ; оттого ихъ произведенія вообще ниже ихъ таланта, оттого они ни разу не возвысились въ своемъ творчествѣ до степени полной зрѣлости и художественной законченности.

Сила К. Христова преимущественно въ его любовныхъ лирическихъ пѣсняхъ, дышащихъ пламенной страстью. Его можно считать вообще поэтомъ вольной, молодецкой удали, жаждущей жизни и не знающей иныхъ порывовъ, кромѣ чувственныхъ, плотскихъ. Правда, онъ сдѣлалъ серьезную попытку въ символическомъ направленіи и въ изображеніи болѣе нѣжныхъ душевныхъ движеній, но все это продолжалось недолго и не оставило сколько нибудь замѣтныхъ слѣдовъ въ дальнѣйшемъ его развитіи. Такъ же точно и его попытка использованія мотивовъ народной поэзіи оказалась совсѣмъ неудачнымъ подражаніемъ Славейкову.

А. Страшимировъ, какъ и всѣ вообще болгарскіе беллетристы, по преимуществу поэтъ деревенской жизни. По крайней мѣрѣ, лучшія его произведенія въ родѣ его мелкихъ очерковъ, повѣстей: «Осенніе дни» и «Перекрестокъ» и драмъ «Вампиръ» и «Надъ забытыми могилами» изображаютъ жизнь и людей болгарской деревни.

Начатое Пенчо Славейковымъ, по примѣру Славейкова-отца и Христо Ботева, использованіе мотивовъ народной поэзіи нашло въ Петко Тодоровѣ самаго выдающагося послѣдователя. То, что у Пенчо Славейкова было не болѣе, какъ однимъ изъ многихъ составныхъ элементовъ его поэзіи, превратилось въ поэзіи Тодорова въ единственное, всепоглощающее стремленіе. Литературное творчество Тодорова выражается пока въ нѣсколькихъ десяткахъ прелестныхъ очерковъ, точнѣе стихотвореній въ прозѣ, написанныхъ въ идиллическомъ тонѣ, и въ шести дра-

махъ. И въ тѣхъ, и въ другихъ онъ возсоздаетъ жизнь простолюдина въ ея характернѣйшихъ внѣшнихъ и внутреннихъ особенностяхъ. Замѣчательнѣйшія изъ его идиллій, какъ самъ онъ назвалъ свои очерки, это: «Неудачникъ», «Женитьба Солнца», «Тѣни», «Медвѣжатникъ», «Мать гусляра» и др. Но несравненно большей силы и глубины, чѣмъ въ идилліяхъ, достигъ онъ въ своихъ драмахъ. Двѣ изъ нихъ, «Строители» и «Первые», возсоздаютъ два важнѣйшихъ момента въ новой исторіи болгаръ: пробужденіе ихъ національнаго сознанія въ концѣ XVIII-го в. и возмущеніе трудового средняго класса противъ такъ называемыхъ чорбаджіевъ—разбогатѣвшихъ хозяевъ, пользовавшихся своею традиціонною властью въ болгарскихъ городахъ. Этотъ послѣдній моментъ нашей исторіи совпадаетъ съ ознакомленіемъ болгаръ съ русской литературой, которой мы, главнымъ образомъ, и обязаны быстрымъ ростомъ нашего возрожденія. Другія двѣ драмы Тодорова: «Фея горъ» и «Страхилъ, страшный гайдукъ»—взяты изъ области народныхъ легендъ. Первая изъ этихъ драмъ представляетъ для русскаго читателя наибольшій интересъ; будемъ надѣяться, что она скоро найдетъ своего переводчика и проникнетъ и на русскую сцену. «Фея горъ»—одна изъ счастливѣйшихъ концепцій не только въ поэзіи Тодорова, но, быть можетъ, и во всей болгарской литературѣ послѣ освобожденія. Этимъ произведеніемъ поэтъ сразу завоевалъ для болгарской драмы волшебныя созданія народной поэзіи. Основной мотивъ драмы Тодорова—свободная отъ оковъ традицій женщина—тотъ же мотивъ, который занималъ всѣхъ поэтовъ отъ Гёте и Тургенева до нашихъ дней, и, кажется, болгарскому поэту удалось открыть новыя стороны въ этой манящей и неуловимой проблемѣ поэзіи новаго времени.

И въ своихъ небольшихъ по объему, одноактныхъ пьесахъ: «Невѣста Борьяна» и «Женитьба Змѣя»—Тодоровъ остается въ той же области народныхъ болгарскихъ легендъ и повѣрій. Варьируя мотивы своихъ раннихъ произведеній («Фея горъ», «Женитьба Солнца» и др.), поэтъ нарисовалъ въ нихъ сильною кистью неутолимую жажду красоты жизни въ образахъ, обвѣянныхъ волшебствомъ глубочайшихъ созданій болгарской народной поэзіи.

Послѣдній этапъ развитія нашей литературы представляетъ собою блестящій лирическій поэтъ Пею Яворовъ. Своимъ темпераментомъ онъ очень напоминаетъ покойнаго пѣвца нашей революціи, Христо Ботева (1849—1876). Поэтъ и революціо-

неръ въ то же время, Яворовъ, въ качествѣ повстанца, исколесилъ всю Македонію, въ результатѣ чего и были его революціонныя пѣсни. Но его сходство съ Ботевымъ исчерпывается только первымъ періодомъ его дѣятельности, нашедшимъ свое выраженіе въ «Стихотвореніяхъ» 1901 г. Этою книгою Яворовъ и примыкаетъ къ національному направленію нашей поэзіи, представителями котораго, кромѣ Ботева, являются оба Славейкова и Петко Тодоровъ. Однако, уже во второй своей книгѣ—«Безсонныя ночи» 1907 года онъ оставляетъ прежніе мотивы своей поэзіи и, на цѣлыя досятилѣтія опережая развитіе болгарскаго стиха, исключительно вращается въ сферѣ чувствъ и настроеній, характерныхъ для современныхъ русскихъ и французскихъ декадентовъ и символистовъ. Въ первой изъ помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ поэмъ—«Пѣснь моей пѣсни»—поэтъ прекрасно охарактеризовалъ сущность настроенія своей книги. Отбросивъ все внѣшнее, онъ изображаетъ здѣсь только лишь интимнѣйшія, чисто индивидуальныя переживанія своей души и при томъ въ крайне символическихъ образахъ. Душевное подъ его перомъ какъ бы облекается въ формы плоти. Въ душѣ поэта, какъ и въ его книгѣ, темная ночь, и чудятся ему призрачныя, дышащія ужасомъ видѣнія, и эти видѣнія захватываютъ и душу читателя. Отъ «Безсонныхъ ночей» Яворова вѣетъ безотраднымъ пессимизмомъ.

По своему міросозерцанію и изысканности формы, Яворовъ является представителемъ декадентства, стоящимъ во главѣ новаго теченія въ молодой литературѣ. Быть можетъ, въ интересахъ постепеннаго и здороваго развитія нашей литературы слѣдуетъ скорѣе пожалѣть, что Яворовъ внесъ такъ рано въ болгарскую литературу совершенно чуждые ей мотивы, мало понятные при томъ широкой массѣ читающихъ и пишущихъ, и тѣмъ какъ бы прервалъ традиціи того направленія, которое должно было оказать огромное вліяніе на всю духовную жизнь націи и въ особенности на развитіе ея литературы. Къ счастью, опыты Яворова пока еще не нашли себѣ ни одного талантливаго послѣдователя. Будемъ надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ, въ видѣ реакціи, вновь выступятъ на литературномъ поприщѣ сторонники предшествовавшаго Яворову національнаго направленія, расцвѣтшаго такъ блестяще въ творчествѣ молодого Славейкова.

К. Крэстевъ-Миролюбовъ.

ЗАДУМАЛИСЬ...

Разсказъ.

I.

Было всего шесть часовъ майскаго утра, когда Лидія Сергѣевна Стержнева вышла на балконъ верхняго этажа своего великолѣпнаго дома.

Давно не вставала она такъ рано.

Молодая женщина улыбнулась: то-то сюрпризъ ея мужу, Павлу Андреевичу,—онъ, конечно, и не мечтаетъ увидѣть ее за утреннимъ кофе.

Лидія Сергѣевна подошла къ периламъ и чрезъ раму изъ вьющихся благоуханныхъ розъ, затѣнявшихъ балконъ, взглянула вдаль.

Въ свѣжемъ, чистомъ воздухѣ, чуть-чуть подернутые первыми лучами солнца, рельефно выдѣлялись стройныя трубы угольныхъ шахтъ, изъ нихъ высоко къ небу поднимались прозрачно-пепельные клубы дыма; на громадномъ пространствѣ блестѣли цинковыя и желѣзныя крыши зданій; чернѣли мощныя горы каменнаго угля, среди которыхъ дымили паровозы и мелькали красные товарные вагоны; въ разныхъ мѣстахъ, вырываясь наружу, шипѣли пары, слышались свистки и шумъ машинъ.

А за шахтами разстилалась безграничная, ровная, какъ скатерть, зеленая южная степь, бѣлѣвшая кое-гдѣ шелковистыми ковылями.

Со степи тянуло легкимъ вѣтеркомъ, съ которымъ время отъ времени доносились звонкія, привольныя пѣсни жаворонковъ, разбуженныхъ солнечными лучами и невидимо парившихъ въ небесной синевѣ.

Лидія Сергѣевна перевела взоръ на садъ, видимый съ балкона отъ края до края. Онъ только что пробуждался. Въ густой тѣни кустовъ и вѣтвей еще дремавшихъ деревъ заливались соловьи; на зеркальномъ прудѣ скользили сонные, казалось, бѣлые, какъ снѣгъ, лебеди; двѣ-три раннія ласточки, какъ стрѣлы, промчались у балкона; гдѣ-то чирикали бойкіе воробьи; воздухъ напоенъ былъ ароматами сирени и цвѣтовъ, заполнявшихъ громадный, прихотливаго рисунка цвѣтникъ, расположенный передъ нижнею терассою.

«Хорошо и здѣсь»!—подумала молодая женщина,—«и я владѣлица всего вотъ этого, что охватываетъ взоръ»!

Поднявъ вверхъ красивыя, обнаженныя руки, она пріятно потянулась, зѣвнула, а затѣмъ, подойдя къ чайному столу, изящно сервированному, опустилась въ мягкое кресло и нажала кнопку электрическаго звонка.

Вошелъ лакей.

— Давно проснулся Павелъ Андреевичъ?—спросила она его.

— Давно: ихъ разбудили.

— Разбудили? Почему?

— Въ конторѣ касса ограблена.

— Когда?

— Около часа ночи.

— Кто?

— Кому-же болѣе, какъ не нашимъ хулиганамъ...

— Какимъ «хулиганамъ»?

— Рабочіе, конечно.

— Развѣ воры обнаружены?

— Нѣтъ, но только больше некому...

— Почему-же вы знаете? Нельзя-же бросать обвиненія безъ ясныхъ поводовъ.

— Всѣ такъ говорятъ...

Въ это время вошла горничная, и сообщила, что къ Павлу Андреевичу по важному дѣлу пришелъ докторъ.

— Ревневъ?

— Да.

— Просите.

Горничная и лакей ушли, а Лидія Сергѣевна инстиктивно потрогала обѣими руками сзади волосы и затѣмъ оправила свой бѣлый пеньюаръ.

— Наконецъ-то!—произнесъ докторъ, входя на балконъ.

— Соскучились?—не безъ кокетства спросила Стержнева, идя на встрѣчу Ревневу.

Послѣдній поцѣловалъ протянутую руку и отвѣтилъ:

— Некогда было скучать, Лидія Сергѣевна.

— Ахъ вотъ какъ! Значитъ, хотя бы и вовсе не пріѣзжала?

— Зачѣмъ такія крайности... Наоборотъ, считали не только дни, но часы, минуты...

— Да?

— Много дѣла набралось, рѣшить которыя могутъ только хозяева.

— «Хозяева»? Съ какихъ поръ мы получили такое наименованіе?

— А кто-же вы?

— Кажется, у насъ съ вами были иныя отношенія...

Лидія Сергѣевна бросила на доктора пытливый взглядъ.

Онъ какъ будто смутился и, вынувъ изъ жилетнаго кармана часы, посмотрѣлъ на нихъ.

— Вы оченъ спѣшите?—спросила Стержнева.

— Да, желательно было-бы поскорѣе повидаться съ Павломъ Андреевичемъ.

— Ну, ужъ, право, не знаю, когда онъ возвратится... у насъ большая непріятность произошла: въ конторѣ кассу ограбили.

— Объ этомъ я слышалъ.

— По этому поводу его разбудили ночью и куда-то увели.. Но, я полагаю, онъ долженъ скоро прибыть... Можетъ быть, напьетесь со мною кофе?

— Пожалуй, стаканъ выпью: я не пилъ.

— Ну, вотъ, и прекрасно...

Лидія Сергѣевна и докторъ направились къ столу и сѣли. рядомъ въ кресла.

— Ну, какъ-же вамъ путешествовалось?—началъ разговоръ Ревневъ.

— Восхитительно, Петръ Васильевичъ,—отвѣтила Стержнева, подавая доктору стаканъ кофе,—какъ чудный сонъ былъ нашъ вояжъ.

Лицо молодой женщины засіяло отъ воспоминаній.

— Гдѣ же вы были?

— Вы спросите, гдѣ мы не были!.. Всю Европу исколесили!.. Изъ Одессы направились моремъ на Константинополь, были затѣмъ въ Греціи,—въ Афинахъ, остановились въ Сициліи, далѣе, любуясь Средиземнымъ моремъ, достигли Италіи, и изъ Неаполя началось уже путешествіе по сушѣ... Я еще не разо-

бралась въ впечатлѣніяхъ... Римъ, Парижъ, Брюссель, Берлинъ, Дрезденъ... Особенно Парижъ! Чего стоитъ одинъ Лувръ!.. Да и что говорить! Парижъ—сердце міра! Только въ немъ видишь и чувствуешь, что человѣкъ—царь природы, властитель вселенной, что онъ побѣдилъ всѣ препятствія и водворилъ на землѣ счастье и красоту...

— Вы думаете?

— А вы не согласны?

— Совершенно!

— Да?

— Да... Я полагаю, что чѣмъ дальше, тѣмъ человѣчество, въ общей массѣ его, дѣлается все несчастнѣе и несчастнѣе...

— Петръ Васильевичъ!..

— Я убѣждаюсь въ этомъ на каждомъ шагу... Счастье человѣка — обратно пропорціонально техническому прогрессу... Послѣдній является достояніемъ все меньшей и меньшей группы счастливцевъ, которые, пользуясь техническими усовершенствованіями, получаютъ все большую и большую силу и власть, закабаляютъ все остальное человѣчество, требуютъ отъ него непосильнаго труда и роютъ бездонную пропасть между бѣдными и богатыми, уничтожая самую мысль о равенствѣ и свободѣ...

— Что съ вами, Петръ Васильевичъ?

Докторъ, не отвѣчая, опять вынулъ часы и, взглянувъ на нихъ, сказалъ:

— Придется отправиться на поиски Павла Андреевича...

— Вамъ онъ очень нуженъ?

— Да.

— Но, быть можетъ, я...

— Конечно, вы могли бы ему передать, но...

— Но?..

— Не хотѣлъ-бы, по правдѣ сказать, разрушать ваши иллюзіи, теребить нервы, хотя въ сущности то, о чемъ мнѣ необходимо скорѣе переговорить съ Павломъ Андреевичемъ, довольно обыкновенное явленіе на шахтахъ.

— Пожалуйста, не заботьтесь о моихъ нервахъ... Вы меня удивляете... Что за тонъ?.. Какое отношеніе?.. Вѣдь мы, кажется, разстались друзьями... Я не смѣю, конечно, требовать сообщить мнѣ даже о «довольно обыкновенномъ явленіи на шахтахъ», но...

— Не сердитесь, Лидія Сергѣевна... Ну, извольте, если вы...

— Нѣтъ, нѣтъ! Говорите въ такомъ лишь случаѣ...

— Прошу васъ—не сердитесь...

*

— Я не желаю, если ваше сообщеніе будетъ лишь результатомъ отношенія ко мнѣ, какъ къ «хозяйкѣ»...

— Да нѣтъ же... Ахъ, Боже мой!.. Ну, спускали въ шахту троихъ рабочихъ... Цѣпь оборвалась, и, какъ выражаются рабочіе, «остались однѣ пятки»...

— Я васъ не понимаю,—широко раскрывъ глаза, произнесла Лидія Сергѣевна.

— «Однѣ пятки остались»—значитъ вдребезги...

— Боже мой!.. И это вы называете «обыкновеннымъ явленіемъ»?..

— Конечно... Рѣдкій день, чтобы у насъ не было чего либо подобнаго... На этой почвѣ у Николая Ивановича,—помните?...

— Какъ же! Поплетухинъ, штейгеръ?

— Вотъ-вотъ...

— Ну?

— У него на этой почвѣ возникло сильнѣйшее нервное разстройство. Когда въ его квартирѣ зазвонитъ телефонъ, онъ блѣднѣетъ, дрожитъ, и ему много усилій стоитъ взять трубку: онъ приходитъ въ паническій ужасъ при мысли, что изъ шахтъ непремѣнно сообщатъ о какомъ-нибудь несчастьѣ — «задохлись отъ пожара» столько-то, «залиты водою» столько-то, «обломились подпорки и задавлено» столько-то...

Блѣдная, какъ полотно, Лидія Сергѣевна повторила:

— «Задохлись отъ пожара», «залиты водою», «задавлено»... Боже... но что же это такое?.. Я впервые слышу...

— И не дай Богъ вамъ слышать.

Ревневъ опять взглянулъ на часы, всталъ и началъ прощаться.

— Куда вы, Петръ Васильевичъ?.. Мнѣ необходимо все знать, все!..

— Въ другой разъ, Лидія Сергѣевна... Я долженъ розыскать Павла Андреевича... Сейчасъ въ покойницкой убиваются три женщины,—три жены погибшихъ, три матери семействъ... А толпа волнуется, ожидая, что предпримутъ хозяева, какая помощь оказана будетъ вдовамъ и дѣтямъ ихъ... Дѣло безотлагательное...

Докторъ поклонился и спѣшно оставилъ балконъ.

II.

Лидія Сергѣевна глубоко вздохнула и задумалась.

Петръ Васильевичъ Ревневъ былъ одинъ изъ тѣхъ лицъ, которыхъ порекомендовали Стержневымъ ихъ столичные

когда Павелъ Андреевичъ послѣ скоропостижной смерти отца вдругъ сдѣлался милліонеромъ.

Это случилось вскорѣ послѣ ихъ свадьбы, совершенной противъ воли покойнаго, считавшаго Лидію Сергѣевну виновницей бѣды, постигшей его сына.

Дѣло въ томъ, что Павелъ Андреевичъ, жившій до брака въ одной квартирѣ съ будущей своею женою,—тогда курсисткою Молотовой, — былъ одновременно съ нею арестованъ по политическому дѣлу, причемъ, по выходѣ изъ тюрьмы, онъ, не окончивъ университета, женился на ней.

Все это въ глазахъ старика Стержнева было столь преступно и легкомысленно, что онъ серьезно подумывалъ завѣщать свое имущество сыну умершаго старшаго брата своего, племяннику Кириллѣ Григорьевичу, который, въ качествѣ управляющаго, дѣйствительно, велъ все дѣло, подъ присмотромъ строгаго и скупого дяди.

Весьма возможно, что Андрей Ефимовичъ и осуществилъ бы свою мысль, если бы не постигла его преждевременная смерть.

Похоронивъ отца, молодые Стержневы тотчасъ же обратно уѣхали въ Москву, чтобы ничего не предпринимать на шахтахъ впредь до приглашенія, по рекомендаціи столичныхъ друзей, интеллигентныхъ лицъ разныхъ профессій для занятія цѣлаго ряда новыхъ и замѣщенія старыхъ должностей.

Андрей Ефимовичъ и Кириллъ Григорьевичъ вели дѣло по старинѣ.

При нихъ на шахтахъ не было ни школъ, ни больницъ, ни библіотекъ, вообще ничего, что непосредственно не относилось къ добычѣ угля.

Обращаясь съ рабочими по поговоркѣ: «нанялся — продался», они даже и въ мысляхъ не имѣли улучшать ихъ бытъ, а, наоборотъ, при всякомъ удобномъ случаѣ старались «поприжать» во всѣхъ отношеніяхъ и видѣли въ этомъ главное искусство управленія.

Чтобы платить поменьше, дядя и племянникъ охотно принимали для работъ въ рудникахъ бѣглыхъ, безпаспортныхъ и бродягъ, которые, опасаясь преслѣдованій, цѣлые годы не вылѣзали изъ подземелья, получая за работу нищенское вознагражденіе или даже только одежду и пропитаніе.

Молодые Стержневы, хотя понятія не имѣли о веденіи дѣлъ на шахтахъ, рѣшили, однако, принципіально организовать все на новыхъ началахъ, чтобы скорѣе оправдаться предъ своими

идейными друзьями, которые,—одни въ шутку, другіе серьезно,—называли ихъ «буржуями» и «эксплоататорами».

Первомъ дѣломъ въ Москвѣ, при посредствѣ лучшихъ архитекторовъ, были составлены планы и чертежи для сооруженія цѣлаго ряда культурно-просвѣтительныхъ учрежденій.

Въ то же время были приглашены врачи, учительницы, фельдшерицы-акушерки, инженеры, штейгеры, завѣдывающіе столовою и библіотекою и друг., и имъ, каждому по его спеціальности, поручено было слѣдить за постройкою соотвѣтствующихъ учрежденій, относительно которыхъ управляющему былъ данъ энергичный приказъ приступить къ сооруженію ихъ безъ всякого замедленія.

Павелъ Андреевичъ и Лидія Сергѣевна пріѣхали вторично на шахты за нѣсколько дней до открытія превосходныхъ зданій: двухъ школъ, народнаго дома со сценою для спектаклей, столовой, библіотеки и больницы.

Они застали въ своихъ владѣніяхъ сплоченный кружокъ интеллигенціи, одушевленной наилучшими намѣреніями.

Какое это было чудное время!

Предъ умственнымъ взоромъ Лидіи Сергѣевны прошелъ рядъ живительныхъ картинъ за это короткое время.

Вечеромъ, по окончаніи своихъ занятій, интеллигенція собиралась у Стержневыхъ, горячо обсуждала текущія дѣла и строила разные планы.

Особенно врѣзался въ памяти день открытія культурно-просвѣтительныхъ учрежденій.

Сколько было полныхъ интереса заботъ! Съ ранняго утра, жизнерадостная, она съ гордостью осматривала великолѣпныя зданія, въ которыхъ должна зародиться новая жизнь для шахтъ.

Вмѣстѣ съ докторами, учительницами, инженерами Лидія Сергѣевна, не жалѣя средствъ, старалась придать наиболѣе торжественный видъ внутри зданій, украсивъ стѣны, между прочимъ, портретами выдающихся представителей науки, литературы, искусства.

Въ то же время она стремилась объединить всѣ классы населенія и придать празднеству всенародный, демократическій характеръ.

И казалось, что ей это удалось достигнуть.

Съѣхавшіеся на торжество многіе друзья въ одинъ голосъ выражали сочувствіе Стержневымъ за ихъ труды на благо культуры и рабочаго люда.

Лидія Сергѣевна взяла съ круглаго столика тоненькую

брошюрку въ великолѣпномъ переплетѣ, озаглавленную «Культура въ степи».

Это было отдѣльное изданіе газетныхъ статей, посвященныхъ празднеству.

Она развернула ту страницу, гдѣ напечатана была рѣчь одного присяжнаго повѣреннаго и начала читать ее глазами:

«Позвольте мнѣ, Милостивыя Государыни и Милостивые Государи, прежде чѣмъ сказать нѣсколько словъ, сдѣлать небольшую экскурсію въ область отдаленнаго прошлаго. Взгляните на тѣ безграничныя, сливающіяся съ горизонтомъ степи, которыя,—во-о-нъ,—виднѣются за шахтами. Около 900 лѣтъ тому назадъ они являлись для Европы предѣлами просвѣщеннаго міра, озареннаго свѣтомъ христіанства. Въ этихъ, пустынныхъ тогда степяхъ бродили дикія орды, занимавшіяся набѣгами и грабежами. Когда,—875 лѣтъ отъ настоящаго момента, — Ярославъ разбилъ печенѣговъ, степи эти какъ будто присмирѣли. Но уже спустя всего 25 лѣтъ послѣ названнаго пораженія мы видимъ ихъ занятыми половцами. Свирѣпыя нападенія ихъ сопровождались ужасными кровопролитіями и полнымъ разореніемъ. Страшно вспомнить объ этихъ временахъ! Несомнѣнно, наши предки не вѣрили тогда въ возможность счастья и радости на этихъ безграничныхъ степяхъ; они думали, что вѣчно здѣсь будетъ литься кровь, что горе и смерть, смерть и горе—вотъ и все, что сулитъ небо степи! И,—о чудо!—Свершилось нѣчто невѣроятное! Представимъ себѣ, что кто-либо воскресъ изъ тѣхъ мучениковъ, которые были здѣсь первыми піонерами. Онъ, увидѣвъ современную степь, не повѣрилъ бы своимъ глазамъ! Мы, Милостивыя Государыни и Милостивые Государи, примчались сюда на быстролетномъ поѣздѣ; со станціи дорогіе хозяева доставили насъ въ свой гостепріимный домъ на молніеносныхъ автомобиляхъ; мы видѣли, какъ одинъ изъ присутствующихъ среди насъ, при-ле-тѣлъ, да, при-ле-тѣлъ къ намъ на аэропланѣ! Господи! Развѣ это не чудеса? Развѣ не сказалъ бы воскресшій предокъ, что человѣкъ воистину сдѣлался царемъ природы? На бывшихъ половецкихъ земляхъ мы видимъ иныхъ властителей, иныхъ «хановъ». Не кровопролитіемъ прославляютъ они себя, а великимъ трудомъ! Они извлекаютъ изъ нѣдръ степи заложенныя природою богатства, чтобы употребить ихъ на благо культуры, насчастье и радость человѣчества! Поднимаю бокалъ за нашего «хана» и его прелестную супругу! Да благоденствуютъ молодые, полные силъ и самоотверженности труженики!»

Лидія Сергѣевна закрыла брошюру и, вспомнивъ послѣдующія событія, глубоко вздохнула.

Радостная и счастливая, она по окончаніи празднества, съ ночнымъ поѣздомъ уѣхала съ любимымъ человѣкомъ заграницу.

Оба они, незнакомые съ внутреннею жизнью шахтъ, были глубоко убѣждены, что все сдѣлали на благо населенія.

Поэтому были совершенно спокойны и съ чистымъ сердцемъ пользовались всѣми тѣми изысканными удобствами, которыя доставляетъ путешествіе при громадныхъ средствахъ.

Возвращаясь черезъ шесть мѣсяцевъ домой, Стержневы думали, что застанутъ и въ своихъ владѣніяхъ полное довольство.

И вдругъ...

Краткая бесѣда съ Ревневымъ не оставляла сомнѣнія, что все, сдѣланное молодыми хозяевами, не достигло цѣли, и надо было сдѣлать что-то другое. Выяснилось, кромѣ того, что между Стержневыми и интеллигенціею пробѣжала какая-то кошка.

Докторъ пользовался громаднымъ вліяніемъ и уваженіемъ среди служащихъ, и, если онъ обронилъ слово «хозяева», значитъ, отношеніе къ Павлу Андреевичу и Лидіи Сергѣевны измѣнились.

Но почему?...

Вѣдь они совершенно не вмѣшивались въ дѣла и даже вовсе отсутствовали, выполнивъ все, что отъ нихъ требовали и въ пользѣ чего они сами были убѣждены.

Лидія Сергѣевна съ нетерпѣніемъ ждала мужа, чтобы разсѣять тяжелыя думы, навѣянныя бесѣдою съ Ревневымъ и сразу уничтожившія всѣ впечатлѣнія, пережитыя за-границею.

Выпивъ наскоро чашку кофе, она опять подошла къ перилам и стала высматривать Павла Андреевича.

Теперь уже картина завода производила на нее совсѣмъ иное впечатлѣніе.

Шумъ паровозовъ, стукъ машинъ напоминалъ ей разговоръ съ Ревневымъ и рисовалъ мрачныя картины.

«Почему никто ранѣе объ этомъ не подумалъ?»—задалась вопросомъ молодая женщина.

Вѣдь и мужъ, и она, и всѣ приглашенныя лица болѣе чѣмъ интересовались положеніемъ рабочихъ и еще такъ недавно читали не мало книгъ по этому вопросу, вели дебаты.

А вотъ, когда очутились лицомъ къ лицу съ тѣми же рабочими,—словно все изъ головы вышибло.

Лидія Сергѣевна ужасно обрадовалась, когда увидѣла возвращающагося Павла Андреевича, который шелъ вмѣстѣ съ

Кирилломъ Григорьевичемъ и о чемъ-то съ нимъ горячо разговаривалъ.

Стержнева не любила кузена и ее печалила мысль, что, въ случаѣ онъ зайдетъ, нельзя будетъ откровенно говорить съ мужемъ.

III.

Опасеніе Лидіи Сергѣевны оправдалось. На балконъ мужъ ея вошелъ въ сопровожденіи Кирилла Григорьевича. Оба были въ возбужденномъ настроеніи.

Первый, вопреки ожиданіямъ молодой женщины, не выразилъ никакого удивленія, что жена рано проснулась, и наскоро, дѣланно улыбнувшись, поцѣловалъ ея руку; второй лишь сухо поклонился.

— Налей намъ, Лида, кофе или чаю, — сказалъ Павелъ Андреевичъ, усаживаясь въ кресло и предложивъ сдѣлать то же Кириллу Григорьевичу.

Но послѣдній какъ бы не разслышалъ этого и, шагая по балкону, продолжалъ прерванный, повидимому, разговоръ.

— Нѣтъ, Павелъ Андреевичъ, я настаиваю: или они, или я... Съ ними я служить не могу... Мы наканунѣ бунтовъ и полнаго разоренія... Они всему мѣшаютъ... Я вѣрою и правдою служилъ дядѣ и вамъ служу, но больше нѣтъ моихъ силъ...

— Въ чемъ дѣло?—тихо спросила Лидія Сергѣевна.

— Да, такъ, Лидочка,—нехотя отвѣтилъ мужъ, — наши пріятели, кажется, пересаливаютъ...

— Они не «пересаливаютъ», а прямо на революцію идутъ,— остановившись и глядя въ упоръ на Лидію Сергѣевну, отрѣзалъ Кириллъ Григорьевичъ,—прямо на революцію!.. И вы имъ ничѣмъ не угодите!.. Всѣ ваши труды гибнутъ напрасно, и васъ за нихъ не благодарятъ, а проклинаютъ, — да-съ... На-дняхъ такая, напримѣръ, сцена произошла. Является одинъ изъ нашихъ хулигановъ въ столовую, въ пьяномъ, конечно, видѣ и, на чемъ свѣтъ стоитъ, ругаетъ завѣдующаго, кричитъ, что никуда не годенъ борщъ. «Товарищи», конечно, рады придраться ко всякому случаю, чтобы устроить демонстрацію, и подняли шумъ. Являюсь я, пробую борщъ—восхительный!—«Что же, обращаюсь я тогда къ хулиганамъ,—что же вы лжете?! Да такой борщъ и сами хозяева ѣдятъ!». Куда тебѣ! Ничего не понимаютъ!—Прямо лѣзутъ на меня! Я, не долго думая, кивнулъ ингушамъ. Тѣ,

понятно, исполняя обязанности, стали усмирять хулигановъ. Что же вы думаете? Какъ изъ земли выросли инженеры, доктора, штейгеры, учительницы и... съ ингушами въ бой вступили!.. Мнѣ пришлось удалить ингушей... Вѣдь это же, посудите, чортъ знаетъ что!.. Далѣе,—замѣчаете ли вы, что «товарищи» не посѣщаютъ ни народнаго дома, ни библіотеки, ни читальни,—ровно ничего! Какъ получили плату, сейчасъ напиваются до зеленаго змія, тратятъ деньги на дорогіе костюмы, на гармоніи и лакомства, а затѣмъ пропиваютъ все купленное и совершенно голые лѣзутъ въ шахты до слѣдующей получки!.. И это еще не все. Зайдите вы въ больницу. Тамъ большинство лежитъ такихъ, которые нарочно себѣ увѣчья дѣлаютъ, чтобы пенсію отъ завода получить! Глаза, подлецы, даже выкалываютъ! А наши доктора, получающіе отъ насъ деньги, поощряютъ и выдаютъ хулиганамъ соотвѣтствующія удостовѣренія! Виданое ли это дѣло! Да будь что-либо подобное при Андреѣ Ефимовичѣ, онъ бы ихъ всѣхъ съ лица земли стеръ! Но что сегодня произошло—это уже переполнило чашу терпѣнія!..

— А что?—спросила Лидія Сергѣевна, когда Кириллъ Григорьевичъ, оборвавъ рѣчь, сталъ опять шагать по балкону.

— Пусть вамъ Павелъ Андреевичъ разскажетъ.

— Нѣтъ, ужъ вы передайте,—сказалъ Стержневъ,—изъ вторыхъ рукъ выходитъ не то...

— Надоѣло, не желаю...

— Ну, ты разскажи, хотя въ краткихъ чертахъ,—настаивала жена.

— Да, видишь ли, ночью обворовали кассу...

— Я знаю.

— Откуда?

— Ревневъ передалъ...

— Гдѣ ты его видѣла?

— Приходилъ сюда: тебя искалъ по случаю убитыхъ рабочихъ...

— Уже успѣли!—вспыхнулъ Кириллъ Григорьевичъ,—воображаю, чего наговорилъ!

— А я ему зачѣмъ?

— Онъ, говорилъ, что рабочіе волнуются, что скорѣе нужно рѣшить вопросъ о пособіи семьямъ убитыхъ... Ты его не встрѣтилъ?.. Онъ пошелъ искать тебя...

— Это не его дѣло!—опять вспыхнулъ Кириллъ Григорьевичъ,—это мы сами сдѣлаемъ, не онъ будетъ платить!.. Тоже филантропы на чужія деньги!.. Тьфу!..

Кириллъ Григорьевичъ кивнулъ головой и ушелъ.

— Терпѣть не могу этого господина,—тихо сказала Лидія Сергѣевна,—несомнѣнно, онъ виновникъ тѣхъ отношеній, которыя установились между нами и...

— Отчасти ты права, но только отчасти...

— Ты такъ думаешь?..

— Но вѣдь невозможно вести большое дѣло исключительно на филантропическихъ началахъ... Вѣдь надо же работать... У насъ рабочимъ много лучше, чѣмъ у другихъ... Гдѣ есть такія учрежденія?.. Вотъ сегодня, напримѣръ, они учинили совсѣмъ непонятный протестъ...

— Да, да, разскажи...

— Дѣло въ томъ, что Кириллъ Григорьевичъ сообщилъ о разгромѣ конторской кассы исправнику, а послѣдній отвѣтилъ, что, снесшись съ охраннымъ отдѣленіемъ, пріѣдетъ къ намъ съ учеными собаками для розыска воровъ. И вотъ, цѣлый бунтъ неизвѣстно почему... Просто, дорогая, голова идетъ кругомъ!.. Вѣдь мнѣ немыслимо остаться безъ Кирилла Григорьевича... Онъ великолѣпно все знаетъ и работаетъ 24 часа въ сутки...

— Что же ты думаешь... Неужели всѣмъ отказать?..

— Право, не знаю... У меня мысль—собрать всѣхъ, побесѣдовать, выяснить всѣ недоразумѣнія...

— Конечно, конечно. Необходимо уладить дѣло... Согласись, что они правы... Сегодня, узнавъ, что у насъ произошло...

— Но, другъ мой, это исключительный день... Безъ такихъ событій не обойдешься... Это, просто, случайность...

— Какая тамъ случайность... Ревневъ, напримѣръ, передавалъ, что у штейгера Поплетухина даже нервное разстройство произошло отъ постоянныхъ событій...

— Да? Я этого не слыхалъ... Долженъ сознаться, что Кириллъ Григорьевичъ многое отъ меня скрываетъ.

— Скажи, пожалуйста, ты опускался въ шахты?

— Представь себѣ, что нѣтъ! Ни отецъ, ни тѣмъ болѣе Кириллъ Григорьевичъ ранѣе никому не разрѣшали этого сдѣлать. Но я обязательно это сдѣлаю, на-дняхъ...

— Спустимся вмѣстѣ!..

— Ну что ты, Лидочка!

— Почему же?

— Да нѣтъ, дорогая, право, тебѣ не стоитъ...

— Но я это сдѣлаю!

— Понятно, насильно тебя удерживать я не буду... Но, знаешь, произойдетъ цѣлый скандалъ...

— Почему?

— Кириллъ Григорьевичъ...

— Знать я его не хочу!

— Ахъ, Лидочка!..

Павелъ Андреевичъ придвинулъ свое кресло, обнялъ и поцѣловалъ жену.

Послѣдняя, отстраняя мужа, сказала:

— Ты, Павелъ, поддаешься ему и дѣлаешься его сторонникомъ... Это, несомнѣнно, и является причиною всѣхъ печальныхъ недоразумѣній, такъ ясно сквозившихъ въ словахъ Ревнева.

— Сторонникомъ я его не стану, но...

— Но?

— Но во многихъ отношеніяхъ онъ правъ...

— Онъ просто водитъ тебя за носъ...

— Ну, это ты ошибаешься... Онъ даетъ мнѣ отчетъ во всемъ...

— Прекрасно, на-дняхъ я лично обойду всѣхъ служащихъ и постараюсь выяснить, кто правъ и кто виноватъ... Мнѣ невыносимо жить при создавшихся условіяхъ... Чѣмъ же мы въ такомъ случаѣ отличаемся отъ другихъ?..

— Я вполнѣ раздѣляю твой взглядъ... У меня просто голова идетъ кругомъ... Какъ быть? Что дѣлать?.. Вѣдь не бросать же дѣло... Конечно, необходимо все выяснить...

— Ну, хорошо, я это сдѣлаю, а ты сейчасъ же пойди и розыщи Ревнева.

— Гдѣ же я буду его искать?

— Но это необходимо... Пойми же, что сейчасъ въ покойницкой вдовы убитыхъ и масса народа...

— Кириллъ Григорьевичъ...

— Нѣтъ, ты самъ это долженъ сдѣлать!

— Не волнуйся, милая, иду...

Павелъ Андреевичъ поцѣловалъ Лидію Сергѣевну и спѣшно оставилъ балконъ.

— Иди прямо въ больницу!—крикнула ему вслѣдъ жена.

— Такъ я и сдѣлаю.

IV.

Около 12-ти часовъ слѣдующаго дня послѣ кражи въ конторской кассѣ съ Стержневымъ прибыли исправникъ, становой приставъ, околодочный изъ губернскаго охраннаго отдѣленія и двое городовыхъ съ учеными собаками.

Послѣ обильнаго завтрака приступили къ розыску.

Ученыя собаки были невиданное явленіе, и присутствовать при ихъ сыскѣ пожелали и Павелъ Андреевичъ съ Лидіею Сергѣевною.

Когда этихъ собакъ привели въ контору, онѣ, тщательно обнюхавъ помѣщеніе ея, бросились къ одному изъ оконъ и обѣ разомъ вскочили на подоконникъ.

Руководившій этими удивительными сыщиками околодочный надзиратель открылъ окно, и тогда умныя животныя спрыгнули внизъ и, обнюхивая землю, быстро помчались по направленію къ шахтамъ.

За ними быстрыми шагами послѣдовали и всѣ присутствовавшіе, а городовые бѣжали.

По пути стали присоединяться служащіе, рабочіе, ихъ жены и дѣти, такъ что въ концѣ концовъ образовалась громадная толпа, спѣшною рысью слѣдовавшая за собаками.

Бѣгущіе обмѣнивались отрывочными мыслями по поводу этого невиданнаго явленія и высказывали самыя разнородныя предположенія.

Между тѣмъ удивительныя животныя, перебѣгая изъ стороны въ сторону, дѣлая круги и, то скрываясь среди грудъ каменнаго угля, то опять появляясь, достигли самой старой шахты и, какъ вкопанныя, остановились у подъемной машины.

— Значитъ, воръ или спрятанныя имъ вещи гдѣ-то здѣсь!— торжественно произнесъ околодочный надзиратель.

Всѣ были поражены и недоумѣнно переглядывались другъ съ другомъ.

— Намъ съ собаками необходимо спуститься въ шахту,— сказалъ околодочный.

Управляющій немедленно отдалъ распоряженіе спустить полицію въ шахты, предложивъ предварительно переодѣться въ особые костюмы.

— Вы немного подождите тамъ,—обратился онъ къ околодочному,—и вслѣдъ за вами немедленно спустятся проводники.

Въ это время изъ толпы выдѣлился Ревневъ и, подойдя къ Лидіи Сергѣевнѣ, шепнулъ ей:

— Вотъ случай узнать подземную жизнь... Не желаете спуститься со мною?

Стержнева смутилась, покраснѣла, но скоро оправилась и твердо отвѣтила:

— Хорошо, я спущусь съ вами.

Она приблизилась къ мужу, бесѣдовавшему съ управляющимъ, и твердо сказала:

— Я желаю спуститься въ шахты.

— Лидочка! ты выбрала самый неудобный моментъ...

— Удобный или неудобный, но я это желаю...

— Невозможно! — категорически заявилъ Кириллъ Григорьевичъ.

— Вы себѣ слишкомъ много позволяете!—сверкнувъ глазами, рѣзко отвѣтила молодая женщина.

Управляющій побагровѣлъ и вопросительно взглянулъ на Павла Андреевича.

Послѣдній совершенно растерялся.

Между тѣмъ платформу подняли, и Лидія Сергѣевна съ Ревневымъ и штейгеромъ Поплетухинымъ тотчасъ-же заняли ее.

Вслѣдъ за этимъ стукнули рычаги, и платформа полетѣла внизъ.

Управляющій и Стержневъ переглянулись и отошли отъ подъемной машины.

Лидія Сергѣевна моментально очутилась въ непроницаемой тьмѣ. Она не давала возможности видѣть убѣгающихъ стѣнъ узкаго ствола, ведшаго въ глубину шахты, что уничтожало ощущеніе быстроты спуска и сосредоточивало вниманіе на другихъ явленіяхъ. Самымъ непріятнымъ была пронизывающая сырость и падавшія откуда-то холодныя капли.

Молодой женщинѣ не вѣрилось, что лишь нѣсколько минутъ тому назадъ надъ ней простиралось голубое небо, что ее согрѣвали горячія лучи солнца; казалось, что, какъ въ сказкѣ, какой-то злой волшебникъ бросилъ ее въ мрачную бездонную пропасть и терзалъ ее надземными картинами. Для остроты впечатлѣнія, онъ, кромѣ сырости, заставлялъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ испытывать то дуновеніе горячихъ паровъ, то—холоднаго вѣтра.

Спускъ продолжался нѣсколько минутъ, но онъ показался вѣчностью.

Когда опять стукнулъ рычагъ, и платформа остановилась, и Лидія Сергѣевна не знала, что дѣлать, Ревневъ, взявъ ее за руку, сказалъ: сходите.

Ничего не видя, она осторожно подвигала ноги и, сошедши съ платформы, почувствовала, что вязнетъ въ грязи.

— Постоимъ немного,—произнесъ докторъ,—покуда зрѣніе ваше привыкнетъ къ темнотѣ...

— Но какъ оно привыкнетъ?

— Тутъ коптятъ кое гдѣ лампочки... Вы привыкнете... Жаль, что вы не переодѣты...

— Да, но если бы я стала переодѣваться...

— Конечно, васъ не пустили-бы... Но вотъ что—набросьте мое пальто...

— А вы?

— Я привыкъ.

— Давайте, я, дѣйствительно, чувствую ознобъ... Боже, какая могила!

— А гдѣ-же тѣ, что спустились съ собаками? — послышался голосъ Поплетухина.

— Съ кѣмъ онъ разговариваетъ?—спросила Лидія Сергѣевна.

— А вотъ, почти передъ вами,—отвѣтилъ Ревневъ.

— Вижу, вижу... Что это? Они голые?..

— Да, набросили лишь рвань разную на себя...

— Тѣ, которые съ собаками,—заговорилъ одинъ изъ этихъ голыхъ,—внизъ побѣжали.

— Такъ я долженъ васъ оставить,—сказалъ штейгеръ

И тотчасъ-же скрылся.

— Пойдемъ потихоньку и мы,—обратился докторъ къ Стержневой,—держитесь за меня и жмитесь къ стѣнкѣ...

— Нѣтъ, погодите...

Онъ повернулся и крикнулъ:

— Снимите какую нибудь лампочку со стѣнки и дайте мнѣ.

— Сейчасъ,—послышался въ отвѣтъ глухой голосъ.

И голый человѣкъ, кутаясь въ рваную одежду, подалъ Ревневу коптящую лампочку безъ стекла.

— Теперь идемъ... Жмитесь къ стѣнкѣ, чтобы вагонетка не задѣла, когда будетъ бѣжать вотъ по этому канату.

По крутому спуску, касаясь мокрой стѣны, по грязной тропинкѣ они спускались въ какую-то пропасть. Лампочка чуть-чуть пронизывала густую, сырую тьму.

Подавленная могильною обстановкою, Лидія Сергѣевна молчала. Она не представляла себѣ ничего подобнаго и была охвачена чувствомъ ужаса и конфуза. «Такъ вотъ какъ добывается ей роскошь, покой и наслажденіе!»—пронеслось въ ея головѣ.

Она инстинктивно исполняла все то, что говорилъ докторъ, и механически воспринимала его объясненія.

— Бросьте канатъ!—предостерегалъ онъ ее,—ближе къ стѣнкѣ!

Лидія Сергѣевна отстраняла свою руку и жалась къ стѣнѣ

Вслѣдъ за этимъ вверхъ по канату летѣла вагонетка, наполненная углемъ, а внизъ—пустая.

Далѣе тусклый свѣтъ лампочки отразился на рельсахъ и въ тоже время послышался стукъ колесъ и топотъ копытъ.

— Идутъ вагонетки,—пояснилъ Ревневъ и остановился.

Дѣйствительно, скоро вырисовался силуэтъ лошади, тянувшій нѣсколько вагонетокъ и рядомъ голый погонщикъ.

Когда лошадь поровнялась съ докторомъ, онъ приблизилъ къ ней лампочку и обратился къ Лидіи Сергѣевнѣ:

— Всмотритесь въ глаза лошади... Сколько въ нихъ тоски!

— Вы знаете-ли, что эти животныя обречены на вѣчную жизнь въ подземельѣ... Они уже больше не увидятъ свѣта... Они приговоренны къ пожизненной и постоянной работѣ въ подземельѣ...

— Дантовъ Адъ! съ дрожью въ голосѣ воскликнула Лидія Сергѣевна.

— И въ немъ,—продолжалъ докторъ,—ежедневно по двѣнадцати часовъ работаютъ люди...

— По двѣнад-ца-ти часовъ?!!

— Да, да, по двѣ-над-ца-ти!.. И какъ работаютъ!.. Желаете посмотрѣть...

— Непремѣнно посмотримъ!.. Я все желаю видѣть!..

И Ревневъ показалъ работу подземныхъ людей. Въ одномъ забоѣ голый, черный, какъ уголь, человѣкъ лежалъ на спинѣ въ низкой пещерѣ и ударялъ молоткомъ надъ своею головою; въ другомъ такой-же человѣкъ лежалъ, облокотившись на одну руку, а другою выбивалъ уголь въ стѣнѣ; въ третьемъ такой-же человѣкъ сидѣлъ на корточкахъ и билъ молотомъ передъ собою.

— Хорошо? — спросилъ докторъ, направляясь далѣе по безконечному корридору.

— Ужасъ!.. Каторга! — произнесла Стержнева, осторожно слѣдуя за нимъ.

— Нѣтъ, вы вообразите, что въ такомъ положеніи, въ такихъ позахъ надо работать двѣнадцать часовъ! Скажите, мыслимо ли послѣ такого труда чѣмъ-нибудь интересоваться? Мыслимо ли самому читать или слушать чтеніе, идти въ театръ? Не оцѣпенѣетъ ли весь организмъ?..

Не захочется-ли вамъ напиться или вообще сдѣлать что либо такое, что привело бы къ забытью о прошедшемъ и не напоминало о завтрашнемъ?.. Вообразите, вообразите, Лидія Сергѣевна! Тѣло окаменѣло, мозги не работаютъ, легкія, носъ, ротъ, уши, все и вся проникнуто копотью лампы и угольною

пылью!.. Вѣдь цѣлые часы нужны, чтобы только отмыться отъ всего этого! И эти часы берутся изъ отдыха!..

— Понимаю, чувствую...

— Не надо быть, дорогая Лидія Сергѣевна, членомъ партіи соціалистовъ, а просто надо быть человѣкомъ, чтобы всѣми силами души ощущать ужасъ этого подземелья... Согласны вы съ этимъ?

— Да, да, Петръ Васильевичъ...

— Теперь, надѣюсь, вы понимаете причину моего отношенія...

— Конечно, конечно...

— Нерѣдко я вспоминаю рѣчь присяжнаго повѣреннаго Солянникова при открытіи школъ, больницы, столовой, библіотеки и другихъ учрежденій. Къ моему стыду, до поступленія къ вамъ, я никогда не опускался въ шахты, просто не приходилось. Читать я читалъ, но, по правдѣ сказать, не вынесъ особеннаго впечатлѣнія. Впрочемъ это объясняется и тѣмъ, что я—врачъ, и шахты, какъ таковыя, не входили въ мою спеціальность. И вотъ, когда говорилъ Солянниковъ, мнѣ, дѣйствительно, рисовалась чудная картина настоящаго, сравнительно съ давно прошедшимъ степи. Но стоило мнѣ одинъ только разъ опуститься въ шахты, какъ я вынесъ глубочайшее убѣжденіе, что въ тѣ отдаленныя времена, о которыхъ говорилъ Солянниковъ, человѣчеству, массѣ его, ей Богу, жилось не въ примѣръ лучше... Правда, были кровопролитія, грабежи, набѣги, но вѣдь это была открытая борьба на землѣ, подъ свѣтлымъ небомъ, подъ горячими лучами солнца. Когда врагъ наступалъ, вы могли скрыться, а то и отбить его. А вотъ теперь, масса людей теряетъ силы, здоровье, умираетъ, будучи заживо погребенною, въ сырыхъ, темныхъ пещерахъ, не видя свѣта... И они не могутъ никуда скрыться, — ихъ держитъ вѣрный стражъ — голодъ! Да, Лидія Сергѣевна, это ужасно! Чѣмъ болѣе совершенствуется техника, тѣмъ хуже жить людямъ! Чего-чего только не изобрѣли, чтобы завоевать природу, а вотъ какъ сдѣлать людей счастливыми— не придумали.

Мало того, всѣми усовершенствованіями, какъ говорилъ вамъ, завладѣваетъ все меньшее и меньшее количество людей, порабощая при посредствѣ техническаго прогресса всѣхъ остальныхъ!.. Кому служатъ экспрессъ, автомобили, трелефоны, аэропланы? Только состоятельнымъ! Вотъ тутъ и разсуждайте?!... Просто...

Въ это время въ концѣ корридора показалась масса людей съ лампочками, шедшихъ на встрѣчу Ревневу и Стержневой

— Что это?—спросила послѣдняя.

— Право, не знаю.

Докторъ вынулъ часы, поднесъ ихъ къ лампочкѣ и сказалъ:

— Это не смѣна... Ахъ, нужно думать это возвращается полиція... Да, да, вонъ и собаки...

Ревневъ не ошибся. Поплетухинъ, отдѣлившись отъ толпы, подошелъ къ доктору и тихо сказалъ:

— Представьте, собаки подбѣжали къ одному изъ забоевъ, гдѣ найдены были похищенныя деньги!

— Ну?

— Ну, взяли деньги и арестовали забойщика...

Когда это извѣстіе распространилось въ шахтѣ, всѣ двинулись...

Между тѣмъ приблизилась возбужденная толпа и быстро направилась далѣе, къ подъемной машинѣ.

— Пожалуй, отнимутъ арестованнаго,—шепнулъ Поплетухинъ... Полиція идетъ, имѣя на готовѣ шашки и револьверы со взведенными курками.

Ревневъ, Поплетухинъ и Стержнева отправились вслѣдъ за толпой.

Они подошли къ подъемной машинѣ, когда полиція съ арестованнымъ и собаками уже поднялись вверхъ.

Рабочіе громко обмѣнивались мыслями по поводу этого событія.

Одинъ изъ нихъ, сгорбленный, со впалою грудью старикъ, между прочимъ, говорилъ:

— Вотъ что выдумали—ученныхъ собакъ!.. Что-бы, значитъ, нашего брата, голодранца, ловили!.. Эхъ вы, господа!.. Да ты выучи этихъ собакъ, чтобы горе людское онѣ узнавали!.. Чтобы знали онѣ, какъ мы здѣсь страдаемъ, да чтобы онѣ объ насъ хозяевъ извѣщали: такъ, молъ, и такъ, — народъ бѣдствуетъ!.. Вотъ, какъ, значитъ, узналъ объ этомъ хозяинъ черезъ собакъ, да и помогъ, тогда бы и кражъ не было!.. А то ловить!.. Сегодня одного поймали, а завтра другой украдетъ, потому жить невозможно!..

— Эхъ, чего захотѣлъ! — съ горечью замѣтилъ другой. Хозяевамъ все одинаково: сдохъ ты или живъ!.. Они всѣ соки высасываютъ...

— Я не въ силахъ больше,—шепнула Лидія Сергѣевна,— разревусь... Ради Бога, поднимемся...

Докторъ обошелъ стороною толпу, и незамѣтно Поплетухинъ, Стержнева и докторъ поднялись вверхъ.

Для Павла Андреевича спускъ въ шахты Лидіи Сергѣевны былъ настолько неожиданнымъ и совершился такъ внезапно, что онъ растерялся.

Придя въ себя, онъ прежде всего сообразилъ, что жена отправилась въ легкомъ платьѣ.

Поэтому Стержневъ на автомобилѣ помчался домой, захватилъ теплое одѣяніе и, возвратившись, спустился въ шахту.

Но они разминулись съ женою, поднявшись въ другомъ концѣ.

Когда Лидія Сергѣевна сошла съ платформы, то прежде всего зажмурила глаза отъ яркихъ лучей солнца, а затѣмъ присѣла на первомъ попавшемся ей бревнѣ и, проведя рукою по лбу, словно-бы что-то вспомнила.

Контрастъ между мрачнымъ и сырымъ подземельемъ и надземнымъ міромъ былъ такъ великъ, что ощущенія Стержневой казались ей подобными заживо-похороненнымъ и случайно затѣмъ вышедшимъ изъ гроба. Она объята была чисто животною радостью жизни,—свѣта, воздуха, тепла, — и больше ничего не соображала.

Удивленные рабочіе у подъемной машины, видя такое настроеніе хозяйки, тихо шептались:

— Глянь! Какъ очумѣла...

— Должно пришибло, что-ли...

— О-дурѣла...

Изъ такого состоянія вывелъ Лидію Сергѣевну Поплетухинъ.

— Если-бы вы посмотрѣли на себя, Лидія Сергѣевна!

— А что?

— Вы вся въ грязи, закопчены...

— Такъ-же, какъ и вы.

— Вѣроятно...

— Ну я иду домой...

— Вонъ вашъ автомобиль...

— Богъ съ нимъ!.. Я иду пѣшкомъ...

Лидія Сергѣевна поднялась и быстрою походкою направилась по тропинкѣ въ усадьбу, а за нею, молча, слѣдовали Ревневъ и Поплетухинъ.

Стержнева смотрѣла на небо, на солнце и полною грудью вдыхала воздухъ, словно бы только-что, оставивъ постель послѣ тяжелой болѣзни, впервые показалась на свѣтъ Божій.

Проходя неподалеку отъ казармъ, вытянувшихся параллельно дороги, Лидія Сергѣевна возлѣ одной изъ нихъ увидѣла большую возбужденную толпу и прямо повернула къ ней.

*

— Куда вы, Лидія Сергѣевна?—сказалъ Поплетухинъ, — можетъ выйти непріятность...

— Какая?

— Кто его знаетъ... Видите, тамъ что-то въ родѣ свалки...

— Ну такъ что-же,—вмѣшался докторъ,—пойдемъ...

И онъ зашагалъ впередъ.

Завидѣвъ Ревнева, изъ толпы выдѣлились двое рабочихъ и бѣгомъ спѣшили къ нему на встрѣчу.

— Несчастье, докторъ! — запыхавшись произнесъ одинъ изъ нихъ.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Петръ Васильевичъ.

— Дурная баба чуть дѣтей своихъ не перерѣзала,—пояснилъ второй.

Лидія Сергѣевна вздрогнула и, ничего не соображая, почти побѣжала за рабочими, Ревневымъ и Поплетухинымъ, которые быстрыми шагами направились къ толпѣ.

— Какая баба?—между тѣмъ задавалъ вопросъ докторъ.

— Да вотъ, что мужа ея въ шахтахъ забрали... Теперь ей и дѣтямъ, значитъ, конецъ... Баба-то и говоритъ, что все равно съ голоду подохнутъ,—зарѣжу!.. А дѣтей-то шесть...

— У нихъ не шесть, а восемь,—пояснилъ первый рабочій: двое дѣвчонокъ, сказываютъ, въ непотребные дома въ городъ поступили...

Эти свѣдѣнія, словно ножемъ, рѣзали нервы Стержневой и падали на мозгъ, какъ расплавленное олово.

Лицо ея горѣло, въ головѣ шумѣло, изъ глазъ лились слезы, и нервная дрожь охватывала весь организмъ.

— Идите домой! — остановившись, строго и рѣшительно произнесъ докторъ, случайно взглянувъ на Лидію Сергѣевну.

Она молча и растерянно смотрѣла на него.

— Отведите Лидію Сергѣевну домой,—обратился Ревневъ къ Поплетухину.

Штейгеръ предложилъ руку молодой женщинѣ, и она покорно отправилась съ нимъ, ежеминутно осматриваясь назадъ, на толпу.

До самой усадьбы Лидія Сергеѣвна дрожала и не произнесла ни единаго слова.

Поплетухинъ довелъ ее до самой спальни.

Лидія Сергѣевна еле добралась до кровати, бросилась на нее, уткнулась въ подушки и тихо зарыдала.

БИБЛИОТЕКА ИЗДАТЕЛЬСТВА НАРОДНОЙ ТРЕЗВОСТИ

V.

Разминувшись съ женою, Павелъ Андреевичъ вмѣстѣ съ полиціею сѣлъ на автомобиль и поспѣшилъ домой, увѣренный, что застанетъ уже Лидію Сергѣевну.

Но ея еще не было, и Стержневъ отдалъ приказъ шофферу ѣхать обратно и привезти жену.

Сдѣлавъ затѣмъ распоряженіе, чтобы приготовили обѣденный столъ, Павелъ Андреевичъ пригласилъ исправника, пристава и околодочнаго надзирателя на балконъ и, механически слушая разсказы ихъ о поискахъ съ собаками въ шахтахъ, все посматривалъ на дорогу, ожидая автомобиля съ женою.

Безпокойству его не было предѣловъ, когда шофферъ возвратился безъ Лидіи Сергѣевны и передалъ черезъ лакея, что не встрѣтилъ ее.

Павелъ Андреевичъ спустился внизъ, раскричался на шоффера и приказалъ ему опять ѣхать и, во что бы то ни стало, розыскать жену.

Онъ и не замѣтилъ, какъ въ это самое время Лидія Сергѣевна черезъ садовую калитку прошла съ Поплетухинымъ въ нижній этажъ.

Лакей доложилъ ему объ этомъ, лишь когда онъ возвращался на балконъ.

Извинившись передъ гостями, Стержневъ опять спѣшно спустился въ нижній этажъ и направился въ спальню съ намѣреніемъ выразить свое негодованіе женѣ за ея поведеніе.

— Чортъ знаетъ, что ты, Лида, дѣлаешь!—взволнованно заговорилъ онъ.

Жена ничего не отвѣтила и смотрѣла на него заплаканными холодными расширенными глазами.

— Что съ тобою, Лидочка?—перемѣнилъ тонъ Павелъ Васильевичъ.

Молодая женщина продолжала такъ же страшно смотрѣть на мужа.

— Лидочка!

Стержневъ присѣлъ на край кровати и хотѣлъ взять руку жены.

Но она оттолкнула его.

— Лидочка!.. Милая!..

Павелъ Андреевичъ совершенно растерялся.

— Ты нездорова?.. Да скажи-же... Вѣдь предупреждалъ-же я, чтобы ты...

— Оставьте меня!..

— «Оставьте»?.. На вы?.. Чѣмъ я тебя обидѣлъ?.. Что сдѣлалъ?..

— Вы только знаете, что «предупреждаете»... А меня дрожь пробираетъ, я не могу удержаться отъ слезъ, когда подумаю, что вотъ здѣсь, подъ моею роскошною спальнею, подъ всѣмъ нашимъ великолѣпнымъ дворцомъ тысячи людей работаютъ въ тьмѣ, сырости, грязи, чтобы дать намъ роскошь и покой, чтобы мы разъѣзжали по всему міру и пользовались всѣми удобствами, чтобы мы мчались на автомобиляхъ и курьерскихъ поѣздахъ, чтобы летали на аэропланахъ... Мнѣ чудится, что я слышу, какъ эти каторжники стучатъ тамъ, подъ землею, какъ они лежатъ въ своихъ темныхъ норахъ и выбиваютъ уголь, какъ они проклинаютъ насъ... Мы только и выдумали, что изобрѣли ученыхъ собакъ, чтобы еще и еще охранить себя отъ какихъ-либо потерь... А тамъ жена арестованняго въ шахтахъ хочетъ рѣзать своихъ дѣтей...

— Что ты, Лидочка,—бредишь?

— Брежу?.. Нѣтъ, я не брежу... За два часа моего пребыванія въ шахтахъ я всѣми фибрами души и тѣла прочувствовала, какіе мы изверги...

— Лидочка!

— Да, именно изверги!.. Я понимаю теперь, почему въ нашей больницѣ лежитъ больше всего искалѣчившихъ себя больныхъ, я понимаю, почему пусты наши культурныя учрежденія...

— Лидочка!.. Успокойся!.. Но что-же дѣлать?..

— Не знаю, что дѣлать, но я не могу, не мо-гу!..

И она опять разрыдалась и уткнулась въ подушки...

— Лидочка!..

— Оставьте меня!..

Павелъ Андреевичъ совсѣмъ растерялся. Возвратившись на балконъ, онъ опять извинился передъ гостями, сообщилъ, что жена внезапно заболѣла, и предложилъ полицейскимъ отправиться къ управляющему, который и учинитъ съ ними расчетъ.

Выразивъ сочувствіе, гости удалились, а Стержневъ, ероша волосы, зашагалъ по балкону, рѣшительно не зная, что предпринять, и ругая въ душѣ Ревнева.

Такъ онъ проходилъ, покуда не явился Кириллъ Григорьевичъ.

Послѣдній сообщивъ, что расчитался съ полиціей, началъ

опять жаловаться на интеллигенцію вообще и на докторовъ въ особенности.

— Сейчасъ опять скандалъ у насъ происходитъ, — сказалъ онъ.

— Гдѣ?... Почему?—нервно спросилъ Павелъ Андреевичъ.

— Въ казармахъ... Тамъ подлая баба, жена арестованнаго вора, вздумала дѣтей своихъ перерѣзать...

— Перерѣзать?!! Значитъ, это вѣрно...

— Да можетъ это она такъ, грозила только... Но посудите, нельзя-же дозволить грабить себя изъ за того, что жены преступниковъ будутъ рѣзать дѣтей...

— Но, съ другой стороны, что́-же дѣлать, Кириллъ Григорьевичъ!?. Вѣдь, несомнѣнно, такія дѣйствія вызываются тяжелыми условіями... Совершенно невозможно оставить это безъ вниманія...

— А я вамъ скажу, что все это сущіе пустяки!..

— Пустяки?!.

— Да, да... Вѣдь и раньше-же у насъ все это было, вѣдь шахты эти тридцать лѣтъ вашему отцу принадлежали, а онъ,— знаете,—былъ человѣкъ не мягкій, преступленій не поощрялъ, и ничего у насъ не было... Почему же теперь все иначе пошло?

— Да, почему?.. Почему? Отвѣтьте на этотъ вопросъ! Потому, что не тѣ времена, что иной теперь рабочій,—вотъ почему!

— Ни-ни! Совсѣмъ не потому...

— А почему?.. Почему?

— А потому,—понизивъ голосъ и озираясь, отвѣтилъ Кирилъ Григорьевичъ, — что пропаганда идетъ... Вотъ эти самые интеллигенты внушаютъ рабочимъ, что они должны добиться повышенія платы и шести часовъ труда!

— Вы увѣрены въ этомъ?

— Могу доказать...

— Но что-же здѣсь плохого?

— Повышеніе платы и шесть часовъ труда?!.

— Да.

— Да что вы, Павелъ Андреевичъ! Четыре смѣны, значитъ надо вдвое увеличить количество рабочихъ, расширить поселокъ, настроить вдвое казармъ или домовъ, а это значитъ вылетѣть въ трубу окончательно... Какъ-же это возможно, если всегда работали по 12 часовъ? Подумайте!..

— Но все-же объ этомъ необходимо подумать.

— Павелъ Андреевичъ! Тогда уже лучше прямо продать ваше предпріятіе...

— Нѣтъ, что вы ни говорите, а мнѣ кажется, что...

— Нѣтъ, тогда ужъ думайте сами... Мое почтеніе!..

Стержневъ не удерживалъ дядю; онъ думалъ о женѣ и теперь спѣшилъ скорѣе указать ей на выходъ изъ тяжелаго положенія.

Проводивъ управляющаго, Павелъ Андреевичъ направился въ спальню и передалъ Лидіи Сергѣевнѣ разговоръ съ управляющимъ.

Молодая женщина мгновенно преобразилась. Радостная улыбка появилась на ея лицѣ и она, схватившись съ постели, бросилась на шею мужа.

— Мой дорогой,—говорила она,—мы обязаны это осуществить! Это тотъ минимумъ, при которомъ еще кое-какъ можно примириться съ этимъ ужаснымъ дѣломъ...

— Какъ я радъ, милая, что найдено рѣшеніе... Конечно, доходъ нашъ понизиться, но...

— Объ этомъ и думать нельзя.

— Да, да... Завтра-же я собираю совѣщаніе, и мы...

— Спасибо, спасибо, родной!

— А Кириллъ Григорьевичъ думалъ свою думу. Заботясь о личномъ благосостояніи и помня завѣтъ брата, онъ, дабы сохранить дѣло въ полной неприкосновенности, рѣшилъ донести на интеллигенцію, воспользовавшись всѣми матеріалами, которые онъ тщательно собиралъ.

Узнавъ, что Стержневъ рѣшилъ на завтра собрать совѣщаніе, и что они рѣшили выполнить, по мнѣнію Кирилла Григорьевича, безумное предложеніе «революціонеровъ», онъ, немедля, отправился въ городъ, а въ ночь передъ днемъ совѣщанія, у всѣхъ новыхъ служащихъ и многихъ рабочихъ былъ произведенъ обыскъ и всѣ были арестованы.

Никто не зналъ виновника событія, тѣмъ болѣе, что управляющій рано утромъ первымъ сообщилъ о событіи Стержневымъ, выразивъ печаль по поводу арестовъ.

— А за что?—спросила Лидія Сергѣевна.

— Точно не знаю, но говорятъ, что дошли слухи объ агитаціи относительно повышенія платы и шести часовъ труда...

— Ну, такъ кому-же дѣло до этого?

— Какъ кому? Если вы это у себя заведете, бунты на всѣхъ шахтахъ начнутся... Кто-же пожелаетъ тогда 12 часовъ

работать? Кто откажется отъ повышенной платы? А вѣдь не можемъ-же мы дать работу всѣмъ рабочимъ...

— Что-же дѣлать?!.—съ отчаяніемъ спросила Лидія Сергѣевна.

— Не знаю, право, — отвѣтилъ управляющій и, простившись, удалился съ грустнымъ видомъ.

Стержневы задумались.

И. П. Бѣлоконскій.

СОНЕТЪ.

Среди равнины бархатно-зеленой
Блеститъ рѣки стеклянная дуга,
И мягкой рамой нѣжатъ берега
Ея извивъ медлительный и сонный.

Сбѣгаютъ къ ней шелковые луга,
Камышъ приникъ съ печалью затаенной,
И серпъ луны, чуть-чуть позолоченный,
Въ ней отразилъ туманные рога.

Вотъ ароматъ и сладостный, и пряный
Цвѣтущихъ липъ донесся изъ села,
Гдѣ колокольни тонкая игла,
Какъ лезвіе,—надъ балкою туманной...
И меркнетъ западъ дымчато-багряный
Надъ сонной лентой воднаго стекла.

Зинаида Тулубъ.

ВСЕЙ ДУШЕЮ.

Романъ Ренэ Базэна.

I.

Они выходили толпой изъ заводовъ и мастерскихъ фабричнаго предмѣстья. Лица и руки ихъ были точно ржавчиной изъѣдены дымомъ, парами и пылью, которая носится надъ пущенными въ ходъ колесами машинъ. На нѣсколькихъ запаздавшихъ колокольняхъ било семь. Былъ конецъ мая; въ воздухѣ чувствовалась какая-то особенная мягкость. Они все шли. Стукъ машинъ затихалъ; спирали угольнаго дыма изъ черепичныхъ трубъ становились все меньше и меньше; на улицѣ, прилегавшей къ старой дорогѣ въ Куэронъ, въ самой высокой части Нанта, просыпались голоса.

О, этотъ часъ, когда трудъ распускаетъ свою армію, и она разсыпается по городу! Рекруты, ветераны, дѣвушки, женщины, дѣти, которымъ можно было бы дать не больше десяти лѣтъ, если бы звукъ ихъ голоса и ранняя испорченность выраженій не выдавали въ нихъ юношей-подростковъ — всѣ они расходились за воротами своего завода, и быстро сбѣгали внизъ, исчезая въ узкихъ переулкахъ, или подымались наверхъ домой, гдѣ ждалъ ихъ обѣдъ. Группы образовывались въ дорогѣ. Жены встрѣчались съ мужьями; братья, любовники, товарищи, живущіе въ одномъ и томъ-же домѣ встрѣчались, не радуясь и не торопясь. Что-то унылое и изношенное, даже у молодыхъ, омрачало блескъ ихъ глазъ; тяжкое бремя дня лежало на всѣхъ, и громко говорилъ въ нихъ только голодъ. Другъ другу навстрѣчу бросались короткія привѣтствія, шутки безъ воодуше-

вленія, плоскія остроты. Между тѣмъ, въ толпѣ виднѣлись розовыя личики молоденькихъ дѣвушекъ, безбородыя лица молодыхъ бретонцевъ, которыхъ фабрика не успѣла еще приручить; у нихъ были мечтательные, прикованные къ далекой грезѣ, глаза; было и нѣсколько стариковъ, бравыхъ старыхъ служакъ, которые вели за руку дѣтей и шли молча, усталые и радостные. Съ Луары и издали, съ моря, тянулъ теплый вѣтерокъ. Съ заборовъ и каменныхъ стѣнъ свѣшивались вѣтки сирени.

Часть этой рабочей толпы—семейные и живущіе въ семьѣ люди—минуя нижніе кварталы, подымалась вверхъ къ холмамъ Шантенэ. Среди этой пестрой сутолоки, рубашекъ, блузъ и плохо застегнутыхъ кофточекъ на полинявшихъ юбкахъ выдѣлялась фигура господина въ англійскомъ кабріолетѣ. Онъ остановилъ лошадь на самомъ верху дороги. Онъ былъ высокаго роста, съ молодымъ и уже обрюзгшимъ лицомъ, которое нѣсколько удлиняла заостренная черная бородка; костюмъ его, хорошаго покроя, но изъ скромнаго матеріала, и манера держать возжи и изящество упряжи указывали на принадлежность его къ богатой семьѣ, добившейся положенія уже лѣтъ двадцать пять—тридцать назадъ. Что онъ дѣлалъ тутъ, среди толпы рабочихъ, которой многіе, подобные ему, избѣгаютъ, сами не зная почему? Онъ бы могъ повернуть и спуститься внизъ по одной изъ сосѣднихъ, менѣе людныхъ, улицъ. Но онъ все сидѣлъ, слегка нагнувшись на подушкѣ изъ синяго сукна, устремивъ глаза впередъ, на узкую, подымающуюся въ гору, улицу. Всѣ проходившіе мимо рабочіе оглядывали его: нѣкоторые презрительно, другіе — равнодушно. Иногда ему доставался даже поклонъ, но какъ-то тайкомъ, а группы женщинъ показывали на него другъ другу пальцемъ и завистливо смѣялись, привлеченныя красивымъ видомъ сбруи и всего выѣзда,—а онъ глядѣлъ на вереницы проходившихъ людей невозмутимымъ окомъ хозяина, привыкшаго къ толпѣ. Едва уловимо можно было разглядѣть въ спокойномъ выраженіи его лица оттѣнокъ жалости и печали, когда рабочіе, почти касаясь колесъ его телѣжки, дѣлали видъ, что не замѣчаютъ его или отворачивались со словами: «А, это сынъ Лемарье!» Это слово, точно подхваченное электрическимъ токомъ, пошло по всей, бурой отъ движущейся толпы, улицѣ; и то и дѣло повторялось шопотомъ, то равнодушно, то съ удивленіемъ, то тономъ полнымъ глухой вражды: «Сынъ Лемарье! сынъ Лемарье!»

А онъ между тѣмъ все искалъ кого-то глазами. Вдругъ, онъ поднялъ руку, державшую кнутъ, и сдѣлалъ знакъ. Молодой парень лѣтъ двадцати, шедшій объ руку съ двумя товарищами, по-

вернулъ къ нему голову. Товарищи пытались его удержать, почти безсознательно, изъ мальчишеской заносчивости. Но онъ вырвался отъ нихъ, подошелъ къ кабріолету и молча остановился, выжидательно дотронувшись до полей своей поношенной фетровой шляпы. Его проницательные глаза, переливчато-сѣрые, встрѣтились съ глазами хозяйскаго сына, и его живое лицо съ маленькими прямыми усиками подъ этимъ взглядомъ словно утончилось и вытянулось, и зыбью заскользили въ глубинѣ его зрачковъ тревожныя тѣни.—Ну, что Антуанъ,—сказалъ медленно мосье Лемарье,—вашему дядюшкѣ лучше?

— Нѣтъ, все то-же.

— Значитъ, рука не дѣйствуетъ? А онъ принимаетъ тѣ лѣкарства, что моя мать ему послала?

— Иногда ночью онъ какъ начнетъ кричать! И потомъ его мучаетъ ознобъ.

— Бѣдняга!

— Да что ужъ! Лѣкарства... что они помогутъ, когда раздавлена рука? Развѣ можно вѣрить, что онъ выздоровѣетъ... Это все комедія! Ему надо бы пенсію, мосье Лемарье!

Лемарье, нѣсколько смущенный, отвѣтилъ, глядя внизъ по улицѣ:

— Что жъ? Пусть попытаетъ счастья еще разъ... но пусть пойдетъ самъ! Никакихъ писемъ, никакихъ заштемпелеванныхъ угрозъ! Такими средствами съ моимъ отцомъ ничего нельзя сдѣлать—вы, вѣдь, знаете это, Антуанъ!

— Онъ пойдетъ. Не безпокойтесь,—отвѣтилъ молодой человѣкъ. Презрительная усмѣшка вытянула въ прямую линію его губы.—Онъ пойдетъ, и его выставятъ за дверь такъ же, какъ и меня. А, вѣдь, этотъ человѣкъ тридцать лѣтъ работалъ на вашемъ заводѣ. Вы ему обязаны доброй частью своихъ лошадей и экипажей.

Викторъ Лемарье сдѣлалъ рабочему знакъ продолжать свой путь; онъ замѣтилъ, что проходившіе останавливались и прислушивались къ ихъ разговору.

— Вы забываете,—холодно сказалъ онъ,—что втеченіе тридцати лѣтъ мой отецъ давалъ ему заработокъ. Я только хотѣлъ узнать отъ васъ о здоровьѣ Мадьо. А что касается прочаго, то я, вѣдь, не хозяинъ.

Рабочій отошелъ на нѣсколько шаговъ, затѣмъ вернулся и, приподнявъ шляпу, спросилъ:

— А если бы вы были хозяиномъ, господинъ Лемарье?

Викторъ Лемарье точно не разслышалъ его, и снова взглядъ

его устремился внизъ въ котловину, откуда все еще шли кучками мужчины и женщины. Тамъ стояло большое облако пыли, и заходящее солнце изъ-за крышъ золотило ее.

Рабочій съ минуту поджидалъ—отвѣтитъ ли ему хозяйскій сынъ, или хлестнетъ свою лошадь. Затѣмъ онъ повернулся и потерялся среди толпы, которую все подгоняли впередъ подымавшіеся снизу новые рабочіе.

Теперь, въ сумеркахъ, люди казались еще болѣе мрачными, еще болѣе жалкими. Викторъ Лемарье среди нихъ уже никого не искалъ. Взглядъ его разсѣянно скользилъ по длинной вереницѣ незнакомыхъ людей, такихъ похожихъ, которые слѣдовали другъ за другомъ съ равными промежутками, точно звенья одной цѣпи. Его самолюбіе, его душа, страдали отъ того, что онъ чувствовалъ вокругъ себя столько незаслуженной ненависти. Она окружала его, обвѣвала со всѣхъ сторонъ. Онъ сидѣлъ прямо, вытянувшись на своихъ суконныхъ подушкахъ, такой же холодный съ виду, какъ и раньше. Казалось, онъ пристально разсматриваетъ то, что дѣлается вдали—такъ что многіе прохожіе даже оборачивались и смотрѣли тоже внизъ, по направленію къ заводу. Но на самомъ дѣлѣ взглядъ его не различалъ никакого опредѣленнаго лица, никакой опредѣленной сцены: изъ всѣхъ движущихся образовъ, воспринимаемыхъ его зрѣніемъ, у него запечатлѣвался одинъ только образъ, и его-то онъ и видѣлъ: это была сѣрая толпа, у которой одно лицо и одно имя, сѣрая, рабочая толпа, которая шла и шла мимо него, полная двухъ чувствъ: усталости отъ труда и ненависти къ богатымъ.

— Что я имъ сдѣлалъ?—думалъ онъ.—Зачѣмъ они переносятъ на меня свою вражду? Вѣдь, не я ихъ патронъ, я не имѣю никакихъ дѣлъ съ рабочими отца. Мнѣ такъ хотѣлось участвовать активно въ жизни завода. Но я утѣшалъ себя: нечего жалѣть! Зато я избѣгну непріязни рабочихъ. А между тѣмъ они все-таки смотрятъ на меня, какъ на заклятаго врага. Какой ужасъ эта борьба, это раздѣленіе на два лагеря, помимо, противъ нашей воли! Сколько ошибокъ надо было совершить владѣльцамъ для того, чтобы дойти до этого! Какъ тяжело чувствовать, что тебя ненавидятъ за костюмъ, который носишь, и за лошадь, которой правишь!

Люди все еще шли снизу, но ряды ихъ рѣдѣли. Шли теперь старухи, плохіе ходоки, и ихъ появленіе показывало, что это уже аррьергардъ. Сумерки плотнѣе окутывали всѣ предметы, но верхушки деревьевъ и высокія фабричныя трубы еще свѣтлѣли. Тамъ, за Шантенэ, теперь, должно быть, гасло солнце

и погружало свой огненный дискъ въ зелень травъ; по Луарѣ, по ту сторону домовъ, навѣрное, скользили теперь бѣлыя парусныя шкуны и лодки. Въ отверстіе дороги сквозь заводскія крыши былъ немножко виденъ городъ, и весь онъ задернутъ былъ дымкой тумана, поднявшагося съ рѣки, такого же прозрачнаго, какъ и ея голубыя воды. Гдѣ-то далеко ярко горѣло оконное стекло. Викторъ замѣтилъ также, что высокія трубы мануфактуръ перестали дымиться и что маленькія трубы, вокругъ него, всюду увѣнчивались скромной сѣрой струйкой, которая извивалась, расширялась и терялась въ воздухѣ—это означало, что семья въ сборѣ, что на какой-нибудь короткій, сладкій часъ всѣ дѣти собрались вокругъ матери. День оконченъ. Чувствовать эту гармонію и знать, что она такъ коротка, и думать, что она могла бы быть другой, было грустно, и онъ ощущалъ гнѣвъ противъ тѣхъ, кто пришелъ до насъ. Онъ принадлежалъ къ поколѣнію, страдающему отъ ошибокъ прошлаго поколѣнія. Въ себѣ онъ чувствовалъ больше жалости, чѣмъ мужества. И это тоже угнетало и омрачало его.

Онъ и не подозрѣвалъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него подъ кедромъ своего маленькаго садика, гулялъ старый священникъ прихода св. Анны, глядѣлъ на то же гаснующее небо и думалъ тѣ же думы. Внѣ своего квартала онъ былъ почти такъ же неизвѣстенъ, какъ и тѣ бѣдняки, которымъ онъ помогалъ. Каждый вечеръ, когда фабричная толпа возвращалась домой, этотъ старикъ, не зная ни усталости, ни награды отъ людей, приходилъ къ своему кедру, изъ-за вѣтокъ котораго виденъ былъ весь городъ, и глядя на проходившую мимо его стѣны бѣдноту, взволнованно шепталъ сочиненную имъ отъ глубины своего простого сердца молитву:

— Господи, благослови окутанную сумерками землю. Благослови городъ и предмѣстье; богатыхъ, чтобы они имѣли жалость, бѣдныхъ, чтобы они любили другъ друга. Особенно благослови бѣдныхъ, Господь, и пошли навстрѣчу возвращающемуся съ работы отцу дѣтей съ улыбкой ангеловъ. Пусть не будетъ ссоръ между супругами; да поселится миръ между братьями; дай, Господи, всѣмъ счастья въ этотъ короткій часъ, когда они вмѣстѣ—большіе и маленькіе, чтобы никто изъ нихъ не клялъ Твое имя—пусть они любятъ тебя, Боже! Молю тебя за всѣхъ, кто не помолится сегодня вечеромъ; люблю тебя за всѣхъ, кто еще не возлюбилъ тебя, отдаю тебѣ жизнь свою, чтобы ихъ жизнь была лучше и свѣтлѣе. Возьми ее, Господь, если она Тебѣ угодна. Аминь.

Но Богъ не бралъ ее. Онъ зналъ, что она полезна на землѣ.

II.

Дорога стала совсѣмъ темной и пустынной. Викторъ Лемарье собралъ возжи и тронулъ шагомъ. Скоро, свернувъ по улицамъ предмѣстья, онъ выѣхалъ на авеню Лонэ, направляясь ближайшимъ путемъ къ бульвару Делормъ, гдѣ онъ жилъ. Газовые фонари уже горѣли среди угасшаго дня. Было время обѣда, и прохожіе стали попадаться рѣдко. Викторъ Лемарье ѣхалъ крупной рысью. Въ тотъ моментъ, когда онъ поворачивалъ за уголъ улицы Вольтера, какая-то молодая дѣвушка испуганно отшатнулась съ мостовой назадъ на тротуаръ. Она подняла голову и кивнула Виктору, увидя, что онъ кланяется ей. Въ поклонѣ молодого человѣка было то особенное, торопливое желаніе оказать вниманіе, которое мужчина испытываетъ въ присутствіи молодой, интересной женщины, а также какъ бы удивленіе, которое можно перевести такъ:—«Неужели эта прелестная дѣвушка—сестра того рабочаго, съ которымъ я толковалъ только что наверху?» Въ поклонѣ же Генріетты Мадьо, быстромъ и невнимательномъ, ничто не указывало на кокетство, удивленіе или даже просто живое любопытство.

Она была одной изъ тѣхъ работницъ, стройныхъ, ловкихъ, всегда торопливыхъ, которыхъ можно встрѣтить съ восьми часовъ утра, вдвоемъ и втроемъ спѣшащихъ въ свою мастерскую портнихи или модистки. Ихъ краситъ каждый пустячекъ, потому что онѣ молоды, и этотъ пустячекъ удивительно изященъ—вѣдь, у нихъ пальчики настоящихъ художницъ и тонкій вкусъ, а моделей для копированія у нихъ сколько угодно. Когда онѣ прошли, улица тускнѣетъ. Многія изъ нихъ кашляютъ и смѣются. Ихъ простонародное происхожденіе сказывается въ жестахъ, въ огрубѣвшихъ, истыканныхъ иглою, пальцахъ, въ тяжелой работѣ и скромности ихъ жизни—но онѣ не принадлежатъ къ народу ни по профессіи, ни по кругу мыслей, ни по своимъ идеаламъ. Бѣдныя дѣвушки! Мода изощряетъ ихъ вкусъ и развращаетъ воображеніе; онѣ вынуждены любить роскошь для того, чтобы быть искусными работницами, и это дѣлаетъ ихъ менѣе стойкими въ борьбѣ съ соблазномъ; ихъ подкарауливаютъ при выходѣ изъ мастерской, считая легкой добычей изъ-за ихъ нарядной бѣдности и свободы; онѣ слышатъ, видятъ всю грязь низовъ и угадываютъ зло

верховъ; возвращаясь домой къ той же убогой тѣснотѣ жизни каждый вечеръ, развѣ могутъ онѣ не сравнивать безпрестанно, даже противъ воли, міръ, который онѣ одѣваютъ, съ тѣмъ міромъ, откуда онѣ вышли? Испытаніе тяжко, потому что онѣ молоды, нѣжны и больше другихъ чувствительны къ ласкѣ словъ. Тѣ, которыя берегутъ себя, усваиваютъ выраженіе особаго достоинства, намѣренное равнодушіе взгляда—это имъ служитъ защитой; другой защитой является живость характера. Генріетта Мадьо была такова. Она видѣла въ своей жизни немало соблазновъ, и боялась ихъ.

Оттого ея поклонъ былъ коротокъ. И она спѣшила. Въ этотъ вечеръ шла сверхъурочная работа въ модной мастерской мадамъ Клемансъ. Генріетта подобрала юбку, глядя поверхъ прохожихъ, и легко перешла улицу.

Вернувшись домой, Викторъ Лемарье засталъ нѣсколько человѣкъ въ гостиной отцовскаго особняка на бульварѣ Делормъ. Тамъ была его мать, затѣмъ два старыхъ комерсанта, Томэръ и Мурье, и тридцатилѣтняя дѣвица, Эстелла Пирмиль, окончившая консерваторію со второй наградой, знавшая весь городъ, дававшая уроки музыки и слывшая оригиналкой.

Викторъ сталъ извиняться, что запоздалъ, и мать поцѣловала его.

— Вѣдь, тутъ все свои,—сказала она.—Мурье и Томэръ—вродѣ кузеновъ. Неправда ли, Мурье?

— Весьма польщенъ!—отвѣтилъ толстякъ съ поклономъ.

— А меня вы не считаете?—спросила Эстелла.

— Конечно, дорогая. Вы—свой человѣкъ у насъ въ домѣ.

Старикъ Лемарье еще, къ счастью, не выходилъ: онъ былъ чрезвычайно строгъ относительно аккуратности.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вошелъ, маленькій, худенькій, съ бѣлыми волосами ежомъ и длинной бородкой подъ короткими усами. Онъ окинулъ гостей взглядомъ, привыкшимъ подсчитывать персоналъ въ большомъ помѣщеніи, убѣдился, что всѣ на мѣстѣ, и тогда, протянувъ руку, сталъ подходить. Лемарье всегда отлично владѣлъ собою и говорилъ хорошо. У него была какая-то особенная неповоротливость ума и тѣла человѣка, много боровшагося, чтобы выйти въ люди, и еще много борющагося, чтобы поддержать свое положеніе. Пожимая руку своему сыну, Виктору, онъ спросилъ, небрежно шевеля губами:

— Славно прокатался? Погода была хорошая?

— Такъ себѣ.

— Жалко. А у меня былъ сумасшедшій день.

Пообѣдали. Вечеръ былъ теплый, и они перешли въ садъ. Это былъ просторный сырой квадратъ, обнесенный высокими стѣнами, плохо содержавшійся, въ противоположность комфортабельному устройству дома. Аллея, огибавшая лужайку, обросла мхомъ, а деревья, засаженные бордюромъ съ трехъ сторонъ, безпорядочно путались вѣтвями надъ ковромъ зачахшей герани.

Разговоръ, довольно оживленный за обѣдомъ, сталъ ослабѣвать. Мужчины усѣлись на одну скамью, женщины—на другую, въ глубинѣ сада, въ тѣни акацій. Передъ ними разстилался газонъ, а дальше, на видъ очень далеко, отчетливо выступали три ступени террасы, ярко освѣщенныя свѣтомъ лампы и свѣчей изъ столовой. На этомъ ослѣпительномъ фонѣ, притягивавшемъ и утомлявшемъ взглядъ, чернымъ силуэтомъ вырисовывалась фигура лакея, то появляясь, то исчезая. Высоко, такъ высоко, что никто не думалъ о нихъ, блѣдно-голубыя звѣзды дремали между листвой.

Продолжительный рѣзкій свистокъ раздался въ воздухѣ.

— Ага! это рабочіе у Малля расходятся—сказалъ Лемарье. Они работаютъ уже мѣсяцъ сверхъурочно по вечерамъ изъ-за большихъ заказовъ чилійскаго флота.

— Какъ это тяжело!,—сказалъ Викторъ.

— Ты ихъ жалѣешь?

— Отъ души.

Всѣ четверо мужчинъ—Лемарье, отецъ и сынъ, Мурье и Томэръ сидѣли рядомъ на скамьѣ. Дымъ ихъ сигаръ образовалъ на высотѣ ихъ глазъ маленькое облако, и они смотрѣли, какъ оно подымается. Лемарье сидѣлъ неподвижно нѣсколько минутъ, затѣмъ сдѣлалъ нѣсколько затяжекъ. Его лицо какъ будто затвердѣло и подтянулось при первомъ же словѣ противорѣчія. Между бровями и въ углахъ губъ залегли складки. Къ нему возвращалась его обычная физіономія хозяина завода, властнаго и рѣшительнаго въ защитѣ своихъ интересовъ. Ему не нравилась разница взглядовъ у него и сына—продуктъ различія образованія, эпохи и среды. Всякое упоминаніе о страданіяхъ рабочихъ оскорбляло его, такъ какъ онъ сознавалъ себя правымъ, уважающимъ законъ и непопулярнымъ. И онъ отвѣтилъ запальчиво-ироническимъ тономъ:

— Восьмичасовой рабочій день, такъ, что ли?

— Нѣтъ.

— Ну, десятичасовой. Мнѣ все равно. Видишь ли, голубчикъ, я работаю по четырнадцать часовъ въ день, и не жалуюсь. Если ты думаешь, что ремесло владѣльца и патрона за-

видное, то это оттого, что ты избавленъ отъ него. Зарабатываемъ мало, рискуемъ всѣмъ, подвергаемся вѣчно нападкамъ людей, которые ничего въ дѣлѣ не смыслятъ, не говоря уже о нападкахъ рабочихъ, которые слишкомъ много смыслятъ. Чистые барыши: много непріятностей и много враговъ. Ну, скажите, Мурье, скажите, Томэръ, развѣ это не правда?

— Совершенная правда,—сказалъ Томэръ.

— Не совсѣмъ,—проговорилъ Мурьё.

— О, я знаю, что у васъ нѣжная душа, Мурьё, и все, что вы дѣлаете для вашихъ модистокъ, вполнѣ подтверждаетъ это. Вы находите имъ мѣста, вы помогаете имъ въ нуждѣ; вы, кажется, готовы были бы отдать имъ свой домъ для жилья. Но все это ни къ чему. Чѣмъ онѣ отвѣчаютъ вамъ? Вы, вѣдь, не настолько наивны, чтобы вѣрить. Онѣ просто—нуль вниманія на васъ.

— Нѣкоторыя—да,—спокойно произнесъ Мурьё.

— Я бы этого не стерпѣлъ. Я бы не позволилъ такого отношенія къ себѣ въ своихъ мастерскихъ. Точно такъ-же я не могу допустить, чтобы журналисты, теоретики, которые никогда въ жизни и одного служащаго не имѣли подъ своимъ началомъ, вмѣшивались въ дѣла заводчиковъ и жалѣли рабочихъ. Плакальщики! сколько ихъ развелось за послѣднія 10 лѣтъ! И Викторъ туда же: какъ увидитъ человѣка въ рабочей блузѣ, сейчасъ и расчувствуется.

— Не изъ-за блузы!

— Ты бы хотѣлъ, чтобы у него была рента. Чортъ возьми, у нихъ могла бы скопиться рента при тѣхъ цѣнахъ, какія мы имъ платимъ, еслибы они умѣли экономить, но они хотятъ зарабатывать все больше, отдыхать столько же, какъ раньше и получать пенсію, избавляющую ихъ отъ необходимости дѣлать сбереженія. Вотъ! Можешь ли ты мнѣ сказать...

— Мнѣ не подъ силу спорить съ вами. Эти вещи я только чувствую. Но мнѣ кажется, что среди рабочихъ растетъ недовольство, являются новыя потребности.

— Ничего подобнаго, дорогой мой. Такой жизненный вопросъ всегда былъ и дѣлался только болѣе или менѣе острымъ, смотря по времени. Новаго тутъ ничего нѣтъ.

— Нѣтъ, есть кое-что.

— Что же?

— Отсутствіе любви, братства, что ли. Все зло происходитъ отъ этого. Все было бы скорѣе достигнуто, еслибы было довѣріе, любовь между людьми. Вотъ только-что мимо меня,

когда я катался, прошли тысячи рабочихъ, и они всѣ смотрѣли на меня, какъ на врага. Я на подозрѣніи у нихъ изъ-за своего происхожденія. Они не знаютъ меня, но ненавидятъ. Они не ходятъ ко мнѣ, я не хожу къ нимъ

— Но они ходятъ ко мнѣ!

— Извините, они ходятъ не къ вамъ, а на вашъ заводъ— а это большая разница. Изъ года въ годъ эти люди видятъ только двухъ представителей хозяина: его деньги и его мастеровъ и служащихъ. Не очень-то трогательныя отношенія! Въ случаѣ расчета патронъ дѣйствуетъ самолично—это правда. Но гдѣ связь между ними, общій праздникъ, гдѣ ежедневные знаки вниманія и расположенія, которые одни способны были бы компенсировать безпрерывно растущую зависть и конфликты интересовъ? Укажите, гдѣ они: я ихъ не вижу. Что же касается такихъ буржуа, которые ничего не фабрикуютъ и не продаютъ, какъ я напримѣръ, то они рѣдко попадаютъ въ рабочее предмѣстье: вѣдь, въ современныхъ городахъ богатые и бѣдные имѣютъ свои отдѣльные кварталы. Рядомъ, почти бокъ-о-бокъ, они рождаются, живутъ, плачутъ и веселятся, но все это безъ всякаго признака отношеній, взаимнаго уваженія, чего бы то ни было. Я вамъ говорю, что это заставляетъ страдать и что я страдаю. Ихъ ненависть главнымъ образомъ построена на этомъ, а не на реальныхъ требованіяхъ.

— Браво!—закричала Эстелла.—Вы очень хорошо проповѣдуете, Викторъ. У васъ настоящее призваніе!

Молодой человѣкъ, оживившійся противъ своего обыкновенія и кончикомъ ботинки разрыхлявшій песокъ дорожки, отвѣтилъ съ усмѣшкой:

— Можетъ быть!

— Правда, — прибавила дѣвица, изъ всего разговора запомнившая только слово «любовь», — я не совсѣмъ понимаю, что вы хотите сказать, Викторъ. Нѣтъ любви? Но не замѣтно, чтобы они очень были лишены ея. Стоитъ только посчитать сколько дѣтей у нихъ въ предмѣстьяхъ: у моей булочницы семеро.

Она разсмѣялась тому, что сказала, и ея рѣзкій голосъ отчетливо прозвенѣлъ въ ночной тишинѣ.

— Эти люди должны бы имѣть не больше одного или двухъ дѣтей. Это было бы благоразумно. Какъ вы думаете на этотъ счетъ?

Мадамъ Лемарье, неподвижное и простое лицо которой рѣдко отражало ея чувства, пошевелила губами, не говоря ни

слова и тихо положила руку на плечо консерваторки, какъ-бы приглашая ее замолчать. Та не поняла, въ чемъ дѣло, но все-таки замолчала.

Послѣдовавшее молчаніе было тягостно оттого, что нелѣпая безтактность замѣчанія Эстеллы, не вызвавшая никакого отвѣта, доказывала, что въ спорѣ отца съ сыномъ подъ внѣшне корректной формой скрывалось непониманіе и отчужденность. Старикъ Лемарье сидѣлъ, все еще откинувшись на спинку скамьи. Онъ бросилъ свой окурокъ, и тотъ яркимъ огонькомъ загорѣлся въ травѣ точно большой свѣтлякъ. Всѣ глядѣли на эту огненную точку среди темнаго чернаго круга. Молчаніе длилось. Ни Мурье, ни другой пріятель Лемарье не хотѣли вмѣшиваться въ споръ: первый — оттого, что зналъ цѣну всѣмъ такимъ спорамъ, второй изъ боязни волноваться и ради соблюденія гигіены. Но самое ихъ присутствіе и молчаніе дѣйствовали возбуждающе.

Лемарье возвысилъ голосъ и сказалъ:

— Это прекрасно и похвально говорить о любви къ народу. Но разговору мало. Нуженъ примѣръ. Ты подаешь его?

— Нисколько, — отвѣтилъ Викторъ, подымая голову. — Я безполезный человѣкъ и знаю это. Должно быть, я такимъ и останусь.

— Ну, и что?

— А то, что моя жизнь могла сложиться совершенно иначе. Я хотѣлъ, я просилъ у васъ принять меня на заводъ—вы отказали.

— Я думаю! Сколько труда мнѣ стоитъ удержать заводъ на высотѣ конкурренціи. Что бы ты ни думалъ, а дѣлаю я это для своихъ рабочихъ. А ты сразу пустилъ бы его въ трубу.

— Спасибо!

— Я совершенно убѣжденъ въ томъ, что послѣ меня заводъ закроется. Я хочу этого и позабочусь, чтобы такъ оно и было.

— Не бойтесь ничего! Теперь все кончено: привычка къ труду исчезла.

Молодой человѣкъ замѣтилъ неудобный характеръ этой бесѣды и попробовалъ прервать ее, не имѣя видъ сдавшагося.

— Я видѣлъ сегодня Мадьо, младшаго...

— Безпутный малый!

— Да. Сестру его тоже встрѣтилъ.

— А—а!

Старикъ Лемарье повернулъ голову и сталъ съ присталь-

нымъ любопытствомъ всматриваться въ сторону, гдѣ сидѣлъ сынъ, хотя голова его едва виднѣлась въ темнотѣ.

— Ты говорилъ съ ней?

— Нѣтъ. Она очень милая и такъ непохожа на брата. Правда, мосье Мурье, она симпатичная?

Старый купецъ, не ожидавшій, что будетъ тоже привлеченъ къ дѣлу, сдѣлалъ гримасу и, нѣсколько колеблясь, сказалъ, явно подчеркивая свое нежеланіе продолжать этотъ разговоръ:

— Да, она ничего... Какъ многія другія модистки. Онѣ всѣ бываютъ у меня въ магазинѣ.

Потомъ онъ возвысилъ голосъ, такъ, чтобы его слышали обѣ женщины, разговаривавшія между собой на сосѣдней скамейкѣ и спросилъ.

— Не находите ли вы, mesdames, что стало свѣжо?

Мужчины тоже согласились, что вечеръ прохладный, хотя не было ни росы, ни вѣтра, ни тумана. Всѣ поднялись.

Когда вошли въ гостиную, мадамъ Лемарье, оставшаяся позади съ Мурье, сказала ему тихо, растягивая слова:

— Грустно все это, Мурье, неправда ли? но я думаю, что Викторъ правъ.

— Да,—отвѣтилъ старикъ.—Но только этимъ вещамъ нельзя научить, и о нихъ нельзя спорить.

— У него доброе сердце, у моего Виктора.

— Да, конечно,—скромно подтвердилъ Мурье.

Мадамъ Лемарье держала въ рукѣ двѣ золотыя монеты, которыя она только что вынула изъ кармана. Она вложила ихъ въ руку Мурье.

— Возьмите это... для вашихъ мастерицъ... для библіотеки...

Мурье подумалъ: «Въ сущности она одна, дѣйствительно, добрая душа въ этомъ домѣ. Она сердечна. Это замѣняетъ ей умъ. И это лучше ума».

III.

Перейдя улицу вслѣдъ за шарабаномъ Виктора Лемарье, Генріетта Мадьо продолжала свой путь, торопясь обратно въ мастерскую. Сегодня въ семь часовъ, когда обыкновенно день кончался, хозяйка, мадамъ Клемансъ, отворила дверь въ мастерскую и произнесла знакомыя слова: «Господа, сегодня придется еще поработать»! Тотчасъ же одна изъ ученицъ сбѣгала за хлѣбомъ и ветчиной, и модистки быстро поужинали на краю

стола. Такъ какъ Генріеттѣ не хотѣлось ѣсть, то она пошла купить нѣкоторую необходимую отдѣлку.

Теперь она возвращалась съ небольшимъ пакетомъ, завернутымъ въ шелковистую бумагу: крылья, цвѣты, катушки шелка, купленныя у Мурье. Она спѣшила, чтобы наверстать потерянное время. Вечеръ былъ чудный, и молодой дѣвушкѣ пріятно было итти, пить мягкій воздухъ, расправить члены, застывшіе въ неподвижномъ сидѣньи за цѣлый день. Здоровой ея молодости этого было достаточно: уже краска прилила къ ея щекамъ; она чувствовала себя легкой, губы ея раскрылись надъ бѣлыми зубами. Впрочемъ, подруги уже не разъ замѣчали это: жизнь и радость пробуждались въ ней скорѣе, чѣмъ въ другихъ.

Она была сильная. Съ перваго взгляда ее можно было принять за англичанку: волосы у нея были бѣлокурые, волнистые, пышно стоявшіе надъ лбомъ, а сзади скрученныя блестящимъ узломъ, точно связка соломы; глаза блѣдно-зеленые, какъ морская вода, производившіе впечатлѣніе глубины и прозрачности; цвѣтъ лица нѣжный, фигура худощавая и общее выраженіе твердаго спокойствія. Но искренній раскатистый смѣхъ, такъ быстро расцвѣтавшій на ея губахъ и такъ медлившій исчезновеніемъ, руки и особенно вкусъ, увѣренный вкусъ ея простого костюма хорошо поставленной работницы — все это говорило, что она истая француженка. Мурье, знавшій ее съ дѣтства, увѣрялъ, что равныхъ Генріеттѣ нѣтъ ни по ловкости и искусству, ни по врожденному благородству. Онъ искренно желалъ ей добра, но мало могъ сдѣлать для нея, такъ какъ Генріетта рѣдко нуждалась въ совѣтѣ, даже у Мурье. И онъ радовался, когда пріятельницы молодой дѣвушки, обыкновенно придирчивыя, говорили, что Генріетту Мадьо не въ чемъ упрекнуть и что она, вѣроятно, станетъ старшей въ мастерской мадамъ Клемансъ, когда уйдетъ Августина.

Она остановилась на минуту у подъѣзда, на внутренней сторонѣ котораго висѣла черная мраморная дощечка съ надписью: Мадамъ Клемансъ. «Моды. 1 этажъ». Повернувъ голову налѣво и слегка откинувъ бюстъ, она съ интересамъ знатока посмотрѣла витрину шмуклерскихъ издѣлій, затѣмъ бросила послѣдній взглядъ на улицу, какъ бы прощаясь съ тихимъ вечеромъ, и стала подыматься по лѣстницѣ. На второй площадкѣ у дверей была та же надпись, что и внизу. Генріетта повернула мѣдную скобку, слегка кивнула головой кассиршѣ, которая задумалась надъ своими счетами, и пошла по коридору, устланному пушистой сѣрой дорожкой. Помѣщеніе у мадамъ

Клемансъ было шикарнѣе, чѣмъ у всѣхъ нантскихъ модистокъ. Коридоръ, направо освѣщенный стѣнкой изъ шлифованнаго стекла, которая скрывала комнаты мадамъ, мастерскую и магазинъ, заканчивался съ другой стороны двумя комнатами, обставленными съ утонченнымъ вкусомъ. Въ первой, которая видна была отъ входа между портьеръ, была выставка шляпъ всевозможныхъ фасоновъ и оттѣнковъ, моделей изъ Парижа и сработанныхъ на мѣстѣ, отдѣланныхъ перьями, цвѣтами, лентами, насаженныхъ на подставки разной величины и расположенныхъ съ тонкимъ пониманіемъ гармоніи.

Въ слѣдующей—былъ салонъ для примѣрки, и онъ немалую сыгралъ роль въ карьерѣ мадамъ Клемансъ. Стѣны, кресла, диванъ все было обито здѣсь блѣдно-голубымъ плюшемъ. Мягкими складками были задрапированы четыре огромныхъ зеркала, а наверху ихъ легко колыхались отъ дуновенія тонкія зеленыя растенія, свисающія изъ невидимыхъ жардиньерокъ, спрятанныхъ за драпировками. Всѣ дамы входили сюда съ удовольствіемъ. Атмосфера будуара, которою здѣсь дышалось, серебристая мягкость плюша, смягченный блескъ зеркалъ, нѣсколько особенно красивыхъ моделей, разставленныхъ по угламъ и повторенныхъ безконечное число разъ въ зеркалахъ — все это очаровывало кліентокъ и вводило въ соблазнъ самыхъ экономныхъ. Мадамъ Клемансъ это знала. Въ маленькомъ блѣдно-голубомъ салонѣ выбирали то, что она хотѣла.

Генріетта прошла коридоръ, мимо выставки и салона примѣрки, и открыла дверь въ рабочую мастерскую.

— Ахъ, это вы, мадемуазель Генріетта? сказала «старшая» кисло.—Однако, вы не торопились. Вотъ уже десять минутъ, какъ мы окончили ужинъ.

— Вы такъ думаете, мадемуазель? — спокойно спросила Генріетта.

— Конечно, я въ этомъ увѣрена.

Луиза, маленькая рыжая ученица съ пухлыми щеками, вставила вдругъ:

— А ветчина то была соленая - пресоленая!

Дѣвушки всѣ такъ и прыснули. Рады были случаю посмѣяться: это освѣжаетъ. У самыхъ молоденькихъ смѣялись глаза, губы, все лицо расцвѣтало, а старшія тихо улыбались, съ опущенными глазами, какъ взрослые, которыхъ дѣтскія шутки забавляютъ только на одинъ моментъ; затѣмъ нѣсколько взглядовъ устремилось на Генріетту. Она, привыкшая къ замѣчаніямъ «старшей», спокойно придвигала свой табуретъ къ углу стола,

вблизи дверей. Она подобрала платье, сѣла и, взявъ въ руки соломенную форму, наполовину отдѣланную тремя узлами кремовой ленты, сказала:

— Такъ славно на дворѣ, что возвращаешься въ хорошемъ настроеніи духа.

Мадемуазель Августина сдѣлала видъ, что не слышала этого замѣчанія, и стала разворачивать пакетикъ отъ Мурье. Одна изъ ученицъ подняла голову и стала смотрѣть въ окно, вверху, гдѣ стекла не были матовыя и гдѣ виднѣлась верхушка дерева, слегка раскачиваемая вѣтромъ. Голубой квадратъ окна, должно быть, казался ей прекраснымъ, какъ райскій сонъ, и она вздохнула. Всѣ головы были теперь склонены надъ столомъ, и не слышно было ничего, кромѣ стука ножницъ, шуршанія формъ подъ пальцами работавшихъ дѣвушекъ, скрипѣнія стараго табурета или вполголоса сказанныхъ словъ: «Передайте мнѣ шелкъ, мадемуазель Ирма. — Люси, ты не знаешь, гдѣ мой кремовый тюль?—Ахъ, пораньше бы уйти сегодня! Въ глазахъ колетъ чертовски»! Иногда слышался подавленный зѣвокъ. Движенія были болѣе нервны, чѣмъ утромъ. Время отъ времени работавшіе вытягивали пальцы на зеленомъ люстринѣ, разсматривали ихъ внимательно и снова молча брались за иголку.

Всѣхъ дѣвушекъ въ сезонное время работало у мадамъ Клемансъ двѣнадцать, и онѣ занимали мѣста за двумя длинными, поставленными параллельно другъ къ другу столами, отъ двери къ окну, оставляя только узкій проходъ посреди, и два другихъ вдоль стѣнъ, оклеенныхъ сѣрыми обоями съ голубыми цвѣтами.

Вблизи окна, налѣво, печь; съ другой стороны большой стѣнной шкафъ, куда вѣшали свои пальто; соломенные табуреты съ крѣпкими ножками—вотъ и вся постоянная меблировка. Остальное вынималось утромъ изъ ящиковъ и вечеромъ снова пряталось: катушки наметочныхъ нитокъ и шелка, проволока, маленькія подставки, чтобы ставить шляпы, ножницы, коробки съ цвѣтами, стрѣлки лентъ и перья, которыя выдавались изъ сосѣдней комнаты. Дѣвушки сидѣли съ одной стороны за обоими столами, гарнировщица рядомъ съ фасонщицей, и только у «старшей» Августины была еще ученица въ распоряженіи. «Дѣвочка» не имѣла отношенія ни къ кому изъ работницъ въ отдѣльности: ея обязанность сводилась, въ сущности, къ бѣготнѣ по разнымъ домашнимъ порученіямъ.

Сумерки подымались все выше и выше и вотъ уже заволокли розовѣющій отсвѣтъ неба. Дѣвушки работали не отрываясь, но ихъ лица и позы выдавали слишкомъ продолжитель-

ное напряженіе, которое убиваетъ мысль и лишаетъ руки ловкости. Глаза ихъ были обведены тѣнью, то и дѣло которая-нибудь изъ нихъ касалась рукой вѣкъ, какъ-бы сгоняя съ нихъ сонъ. Въ тяжелой, спертой атмосферѣ, которая еще сгущалась отъ лампъ, которыя только что зажгла дѣвочка, молодыя груди дышали часто, ловя жизнь тамъ, откуда она все больше уходила. Ирма кашляла легкимъ сухимъ кашлемъ. На краю столовъ мадемуазель Августина и Генріетта отдѣлывали шляпы. Первая прикалывала и снова откалывала пучекъ красныхъ маковъ къ большей шляпѣ съ приподнятыми полями, и ей никакъ не удавалось изящно посадить его. Она нервничала. На ея худомъ, увядшемъ лицѣ губы раздвигались короткой судорогой нетерпѣнія. Генріетта Мадьо, слегка округливъ руки, собирала вѣеромъ, широкую кремовую ленту и ея блѣдные глаза улыбались, оттого что сегодня вечеромъ ей сразу удалось придать своей работѣ то, что составляетъ радость и заботу всѣхъ этихъ труженицъ моды—то cachet, это неуловимое нѣчто, куда входитъ ихъ молодость, ихъ женское воображеніе и то, что въ мечтахъ онѣ сочинили для себя, но отдаютъ богатымъ, отдаютъ всю жизнь, пока голова ихъ придумываетъ новое, а рука исполняетъ.

На небѣ звѣзды еще не сіяли, не могли побороть остатковъ дневного свѣта, но онѣ покрывали весь куполъ неба точно мелкимъ порошкомъ, ни одна крупинка котораго еще не была видна. Наступалъ тотъ часъ, когда роса подымаетъ измятую траву, когда лошади на лугу засыпаютъ, стоя подъ прикрытіемъ низкорослой вербы. Открывъ окно, можно было услышать пугливый крикъ болотной птицы, летящей къ своему жилью — а работницы все шили, приметывали, прикидывали матерію.

— Половина девятаго!—пробормотала Люси, толстая блондинка, у которой рукава были всегда засучены, а на рукахъ капельки пота, что лишало ее возможности сдѣлаться гарнировщицей.—Черезъ полчаса, дѣти мои, будемъ свободны, а завтра воскресеніе!

Она взмахнула рукой, какъ будто подбрасывая что-то въ воздухъ. Нѣсколько дѣвушекъ улыбнулось, но большинство, въ лихорадочной спѣшкѣ, ничего не видѣло и не слышало. Надо было непремѣнно окончить нѣсколько срочныхъ заказовъ. Онѣ были озабочены этой мыслью и еще той, которая всегда являлась въ дни получки: мыслью о домѣ, гдѣ недѣльный заработокъ ожидался съ нетерпѣніемъ и часто тратился авансомъ. Подъ темными или свѣтлыми волосами, освѣщенными лампой,

рождалось одно и то же представленіе: состарившаяся мать, которую почти всѣмъ имъ приходилось кормить, братья, сестры, старые долги, которыя онѣ должны были выплачивать. Даже тѣ, которыя жили съ любовникомъ, почти всегда помогали кому-нибудь изъ близкихъ родныхъ, и въ этомъ чувствѣ благородной солидарности, дававшемъ силу ихъ пальцамъ, онѣ сходились съ самыми чистыми и лучшими изъ подругъ. Затылки, мягко бѣлѣя въ свѣтѣ лампъ, оставались всѣ склоненными.

Вдругъ въ передней раздался звонокъ и мгновеніе спустя появилась кассирша:

— Мадемуазель Августина, пришла какая-то модистка.

— Такъ поздно?

— Она спрашиваетъ, нѣтъ ли работы.

— Хозяйка ушла обѣдать: ее нельзя теперь безпокоить. Да и, вообще, работы нѣтъ. Сами знаете, скоро начнется мертвый сезонъ.

Кассирша уже затворяла за собою дверь. Тогда Августина прибавила:

— Впрочемъ, сходите, m-elle Генріетта, посмотрите въ чемъ дѣло. Я не могу уйти. Ваши цвѣты отъ Мурье не держатся и шика ни на грошъ.

Генріетта встала и прошла до конца коридора, гдѣ у входа стояла дѣвушка, закутанная въ длинное черное манто, скрывавшее фигуру и скорѣе подходящее для осени, чѣмъ для лѣта. Генріетта невольно взглянула прежде всего на обувь дѣвушки — это классическій признакъ — и увидѣла, что башмаки ея страшно убоги, изношены, съ побѣлѣвшими носками; затѣмъ она посмотрѣла на лицо, которое тѣнью, отбрасываемою полями шляпы, раздѣлялось попо амъ, очень блѣдное лицо, съ тяжелыми чертами, съ глубоко впавшими черными, блестящими глазами. Что больше всего поражало въ этой незнакомкѣ, еще совсѣмъ молодой — это выраженіе ея лица, трагическое и почти жестокое. Должно быть, бѣдняга слышала не мало отказовъ, прежде чѣмъ прійти сюда. Чувствовалось при видѣ этого лица, не пытавшагося казаться пріятнымъ, что на душѣ у нея мракъ смерти, и что для этой, пришедшей съ улицы, женщины, озлобленной и почти высокомѣрной, за отвѣтомъ кроется страшная проблема. Одной рукой она держалась за ручку двери, готовясь уйти.

Дѣвушки съ минуту разсматривали другъ друга. Лицо Генріетты приняло выраженіе участія:

— Вы хотѣли видѣть m-me Клемансъ? Она не можетъ съ вами говорить сейчасъ.

— Работы, вѣдь, у васъ нѣтъ,—правда?—спросила глухо незнакомка.

— Не думаю. Сезонъ, видите ли, кончается...

Дѣвушка тѣмъ же беззвучнымъ, заглушеннымъ голосомъ сказала:

— Ну, ладно.

Повернулась и стала быстро-быстро сходить по лѣстницѣ. Она торопилась. Шумъ ея шаговъ по ковру, затѣмъ по ступенькамъ ослабѣвалъ. Она исчезла. Генріетта осталась стоять на томъ же мѣстѣ. Она вспоминала жесткость взгляда дѣвушки, она вслушивалась въ звукъ этого голоса, въ которомъ не было души, потому что душа была слишкомъ печальна для того, чтобы показаться. Жалость сразу нахлынула на нее и быстро погнала ее внизъ по лѣстницѣ. На подъѣздѣ, при выходѣ на улицу, она чуть не сшибла съ ногъ незнакомку, та повернула голову, взглянула черезъ плечо и продолжала свой путь.

— Мадемуазель!

Дѣвушка остановилась, узнала Генріетту и робко сдѣлала шагъ назадъ къ большому бѣлому камню, стертому въ серединѣ, который служилъ порогомъ дома. Молча устремивъ свои черные глаза на Генріетту, она ждала, а та опустила глаза подъ ея взглядомъ, не зная, что сказать, и въ какую форму облечь охватившую ее жалость.

— Послушайте... это вѣрно, что сезонъ кончается, и что работы нѣтъ... Но можетъ быть, если поговорить съ мадамъ Клемансъ... Вы, должно быть, такъ несчастны!

Незнакомка выпрямилась и произнесла оскорбленнымъ тономъ:

— Вы ошибаетесь. Я вовсе не несчастна. Я прошу работы. Вотъ и все.

Генріетта испугалась, что обидѣла ее, и сказала мягко:

— Простите меня. Какъ васъ зовутъ?

— Мари Шварцъ.

— Вы умѣете работать?

— Если бы я умѣла хорошо, я бы нашла,—вы, вѣдь, понимаете.

— Могли ли бы вы работать заготовщицей?

— Не училась. Я только что изъ Парижа. Я была манекеншей у портного. Видите...

И она распахнула манто, изъ-подъ котораго показался тонкій силуетъ ея стройной фигуры.

— О, если вы ничего не умѣете, тогда...

Внезапная грусть омрачила лицо Генріетты. Нѣтъ никакой надежды, никакихъ шансовъ помочь этой несчастной. И она глядѣла на дѣвушку, глядѣла такъ, какъ смотрятъ на тѣхъ, кого больше не увидятъ, кто исчезнетъ въ ночи и кого хотѣлось бы удержать,—бродячія тѣни, въ которыхъ чуялось что-то родственное. Генріетта уже раскрыла губы, чтобы сказать «до свиданія», какъ вдругъ ее осѣнила одна мысль, и она даже покраснѣла отъ радости.

Она протянула руку и приподымая большую фетровую шляпу дѣвушки, спросила:

— У васъ большіе волосы?

Черная масса, безпорядочная и спутанная, но густая и буйная, полураспустившись, упала на плечо Мари.

— Да! я вижу. Чудные волосы. Если ихъ красиво причесать, вы бы могли поступить къ намъ для примѣрокъ.

Мари Шварцъ поблѣднѣла. Глаза ея стали мягче и какъ-будто удлинились. И слезы, и радость влажно заблестѣли въ зрачкахъ. Она слегка протянула руку:

— Мнѣ это такъ нужно!—сказала она.

Генріетта взяла ея руку, обтянутую старой черной перчаткой, совершенно потрескавшейся по швамъ и въ пальцахъ, и сердечно пожала ее.

— Надо итти, а то достанется мнѣ. Я поговорю сегодня съ мадамъ Клемансъ. Заходите ко мнѣ завтра утромъ на Эрмитажную улицу на холмѣ Мизери,—знаете? Спросите m-elle Генріетту. Меня знаютъ тамъ хорошо. Всѣ меня знаютъ!

Мари такъ и осталась на порогѣ, всей душей слѣдя за Генріеттой, которая исчезла во мракѣ лѣстницы. За три дня странствій и поисковъ это было первое слово участія, первый лучъ надежды. И такъ это было неожиданно пріятно, что она не смѣла повѣрить и все слушала, не идутъ ли назадъ сказать ей: «Къ сожалѣнію, мѣста для васъ нѣтъ. Все занято. Сезонъ кончается».

Но никто не пришелъ.

Генріетта возвратилась въ мастерскую; въ тотъ моментъ, когда она проходила мимо комнатъ хозяйки, та, удивленная этимъ хожденіемъ взадъ и впередъ, пріоткрыла дверь и строго спросила:—Что тутъ такое?

Затѣмъ, узнавъ свою лучшую мастерицу, она повторила, но уже совсѣмъ другимъ тономъ:

— Что́ такое, m-elle Генріетта?

Мадамъ Клемансъ была чуткая и тактичная женщина, и эти свойства замѣняли ей образованіе. Она была совершенно сѣдая, хотя ей было только сорокъ лѣтъ, еще свѣжая, и одѣта она была всегда строго, въ черное шелковое платье. Эта простота, какъ и роскошь салоновъ, нравилась кліенткамъ: вѣдь, все здѣсь дѣлалось для нихъ. Пышные бандо волосъ мадамъ Клемансъ придавали ей видъ маркизы съ модной гравюрки, и это тоже нравилось дамамъ. Говорила она мало, отчетливымъ, яснымъ голосомъ. Но настоящей причиной удачи мадамъ Клемансъ былъ ея умъ, наблюдательность и нѣсколько презрительная увѣренность ея сужденій. Когда она произносила: «Это именно та шляпа, какая къ вамъ подходитъ, баронесса—*эта*, а не другая»,—воля баронессы слабѣла, и она отказывалась отъ своего выбора. У мадамъ Клемансъ былъ видъ эксперта по искусству, производящаго оцѣнку портрета. И, правда, она и сама несомнѣнно владѣла этимъ искусствомъ, хотя и второстепеннымъ, и у нея было умѣніе переплетать его съ тонкой лестью. И сердце у нея было доброе, но она какъ-будто забыла свое прежнее положеніе: она служила простой гарнировщицей, когда вышла замужъ за своего мужа, довольно состоятельнаго вояжера, который вѣчно былъ въ разъѣздахъ. Она часто бывала по-матерински ласкова съ мастерицами и умѣла найти вѣрный тонъ съ этими полу-барышнями, бѣдными, щепетильными и необычайно впечатлительными, у которыхъ капризъ—драгоцѣнный даръ. И она привѣтливо улыбнулась Генріеттѣ, которая, уже успѣвши принять свой обычный сдержанный видъ, доложила ей:

— Это была дѣвушка. Просила работы.

— Вы сказали, что нѣтъ?

— Я сказала, что сезонъ скоро оканчивается, что мало шансовъ...

— Да никакихъ, m-elle Генріетта.

— У нея такіе красивые волосы, мадамъ, изъ нея вышла бы очень изящная примѣряльщица.

— Но, вѣдь, вы знаете: я не хотѣла брать другой, на мѣсто m-elle Доротеи, когда она ушла послѣ конкурса на ипподромѣ.

— Всѣ шляпы были бы очаровательны на этой головкѣ.

Мадамъ Клемансъ разсмѣялась:

— Вся бѣда въ томъ, что нѣтъ больше шляпъ для того, чтобы примѣрять. Вотъ мѣсяца черезъ четыре-пять, тогда другое дѣло...

— Ну, за это время она успѣетъ умереть съ голоду— уныло сказала Генріетта разглядывая кончики своихъ ботинокъ.

— Умретъ?

— Да. Она сидитъ безъ хлѣба, это ясно, потому что, я видѣла, сапоги у нея совсѣмъ развалились. Я не знаю ее, видѣла я ее нѣсколько минутъ, но она изъ тѣхъ, которыя кончаютъ съ собой, если нѣтъ спасенія. За это я ручаюсь.

— Въ самомъ дѣлѣ, вы такъ думаете? Такъ она, должно быть, очень интересная, эта дѣвушка.

— Да, мадамъ, очень; я бы такъ была счастлива, еслибы вы...

— Что же?

— Просто взяли ее на пробу, на двѣ или на три недѣли.

Хозяйка подумала съ минуту. Вѣроятно, она была въ очень хорошемъ настроеніи, потому что отвѣтила,

— Ахъ вы, маленькая волшебница. Я уже замѣтила, что у васъ есть свои бѣдные. Какъ зовутъ ваше протеже?

— Мари Шварцъ.

— Ну, ладно. Пусть будетъ m-elle Мари. Она мнѣ не нужна, но я беру ее, чтобы доставить вамъ удовольствіе. Приведите ее въ понедѣльникъ.

Въ умѣ у нея складывался конецъ фразы, который она однако не произнесла: «Такую мастерицу, какъ ты, мнѣ хочется привязать покрѣпче, вѣдь, ты у меня скоро будешь «старшей».

Генріетта подняла на m-me Клемансъ глаза. Когда она улыбалась, они становились голубыми.

— О! спасибо!—сказала она съ волненіемъ.—Я такъ рада. Обойдется какъ нибудь. Я посажу ее возлѣ себя за работой и буду ее учить.

Она поклонилась и ушла въ мастерскую. Мастерицы почти всѣ стояли, толпясь у стѣнного шкафа, отыскивая въ немъ кто накидку, кто зонтикъ или шляпу, а двѣ или три еще у лампы торопливо дѣлали послѣдніе стежки.

Нѣсколько минутъ спустя онѣ стали всѣ по очереди дефилировать передъ бюро кассирши. При мигающемъ свѣтѣ газовыхъ рожковъ не видно было, какъ эти молодыя лица истомлены усталостью. Но имъ было восемнадцать, двадцать лѣтъ, и уже глаза ихъ горѣли отъ удовольствія. Свѣжимъ сквознымъ вѣтромъ несло съ лѣстницы. Слишкомъ рѣзкій переходъ произвелъ у нѣкоторыхъ изъ мастерицъ что-то вродѣ головокруженія. «Старшая», Августина, должна была на нѣсколько

секундъ прислониться къ периламъ. Ученица скакала со ступеньки на ступеньку. Ей не надо было подбирать юбку. Нѣсколько дѣвушекъ были уже на улицѣ. Онѣ поджидали другихъ, чтобы попрощаться. Онѣ привыкли говорить другъ другу два слова, которыя не показываютъ ни глубокой любви, ни утонченнаго воспитанія, а просто служили выраженіемъ ихъ единенія, общности въ работѣ: «До свиданія, m-elle Августина! До свиданія, Ирма! До свиданія, Матильда»! Онѣ пробормотали это и стали быстро удаляться. Четверо изъ нихъ направились въ сторону Бретонской площади. Другія, поднимавшіяся вверхъ по улицѣ, жили въ фабричномъ районѣ, или же, какъ Генріетта, на Эрмитажномъ холмѣ. И на углу, гдѣ улицы расходились, шедшая вмѣстѣ кучка мастерицъ разбилась и быстро разсѣялась въ легкой вечерней дымкѣ съ Луары. Короткое прощаніе, не останавливаясь,—и вотъ онѣ уже исчезли въ разныя стороны.

Дневныя заботы, заботы ремесла, ушли отъ нихъ. Усталость подгоняла ихъ къ дому, къ постели, и онѣ спѣшили. Генріетта Мадьо, очутившись на набережной въ порту, пошла по панели, возлѣ желѣзнодорожнаго пути, такъ какъ она боялась мужчинъ, выходящихъ изъ пивныхъ и трактировъ по другой сторонѣ.

Слѣва темнѣли мачты судовъ и мѣрно колыхались — послѣднее напоминаніе о волнахъ моря, умиравшаго здѣсь. Онѣ продолжали странствовать, эти красивыя мачты шкунъ и бриговъ. Генріетта, при видѣ ихъ, чувствовала себя уже дома. Ея улица, старинная Эрмитажная улица, начиналась вблизи портового вокзала и очень круто подымалась вверхъ. На ней былъ только одинъ рядъ домовъ до самой вершины холма. Теперь улица была пустынна, и мальчишки не висѣли на заборахъ и желѣзныхъ перилахъ. Около середины, въ томъ мѣстѣ, гдѣ улица немного заворачиваетъ, дома, стоявшіе подъ угломъ, блестѣли подъ луной. Особенно выдѣлялась узкая постройка, крайняя на заворотѣ, такъ стиснутая между сосѣдями, что она казалась выросшей въ высоту. Какая она была бѣлая въ этотъ вечеръ! Можно было подумать, что это домикъ начальника порта или старый маякъ изъ тѣхъ временъ, когда ихъ дѣлали четырехъугольными, или выбѣленная известкой церковная башня. Эта бѣлизна придавала дому такую красоту и молодость—тѣмъ болѣе, что у подножья его вытянулись тѣни акацій, посаженныхъ въ скалѣ, по другую сторону улицы. Генріетта улыбнулась, увидѣвъ все это. Она любила эти мѣста, съ тѣхъ поръ какъ жила здѣсь. Она вообще улыбалась предметамъ чаще, чѣмъ

людямъ. Она посмотрѣла наверхъ. Въ окнѣ ея комнаты не было свѣта. Но цвѣтущій олеандръ на балконѣ, подъ самой крышей, серебрился, какъ волшебный кустъ.

Генріетта остановилась на мгновеніе, прежде, чѣмъ войти. Воздухъ, необычайно мягкій, подталкиваемый восточнымъ вѣтромъ, наполнялъ благоуханіемъ и дымкой всю долину Луары. Онъ проходилъ ровнымъ дуновеніемъ, безшумно, не вздымая ряби на водѣ и не тревожа колыхающихся въ ней лунныхъ блестокъ. Доносился запахъ сѣна и скошенныхъ цвѣтовъ. «Какой великолѣпный завтра будетъ день»,—являлась мысль. Не было ни облачка. Съ другого берега медленно приближался красный огонекъ: это была рыбацкая лодка. Генріетта повернулась и вошла въ домъ.

IV.

Да, она любила это предмѣстье, эту улицу, этотъ домъ. Лучшія ея воспоминанія связывали ее съ ними. Раннее дѣтство она прожила въ Шантенэ, деревнѣ граничащей съ холмомъ Мизори. Она помнила дорогу, черную отъ угля, гдѣ сапоги всегда покрывались пылью, либо грязью, низенькій домикъ и свою мать, свѣтловолосую женщину съ очень добрымъ лицомъ, которая мало говорила и по цѣлымъ днямъ съ утра до вечера шила у окна грубыя холщевыя рубашки для матросовъ.

Страдальческій, полный тихаго смиренія образъ! Черты его, почти стертыя временемъ, она съ трудомъ возстановляла въ памяти. Генріетта не помнила ни одной прогулки по полю или въ лѣсу, ни одного праздника или воскресенія, когда родители за руку ведутъ дѣтей въ церковь; ей представлялся только путь изъ дома въ школу и назадъ, съ маленькой корзиночкой, почти пустой, гдѣ не было уже ни хлѣба, ни яблока, а лежалъ только клубочекъ шерсти для вязанія; онъ еще часто падалъ и разматывался. И ее не разъ удивляло потомъ, что она больше ничего не помнитъ. Мать умерла, когда она была еще маленькая. Генріетта часто думала: «Волосы и цвѣтъ лица у меня отъ нея; спокойный характеръ тоже. Я примиряюсь съ горемъ и тяжестью жизни и не раскрываю душу даже передъ тѣми, кого люблю. Въ двадцать лѣтъ мать была красива: всѣ это говорятъ. Я помню ее уже измученной и усталой. Яснѣе всего я вижу ея улыбку, которая какъ-будто говорила: «до свиданія»!

Генріетта рѣдко вспоминала объ отцѣ, умершемъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ матери и упрекала сама себя за эту «неблагодарность». Но его она еще меньше знала и помнила.

Просперъ Мадьо принадлежалъ къ весьма многочисленной категоріи людей, неспособныхъ ни къ какой тонкой, квалифицированной работѣ.

Онъ былъ землекопъ, работалъ поденно или помѣсячно и былъ простой человѣкъ, съ грубымъ голосомъ и какъ-будто дремлющимъ умомъ. Онъ былъ неподходящей парой для нѣжной и задумчивой женщины, которая подчинялась ему всегда съ такой глубокой и страдальческой покорностью, что дѣти, когда подросли, страдали сами при воспоминаніи о такомъ униженіи. Отецъ являлся вечеромъ съ работы, требовалъ поѣсть, а поѣвши, уходилъ въ трактиръ, гдѣ онъ мало пилъ, а больше курилъ и смотрѣлъ на карточную игру. Утромъ онъ уходилъ на работу, когда дѣвочка была еще въ постели.

Свобода, веселье, жизнь начинались для Генріетты съ того зимняго вечера, когда она, десятилѣтней дѣвочкой, усталая отъ слезъ, но уже утѣшенная перемѣной мѣста и лицъ, шла изъ дома въ Шантенэ вмѣстѣ съ дядюшкой Элоа. Онъ велъ за руку ея брата, блѣднаго мальчика семи лѣтъ, Генріетта шла съ другой стороны, и когда она взглядывала вверхъ, то видѣла высоко надъ собой, среди звѣздъ, большіе сѣдые усы дяди. Куда онъ ведетъ ихъ, дѣти не знали. Мать ихъ умерла, отецъ умеръ, и изъ родныхъ у нихъ оставался только этотъ дядя. Они шли съ нимъ довѣрчиво, потому что онъ сказалъ: — «Идемте со мною, малыши! Лучше будетъ, чѣмъ ночевать тутъ». Генріетта была укутана въ бѣлый шерстяной платокъ, который покрывалъ всю ея голову, какъ капоръ; Антуанъ терялся въ слишкомъ длинномъ и широкомъ дождевикѣ, купленномъ «по случаю». Съ Луары дулъ вѣтеръ, и морозный туманъ покрылъ инеемъ усы стараго дяди, придорожные кусты. А онъ говорилъ:—«У меня есть только одна кровать для васъ обоихъ, но завтра будутъ двѣ». Прохожіе, какъ черныя тѣни, проскальзывали въ туманѣ мимо этого старика съ двумя дѣтьми. Чтобы развеселить сиротъ, онъ говорилъ имъ:—«Вотъ увидите у меня на стѣнкахъ красивыя картины: императоръ, маршалъ Бюжо, затѣмъ взятіе Алжира... Только вы ужъ, ребята, ихъ не трогайте: картины я берегу, какъ и свой аттестатъ... Потомъ есть еще раковина: приложишь ухо, а тамъ шумитъ море, шумитъ». И дѣти съ нѣкоторымъ восхищеніемъ смотрѣли на шагавшаго такъ быстро дядю Мадьо,

высокаго, грудью впередъ и съ усами, точно высѣченными изъ камня на бритыхъ щекахъ. Въ порту все засыпало, а ихъ судьба вела къ новой, незнакомой жизни. Дѣти улыбались, не думая ни о чемъ, а иногда у нихъ прорывались прежнія всхлипыванія. Вотъ уже видны въ воздухѣ Эрмитажные холмы; какая-то свѣтлая стѣна, выше мачтъ и парусовъ, возвышалась на самой подошвѣ холма и какъ-будто глядѣла въ пропасть. Дядя сказалъ:

— «Вотъ и гнѣздо наше»!

Дѣти почуяли, что скоро конецъ ходьбѣ подъ холоднымъ вѣтромъ, мягкая постель, можноспать, спать! И они проворнѣе заработали плохо обутыми ножками, безпрерывно натыкаясь на кусочки угля и давя ихъ подъ собой. Здѣсь, въ «гнѣздѣ», и выросла Генріетта. Дядя ее баловалъ, всѣ сосѣди знали и любили, и она такъ сжилась съ мѣстомъ и людьми, что часто ей казалось, что она и родилась здѣсь. Это былъ цѣлый міръ, довольно большой и невѣроятно заселенный—съ одной стороны его границей была Эрмитажная улица, съ другой—переулокъ. Первая, довольно правильная, линія домовъ, скрывала за собой второй рядъ застроенныхъ дворовъ, лачугъ, лѣпившихся по откосамъ холмовъ, съ крохотными жалкими садиками и заборами—тамъ всегда пахло стиркой и мыломъ. Немало было стариковъ, а дѣтворой такъ и кишѣло. Здѣсь было свое коренное, аристократическое населеніе, занимавшее эти мѣста въ теченіе полувѣка, если не болѣе, и пришлый бродячій элементъ, который по волѣ кредиторовъ переходилъ съ мѣста на мѣсто: среди городской бѣдноты это самый убогій людъ, у котораго нѣтъ друзей, нѣтъ времени плакать, о томъ что ихъ нѣтъ. Генріетта рано выбралась изъ этой категоріи, и, какъ ни бѣдна она была, все же кругомъ было много безконечно бѣднѣе ея. Это помогало ей чувствовать себя сравнительно счастливой.

Какая школа—это сосѣдство, и какое состраданіе оно неизгладимо зароняетъ въ душу! Дѣвочка видѣла вокругъ столько страданія, и ея сердце, доброе отъ природы, раскрылось для жалости. Она еще многаго не понимала, но у нея уже была та мягкая улыбка, которая ласкаетъ даже издали. Когда она выходила изъ дома, отправляясь въ школу, длинная, выросшая изъ своего короткаго платья, мальчишки замѣчали ея материнскій взглядъ, говорили: «здравствуйте, m-elle Мадьо!» Она не останавливалась, не разговаривала съ ними, но они видѣли ее и были довольны этимъ. Старики—то же.

Дядюшка Мадьо захотѣлъ, чтобы Генріетта прошла еще

четырехлѣтній курсъ въ школѣ «сестеръ», а мальчикъ ходилъ въ мѣстную, городскую. Старый солдатъ говорилъ племянницѣ: «Ходи въ школу, дѣвочка, и набирайся ума-разума. Для иглы еще будетъ время». Онъ, бывшій солдатъ, проведшій почти треть своей жизни въ казармѣ, наслышавшійся мужскихъ разговоровъ, легкихъ исторій, подлостей и глупостей, зналъ, что такую впечатлительную дѣвочку, какъ Генріетта, не слѣдуетъ слишкомъ рано отдавать въ испорченную атмосферу мастерской. Благодаря ему, Генріетта провела не безъ охраны этотъ періодъ отъ десяти до четырнадцати лѣтъ, когда пробуждается умъ и складываются принципы, хотя характеръ уже сложился. Она осталась очень наивной, смѣшливой, но по существу серьезной, а умъ ея былъ развитъ настолько, насколько это вообще можно было для дѣвушки ея среды. «Дѣвочка любитъ читать»,—говорила старшая «сестра» дядѣ, справлявшемуся объ успѣхахъ племянницы.—Вообще, она любознательна». И скромныя сестры научили Генріетту тому немногому, что знали сами изъ ариѳметики, географіи, исторіи, а также хорошо шить, штопать и даже вышивать.

По мѣрѣ того, какъ Генріетта подростала, въ ней росла и развивалась таинственная сила; точно вторая душа ея сказывалась во всемъ: въ улыбкѣ, во взглядѣ, въ движеніяхъ рукъ. Она была той, которая кротка, но которой боятся; той, которая не знаетъ грѣха, но угадываетъ его сѣти, той, которая умираетъ отъ мысли, сладострастно волнующей весь міръ, и уходитъ на вѣкъ, съ печатью Бога. Да, у Генріетты было это очарованіе невинности, которымъ не всѣ дѣвочки въ школѣ обладаютъ. Оттого уличные мальчишки называли ее «мадмуазель», хотя она и была бѣдна, какъ другія; оттого, когда она поднимала на дядю свои блѣдные глаза и говорила: «я хорошо отвѣчала сегодня урокъ», онъ думалъ про себя: «Надо беречь ее хорошенько».

Дядя принималъ свирѣпый видъ, когда иногда, гуляя съ Генріеттой, замѣчалъ, что какой-нибудь парень, матросъ или другой прохожій преслѣдуетъ ее взглядами. Вечеромъ онъ всегда торопливо бѣжалъ домой съ фабрики Лемарье, чтобы поскорѣе увидать дѣвочку и никогда не ходилъ никуда съ друзьями. Иногда онъ читалъ Генріеттѣ маленькую проповѣдь, въ военномъ духѣ: короткую и загадочную.

— Ты—моя гордость,—говорилъ онъ,—а гордость, Генріетта, это вродѣ ружейнаго залпа. Надо, чтобы было ровно, безъ сучка, безъ задоринки!

Но слова—это, конечно, пустое, а онъ дѣлалъ самое главное, чтобы уберечь племянницу: онъ любилъ ее.

Въ этомъ отношеніи Мадьо, дѣйствительно, былъ безупреченъ. Ради Генріетты онъ почти совершенно пересталъ пить; онъ сталъ откладывать копейку; онъ порвалъ со многими старыми пріятелями, которые были бы непріятны дѣвочкѣ, онъ даже снизошелъ до такой слабости, что подучился немножко стряпать. Впрочемъ, это было почти необходимо. Генріетта кончила школу и поступила въ ученіе къ модисткѣ. Она сильно вытянулась для своихъ лѣтъ и бывала такая измученная, когда къ восьми часамъ вечера возвращалась изъ мастерской. А онъ бывалъ свободенъ съ половины седьмого! И онъ подумалъ: «Если я не мѣшкая, буду уходить съ фабрики и даже, скажемъ, провожу товарища, всетаки я буду дома раньше дѣвочки на три четверти часа.

Что, если бы сварить ей ужинъ? Развѣ это не пріятнѣе, чѣмъ ѣсть каждый врозь, въ сухомятку? Годы у нея такіе, что не грѣшно и позаботиться о ней немножко».

И онъ заботился. Онъ взялъ нѣсколько уроковъ у старухи, сосѣдки изъ перваго этажа, которая служила раньше кухаркой въ богатомъ помѣщичьемъ домѣ. Да и онъ въ полку кое-чему обучился. И теперь, каждый вечеръ, возвращаясь домой, къ дядѣ, Генріетта находила столъ накрытымъ, въ печкѣ двѣ кастрюльки, а дядюшка встрѣчалъ ее всегда словами:

— Какъ ты поздно сегодня, дитя мое!

Сначала Мадьо такъ же заботливо ухаживалъ за Антуаномъ, какъ и за Генріэттой. Онъ старался не дѣлать различія между братомъ и сестрой. Но у Антуана была такая странная натура, такъ мало привязчивости, столько непостоянства! Онъ былъ очень умный и ловкій мальчикъ, но до того самолюбивый, что не могъ стерпѣть ни одного замѣчанія, ни одного выговора. Въ первые годы онъ признавалъ авторитетъ дяди Мадьо, но въ томъ возрастѣ, когда дѣти обыкновенно начинаютъ понимать причины своей зависимости, у него подчиненіе оставалось чисто внѣшнимъ, физическимъ. Невозможно было завоевать довѣріе этого пронырливаго подростка, который въ околоткѣ зналъ всѣхъ и вся. Его гордостью было — избѣгать чьего бы то ни было вліянія.

Антуанъ тоже съ раннихъ лѣтъ сталъ работать на фабрикѣ Лемарье. Затѣмъ, въ пятнадцать лѣтъ, онъ вдругъ бросилъ фабрику, бросилъ домъ дяди на Эрмитажной улицѣ, нанялъ себѣ мансарду въ городѣ и поступилъ въ ученіе къ механику.

Съ тѣхъ поръ отношенія между нимъ, Генріеттой и старымъ Мадьо почти прекратились. Онъ не только жилъ отдѣльно отъ нихъ, но даже никогда не заходилъ къ нимъ. Встрѣтится иногда на улицѣ, поговоритъ нѣсколько минутъ, скажетъ, что некогда, и уйдетъ.

Этотъ непонятный отъѣздъ и глухая враждебность брата, которую не могли побѣдить ни просьбы Генріэтты, ни ея нѣжные упреки, тяжело удручали сердце молодой дѣвушки. Къ счастью, она не знала причины внезапной перемѣны, а между тѣмъ причиной была она сама.

Однажды въ кабачкѣ за стаканомъ вина Антуанъ узналъ отъ одного рабочаго, который въ хмелю много говорилъ, исторію своей семьи. Дѣло было давнее, случилось двадцать лѣтъ назадъ и похоже было на множество другихъ исторій, вносящихъ раздоры и несчастье въ бѣдныя семьи.

Мать была тогда хорошенькая блондинка, свѣжая, розовенькая дѣвушка, и пріѣхала изъ Кемперле, гдѣ народъ ужъ очень легкомысленный, со своей матерью на заработки въ большой городъ Нантъ. Былъ конецъ весны, и она скоро нашла себѣ работу среди четырехсотъ женщинъ, нанятыхъ для лущенія горошка на фабрику консервовъ Лемарье. Тутъ былъ всякій сбродъ, и всѣ не стѣсняясь смѣялись надъ легкимъ нравомъ патрона, который часто заходилъ въ ихъ отдѣленіе — довольно молодой, красивый мужчина и такой богатый! Называли тѣхъ, кто перебывалъ у него въ любовницахъ: это были самыя красивыя. И Жакелинѣ Мелье было лестно, когда пришелъ ея чередъ.

Не трудна была побѣда надъ лущильщицей гороха, пріѣзжей дѣвушкой, бѣдной и немножко кокетливой. Хозяинъ взялъ ее, какъ онъ бралъ другихъ, нѣсколькими комплиментами, брошками накладного золота и маленькими денежными подарками.

Но интрижка почти сейчасъ перешла въ бѣду. Черезъ нѣсколько недѣль уже Жакелина замѣтила, что она беременна. Значитъ, все откроется, ее ждетъ безчестіе, позоръ. Она бросилась къ своему обольстителю, упала передъ нимъ на колѣни и стала умолять спасти ее. Онъ далъ двѣ тысячи франковъ; и нашелся такой бѣднякъ, бродячій рабочій, попавшій въ Нантъ въ поискахъ хлѣба, который за эти деньги согласился жениться на Жакелинѣ. Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ свадьбы родился ребенокъ: это была Генріэтта Мадьо.

Мать никогда не простила себѣ своего грѣха. Онъ подтачивалъ ея силы понемножку; терзалъ ее самый видъ этой

крошки, которая подростала и которую она обожала. Ни одна самая сложная и утонченно развитая душа не могла бы мучить себя съ такимъ искусствомъ, какъ она это дѣлала. Въ продолженіе всѣхъ десяти лѣтъ она не знала другой мысли. Кроткая, терпѣливая, покорная женщина, цѣлый день шившая у окна, имѣла вѣчно передъ глазами живой укоръ своей совѣсти, видѣла только его.

Всю жизнь свою, всѣ силы она тратила на то, чтобы о ней забыли. Но она-то сама не могла забыть. Вскорѣ послѣ замужества она сказала брату мужа, Элоа Мадьо:

— Я васъ умоляю, останьтесь на фабрикѣ Лемарье. Если вы, старый честный солдатъ, останетесь тамъ, то сплетни улягутся. Обѣщайте мнѣ остаться! Чтобы дѣвочка не знала... и другія дѣти... если они будутъ.

Элоа обѣщалъ и остался на своемъ мѣстѣ упаковщика на фабрикѣ. Изъ желанія уничтожить подозрѣніе, онъ заставилъ даже Антуана работать тамъ же. И, можетъ быть, дѣйствительно благодаря суровости Мадьо, котораго боялись, позорные толки и пересуды скоро прекратились.

Теперь никто почти уже не помнилъ этой исторіи. Отецъ и мать умерли, старыхъ рабочихъ на фабрикѣ не было; дѣти выросли въ другомъ домѣ, у дяди, и Генріэтта принадлежала къ другой, высшей категоріи работницъ. Ей было около двадцати четырехъ лѣтъ; брату ея—двадцать одинъ.

Къ несчастью, Антуану стало извѣстно это печальное прошлое. Оно разожгло въ немъ яркую, пламенную ненависть, почти всеобъемляющую, прежде всего къ Генріеттѣ, за ея красоту, благородство манеръ и особенно за мѣсто, которое она заняла въ домѣ дяди Мадьо; онъ даже злился на то, что раньше, мальчикомъ, любилъ и цѣловалъ ее. Ему иногда случалось встрѣтиться съ ней на улицѣ. Чаще всего онъ насмѣшливо кланялся ей или же говорилъ, показывая на нее какому-нибудь пріятелю:—«Что, чѣмъ не принцесса? И подумать только, что мы росли вмѣстѣ!» Иногда, когда онъ бывалъ одинъ, то подходилъ къ ней и всегда требовалъ денегъ. Онъ хорошо зарабатывалъ, но деньги у него не держались. Онъ пропускалъ все съ товарищами и съ дѣвушками на гуляньяхъ и вечерахъ. И когда приходилось туго, онъ, не стыдясь, обращался къ Генріеттѣ, разсуждая такъ:—«Она у меня въ долгу; вѣдь, она взяла то, что ей, собственно, не принадлежало». И сестра не отказывала ему; она даже часто урѣзывала себя ради него, потому что надѣялась такимъ путемъ приручить его опять къ дому.

Кромѣ того, Антуанъ сердился на дядю Элоа. Онъ не могъ простить старику, что тотъ таялъ передъ Генріеттой, и что онъ заставилъ его работать у Лемарье. Между ними была невысказанная тайна, и каждый пряталъ ее про себя: свиданія ихъ были коротки и шаблонны, да и Элоа Мадьо не подозрѣвалъ даже, что Антуану все разсказали, и онъ не могъ рѣшиться на такую неосторожность, какъ допросить его. Антуанъ же, несмотря на всѣ свои недостатки и на ненависть ко всему живущему, остался вѣренъ своей несчастной матери: онъ предпочиталъ молчать, лишь бы не пятнать ея памяти. И онъ молчалъ, но злоба его направилась противъ патрона, его сына, его семьи, противъ всѣхъ хозяевъ вообще, которые, какъ ему казалось, всѣ покрываютъ проступокъ одного изъ нихъ. Резолюціи и возгласы, слышанныя на митингахъ, чтеніе и разговоры помогли этому. Антуанъ принадлежалъ къ арміи мятежа и ненависти; онъ былъ однимъ изъ тѣхъ неизвѣстныхъ, которые не имѣютъ опредѣленной роли. Какъ многіе другіе, толкнула его туда не какая-нибудь доктрина, не ученіе, а просто личное чувство, тайное и глубоко внѣдрившееся. Слова только упали на больное мѣсто, и еще больше раскрыли рану.

Всѣ его идеи были не что иное, какъ туманныя слова, за которыми скрывалась вполнѣ опредѣленная вражда.

Генріетта ни о чемъ не догадывалась. Она жила легко и благодушно. Любила свою работу, любила домъ и свою комнату, гдѣ было тихо, какъ въ часовнѣ. Вотъ и въ этотъ вечеръ, подымаясь по лѣстницѣ, она живѣе обыкновеннаго ощущала радость возвращенія домой, когда знаешь, какъ нехорошо на дворѣ. Сколько разъ она всходила и сходила по этимъ деревяннымъ ступенямъ, такимъ крутымъ и стоптаннымъ. Въ первомъ этажѣ соломенная цыновка у дверей, мѣдная ручка звонка: это квартира старухи Ложере. Еще этажъ—снова цыновка, и вмѣсто звонка заячья лапка на веревочкѣ. Она толкнула дверь и вошла. Громкій, сильный голосъ проговорилъ:

— Опять вечерняя работа! Уморить они тебя хотятъ, что ли?

Генріетта отвѣтила смѣясь:

— Да нѣтъ, дядюшка. Дочь маркизы дю-Мюэль выходитъ замужъ, такъ всѣ шляпы должны быть готовы къ свадьбѣ.

— Маркизы! ну да. Чортъ ихъ дери!

Элоа Мадьо часто повторялъ слова своихъ собесѣдниковъ. Эта была старая привычка и ничего она не значила. Но сейчасъ, пока Генріетта быстро поцѣловала его и прошла въ со-

сѣднюю комнату—свою хорошенькую комнатку—положить свой зонтикъ, шляпу и перчатки, онъ имѣлъ заднюю мысль. Повторивъ слово «маркизы», онъ хотѣлъ сказать:

— «Для меня есть только одна маркиза. Это ты—дѣвушка, которую я воспиталъ. Ты лучше ихъ всѣхъ по граціи, по добротѣ. Я радъ, что вижу тебя опять!» И его глаза были прикованы къ двери, за которой находилась Генріетта.

На каминѣ горѣла очень высокая керосиновая лампа, рѣзко освѣщая стулъ, на которомъ сидѣлъ Мадьо, и столъ съ приборомъ Генріетты.

У Мадьо было кирпично-красное лицо, бѣлая щетина, большой мясистый носъ, и эта яркая окраска выступала кое-гдѣ точно мазки кисти живописца. Мадьо былъ похожъ на стараго пастуха, съ огрубѣвшей обвѣтренной кожей. Еще будучи въ полку, онъ имѣлъ видъ пассивный и усталый: онъ былъ изъ тѣхъ, которые всегда повинуются. Мысль его просыпалась медленно. Но иногда, изъ-за какого-нибудь слова, глаза его увлажнялись и ясно было, что у этого мало-развитого человѣка чуткая и благородная душа.

Въ этотъ моментъ его взволновалъ приходъ Генріетты. Онъ не всталъ, какъ обыкновенно, ей навстрѣчу изъ-за своей больной лѣвой руки, которую едва не раздавила цѣлая куча свалившихся ящиковъ. Онъ держалъ руку на перевязи. Какъ медленно тянулся этотъ день, проведенный наединѣ, но достаточно было племянницѣ войти въ комнату, чтобы онъ уже забылъ о немъ. Онъ сидѣлъ, прислушиваясь къ звуку ея шаговъ въ сосѣдней комнатѣ, къ звону булавки, брошенной на хрустальный стаканчикъ, къ шуршанію шелковой подкладки по спинкѣ стула.

— Какъ вы себя чувствуете сегодня вечеромъ, дядя?

— Да лучше, дѣвочка, потому что ты пришла!

Кончено одиночество.

За линіей ярко и весело освѣщеннаго лампой четырехъугольника, сѣрѣла комната, почти пустая; направо стояла деревянная кровать съ красными занавѣсками, висѣло на стѣнкѣ нѣсколько литографій: одна изображала Наполеона I, Наполеона III и принца наслѣдника вмѣстѣ, окруженныхъ лавровымъ вѣнкомъ, другая представляла маршала Бюжо, на третьей клубы дыма окутывали суда, бомбардировавшіе городъ. Это было взятіе Алжира. Дальше, въ рамкѣ висѣла аттестація военной службы Мадьо. Четырнадцать лѣтъ безпорочнаго поведенія, не былъ ни разу на замѣчаніи. Свѣтъ незамѣтно распространялся по стѣнамъ. А въ самомъ концѣ раскрывался темно-синій че-

тырехугольникъ, съ блѣдно-золотыми точками: это было окно и глядѣвшее въ него вечернее небо.

Вошла Генріетта. Привычнымъ движеніемъ пальцевъ она оправляла золотистые завитки волосъ, разметавшіеся отъ быстрой ходьбы. Страненъ былъ контрастъ этого кокетливаго движенія съ простотой комнаты и суровымъ лицомъ отставного солдата.

— Я видѣлъ Антуана,—сказалъ дядя Мадьо.

— А-а! Онъ былъ здѣсь?

— Нѣтъ. Но я встрѣтилъ его въ порту. Ходилъ немножко провѣтриться.

— Ну, что же онъ вамъ сказалъ?

— Онъ сказалъ, что видѣлся съ сыномъ Лемарье; что надо опять сходить просить о пенсіи. Что надо, молъ, непремѣнно пойти на той недѣлѣ.

— А я бы на вашемъ мѣстѣ бросила и думать объ этой пенсіи, въ которой вамъ отказываютъ! Развѣ намъ худо и такъ? Если вы не сможете работать, то я буду работать за двоихъ.

— Конечно. Конечно, дѣвочка. Но онъ такой сердитый!

Мадьо умалчивалъ о томъ, что онъ просто боялся племянника. Онъ боялся разсердить этого сварливаго малаго, котораго въ душѣ не уважалъ.

Генріетта сѣла. Она знала напередъ всю эту исторію съ пенсіей. Но она крѣпко любила дядю Мадьо и теперь, опуская ложку въ супъ, она улыбнулась старику и спросила дѣлая даже видъ, что заинтересована:

— Ну, что ужъ, разсказывайте!

V.

День выдался чудесный. Свѣжій воздухъ такъ и кипѣлъ жизнью; казалось, она проникала съ каждымъ вдыханіемъ въ самую грудь, и всѣ тѣло радостно трепетало отъ соприкосновенія съ нею. Все, что имѣло крылья, вышло изъ гнѣзда, изъ ночного убѣжища. На берегу перекликались грузчики и матросы, и голосовъ слышно было больше, чѣмъ всегда. Въ окно Генріетты врывались волны свѣжаго, ароматнаго воздуха, взрывы смѣха, обрывки разговоровъ, крики стрижей, охотящихся за добычей, и все это говорило ей: «Выходи и ты!». Она слышала это, и была готова къ выходу въ шляпѣ съ двумя бѣлыми крыльями, которая ей такъ шла, и съ зонтикомъ въ рукѣ. Дядя

съ утра ушелъ походить немного въ порту, что у него по воскресеніямъ обыкновенно продолжалось цѣлый день. Генріетта поджидала кого-то, прохаживалась изъ комнаты въ комнату, съ нетерпѣніемъ выглядывала въ окно и думала: «Какое солнце! какъ жалко потерять это утро!».

Куда итти? Планъ дѣйствій былъ готовъ у нея давно. Она пойдетъ къ Лутрелямъ, на берегъ Луары. Она обѣщала прійти мадамъ Лутрель, женѣ самаго искуснаго рыбака, какихъ только знали въ этихъ мѣстахъ. Какъ пріятна будетъ прогулка и возвращеніе домой въ мягкомъ свѣтѣ кроткаго, медленно гаснущаго дня!

Около половины десятаго Генріетта услыхала голосъ нижней жилицы, который говорилъ:

— Этажемъ выше! Потяните заячью лапку!

Звонокъ осторожно звякнулъ: такъ звонятъ бѣдные люди. Генріетта пошла отворить, и жалость, которую она испытывала вчера, сразу же прихлынула къ сердцу и замѣнила всѣ другія чувства. У Мари Шварцъ было то же безнадежное выраженіе лица, которое, очевидно, стало у ней привычнымъ и сурово сдвинутыя брови, глаза смотрѣли вопрошающе, какъ-будто ожидала новаго несчастья.

— Я пришла,—сказала она просто.—Конечно, мѣста мнѣ нѣтъ, правда?

Генріетта ввела ее въ комнату дяди, почти на середину, противъ окна. Она держала ее за руку и смотрѣла своими свѣтлыми глазами въ ея темные зрачки, которые не впускали свѣта.

— Не угадали. Мѣсто есть. Я добилась. Но трудно было!

Лицо Мари не измѣнило выраженія, и она спросила, тономъ голоднаго человѣка, которому обѣщаютъ хлѣба въ неопредѣленномъ времени:

— Когда оно будетъ?

— Завтра. Вы должны явиться со мною завтра, въ понедѣльникъ.

Тогда Генріетта почувствовала, что рука, такъ тяжело лежавшая съ ея рукѣ, вздрогнула, зашевелилась; въ мрачной глубинѣ темныхъ зрачковъ заискрился огонекъ.

— Ахъ, m-elle Генріетта, спасибо! спасибо вамъ!

И Мари Шварцъ сдѣлала такое движеніе, какъ-будто она хотѣла обнять Генріетту. Но тотчасъ отступила назадъ, отдернула руку и, потрясенная слишкомъ сильнымъ волненіемъ, медленно опустила, вѣки, какъ-будто ей стало дурно. Генріетту поразила ве-

личина этихъ закрытыхъ глазъ и мягкость, которую сразу приняло лицо, когда глаза перестали сверкать своимъ мрачнымъ блескомъ. И Генріеттѣ почудилось, что она видитъ эту бѣдную дѣвушку мертвой или высѣченной изъ бѣлаго камня. Но тотчасъ же она отогнала отъ себя это видѣніе и весело проговорила:

— Что же это? я вамъ сообщаю пріятное извѣстіе, а вы плачете!

— Нѣтъ, я не плачу. Вотъ смотрите.

Мари попыталась улыбнуться, и отъ этого усилія у нея выкатились изъ глазъ двѣ слезы.

— Вы ужасно нервны!—сказала Генріетта.

Она придвинула два стула, заставила сѣсть Мари, сѣла сама рядомъ съ ней и сказала:—Посмотрите, какой день сегодня! Когда хорошая погода, я быстро забываю свои огорченія.

— Оттого, что они у васъ не большія.

— Вы думаете? У каждаго они есть, и каждый находитъ ихъ большими. И они проходятъ, и снова возвращаются.

Яркій утренній свѣтъ все дальше подвигался на стѣнѣ направо.

Генріетта помолчала, вглядываясь въ эту бѣлизну и ища, что бы лучше сказать, и наконецъ проговорила, не мѣняя положенія:

— Вы, вѣроятно, много страдали, m-elle Мари?

— Да, много.

— Начало такъ трудно въ нашемъ дѣлѣ! Ваша мать жива?

— Да.

— Вы оставили ее въ Парижѣ? Отчего вы уѣхали одна? Это она вамъ обѣщала, что вы найдете здѣсь работу?

— О, нѣтъ!

— А кто же?

— Никто... Такъ... это была моя идея.

Мари замялась. Но такъ какъ красивая бѣлокурая модистка все глядѣла въ окно, на освѣщенную солнцемъ стѣнку, и имѣла видъ доброй старшей сестры, отъ которой ничего нельзя скрыть, то Мари рѣшилась говорить. Ея сдавленный до сихъ поръ, глухой голосъ зазвенѣлъ металлическими переливами сдержанной страсти:

— Да, я понимаю: вы бы хотѣли знать. Конечно: вамъ надо знать, откуда взялась дѣвушка, которую вы пристроили на мѣсто... Я вамъ скажу. Мать моя — консьержка. Обо мнѣ она никогда не заботилась—ей некогда. До пяти часовъ она работаетъ въ квартирахъ поденно. Видались мы только вечеромъ, ложась спать. Не думайте, что она скверная, нѣтъ! Она оставляла мнѣ почти всѣ деньги, которыя я зарабатывала. Это, вѣдь, мило, правда? Я могла

на это одѣваться и кормиться кое-какъ. Вотъ это пальто и платье, что на мнѣ, я ихъ купила прошлой весной изъ своихъ сбереженій. Она только сердилась на меня за то, что я неловка въ работѣ, а она ужъ сама такая искусница.

— А что же вы работали?

— Да всякое простое шитье; все то, что дѣлаютъ женщины, не знающія никакого ремесла. Сколько я сшила рабочихъ блузъ по сорока сантимовъ, и на каждую я тратила почти полъ-дня, мужскихъ рубахъ, за которыя мнѣ платили по двадцать пять сантимовъ при моихъ ниткахъ; сколько галуна я обшила жемчугомъ по три су за два метра. Испортила себѣ глаза и вѣчно сидѣла сгорбившись. Наконецъ, мнѣ удалось поступить манекеншей къ Нобле—по протекціи, конечно. Было хорошо. Но тутъ въ началѣ зимы мать заболѣла; мы влѣзли въ долги, въ большіе долги...

Голосъ зазвучалъ рѣзче:

— Когда мать выздоровѣла, мы не знали, какъ намъ устроиться. Она сказала мнѣ, что я достаточно взрослая и могу зарабатывать себѣ на жизнь сама, и что она не можетъ больше держать меня на квартирѣ. А жить какъ-нибудь надо... И вотъ... нѣтъ, не стоитъ больше говорить объ этомъ. Я просто не могла больше оставаться дома, вотъ и все. И я уѣхала.

Генріетта сидѣла молча. Ей знакома была эта исторія. Сколько разъ приходилось ей наблюдать и сочувствовать подобному же положенію! Снова нужда, крайняя нужда пришла къ ней за помощью. Глаза ея, устремленные на окно, немного сощурились, при видѣ этого горя. Затѣмъ они широко раскрылись, стали нѣжными и ласкающими и обратились на дѣвушку, которая уже чувствовала себя любимой.

— Вамъ сегодня нечего дѣлать, m-elle Мари?

— Нѣтъ, нечего.

— Тогда пойдемте со мною. Я иду къ друзьямъ моимъ, рыбакамъ съ Луары, Лутрель. Я скажу имъ, что вы изъ мастерской m me Клемансъ. Это раскрываетъ всѣ двери. Они такіе славные люди! Что? Вы не хотите?

Мари мысленно сравнивала свое потертое черное пальто и прошлогоднюю шляпу, похожую на старое птичье гнѣздо, съ красивой шляпой Генріетты съ двумя бѣлоснѣжными крыльями и съ ея свѣжимъ, изящнымъ сѣрымъ платьемъ.

— Куда же мнѣ итти въ такомъ видѣ?

Генріетта звонко разсмѣялась.

— А! такъ вы кокетка? Вотъ что васъ удерживаетъ? Погодите же!

И она быстро убѣжала въ свою комнату. Вскорѣ она вернулась, неся на рукѣ короткую мантилью изъ бежеваго сукна, кружевное жабо и черное перо.

— Вотъ увидите, какъ я васъ красиво принаряжу!

И Генріетта осторожно, кончиками своихъ ловкихъ пальцевъ, разстегнула пальто своей новой пріятельницы, накинула ей мантилью на плечи, приколола жабо, затѣмъ машинально расправила поля ея старой шляпы, которая какъ будто вспомнила свою забытую форму, и наконецъ приколола перо булавкой къ несвѣжему шу, такъ что получился эгретъ. Послѣ всего этого она отступила немножко назадъ, чтобы судить о своемъ произведеніи, и сказала:

— Прелестно!

Лицо Мари прояснилось. Въ ней снова проснулся женскій, дѣвичій инстинктъ. Она дотронулась, какъ бы лаская, до мягкаго сукна, широкими складками, падавшаго вокругъ нея, нахмуренныя брови ея разгладились, и полныя алыя губы раскрылись въ улыбкѣ.

— Теперь я пойду съ вами,—сказала она.

Онѣ сошли внизъ. Дверь со стукомъ закрылась за ними, и онѣ смѣшались съ толпой, полу-городской, полу-деревенской, которая наполняла улицу.

VI.

Онѣ шли рядомъ, въ ногу—одна высокая блондинка, другая брюнетка средняго роста. Онѣ высоко держали головы и говорили короткими фразами, безъ жестовъ. Поглядѣть со стороны, казалось, что это двѣ сестры, привыкшія гулять вмѣстѣ и знающія, куда онѣ идутъ, чинно и легко. Мимо катили одинъ за другимъ вагоны трамвая, переполненные мелкой публикой, спѣшащей за городъ; суда, наоборотъ, были пусты и тихо качались на водѣ; на лѣстницахъ и канатахъ развѣшаны были для просушки рубахи и другое бѣлье матросовъ. Было воскресеніе. Генріетта и Мари шли вдоль полотна желѣзной дороги, по набережной Нанта между рѣкой и безконечнымъ рядомъ портовыхъ кабачковъ, корабельныхъ и рыболовныхъ лавокъ, выстроившихся въ виду Луары.

— Какая желтая вода, m-elle Генріетта. Поглядите, какъ она бѣжитъ!

— Вода сильно прибыла. Это видно сразу. Какъ-бы сѣнокоса не испортила!

— Такъ теперь косятъ?

— Ну да. И я думаю, будутъ работать и сегодня, такъ какъ боятся, что вода зальетъ вонъ тѣ нижніе луга.

Дѣвушки миновали биржу. Генріетта нѣсколько разъ кланялась—все знакомымъ, какъ и онѣ, вырвавшимся на свободу модисткамъ или портнихамъ. Одна изъ нихъ шла подъ руку съ молодымъ человѣкомъ. Они смѣялись, любовно глядя другъ на друга. Это была молодая, недавняя любовь. Они перешли черезъ мостъ. Мари долго слѣдила за ними своими мрачно-горящими, темными глазами.

Когда онѣ подходили къ углу набережной, порывъ вѣтра поднялъ ихъ шляпы.

— Какое удовольствіе чувствовать вѣтеръ,—сказала Генріетта.

Мари вколола шпильку въ свои густые, всегда растрепанные волосы и сказала:

— По моему это неудобно: треплетъ прическу.

Съ Луары уже несся крѣпкій запахъ ила и тополевыхъ листьевъ. Онъ налеталъ свѣжими порывами, словно въ поискахъ за парусами или мельничными крыльями и, не найдя ихъ, кружился надъ землей, точно пчела надъ клеверомъ. День обѣщалъ быть очень жаркимъ. Генріетта и Мари пошли по каналу и, обогнувъ его, очутились на берегу настоящей Луары. Здѣсь она уже не была стѣснена домами, не была изрѣзана островками, а текла широкимъ медленнымъ потокомъ, среди двухъ луговъ, усѣянныхъ низкорослыми деревьями. Къ востоку, на краю горизонта, эти деревья были такъ удачно расположены и поставлены въ переспективѣ, что казалось, точно рѣка выходитъ изъ синяго лѣса; затѣмъ они рѣдѣли и виднѣлись надъ травой пышными букетами, насквозь пронизанными свѣтомъ. Рѣка спадала къ серединѣ, а затѣмъ шли, все расширяясь желтыя, точно муаровыя, полосы ея водъ. Залиты были пески береговъ. Готовая къ покосу трава склонилась подъ напоромъ воды. На противоположномъ берегу бѣлѣла, почти скрытая парусомъ, только одна лодка для катанья.

Генріетта представляла себѣ раньше, что она, придя сюда, скажетъ: «Взгляните какая красота! А домикъ Лутрелей это еще дальше, вонъ тамъ»! Но взглянувъ на Мари, она увидѣла что та блѣдна, что мысли ея приняли другое направленіе, и она почувствовала непобѣдимое влеченіе утѣшить эту страдающую душу.

Онѣ шли вдоль сѣнокоса, по бичевой дорожкѣ: она—впереди, Мари—сзади.

— Дайте мнѣ руку, m-elle Мари. Вы устали?

— Да. Воздухъ меня опьяняетъ. Я вообще сильная—право, очень сильная, но у меня часто голова кружится.

— Оттого что круто жилось вамъ, бѣдняжка. Увидите, какъ поправитесь здѣсь, въ Нантѣ. Вотъ когда будетъ у васъ своя комната, по своему устроенная—какъ это пріятно и удобно.

— Да, это хорошо должно быть... имѣть комнату, обставленную по своему вкусу. Я бы хотѣла имѣть голубую.

— Ну, вотъ и отлично!—сказала Генріетта.—Когда у васъ соберется немножко денегъ, я сведу васъ къ одной женщинѣ, которую я знаю: она покупаетъ и продаетъ матеріи удивительно дешево.

— Мнѣ бы лучше новую матерію,—сказала Мари, улыбаясь этой мысли.—Пусть бы она была проще, лишь бы новая.

— Такъ у васъ тотъ же вкусъ, что и у меня? Я люблю все новенькое, бѣлое-пребѣлое. Если бы я была богата, у меня было бы самое чудное бѣлье.

— А у меня драгоцѣнности. Когда я прохожу возлѣ магазиновъ, гдѣ выставлены ожерелья и кольца, я чувствую, что меня останавливаетъ какая-то рука. А между тѣмъ никогда мнѣ не быть богатой!

— Какъ знать? А если замужъ выйдете?

Громко прозвучалъ смѣхъ и унесенъ былъ вѣтромъ. Лицо Мари было обращено къ рѣкѣ. Солнце золотило ея блѣдныя щеки; зубы блестѣли, въ глазахъ сверкали искорки. Она была прекрасна въ этотъ моментъ, эта дѣвушка съ крупными чертами лица, прекрасна особой красотой страсти и темперамента. Генріеттѣ былъ знакомъ этотъ дерзкій смѣхъ—она не разъ слыхала его въ мастерской—и она испугалась. Она знала, что въ немъ скрыта опасность. Впрочемъ, все это продолжалось только одно короткое мгновеніе. Глаза Мари потухли, голова склонилась, и мрачно она проговорила:

— Такія дѣвушки, какъ я, m-elle Генріетта, вѣнчаются съ горемъ, и этотъ бракъ крѣпокъ.

У нея снова былъ тотъ же трагическій видъ, что и наканунѣ, видъ покинутой дѣвушки, подавленной нуждой.

Нѣкоторое время онѣ шли молча. Генріетта знала, что есть такія раны, которыхъ нельзя касаться даже съ цѣлью лѣченія. И она сказала просто:

— Смотрите: маргаритки! Сколько ихъ тутъ на лугахъ!

И правда: кругомъ раскинулся цвѣтущій коверъ: на ярко-зеленомъ фонѣ травы группами бѣлѣли пятна маргаритокъ. Въ другихъ мѣстахъ были златоцвѣты, лиловѣлъ клеверъ. При каждомъ шагѣ нога попадала въ спутанную траву. Вѣтеръ, пробѣгая по лугу, рябилъ поверхность серебристымъ отливомъ, какъ бываетъ на клинкѣ ножа. Онъ уносилъ съ собой туманныя клубы цвѣтной пыли. Изъ своихъ щелей выползли всѣ маленькія звѣрьки и наполнили воздухъ крикомъ. Было лѣто, обильное, плодоносное, когда день и ночь творится жизнь на землѣ, и человѣкъ пьетъ изъ полной чаши.

— Взгляните, какъ хорошо! Точно вдыхаешь въ себя радость.

Для Генріетты, открытой и свободной по натурѣ, было наслажденіемъ итти яркимъ днемъ по берегу Луары, тоже купающейся въ лучахъ солнца.

Но она не умѣла высказать того, что думала. Глубоко, до самаго сердца, проникала въ нее ласка теплаго вѣтерка; она ощущала свою молодость, что-то говорило ей: «Ты сильна. Ты красива... Выбьешься... жизнь велика, жизнь прекрасна».

Онѣ подвигались все дальше и дальше, перешли черезъ нѣсколько рвовъ, густо заросшихъ водяными растеніями: макъ, дикая мята, заросли щавеля покрывали ихъ до краевъ, точно именинныя корзины. Но въ глубинѣ, между корнями и среди нижнихъ вѣточекъ, уже тоненькой струйкой просачивалась вода. На рѣкѣ муаровые гребни волнъ вздымались и росли въ ширину; онѣ раскрывались точно пасти лѣнивыхъ и разомлѣвшихъ отъ жары звѣрей. Луара прибывала. Съ какой-то колокольни, неизвѣстно откуда, прозвучало двѣнадцать ударовъ и пронеслось надъ лугами, какъ вереница кличущихъ другъ друга птицъ.

Еще прошли около ста метровъ. Вдругъ закричалъ дѣтскій голосокъ, двое другихъ дѣтей подошли, и всѣ трое бросились на встрѣчу дѣвушкамъ.

— Большая семья: все мальчики,—сказала Генріетта.— Ихъ семеро и всѣ веселые, здоровые. Здравствуйте, Жерве! Здравствуй, Анри! Здравствуй, Батистъ!

Мальчикамъ было двѣнадцать, девять и семь лѣтъ. Бѣгали они босикомъ и безъ шляпъ; на нихъ были только рубашки, панталоны и широкія мужскія подтяжки. Маленькій уткнулся въ колѣни Генріетты. Всѣ трое расцѣловались съ ней, а на Мари

они глядѣли пытливо и искоса, какъ молодые щенки, которыя сторонятся чужихъ.

— А васъ ждутъ, m-elle Генріетта,—сказалъ Жерве, съ рыжей, какъ у львенка, гривой.—Мать плотвы сколько начистила! А какъ нашъ большой Этьенъ поработалъ, чтобы поймать ее!

— Да?

— Ну, конечно, изъ-за половодья. Если бы это не для васъ, онъ не сталъ бы такъ возиться!

Генріетта слегка покраснѣла.

— Молодчина Этьенъ! Мы съ нимъ такіе старые друзья!

Она взяла за руки младшихъ мальчугановъ и вмѣстѣ съ ними вошла въ избу Лутрелей.

Изба, крѣпко сколоченная изъ просмоленныхъ бревенъ, стояла на холмикѣ, и этого было достаточно, чтобы уберечь ея обитателей отъ разлива. На откосѣ луга, между избой и близко лежащимъ берегомъ рѣки, сохли сѣти и верши изъ ивы, остріемъ вверхъ. Проходящимъ по деревнѣ, издали, могло бы показаться, что эта маленькая хижина, которую вмѣсто сада, украшали лишь невода да сѣти для ловли перепеловъ, служитъ только лѣтнимъ убѣжищемъ рыбаковъ. Но нѣтъ. Лутрели жили тамъ постоянно, уже много лѣтъ. При входѣ сразу была большая комната, занимавшая почти всю избу: она служила кухней, мастерской и спальней родителей. Плита для варки пищи, кровать съ зелеными занавѣсками, нѣсколько стульевъ, столъ, вѣчно сырой, сундукъ, прорѣзь для храненія рыбы—вотъ и вся обстановка. Все это было разставлено по угламъ и тѣсно прижато, вещь къ вещи, какъ на пароходѣ. За досчатой перегородкой помѣщались сыновья. Въ общихъ комнатахъ съ балокъ потолка висѣли всякія рыболовныя принадлежности, мотки льна и нитокъ, коробки съ дырочками для храненія рыбы, мѣшки съ лукомъ, весла, запасные рули, свернутые паруса—тысячи вещей полезныхъ и лишнихъ, старыхъ и новыхъ, которыя обыкновенно наполняютъ сараи.

Лутрель и его жена были типичными представителями той энергичной, трезвой въ мысляхъ, сухощавой и жилистой расы, которую Луара выработала впродолженіе долгаго времени. Дѣти рыбаковъ, ловцовъ сельди-бѣшенки и угрей, сильные и выносливые работники, но капризные нравомъ, неисправимые и убѣжденные браконьеры, они знали толкъ въ рыбной ловлѣ, охотѣ, лодкахъ, буряхъ и вѣтрахъ; кромѣ этого, они не знали

ничего, какъ только плакать, когда слѣдовало, и смѣяться по воскресеніямъ, за стаканчикомъ хорошаго мюскадэ. Славная раса—можетъ быть галльская,—но уже навѣрное французская.

Ихъ семь сыновей были похожи на нихъ. Двое старшихъ служили во флотѣ и были въ плаваніи, а одинъ на коммерческомъ суднѣ.

Генріетта и Мари вошли въ хижину. Мальчики вбѣжали впередъ съ криками: «Вотъ онѣ! вотъ онѣ!»

Рыбакъ и его жена стояли въ глубинѣ комнаты, возлѣ очага. Онъ держалъ въ рукахъ свою истасканную соломенную шляпу, а она слѣдила за рыбой, варившейся въ котлѣ. У обоихъ были схожія костлявыя фигуры, широкія сутулыя спины, загорѣлая, обвѣтренная кожа, крупныя, отчетливыя черты лица, глубоко впавшіе, живые глаза. Старуха Лутрель носила нантскій головной уборъ, съ крыльями.

— Мы немножко запоздали, — сказала Генріетта. — Это оттого, что со мной моя пріятельница — изъ Парижа, а ей не угнаться было за мной.

— Милости просимъ. Здравствуйте, барышня! А хорошо тамъ у васъ въ Парижѣ?

Удивленная этимъ нѣсколько наивнымъ, типично южнымъ вопросомъ, Мари отвѣчала:—Спасибо. Очень хорошо.

Генріэтта расцѣловала въ обѣ щеки m-me Лутрель.

— Вотъ это я понимаю! — сказалъ хозяинъ. — Поцѣлуи юности! А-а! вотъ и нашъ Этьенъ!

Сильная рука раскрыла дверь, раздѣляющую обѣ половины избы, и молодой человѣкъ, 25-ти лѣтъ, вошелъ улыбаясь. Высокій ростъ, красивые, поднятые кверху усы и энергичное выраженіе лица придавали ему сходство съ тѣми фигурами, которыхъ художники ставятъ на первый планъ въ шаржахъ. Онъ былъ въ рабочемъ костюмѣ. Коричневая куртка безъ пуговицъ, жилетъ и брюки изъ грубаго полотна. Вѣдь, онъ съ Генріеттой были знакомы съ дѣтства. Онъ тотчасъ же взглянулъ на нее, и въ его глазахъ охотника и ловца, свѣтлыхъ, какъ ясная вода, вспыхнула нѣжность къ той, которая пришла и стояла передъ нимъ, розовая отъ долгой ходьбы, такая красивая въ своемъ сѣромъ платьѣ и шляпѣ съ крылышками.

— Говорятъ, что вы работали для того, чтобы сдѣлать мнѣ сюрпризъ, Этьенъ?—сказала она.—Это мило! Мы съ подругой какъ-разъ ужасно проголодались!

Этьенъ не смѣлъ теперь больше называть ее просто по

имени: вѣдь, она стала одной изъ самыхъ элегантныхъ модистокъ въ Нантѣ. Онъ отвѣтилъ радостно:

— О, m-elle Генріетта, такъ рѣдко приходится доставлять вамъ пріятное.

Молодой смѣхъ зазвенѣлъ въ отвѣтъ.

— Посмотрите-ка,—сказала она,—каковъ Этьенъ-то!

И, чтобы уклониться отъ дальнѣйшаго разговора, она, немножко кокетничая, выглянула въ дверь, чувствуя, что его взгляды слѣдятъ за ней неотступно. Впереди катилась Луара, мутная и широкая; такъ далеко было до плакучихъ ивъ другого берега. Генріетта подумала: «Какіе они друзья! какъ тепло встрѣчаютъ меня!». Но она сказала только:

— Какъ высоко поднялась вода!

Всѣ наперебой заговорили объ этомъ—большіе и маленькіе: рѣка интересовала всѣхъ. Сѣли за столъ. Мари очутилась рядомъ съ Этьеномъ, напротивъ Генріетты.

Сначала ее ошеломила непривычность нравовъ; она чувствовала себя чужой среди старыхъ друзей Генріетты и деревенскихъ впечатлѣній, но быстро вошла въ тонъ и оживилась. Генріетта наблюдала за ней. Среди стука вилокъ и разговоровъ, она слышала звуки этого металлическаго голоса, который тихо произносилъ: «Мерси» большому Этьену, когда онъ наливалъ ей вина или придвигалъ ѣду. Часто вульгарность жестовъ и интонацій Мари оскорбляла ея тактъ модистки, утонченной, какъ свѣтская барышня. Вмѣстѣ съ тѣмъ она замѣчала, какъ великолѣпные глаза Мари смягчались и стали почти слишкомъ красивыми. Да, она находила ихъ черезчуръ красивыми, когда они останавливались на большомъ Этьенѣ. Ранній жизненный опытъ подсказывалъ ей, что эти глаза — опасность для Мари, какъ и тотъ дерзкій смѣхъ, которымъ она давеча смѣялась на лугу. Эта дѣвушка и привлекала ее, и тревожила. Генріетта была изъ тѣхъ женщинъ, у которыхъ дружба переходитъ въ заботу.

Сильно припекало бревна хижины. Всѣ чувствовали на шеѣ, на лицѣ, на рукахъ горячіе ожоги невидимаго солнца. Сумракъ полонъ былъ рѣзко ворвавшихся лучей. Иногда кто-нибудь изъ сыновей взглядывалъ на Луару и говорилъ:

— Съ сѣнокосомъ на большомъ лугу не поспѣютъ. Очень ужъ быстро подымается.

Иногда, кружась, влетало въ комнату перышко или листокъ, подхваченные бризой, и тогда отецъ Лутрель говорилъ, смѣясь:

— Странно, что еще остались бризы: сколько ихъ дуло

въ моей молодости, Господи. Да, молодость! Эхъ, Этьенъ, налей-ка глотокъ мюскадэ, и выпьемъ за здоровье красивыхъ нантскихъ дѣвушекъ!

БИБЛІОТЕКА КУЗСКАГО ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА О НАРОДНОЙ ТРЕЗВОСТИ

VII.

Послѣ обѣда, затянувшагося до безконечности, отецъ Лутрель пошелъ на берегъ вытащить сѣти: боялся, что ихъ унесетъ водой. Генріетта, Мари, Этьенъ, а также Жерве, уже искавшій общества взрослыхъ, пошли высокимъ берегомъ и расположились неподалеку отъ дома подъ тремя тополями, корни которыхъ спускались по откосу до самой воды.

Этьенъ и Жерве вытянулись во всю длину на травѣ. Генріетта и Мари сидѣли, поджавъ подъ себя ноги и всѣ четверо, рѣдко перекидываясь словами, смотрѣли на лугъ, гдѣ косари торопились окончить работу.

Десять крестьянъ, выстроившись косымъ рядомъ, косили дружными взмахами, и каждый какъ-будто прорубалъ ступеньку въ уменьшавшемся передъ ними зеленомъ коврѣ. Десять косъ взлетало одновременно; десять спинъ сгибалось; однимъ движеніемъ они вытягивали лезвіе косы изъ запутывавшихъ ее сѣрыхъ зарослей, и блескъ стали зажигался одновременно по всей линіи. Цѣлую недѣлю уже они работали безъ устали. Женщины сгребали скошенные ряды и нагружали сѣно на телѣги. Но какъ ни упорно трудились они, все же ясно было, что убрать сѣно не успѣютъ. Скошена была только половина огромнаго луга, раскинувшагося далеко, къ холмамъ, и теперь они приближались къ той, низкой его части, которую скоро должно было залить. Сердитая рѣка черезъ протоки и каналы все ближе подступала, подстерегая добычу.

— Въ каждомъ дѣлѣ своя бѣда,—сентенціозно проговорилъ большой Этьенъ.—Вотъ эти бабы какъ умаялись: уже вытерпѣть не могутъ!

— Почему вы это видите?—спросила Мари.

— Да смотрите. Онѣ молчатъ, не разговариваютъ и все поглядываютъ въ нашу сторону. Хотятъ, чтобы мы имъ помогли.

— Вотъ еще! А онѣ-то развѣ приходятъ помогать вамъ вытаскивать сѣти?

Всѣ разсмѣялись: Генріетта тихонько, другіе—шумно. Ихъ

голоса и смѣхъ долетѣли до работающихъ, и нѣсколько косарей на минуту пріостановилось.

— Нѣтъ, я пойду всетаки, если понадобится,—сказалъ Этьенъ, становясь серьезнымъ.—Правда, и у насъ бываютъ тяжелые дни. Рыба уходитъ.—Рѣчка замерзаетъ. Еще угорь легко ловится, но карпъ, линь, окунь! сколько надо сноровки и ловкости, чтобы зарабатывать себѣ на жизнь этой рыбой. Вы знаете, что я дѣлаю, m-elle Генріетта? Каждое утро, какъ сниму переметы, я нагружаю свою лодку овощами и вмѣстѣ съ рыбой отвожу ихъ продавать въ Нантъ.

Генріетта сидѣла подъ зонтикомъ, отъ котораго лицо ея казалось еще свѣтлѣе. Глаза у нея были полузакрыты отъ жары. Она спросила:

— А куда же вы возите ихъ?

— Я причаливаю въ Жибрэ, если знаете, а затѣмъ спускаюсь внизъ, къ порту, какъ разъ насупротивъ вашего дома. Но вы никогда не бываете тамъ.

Глаза Генріетты улыбнулись изъ-подъ опущенныхъ вѣкъ.

— А вы почемъ знаете?

— Я смотрю. Вотъ и все.

— Плохо вы смотрите, мой милый Этьенъ. Уходя на работу, я всегда открываю окно у себя и немножко прохлаждаюсь; когда погода хороша, я всегда это дѣлаю.

На сѣнокосѣ между тѣмъ волновались. Подымая свою косу, чтобы отточить камнемъ лезвіе, косари тревожно всматривались въ бѣлесоватую муть, наступавшую на клочекъ земли, гдѣ они такъ тяжко работали; они наклонялись и косили болѣе короткими взмахами, какъ люди, которымъ каждая минута дорога. Это ужъ была не обычная, ежедневная работа; нѣтъ, это была лихорадочная, трагическая гонка и безсильное бѣшенство противъ стихіи, болѣе могучей, чѣмъ всѣ человѣческія усилія. Тутъ гибло богатство. И какъ не шли къ мирной ясности клонящагося къ закату безмятежнаго дня эти быстрые движенія, коричневыя, смутно различаемыя издалека, лица, короткіе нервные окрики фермера, брань парней, увозившихъ свѣжее сѣно на телѣгахъ!

— Да. Но и вы не сидите сложа руки, m-elle Генріетта,—возобновилъ Этьенъ разговоръ. Вы съ утра до вечера шьете?

— Нѣтъ, я отдѣлываю шляпы. Фасоны уже готовы, а я должна расположить ленты, кружево, цвѣты; найти идею и выполнить ее. Это нелегко!

— Ну, еще бы!—сказалъ молодой рыбакъ, окутывая ее

восхищеннымъ взглядомъ: словно она была богиня, сшедшая съ небесъ на прибрежный лугъ...—И никто вамъ не говоритъ: «Сдѣлайте вотъ такъ»! или: «Сдѣлайте вотъ этакъ»!

— Нѣтъ.

Генріетта расцвѣла; ей льстилъ наивный комплиментъ Этьена и его благоговѣйная нѣжность къ ней, которую она угадывала.

— Видите ли, Этьенъ, въ нашемъ дѣлѣ, когда копируешь—значитъ, тебѣ крышка. Всегда нужно что-нибудь новенькое, нужно имѣть какой-то шикъ въ пальцахъ, а онъ есть не у всѣхъ.

У Этьена, какъ у солдатъ, какъ и вообще у его земляковъ на Луарѣ, для выраженія вещей трудныхъ для пониманія были туманныя и общія слова, и онъ придавалъ имъ только относительное значеніе.

Онѣ, собственно, означали, что онъ не уловилъ, какъ слѣдуетъ, смысла, но онъ былъ вѣжливъ и не требовалъ разъясненія.

И теперь вынулъ изо рта стебелекъ травы, который покусывалъ, и сказалъ:

— Вотъ такъ дѣла! Тутъ надо собаку съѣсть!

— Я, правда, не пойму, какъ вы это можете,—прервала его Мари.—Мнѣ кажется, я, поработавъ нѣкоторое время, научилась бы копировать, но сочинять свое, выдумывать—ни за что!

Зонтикъ Генріетты описалъ полукругъ въ воздухѣ: разговоръ на эту близкую тему всегда оживлялъ ее.

— Погодите! испытаете сами. Идея является сама собой, неизвѣстно откуда. Она наклевывается, какъ рыба на удочку Этьена. Бываютъ хорошіе дни, когда клюнетъ по десять штукъ сразу, и скверные, когда нѣтъ ничего. Много зависитъ отъ настроенія. Когда у меня душа спокойна, мнѣ все легко. Свадьба, встрѣча на улицѣ, модный журналъ, выставка картинъ—все это можетъ дать толчекъ. А остальное, видите ли, уже дѣлаетъ молодость. И ее ничѣмъ не замѣнишь. Нужна свѣжая фантазія. И потомъ еще одна вещь, извѣстный стиль—вы понимаете, m-elle Мари? У Луизы, напримѣръ, главная сила въ линіяхъ: у насъ скорѣе въ краскахъ.

Этьенъ пересталъ слѣдить за разговоромъ. Глаза его съ выраженіемъ сонной дремы, которую у крестьянина всегда вызываетъ напряженіе мысли, отвернулись отъ Генріетты и были устремлены на сѣнокосъ. Онъ съ глухой враждой наблюдалъ послѣдній актъ борьбы между косарями и рѣкой,—коварство ея было ему знакомо.

И вдругъ, приподымаясь съ земли на крѣпко упертыхъ рукахъ, онъ воскликнулъ:

— Смотрите! вотъ она!

Невидимыми протоками и ручейками Луара добралась до середины луга. Этьенъ указалъ рукой:

— Вонъ тамъ, впереди. Она блеститъ, точно посмѣивается, въ травѣ. Черезъ полъ часа разольется цѣлое озеро. Прибываетъ вода скорѣе, чѣмъ было въ запрошломъ году. Правда, Жерве?

Рыжій мальчуганъ, засучивая уже штаны, отвѣтилъ серьезно:

— Да, и мнѣ такъ кажется.

И въ этотъ моментъ женскій крикъ прорѣзалъ воздухъ и затерялся гдѣ-то въ зеленомъ просторѣ.

Наводненіе! Съ луга кричали о помощи, чтобы спасти хоть послѣднія телѣги. Этьенъ съ братомъ побѣжали туда и смѣшались со толпой мужчинъ и женщинъ, скучившихся на небольшомъ пространствѣ, гдѣ рядами лежала скошенная трава. Косы были брошены. Теперь работали только вилы да грабли.

Генріетта и Мари остались сидѣть на томъ же мѣстѣ и видѣли конецъ этой деревенской драмы.

Рѣка побѣдоносно гнула къ землѣ высокую траву. Она подкашивала ее быстрѣе и вѣрнѣе стального лезвія косы. Трудно было сказать, откуда идетъ эта всепоглащающяя гладь воды. Рѣка рыла себѣ постель, какъ животное, которое ворочается съ боку на бокъ и укладывается поудобнѣе. Сначала была просто желтоватая лужа, и вокругъ нея возвышались стога сѣна. Но вскорѣ справа, слѣва, со всѣхъ сторонъ луга запестрѣли такія же желтыя пятна и умирая, никла въ нихъ трава, и отъ одного озерка къ другому побѣжали узкіе соединительные ручейки. Черезъ нѣкоторое время холмикъ, на которомъ стоялъ домъ Лутреля, былъ отрѣзанъ отъ сухой земли, и огромный потокъ, параллельный рѣкѣ, на всемъ протяженіи, охватываемомъ глазомъ, покрылъ всей тяжестью погибшій сѣнокосъ.

Но на лугу кучка работающихъ яростно старалась вырвать у Луары послѣднюю добычу—нагруженный сѣномъ возъ, застигнутый приливомъ. Люди возились въ грязи, налегали на оси и на колеса, помогая тащить завязшій возъ. Иногда оттуда раздавался крикъ: всѣ они наклонялись въ общемъ усиліи; бубенчики лошадей позвякивали, изъ-подъ подпорокъ выпирала масса скошеннаго сѣна, волочась кругомъ до самой земли, и зеленые клоки то и дѣло соскальзывали и падали съ ея огромной спины: но возъ все не двигался смѣста. А вокругъ такая благодать была разлита въ тихомъ воздухѣ,—миръ и сладость вечерняя передъ первою

звѣздой. Мучившимся людямъ ненужно было это утѣшеніе, напрасна была ласка кроткаго неба. Но сколько другихъ умиленно вдыхало и радовалось ей: матери, усталыя отъ шумной дѣтской возни, старики, сидящіе послѣ вечерни подъ липами трактирчика рабочіе, отправившіеся провести воскресеніе въ загородный садъ, влюбленные, молчаливо возвращающіеся съ прогулки.

Полчаса спустя, Этьенъ и Жерве шли назадъ по залитому лугу, гдѣ одинокимъ островкомъ темнѣлъ увязшій возъ; а косари маленькими точками разсѣялись вдали между деревьями съ выпряженными лошадьми. Этьенъ засталъ молодыхъ дѣвушекъ на ногахъ, готовыхъ уходить.

— А знаете? сказалъ онъ шутливо,—вы не можете теперь вернутся въ Нантъ. Луга отрѣзаны.

— Вы думаете, что я останусь?—спросила Мари.—Ни за что! Мнѣ завтра поступать на службу. Если понадобится я подоткну юбки и пойду, какъ вы сейчасъ ходили.

Но Этьенъ продолжалъ, не обращая вниманія на Мари:

— Не бойтесь. Я отвезу васъ обѣихъ на лодкѣ, если m-elle Генріетта ничего не имѣетъ противъ этого.

Съ особеннымъ почтеніемъ въ голосѣ и въ лицѣ онъ вопросительно смотрѣлъ на Генріетту, а она кончикомъ зонтика ерошила кустикъ бѣлаго клевера. Она не сразу отвѣтила, втайнѣ польщенная его явнымъ благоговѣніемъ передъ ней, затѣмъ подняла голову и сказала:

— Да, Этьенъ, пожалуйста, довезите насъ.

И высокій широкоплечій парень, сіяя удовольствіемъ, сейчасъ же направился къ маленькой бухтѣ, гдѣ всегда были привязаны три лодки Лутрелей. Жерве побѣжалъ впередъ, крича отъ радости, какъ чайка, взлетѣвшая въ высь.

Когда они спустили внизъ, къ хижинѣ, гдѣ Генріетта и Мари ждали ихъ, самую новую и красивую изъ своихъ лодокъ, то на переднемъ сидѣньи ея разостлали кусокъ полотна, чтобы «барышнямъ» не испачкать платья. Отъ метлы изъ дрока, которой Жерве почистилъ внутренность лодки, кое-гдѣ остались листочки и лепестки. Генріетта расцѣловалась съ хозяйкой Лутрель. Этьенъ только нѣсколько разъ плеснулъ кормовымъ весломъ, и лодка быстро пошла по высокой водѣ, къ городу, залитому закатнымъ сіяніемъ.

Дѣвушки сидѣли рядомъ. Онѣ то поворачивали головы въ сторону Нанта, гдѣ солнце быстро садилось, а дома, колокольни и трубы голубыми силуэтами выступали въ свѣту; то смотрѣли на убѣгавшіе луга, и ихъ взгляды скользили по лицу Этьена.

Онъ былъ занятъ своимъ дѣломъ, но не настолько, чтобы не встрѣчаться, какъ бы случайно, взглядомъ съ глазами Генріетты и улыбаться ей. Небо было какъ расплавленное золото, и рѣка, отражая его, тоже. Но трава была уже въ тѣни, и вербы не сверкали больше. Замиралъ послѣдній вѣтерокъ. Томной тишины былъ полонъ этотъ вечеръ и сулилъ дивную ночь. Съ воды все громче доносилось пѣніе, смѣхъ. И чѣмъ больше они приближались къ городу, тѣмъ безпокойнѣе становилась ихъ радость, какъ бываетъ всегда, когда мы боимся, что она, эта свѣтлая радость, скоро умретъ въ насъ. Этьенъ грезилъ: «Можетъ, она полюбить меня? Ахъ! что дѣлать мнѣ, простому лодочнику, чтобы меня полюбила эта работница, красивая, какъ знатная дама; я даже стѣсняюсь говорить при ней?» Генріеттѣ было жаль, что кончается праздничный свободный день; она хоть и не давала себѣ полной воли, но все же ее тянуло смотрѣть назадъ, на далекія, низкорослыя, прибрежныя ивы, которыя находились для нея какъ разъ въ уровень съ глазами Этьена. Мари ощущала неловкость третьяго лица между двумя любящими или готовыми полюбить. Она думала о себѣ, о своемъ тяжеломъ положеніи. Ея большая, бѣлая рука, свисая за бортъ лодки, окуналась въ рѣку, и прикосновеніе свѣжей гладкой воды вызывало въ ней мысли о томъ, чтобы погрузиться въ нее совсѣмъ, уйти, исчезнуть. Жерве дремалъ, свернувшись калачикомъ. Шли по теченію, безъ толчковъ.

Теперь на поблѣднѣвшемъ небѣ городъ рисовался лиловымъ силуэтомъ. За Вандейскимъ мостомъ онъ раскинулся передъ ними между золотымъ небомъ и золотой рѣкой, тѣсня гигантской цѣпью уходящія въ тѣнь громады своихъ домовъ. По мѣрѣ того, какъ лодка подвигалась впередъ, все явственнѣе доносился изъ этого каменнаго царства неясный шумъ, грохотъ экипажей. Еще ближе, вдоль берега стали попадаться парочки, компаніи, возвращавшіяся въ городъ съ цвѣткомъ въ петлицѣ или у пояса. Они весело глядѣли вслѣдъ за лодкой и кричали:

— Возьмите насъ! Мы устали!

Передъ ресторацiями «Монплезиръ» и «Робинзонъ» подъ вьющимся трельяжемъ глициній сидѣли люди, пили вино и подымали стаканы, кивая красивой лодкѣ, гдѣ сидѣлъ молодой рыбакъ и двѣ дѣвушки.

Незнакомые привѣтствовали васъ и они правы! Ихъ поднятые стаканы, ихъ возгласы или ихъ нѣмая зависть прославляли деревню, откуда вы возвращались, величавую ширь рѣки, по которой вы скользили, тихую прелесть вечера, грезы, которыя

они угадывали въ васъ; такъ какъ они, какъ вы, люди рабочіе, имѣющіе только одинъ хорошій день, и знаютъ, какъ сладостно и грустно возвращаться домой изъ зелени и простора и видѣть, какъ гаснетъ день смѣха и радости. Ужъ не таинственнымъ ли знакомъ отмѣчены любящіе, что чужая душа издали встрепенется, узнавъ ихъ?

Этьенъ, поставилъ весло вкось, направилъ лодку вправо, рукавомъ Луары, перерѣзывающимъ центръ города и доходящимъ до замка Буффа. Дома, вокзалъ, фабрики мелькали на берегу. Горячая пыль подымалась, становилась розовой наверху, гдѣ надъ холмами и крышами солнце встрѣчалось съ этимъ облакомъ. Этьенъ всталъ и гребъ кормовымъ весломъ, ища, гдѣ бы пристать. Набережная была коричневая, темная, и прибой сильный. Этьенъ бросился впередъ, схватился за тумбу и быстро накинулъ на нее свой швартовъ. Рѣзкое движеніе накренило лодку. Генріетта слегка вскрикнула. Но прежде чѣмъ она успѣла потерять равновѣсіе, сильныя руки Этьена обхватили ее, подняли и поставили на землю, на гранитъ набережной, гдѣ полоска воды узорно пѣнилась, точно кипящее масло. Она попятилась немножко назадъ, протянувъ руку вылѣзавшей изъ лодки Мари. Этьенъ оглядѣлъ ее снизу вверхъ и тихо сказалъ умоляющимъ голосомъ:

— Я бы хотѣлъ повезти васъ къ самому морю, m-elle Генріетта! Сюда такъ близко!

Она протянула ему руку и онъ крѣпко сжалъ эту дружескую и рабочую руку.

— Спасибо, Этьенъ! Спасибо!

Пройдя вверхъ шаговъ десять по крутому отвѣсу набережной, дѣвушки увидѣли лодку уже на самой серединѣ рѣки. Этьенъ и Жерве, сидя рядомъ, усердно гребли, глубоко забирая веслами, чтобы добраться домой до наступленія темноты.

Веселость Этьена сразу какъ-то спала. Между нимъ и исчезавшими дѣвушками уже были люди, тучи пыли, ночь и забвеніе. Связь порвана. Тяжкое бремя счастливаго дня, который ушелъ и не вернется, лежало на душѣ молодого лодочника. А дѣвушки, напротивъ, шли легко среди разсѣянныхъ по улицамъ группъ воскреснаго люда. Мари сразу повеселѣла отъ соприкосновенія съ толпой—вѣдь, и она частица ея! Генріетта же стала спокойнѣе и съ удовольствіемъ вспоминала утро и весь этотъ уже догорающій день.

— Но они совсѣмъ простые, ваши друзья Лутрель,—сказала Мари.

— Да, немножко. Но такіе чудесные люди! Я въ нихъ только это и вижу.

Глубокіе черные глаза вопросительно глянули въ лицо модистки. Она шла, закинувъ голову вверхъ, къ первой звѣздочкѣ, появившейся на горизонтѣ. Мари испугалась, не обидѣла ли она ее. Она просунула свою руку подъ руку Генріетты и прижалась къ ней.

— Скажите, вы не сердитесь?

Генріетта спросила разсѣянно-мечтательно:

— За что́ же мнѣ сердиться?

— Оттого что мы такія разныя. Но все-таки я очень васъ люблю.

И Мари продолжала оживленно, почти страстно:

— Я бы хотѣла быть вамъ другомъ. Я не многаго сто́ю; я огорчу васъ, навѣрное, но я люблю васъ. Хотите быть моимъ другомъ?

На этотъ разъ Генріетта прервала свои мечты и тихо сказала:

— Да, я хочу, Мари.

— Я все буду вамъ разсказывать. Вы побраните меня, если я что́ не такъ сдѣлаю, и я постараюсь быть лучше.

Глаза ихъ встрѣтились, и обѣ, такія разныя по натурѣ, были рады повторить и услышать тайно восторгавшія ихъ слова:— Любите меня!

Въ этотъ моментъ изъ-за угла одного изъ маленькихъ кривыхъ переулковъ, выходящихъ на набережную, появился молодой человѣкъ, остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Генріетты и воскликнулъ:

— Ахъ, это ты! Вотъ ужъ, не ожидалъ!

Антуанъ Мадьо одѣтъ былъ, какъ буржуа, въ пиджачную пару и котелокъ песочнаго цвѣта. Но ярко-красный галстухъ, руки, точно перчатками, покрытыя глубоко въѣвшейся ржавой металлической пылью, и нервное безпокойство физіономіи сразу выдавали въ немъ рабочаго. Заостренная голова, лихорадочно-впалыя щеки, слишкомъ узкая грудь, изъ-за которой онъ уже разъ получилъ отсрочку по военной службѣ—все это говорило о неприглядной жизни. Послѣ обычнаго, брошеннаго сестрѣ, привѣтствія онъ сейчасъ бы скрылся, если бы не замѣтилъ рядомъ съ ней другую дѣвушку въ пелеринкѣ, съ большими черными глазами—въ нихъ еще не погасли послѣднія искорки только что зажегшагося пожеланія: «Любите меня»!

— Ты гуляла? и въ кампаніи! Рѣдко можно тебя встрѣтить въ это время и безъ дядюшки Мадьо.

— Это одна изъ моихъ пріятельницъ по мастерской,— отвѣтила Генріетта.—Мы возвращаемся отъ Лутрелей.

— Можно мнѣ пройти немножко съ вами, проводить прекрасныхъ дѣвицъ? Если вы разрѣшите?—прибавилъ онъ, обращаясь къ Мари.

Ее польстило это, но она пожала плечами, не рѣшаясь ничего сказать.

Антуанъ пошелъ слѣва отъ Генріетты и сталъ юмористически, съ жестами человѣка, знающаго, что онъ уменъ, разсказывать о томъ, что онъ поспорилъ наканунѣ съ хозяиномъ и что ему удалось взбѣсить старика и заставить его наговорить рабочимъ то, чего не слѣдовало.

— Потѣха! Посмотрѣла бы ты на старыхъ механиковъ: какъ они вытягивали шеи, глядя на меня, и покусывали кончики своихъ усовъ, точно говорили: «Валяй, братъ! правильно, хоть ты и молокососъ, а правильно!» А глаза у нихъ такъ и сверкали. Ей Богу! Напомнилъ я ему прошлогоднюю забастовку. А въ семь часовъ, когда работа кончилась, они всѣ поджидали меня за дверью, окружили и стали поздравлять. Здорово!

Мари слушала его, и онъ часто наклонялся, чтобы увидать рядомъ съ Генріеттой, спокойно, привычнымъ презрѣніемъ отвѣчающей на это фанфаронство, ея подругу, истую дочь народа, такъ жадно впитывавшую въ себя голосъ ненависти—онъ сразу инстинктомъ почувствовалъ это, хотя взглядъ ея блуждалъ далеко, гдѣ-то среди парусовъ и мачтъ стоявшихъ въ порту судовъ.

Они вошли въ густую тѣнь отъ холмовъ, которая лежитъ еще много времени послѣ захода солнца. Приближались къ концу набережныхъ. Толпа порѣдѣла. Хозяева лавокъ выставили свои стулья на троттуаръ. Антуанъ продолжалъ разсказывать все съ тѣмъ же ѣдкимъ юморомъ. Теперь онъ обращался исключительно къ Генріеттѣ и старался черезъ нее убѣдить дядюшку Мадьо проявить настойчивость въ вопросѣ о пенсіи у Лемарье. По его мнѣнію, разъ Викторъ Лемарье остановился, чтобы спросить о здоровьи пострадавшаго, и разъ прислали лѣкарства, то это значитъ, что старый хозяинъ боится и старается только оттянуть время.

— Но сынокъ-то понялъ, что я имъ на удочку не дамся! Сидѣлъ, какъ мумія, вытянувшись въ струнку... Надо обязательно, чтобы нашъ старикъ пошелъ завтра.

— Передай ему отъ меня. Жалко, что онъ не много-то сдѣлать можетъ. Ужъ больно онъ не мастеръ говорить!

Антуанъ нагнулся во тьмѣ, чтобы уловить выраженіе лица сестры. Видъ у него былъ лукавый и презрительно-дразнящій, какъ обычно въ присутствіи Генріетты.

— Вотъ, если бы ты сама пошла попросить!—тихо шепнулъ онъ.

— Что ты, Антуанъ!

— Тогда дѣло было бы въ шляпѣ. Мы получили бы эту пенсію и безъ всякихъ разговоровъ.

— Съ ума ты сошелъ, что ли? Мнѣ нельзя вмѣшиваться въ это дѣло.

Она даже отклонилась слегка въ сторону, задѣтая и предложеніемъ и тономъ его. Антуанъ покатился со смѣху.

— Чортъ возьми! я такъ и зналъ. Сказалъ только затѣмъ, чтобы удостовѣриться еще больше. Конечно! куда же барышнѣ-бѣлоручкѣ заниматься такими дѣлами! Что́ ей до другихъ? Ей, пожалуй, даже стыдно, что у нея дядя—рабочій и братъ—простой подмастерье у механика?

И минуту спустя онъ добавилъ:

— Да и отъ меня ты не много слышишь просьбъ объ услугахъ.

— Напрасно. Иногда я могу ихъ исполнить.

— Даже когда у меня ни гроша въ карманѣ, какъ сегодня, я не жалуюсь.

Генріетта остановилась, поискала свой кошелекъ, открыла его:

— Вотъ тебѣ доказательство, Антуанъ—сказала она мягко,—тутъ мои послѣдніе сорокъ су. Возьми ихъ. Много ушло на лѣкарства дядѣ.

— Какую уйму денегъ ты зарабатываешь!—сказалъ онъ.

Рабочій взялъ монету и пожалъ плечами.

Чортъ знаетъ что! У тебя всегда есть. А мы, мужчины, и то бѣдные...

И сдѣлавъ рукой не то благодарственный, не то прощальный жестъ, онъ повернулъ на набережную Лоннэ, здѣсь начинавшуюся.

Генріетта видѣла, какъ фигура его изчезла во мракѣ. Затѣмъ она сказала:

— Повѣрите ли, m-elle Мари, въ дѣтствѣ онъ не зналъ лучшаго друга, чѣмъ я. Онъ не могъ заснуть, если я не поцѣловала его и не пожелала «спокойной ночи»!

Она сдѣлала еще нѣсколько шаговъ, снова остановилась и сказала:

— Вы видите: у каждаго въ жизни есть свое горе.

Эти горькія слова разомкнули ихъ объятія. Генріетта быстро прижала къ своей груди несчастную дѣвушку; горячія губы коснулись ея щеки и прошептали:

— Спасибо! До, завтра!

— До завтра!

Онѣ разошлись, стали удаляться въ разныя стороны, каждая къ себѣ домой, а ночь сгущалась между ними.

Генріетта подняла глаза и снова отыскала ту звѣзду: она сверкала теперь надъ самымъ холмомъ Мизери. Господи! какъ умиротворяютъ такія минуты, какъ сладко волнуетъ мягкая ласка лѣтняго вечера! Когда Генріетта осталась одна, ее сразу глубоко охватило сокровенное утѣшеніе, внутреннее примиреніе, которое даетъ намъ видъ вѣчныхъ вещей. Она даже произнесла вполголоса:

— Что́ въ этой ночи, отчего душа у меня взволнована?

Она не была поэтической натурой; она была просто бѣдная дѣвушка безъ любви, жаждавшая любить. И любовь, овладѣвающая сердцами даже раньше, чѣмъ она приняла какой-нибудь опредѣленный образъ, любовь пѣла въ ней: «я—красота, я—радость и покой. Я осушу твои слезы».

Дома, опираясь на подоконникъ у своего окна, Генріетта вздрогнула, какъ будто что-то въ ея существѣ, всегда скрытое и тайное, раскрылось теперь передъ лицомъ свѣтлой ночи. Листья олеандра на балконѣ едва шевелились.

— «Счастливы тѣ, кого любятъ!—думала она.—Счастливы тѣ, у кого есть близкая подруга!»

Она стала припоминать всѣхъ своихъ товарокъ по мастерской, улыбаясь при мысли о тѣхъ, которыя покровительствовали ей во время обученія. Вспоминались ей жесты, тонъ, фразы, которыя тогда покорили ея гордость. У всѣхъ ихъ былъ такой особенно проникновенный видъ, когда среди шума мастерской онѣ тихонько шептали: «Я буду вашимъ другомъ! Хотите?» Радость, благодарный взглядъ, бѣглое рукопожатіе при разставаніи послѣ работы, обѣщаніе все разсказывать другъ другу! Яснѣе всѣхъ она вспоминала во время своего ученичества старшую мастерицу, блѣдную m-lle Валентину, которую она полюбила за ея огромные глаза и замѣчаніе, которая та какъ-то сдѣлала другимъ дѣвушкамъ: «Не дразните ученицу. Изъ нея выйдетъ толкъ. У дѣвочки умъ есть, и пальцы ловкіе». Сколько доброты съ одной стороны и любви съ другой!

«Старшая» никогда и не узнала, какая благодарность пере-

полняла душу маленькой ученицы, выражавшей ее въ нѣмомъ покорномъ обожаніи. Генріетта помнила, что однажды она нарочно до крови поколола себѣ палецъ иглой, чтобы m-lle Валентина замѣтила и пожалѣла ее; помнится тоже, она мечтала умереть у порога Валентины и прошептать ей передъ смертью: «Для васъ! Я просила смерти для того, чтобы вы были счастливы!» Какая жажда нѣжности въ этихъ дѣвичьихъ душахъ! какъ ошибались самыя лучшія, самыя чистыя изъ нихъ! Всѣ они вспомнились Генріеттѣ. Увы! всѣ были далеко: однѣ вышли замужъ, другія умерли, третьи исчезли или пошли по дурному пути. И, затѣмъ, она подумала, что Мари сейчасъ тоже, должно быть, вернулась къ себѣ въ грязную улицу этого гнѣзда нищеты, которое лежитъ вонъ тамъ, за холмами.

— «Какъ это я такъ скоро привязалась къ ней? Ужъ не въ особый ли, счастливый для дружбы, день мы встрѣтились?»

На рѣкѣ блестѣли огоньки. Иногда горячія волны воздуха подымались изъ сосѣднихъ улицъ, и тогда чѣмъ-то спертымъ и тяжелымъ вѣяло оттуда, точно, коснувшись жизни, воздухъ вобралъ въ себя всю усталость человѣческихъ легкихъ, тревогу сердецъ и нервную измученность всего города; иногда же съ полей налеталъ свѣжій, молодой вѣтеръ, и онъ несъ съ собой силу, бодрость, ароматъ и его живое дыханье смѣшивалось, борясь съ тяжкими испареніями прожитого дня.

«Эта Мари! — продолжала свои размышленія Генріетта; — тяжело ей будетъ въ жизни. Она испорчена; у нея есть что-то такое въ крови... А случай въ нашемъ дѣлѣ подвернется... не безъ того. Я буду стараться... Буду слѣдить за ней. Буду защищать ее передъ m-me Клемансъ».

Генріетта улыбнулась, какъ улыбаются честныя, но знающія жизнь дѣвушки, затѣмъ улыбка стала печальной и исчезла съ ея губъ. Развѣ эта дружба дастъ ей то, чего она хочетъ, наполнитъ ей душу? Нѣтъ, конечно; ей двадцать четыре года, и она такъ одинока. Дядя Элоа любитъ ее, любитъ очень, но смотритъ онъ на все взглядомъ стараго тамбуръ-мажора. Онъ не можетъ быть ни руководителемъ, ни посвященнымъ.

А братъ? Онъ чувствуетъ къ ней злобу.

Ни просьбы, ни вниманіе, ничто не можетъ вернуть прежней короткости отношеній. Нѣтъ семьи! И какъ тяжело это чувствуется въ такіе вечера, какъ этотъ, когда слишкомъ много начинаешь думать о себѣ!

Нехорошо было на душѣ у Генріетты. Она нашла глазами и пристально уставилась въ одну точку равнины, по ту сторону

Луары—былъ ли это лугъ, поле, кустъ, Богъ знаетъ,—это было что-то реальное и темное, какъ будущее. Она подумала, что вотъ Этьенъ по крайней мѣрѣ питаетъ къ ней большую симпатію. Онъ такъ трогательно выразилъ ей свою радость, свое удовольствіе, что довезъ ее до Нанта!

— Да,—думала она.—Я нравлюсь ему. Это ясно. Онъ не скрываетъ этого. Онъ какъ другіе, которые находятъ меня хорошенькой, но онъ чувствуетъ себя со мной свободнѣе, потому что мы старые друзья. Но любитъ сильно, по настоящему... нѣтъ, этого онъ не можетъ. Онъ почти моихъ лѣтъ. Онъ знаетъ хорошо, что рыбакъ и модистка—это не пара. А я? Могла ли бы я полюбить его? Люблю ли я?

И она стала вслушиваться въ глубокую тишину своего сердца, но не услышала никакого отвѣта.

Опять улыбка заиграла на губахъ Генріетты. Нѣтъ, сегодня, въ эту ночь, ея желанный еще не имѣетъ имени.

У него нѣтъ лица, нѣтъ голоса, и всетаки онъ существуетъ. Онъ тотъ, кто росъ въ тайникѣ ея души съ пятнадцати лѣтъ, кто будетъ весь—нѣжность, кто спрячетъ ея голову у себя на плечѣ, кто будетъ все знать, кто защититъ ее отъ грубыхъ посягательствъ улицы, кто возьметъ на себя половину ея жизненнаго бремени. О, какъ она его любитъ. Какой нѣжностью обволакивалъ его ея ищущій взглядъ...

Руки ея невольно прижались къ груди. Она покраснѣла и отняла ихъ. «Это правда,—подумала она,—я бы такъ любила его, я была бы способна на все ради него! Нѣтъ той жертвы, которой я бы не принесла! Какъ пріятно думать о немъ»!

Дядины часы—кукушка—прокуковали половину. Съ сосѣдняго двора донесся крикъ ребенка, котораго ударили, потомъ тяжелые, невѣрные шаги по боковой лѣстницѣ, налѣво. «Это, вѣроятно, старый Племеръ. Опять возвращается пьяный»—подумала Генріетта.

Послѣдняя блѣдная полоса, долго гаснувшая на горизонтѣ, наконецъ исчезла. Синій сумракъ овладѣлъ всей землей. Тогда подулъ вѣтеръ, свѣжій, какъ бризъ съ дюнъ, скрипя мачтами, оставляя соленый вкусъ на губахъ послѣднихъ прохожихъ.

— Что въ этой ночи особеннаго? отчего у меня взволновалась душа?

Пер. съ франц. М. Славинская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛИКВИДАЦІЯ СЕРВИТУТОВЪ [1]).

Вопросъ объ упраздненіи пастбищныхъ сервитутовъ глубоко затрогиваетъ интересы какъ крестьянскаго, такъ и помѣщичьяго населенія восьми западныхъ и бѣлорусскихъ губерній. Его тщательно пытаются разрѣшить втеченіи почти 50 лѣтъ со дня надѣленія крестьянъ землею и законодательнаго признанія за ними правъ на сервитуты.

Въ настоящее время вопросъ объ окончательномъ уничтоженіи сервитутовъ поставленъ на очередь. Законопроектъ объ ихъ упраздненіи внесенъ былъ въ Государственную Думу еще въ концѣ 1910 г. Исторію этого законопроекта разсказываютъ въ слѣдующемъ видѣ.

За составленіе его принялись подъ давленіемъ спѣшившаго съ этимъ вопросомъ объединеннаго дворянства, считавшаго данное

---

[1]) Матеріалами для составленія настоящей статьи послужили: Астыревъ. Сервит. отношенія въ Юго-Зап. краѣ («Сѣв. Вѣстн.» 1891 г. № 9); Новицкій. Сервитуты и обяз. разверст. въ Югоз. краѣ. Кіевъ, 1881 г.; Личковъ. Сервитутн. вопросъ въ Западн. краѣ («Русск. Мысль» №№ 7, 8, 9,) Сборн. правовѣд. и общ. знаній, т. I, изд. Моск. Юр. Общ.; Труды IV областн. съѣзда с. хоз. на кіевской с.-х. и промышл. выставкѣ 1897 г.; Личковъ. Новыя теченія въ сервит. вопросѣ, Кіевъ, 1903 г.; Рихтеръ. Матер. по вопр. о земельн. надѣлѣ бывш. помѣщ. крест. и о сервитутахъ въ юго и сѣверо-западн. губ. Россіи, («Вѣстн. Финанс.» 1900 г. № 39); Абрамовичъ, О крест. сервитутахъ. СПБ. 1895 г.; Локоть. Къ вопр. о значеніи серв. въ позем. отношен. нашихъ зап. окраинъ. («Научное Обозрѣніе»); Кишка. О разверстаніи угодіи и уничтож. пастб. серв. въ Юго-зап. краѣ. Кіевъ, 1894 г. Такъ какъ большая часть этого матеріала относится собственно къ Юго-Западн. краю, то этимъ и объясняется, почему въ послѣдующемъ изложеніи большинство примѣровъ и цифръ берется по этому же краю.

время наиболѣе подходящимъ для проведенія въ жизнь закона о ликвидаціи сервитутовъ. Составленіе законопроекта производилось, конечно, въ канцеляріяхъ министерства (въ Земскомъ отдѣлѣ), обнаружившихъ, какъ и слѣдовало ожидать, весьма слабую компетентность въ данномъ вопросѣ, что, какъ увидимъ, и отразилось на самомъ законопроектѣ. Но дѣло было не въ компетентности, а въ томъ, чтобы, придавъ законопроекту внѣшній видъ защиты крестьянскихъ интересовъ, провести въ замаскированномъ видѣ полное или почти полное освобожденіе помѣщиковъ отъ вознагражденія крестьянъ за лишеніе ихъ сервитутныхъ правъ. А такой законъ могъ пройти только при третьей Думѣ, вслѣдствіе чего съ этимъ надо было торопиться.

Съ проведеніемъ законопроекта настолько спѣшили, что не ожидали даже для его внесенія въ Думу выхода закона о землеустройствѣ, съ которымъ онъ долженъ былъ находиться въ соотвѣтствіи и тѣсной связи. Взамѣнъ же установленія этого соотвѣтствія ограничились указаніемъ, что при ликвидаціи сервитутовъ необходимо въ такихъ то и такихъ то случаяхъ руководствоваться,—въ то время неутвержденнымъ и даже не обсужденнымъ еще въ законодательныхъ учрежденіяхъ,—закономъ о землеустройствѣ.

Это былъ, на сколько намъ извѣстно, первый въ законодательной практикѣ случай, когда проводимый въ жизнь законъ ссылался и опирался на «законъ» еще не существующій.

Для детальнаго его разсмотрѣнія Думою избрана была особая комиссія. Надо замѣтить, что сообщеніе газетъ о появленіи законопроекта и избраніи комиссіи немедленно всполошило широкіе землевладѣльческіе круги обширнаго края изъ 8 губерній, въ которыхъ еще существуютъ пастбищные сервитуты. Немедленно же представители помѣстнаго элемента приступили къ совѣщаніямъ о наивыгоднѣйшихъ для нихъ способахъ ликвидаціи сервитутовъ. Созывались засѣданія сельскохозяйственныхъ обществъ, читались доклады по сервитутному вопросу, намѣчалось устройство сельскохозяйственныхъ съѣздовъ. Мало того, составлялись предположенія о томъ, какъ бы повліять на рѣшеніе дѣла въ извѣстномъ, благопріятномъ для землевладѣльцевъ края, направленіи—петиціями и протестами, идущими отъ этихъ совѣщаній и съѣздовъ. Тѣмъ временемъ обнаружилось, что избранная Думою комиссія составлена неудачно. Хотя въ нее попали представители тѣхъ частей Россіи, гдѣ нѣтъ сервитутовъ, т. е. некомпетентные въ сервитутномъ вопросѣ, тѣмъ не менѣе нашлись всетаки между ними лица, пожелавшія, въ интересахъ крестьянскихъ массъ, подробнѣе разобраться въ этомъ дѣлѣ и открывшія такія стороны его, уясненіе которыхъ могло бы оказать вліяніе на судьбу законопроекта.

Тогда, очевидно по настоянію заинтересованныхъ лицъ, законопроектъ неожиданно былъ взятъ обратно, якобы для согласованія съ закономъ о землеустройствѣ, что вело къ прекращенію существованія избранной комиссіи. Столыпинъ умеръ до возвращенія законопроекта въ Думу, а обновленный Совѣтъ министровъ, повидимому, не успѣлъ доставить законопроектъ обратно.

Однако, все это не можетъ имѣть вліянія на существо взятаго для согласованія проекта. И это не только потому, что взятъ онъ лишь для согласованія и что неумѣлость и некомпетентность нашихъ канцелярій въ сервитутномъ вопросѣ остались, конечно, и понынѣ безъ измѣненія. Гораздо важнѣе то, что никакое согласованіе, никакая переработка законопроекта не могутъ измѣнить при данныхъ условіяхъ его главныхъ основаній, его направленія и тенденціи, потому что остались неизмѣнными тѣ теченія, подъ вліяніемъ которыхъ законопроектъ составленъ былъ въ его первоначальномъ видѣ. По прежнему неизмѣнно стремленіе правительства къ поддержанію интересовъ помѣстнаго элемента въ ущербъ крестьянскимъ. Вѣтра въ сторону крестьянъ нѣтъ ни откуда. Всѣ прежнія вѣянія прочны и неизмѣнны. Аппетиты объединеннаго и необъединеннаго дворянства и ихъ вліяніе остались прежними. Слѣдовательно, какъ бы ни согласовали проектъ, его основы и тенденціи останутся въ общемъ однѣ и тѣ же; а въ нихъ то вся его суть. Все это даетъ полное основаніе, не считаясь со взятіемъ проекта для согласованія, подвергнуть его разсмотрѣнію. Вопросъ этотъ и очень сложный, и мало кому знакомый; и въ Государственной Думѣ какого бы то ни было состава, какъ и въ Государственномъ Совѣтѣ разрѣшеніе его будетъ значительно осложняться тѣмъ обстоятельствомъ, что огромное большинство членовъ Думы и Совѣта совершенно незнакомо съ сервитутнымъ вопросомъ, въ виду полнаго отсутствія сервитутовъ въ большей части губерній Россіи. Внесенный же въ этомъ согласованномъ видѣ въ Государственную Думу законопроектъ можетъ дойти до свѣдѣнія публики слишкомъ поздно, вслѣдствіе чего останется слишкомъ мало времени для публичнаго его обсужденія общественными организаціями и прессой. Тогда однородная комиссія, ничтоже сумняшеся, легко проведетъ его въ жизнь въ томъ, отвѣчающемъ только интересамъ помѣщиковъ, видѣ, въ какомъ онъ составленъ до такъ называемаго «согласованія».

Обратимся же къ разсмотрѣнію законопроекта.

Проектъ состоитъ изъ двухъ частей: собственно проекта закона объ упраздненіи сервитутовъ и объяснительной къ нему Записки. Къ Запискѣ присоединено приложеніе: «Расчетъ о кормовыхъ сред-

ствахъ крестьянскихъ надѣловъ, числѣ содержимаго зимою скота и размѣрахъ земельнаго вознагражденія за отмѣну пастбищныхъ сервитутовъ по лѣсамъ, зарослямъ и другимъ некультурнымъ землямъ».

Сущность разсматриваемаго проекта объ упраздненіи пастбищныхъ сервитутовъ, т. е. права крестьянъ выпасать скотъ на земляхъ помѣщиковъ — «права участія въ чужомъ имуществѣ»,— предоставленнаго имъ въ свое время тѣми или иными законодательными актами (и при томъ обыкновенно на условіи уничтоженія ихъ не иначе, какъ за соотвѣтственное вознагражденіе) сводится къ слѣдующему.

«Обязательному» упраздненію подлежатъ (кромѣ мелкихъ непастбищныхъ сервитутовъ, въ родѣ права устройства бортей, сбора ягодъ и т. п., на которыхъ мы останавливаться не будемъ): обоюдное владѣльцевъ и крестьянъ право пастьбы скота на чрезполосныхъ и смежныхъ поляхъ общаго сѣвооборота; пастбищные сервитуты по владѣльческимъ полямъ и лугамъ, а также по лѣсамъ и другимъ угодьямъ; право обоюдной пастьбы скота въ чрезполосныхъ поляхъ общаго сѣвооборота во время нахожденія ихъ въ пару (толока) и по снятіи съ нихъ хлѣбовъ (такъ называемое право толоки).

Надо прежде всего замѣтить, что хотя предполагаемое упраздненіе перечисленныхъ сервитутовъ и называется «обязательнымъ», однако оно предположено *не* во всѣхъ селеніяхъ и имѣніяхъ, гдѣ такіе сервитуты существуютъ или признаны за крестьянами соотвѣтствующими документами, и, кромѣ того, имѣется въ виду произвести его не единовременно, а лишь по требованію *одной* изъ сторонъ, т. е. собственника имѣнія или же сервитутовладѣльца, которымъ предоставляется, такимъ образомъ, одинаковое право требовать обязательнаго уничтоженія сервитутовъ. Конечно, для предъявленія такого требованія крестьянами-сервитутовладѣльцами необходимо составленіе объ этомъ мірского приговора.

Существуетъ много обремененныхъ сервитутами имѣній, перешедшихъ, послѣ надѣленія крестьянъ землею, въ разныя руки частями различныхъ величинъ и преобразившихся такимъ образомъ въ совершенно новыя хозяйственныя единицы. Въ отношеніи такого рода имѣній законопроектъ предполагаетъ, что если требованіе объ отмѣнѣ сервитутовъ исходитъ отъ одного изъ владѣльцевъ, то только въ одномъ владѣніи и упраздняются сервитуты. Если же требованіе объ отмѣнѣ сервитутовъ предъявляется со стороны половины или болѣе владѣльцевъ имѣнія, представлявшаго раньше одно цѣлое, то такое требованіе уже имѣетъ силу для всѣхъ образовавшихся изъ состава даннаго имѣнія отдѣльныхъ владѣній, при чемъ

упраздненіе сервитутовъ производится: а) «одновременно во всѣхъ обремененныхъ ими участкахъ» и б) «по отношенію къ каждому изъ владѣльцевъ отдѣльно въ зависимости отъ качествъ угодій и условій землепользованія».

Но законопроектъ совершенно не предвидитъ того разнообразія, которое встрѣчается въ дѣйствительности. Разберемъ для иллюстраціи одинъ только примѣръ изъ цѣлаго ряда случаевъ, не предусмотрѣнныхъ законопроектомъ. Возьмемъ хотя бы вполнѣ допускаемый законопроектомъ случай, когда требованіе объ уничтоженіи сервитутовъ предъявляется не помѣщиками, а сходами крестьянъ нѣсколькихъ селеній, которыя до раздѣла имѣнія пользовались по отношенію къ нему пастбищнымъ сервитутомъ; и предположимъ, что требованіе объ уничтоженіи послѣдняго предъявляется сначала только однимъ селеніемъ.

Что же происходитъ? Производится перемѣрка земель всего бывшаго имѣнія, т. е. всѣхъ нынѣ существующихъ, образовавшихся изъ него, сравнительно мелкихъ владѣній, такъ какъ каждое изъ нихъ должно выдѣлить часть своихъ земель въ вознагражденіе крестьянамъ даннаго селенія за уничтоженіе сервитута. Затѣмъ происходитъ передвижка этихъ частей отъ имѣнія къ имѣнію въ такомъ расчетѣ, чтобы крестьяне получили по возможности въ одномъ мѣстѣ и при томъ смежно съ своимъ надѣломъ участокъ земли, отведенный имъ изъ ближайшаго къ нимъ имѣнія, которое, взамѣнъ отданнаго, получаетъ путемъ упомянутой передвижки соотвѣтствующее количество земли отъ своихъ сосѣдей. Словомъ, производится операція весьма сложная, вносящая притомъ серьезныя нарушенія въ строй хозяйствъ, вовлеченныхъ въ нее имѣній. И вотъ, спустя годъ два по окончаніи разверстки земли, другая деревня, увлеченная примѣромъ первой, тоже предъявляетъ требованіе объ упраздненіи сервитута. Тогда снова начинается таже исторія, ведущая за собой тѣже нарушенія хозяйственнаго строя въ рядѣ имѣній. И т. д., и т. д. — въ зависимости отъ числа деревень, имѣющихъ сервитутное право въ данномъ или, вѣрнѣе сказать, въ данныхъ имѣніяхъ. Не трудно понять, что такая канитель должна крайне неблагопріятно отозваться на экономическомъ положеніи хозяйствъ и можетъ даже привести ихъ въ серьезное разстройство. Само собою ясно, что всего этого не было бы, если бы уничтоженіе сервитутовъ сдѣлано было общеобязательнымъ и повсемѣстнымъ.

Тѣмъ не менѣе «Записка» категорически высказывается противъ такой обязательной одновременно для всѣхъ имѣній и селеній ликвидаціи сервитутовъ «по иниціативѣ правительства».

Главный мотивъ тотъ, что «при упраздненіи сервитутовъ по иниціативѣ правительства, необходимо было бы и всѣ сопряженныя съ этими дѣйствіями расходы принять на счетъ государственнаго казначейства». Вторымъ же изъ наиболѣе важныхъ мотивовъ (всѣхъ ихъ мы перечислять не будемъ, потому что остальные менѣе существенны и еще болѣе несостоятельны) является предположеніе, что «одновременное повсемѣстное производство этой операціи безусловно немыслимо, въ виду значительности единовременныхъ расходовъ и невозможности найти достаточное количество лицъ, свѣдущихъ въ межевомъ дѣлѣ». Но оба эти соображенія совершенно не выдерживаютъ критики. Достаточно вспомнить, что для введенія такъ называемаго землеустройства и насажденія излюбленныхъ хуторовъ, правительство, когда захотѣло, не остановилось ни передъ недостаткомъ межевыхъ силъ, ни передъ гораздо большими расходами. А въ 1861 г. оказалось возможнымъ «одновременное повсемѣстное устройство» гораздо болѣе сложной «операціи» надѣленія крестьянъ землею на всемъ пространствѣ Россіи, а не въ 8 только губерніяхъ.

Составители законопроекта какъ будто забываютъ объ этихъ общеизвѣстныхъ фактахъ и, взамѣнъ обязательной повсемѣстной ликвидаціи сервитутовъ «по иниціативѣ правительства», предлагаютъ упраздненіе сервитутовъ только по требованію сторонъ. Для этого они считаютъ необходимымъ игнорировать существованіе закона, допускающаго прекращеніе сервитутовъ не иначе, какъ по добровольнымъ соглашеніямъ сторонъ, и замѣняютъ это правило, «въ интересахъ государственной пользы», уничтоженіемъ сервитутовъ по требованію одной изъ сторонъ, слѣдовательно, замѣняютъ добровольное соглашеніе предоставленіемъ помѣщикамъ, т. е. лицамъ, заинтересованнымъ въ нарушеніи чужого (сервитутнаго) права, уничтожать таковое путемъ простого требованія его прекращенія. Правда, во избѣжаніе, очевидно, упрека въ одностороннемъ предпочтеніи интересовъ помѣщиковъ, законопроектъ такое же право предоставляетъ и собственникамъ сервитутовъ—крестьянамъ, но какіе же крестьяне сами пожелаютъ отказаться отъ своихъ правъ, за которыя притомъ они получатъ во всякомъ случаѣ меньше, чѣмъ имѣли, какой собственникъ, при нормальныхъ условіяхъ, захочетъ отказаться отъ своей собственности?

Необходимость подобнаго измѣненія дѣйствующихъ законовъ мотивируется признаніемъ необходимости отмѣны сервитутовъ «въ интересахъ государственной пользы», въ виду того, что сервитуты приносятъ хозяйству помѣщиковъ «неисчислимый вредъ» и представляютъ «неодолимое препятствіе» къ развитію сельскаго хозяйства

и лѣсоводства. Между тѣмъ послѣднее утвержденіе далеко не подтверждается имѣющимися данными и возбуждаетъ весьма серьезныя сомнѣнія, почему ставить его въ основу рѣшенія судьбы сервитутовъ нѣтъ основаній. Изъ 2000 имѣній трехъ губерній югозападнаго края, освободившихся отъ сервитутовъ послѣ 1861 г., «трехпольный сѣвооборотъ, какъ оказывается, продолжаетъ существовать въ 80% имѣній». По утвержденію одного изъ мѣстныхъ крестьянскихъ присутствій (подольскаго), трехпольные сѣвообороты удержались въ имѣніяхъ давно освободившихся отъ сервитутовъ, а помѣщики, не переходя къ многополью, «тѣмъ не менѣе увеличили чистый доходъ своихъ имѣній на всю ту сумму, какую крестьяне вносятъ имъ за пастьбу скота на ихъ толокахъ». Извѣстно также, что и «въ губерніяхъ центральной Россіи тоже существовало у крестьянъ право выпаса скота на помѣщичьей землѣ, которое и было упразднено въ громадномъ большинствѣ имѣній при освобожденіи крестьянъ на волю». Но послѣ этого почти всѣ имѣнія «остались при старомъ трехпольѣ, начавъ только сдавать крестьянамъ земли подъ выпасъ по сильно повышеннымъ цѣнамъ». Слѣдовательно, результатъ оказался тотъ же, что и въ губерніяхъ, гдѣ послѣ воли имѣнія остались обремененными.

Факты этого рода объясняются тѣмъ, что въ большинствѣ случаевъ цѣль владѣльцевъ имѣній, обремененныхъ сервитутами, заключалась при ихъ уничтоженіи въ томъ, чтобы увеличить свои доходы за счетъ тѣхъ именно земель, которыя до этого находились подъ сервитутными выпасами. Тѣ же, которые, можетъ быть, дѣйствительно находили, что сервитуты препятствуютъ введенію интенсивнаго хозяйства и искренно желали ввести таковое, были лишены возможности сдѣлать это потому, что, какъ совершено правильно замѣчаетъ одно изъ крестьянскихъ присутствій, «одного разверстанія земель и упраздненія права угодій и сервитутовъ недостаточно для перехода къ интенсивной системѣ хозяйства, равнымъ образомъ недостаточно и одного добраго намѣренія владѣльца, ибо сверхъ того нужны трудъ, капиталъ и знаніе, т. е. такіе факторы, которые очень рѣдко находятся у землевладѣльца въ удачномъ сочетаніи».

Изъ изложеннаго достаточно ясно, что поставить на очередь вопросъ о ликвидаціи сервитутовъ побудило правительство не наличность «неисчислимаго вреда» и не «неодолимыя препятствія» (тѣмъ болѣе, что и въ самой запискѣ приводятся нѣкоторые факты обходовъ и нарушеній землевладѣльцами сервитутныхъ правъ крестьянъ), а только вопли помѣщиковъ, которыхъ сервитуты, «распоряженіе въ чужомъ, (т. е. ихъ) имуществѣ», такъ или иначе стѣсняютъ, и которые хотятъ, путемъ уничтоженія сервитутовъ, увеличить доходъ своихъ имѣній за счетъ обремененныхъ сервитутами земель, отдачею

ихъ тѣмъ же крестьянамъ подъ выпасъ, но, разумѣется, за возможно повышенную плату. При этомъ условіи становится вполнѣ понятнымъ на первый взглядъ странный дефектъ Записки, заключающійся въ томъ, что она не позаботилась разработать съ фактической стороны вопросъ о «неисчислимомъ вредѣ» и «неодолимыхъ препятствіяхъ», ограничившись указаніемъ на «общеизвѣстность» фактовъ этого рода. Несомнѣнно, авторы Записки хорошо понимали, что земледѣльцы, отъ которыхъ будетъ главнымъ образомъ зависѣть разрѣшеніе вопроса о ликвидаціи сервитутовъ въ Гос. Думѣ и Гос. Совѣтѣ, для усвоенія этой точки зрѣнія не нуждаются ни въ какихъ фактахъ.

Такимъ образомъ основной доводъ Записки, сводящійся къ заявленію, что въ виду «неисчислимаго вреда» и «неодолимыхъ препятствій», сервитуты должны быть ликвидированы во имя «интересовъ государственной пользы» подвергается весьма серьезному сомнѣнію.

Но почему же, несмотря на всю очевидную несостоятельность введенія «обязательной» ликвидаціи сервитутовъ по требованію только одной изъ сторонъ, законопроектъ высказывается такъ настойчиво во имя той же «государственной пользы» противъ принудительнаго ихъ уничтоженія «по иниціативѣ правительства»? Почему правительство, которое само такъ настаиваетъ на вредѣ сервитутовъ и необходимости ихъ полнаго упраздненія, вмѣсто внесенія проекта о скорѣйшемъ и всеобщемъ ихъ уничтоженіи, предлагаетъ такую полумѣру, сводящуюся только къ частичному регулированію сервитутовъ по требованію одной изъ сторонъ?

Да просто потому, что обязательное прекращеніе было бы совершенно невыгодно для помѣщиковъ. Предлагая свой проектъ, правительство одновременно настаиваетъ на необходимости примѣненія къ сервитутамъ права погасительной давности. А это нужно для того, чтобы тѣ (теперь уже довольно многочисленные) помѣщики, которымъ удалось избавиться отъ сервитутовъ собственными средствами (введеніемъ многополья и т. п.), были избавлены отъ необходимости выдавать за сервитуты какое бы то ни было вознагражденіе. Между тѣмъ, если бы ликвидація была введена какъ мѣра общеобязательная, они были бы вынуждены поплатиться за освобожденіе ихъ имѣній отъ сервитутовъ и за лишеніе крестьянъ ихъ сервитутныхъ правъ. При проектируемой же постановкѣ дѣла будутъ хлопотать о ликвидаціи только тѣ помѣщики, которые никакъ не могутъ избавиться отъ сервитутовъ собственными средствами. Крестьяне же, разумѣется, тоже будутъ молчать, потому что не до-

гадаются и не сумѣютъ воспользоваться своимъ правомъ требовать ликвидаціи сервитутныхъ отношеній.

Такова истинная подкладка проектируемой «реформы».

Остановимся теперь нѣсколько подробнѣе на вопросѣ о примѣненіи къ сервитутамъ права погасительной давности.

Въ проектѣ правилъ объ упраздненіи пастбищныхъ и лѣсныхъ сервитутовъ особенное вниманіе обращаетъ на себя статьи 11, гдѣ въ пунктѣ 2 сказано: «когда право толоки фактически въ теченіе 10 л. до изданія настоящихъ правилъ крестьянами не осуществлялось и когда при томъ между ними и помѣщикомъ не было никакихъ неоформленныхъ соглашеній относительно отмѣны толоки за опредѣленное вознагражденіе—толока и обоюдное право пастьбы скота на поляхъ общаго сѣвооборота... упраздняются безъ всякаго вознагражденія сторонъ». Необходимость введенія этой статьи въ проектъ правилъ объяснена на стран. 26 Записки ссылками на два рѣшенія Сената, разъяснившія, что общая толока должна быть признана по существу вполнѣ совпадающею съ понятіемъ о правѣ участія частнаго въ пользованіи и выгодахъ чужого имущества, а это право, согласно рѣшенію Сената, утрачивается чрезъ неосуществленіе и неотысканіе въ продолженіи исковой давности.

Требованіе это о примѣненіи именно къ общей толокѣ права давности особенно характерно и пріобрѣтаетъ сугубое значеніе именно потому, что изъ всѣхъ такъ наз. сервитутныхъ правъ это право потерпѣло наибольшія измѣненія и окончательно исчезло въ наибольшемъ количествѣ селеній. Примѣненіе его поэтому привело бы къ лишенію огромной массы селеній права получить какое бы то ни было вознагражденіе за исчезнувшую у нихъ толоку. Вмѣсто «справедливаго» вознагражденія, вмѣсто правильнаго рѣшенія вопроса, ни въ чемъ ненарушающаго интересовъ одной стороны въ ущербъ другой, о чемъ Записка усердно твердитъ на каждомъ шагу, требованіе это однимъ ударомъ рѣшаетъ дѣло въ пользу помѣщиковъ, лишая почти всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ право толоки, всякой возможности получить какое бы то не было вознагражденіе, потому что именно толока устранена уже мѣрами помѣщиковъ изъ большинства обремененныхъ ею имѣній.

Несомнѣнно, правило о примѣненіи давности вводится въ прямое противорѣчіе доводамъ самой Записки о томъ, что (стр. 25—26) «едва ли было бы справедливо лишать крестьянъ права на вознагражденіе, на общихъ основаніяхъ, въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ общая толока фактически прекращена указанными выше способами» (напр., «въ результатѣ постепеннаго уменьшенія площади толочныхъ полей при введеніи въ имѣніи многопольнаго хозяйства»). И кромѣ того,

примѣненіе давности явно противорѣчитъ словамъ записки: «равнымъ образомъ не имѣется основаній лишать крестьянъ вознагражденія за отмѣну толочнаго права, если таковое не осуществлялось ими не по доброй волѣ, а вслѣдствіе постепеннаго уменьшенія помѣщикомъ площади толочныхъ полей при введеніи многопольнаго хозяйства, такъ какъ, согласно разъясненію Правительствующаго Сената въ рѣшеніи гражданскаго кассаціоннаго департамента отъ 26 марта 1886 г. за № 19, общее пространство толочныхъ помѣщичьихъ полей не можетъ быть уменьшаемо помимо добровольнаго по сему предмету соглашенія съ крестьянами».

Но этого мало. Въ той же запискѣ указано, что Высочайше утвержденными 26 марта 1869 г. правилами установлено, что «право пастьбы на земляхъ и въ лѣсахъ помѣщика (сервитутъ), будучи утверждено за крестьянами въ силу ст. 3 Мѣстнаго Положенія 19 февраля 1861 г. и ст. 1 Указа 1 марта 1863 г., не можетъ быть отмѣняемо *иначе, какъ съ соразмѣрнымъ за оное вознагражденіемъ крестьянъ*, а впредь до изданія подробныхъ о семъ правилъ, прекращеніе пастьбы можетъ послѣдовать *только по добровольнымъ между помѣщиками и крестьянами соглашеніямъ*». Кажется, ясно. Кромѣ того, на той же стр. 3 Записки упомянуто и Высочайше утвержденное положеніе Главнаго комитета 4 апрѣля 1865 г. о томъ, что въ неразмежеванныхъ имѣніяхъ, гдѣ существуетъ право толоки, таковое сохраняется «*впредь до* окончательнаго отдѣленія крестьянскихъ земель отъ помѣщичьихъ», что повторяется и на стр. 20 Записки. Отсюда ясно, что таковое право есть право временное, установленное «впредь до» наступленія опредѣленнаго событія — окончательнаго отдѣленія земель крестьянскихъ отъ помѣщичьихъ. А по ст. 514 закон. гражд. *никакое срочное право*,—т. е. установленное на опредѣленный періодъ времени, либо *до* наступленія опредѣленнаго событія—*не можетъ* для контрагентовъ *погаситься давностью въ теченіе срока, на который установлено.*

Изъ только что сказаннаго достаточно ясно, какъ мало имѣетъ значенія ссылка Записки, въ оправданіе необходимости примѣненія давности, на какіе то два совершенно случайныя, но удобныя для ея цѣлей (потому что имѣются и сенатскія рѣшенія обратнаго свойства) рѣшенія сената, и насколько противорѣчивы соображенія самой Записки и законопроекта по этому вопросу и въ какомъ явномъ противорѣчіи съ нуждами крестьянъ, съ дѣйствующими законами и съ «интересами государственной пользы» стоитъ законопроектъ въ вопросѣ о примѣненіи давности къ названнымъ видамъ сервитутовъ. Дѣло настолько говоритъ само за себя, что распространяться далѣе на эту тему не приходится.

Обратимся теперь къ обсужденію вопроса о замѣнѣ земельнаго вознагражденія за отмѣну сервитутовъ — вознагражденіемъ денежнымъ (ст. 12 законопроекта). Вполнѣ соглашаясь съ разсужденіями Записки (стр. 29—30) о недопустимости замѣны земельнаго вознагражденія денежнымъ, въ то же время нельзя согласиться съ ея предположеніемъ выдавать въ отдѣльныхъ случаяхъ ею же принципіально отрицаемое денежное вознагражденіе, хотя предположеніе это и мотивируется совершенно правильнымъ опасеніемъ, что иногда земельное вознагражденіе можетъ приводить къ разстройству культурныхъ имѣній. Ст. 12 формулирована такъ: «вознагражденіе за упраздненіе пастбищныхъ сервитутовъ заключается въ прирѣзкѣ соотвѣтствующаго количества земли за счетъ владѣльца; за отмѣну толоки и обоюднаго права пастьбы на поляхъ общаго сѣвооборота допускается и денежное вознагражденіе, но лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда отводъ изъ владѣльческихъ угодій земельныхъ участковъ представляется невозможнымъ безъ кореннаго нарушенія всего установившагося въ имѣніи сельскохозяйственнаго строя. Размѣръ денежнаго вознагражденія установляется по соглашенію сторонъ, а при отсутствіи соглашенія—по рѣшеніямъ землеустроительныхъ комиссій».

Но что слѣдуетъ понимать подъ «кореннымъ нарушеніемъ», это не объясняется; установленіе же признаковъ «кореннаго нарушенія» предоставляется (ст. 43) землеустроительнымъ комиссіямъ, что, разумѣется, приведетъ къ крайне разнообразному примѣненію закона или къ усмотрѣнію. Въ однихъ, напр., случаяхъ кореннымъ нарушеніемъ будетъ признана неизбѣжность измѣненія, вслѣдствіе изъятія части земли, установленнаго сѣвооборота; въ другихъ —даже самый фактъ сокращенія площади имѣнія, потому что онъ долженъ почти всегда приводить хозяйство, хотя бы на первое время, въ нѣкоторое разстройство; въ третьихъ, неизбѣжность отвода крестьянамъ какого нибудь болѣе или менѣе удобнаго участка или измѣненія къ худшему фигуры имѣнія и т. д. Между тѣмъ отъ землеустроительныхъ же комиссій, по предположенію законопроекта, будетъ зависѣть также и назначеніе размѣра денежнаго вознагражденія, объемъ котораго всецѣло предоставляется ихъ усмотрѣнію, въ случаѣ отсутствія по этому вопросу соглашенія между сторонами.

При такихъ условіяхъ благорасположенная къ данному землевладѣльцу комиссія всегда можетъ признать отводъ земли изъ имѣнія нарушающимъ его сельско-хозяйственный строй и, пользуясь своимъ дискреціоннымъ правомъ, присудить крестьянамъ такое вознагражденіе, которое будетъ равнымъ почти нулю. Ясно, что ст. 12, если сохранить ее, должна быть дополнена, во-первыхъ, по воз-

можности точнымъ указаніемъ того, что надо понимать подъ коренным нарушеніемъ, во-вторыхъ, указаніемъ тѣхъ нормъ, по которымъ денежное вознагражденіе должно быть расчитываемо въ соотвѣтствіи съ размѣромъ и стоимостью земельнаго участка, взамѣнъ котораго выдаются деньги и пр. Кромѣ того, денежное вознагражденіе могло бы быть вообще допущено только въ тѣхъ случаяхъ, когда было бы выяснено, что крестьяне имѣютъ возможность пріобрѣсти при его помощи соотвѣтственное количество земли изъ окрестныхъ владѣній: иначе оно ни въ коемъ случаѣ не можетъ «обезпечить крестьянамъ сохраненіе имѣющагося у нихъ нынѣ скота и на будущее время», о чемъ такъ усиленно заботится Записка (стр. 29). Поэтому, если бы денежное вознагражденіе было всетаки оставлено въ законопроектѣ, то установленная для него норма должна быть расчитываема въ возможно повышенномъ размѣрѣ, чтобы «и на будущее время» покрыть тѣ убытки, которые понесутъ крестьяне отъ уничтоженія ихъ правъ на выпасы безъ замѣны ихъ землею.

Обращаясь къ ст. ст. 9 и 10—законопроекта относительно разрѣшенія споровъ судами, а вопроса о пространствѣ и границахъ сервитутныхъ земель крестьянскими учрежденіями, необходимо прежде всего обратить вниманіе на то обстоятельство, что ст. 9 имѣетъ въ виду лишь споры о томъ, предоставлены ли крестьянамъ сервитуты, *или же* общія угодья. Но она ни однимъ словомъ не упоминаетъ о томъ, кто же будетъ рѣшать дѣла о самыхъ правахъ на сервитутъ въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне возбудятъ при ликвидаціи вопросъ о возстановленіи принадлежащихъ имъ правъ на таковой. Это—пропускъ весьма важный. И если сопоставить его съ тѣмъ, что успѣло уже выясниться изъ предыдущаго изложенія, то можно невольно подумать, что сдѣланъ онъ какъ-будто не безъ намѣренія.

Нельзя не признать, что въ ст. ст. 9 и 10 допущена возможность смѣшенія, или, можетъ быть вѣрнѣе, столкновенія сферъ дѣятельности различныхъ учрежденій: судебныхъ «установленій» и крестьянскихъ учрежденій. Рѣшеніе вопроса о томъ: предоставленъ ли сервитутъ или же общее угодье,—будетъ зависѣть отъ судебныхъ установленій; опредѣленіе же пространства того же самого сервитута, если онъ признанъ судомъ за крестьянами, будетъ зависѣть уже отъ крестьянскихъ учрежденій. Такимъ образомъ судъ признается компетентнымъ только въ рѣшеніи принципіальнаго вопроса: предоставленъ ли крестьянамъ сервитутъ, или же общее угодье,—вопроса выясняемаго имъ, однако, на основаніи актовъ, составленныхъ въ свое время крестьянскими же учрежденіями. Послѣд-

нія признаются некомпетентными въ рѣшеніи этого принципіальнаго вопроса и компетентными лишь въ опредѣленіи *площади* сервитутнаго пользованія. Не можетъ ли при такихъ условіяхъ случиться, что крестьянскія учрежденія, располагая всѣми необходимыми документами и данными для выясненія подлежащаго ихъ разрѣшенію вопроса, найдутъ послѣ рѣшенія суда о принадлежности крестьянамъ сервитутнаго права, что имъ не принадлежитъ *никакой площади* сервитутнаго пользованія? Какъ же тогда должны будутъ поступить крестьянскія учрежденія? Въ какомъ положеніи будутъ судебныя установленія, приговоръ которыхъ будетъ низведенъ крестьянскими учрежденіями къ нулю, потому что не можетъ подлежать приведенію въ исполненіе? Изъ Записки видно, что она въ данномъ случаѣ основывается на разъясненіи сената о способахъ разрѣшенія споровъ о сервитутахъ судебными установленіями, а не крестьянскими учрежденіями въ виду того, что въ сервитутномъ и вообще земельномъ вопросѣ дѣйствія крестьянскихъ учрежденій заканчиваются выдачею установленныхъ актовъ на отведенныя земли. Но это—чисто формальная точка зрѣнія, въ которой, надо замѣтить, тѣмъ же сенатомъ сдѣлана уже извѣстная брешь въ рѣшеніи его (29 ноября 1899 г. № 6118) о томъ, что при упущеніи въ документахъ указаній на пространство и границы сервитутовъ, крестьянскія учрежденія обязаны *и въ настоящее время* принимать эти вопросы къ разсмотрѣнію и дѣлать въ документахъ дополненія.

Между тѣмъ съ разсмотрѣніемъ этого рода вопросовъ въ судебныхъ установленіяхъ дѣло стоитъ такимъ образомъ. Такъ какъ имъ не предоставлено права собирать доказательства, то при рѣшеніи сервитутныхъ дѣлъ они принуждены будутъ руководствоваться только тѣми документами, которые будутъ представлены сторонами. При такихъ условіяхъ остается всегда въ выигрышѣ та сторона, которая сумѣетъ представить суду документъ, наиболѣе полно выясняющій именно ея права. Но это далеко еще не будетъ значить, что право и правда именно на ея сторонѣ, такъ какъ другая сторона могла просто не успѣть или не сумѣть сдѣлать того же, хотя, по существу дѣла, права была именно она. И судъ рѣшитъ дѣло на основаніи того документа, который представится наиболѣе доказательнымъ. Но если бы онъ могъ войти въ подробное разсмотрѣніе дѣла по существу, собравъ для этого всѣ необходимыя доказательства, т. е. стать въ этомъ отношеніи въ положеніе располагающихъ таковыми крестьянскихъ учрежденій, то онъ во многихъ случаяхъ посмотрѣлъ бы на дѣло съ иной стороны.

Казалось бы поэтому, что если возлагать на судебныя установленія обязанность разсмотрѣнія споровъ о правахъ на серви-

туты, то только при условіи предоставленія имъ права собиранія доказательствъ и передачи также права опредѣленія площади (пространства сервитутнаго пользованія). Несомнѣнно, что *при данныхъ условіяхъ* судебныя установленія не въ состояніи давать отвѣты на интересующіе спорящія стороны вопросы въ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда въ актахъ крестьянскихъ учрежденій сервитутныя отношенія не ясны. Основываясь на существующихъ документахъ, они не могутъ входить и въ обсужденіе вопроса о степени правильности таковыхъ (напр., при различіи между содержаніемъ выкупного акта и данной). Надо помнить, что основаніемъ всѣхъ почти споровъ и недоразумѣній, возникающихъ между крестьянами и владѣльцами, служатъ большею частію поземельныя отношенія, или неясно опредѣленныя по выкупнымъ документамъ, или же окончательно неустановленныя, и, какъ извѣстно, самый большой процентъ этихъ дѣлъ возбуждается именно изъ-за сервитутовъ. Надо хорошо знать ту, если можно такъ выразиться, путаницу указаній на сервитутныя права, которая содержится во владѣнныхъ документахъ, чтобы признать, какъ нерѣдко непреодолимо трудно разобраться въ ней даже компетентнымъ въ этихъ дѣлахъ и имѣющимъ возможность собрать всѣ необходимыя данныя крестьянскимъ учрежденіямъ. Въ самой Запискѣ сказано (стр. 16): «на основаніи Мѣстныхъ Положеній 19 февраля 1861 г. и Высочайшихъ указовъ 1 марта и 30 іюля 1863 г., циркулярными распоряженіями генералъ-губернаторовъ сѣверо и юго-западнаго края крестьянскимъ учрежденіямъ было вмѣнено въ обязанность укрѣпить, со внесеніемъ въ выкупные документы, за крестьянами все то, чѣмъ они, во время состоянія въ крѣпостной зависимости, пользовались на земляхъ и угодьяхъ помѣщиковъ, въ томъ числѣ и разные виды пастбищныхъ сервитутовъ. Однако, по отношенію къ симъ послѣднимъ, частію вслѣдствіе спѣшности землеустроительныхъ работъ, частію по неопредѣленности въ нѣкоторыхъ случаяхъ правъ крестьянъ на выпасъ скота, когда, напр., въ одномъ лѣсу пользовались пастбищемъ нѣсколько прилегающихъ къ нему деревень, упомянутыя распоряженія были приведены въ исполненіе далеко не съ тою точностью, какая въ столь важномъ дѣлѣ представляется необходимою. Такъ, ни въ рѣшеніяхъ крестьянскихъ учрежденій, ни въ выкупныхъ документахъ не только не приведено количество наличнаго въ то время у крестьянъ скота или число головъ скота, которое крестьяне имѣли право выпускать на пастьбу, но по большинству имѣній (въ Минской губ., напр., по 90%) не опредѣлены границы обремененныхъ сервитутомъ пространствъ и даже иногда не поименованы сервитутныя урочища, а лишь указано, что

крестьянамъ предоставлено право пастьбы скота «по старому», по прежнему» и т. п.

Таковы констатируемыя самой Запиской условія, при которыхъ судебнымъ установленіямъ пришлось бы, согласно данному законопроекту, разбирать споры, не имѣя права собирать необходимыя доказательства. Очевидно, что дать имъ это право безусловно необходимо, и не только какъ право, но и какъ обязанность, иначе нечего расчитывать на правильное разрѣшеніе сервитутныхъ дѣлъ судебными установленіями.

Болѣе чѣмъ любопытно, что, находя необходимымъ предоставить судебнымъ установленіямъ принципіальное разрѣшеніе сервитутныхъ вопросовъ, но безъ права собиранія доказательствъ, Записка въ тоже время (стр. 89—90) говоритъ о лѣсныхъ сѣнокосахъ слѣдующее: «При указанномъ выше разнообразіи практики крестьянскихъ учрежденій по вопросу о надѣленіи крестьянъ лѣсными сѣнокосами, при различіи правъ крестьянъ по выкупнымъ документамъ на эти угодья и при неопредѣленности мѣстоположенія и границъ лѣсныхъ сѣнокосовъ, рѣшенія судебныхъ мѣстъ по спорнымъ дѣламъ по необходимости также должны быть различны, а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ идетъ споръ о возстановленіи границъ нарушеннаго владѣнія сѣнокосными участками, судебныя учрежденія *часто лишены даже возможности постановлять правильныя рѣшенія*, такъ какъ точныхъ плановъ на эти земельныя угодья не существуетъ. Особое вниманіе обращаетъ на себя то обстоятельство, что судебныя учрежденія въ рѣшеніяхъ своихъ по дѣламъ этого рода *совершенно измѣняютъ юридическій характеръ* правъ на означенныя угодья, предоставленныя крестьянамъ по выкупнымъ документамъ». И далѣе: «подобныя судебныя рѣшенія стали появляться все чаще къ явному, конечно, ущербу имущественныхъ правъ, пріобрѣтенныхъ крестьянами по выкупнымъ документамъ» (!).

Изъ только что приведенныхъ краткихъ цитатъ читатель не можетъ не убѣдиться, что Записка, проектируя возложить на судебныя установленія, при выясненныхъ условіяхъ дѣятельности таковыхъ, вышеуказанныя обязанности, въ тоже время располагаетъ богатымъ матеріаломъ, доказывающимъ, что работа судебныхъ установленій при данныхъ условіяхъ приводитъ «къ лишенію возможности постановлять правильныя рѣшенія», «къ совершенному измѣненію юридическаго характера правъ сторонъ» и «къ явному ущербу правъ крестьянъ». Такимъ образомъ авторы Записки обладали всѣми необходимыми свѣдѣніями для того, чтобы высказаться въ данномъ случаѣ отрицательно, или указать на тѣ необходимыя мѣры, при наличности которыхъ рѣшенія судебныхъ

установленій только и могутъ быть ограждены отъ такого рода недостатковъ.

Остановимся теперь на предположеніи законопроекта обязать стороны при отмѣнѣ толоки и обоюднаго права пастьбы непремѣнно производить разверстаніе чрезполосныхъ угодій, хотя бы на это не было желанія ни одной изъ сторонъ. Необходимость такого страннаго принужденія мотивируется въ законопроектѣ тѣмъ, что пастбищные сервитуты «органически связаны съ чрезполосностью угодій, и являются неизбѣжнымъ ея послѣдствіемъ, а потому уничтоженіе чрезполосности безъ отмѣны помянутыхъ видовъ сервитутнаго пользованія, равно какъ и упраздненіе послѣднихъ безъ разверстанія угодій, немыслимо» (стр. 12).

Но въ самой же Запискѣ констатируется, что (стр. 21) «въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ Югозападнаго края, въ которыхъ крестьянскія и помѣщичьи поля нечрезполосны, также существуетъ обоюдное право пастьбы скота на поляхъ общаго сѣвооборота, предоставленное по выкупнымъ документамъ», откуда авторъ Записки (т. е. Земскій Отдѣлъ) могъ бы съ полнымъ правомъ заключить, что этотъ видъ сервитута не совсѣмъ «органически» связанъ съ чрезполосицею. Затѣмъ и чрезполосица вѣдь тоже бываетъ разная. А изъ того, что право толоки имѣетъ иногда мѣсто и при полномъ отсутствіи чрезполосицы, не такъ уже трудно заключить, что оно существуетъ иногда и при такихъ видахъ ея, которые вреда хозяйству не оказываютъ; напр., когда имѣніе состоитъ изъ 2—3 болѣе или менѣе крупныхъ удобно округленныхъ и вблизи другъ отъ друга расположенныхъ участковъ. Здѣсь уничтоженіе права толоки безъ устраненія чрезполосицы является вполнѣ «мыслимымъ», а принудительное ея уничтоженіе будетъ совершенно излишне и можетъ привести помѣщичье, а можетъ быть и крестьянское хозяйство, хотя бы и во временное, но всетаки значительное разстройство.

Поэтому законопроектъ совершенно напрасно стѣсняетъ помѣщиковъ и крестьянъ, обязывая ихъ уничтожать чрезполосицу при отмѣнѣ названныхъ видовъ сервитутовъ. Если ужъ ставитъ дѣло упраздненія сервитутовъ въ зависимость, какъ это дѣлаетъ законопроектъ, отъ заявленія сторонъ, то проще и практичнѣе было бы и рѣшеніе вопроса объ уничтоженіи чрезполосицы при упраздненіи сервитутовъ также поставить въ зависимость отъ заявленія тѣхъ же сторонъ. Чѣмъ меньше шаблона, чѣмъ больше возможности примѣненія къ мѣстнымъ условіямъ, особенностямъ и нуждамъ, тѣмъ лучше, потому что подведеніе жизни подъ шаблонъ можетъ

принести только вредъ. Мѣстныя особенности и условія, особенно когда имѣешь дѣло съ нѣсколькими губерніями, а въ нихъ съ тысячами селеній и имѣній, такъ разнообразны, что законъ, который для нихъ издается, долженъ быть очень гибокъ, долженъ предусмотрѣть и обнять все это разнообразіе, чтобы вмѣсто «государственной пользы» не принести вреда и государству, и помѣщикамъ или крестьянамъ. А для этого прежде всего необходимо обстоятельно обслѣдовать ту область жизни, для улучшенія или урегулированія которой предстоитъ издать законъ; но этого то въ данномъ случаѣ именно и не было сдѣлано.

Приступая къ разсмотрѣнію вопроса о вознагражденіи крестьянъ за упраздненные сервитуты, Записка ставитъ слѣдующій вопросъ: «Слѣдуетъ ли установить лишь главнѣйшія основанія вознагражденія крестьянъ за упраздненіе различныхъ видовъ сервитутнаго пользованія, предоставивъ опредѣленіе способовъ исчисленія этого вознагражденія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мѣстнымъ учрежденіямъ, по всестороннемъ обслѣдованіи каждаго обремененнаго сервитутомъ имѣнія особо, либо въ самомъ законѣ указать точно опредѣленную, хотя бы нѣсколько грубую норму вознагражденія, одинаковую для всѣхъ имѣній, обремененныхъ сервитутомъ, возложивъ на обязанность мѣстныхъ учрежденій лишь опредѣленіе размѣра вознагражденія на основаніи готовой и уже данной въ законѣ нормы»? Вопросъ этотъ Записка рѣшаетъ въ послѣднемъ смыслѣ. Въ пользу именно этого соображенія она высказывается и потому, что вышеуказанный трудъ (опредѣленіе въ каждомъ случаѣ вознагражденія по «всестороннемъ обслѣдованіи») былъ бы для мѣстныхъ учрежденій «непосильнымъ», внесъ бы въ дѣло ликвидаціи сервитутовъ «шаткость, случайность и полную неопредѣленность» и, давая просторъ ихъ произволу, привелъ бы къ крайнему разнообразію ихъ постановленій по сервитутному вопросу. Поэтому Записка даже не останавливается передъ обсужденіемъ вопроса: нельзя ли было бы все-таки обставить такую постановку дѣла какими-либо, болѣе или менѣе обезпечивающими интересы сторонъ отъ произвола, рамками,— а категорически высказывается противъ оказанія довѣрія въ этомъ случаѣ мѣстнымъ учрежденіямъ. А между тѣмъ въ ст. 12 законопроектъ довѣряетъ землеустроительнымъ комиссіямъ рѣшеніе такого важнаго вопроса, какъ установленіе размѣра денежнаго вознагражденія, взамѣнъ земельнаго, предоставляя его рѣшеніе полному ихъ усмотрѣнію. И это, очевидно, потому, что при отсутствіи заранѣе установленныхъ нормъ мѣстныя учрежденія могутъ, пожалуй, въ отдѣль-

ныхъ случаяхъ заставить землевладѣльцевъ дать крестьянамъ болѣе или менѣе «соотвѣтственное» вознагражденіе. Введеніе же проектируемыхъ единообразныхъ нормъ заранѣе ограждаетъ отъ такихъ неблагопріятныхъ случайностей и гарантируетъ помѣщикамъ, если не полное избавленіе отъ дачи вознагражденія, то по крайней мѣрѣ опредѣленіе его въ минимальномъ размѣрѣ. Но недовѣряя мѣстнымъ учрежденіямъ, сама Записка употребляетъ для установленія нормъ такіе способы и пріемы, которые въ свою очередь не заслуживаютъ довѣрія. Объ этомъ мы и скажемъ теперь нѣсколько словъ.

Обсуждая вопросъ о способахъ исчисленія нормъ вознагражденія крестьянъ за отходящіе отъ нихъ сервитуты, Записка говоритъ: «представляется вполнѣ возможнымъ для производства расчета воспользоваться, безъ опасенія впасть въ грубую ошибку, *средними* цифрами, если бы даже таковыя были взяты и по районамъ *болѣе или менѣе значительнымъ*. *Вполнѣ пригодный* для указанной цѣли офиціальный статистическій матеріалъ находится въ приложеніяхъ къ ежегоднымъ всеподданнѣйшимъ отчетамъ губернаторовъ (стр. 53—54).

Это значитъ—«вполнѣ возможно» воспользоваться средними цифрами сдѣлавшейся притчей во языцѣхъ, списываемой съ потолка волостной статистики, да еще и по «районамъ болѣе или менѣе значительнымъ», т. е. (какъ увидитъ читатель ниже) въ нѣкоторыхъ случаяхъ по районамъ изъ 8 губерній!

Обращаясь къ разсмотрѣнію этихъ «вполнѣ пригодныхъ» статистическихъ цифръ, положенныхъ въ основаніе среднихъ для исчисленія нормъ, по которымъ предполагается вознаграждать за уничтоженіе сервитутовъ, начнемъ съ того маленькаго примѣчанія, которымъ снабжено вышеупомянутое «приложеніе» къ Запискѣ. Примѣчаніе это очень характерно. Оно гласитъ, что «свѣдѣнія о количествѣ собираемаго съ десятины сѣна въ Волынской губ. и кормовыхъ травъ въ Витебской, Виленской, Гродненской, Кіевской и Волынской губ. во всеподданнѣйшихъ отчетахъ губернаторовъ *не* имѣется и цифры установлены *по сравненію общей производительности* почвы этихъ губерній съ губерніею Ковенской и Подольской». И такъ, для того, чтобы установить правильныя и справедливыя нормы по вознагражденію за сервитуты въ каждомъ отдѣльномъ имѣніи считается возможнымъ не только такое допущеніе, въ силу котораго среднія цифры для цѣлыхъ губерній примѣняются къ любому имѣнію, независимо отъ мѣстныхъ особенностей, но даже и установленіе среднихъ для цѣлаго ряда губерній по даннымъ, относящимся къ *другимъ* губерніямъ! Для цѣлыхъ пяти губерній выводятся среднія по даннымъ о двухъ другихъ, которыя при этомъ не

имѣютъ ни малѣйшаго сходства между собою (Подольская и Ковенская). Среднія о количествѣ собираемаго въ Волынской губ. сѣна устанавливаются по даннымъ ничего общаго съ нею неимѣющей Подольской губерніи, когда для самой-то Волынской губ. такая средняя, если бы даже она была выведена по подробнымъ и собраннымъ на мѣстѣ точнымъ даннымъ, не имѣла бы никакого практическаго значенія. Такая средняя непримѣнима была бы въ ней даже при вычисленіи ея только для одного уѣзда. Въ уѣздахъ, напр., гдѣ протекаютъ рр. Горынь и Случь, извѣстные на весь край прилегающіе къ нимъ превосходные заливные сѣнокосы сдаются въ аренду до 50 р. за дес., а мѣстами, почти рядомъ съ этими сѣнокосами, имѣются покосы болотные, сдаваемые по 1 р. за дес. Но вѣдь многія имѣнія этихъ уѣздовъ одновременно обладаютъ и лучшими, и худшими сѣнокосами; какое же можетъ имѣть для нихъ значеніе совершенно теоретическая, чисто бумажная средняя, выведенная на основаніи данныхъ, относящихся къ столь неоднороднымъ, несравнимымъ между собою величинамъ. А между тѣмъ законопроектъ не останавливается даже передъ выводомъ среднихъ по даннымъ *другихъ* губерній!

Приведемъ, для примѣра, только два сопоставленія этихъ, заключающихся въ приложеніи, погубернскихъ среднихъ. Возьмемъ, для примѣра, губерніи Юго-западнаго края. Изъ приложенія видно, что средняя погубернская урожайность озимыхъ и яровыхъ въ Кіевской губ., гдѣ болѣе полутора самыхъ обширныхъ уѣздовъ носятъ полѣсскій, песчано-болотный характеръ, въ общемъ *выше* (!) урожайности земель Подоліи (самъ 6,2 и 6,1). Плодородіе же земель Волыни, гдѣ полѣсье занимаетъ почти половину ея, да добрая треть ея носитъ переходный, такъ сказать полуполѣсскій характеръ, лишь немногимъ (самъ 5,2) ниже Подоліи!

Высѣвы на десятину оказываются совершенно одинаковыми для такихъ злаковъ, какъ рожь, пшеница, ячмень и овесъ—неизмѣнно по 10 п. на дес. и при томъ во всѣхъ 8 губерніяхъ. Правда, выводъ этотъ основывается уже не на данныхъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ, а на настольной для сельскихъ хозяевъ книгѣ Баталина (!), но по точной справкѣ оказывается, что въ ней приведены цифры, доказывающія, что средніе посѣвы перечисленныхъ хлѣбовъ у крестьянъ и у помѣщиковъ *не* одинаковы и по хлѣбамъ, и по мѣстностямъ.

Таковы данныя, полагаемыя въ основу расчетовъ для опредѣленія на всѣ обремененныя сервитутами имѣнія 8 губерній нормъ вознагражденія за ихъ упраздненіе. Для рѣшенія существенно важнаго вопроса, въ исходѣ котораго имущественно заинтересованы и

помѣщики, и крестьяне, не собрано на мѣстѣ необходимыхъ точныхъ данныхъ, которыми опредѣлялись бы и уяснялись мѣстныя типичныя особенности. Взамѣнъ того берутся неимѣющія никакого значенія, завѣдомо не отвѣчающія дѣйствительности, неточныя и огульныя цифры, и на ихъ основаніи составляется весьма важный законопроектъ.

Но что въ данномъ случаѣ особенно замѣчательно, такъ это то, что сама Записка вмѣстѣ съ тѣмъ ссылается на такіе документы по исторіи сервитутнаго вопроса, которыми именно и доказывается крайнее разнообразіе значенія однихъ и тѣхъ же сервитутовъ для отдѣльныхъ селеній и имѣній даже одного и того же уѣзда. Разнообразіе это, какъ оказывается, таково, что за одинъ и тотъ же сервитутъ въ разныхъ селеніяхъ одного и того же уѣзда опредѣлялось, при добровольныхъ разверстаніяхъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ и взаимному соглашенію сторонъ, весьма неодинаковое вознагражденіе. Дѣло доходило мѣстами до того, что въ то время, когда въ однихъ селеніяхъ крестьяне не желали отказаться отъ сервитута ни за какое вознагражденіе, въ другихъ не только крестьяне, но и помѣщикъ, уничтожая черезполосицу, соглашались оставить сервитуты безъ измѣненія, а въ третьихъ крестьяне давали согласіе на прекращеніе ими сервитутнаго пользованія безъ всякаго вознагражденія! Ясно, что въ различныхъ случаяхъ одни и тѣ же сервитуты имѣли весьма неодинаковое для сторонъ значеніе, и потому подводить ихъ подъ однѣ шаблонныя нормы безусловно недопустимо.

Между тѣмъ законопроектъ предлагаетъ для каждаго сервитута общую норму на всѣ 8 губерній, совершенно ошибочно предполагая, что таковая можетъ обнять всѣ случаи разнообразія сервитутныхъ отношеній, находящихся въ зависимости отъ чисто мѣстныхъ условій. Судя по практикѣ добровольныхъ разверстаній, колебанія въ ту и другую сторону отъ проектируемыхъ нормъ будутъ въ дѣйствительности весьма велики, и въ рѣдкихъ только случаяхъ норма удовлетворитъ обѣ стороны. Въ большинствѣ же случаевъ, при выясненномъ разнообразіи сервитутныхъ отношеній и разнообразіи ихъ значенія для сторонъ, норма окажется невыгодной или для крестьянъ, или для помѣщиковъ, и ликвидація, обоснованная на такой нормѣ, не только не приведетъ къ улучшенію, но можетъ еще и ухудшить существующее положеніе.

Кромѣ принятія одинаковой урожайности для цѣлыхъ губерній, законопроектъ принимаетъ для вычисленія нормъ также и *средній* надѣлъ на всю губернію, тогда какъ различіе въ размѣрахъ надѣловъ (на единицу надѣленія) по отдѣльнымъ селеніямъ тоже весьма

велико (напр., въ Волынской губ., по офиціальнымъ даннымъ, отъ 1—90 дес. на 1 надѣльный дворъ).

Различіе это, какъ должно бы быть небезъизвѣстно Земскому Отдѣлу, неизбѣжно зависитъ отъ самыхъ условій надѣленія крестьянъ землею, въ силу которыхъ крестьянамъ предоставлено было выкупать всю мірскую землю въ томъ составѣ, въ какомъ она была признана за ними инвентарными правилами 1847—48 гг., на основаніи которыхъ крестьяне различныхъ селеній пользовались помѣщичьею землею въ самыхъ разнообразныхъ количествахъ.

Чтобы показать, какъ далеко отъ дѣйствительности исчисленіе въ законопроектѣ нормъ по среднимъ для цѣлыхъ губерній, сдѣлаемъ, пользуясь только цифрами самого же законопроекта (Приложенія), примѣрный разсчетъ «земельнаго вознагражденія за отмѣну пастбищныхъ сервитутовъ по лѣсамъ, достаточнаго для обезпеченія зимнимъ кормомъ крестьянскаго скота, содержимаго зимою на получаемыхъ съ надѣла кормовыхъ средствахъ». Такъ какъ погубернскія среднія урожая хлѣбовъ и травъ настолько близки между собою, что селенія съ такими урожаями можно встрѣтить въ любой изъ этихъ губерній, то и расчитаемъ, пользуясь ими, какъ будутъ колебаться нормы вознагражденія при равенствѣ надѣла (до 4 дес. озимаго и яроваго и 5 д. сѣнокоса) въ зависимости отъ одного только различія въ урожаяхъ (въ первомъ случаѣ съ десят. 3,8 п. озим., 3,3 п. яроваго и 65 п. сѣна, во второмъ соотвѣтствующія цифры: 6,6—5,6—100 п.). Если принять эти цифры для исчисленія нормы вознагражденія совершенно тѣмъ же способомъ, какой рекомендуется въ Запискѣ, то окажется, что въ первомъ случаѣ прирѣзка къ надѣлу должна быть равна 12% надѣла, а во второмъ 20%. Это только при различіи селеній по урожаямъ озими, яроваго и естественныхъ луговъ!

Разница, какъ видно изъ только что сказаннаго, довольно крупная. Между тѣмъ законопроектъ предлагаетъ *общую для всѣхъ селеній и имѣній восьми губерній норму* въ 15%!

Приведеннаго примѣра, надо думать, вполнѣ достаточно, чтобы убѣдиться, на сколько примѣненіе одной и той же нормы окажется несоотвѣтствующимъ требованіямъ жизни, несоотвѣтствующимъ огромному разнообразію мѣстныхъ условій въ 8 губерніяхъ и притомъ— то крайне невыгоднымъ для помѣщика, то чрезмѣрно убыточнымъ для крестьянъ.

Въ виду этого полученіе Запискою (стр. 56) «почти одинаковыхъ результатовъ при расчетахъ (для разныхъ губерній), основанныхъ на совершенно различныхъ статистическихъ данныхъ объ урожайности хлѣбовъ, сѣна и травъ» совсѣмъ не является, какъ ска-

зано въ Запискѣ, «нагляднымъ подтвержденіемъ справедливости главнаго положенія о постояномъ и незыблемомъ во всѣхъ случаяхъ соотношеніи между надѣломъ и однокачественной съ нимъ прирѣзкой». И это потому, что статистическія данныя Записки совсѣмъ не «совершенно различны»: представляя собою сглаживающія всякія крайности погубернскія среднія и къ тому же представляющія результатъ «приблизительной» волостной статистики, статистическія данныя очень между собою сходны, вслѣдствіе чего и результаты вычисленій должны были оказаться близки между собою. При правильномъ пользованіи дѣйствительно точными статистическими данными результаты должны были бы получиться непремѣнно различныя, и именно это различіе и служило бы доказательствомъ правильности сдѣланныхъ выводовъ. Тогда бы на самихъ цифрахъ выяснилось, что то, что вѣрно для Минской губ., совсѣмъ не вѣрно для Подольской; та норма, которая опредѣлилась для Виленской губ., не приложима къ Ковенской и т. д. А потому и примѣнять ко всѣмъ губерніямъ одинаковый размѣръ надбавки за сервитуты въ 15% (стр. 56, ст. правилъ 24) совершенно неосновательно, тѣмъ болѣе, что даже въ результатѣ вычисленій Записки ни по одной губерніи не получилось % ниже 15, 5, а для нѣкоторыхъ изъ губерній, даже по приведеннымъ въ приложеній среднимъ даннымъ, получается 17%.

Основаніемъ къ пониженію вычисленнаго % не можетъ служить ссылка Записки на то, что часть яровыхъ полей «обыкновенно» засѣвается корнеплодами, а часть соломы идетъ на крыши и топливо, чѣмъ уменьшается количество зимняго корма скоту, такъ какъ при опредѣленіи нормъ законопроектъ долженъ исходить не изъ нынѣшняго положенія, а изъ того, какое было въ шестидесятыхъ годахъ, когда сервитуты утверждались за крестьянами въ размѣрѣ существовавшихъ тогда у нихъ потребностей. И даже, если считаться съ этими обстоятельствами, то всетаки нѣтъ никакихъ основаній (кромѣ игры въ руку помѣщиковъ) понижать % непремѣнно до 15 какъ для тѣхъ губерній, для которыхъ онъ опредѣлился въ 17, такъ и для тѣхъ, для которыхъ онъ вычисленъ въ $15^1/_2$.

Наконецъ, при установленіи нормъ вознагражденія надобно всегда помнить одно очень важное обстоятельство,—что нормы вознагражденія должны быть расчитываемы не съ пониженіемъ, а наоборотъ, съ повышеніемъ, потому что, говоря словами бывшаго генералъ-губернатора Дрентельна, «вознагражденіе должно возмѣщать потери, которыя несетъ все крестьянское общество, и не только настоящій составъ его, но и будущія поколѣнія. Пастбищные сервитуты, кромѣ того, составляютъ не личное право крестьянъ, а принадлежность крестьянскаго надѣла, и потому вознагражденіе за

отмѣну этой принадлежности не должно вести къ обезцѣненію надѣла, служащаго въ полномъ своемъ составѣ гарантіей исполненія крестьянами лежащихъ на нихъ государственныхъ повинностей».

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію предположенныхъ законопроектомъ нормъ вознагражденія за толоку, какъ наиболѣе распространеннаго вида сервитутовъ [1].

Записка признаетъ (стр. 29), что «пользованіе крестьянъ помѣщичьею толокою въ теченіе свыше 40-лѣтняго періода дало возможность крестьянамъ содержать большее количество скота, чѣмъ какое они могли прокармливать лѣтомъ на однихъ крестьянскихъ надѣлахъ. Въ виду сего за отмѣну толоки слѣдуетъ установить такое вознагражденіе, которое обезпечивало бы крестьянамъ сохраненіе имѣющагося у нихъ нынѣ скота и на будущее время». Размѣръ вознагражденія за право толоки Записка устанавливаетъ примѣнительно къ выводамъ Совѣщанія 1903 года, основывая расчетъ на томъ соображеніи, что (стр. 35) «въ исключительномъ пользованіи крестьянъ для выпаса скота находится въ теченіе $^1/_3$ лѣтняго періода $^1/_4$ толочныхъ владѣльческихъ полей и что такъ какъ земельное вознагражденіе предоставляется въ полную собственность крестьянъ и изъ отводимаго имъ участка они могутъ извлекать выгоды въ теченіе всего лѣтняго періода, означенная $^1/_4$ часть должна быть уменьшена въ три раза», (т. е. должна быть равна $^1/_{12}$ части владѣльческихъ полей).

Но причемъ тутъ «треть» лѣтняго періода, и почему именно треть?

Если крестьяне въ теченіе трети лѣтняго періода располагаютъ пастьбой по парамъ, то не надо забывать, что при томъ же трехпольѣ, тѣ же крестьяне въ теченіе другой и третьей трети лѣтняго періода пользуются для выпаса пожнивьемъ озимымъ и яровымъ; *слѣдовательно, обычно пользуются и толочнымъ выпасомъ въ теченіе всего лѣтняго періода (а не трети его)*. Отсюда ясно, что вообще о періодѣ, т. е. о времени въ данномъ расчетѣ и рѣчи быть не можетъ, а можетъ идти рѣчь только лишь о площади. Но и сама площадь исчисляется всего въ $^1/_6$ «толочныхъ владѣльческихъ полей». Къ сожалѣнію, въ Запискѣ не приводится подлиннаго текста принятаго ею къ руководству постановленія Совѣщанія 1903 года, а цифра въ $^1/_6$ принимается какъ само собою подразумѣваемая,

---

[1]) Въ югозап. краѣ, по свѣдѣніямъ Д. И. Рихтера, изъ 283 тыс. дворовъ, имѣющихъ сервитуты, право толоки принадлежитъ 162 тыс.

нетребующая объясненій и неподлежащая спору, хотя, въ виду важности даннаго вопроса слѣдовало бы пояснить ея происхожденіе, разъ она кладется въ основу всего расчета для опредѣленія размѣра вознагражденія Несомнѣнно, однако, что происхожденіе этой цифры объясняется тѣмъ соображеніемъ, что фактически подъ выпасомъ *единовременно* находится обыкновенно треть владѣльческихъ полей (сначала паръ, затѣмъ пожнивье озимое и пожнивье яровое, которыя даже въ теченіе нѣкотораго времени состоятъ подъ выпасомъ одновременно). Слѣдовательно, при равенствѣ правъ сторонъ на долю каждой приходится какъ бы половина трети, т. е. по одной шестой. Правильность этого соображенія о происхожденіи данной цифры вполнѣ подтверждается сопоставленіемъ съ стран. 33 Записки, гдѣ при исчисленіи бывшихъ проектовъ вознагражденія за толоку между прочимъ сказано, что Совѣщаніемъ принята была «вся площадь полевой экономической земли, уменьшенная въ три раза и *раздѣленная по взаимности правъ пополамъ*, т. е., другими словами, одна шестая часть всѣхъ экономическихъ полей, которыя періодически бываютъ подъ толокою».

Но такой разсчетъ совершенно невѣренъ, потому что въ случаѣ, о которомъ идетъ рѣчь (стр. 35) трактуется,—въ виду того, что большею частію выпасомъ на помѣщичьей толокѣ пользуется только крестьянскій скотъ,—лишь объ «*исключительномъ* пользованіи крестьянъ для выпаса скота», т. е. пользованіи толокою сполна въ ея не уменьшенномъ, полномъ объемѣ. А такъ какъ въ *дальнѣйшемъ* изложеніи (таже стр. 35), гдѣ говорится о вознагражденіи при условіи, «когда это право осуществляется *фактически* въ равной мѣрѣ *тою и другою сторонами*», сказано, что въ этихъ случаяхъ вознагражденіе надо уменьшить вдвое, то оказывается, что въ первомъ случаѣ вознагражденіе уменьшено вдвое, вслѣдствіе взаимности правъ чисто принципіальной, но не осуществляемой на практикѣ, а во второмъ оно *еще разъ* уменьшается вдвое за то, что эта взаимность правъ фактически осуществляется. Иными словами, за то, что права только *считаются* взаимными, получай лишь половину того, на что имѣешь право, а за то, что они и фактически оказались взаимными, (т. е. за то, что помѣщикъ, пользуясь своимъ правомъ, пасъ свой скотъ вмѣстѣ съ крестьянскимъ и такимъ образомъ подножнаго корма для крестьянскаго скота оставалось меньше)—получай лишь *половину этой половины*! Въ этомъ послѣднемъ случаѣ вознагражденіе будетъ уменьшено не въ вдвое, а уже вчетверо.

Такимъ образомъ ст. 19 законопроекта о расчетѣ вознагражденія за отмѣну толоки должна быть радикально измѣнена, потому что она, принимая цифры въ $^1/_{18}$ и въ $^1/_{36}$ преуменьшаетъ норму

вознагражденія въ первомъ случаѣ вдвое, а во второмъ втрое (не говоря о преуменьшеніи вслѣдствіе неправильнаго разсчета о періодѣ выпаса, о чемъ было сказано выше).

Но сверхъ всего этого въ ст. 19 содержится еще одинъ весьма крупный деффектъ. Дѣло въ томъ, что въ той части ея, гдѣ говорится относительно отвода $^1/_{18}$ сказано: „при чемъ такое вознагражденіе опредѣляется $^1/_{36}$ частью въ случаяхъ, когда *при отмѣнѣ права толоки* такое право фактически осуществлялось обѣими сторонами". Что же означаетъ это выраженіе: «*при* отмѣнѣ права толоки»? Это значитъ, что достаточно *землевладѣльцу* лѣтомъ того года, въ который онъ, по изданіи проектируемаго закона, подастъ заявленіе о желаніи ликвидировать сервитуты,—начать выгонять скотъ на общую толоку, чтобы получить и право на выдачу вознагражденія въ размѣрѣ не $^1/_{18}$, а только $^1/_{36}$. Такою формулировкою статья 19 заранѣе предопредѣляетъ, что вознагражденіе будетъ всегда выдаваться въ размѣрѣ $^1/_{36}$, потому что никто себѣ не врагъ и не найдется такихъ наивныхъ людей, которые не догадаются воспользоваться этою статьею въ свою пользу.

Цифрой въ $^1/_{18}$, исчисляемой для вознагражденія за право толоки, законопроектъ пользуется и для пастбищнаго сервитута по полямъ и лугамъ. Записка характеризуетъ подобнаго рода сервитутъ такъ (стр. 37): «установленіе этихъ сервитутовъ, не находясь въ прямой зависимости отъ расположенія крестьянскихъ и владѣльческихъ земель, обусловливалось главнымъ образомъ недостаточностью въ составѣ крестьянскихъ надѣловъ пастбищныхъ угодій и вытекающею отсюда необходимостью обезпечить крестьянамъ выпасъ скота предоставленіемъ имъ для сего сервитутнаго пользованія на экономическихъ угодьяхъ. Соотвѣтственно такому значенію упомянутыхъ сервитутовъ, при опредѣленіи вознагражденія за ихъ отмѣну, необходимо имѣть въ виду не столько оплату выгодъ, утрачиваемыхъ крестьянами, сколько предоставленіе имъ возможности прокармливать въ теченіе лѣта необходимое для ихъ хозяйства количество скота, для выпаса котораго были имъ предоставлены сервитутныя угодья».

Кромѣ того Записка констатируетъ (стр. 39), что «въ дѣйствительности пастьба скота по лугамъ даетъ крестьянамъ большія, сравнительно съ толокою, выгоды, такъ какъ, во первыхъ, луга поступаютъ подъ пастбище ежегодно не въ третьей части, а въ полномъ составѣ, и время пастьбы на нихъ (до заказа и по снятіи сѣна) продолжительнѣе, чѣмъ на каждомъ изъ полей, и, во вторыхъ, кормъ для скота на лугахъ обильнѣе и лучше по качеству, чѣмъ на пожнивьѣ и на паровомъ полѣ». Тѣмъ не менѣе страницею

ранѣе (38) Записка утверждаетъ: «нельзя не признать, что сервитутъ по полямъ и лугамъ, какъ въ отношеніи продолжительности пастбищнаго періода, такъ и по свойству самыхъ пастбищъ (!), имѣетъ близкое сходство съ толокою. Сходство это еще болѣе усиливается въ виду того обстоятельства, что въ дѣйствительности право толоки въ теченіе многихъ лѣтъ осуществляется въ полной мѣрѣ только крестьянами и фактически сводится къ одностороннему сервитуту. Благодаря этому, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ сознаніи крестьянскаго населенія не существуетъ яснаго представленія о коренномъ юридическомъ различіи этихъ двухъ видовъ сервитутнаго пользованія, и что тотъ и другой, доставляя крестьянамъ почти одинаковыя (!) выгоды, отождествляются ими до полнаго безразличія». Такимъ образомъ, установивъ разницу между сервитутомъ пастьбы по полямъ и лугамъ и толокою, какъ въ отношеніи продолжительности пастбищнаго періода, такъ и въ отношеніи свойства (обилія корма и качества) пастбищъ, Записка находитъ между ними и «близкое сходство» — именно въ отношеніи пастбищнаго періода и свойства пастбищъ. Выходитъ такимъ образомъ, что между этими обоими видами сервитутовъ имѣется въ однихъ и тѣхъ же отношеніяхъ и близкое сходство, и довольно замѣтная разница. Читающему Записку поневолѣ приходится остановиться въ раздумьѣ передъ вопросомъ о томъ, чему вѣрить: существованію сходства, или же существованію различія?

Но недоумѣвающаго читателя выручаетъ то обстоятельство, что увѣреніе въ различіи снабжено и фактами, съ очевидностью доказывающими, что сервитутъ по полямъ и лугамъ дѣйствительно «даетъ крестьянамъ большія, сравнительно съ толокою, выгоды» — большія, какъ въ отношеніи продолжительности пастьбы, такъ и въ отношеніи обращенія подъ сервитуты не трети, а всѣхъ соотвѣтствующихъ угодій, а также вслѣдствіе большаго обилія корма и, кромѣ того, вслѣдствіе лучшаго качества этого корма, изъ чего можно заключить, что онъ не просто выгоднѣе, но даже значительно выгоднѣе права толоки. А его «односторонность» еще болѣе усиливаетъ выгоды эти и еще сильнѣе оттѣняетъ отличіе этого сервитута отъ права толоки. Такимъ образомъ сходства между ними оказывается въ дѣйствительности очень мало. Тѣмъ не менѣе между ними, и въ самомъ дѣлѣ, есть одна черта чисто внѣшняго сходства, заключающаяся въ томъ, что (если не считать *отдѣльныхъ* сѣнокосовъ) оба сервитута осуществляются на поляхъ и находящихся между ними такъ наз. междупольныхъ сѣнокосахъ, почему въ нѣкоторыхъ случаяхъ крестьяне и могутъ принять сервитутъ пастьбы по полямъ

и лугамъ за право толоки, смѣшавъ его съ послѣднимъ въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ послѣднее осуществляется только односторонне.

И вотъ, опасаясь подобнаго смѣшенія въ понятіяхъ крестьянъ обоихъ видовъ сервитутовъ и исходя изъ того, (стр. 38), что «при такихъ условіяхъ установленіе неодинаковаго способа вознагражденія въ томъ и другомъ случаѣ представлялось бы для сельскаго населенія совершенно необъяснимымъ и легко могло бы истолковываться имъ въ превратномъ смыслѣ», законопроектъ, вопреки фактамъ, доказывающимъ весьма значительную разницу въ степени выгодности того и другого сервитута, приравниваетъ сервитутъ пастьбы по полямъ и лугамъ къ толокѣ. И лишь въ видѣ уступки большей выгодности перваго повышаетъ (стр. 39, ст. 23) исчисленное для толоки (и неправильно для нея пониженное болѣе чѣмъ вдвое) вознагражденіе въ $^1/_{18}$ до $^1/_{12}$ части всей сервитутной площади, мотивируя такое огульное и никакими цифровыми данными неподкрѣпленное повышеніе (почему именно до $^1/_{12}$, ни больше, ни меньше?) фразой (стр. 39): «произвести точный учетъ всѣмъ указаннымъ преимуществамъ лугового сервитута *едва ли*—(а попробовать бы!)—представляется возможнымъ, но неподлежащая сомнѣнію наличность ихъ даетъ неоспоримое право придти къ заключенію, что норма, установленная для толоки, должна быть, по справедливости, нѣсколько увеличена по отношенію къ пастбищному сервитуту по лугамъ».

Такимъ образомъ проектируемыя законодательныя нормы измѣняются единственно изъ-за опасенія «превратныхъ толкованій» крестьянъ, могущихъ произойти въ силу того, что среди нихъ «не существуетъ яснаго представленія о коренномъ юридическомъ различіи этихъ двухъ видовъ сервитутнаго пользованія». И изъ-за этихъ опасеній законопроектъ отступаетъ отъ назначенія вознагражденія, соотвѣтствующаго дѣйствительной цѣнности утрачиваемаго права!

Не останавливаясь далѣе на подробномъ разсмотрѣніи отдѣльныхъ нормъ вознагражденія за разные сервитуты, скажемъ нѣсколько словъ вообще объ избранныхъ законопроектомъ принципахъ и способахъ опредѣленія нормъ вознагражденія.

Въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе прежде всего то обстоятельство, что, устанавливая нормы вознагражденія за различные сервитуты, законопроектъ исходитъ изъ неодинаковыхъ соображеній и беретъ разныя основанія для опредѣленія ихъ размѣра. За уничтоженіе толоки (ст. 19) земельное вознагражденіе исчисляется въ видѣ процента къ общей площади обремененныхъ этимъ сервитутомъ земель помѣщика; также и за пастбищный сервитутъ по

владѣльческимъ полямъ и лугамъ (въ Запискѣ онъ такъ именно и называется, а въ «Правилахъ»—ст. 23—почему то именуется только сервитутомъ по лугамъ,—что надо исправить). За отмѣну же пастбищнаго института по лѣсамъ, зарослямъ, несѣнокоснымъ болотамъ и проч. неудобнымъ землямъ — вознагражденіе исчисляется уже не въ видѣ $^0/_0$ къ сервитутной площади, а въ $^0/_0$ къ крестьянскому надѣлу (ст. 24), но не свыше трети обремененнаго сервитутомъ пространства (ст. 26). Затѣмъ въ ст. 31 опредѣляется, что если крестьяне получаютъ «въ полномъ размѣрѣ» вознагражденіе за пастбищные сервитуты «по лѣсамъ, зарослямъ, несѣнокоснымъ болотамъ и другимъ неудобнымъ землямъ», *то остальные виды пастбищныхъ сервитутовъ* («толока, обоюдное право пастьбы на поляхъ общаго сѣвооборота и одностороннее право пастьбы по владѣльческимъ полямъ и лугамъ») «*упраздняются безъ всякаго вознагражденія*». Этимъ вводится опять уже совсѣмъ новое начало—лишеніе части сервитутныхъ правъ безъ всякаго вознагражденія, и такимъ образомъ совершенно устраняется принципъ права въ вопросѣ объ опредѣленіи вознагражденія за утраченныя права.

Приводя доводы въ пользу того или иного вычисленія этихъ нормъ, Записка выдвигаетъ также и неодинаковые принципы для опредѣленія вознагражденія за теряемые крестьянами сервитутные права. На стр. 34, напр., говорится опредѣленно, что крестьяне должны быть вознаграждены не только за дѣйствительно извлекаемыя ими *выгоды*, но и за тѣ, которыми они не пользовались по независящимъ отъ нихъ причинамъ (что, разумѣется, стоитъ въ полномъ противорѣчіи съ упраздненіемъ части сервитутовъ по ст. 31 безъ всякаго вознагражденія). На стр. 29 Записка указываетъ на необходимость установленія такого вознагражденія, которое обезпечивало бы крестьянамъ «сохраненіе имѣющагося у нихъ *нынѣ скота* и на *будущее время*» (при чемъ совершенно забывается, что вслѣдствіе происшедшаго сокращенія сервитутныхъ правъ во многихъ селеніяхъ количество скота уже *нынѣ* должно быть меньше, чѣмъ было при пользованіи сервитутными правами въ полномъ объемѣ). На стр. 37 проводится мысль, что при опредѣленіи вознагражденія за отмѣну сервитутовъ необходимо имѣть въ виду *не столько оплату выгодъ*, утрачиваемыхъ крестьянами, сколько «предоставленіе имъ возможности прокармливать въ теченіе лѣта *необходимое количество скота*, для выпаса котораго имъ предоставлены сервитутныя угодья». Затѣмъ обращается (стр. 45) вниманіе на то обстоятельство, что «не во всѣхъ случаяхъ предоставленныя въ пользованіе крестьянъ сервитутныя пространства обезпечиваютъ въ полной мѣрѣ выпасъ

крестьянскаго скота въ теченіе всего пастбищнаго періода. Въ зависимости отъ многихъ причинъ, какъ то: воли помѣщика, наличности въ крестьянскихъ участкахъ пастбищныхъ угодій, обилія или недостатка въ составѣ имѣнія лѣсовъ, зарослей, болотъ и другихъ некультурныхъ земель, годныхъ для пастьбы и т. п., крестьяне въ однихъ имѣніяхъ пасли скотъ на такихъ обширныхъ пространствахъ, которыя давали корма для скота болѣе, чѣмъ нужно, а въ другихъ — пользовались пастбищами, достаточными для обезпеченія необходимымъ выпасомъ только ограниченнаго числа головъ скота или въ теченіе не всего пастбищнаго періода». Отсюда дѣлается выводъ, что (стр. 45) «соотвѣтственно сему и вознагражденіе должно въ первомъ случаѣ обезпечивать *лѣтній выпасъ*, а въ послѣднемъ лишь въ той (?) мѣрѣ, въ какой обезпечивало его сервитутное пастбище». (?).

Такимъ образомъ Записка, въ зависимости отъ того, что въ данномъ случаѣ кажется наиболѣе подходящимъ, принимаетъ то или другое основаніе для установленія нормы вознагражденія, причемъ нерѣдко игнорируетъ юридическую сторону дѣла, переводя его на чисто экономическую почву. Становясь же на послѣднюю, Записка признаетъ себя вынужденной считаться съ современнымъ положеніемъ дѣла, съ современными нуждами и «выгодами» сторонъ, почему и дѣлаетъ на каждомъ шагу то тѣ, то другія уклоненія въ сторону хозяйственныхъ соображеній относительно степени выгодности, степени обременительности, затруднительности въ настоящее время и т. п., которыя все болѣе и болѣе отдаляютъ ея расчеты отъ началъ справедливости, такъ какъ Записка при этомъ съ особою заботливостью относится къ интересамъ землевладѣльцевъ.

Стремясь хотя бы по внѣшности благополучно проплыть между Сциллой и Харибдой ненарушенія крестьянскихъ и помѣщичьихъ интересовъ (съ преимущественнымъ, какъ это видно, склоненіемъ вѣсовъ по возможности всегда въ пользу послѣднихъ), Записка черпаетъ свои доводы то въ настоящемъ, то въ прошломъ исторіи сервитутнаго вопроса, въ зависимости отъ того, что ей представляется болѣе подходящимъ для защищаемой въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ точки зрѣнія. Такое обращеніе къ прошлому, къ исторіи сервитутнаго вопроса, къ исторіи происхожденія сервитутовъ, ихъ закрѣпленія за крестьянами и пр., можно было бы поставить въ плюсъ Запискѣ, если бы только оно проводилось какъ система, а не случайно, смотря по надобности.

Вѣдь, въ сущности говоря, въ этомъ то прошломъ и заключается источникъ правъ крестьянъ на сервитуты, вѣдь въ немъ только и можно

найти правильное обоснованіе таковыхъ, юридическое и экономическое объясненіе ихъ существованія и ихъ значенія, а, слѣдовательно, и правильныя основанія для опредѣленія нормъ вознагражденія. Въ 60-ыхъ годахъ за крестьянами укрѣплены существовавшіе у нихъ сервитуты и закрѣпленныя за ними сервитутныя права занесены въ соотвѣтствующіе акты. Къ этимъ актамъ, очевидно, и надлежитъ прежде всего обращаться, какъ къ источнику для выясненія объема сервитутныхъ правъ. Но такъ какъ въ актахъ этихъ замѣчаются неточности и недомолвки, то для выясненія правъ необходимо обращаться еще и къ выясненію того положенія дѣла, какое имѣло мѣсто въ моментъ укрѣпленія сервитутныхъ правъ или непосредственно передъ таковымъ. Это было именно укрѣпленіе правъ уже фактически существовавшихъ, но еще не санкціонированныхъ закономъ, а не дарованіе какихъ либо новыхъ правъ, дотолѣ не существовавшихъ; и при томъ укрѣпленіе такихъ правъ, объемъ которыхъ опредѣлялся размѣрами бывшей въ нихъ въ то время надобности. Какъ извѣстно, они были записываемы въ инвентари; слѣдовательно, при неточности имѣющихся въ данное время документовъ, обусловливающей невозможность выясненія изъ нихъ объема предоставленныхъ крестьянамъ правъ, необходимо обращаться и къ инвентарямъ. А при невозможности сдѣлать это, надо обращаться къ выясненію, по скольку это возможно, тѣхъ условій, тѣхъ потребностей, какія существовали въ періодъ укрѣпленія за крестьянами сервитутныхъ правъ, какъ такихъ правъ, которыя сначала предоставлялись (въ періодъ существованія инвентарей), а затѣмъ укрѣплялись въ размѣрѣ дѣйствительно существовавшей тогда потребности въ нихъ.

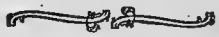
Почти пятидесятилѣтній періодъ со дня утвержденія сервитутныхъ правъ принесъ столько перемѣнъ въ жизни и крестьянъ, и помѣщиковъ, такъ измѣнилъ экономическія отношенія, размѣры потребностей, размѣры скотоводства, наконецъ, самый составъ и численность населенія и самые сервитуты (во многихъ имѣніяхъ совершенно исчезнувшіе, въ немногихъ другихъ, наоборотъ, выразившіеся въ незаконномъ расширеніи площади сервитутнаго пользованія), что рѣшеніе вопроса о размѣрѣ сервитутныхъ правъ соотвѣтственно нашему времени было бы ничѣмъ не обосновано. И это вѣрно не только въ отношеніи сужденія о размѣрахъ правъ, но и въ отношеніи опредѣленія размѣровъ нормъ вознагражденія. Условія того времени совершенно не схожи съ нынѣшними, а между тѣмъ размѣры сервитутныхъ правъ были согласованы съ условіями именно того времени. Если судить по условіямъ настоящаго момента, имѣющаго чисто случайное значеніе, то почему же не судятъ по тѣмъ условіямъ, которыя существовали 10 или 25 лѣтъ назадъ, или же по

тѣмъ, которыя создадутся чрезъ 50 лѣтъ, когда культура будетъ еще выше, и когда крестьяне будутъ вести интенсивное хозяйство, заниматься травосѣяніемъ, удобрять землю туками, откармливать скотъ кормовой морковью и свеклой и т. п.? Ясно, что и то и другое было бы совершенно неосновательно. Поэтому совершенно неправильно дѣлать расчетъ нормъ, какъ это проектируется Запиской (стр. 53), на основаніи того, *что мужикъ получитъ, когда займется травосѣяніемъ*. Если при производствѣ нѣкоторыхъ расчетовъ Записка принимаетъ во вниманіе трехполье, не смотря на то, что во многихъ имѣніяхъ оно уже уступило мѣсто многополью, то она поступаетъ совершенно правильно, такъ какъ въ періодъ закрѣпленія сервитутовъ не существовало самого многополья. Если же это такъ, то неправиленъ другой пріемъ Записки, заключащійся въ учетѣ при установленіи нормъ вознагражденія какихъ бы то ни было улучшеній, какія мѣстами уже появились въ настоящее время или могутъ появиться въ крестьянскомъ хозяйствѣ (напр., четырехполье— см. стр. 57).

Источникъ сервитутныхъ правъ крестьянъ находится въ прошломъ, и поэтому изъ него и необходимо черпать указанія для разрѣшенія всего вопроса, въ смыслѣ правильнаго опредѣленія объема сервитутныхъ правъ крестьянъ. Между тѣмъ разсмотрѣнный законопроектъ далеко не даетъ крестьянамъ того, что они должны бы получить по праву, справедливо и точно установленному. Тѣмъ изъ нихъ, которые, хотя бы даже и по винѣ помѣщиковъ, перестали пользоваться своими сервитутными правами, проектъ совершенно отказываетъ въ вознагражденіи; для тѣхъ же, которые продолжаютъ пользоваться таковыми, онъ, путемъ различныхъ, въ лучшемъ случаѣ сомнительныхъ, а въ большинствѣ вполнѣ неосновательныхъ доводовъ и натяжекъ, низводитъ вознагражденіе почти до полнаго нуля.

Законопроектъ о ликвидаціи сервитутовъ представляетъ собою весьма неумѣло сшитый бѣлыми нитками проектъ мѣропріятій, направленныхъ къ воспособленію помѣщикамъ въ ихъ стремленіи избавиться отъ сервитутовъ по возможности безъ всякихъ расходовъ съ своей стороны.

Б. Е. Э—ль.



ПИСЬМО ИЗЪ АДРІАНОПОЛЯ.

Безконечно длинная, темная зала, съ высокими сводами и каменнымъ поломъ. На дверяхъ огромныя занавѣсы-портьеры. Одиноко и скудно мерцаетъ крохотная керосиновая лампочка въ углу. Подъ ней, на низкомъ деревянномъ диванѣ, точно забытая здѣсь, одинокая фигура. Она сидитъ, покорно сгорбившись, въ фескѣ и въ сюртукѣ, при падающемъ на нее сверху уныломъ и невѣрномъ свѣтѣ. Гдѣ то поминутно гулко хлопаютъ тяжелыя, очевидно, входныя двери. Повелительно и громко звучатъ чьи-то странно-чужіе, какъ будто не привычные еще къ здѣшнимъ мѣстамъ голоса. Звякаютъ сабли по ступенькамъ лѣстницы, ведущей въ нижній этажъ изъ залы. Входятъ и выходятъ офицеры различныхъ возрастовъ и чиновъ—но всѣ въ одинаково покрытыхъ пылью высокихъ сапогахъ со шпорами. Суетливо пробѣгаютъ вѣстовые и солдаты-ординарцы въ живописныхъ болгарскихъ «царвуляхъ» (нѣчто вродѣ нашихъ лапшей). Никто не обращаетъ вниманія на покорно жмущуюся въ углу на старомъ диванѣ фигуру. Она все ниже и унылѣе горбится, но сидитъ по прежнему неподвижно. А вокругъ нея весь «конакъ» (дворецъ) бывшаго «вали» (губернатора) адріанопольскаго вилайета походитъ на гигантскій, растревоженный внезапно и стремительно муравейникъ.

Еще четыре дня тому назадъ на этомъ же самомъ мѣстѣ картина была совсѣмъ другая. Тогда—сейчасъ покорная фигура на диванѣ была здѣсь безотвѣтственной и всемогущей. Вмѣстѣ съ Шукри-пашей, коментантомъ города, Халилъ-бей, генералъ-губернаторъ адріанопольскаго вилайета, распоряжался тысячами и десятками тысячъ человѣческихъ жизней. Вчера же вечеромъ онъ самъ неожиданно оказался «въ распоряженіи» вновь назначеннаго побѣдителями генералъ-губернатора, на этотъ разъ болгарскаго, и сидитъ теперь въ прихожей своего же собственнаго недавняго дворца въ ожиданьи, когда понадобятся его услуги въ трудномъ и сложномъ дѣлѣ передачи городского управленія изъ однѣхъ рукъ въ другія, и когда онъ будетъ позванъ за одну изъ этихъ тяжелыхъ опущенныхъ портьеръ...

Намъ, нѣсколькимъ русскимъ корреспондентамъ, попавшимъ въ Адріанополь немедленно по окончаніи штурма, за неимѣніемъ

въ городѣ свободныхъ мѣстъ на первую ночь отвели пристанище въ бывшемъ рабочемъ кабинетѣ Халилъ-бея. Не знаю, спрашивали ли нашего невольнаго хозяина о его согласіи принять у себя неожиданныхъ гостей, или просто устроили все manu militari—только Халилъ-бей пожелалъ быть съ нами предупредительнымъ и любезнымъ. Покамѣстъ мы устраивались на ночлегъ,—кто на диванѣ, кто на сдвинутыхъ стульяхъ, кто просто на полу,—онъ медлительнымъ и важнымъ голосомъ, чуть склонивъ на бокъ свою красивую голову съ живописной сѣдѣющей бородой, занималъ насъ разговоромъ на отличномъ французскомъ языкѣ. Мы говорили обо всемъ, за исключеньемъ только что происшедшаго. Наконецъ, самъ Халилъ-бей, прощаясь съ нами и желая намъ спокойной ночи, произнесъ свои первыя искреннія слова: «Я радъ васъ видѣть у себя, господа, хотя я здѣсь больше и не хозяинъ... Но не скрою отъ васъ, что предпочелъ бы видѣть васъ при другихъ обстоятельствахъ и въ другомъ мѣстѣ... О, если бы тѣ, отъ кого это зависѣло, сумѣли бы во время понять, что было нужно нашему народу, не было бы сейчасъ для насъ всего этого позора и униженія»!..

Послѣдній вали Адріанополя еще разъ поклонился намъ и исчезъ въ дверяхъ безшумной и трагической тѣнью. Мы остались одни. На столѣ, съ разбросанными бумагами на турецкомъ языкѣ, горѣла высокая керосиновая лампа; кромѣ губернаторскаго дворца и квартиры Шукри-паши, въ остальныхъ адріанопольскихъ домахъ этой роскоши не было уже нѣсколько мѣсяцевъ: керосинъ стоилъ въ городѣ 35 франковъ фунтъ.—Все постепенно затихло. Только слышалось дыханье спящихъ товарищей изъ разныхъ угловъ огромнаго кабинета. За окномъ тревожно и жалобно выли собаки. Время отъ времени гдѣ то раздавались одинокіе выстрѣлы. Странно было думать, что лежишь сейчасъ на коврѣ комнаты, въ которой еще четыре дня тому назадъ только что ушедшій отсюда сгорбленный и грустный старикъ былъ всемогущимъ повелителемъ всей «райи» и правовѣрныхъ теперь исчезнувшаго навсегда изъ Турецкой имперіи нашихъ дней Адріанопольскаго вилайета!... И невольно вспоминались отрывочныя картины видѣннаго нами сегодня при въѣздѣ въ побѣжденный Адріанополь, первыя, неопредѣленныя еще, но пестрыя и яркія по краскамъ впечатлѣнія.

Когда, измученные путешествіемъ, покрытые пылью съ головы до ногъ, мы подъѣхали къ адріанопольскому предмѣстью Карагачу на «реквизированномъ» нами автомобилѣ Краснаго Креста—мы увидѣли, какъ одна, уже успѣвшая перейти на страницы исторіи жизнь, уступаетъ мѣсто другой, идущей ей на смѣну жизни. Изъ города выводили плѣнныхъ турокъ, а болгарскія войска всту-

пали въ городъ. Въ невообразимомъ хаосѣ, освѣщенные послѣдними багровыми отблесками, точно кровавымъ шаромъ, въ мглистой дымкѣ низко и тускло повисшаго на горизонтѣ солнца, двигались люди, повозки, артиллерійскія орудія, лошади, быки, буйволы и поминутно останавливающіеся военные автомобили. Но въ этомъ хаосѣ была своя послѣдовательность, или вѣрнѣе — можно было различить двѣ опредѣленныя волны: одна изъ нихъ медленно и тяжело вливалась въ побѣжденный городъ; другая медленно и покорно выливалась изъ него... Болгары, хаотически перемѣшавшись съ тянущимися на волахъ обозами, съ порывающимися скокомъ упряжными лошадями, двигались желѣзными, упорными рядами. Чувствовалось, глядя на нихъ, что каждый здѣсь знаетъ, зачѣмъ и куда идетъ; чувствовалось, что имъ руководитъ не чья нибудь отдѣльная, но коллективная и понятная всѣмъ, вполнѣ сознательно и такъ же сознательно раздѣляемая имъ воля... Было видно такъ же, что всѣ эти люди именно идутъ сейчасъ, но что ихъ не гонятъ изъ подъ палки.

Навстрѣчу побѣдителямъ, часто въ узкихъ мѣстахъ дороги даже перемѣшиваясь съ ними въ одну, колышащуюся непрерывно, сѣрую отъ пыли, живую массу — двигались побѣжденные. Но это были уже совсѣмъ другіе люди. Если первые шли, какъ выразился одинъ изъ видѣвшихъ вмѣстѣ со мной эту картину, «сознательными рядами» — вторые были скорѣе похожи на человѣческое стадо, которое гонятъ куда то. Куда?—оно и само не знаетъ, да и не интересуется знать. Погнали—значитъ нужно!.. И у болгаръ, и у турокъ общій видъ былъ одинаково грязенъ и измученъ. Но за то какая огромная разница въ выраженіи такъ же одинаково исхудалыхъ отъ голода и лишеній, такъ же загорѣлыхъ, обросшихъ давнымъ-давно не бритой щетиной и покрытыхъ потомъ и пылью лицъ!.. Турки иногда отставали отъ ушедшихъ впередъ и бросались догонять ихъ, толкая другъ друга съ рабской поспѣшностью, робко и жалко оглядываясь по сторонамъ... И все двигались и двигались ихъ разрозненныя, нестройныя толпы, одѣтыя съ претензіей на щеголеватость въ германскаго изобрѣтенья удобные костюмы съ гетрами и барашковыми шапочками на бритыхъ головахъ. Рядомъ съ ними брели конвойные болгарскіе солдаты въ своихъ неуклюжихъ сапогахъ и сѣрыхъ, невзрачныхъ шинеляхъ... А вдали, въ концѣ прямой и уходящей далеко впередъ аллеи изъ огромныхъ пирамидальныхъ тополей, какъ въ рамкѣ изъ свѣжей зелени только что распустившихся весеннихъ листьевъ, виднѣлась панорама Адріанополя: восточные, живописными терассами возвышающіеся дома и надъ ними волшебные по красотѣ ми-

нареты величайшей святыни Турціи—мечети Султанъ-Селимъ-Джамія, которую эти апатично движущіеся подъ конвоемъ болгарскихъ штыковъ потомки прежнихъ непобѣдимыхъ ордъ когда то «Блистательной» Порты не смогли и не сумѣли защитить...

По разсказамъ очевидцевъ и участниковъ штурма, общая картина взятія Адріанополя представляется въ слѣдующемъ видѣ. Болгары не рѣшались перейти въ окончательное наступленіе изъ боязни безчисленныхъ и, главное, безполезныхъ жертвъ, такъ какъ по имѣющимся у нихъ свѣдѣніямъ крѣпость изъ за голода все равно не могла бы долго продержаться. Но они не знали, что въ городѣ, кромѣ огромныхъ запасовъ уже готовой муки, были такъ же запасы ржи и жита, которыя перемалывали на двухъ паровыхъ мельницахъ день и ночь. Кромѣ того, окрестные крестьяне еще до начала осады согнали весь свой скотъ подъ защиту турецкихъ войскъ, и теперь послѣдніе могли имъ пользоваться почти въ неограниченномъ размѣрѣ. Но развѣдочная служба была поставлена у осаждающихъ не на должной высотѣ. Довольствовались успокоительными баснями перебѣжчиковъ, увѣрявшихъ, что не сегодня—завтра крѣпость непремѣнно сдастся и, въ ожиданьи, теряли понапрасну день за днемъ, недѣлю за недѣлей... Организація интендантской части и подвоза припасовъ то же оставляла желать много лучшаго: не было ни палатокъ, ни перевозныхъ печей въ землянкахъ; нижніе чины не имѣли ни полушубковъ, ни теплаго бѣлья—тысячи людей отмораживали себѣ въ окопахъ руки и ноги и становились калѣками безъ всякой пользы для дѣла, исключительно изъ за небрежности и равнодушія высшихъ военныхъ властей и интендантовъ. Постепенно среди солдатъ началось сперва глухое и скрытое, а послѣ совершенно явное броженье. Во многихъ полкахъ — особенно въ тѣхъ, гдѣ уровень солдатъ былъ болѣе интеллигентный, требовали — или итти на штурмъ и сразу покончить съ этимъ невыносимымъ ожиданьемъ, или распустить ихъ по домамъ. Участились случаи дезертирства. Было нѣсколько самоубійствъ. Въ это время получили вполнѣ опредѣленное извѣстіе, что Шукри-пашѣ удалось неожиданно для самого себя открыть въ ближайшемъ къ Адріанополю мѣстечкѣ Марашѣ у одного богатаго торговца спрятанный имъ новый запасъ жита. Запаса этого хватило бы для осажденныхъ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, еще мѣсяца на полтора или два... Тогда главная квартира рѣшила итти немедленно на проломъ, такъ какъ армія становилась все болѣе и болѣе неспокойной...

Подготовленія къ штурму были закончены уже давно. Въ

глубочайшемъ секретѣ перевезли почти всю наиболѣе сильную артиллерію къ укрѣпленьямъ восточнаго сектора. Турки ждали нападенія лишь со стороны Болгаріи, и потому ихъ сѣверо-западный секторъ былъ почти неприступенъ. На восточномъ же секторѣ укрѣпленія остались старыя, вытянутыя въ одинъ рядъ, такъ что взятіе одного изъ нихъ тѣмъ самымъ неминуемо компрометировало защиту остальныхъ. Перевезенные болгарами орудія были тщательно замаскированы, и присутствіе ихъ оставалось неизвѣстнымъ для турокъ вплоть до самаго начала штурма.

Штурмъ начался 11 марта, въ часъ пополудни и закончился 13-го, въ 8 часовъ утра. Уже 12-го днемъ турки поняли, что ихъ дѣло проиграно и защищались крайне вяло, неохотно. Вообще защитѣ крѣпости много мѣшали разногласія и соперничество между отдѣльными турецкими генералами. Каждый секторъ защищался совершенно самостоятельно, и даже въ каждомъ укрѣпленіи все зависѣло отъ воли и добраго желанья находившихся въ немъ въ данный моментъ солдатъ и офицеровъ. Тогда какъ, напримѣръ, въ фортѣ Айджи-полу турецкіе солдаты при первомъ появленіи болгаръ на гребнѣ окопа бросили оружіе и сами стали строиться въ ряды, что бы ихъ удобнѣе было взять въ плѣнъ—фортъ Кавказъ-Табія, на томъ же восточномъ секторѣ, до послѣдняго момента пытался отчаянно сопротивляться.

То же было и съ аммуниціей и солдатской пищей. Одни солдаты были похожи скорѣе на скелеты—въ лохмотьяхъ, грязные, голодные; на 6 человѣкъ имъ выдавали въ день по 100 граммовъ отвратительнаго хлѣба; другихъ кормили довольно хорошо и одѣты они были въ чистые, удобные и новые костюмы. Комендантомъ города считался Шукри паша, но фактически всѣми дѣлами заправлялъ делегатъ Комитета Union et Progrès, нѣкій докторъ при лазаретѣ Краснаго полумѣсяца. Между комендантомъ и младотурками шла непрерывная открытая вражда: распоряженія одного отмѣнялись другими и наоборотъ; отдѣльные командиры назначались и смѣнялись всемогущимъ комитетомъ, и въ концѣ концовъ Шукри паша былъ въ управляемомъ имъ городѣ только манекеномъ, котораго заставляли двигаться въ ту или другую сторону изъ Константинополя по безпроволочному телеграфу...

Штурмъ начался общей бомбардировкой крѣпости со всѣхъ позицій. Страшная кононада продолжалась до 8 часовъ вечера, послѣ чего все стихло, и только на сѣверо-западномъ секторѣ стрѣляли непрерывно до полуночи: Ловушка была простая—и тѣмъ не менѣе турки попались въ нее самымъ непозволительнымъ образомъ. Во вторую половину войны, послѣ перемирія, когда необходимость

штурма стала все болѣе и болѣе выясняться—болгары регулярно начинали бомбардировку ровно въ часъ пополуночи и кончали ее въ 8 ч. вечера, съ цѣлью пріучить турокъ къ мысли, что именно въ этотъ часъ имъ надоѣдаетъ безцѣльно тратить свои снаряды. Такъ вышло и на сей разъ. Турки повѣрили, что была только обычная «очередная» бомбардировка и мирно легли спать, съ безпечностью истыхъ сыновъ востока, даже не выставивъ секретовъ и карауловъ. Такимъ образомъ болгары имѣли время подготовиться къ аттакѣ. Въ четыре часа утра на 12 марта болгарскія войска начали наступленіе на восточный секторъ, тогда какъ на всѣхъ секторахъ для отвлеченія вниманія снова загрохотали орудія. Болгарскія роты, построенныя цѣпями съ офицерами впереди, незамѣченныя никѣмъ, подошли на разстояніе 50 шаговъ до передовыхъ турецкихъ позицій. Турки частью спали, частью варили кофе, совершенно не ожидая нападенія. Въ полчаса короткой, но ожесточенной рѣзни все было кончено!.. Одни были перебиты, другіе бѣжали въ паническомъ ужасѣ. Болгары захватили 20 орудій и 8 пулеметовъ, изъ которыхъ многіе были заряжены, но не успѣли выстрѣлить ни разу. Повернувъ ихъ въ сторону убѣгающихъ, болгары открыли по нимъ огонь изъ ихъ же собственныхъ орудій... Въ это время болгарскую артиллерію уже успѣли вывести съ позицій впередъ, и осыпанныя огненнымъ дождемъ снарядовъ турецкія войска частью сдаются въ плѣнъ, частью пытаются сопротивляться, но уже безъ всякой надежды отбить отовсюду наступающихъ враговъ...

Одинъ за другимъ умолкаютъ турецкіе форты. По всему фронту идетъ жестокій бой; дерутся уже штыками, убиваютъ безъ всякой пощады; близкая развязка неизбѣжна... Въ это время болгарская конница (гвардейскій отрядъ полковника Морхолева изъ 2 болгарскихъ и 5 сербскихъ эскадроновъ) бросается по шоссе галопомъ прямо въ городъ. Пѣхота дошла только до линіи проволочныхъ загражденій. Судьба Адріанополя еще не рѣшена, но защитники второй столицы умирающей Турціи уже успѣли примириться со своимъ разгромомъ. Повсюду въ окопахъ турецкіе солдаты. Болгарская конница скачетъ мимо нихъ, но они или бросаются бѣжать при ея появленіи, или просто смотрятъ на нее, не выказывая ни малѣйшаго намѣренія сопротивляться. И въ моментъ, когда фактически городъ еще не взятъ, полковникъ Морхолевъ со своимъ отрядомъ появляется на улицахъ Адріанополя. Тамъ уже всеобщее смятеніе и суетня. Христіане машутъ бѣлыми флагами, отовсюду кричатъ «ура»—изъ боковыхъ переулковъ, куда поспѣшно прячутся турецкіе солдаты, раздаются одинокіе выстрѣлы. Съ сѣверо-востока городъ продолжаетъ осыпаться шрапнелью.

Кавалерія проскакала изъ конца въ конецъ по всей главной улицѣ Адріанополя и повернула обратно. На встрѣчу ей мчится экипажъ съ сидящимъ въ немъ сѣдымъ турецкимъ генераломъ. Это, оказывается, герой русско-турецкой войны Измаилъ-паша, помощникъ коменданта. Онъ проситъ дать ему охрану. Полковникъ Морхолевъ съ двумя взводами отправляется въ сопровожденіи Измаила-паши на старый фортъ Конкъ-Табіе. Тамъ уже собралось множество офицеровъ и пашей. Всѣ спѣшатъ признать себя военно-плѣнными и положить оружіе. Шукри-паши здѣсь не было; незадолго передъ тѣмъ онъ уѣхалъ въ свое обычное, безопасное убѣжище—фортъ-редутъ Хедерлыкъ, на сѣверо-западномъ секторѣ, гдѣ, между прочимъ, помѣщалась такъ же и станція безпроволочнаго телеграфа.

Здѣсь произошло нѣчто, въ высшей степени оригинальное, возможное только при обоюдной растерянности обѣихъ враждующихъ сторонъ, изъ которыхъ одна заранѣе отказалась отъ какой бы то не было иниціативы для организаціи сопротивленія, другая же, въ пылу неожиданной по легкости побѣды, совершенно забыла объ элементарныхъ правилахъ самосохраненія, особенно въ такой рѣшающій и отвѣтственный по своему значенію моментъ: полковникъ Морхолевъ оставляетъ свой отрядъ и, сѣвъ въ экипажъ къ Измаилу-пашѣ, вдвоемъ вмѣстѣ съ нимъ и безъ всякаго конвоя отправлется на другой конецъ еще фактически не взятаго города искать Шукри-пашу. Послѣдняго находятъ въ казематѣ, гдѣ онъ прятался всѣ эти дни, и объявляютъ ему, что онъ военноплѣнный. Шукри-паша сначала протестуетъ, но слабо; потомъ начинаетъ плакать и проситъ, какъ милости, что бы ему разрѣшили остаться у себя, и пишетъ объ этомъ письмо командующему болгарской арміей генералу Иванову. Письмо Шукри-паши полковникъ Морхолевъ удостовѣряетъ своей подписью и беретъ его для передачи по назначенію.

Послѣдній актъ трагедіи конченъ. Со сдачей Шукри-паши Адріанополь вычеркивается изъ списка турецкихъ городовъ. Можно было бы еще сопротивляться—арестовать смѣлаго до безразсудства «гяура», ворвавшагося въ священныя стѣны второй турецкой столицы, когда на нихъ не успѣли замолнуть послѣдніе выстрѣлы послѣднихъ оставшихся вѣрными знамени пророка, но... «Такъ было написано въ книгѣ судебъ!..» Къ чему вся храбрость и все самоотверженіе солдата, когда командующіе имъ больше думаютъ о самихъ себѣ, чѣмъ объ исполненьи своего воинскаго долга?..

Между тѣмъ въ городъ начали входить другіе конные отряды, а за ними пѣхотные части 23 шипкинскаго и 10-го родопскаго полковъ. Улицы Адріанополя наводнились солдатами, которые постепенно разбрелись по всему городу. Растерявшіяся болгарскія власти не

отдали никакихъ приказаній ни объ охранѣ отдѣльныхъ кварталовъ, ни о порядкѣ занятія правительственныхъ зданій. Все перепуталось и перемѣшалось. Всеобщимъ смятеньемъ прежде всего воспользовались вновь освобожденные отъ турецкаго ига «братья христіане»... Мѣстные греки и армяне, съ поразительнымъ проворствомъ начертивъ мѣломъ или бѣлой краской на всѣхъ рѣшительно окнахъ и дверяхъ своихъ домовъ «предохранительные кресты» и нацѣпивъ себѣ таковые же на грудь и на шапки, радостной толпой бросились грабить турецкіе кварталы. Остановить грабежъ было некому; все начальство куда-то исчезло, многіе воинскія части входили въ городъ совершенно разрозненными. То же было и на перевязочныхъ пунктахъ. Почти всѣ врачи и медицинскій персоналъ отправились въ Адріанополь «посмотрѣть» и «прогуляться»... Тысячи раненыхъ остались безъ всякой помощи. Можно было видѣть, какъ многіе изъ нихъ, перевязавшись кое-какъ самодѣльными бинтами, брели пѣшкомъ за 25 километровъ въ мѣстечко Хасва, гдѣ былъ постоянный лазаретъ и откуда можно было надѣяться, что ихъ эвакуируютъ въ Софію.

Грабежъ въ городѣ увеличивался. Разбивали лавки, врывались въ частные турецкіе дома—по улицамъ тащили, точно на пожарѣ, мебель, цѣлые ящики со всякимъ добромъ. Въ грабежѣ приняли участье и солдаты. Сперва греки звали ихъ «помогать».

— Пойдемъ со мной, тамъ турокъ долженъ мнѣ деньги и не отдаетъ!.. Скажи ему, что бы отдалъ...

Очень быстро, обозленные трехдневной рѣзней, болгарскіе «войники» вошли во вкусъ и уже сами стали «собирать долги» въ богатыхъ турецкихъ домахъ, не дожидаясь особыхъ приглашеній. На бивуакахъ къ ночи не осталось почти ни одного человѣка, всѣ были въ Адріанополѣ — кто изъ любопытства, кто изъ желанія набить карманъ. Только конные отряды не принимали во всемъ этомъ участія. Они стояли въ полномъ порядкѣ, но такъ какъ приказаній никакихъ не было, то бездѣйствовали.

Еще при вступленіи ихъ въ городъ, въ разныхъ мѣстахъ начали горѣть казармы и склады. Турецкіе солдаты толпами бродили по городу, бросая оружіе или разбивая его о камни мостовой. Многіе переодѣвались тутъ же на улицѣ въ штатское платье, другіе продолжали бродить въ формѣ. Часто слышались выстрѣлы. На главной улицѣ уже не осталось ни одного не разграбленнаго турецкаго магазина. Была разграблена такъ же знаменитая мечеть Султанъ-Селимъ-Джаміе. Изъ нея украли ковры, историческій щитъ Султана-Селима, массу драгоцѣнностей. Къ сожалѣнію, очень пострадала также и библіотека мечети, въ которой было много

величайшей исторической цѣнности рукописей и книгъ... Болгарскіе «войники» выдирали изъ нихъ цѣлые листы «на споменъ» (на память)—клочья книгъ и рукописей валялись на полу по всѣмъ угламъ...

Наконецъ, черезъ два дня анархіи и грабежа высшее военное начальство опомнилось. Былъ отданъ приказъ прекратить грабежъ. Послали по всѣмъ улицамъ конные патрули. Увлекшихся солдатъ отправили на бивуаки. Воспитанные въ желѣзной дисциплинѣ «войники» повиновались немедленно же, по первому приказанью. Если бы болгарское высшее начальство проявило не по прошествіи двухъ дней, но немедленно по взятіи города хотя немного энергіи и распорядительности, не было бы вообще никакого грабежа, а тѣмъ болѣе со стороны болгарскихъ «войниковъ»...

На третій день стали ловить по городу разбредшихся по разнымъ кварталамъ турецкихъ офицеровъ и солдатъ и концентрировать всѣхъ плѣнныхъ на одномъ изъ острововъ на рѣкѣ Тунджѣ, чтобы послѣ партіями отправлять ихъ въ глубь страны. Кое-гдѣ турецкіе офицеры и нѣкоторые солдаты, пытаясь скрыться, оказывали вооруженное сопротивленье. Солдатъ-христіанъ оставили на свободѣ. Городъ по немногу началъ принимать нормальный видъ.

Что же касается до чисто военной, технической стороны обороны и взятія Адріанополя то, очутившись на прославленныхъ неприступными турецкихъ укрѣпленіяхъ, болгары къ изумленію своему должны были признать, что въ современномъ смыслѣ этого слова крѣпости почти не существовало.

Мѣстность для обороны была самая благопріятная, но турецкая лѣнь и отсутствіе техническихъ военныхъ знаній помѣшали использовать всѣ данныя природой преимущества Адріанопольскихъ окрестностей, несмотря на помощъ германскихъ инструкторовъ и особенно такого извѣстнаго стратега, какъ фонъ-деръ Гольцъ-паша. Вокругъ города шли старые форты, совершенно заброшенные и даже невооруженные. Въ нихъ обычно хранились припасы и жили солдаты горнизона. Самымъ совершеннымъ по вооруженью и по постройкѣ фортомъ былъ сѣверо-западный секторъ. Тамъ были и требуемыя новѣйшей военной техникой бетонныя укрѣпленія и тяжелыя орудія послѣднихъ системъ. Но и тамъ оборонительная линія оставляла желать много лучшаго: были только проволочныя загражденія, но ни волчьихъ ямъ, ни засадъ, ни фугасовъ; окопы же были сдѣланы наскоро и, очевидно, какъ попало. Во всемъ замѣтно явное, часто даже противорѣчивое вліяніе различныхъ, укрѣплявшихъ данныя мѣста, собственныхъ, турецкихъ, и иностранныхъ инженеровъ, халатное отношеніе къ своей работѣ,

апатія и несомнѣнное желанье сдѣлать все не такъ, какъ слѣдуетъ, а исключительно на показъ, для вида... Турецкія батареи стояли обыкновенно на самомъ гребнѣ укрѣпленій, ибо стрѣлять по закрытой цѣли турки должно быть еще не научились... Наибольшей ошибкой турокъ, по мнѣнію участниковъ штурма, является допущеніе въ свою армію немусульманскихъ элементовъ. Всюду и вездѣ мѣстные армяне, греки, евреи и болгары, не считая себя ничѣмъ рѣшительно связанными съ распадающейся имперіей «Тѣни Аллаха на землѣ» и имѣя къ тому же давніе счеты со своими угнетателями, при первой же возможности, или бросались бѣжать, внося этимъ смятеніе въ турецкіе ряды, или просто сдавались въ плѣнъ болгарамъ. Въ концѣ же концовъ побѣду рѣшили—болгарская артиллерія и вмѣстѣ съ ней сравнительно высокій культурный уровень болгарскаго солдата—двѣ силы, противъ которыхъ оказалась безпомощной и беззащитной архаическая Турція нашихъ дней со всѣмъ фанатическимъ невѣжествомъ ея народныхъ массъ и абсолютной неспособностью, трусостью и отсутствіемъ чувства долга у тѣхъ, кто этими массами управлялъ...

У воротъ старинной мечети невѣроятная давка и толкотня. Безчисленная толпа, преимущественно женщинъ и дѣтей, лѣзетъ на охраняющихъ ворота болгарскихъ часовыхъ въ дикомъ и безумномъ изступленіи. Тѣ съ трудомъ сдерживаютъ все возрастающій напоръ. Внутри раздаютъ безплатно муку для бѣднаго населенія Адріанополя по 2 кило на человѣка. Кругомъ голодныя, исхудалыя лица, дикіе, горящіе жадностью глаза... Получившіе свою порцію, торопливо расталкивая толпу, бѣгутъ къ себѣ домой, прижимая къ груди драгоцѣнный, грязный мѣшечекъ... Какъ вездѣ въ такихъ случаяхъ — получаютъ не тѣ, кто больше нуждается, а у кого больше наглости, громче голосъ и сильнѣе кулаки... Масса еле движущихся отъ слабости, похожихъ на тѣни, женщинъ и дѣтей часами пытаются проникнуть въ завѣтныя ворота, но безуспѣшно... Тутъ же рядомъ — дымящіяся развалины только что сгорѣвшаго дома. Пожаръ никто не тушитъ; во всемъ Адріанополѣ еще нѣтъ достаточно воды: водопроводъ испорченъ, да и некому заниматься такими пустяками!.. Какіе то мальчишки пытаются забросать камнями послѣдніе языки пламени, все еще лижущаго готовую рухнуть и задавить кого-нибудь изъ окружающихъ дымовую трубу...

Мостовая забрызгана кровью. Огромная красная лужа такъ и осталась возлѣ пожарища. Говорятъ, что поймали поджигателей

и убили ихъ на мѣстѣ... Впрочемъ, кто теперь можетъ сказать съ увѣренностью, кого и за что здѣсь могли убить?... Пользуясь случаемъ, всѣ сводятъ темные счеты и, хотя болгарскія власти мало по малу желѣзной рукой возстонавляютъ порядокъ,—много будетъ еще пролито крови и убито людей, неизвѣстно кѣмъ и неизвѣстно за что.

Вся тяжесть осады обрушилась на плечи бѣднаго населенія. Зажиточные адріанопольскіе жители или уѣхали еще задолго до окончательнаго обложенія города болгарами, или же сумѣли спрятать у себя достаточное количество всякихъ съѣстныхъ припасовъ. Шукри-паша почти ежедневно дѣлалъ обыски въ богатыхъ кварталахъ. То, что находили изъ консервовъ, муки и т. д.—отбирали въ пользу горнизона, оставляя хозяевамъ лишь третью часть, а иногда и не оставляли ровно ничего. Умудренные горькимъ опытомъ адріанопольцы стали прятать свои припасы въ самыхъ невѣроятныхъ мѣстахъ, или зарывали ихъ въ землю. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ хвастался мнѣ, что у него полиція была три раза и ничего не нашла, а между тѣмъ въ прихожей у него стоялъ огромный ящикъ съ старымъ платьемъ, гдѣ лежалъ запасъ муки, достаточный для прокормленія 10 солдатъ въ теченіе недѣли...

Но тѣ, у кого не было денегъ, уже черезъ мѣсяцъ осады очутились въ безвыходномъ положеніи. Несмотря на организованную раздачу безплатнаго хлѣба, въ нѣкоторыхъ кварталахъ Адріанополя начался страшный голодъ. Люди умирали на улицахъ отъ истощенія; но такъ какъ это были люди бѣдные, то нихъ особенно не заботились... Отъ ежедневно осыпающихъ городъ болгарскихъ снарядовъ прятались въ погребахъ. Постепенно, однако, къ бомбардировкѣ привыкли настолько, что иногда выходили изъ своихъ убѣжищъ подышать свѣжимъ воздухомъ, не обращая вниманія, если какой-нибудь залетѣвшій снарядъ разнесетъ въ щепки уголъ сосѣдняго дома или проломитъ ему крышу...

Сейчасъ можно видѣть много такихъ домовъ; почти весь турецкій кварталъ, особенно въ центрѣ города и возлѣ мечети Султанъ-Селимъ-Джаміе, представляетъ собой печальную картину пустоты и разрушенья. На каждомъ шагу попадается то домъ безъ крыши и съ тремя уцѣлѣвшими стѣнами, то цѣлая крыша, какимъ-то чудомъ держащаяся на одномъ переднемъ фасадѣ и разрушенныхъ, точно послѣ пожара, остаткахъ прочихъ стѣнъ...

Есть такъ же много домовъ, которые совершенно не пострадали отъ бомбардировки. Но, если эти дома турецкіе, двери у нихъ распахнуты настежъ и снаружи видно, что внутри все пусто, хоть шаромъ покати. Это значитъ, что хозяева

гдѣ нибудь скрываются, а въ запертый домъ вломились послѣ взятія города «добрые сосѣди», главнымъ образомъ изъ мѣстныхъ грековъ, и разграбили все до послѣдней нитки... Теперь (на третій и на четвертый день по окончаніи штурма) болгары расклеили всюду объявленія, которыми строжайше запрещается грабить... Но вотъ маленькая, иллюстрирующая это запрещеніе картина. Богатый турецкій домъ. Изъ него болгарскій патруль только-что выгналъ хозяйничавшихъ тамъ грековъ. Патруль прохаживается передъ домомъ, а шагахъ въ пятнадцати-двадцати все черно отъ стоящей въ ожиданіи толпы. Есть тутъ и старики, и женщины, и даже дѣти. Всѣ съ мѣшками. Когда болгарскимъ солдатамъ надоѣстъ прохаживаться взадъ и впередъ передъ этимъ домомъ, или ихъ позовутъ куда-нибудь въ другое мѣсто, чтобы «навести порядокъ»—вся разношерстная толпа грабителей снова ринется обратно и растащитъ то, что не успѣла растащить...

Въ противуположность боковымъ кварталамъ, гдѣ все безмолвно и тихо, гдѣ кромѣ охраняющихъ ихъ патрулей, или мѣстныхъ грековъ, веселой и дружной толпой идущихъ «на работу», не встрѣтишь ни души, — центральная улица Адріанополя полна народу и оживленія... Тамъ тѣ же греки, уже успѣвшіе выучить необходимыя для коммерціи болгарскія слова, — бойко торгуютъ всякой дрянью, предлагаютъ «ракію» (турецкую водку), греческій коньякъ, открытыя письма, чистятъ побѣдителямъ сапоги—словомъ, времени даромъ не теряютъ!.. Тутъ же бродятъ турецкіе солдаты-христіане съ отличающими ихъ бѣлыми крестами на турецкой формѣ, тянутся безконечными и унылыми вереницами партіи турецкихъ плѣнныхъ, поминутно скачутъ верхомъ разные полковники и генералы, толпятся сѣрые болгарскіе «войники», заросшіе давно небритыми бородами чуть ли не до глазъ, и съ индиферентностью и недовѣріемъ озираются по сторонамъ на грязныя лавки, грязные дома, чудесныя мечети и юркихъ жителей того самого знаменитаго Адріанополя, въ которомъ имъ пришлось въ концѣ концовъ очутиться...

Постепенно узкая, длинная и кривая главная улица переходитъ въ широкую аллею пирамидальныхъ тополей. Здѣсь движеніе сравнительно меньше. Только партіи плѣнныхъ все идутъ и идутъ безъ конца... По обѣимъ сторонамъ дороги, вдоль по насыпи, лежатъ, уткнувшись въ землю лицемъ, странно неподвижныя фигуры. Ихъ здѣсь много. У одной неестественно подогнута нога и руки раскинуты далеко впередъ; другая лежитъ, точно раскрытыя ножницы, широко разметавшись, но у всѣхъ одинаково бритые, поси-

нѣлые затылки и посрединѣ спины застывшее на рваномъ и разстегнутомъ мундирѣ зловѣщее, кровавое пятно...

— А что намъ дѣлать съ ними? — равнодушно сплюнувъ, говоритъ мнѣ конвойный солдатъ. Не на носилкахъ же его нести? У насъ и для своихъ-то помощи не хватаетъ... Увидишь, что боленъ, или ослабъ, началъ отставать отъ партіи, ну и двинешь его штыкомъ въ спину. И ему спокойнѣе, и намъ!..

Я смотрю на лицо говорящаго мнѣ эти слова солдата. Лицо самое обыкновенное, загорѣлое, круглое... На немъ не видно выраженія жестокости, но не видно также и пониманія... Дѣйствительно, «не на носилкахъ же его нести»... Что возразить на такой, повидимому, логичный вопросъ? Сослаться на постановленіе Женевской конференціи? Но, Боже мой!.. какъ безконечно далеки всѣ эти теоретическія, кабинетныя разсужденія и постановленія о войнѣ отъ самой войны, такой, какая она есть на практикѣ, и какой, должно быть, останется навсегда, если только не станетъ еще хуже!..

На взятыхъ позиціяхъ торжественно и тихо, точно въ опустѣломъ храмѣ. Но только здѣсь это храмъ смерти и разрушенія. Точно безумный вихрь промчался по всѣмъ этимъ мѣстамъ и ничего послѣ него не осталось, кромѣ безобразныхъ обломковъ, нелѣпо наваленныхъ всюду грудъ мусора и кирпича, развороченной, будто вспаханной гигантскимъ плугомъ земли, торчащихъ, согнутыхъ страшною силою взрыва желѣзныхъ балокъ, разрушенныхъ сводовъ, зіяющихъ темными дырами отверстій отъ попавшихъ сюда болгарскихъ снарядовъ... Безпомощно и жалко лежатъ огромныя и, такъ недавно еще грозныя пушки... Большею частью это старыя крѣпостныя орудія Круппа 1875 года. Передъ ними окопы буквально изрыты болгарскими снарядами. Каждый изъ нихъ, разорвавшись, унесъ отсюда десятки и десятки человѣческихъ жизней... Трупы уже убраны. Только возлѣ одной изъ пушекъ сиротливо виднѣется чья-то оторванная голая нога, покрытая сверху грязнымъ и обгорѣлымъ лоскутомъ... Ее здѣсь, очевидно, забыли при уборкѣ... Повсюду валяются сложенныя въ кучу ружья, шанцевые инструменты, лопаты, топоры, ножницы для разрѣзанія проволочныхъ загражденій, брошенные при бѣгствѣ турецкіе шапки и мундиры... Огромные казематы, гдѣ жили сотни людей, сейчасъ пустынны и безмолвны! Почти въ каждомъ изъ нихъ видно сверху кусочекъ синяго, весенняго неба въ ужасный проломъ, сдѣланный мѣткимъ болгарскимъ снарядомъ... Внизу огромная яма въ развороченномъ полу. Тамъ зарылся и лежитъ сейчасъ упавшій снарядъ, на пути

своемъ превратившій, быть можетъ, не одинъ десятокъ здоровыхъ человѣческихъ тѣлъ въ куски кровавого, безформеннаго мяса... Въ одномъ изъ такихъ подземныхъ казематовъ бродитъ между обломками голодная кошка, единственное оставшееся живое существо, она мяукаетъ жалобно и протяжно, и ея дикій, непрекращающійся вопль, кажется особенно жуткимъ среди этого молчанія могилы...

Но вотъ и еще другія живыя существа!.. Впереди что то движется и блеститъ на солнцѣ. Много людей и всѣ въ нарядныхъ, свѣжихъ, съ иголочки мундирахъ... Оказывается—сцена для кинематографа. Нѣсколько генераловъ - побѣдителей со своей свитой ѣздятъ верхомъ взадъ и впередъ, эффектно и героически выдѣляясь на фонѣ всеобщаго разрушенія. Толстый, обливающійся потомъ отъ усердія господинъ въ штатскомъ усиленно крутитъ ручку своего аппарата... Черезъ нѣсколько дней въ Софіи будутъ показывать новую, пріятную для національнаго самолюбія картину изъ побѣдоносной войны, а еще черезъ недѣлю новыя укрѣпленія Адріанополя и разъѣзжающихъ по нимъ блестящихъ генераловъ увидитъ и вся Европа...

Мы возвращаемся въ городъ верхомъ, въ сопровожденіи знакомаго болгарскаго офицера и конвоя изъ двухъ «стражарей», которыхъ приставили къ намъ для нашей охраны. Чудный, солнечный, весенній день. На синемъ небѣ воздушно и четко рисуются купола и минареты адріанопольскихъ мечетей. Офицеру должно быть смертельно надоѣло все, что касается войны и ея ужасовъ. Онъ оживленно бесѣдуетъ съ однимъ изъ моихъ спутниковъ на тему объ общихъ парижскихъ впечатлѣніяхъ... Кругомъ изрытое упавшими снарядами поле битвы. Кое гдѣ еще валяются то не убранный человѣческій трупъ, то трупъ убитой лошади, то неподвижная, громадная туша буйвола съ безпомощно запрокинутыми назадъ рогами. Такъ странно слышать здѣсь, въ этой обстановкѣ такія далекія отсюда и чуждыя слова: «Большіе бульвары... Опера... Лувръ»... и еще страннѣе дѣлается, когда разговоръ переходитъ на монмартрскіе балы и оперетку...

Ближе къ городу все поле изрѣзано продольными линіями стрѣлковыхъ окоповъ; но боя здѣсь не было. Защитники окоповъ, очевидно, не дали ни одного выстрѣла. Всюду грудами лежатъ пачки брошенныхъ «для облегченія» ружейныхъ патроновъ. Турки, должно быть, совсѣмъ потеряли голову отъ страха: оставаться въ окопахъ, несомнѣнно, въ тысячу разъ безопаснѣе, чѣмъ бѣжать 3—4 километра подъ выстрѣлами болгарской артиллеріи къ незащищенному городу по чистому полю... Но эти люди хотѣли спастись во чтобы

то ни стало... Посмотримъ теперь, что сумѣли они спасти себѣ, кромѣ жизни...

Мы подъѣзжаемъ къ острову плѣнныхъ. Островъ находится посрединѣ рѣки и связанъ съ остальнымъ городомъ только старымъ еще отъ римскихъ построекъ оставшимся, каменнымъ мостомъ. На мосту густой кордонъ болгарскихъ солдатъ. Ни съ острова въ городъ, ни изъ города на островъ никого не впускаютъ и не выпускаютъ. Тамъ уже начались эпидемическія болѣзни на почвѣ голода и истощенія. Насъ, благодаря нашему спутнику-офицеру и конвою, пропускаютъ безъ всякихъ затрудненій.

Вчера и третьяго дня шелъ дождь. Ночью было очень холодно. Въ жидкой, черной грязи, въ застоявшихся огромныхъ лужахъ тысячи и тысячи людей, уже успѣвшихъ потерять за эти послѣдніе дни всякій человѣческій обликъ. Они похожи скорѣе на стадо измученнаго, голоднаго скота, который терпѣливо ждетъ, когда его погонятъ на убой... Отдѣльно отъ прочихъ страшная фигура въ невообразимыхъ лохмотьяхъ— все что осталось ей отъ недавно еще щеголеватаго, чистенькаго турецкаго мундира. Она лежитъ, скорчившись отъ трясущей ее лихорадки, за какимъ то подобіемъ крохотной стѣны, выложенной изъ грязи... Жалкая иллюзія защиты отъ холода! Остальные стоятъ, прижавшись другъ къ другу, опустивъ повязанныя цвѣтными платками головы, покорно и неподвижно...

Мы медленно проѣзжаемъ по рядамъ. На насъ никто не обращаетъ вниманія. Рѣдко развѣ устало поднимется чья нибудь голова, апатичный, тусклый взглядъ голодныхъ глазъ скользнетъ равнодушно и безучастно. Всѣ точно дремлютъ, точно тѣни изъ другого міра—тощія, исхудалыя тѣни, которымъ теперь все равно, и нѣтъ у нихъ больше ни мысли, ни желанья...

На мосту движенье. Слышна чья то громкая команда—густая, сѣрая масса болгарскихъ часовыхъ, блеснувъ на солнцѣ ружьями—раздвигается, образуя собой живыя ворота. Въ нихъ входитъ отрядъ турецкихъ санитаровъ. Всѣ съ краснымъ полумѣсяцемъ на рукавахъ. Позади несутъ забрызганныя кровью, свернутыя носилки. Очевидно, кто то умеръ сейчасъ... Вообще на этомъ островѣ умираютъ часто и много... Санитары, по два въ рядъ, длинной вереницей проходятъ вглубь неохотно расходящейся при ихъ появленіи толпы...

Внезапно съ ней происходитъ что то непонятное на первый взглядъ—точно электрическій токъ пробѣжалъ по этимъ неподвижно сомкнувшимся, угрюмымъ и безмолвнымъ рядамъ... Слышится смутный, слабый говоръ... Лежавшіе на землѣ поспѣшно встаютъ, изъ заднихъ рядовъ вытягиваютъ шеи и поднимаются на носки,

что бы лучше видѣть... Все оживилось, заколыхалось... Мертвые призраки неожиданно стали похожими на живыхъ людей. Даже глаза у многихъ осмысленно и ярко заблестѣли...

Отъ насъ съ боку было видно въ чемъ дѣло: одинъ турецкій санитаръ, отставъ отъ прочихъ и украдкой оглянувшись по сторонамъ, сунулъ кому то, должно быть, одному изъ своихъ знакомыхъ, маленькій круглый хлѣбецъ и потомъ бросился догонять ушедшихъ впередъ... Счастливецъ, получившій хлѣбъ, присѣлъ на корточки и тутъ же сталъ поспѣшно и жадно глотать его...

Ѣхавшій съ нами болгарскій офицеръ махнулъ рукой и отвернулся... Ей Богу, не только наша тутъ вина!—безнадежно и искренно вырвалось у него. Ну, судите сами: всѣ склады взорваны, желѣзнодорожный мостъ черезъ рѣку разрушенъ... Подвозу нѣтъ... Что же дѣлать намъ съ ними?.. Чѣмъ кормить?.. Вы видите,—онъ указалъ хлыстомъ на ближайшее дерево, на которомъ кора была ободрана съ земли до высоты человѣческаго роста,—даже кору съ деревьевъ отъ голода грызутъ... А ихъ здѣсь тысячи...

Мы выѣзжаемъ съ ужаснаго острова по старому римскому мосту на противоположный берегъ. Тамъ намъ опять приходится проѣзжать мимо неподвижныхъ рядовъ безмолвныхъ и трагическихъ фигуръ. Только здѣсь все женщины. Большинство изъ нихъ закутаны въ черныя, непроницаемыя покрывала. На островѣ $^3/_4$ плѣнныхъ изъ мѣстныхъ Адріанопольскихъ жителей - мусульманъ. Ихъ жены, сестры, матери, всѣ близкія имъ часами сидятъ теперь противъ острова на пустынномъ и грязномъ берегу. Отсюда ничего не видно на такомъ разстояньи, но безмолвныя, черныя фигуры въ покрывалахъ сидятъ, не шевелясь, съ утра до поздняго вечера, и чего то упорно и безнадежно ждутъ...

И думается невольно, хуже всего самаго ужаснаго и непоправимаго на свѣтѣ—это оказаться побѣжденнымъ на войнѣ...

А. Деренталь.

КАЗАРМА, КАЗИНО, ПЛАТЦПАРАДЪ.

(Письмо изъ Германіи).

Какъ приняла страна неожиданный законопроектъ объ увеличеніи арміи? Просматриваешь прессу, прислушиваешься къ разговорамъ и толкамъ на собраніяхъ, въ рейхстагѣ, въ частныхъ кругахъ и невольно приходишь къ заключенію: страна встрѣтила правительственныя притязанія съ какой-то роковой покорностью. Патентованные «патріоты» почли, конечно, своей обязанностью поддержать правительство, но узнавъ, что имъ придется расплачиваться за армію, сдѣлали это безъ энтузіазма, безъ душевнаго подъема, безъ искренняго восторга. Исключеніемъ явились только непосредственно заинтересованные круги: военные поставщики и ихъ тайные и явные агенты, но и то только *до* разоблаченій, сдѣланныхъ Либкнехтомъ. Когда оказалось, что «патріотическая» фирма Круппа не брезгаетъ подкупами, а другой, не менѣе патріотическій, заводъ не останавливается передъ фальсификаціей военно-политическихъ фактовъ, тогда и этимъ господамъ неловко стало симулировать патріотическій восторгъ. Что касается демократіи, то она, понятно, сразу выступила съ оппозиціей. Ея протесту не доставало, однако, страсти, непосредственности, стихійности. И защитники, и противники вооруженнаго мира поняли сразу, что дѣло сдѣлано», законопроектъ, die Wehrvorlage, не можетъ «не пройти», а разъ это такъ, то нечего особенно волноваться и тратить свои духовныя и матеріальныя силы. Агитація за и противъ правительственныхъ плановъ свелась поэтому до минимума, и споръ велся въ сущности только о частностяхъ. Когда лѣтъ десять-двѣнадцать тому назадъ правительство выступило съ флотскими предположеніями, выступленіе это всколыхнуло всю ширь и всю глубь нѣмецкой жизни, взволновало и поставило на ноги всѣ слои нѣмецкаго народа. Знаменитый Flottenverein предпринялъ широкую и энергичную компанію, независимые ученые въ родѣ Шмоллера, Вагнера и Зомбарта сорганизовали спеціальные «флотскіе доклады», писали маленькія и большія статьи, не брезгали ходить по рабочимъ митингамъ. Послѣдніе отличались тогда захватывающимъ драматизмомъ, и широкая народная масса глубоко и сильно переживала всѣ перипетіи флотской

эпопеи. Теперь, увы, все не такъ. Правда, по аналогіи съ Flottenverein'омъ имѣется нынѣ такъ называемый Wehrverein, во главѣ котораго, вдобавокъ, стоятъ почти тѣ же лица. Но резонансъ агитаціи Wehrverein'а значительно слабѣе, а вѣдь все дѣло въ резонансѣ. Что же касается выступленія независимыхъ элементовъ изъ интеллигенціи, то о нихъ и совсѣмъ не слыхать. Ожидалось, правда, одно выступленіе, но не въ пользу законопроекта, а противъ него. Ожиданія не оправдались, и слухи о выступленіи какъ то быстро заглохли. При такомъ общемъ настроеніи, понятно, что собранія и митинги проходили вяло, безцвѣтно, сплошь да рядомъ при неполныхъ залахъ. Понятно также, что и дебаты въ рейхстагѣ проходятъ безцвѣтно, встрѣчая въ странѣ сравнительно слабый откликъ. Депутаты и члены правительства въ общемъ довольно спокойно обмѣниваются репликами, точно выполняютъ заранѣе заданный урокъ, и любителямъ драматическихъ стычекъ, эффектныхъ словесныхъ турнировъ приходится горько жаловаться на царящую повсюду скуку. Скука, повидимому, неизбѣжный спутникъ нынѣшняго режима. Сѣренькое канцлерство Бетмана-Гольвега, очевидно, органически не способно вызвать что либо яркое, увлекательное, и даже такую благодарную пьесу, какъ «юбилейный законопроектъ», оно не сумѣло инсценировать хотя бы съ внѣшнимъ блескомъ.

Почему же страна такъ покорно встрѣтила тягостный законопроектъ? Неужели перекройка балканской карты такъ сильно подѣйствовала на нервы добрыхъ бюргеровъ, что этого оказалось достаточнымъ, что-бы почувствовать и признать необходимость дальнѣйшаго вооруженія? Неужели «славянская опасность», о которой такъ неудачно говорилъ въ парламентѣ Бетманъ-Гольвегъ, ощущается народомъ въ такой степени, что онъ самъ испытываетъ потребность оградить себя отъ этой «опасности» болѣе плотной стѣной сверкающихъ штыковъ? Неужели эта потребность такъ велика и остра, что при ея наличности отпадаютъ всѣ сомнѣнія относительно чудовищнаго отягощенія государственнаго бюджета новыми непроизводительными расходами?.. Ставишь эти вопросы, ищешь отвѣта въ народныхъ проявленіяхъ, доступныхъ наблюденію и изученію, и приходишь къ убѣжденію, что дѣло совсѣмъ не въ международныхъ пертурбаціяхъ и не въ инспирированныхъ ими потребностяхъ, а въ чемъ то другомъ. Конечно, нельзя отрицать, что международные факторы сыграли тутъ извѣстную роль; несомнѣнно, однако, что рѣшающимъ моментомъ,—это чувствуетъ тутъ всякій и каждый,—явились факторы и обстоятельства чисто «внутренняго», «домашняго» характера. Если хотите, нынѣшній законопроектъ можно назвать логическимъ и неизбѣжнымъ завершеніемъ самодовлѣющаго развитія германской арміи, и по-

явленіе его было предопредѣлено всей предыдущей исторіей военнаго дѣла Германіи. Послѣднія сто лѣтъ эта исторія въ значительной степени опредѣлялась идеей, выраженной военнымъ министромъ Фридриха Вильгельма III Германомъ фонъ Бойеномъ стихами:

Wehrhaft sei im ganzen Lande
Jedermann mit seinem Schwert,
Denn es ziemet jedem Stande
Zu verteid'gen Thron und Herd!

Въ переводѣ на прозу мысль заслуженнаго реформатора прускої арміи означаетъ: введеніе всеобщей военной повинности. Въ теченіе истекшаго столѣтія Германія безпрерывно стремилась осуществить этотъ принципъ, но въ дѣйствительности онъ не осуществленъ и по сію пору [1]). Отличаясь покоряющей простотой, идея всеобщей повинности не переставала, однако, властвовать надъ умами милитаристовъ, и при каждомъ удобномъ случаѣ они старались провести ее въ жизнь до ея крайнихъ предѣловъ. Такими «удобными случаями» явились теперь балканскій кризисъ и столѣтній юбилей освободительныхъ войнъ. Оба повода были достаточны для развитія соотвѣтственной агитаціи и, какъ показываютъ факты послѣдняго времени, въ извѣстныхъ сферахъ она оказалась не безуспѣшной. Позволительно, однако, думать, что Wehrvorlage появилась бы и при отсутствіи всякой агитаціи. Если бы законопроектъ не былъ внесенъ въ рейхстагъ въ этомъ году, онъ появился бы тамъ въ слѣдующемъ. Это произошло бы просто потому, что армія въ Германіи давно перестала быть простымъ *средствомъ*, орудіемъ народной воли и народной независимости, превратившись въ *самоцѣль*. Нѣмецкое общественное мнѣніе ясно осознало это развитіе, и оппозиціонная пресса не разъ высказывала опасенія по поводу такого направленія военнаго дѣла страны. Довольно опредѣленно выражена эта мысль въ нашумѣвшей лѣтъ шесть тому назадъ анонимной книгѣ, написанной, какъ говорятъ, виднымъ общественнымъ дѣятелемъ. Консервативный авторъ отмѣчаетъ тамъ, что армія, разбитая при Іенѣ и Ауерштетѣ, потерпѣла пораженіе потому, что перестала разсматриваться, какъ средство, указываетъ затѣмъ на то, что она превратилась въ самодовлѣющую касту, въ самоцѣль и прибавляетъ: «такой же самоцѣлью армія является нынѣ и для Вильгельма II» [2]). При такихъ условіяхъ понятно, что забота объ

---

[1]) Ср. работу генерала Beseler'a, Die allgemeine Wehrpflicht, Berlin. 1913. Стр. 36.

[2]) См. Unser Kaiser und sein Volk. Von einem *Schwarzseher*. Freiburg—Leipzig. 1906, Стр. 132.

увеличеніи численнаго состава арміи отнюдь не связана съ народными нуждами и съ народнымъ настроеніемъ; она можетъ диктоваться и, дѣйствительно, диктуется внутренними импульсами верховнаго вождя военной касты,—императоромъ. Въ настоящее время эти импульсы лежатъ большей частью за предѣлами политическихъ соображеній и опредѣляются чаще всего романтическими склонностями монарха, его любовью къ внѣшнему виду ратнаго дѣла,—пестрому мундиру и блестящему параду. При зарожденіи нынѣшняго законопроекта романтика также сыграла свою роль. Патріотическія воспоминанія, связанныя съ освободительными войнами 1813—1815 годовъ явились, пожалуй, главнымъ аргументомъ въ его пользу. Противъ этого звонкаго, хотя внутренне безсодержательнаго, аргумента доброму бюргеру, конечно, неловко и неприлично возражать. Это тѣмъ болѣе неловко, что патріотическая Германія празднуетъ въ этомъ году не только столѣтній юбилей народнаго подъема противъ французскаго ига, но и двадцатипятилѣтній юбилей правленія Вильгельма II, одной изъ главныхъ задачъ котораго было развитіе военныхъ силъ. Ни съ чѣмъ Вильгельмъ II не чувствуетъ себя такъ сильно связаннымъ, какъ съ арміей. «Мы принадлежимъ другъ другу, я и армія, мы рождены другъ для друга»,—это были первыя слова, начертанныя юнымъ монархомъ въ день восшествія на престолъ [1]). Съ того времени Вильгельмъ не переставалъ отожествлять себя съ «своей» арміей. Его не смущаетъ тотъ фактъ, что армія покоится на всеобщей воинской повинности и, съ точки зрѣнія современнаго правосознанія, является народнымъ институтомъ. Негодуя и досадуя внутренне, наружно бюргеръ покорно встрѣчаетъ требованіе, грозящее взвалить на плечи народа поистинѣ невыносимую тягость. Знакомый уже намъ «Schwarzseher» пишетъ въ одномъ мѣстѣ: «если бы прокуратура занялась разговорами, которые ведутся отставными офицерами по поводу арміи, то общая сумма ежегодныхъ тюремныхъ наказаній увеличилась бы по меньшей мѣрѣ тысячью годами тюремнаго заточенія». [2]) Сколько тысячелѣтій пришлось бы отсидѣть бюргерамъ, еслибы какой-нибудь прыткій прокуроръ сумѣлъ подслушать и зафиксировать ихъ тайные помыслы и рѣчи?...

Недовольство бюргерства вызывается, конечно, не однимъ только ростомъ непроизводительныхъ расходовъ. Много нареканій вызываетъ самый характеръ нынѣшняго военнаго дѣла Германіи. Расчетливый комерсантъ, бюргеръ не можетъ понять и одобрить

---

1) См. Die Reden Kaiser Vilhelm II. Gesammelt von Johs. Penzler, т. I. Стр. 8.

2) Schvarzseher, стр. 131.

преобладанія внѣшняго, параднаго элемента надъ «дѣловымъ», т. е. боевымъ. Очень отчетливо отрицательное настроеніе бюргерства выражено въ книгѣ консервативнаго журналиста Лимана: «особая любовь къ парадамъ, маневрамъ, не всегда даже имѣющимъ внѣшній видъ серьезнаго военнаго занятія, любовь къ кавалерійскимъ аттакамъ, къ параднымъ артикуламъ, въ стилѣ Фридриха Великаго, и показному строю (Schaustellungen), все это легко приводитъ къ потерѣ яснаго представленія о цѣломъ и главномъ, что даетъ благодарную пищу критикѣ, увеличивая опасность, связанную съ пониженіемъ авторитета арміи». [1]) Превалированіе игры надъ сущностью въ военномъ дѣлѣ раздражаетъ и тревожитъ не только «штатскихъ», но и военныхъ. Характернымъ свидѣтельствомъ этого раздраженія и тревоги можетъ служить книга, вышедшая подъ псевдонимомъ барона фонъ Гулена (Freiherr von Guhlen): Sine ira et studio, а еще болѣе примѣчательная рѣчь отставного баварскаго генерала Гейслера (Häussler), обратившая на себя вниманіе не только рейхстага, но и всей страны. «Давно пора,—говорилъ генералъ при обсужденіи новаго законопроекта,—покончить съ роскошью и мишурой солдатскихъ и офицерскихъ мундировъ. Серьезность (военной) профессіи должна сказываться и во внѣшнемъ видѣ. Обратите вниманіе на мундиры нашей кавалеріи, нашего гвардейскаго корпуса, нашихъ кирасиръ, гусаръ, уланъ, драгунъ и егерей. Все это игра въ солдатики (Soldaten Spielerei) и ничего больше. А затѣмъ всѣ эти значки на нашихъ мундирахъ, всѣ эти рюши, галуны, шнурки, канты, монограммы и т. д., всѣ эти вещи накладываютъ на наши серьезные институты печать смѣшного и ведутъ къ безполезному расточенію народныхъ денегъ» [2]). По приблизительнымъ подсчетамъ Гейслера, устраненіе излишней и ненужной мишуры дало бы минимумъ 20—30 милліоновъ сбереженій. Это такая значительная сумма, что она не можетъ не импонировать бюргеру. Каждому взрослому человѣку должно быть понятно, что на такія деньги можно многое сдѣлать въ другихъ, сравнительно болѣе важныхъ областяхъ народной жизни. Сколько культурныхъ начинаній можно было бы упрочить, предоставивъ имъ эти безплодно истрачиваемые милліоны! Сколько хорошихъ школъ, сколько библіотекъ можно было бы построить на эти деньги! А затѣмъ, развѣ только на «рюшахъ» и «галунахъ» можно дѣлать сбереженія! Въ той же рѣчи Гейслеръ указывалъ, напримѣръ, на чрезмѣрную роскошь офицерскихъ казино и на излишнее изобиліе вся-

---

[1]) Paul Liman, Der Kaiser. Leipzig, Thomas, 1911. Стр. 286.

[2]) Стенограф. отчетъ дебатовъ рейхстага, 135 Sitzung, стр. 4604.

каго рода ненужныхъ для арміи постовъ. Въ концѣ концовъ, однако, дѣло не столько въ возможныхъ сбереженіяхъ, сколько въ тлетворномъ вліяніи, связанномъ съ интересомъ къ пустячкамъ. Армія нужна вѣдь для побѣды и одолѣнія надъ силами «внѣшняго», врага а не надъ сердцами восторженныхъ гимназистокъ и кухарокъ,—говоритъ Гейслеръ. Суровый режимъ и скромная внѣшность болѣе приличествовали бы военному дѣлу и давали бы несомнѣнно больше увѣренности относительно боевыхъ качествъ арміи. Лѣтъ десять тому назадъ баронъ Гуленъ пророчествовалъ, что «за импозантныя кавалерійскія аттаки и императорскіе маневры нѣмецкому народу придется расплачиваться потоками крови своихъ сыновъ» [1]). Очень возможно, что въ этомъ пророчествѣ роль «импозантныхъ аттакъ» немного преувеличена, но въ извѣстной степени каждый вдумчивый бюргеръ питаетъ тѣ же опасенія, что и баронъ Гуленъ. Опасенія эти поддерживаются еще замѣтнымъ ростомъ разгульнаго элемента въ фешенебельныхъ прусскій полкахъ, гдѣ кутежи и мотовство стали довольно частыми явленіями въ офицерской средѣ. Упомянутый уже офиціозный историкъ арміи разсказываетъ объ этой сторонѣ нѣмецкаго офицерства слѣдующимъ образомъ: «до послѣдняго времени прусскій офицерскій корпусъ отличался простотою жизни; исключенія были, но только среди немногихъ дѣйствительно зажиточныхъ офицерскихъ частей. Вновь поступающіе элементы располагали, однако, часто большими средствами, а раздолье дѣйствуетъ заразительно... Несмотря на совмѣстные обѣды, казино перестало быть, какъ раньше, центральнымъ пунктомъ внѣслужебной жизни. Иные офицеры стали искать для себя общества внѣ корпуса. Попытки къ насажденію скромнаго времяпрепровожденія часто недостигали цѣли. Черезчуръ большое количество офицеровъ переженилось на богатыхъ невѣстахъ, а неженатые оказались болѣе воспріимчивыми къ роскошному, нежели скромному сообществу. Менѣе состоятельные женатые офицеры попадали нерѣдко въ затруднительное положеніе... Отсюда понятно, заключаетъ авторъ, что тотъ или иной офицеръ попадалъ на «покатую дорожку» [2]). Разница между былой простотой и нынѣшней роскошью поистинѣ поразительна. Баронъ Гуленъ разсказываетъ, что лѣтъ пятьдесятъ назадъ прусскіе офицеры собирались еще въ полковыхъ казино «при тускломъ свѣтѣ простыхъ сальныхъ свѣчей». Бутылка вина принадлежала къ явленіямъ «чрезвычайнаго порядка», а золотая монета почти «неизвѣстной величиной».

---

[1]) Freih. v. Guhlen, Sine ira et studio, стр. 178.

[2]) Ottomar Freiherr von der Osten-Sacken und von Rhein. Berlin, 1913, стр. 95.

Теперь же капитанъ Клаузенъ свидѣтельствуетъ, что «въ большей части офицерскихъ казино господствуетъ неимовѣрная роскошь», отъ которой отцы приходятъ въ «немалый ужасъ» [1]). На чрезвычайную роскошь офицерскихъ клубовъ жаловались, впрочемъ, въ рейхстагѣ и либеральный депутатъ Миллеръ изъ Мейнингена и даже націоналъ-либералъ Бассерманъ. Какъ видите, въ этомъ отношеніи разногласій между отдѣльными наблюдателями и критиками нѣтъ. Правъ былъ, повидимому, баронъ Гуленъ, когда говорилъ, что нѣмецкое офицерство идетъ «по дорогѣ въ Капую», но можетъ быть не лишены также основанія утвержденія другихъ пессимистовъ, полагающихъ, что офицерство не «идетъ», что оно уже «пришло».

Безразсудное мотовство и изнѣженность, царящіе въ современномъ офицерскомъ корпусѣ являются, однако, не единственными источниками бюргерскаго недовольства. Много нареканій вызываетъ также соціальный подборъ офицерства. Въ общемъ, какъ извѣстно офицерство рекрутируется изъ дворянскихъ элементовъ, и консервативные аграріи имѣютъ въ немъ свою сильнѣйшую опору. По даннымъ, приведеннымъ въ рейхстагѣ націоналъ-либераломъ Бассерманомъ, привилегированное положеніе дворянства систематически усиливалось за послѣднія десятилѣтія. Въ пѣшей гвардіи нынѣ всего на всего 23 бюргерскихъ офицера, а въ конной всего только одинъ. Въ полку № 109 числилось въ 1872 г. 28 дворянскихъ и 31 бюргерскихъ офицера; въ 1912 г. число дворянскихъ офицеровъ увеличилось до 51-го, а бюргерскихъ понизилось до четырехъ. Полкъ № 145-ый въ Дармштадтѣ имѣлъ въ 1872 г. 18 дворянскихъ и 39 бюргерскихъ офицера; въ 1912 г. первыхъ было 41, вторыхъ всего на всего девять. Такую же картину рисуютъ данныя, касающіяся драгунскаго полка № 20: вмѣсто 13-ти дворянскихъ офицеровъ въ 1872 г. нынѣ насчитывается 21, а отъ 12 бюргеровъ осталось всего четыре. Въ общемъ получается, что цѣлый рядъ полковъ является нынѣ исключительно дворянскимъ, другіе же подбираются изъ элементовъ бюргерскихъ, при чемъ первые пользуются всякими привилегіями и милостями, въ то время какъ другіе попадаютъ въ глухіе маленькіе гарнизоны и низводятся на степень полковъ второго и третьяго разряда. Отсюда внутренняя рознь между офицерами различныхъ категоріи, зависть однихъ, высокомѣріе другихъ, что, конечно, не можетъ не отразиться на общемъ духѣ арміи. Предпочтеніе, оказываемое дворянскимъ элементамъ, не только противорѣчитъ основнымъ требованіямъ демократическаго государства, но и про-

---

[1]) E. Clausen, Stillgestanden! Ein Wort an das deutsche Offiziercorps. Leipzig 1903. Стр. 37.

стому здравому смыслу. Изъ однихъ дворянскихъ элементовъ въ настоящее время не создашь необходимыхъ офицерскихъ кадровъ. Это давно уже въ сущности стало общимъ мѣстомъ, а въ 1902-омъ году эту мысль высказалъ самъ Вильгельмъ II. Въ «кабинетскомъ распоряженіи» (Kabinettsorder) отъ 29-го марта онъ говорилъ, напримѣръ: «повысившійся уровень народнаго образованія даетъ возможность расширить кругъ лицъ, приходящихъ въ расчетъ при пополненіи нашего офицерскаго корпуса. Родовая аристократія (der Adel der Geburt) не можетъ теперь притязать на исключительное право поставлять арміи своихъ офицеровъ. Необходимо, однако, сохранить въ офицерскомъ корпусѣ тотъ аристократическій духъ (Adel der Gesinnung), которымъ онъ былъ до сихъ поръ одушевленъ. Въ этомъ «распоряженіи» ясно чувствуется капитуляція передъ новымъ порядкомъ вещей, связаннымъ съ повысившимся значеніемъ буржуазіи. Хотя эта капитуляція далеко не полная, но и она уже безпокоитъ сторонниковъ дворянской исключительности. Съ ихъ точки зрѣнія приливъ бюргерскихъ элементовъ въ офицерство отражается на послѣднемъ отрицательнымъ образомъ. «Гомогенный» характеръ офицерскаго корпуса считается ими однимъ изъ «основныхъ элементовъ», которымъ германская армія обязана своимъ «превосходствомъ» надъ другими, и разрушеніе его должно подорвать такимъ образомъ источникъ военной мощи страны. Вступая въ офицерскіе ряды, отпрыски буржуазіи оказываютъ на послѣднее вредное вліяніе, о чемъ Остенъ-Сакенъ повѣствуетъ слѣдующимъ образомъ: «Въ прежнія времена, говоритъ онъ, когда дворянство и близкіе ему круги составляли основу офицерскаго корпуса, каждый новичекъ становился безусловнымъ сторонникомъ господствующихъ въ офицерствѣ взглядовъ». Съ появленіемъ «новыхъ элементовъ», которые въ нѣкоторыхъ случаяхъ составляютъ большинство, «воспитаніе подростающаго офицерства перестало походить на то, которое господствовало раньше. Это было тѣмъ хуже, что новички часто выходили изъ круговъ, подчинившихся духу времени, его безпощадной погонѣ за выгодой, и очень далекихъ отъ того, что раньше называлось рыцарствомъ. Вступающему въ корпусъ молодому человѣку негдѣ было поучиться рыцарству, и онъ часто сохранялъ усвоенный имъ образъ мыслей, совершенно чуждый истинному офицерству» [1]). Чтобы понять, почему и въ какомъ смыслѣ новый «образъ мыслей» могъ оказаться неудобнымъ, необходимо знать, «что армія выросла благодаря тому, что офицерскій корпусъ не политизировалъ, оставаясь во всѣхъ случаяхъ жизни вѣрнымъ, потомст-

[1]) Стр. 97.

венной военной аристократіей (Schwertadel). Теперь же «политизированіе» стало общераспространеннымъ явленіемъ, при чемъ, конечно, всякій позволяетъ себѣ смѣть свое сужденіе имѣть. «Простыя, цѣльныя натуры, говорить извѣстный военный журналистъ, графъ Ревентловъ, не затронутыя работой мысли, встрѣчаются нынѣ сравнительно рѣдко, и число ихъ, повидимому, будетъ постепенно уменьшаться [1]). Мыслящее же офицерство является, по мнѣнію, Ревентлова и его единомышленниковъ, крайне подозрительнымъ элементомъ, ибо рекрутируется изъ круговъ, полагающихъ, что развитіе страны неукоснительно ведетъ къ «англійскому конституціонному строю» [2]).. Если принять во вниманіе, что (по Ревентлову) количество мыслящихъ офицеровъ превышаетъ нынѣ количество «простыхъ, цѣльныхъ натуръ», то станетъ яснымъ, почему эволюція современнаго офицерства можетъ приносить сторонникамъ дворянской исключительности одни только огорченія.

Благодаря этимъ огорченіямъ, защитники дворянскихъ традицій значительно преувеличиваютъ роль бюргерскаго элемента въ арміи. Какъ показываютъ цифры, приведенныя въ рейхстагѣ Бассерманомъ, дворянство упорно держится за свои привилегіи и совершенно не намѣрено сдавать свои позиціи безъ боя. Въ результатѣ получается, что офицерскій корпусъ не находитъ «подходящихъ» кандидатовъ, и многія офицерскія вакансіи остаются просто напросто не занятыми. Къ марту 1913-го года число пустующихъ вакансій превысило числомъ 1300. Съ принятіемъ новаго законопроекта число это, конечно, удвоится или утроится, и вопросъ объ офицерствѣ обострится еще больше. Болѣе чѣмъ когда-либо обнаружится несостоятельность пренебрежительнаго отношенія къ бюргерству и вредная роль, которую играетъ дворянская исключительность. Въ то же время скажется тотъ вредъ, который причиняетъ военному дѣлу полное недопущеніе къ офицерскому корпусу кандидатовъ іудейскаго вѣроисповѣданія. По конституціи такое недопущеніе, правда, незаконно, но тѣмъ не менѣе практически евреямъ загражденъ доступъ къ офицерству. Неоднократныя нареканія въ прессѣ и парламентѣ до сихъ поръ ни къ чему не приводили, хотя недопущеніе евреевъ, среди которыхъ, какъ извѣстно, очень распространено медицинское образованіе, чувствительно отражается на санитарномъ дѣлѣ. Недостаточность санитарнаго офицерскаго персонала поразительно огромна, и по нѣкоторымъ утвержденіямъ,

---

[1]) E. Reventlow, Der Kaiser und die Monarchisten, Berlin, 1913. стр. 103.

[2]) ibid. стр. 100.

въ арміи не хватаетъ ни больше ни меньше, какъ 54 процента врачей [1]). Военная кампанія при такихъ условіяхъ должна быть чревата неисчислимыми послѣдствіями.

Недостаточное количество офицерскихъ чиновъ приводитъ раньше всего къ тому, что на каждаго въ отдѣльности падаетъ сравнительно много полковой работы. При меньшей изнѣженности и болѣе серьезномъ отношеніи къ дѣлу, эта работа можетъ быть и не была бы отяготительной и свободно выполнялась бы наличнымъ составомъ. Но при существующихъ условіяхъ она для многихъ кажется тяжкимъ бременемъ и сильно разстраиваетъ безъ того уже не стальные нервы начальства. Особенно много огорченій офицеру доставляетъ забота о внѣшнемъ видѣ его солдатъ. Вильгельмъ любитъ ровныя шеренги, бравый парадный маршъ, и все вниманіе офицерства обращено на то, чтобы солдаты умѣли выстраиваться «по шнурку» и по шнурку же выбрасывать ноги вверхъ. Достаточно поэтому очутиться въ шеренгѣ солдату съ немного искривленными ногами или слегка изогнутой спиной, чтобы отвѣтственный офицеръ потерялъ самообладаніе и сонъ. Съ этого момента онъ только и думаетъ о томъ, кто «портитъ» ему общую картину. Несчастному это не проходитъ конечно даромъ, и пока удвоенная или утроенная муштровка не приведетъ его къ «общему знаменателю», онъ все время будетъ чувствовать на себѣ слѣды начальственныхъ заботъ. Усиленная муштровка, впрочемъ, общее явленіе и отъ нея неизбѣжно страдаютъ другія отрасли военной выучки. Научившись хорошо вывертывать ногами, солдаты не научаются хорошей стрѣльбѣ. «Парадный маршъ», — говорятъ знатоки,—отымаетъ такъ много силъ, что для стрѣльбы остается недостаточное время. Неудивительно поэтому, что количество хорошихъ стрѣлковъ постепенно понижается и что особо честолюбивые ротные командиры опускаются до фальсификаціи результатовъ стрѣльбы [2]). Еще больше страдаетъ «словесность», которая сводится къ автоматическому заучиванію поверхностныхъ «вопросовъ» и «отвѣтовъ». На «словесности» отражается впрочемъ и то, что офицерство большей частью считаетъ ниже своего достоинства снисходить до переживанія солдатской души, третируя порученную ему солдатскую молодежь, какъ бездушныя машины. Большую роль играютъ тутъ, конечно, соціальные и классовые предразсудки. Это признаютъ и такіе защитники

---

[1]) Ср. стенографич. отчеты дебатовъ рейхстага 134. Sitzuns, стр. 4557.

[2]) Ср. Schwarzseher, стр. 117.

современной германской арміи, какъ генералъ-майоръ Лебель, написавшій характерную брошюру о способахъ противодѣйствія соціалъ-демократіи въ арміи. «Происхожденіе, говоритъ онъ, воспитаніе, общественное положеніе отдѣляютъ офицера отъ трудящагося народа» [1]). Между понятіями и привычками офицера и рядового лежитъ цѣлая пропасть, и оба не въ состояніи понять другъ друга. Особенно велика эта пропасть въ томъ случаѣ, когда офицеръ вышелъ изъ кадетскаго корпуса, герметически закрытаго отъ вліяній внѣшняго міра. Не многимъ менѣе она и въ томъ случаѣ, когда офицеръ выросъ въ помѣщичьей усадьбѣ и болѣе или менѣе знакомъ только съ деревенскимъ строемъ. Солдатъ изъ пролетарской среды остается для такого офицера совершенно непонятнымъ и непостижимымъ явленіемъ. А между тѣмъ, съ ростомъ индустріализаціи страны, количество солдатъ, выросшихъ и воспитанныхъ въ городской атмосферѣ, безпрерывно увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличивается, конечно, трудность сближенія между противоположными элементами арміи. Въ результатѣ отчужденность между командующими и командуемыми доходитъ до крайнихъ предѣловъ и только наружно сглаживается дисциплиной военной службы.

Недовольство бездушной современной «муштровкой» распространено, впрочемъ, не только среди солдатъ-горожанъ, но и среди выходцевъ изъ деревни. Современный крестьянскій парень въ Германіи, правда, менѣе развитъ, нежели фабричный рабочій, но чувства человѣческаго достоинства и сознаніе безцѣльности нынѣшняго параднаго марша доступны и ему. Въ замѣчательныхъ воспоминаніяхъ сельскаго батрака Ребейна, годы военной службы причисляются къ самымъ нерадостнымъ. Вскорѣ послѣ поступленія въ полкъ Ребейнъ сформулировалъ свое отношеніе къ службѣ слѣдующимъ образомъ: «пусть перестанутъ говорить объ облагороженномъ чувствѣ чести нѣмецкаго солдата. Большей лжи мнѣ не приходилось слышать. Естественное чувство чести человѣка планомѣрно притупляется и убивается такимъ недостойнымъ обращеніемъ. Ежедневныя издѣвательства и полная беззащитность отъ грубѣйшаго отношенія!.. [2]). Этотъ безрадостный итогъ своихъ наблюденій Ребейнъ заканчиваетъ «мѣткимъ», по его мнѣнію, разсужденіемъ сослуживца: «что представляетъ собою нуль, я знаю, говаривалъ сослуживецъ,—нуль—ничто; нѣмецкій солдатъ, однако, значительно меньше нуля»...

---

1) *A. v. Loebell*, Wie ist der Sozialdemokratie im Heere entgegenzuwirken? Berlin, 1907, стр. 34.

2) *Franz Rehbein*, Das Leben eines Landarbeiters, Jena, 1911, стр. 177.

Въ чиновныхъ и консервативныхъ кругахъ армію привыкли считать чѣмъ то въ родѣ національнаго воспитательнаго института. На службѣ солдатъ усваиваетъ, по издавно сложившемуся мнѣнію, начатки государственныхъ и общественныхъ знаній, тутъ же онъ знакомится съ основными понятіями гражданской добродѣтели и усваиваетъ полезные гражданскіе навыки. Такого же взгляда на армію придерживается и Вильгельмъ II, сказавшій однажды генераламъ: «нынѣ армія — національное учрежденіе, генералы — вожди, на которыхъ солдатъ и бюргеръ смотритъ съ уваженіемъ и довѣріемъ. Армія— грандіозная школа для воспитанія нашей молодежи въ національномъ духѣ» [1]). Правильна ли такая точка зрѣнія на нынѣшнюю армію? Кажется, нѣтъ. Какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, Вильгельмъ II утѣшаетъ себя иллюзіей, мало соотвѣтствующей реальной дѣйствительности. Если современная прусская армія и есть школа, то она меньше всего школа «національнаго» воспитанія. Въ дѣйствительности пребываніе въ нѣмецкой казармѣ кончается въ большинствѣ случаевъ тѣмъ, что деревенская молодежь превращается въ болѣе или менѣе противниковъ существующаго режима, а пролетарская выходитъ оттуда обогащенная новымъ запасомъ «антигосударственнаго» духа. Знакомый уже намъ батракъ разсказываетъ, что къ соціалъ-демократіи онъ пришелъ благодаря не чему другому, какъ именно казармѣ. На свободѣ онъ, правда, уже знакомъ былъ немного съ соціалистической литературой, но ему казалось, что соціалъ-демократы какъ будто черезчуръ мрачно смотрятъ на вещи, и что ихъ критика господствующихъ классовъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. «Вскорѣ однако, разсказываетъ онъ, я основательно избавился отъ такихъ взглядовъ, и при томъ какъ разъ въ казармѣ. Если я не былъ еще окончательно сложившимся соціалъ-демократомъ,—тамъ, въ арміи, я имъ сталъ. Тамъ нельзя было не стать имъ, совершенно самостоятельно, независимо, безъ всякой гаитаціи, пользуясь только тѣмъ, что подсказываетъ здравый смыслъ». [2]) Итакъ, достаточно здраваго смысла, чтобы національная школа» превратилась въ разсадникъ ооціалистическихъ идей. Работа этого «смысла» съ каждымъ годомъ значительно ускоряется въ Германіи, ибо съ каждымъ наборомъ увеличивается количество рекрутовъ, прошедшихъ соціалистическую школу. Это признаютъ безъ дальнѣйшихъ околичностей всѣ знатоки дѣла, это констатируетъ и извѣстный уже намъ Остенъ-Сакенъ: «несомнѣнные успѣхи соціалдемократіи въ области воспитанія юношества представляютъ, говоритъ онъ, для арміи большую опасность.

---

[1]) *Paul Meinhold,* Wilhelm II. Berlin 1913, стр. 205.

[2]) Rehbein, стр. 7.

Ежегодно растетъ число зараженныхъ ею рекрутовъ» [1]). Эти рекруты самимъ фактомъ своего пребыванія въ арміи служатъ дѣлу распространенія соціализма. Обыкновенно рекрутъ или солдатъ-соціалистъ отличается своимъ умственнымъ развитіемъ, что создаетъ ему извѣстное уваженіе не только среди товарищей, но и со стороны начальства. Солдатъ-соціалистъ всегда сумѣетъ постоять за себя и прекрасно знаетъ, какъ использовать въ извѣстныхъ случаяхъ органы общественнаго мнѣнія. Начальство знаетъ это и обращается съ такими солдатами — по крайней мѣрѣ внѣшне—значительно осторожнѣе и мягче. Оно знаетъ, что «онъ» можетъ «написать Бебелю», а это значитъ, что каждое грубое слово, каждый актъ несправедливости и мучительства надъ беззащитнымъ будутъ освѣщены съ высоты рейхстагской трибуны. Начальство знаетъ также, что съ рѣчами соціалдемократіи въ парламентѣ правительство не можетъ не считаться, и потому заблаговременно старается не давать «матеріала» для доказательствъ. Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что нынѣшняя нѣмецкая казарма стала человѣчнѣе. Она только болѣе осторожна и то только по отношенію къ одной части своихъ обитателей. По отношенію къ другой режимъ остается въ общемъ обычный, о чемъ свидѣтельствуютъ съ одной стороны многочисленные военно-уголовные процессы, а съ другой — нерѣдкіе случаи самоубійствъ. Осторожность, съ которой начальство обращается съ соціалистами, не проходитъ, конечно, безслѣдно для деревенской части казармы. Чрезвычайно быстро она устанавливаетъ причинную связь между этой осторожностью и поведеніемъ товарищей-соціалистовъ, заинтересовываются ихъ образомъ мыслей, а отсюда только одинъ шагъ, чтобы самому усвоить его. Все это сплошь и рядомъ кончается тѣмъ, что крестьянскій парень изъ казармы выходитъ убѣжденнымъ сторонникомъ рабочей партіи. «Національная школа автоматически создаетъ такимъ образомъ «могильщиковъ» т. н. «національнаго» государства.

Помимо такого неожиданнаго политическаго эффекта, пребываніе въ арміи деревенской молодежи бокъ о бокъ съ соціалистической, имѣетъ еще нежелательный для консерваторовъ, въ особенности для аграріевъ, экономическій результатъ. Аграрій и безъ того страдаетъ отъ недостатка рабочихъ силъ въ деревнѣ, а армія лишаетъ его и тѣхъ, которые пока что еще имѣются въ его распоряженіи. Въ большинствѣ случаевъ она лишаетъ его этихъ силъ не на время, а навсегда. Познакомившись съ новыми условіями жизни, деревенскій парень послѣ службы не возвращается большей

---

[1]) Стр. 117.

частью обратно на родину, а остается въ городѣ. Если же онъ и возвращается, то приноситъ съ собой «новый духъ», духъ недовольства старыми, «простыми» условіями существованія и становится вождемъ оппозиціоннаго движенія. Въ качествѣ батрака онъ не останавливается передъ выставленіемъ такихъ требованій, отъ которыхъ у иного помѣщика волосъ дыбомъ становится. Онъ требуетъ, напримѣръ, «большей свободы», «удовольствій», «восьмичасового рабочаго дня» и «вообще невыполнимыхъ вещей относительно обращенія и питанія» [1]). Неудивительно, что бывшаго солдата встрѣчаютъ теперь въ деревнѣ «далеко не такъ охотно, какъ во времена, когда онъ изъ арміи приносилъ однѣ только положительныя качества солдатской жизни». [2]) Какъ видите, и въ экономическомъ отношеніи «національная школа» служитъ разложенію стараго порядка и ничего, кромѣ прямого убытка, его защитникамъ принести не въ состояніи. Страннымъ поэтому кажется аргументація консервативной прессы въ пользу законопроекта, которая радуется, что благодаря ему новая сотня тысячъ молодыхъ людей испытаетъ на себѣ всѣ благодѣянія «національнаго института». Такая аргументація не считается съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей и является поистинѣ какимъ то «ребячествомъ» (Kinderglaube), о которомъ говорилъ въ рейхстагѣ депутатъ Франкъ. Можно какъ угодно относиться къ этому законопроекту, но нельзя отрицать того, что Франкъ былъ правъ, когда говорилъ: «Изъ 136000 новыхъ солдатъ будетъ по меньшей мѣрѣ 50000 соціалдемократовъ, когда они войдутъ въ казарму и 80000, когда они оттуда выйдутъ».

Въ прежніе годы разлагающее воздѣйствіе соціализма въ нѣмецкой арміи встрѣчало противодѣйствіе, оказываемое вліяніемъ унтеръ-офицерскихъ чиновъ. Унтеръ-офицеръ стоялъ раньше значительно ближе къ солдату, представляя по отношенію къ послѣднему старшаго, болѣе опытнаго и умѣлаго, товарища. Унтеръ-офицеръ заполнялъ пропасть, зіяющую между офицерствомъ и солдатомъ, служа естественнымъ посредникомъ между тѣмъ и другимъ. Солдатъ довѣрялъ унтеру, обращался къ нему во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ своей личной и служебной жизни и находилъ въ немъ поддержку совѣтомъ и дѣломъ. Товарищескія отношенія между унтеръ-офицеромъ и рядовымъ отражались не только на душевномъ строѣ нижнихъ чиновъ, но и на ихъ военной выучкѣ. Зная хорошо своихъ солдатъ, унтеръ-офицеръ легко находилъ подходящій тонъ при обращеніи съ каждымъ изъ нихъ и также легко нащупывалъ путь,

---

1) Ср. Die Sozialdemokratie im Heere, von einem Offizier, стр. 3.
2) Тамъ же, стр. 3.

способный облегчить солдату усвоеніе тѣхъ или иныхъ навыковъ и и пріемовъ. Все это способствовало упроченію унтеръ-офицерскаго авторитета, о который разбивалась соціалистическая волна, докатившаяся до казармы. Постепенно, однако, все это измѣнилось. Среди унтеръ-офицерскихъ чиновъ появились «подозрительные» элементы и нерѣдко случалось, что какой-нибудь бравый фельдфебель или сержантъ оказывался самымъ настоящимъ «краснымъ». Проникновенію соціалистическихъ идей въ унтеръ-офицерскіе ряды способствовалъ не только общій ростъ соціалистическаго движенія, но еще вдобавокъ сравнительно печальное матеріальное положеніе нижнихъ чиновъ; въ особенности семейныхъ [1]). Чтобы помѣшать дальнѣйшему распространенію соціалдемократіи въ арміи, правительство не нашло иныхъ средствъ, какъ изолировать унтеръ-офицера отъ солдата, улучшивъ при этомъ немного его матеріальное существованіе. Были созданы спеціальныя унтеръ-офицерскія школы, значеніе которыхъ Остенъ-Сакенъ видитъ въ томъ, что «въ критическомъ переходномъ возрастѣ онѣ ограждаютъ своихъ учениковъ отъ опасности пасть жертвой соціалдемократіи» [2]). Въ результатѣ получилось, что унтеръ-офицеръ отдалился отъ солдата настолько, что между обоими также мало общаго, какъ между солдатомъ и офицеромъ. Вліяніе соціализма отъ этого не уменьшилось, а увеличилось. Спасши унтеръ-офицера отъ послѣдняго, правительство только облегчило доступъ соціалдемократической идеѣ въ широкіе ряды рядовыхъ. Вліянію солдатъ - соціалдемократовъ не противостоитъ теперь вліяніе унтера. Авторитетъ послѣдняго падаетъ съ каждымъ днемъ все больше, а вмѣстѣ съ тѣмъ естественно ухудшаются отношенія между «учителями» и «учениками». Унтеръ чувствуетъ, что однимъ моральнымъ воздѣйствіемъ онъ не въ состояніи добиться желательнаго результата, и все «обученіе» сводится поэтому къ бездушной механической дрессировкѣ. Конечно, характеръ этого отношенія къ солдату все-же значительно «культурнѣе» старинныхъ формъ обученія; но при повышенномъ уровнѣ развитія солдата даже сравнительно легкія формы наказаній дѣйствуютъ провоцирующе.

Р. Стрѣльцовъ.

---

[1]) Ср. широко разошедшуюся брошюру: Soziales Elend von der Armee. Von einem alten Offizier Berlin. 1906, стр. 8—17

[2]) Остенъ-Сакенъ, стр. 117—118.

ФРАНКО-ГЕРМАНСКІЙ ДЕНЬ.

(Письмо изъ Берна).

Германскій парламентъ спѣшно готовитъ новую дань милитаризму—новые корпуса солдатъ, вотируетъ новый военный расходъ въ 1 милліардъ марокъ, который приведетъ за собой чисто-механически, вѣроятно, не меньшую сумму дополнительныхъ расходовъ для ряда предстоящихъ лѣтъ. Въ отвѣтъ Германіи, французскій парламентъ готовъ снова ввести трехъ годичную службу, имъ же самимъ недавно осужденную и отмѣненную; предстоятъ, вѣроятно, и здѣсь милліардные расходы... И вотъ, среди этого, еще не бывалаго по размѣрамъ, приступа милитаристической перемежающейся лихорадки, находятся люди, созывающіе парламентаріевъ Германіи и Франціи для мирныхъ сосѣдскихъ бесѣдъ! Не наивные ли это люди, эти добрые швейцарскіе сваты, рѣшившіеся свести вмѣстѣ, въ своемъ патріархальномъ Бернѣ, германскаго Ивана Ивановича съ французскимъ Иваномъ Никифоровичемъ? Хрупкое, ненадежное предпріятіе!

Многія «вліятельныя» европейскія газеты высмѣиваютъ, либо бранятъ Бернскую конференцію 11-го мая нов. ст. Мыслимо ли, говорятъ онѣ, заставить оба парламента взять назадъ уже почти принятые кредиты? И правда, врядъ-ли это мыслимо. Но смыслъ и оправданіе этой конференціи какъ разъ въ томъ и состоитъ, что обѣими странами овладѣлъ, наконецъ, ужасъ передъ собственною готовностью «жертвовать» всѣмъ — прогрессомъ, культурой, народнымъ богатствомъ, жизнью милліоновъ своихъ сыновей—«красному смѣху» войны. Овладѣлъ ужасъ — и записные патріоты, можетъ быть, вчерашніе сторонники «реванша», либо «величайшей Германіи», спѣшатъ въ Бернъ. Одной рукой еще не кончили подписывать акта кровной взаимной вражды, а ужъ другая рука протягивается, ища рукопожатія «наслѣдственнаго врага».

Таковъ двуликій смыслъ дня 11-го мая. И боязно, и отрадно было присутствовать въ Бернѣ на этомъ прихотливомъ спектаклѣ исторіи. Самый городъ Бернъ даетъ замѣчательно подходящую для него рамку: Бернъ—тоже, поистинѣ, двуликій, двуязычный, франконѣмецкій. Вывѣски на его старинныхъ улицахъ писаны и готиче-

скимъ шрифтомъ, по нѣмецки и латинскимъ — по французски; не рѣдки вывѣски и на обоихъ языкахъ, либо изъ смѣси ихъ, напр., «Neue pâtisserie Jean Lieschti». Съ любымъ прохожимъ вы можете заговорить безразлично на обоихъ языкахъ, и, если онъ вамъ не отвѣтитъ на томъ же языкѣ, то ужъ навѣрняка васъ пойметъ. Еще любопытнѣй послушать разговоръ бернцевъ между собою: произношеніе нѣмецкихъ словъ приближается къ французскому, картавое, а французскія выраженія принадлежатъ къ особому нарѣчію—т. наз. «союзному французскому», родъ плохого перевода съ нѣмецкаго.

Словомъ, городъ, точно судьбою предуказанный для франко-германской конференціи. И мнѣ, право, казалось, что самый ярый націоналистъ долженъ бы тутъ призадуматься: вѣдь вотъ же могутъ въ этомъ мирномъ городѣ встрѣчаться двѣ національности, не только не давя другъ друга, а, напротивъ, сливаясь въ одну крѣпко-спаянную націю, ни французскую, ни нѣмецкую—а швейцарскую. И ужъ по части патріотизма эта нація - ублюдокъ выдержитъ какую угодно критику!

Въ этомъ мозаичномъ городѣ и проявилась смѣлая мысль выступить посредникомъ между двумя родственными ему странами. Впрочемъ, какъ говорятъ, первый толчекъ пошелъ изъ Германіи. Соціалистическій депутатъ рейхстага Франкъ обратился къ швейцарскимъ соціалистамъ съ соотвѣтствующимъ предложеніемъ. Бернскій соціалистъ Гриммъ, въ свою очередь, поднялъ вопросъ въ бернскомъ международномъ бюро мира, а отсюда затѣмъ дѣло перешло въ руки группы изъ 13 депутатовъ національнаго совѣта всѣхъ партій безъ исключенія. Они и направили приглашеніе какъ германскому рейхстагу, такъ и французскимъ палатамъ.

Словомъ, соціалисты были, такъ сказать, воспріемниками этого дѣла мира; соціалисты же, какъ извѣстно, и откликнулись особенно сильно въ обѣихъ странахъ. Въ этомъ случаѣ соціалисты исполняли лишь завѣты своего Базельскаго съѣзда—всячески бороться съ войной. Но, какъ и въ Базелѣ,—и еще въ большей степени,—надо отмѣтить фактъ сочувственнаго отклика, встрѣченнаго непримиримыми противниками буржуазіи—въ рядахъ буржуазіи, особенно на этотъ разъ французской. Безъ сомнѣнія, удивительна готовность французской буржуазіи итти навстрѣчу Германіи и ея соціалистамъ, объ руку со своими «unifiés». Вѣдь это значитъ, прежде всего, отказаться отъ золотой мечты «реванша», мечты, лелѣянной десятки лѣтъ, не говоря уже о томъ, какой ужасъ питаетъ французская буржуазія къ соціалистическому «антипатріотизму» и «антимилитаризму».

Тутъ опять, какъ и въ Базелѣ, передъ нашими глазами — движущаяся мозаика исторіи, ея живой калейдоскопъ, гдѣ націи, классы, партіи перемѣшиваются въ самыхъ, повидимому, неожиданныхъ, въ самыхъ вопіюще-противорѣчивыхъ сочетаніяхъ. И опять таки, кажется, единственный во всемъ мірѣ этотъ составной, франко-нѣмецкій городъ Бернъ способенъ быть проводникомъ для парадоксальной новизны исторіи. Бернъ, гдѣ въ данную минуту, напр., идетъ избирательная борьба между соціалистомъ и «буржуа» изъ-за мѣста директора полиціи; причемъ полицейскіе агенты, какъ говорятъ, изо всѣхъ силъ желаютъ побѣды соціалисту, ибо полиція здѣсь уже понимаетъ цѣну законности для себя самой, соціалисты же слывутъ искреннѣйшими поборниками законности.

Итакъ, Франція откликнулась широко и радостно. До 10-го мая записались на конференцію 10 французскихъ сенаторовъ и 115 депутатовъ: изъ нихъ 40 соціалистовъ, 47 радикалъ-соціалистовъ, 12 независимыхъ соціалистовъ, 13 членовъ радикальной лѣвой и 3 демократической лѣвой. За исключеніемъ «большихъ» газетъ, «Matin», «Journal» и проч., открыто служащихъ за деньги интересамъ имперіалистскаго капитала, всѣ лѣвыя газеты, не исключая офиціальнаго «Temps», выразили свое сочувствіе идеѣ съѣзда. А президентъ сената Антоненъ Дюбо устроилъ даже маленькую демонстрацію въ пользу Берна: на генеральномъ совѣтѣ своего округа, въ департаментѣ Изеры (Гренобль), онъ сказалъ соотвѣтствующую рѣчь и провелъ единогласную резолюцію съ привѣтствіемъ будущему съѣзду. Такъ же горячо взялась за дѣло парламентская группа третейскихъ договоровъ, съ извѣстнымъ пропагандистомъ мира, сенаторомъ Д'Эстурнель-Констаномъ во главѣ. Эта-то между-партійная группа и организовала поѣздку въ Бернъ на началахъ уже не индивидуальнаго участія каждаго депутата, а такъ сказать, офиціальныхъ: съ обязательствомъ дисциплины и единства дѣйствій,—обстоятельство, въ высшей степени повысившее значеніе самой конференціи и облегчившее ея быстрое и дружное проведеніе.

Справедливость требуетъ сказать, впрочемъ, что въ то же самое время министръ-президентъ Барту и военный Этьеннъ (кстати, крупный участникъ въ поставкахъ разныхъ военныхъ припасовъ и, по существу, ставленникъ заинтересованныхъ фирмъ-трестовъ) какъ бы нарочно изливались въ «патріотическомъ» краснорѣчіи по разнымъ угламъ Франціи, гдѣ «надежды» Франціи (читай: «реваншъ») и изреченіе: «сила предшествуетъ праву»—играли видную роль. Но вѣдь это—неизбѣжная музыка современныхъ оркестровъ

«вооруженнаго мира». Коли страны вооружены «до зубовъ», нельзя и ожидать ничего лучшаго отъ офиціальныхъ адвокатовъ меча.

Маленькій Бернъ оказался сильнѣйшимъ притягательнымъ фокусомъ для народныхъ представителей большой Франціи. Но Германія? Германія, какъ извѣстно изъ газетъ, далеко не такъ увлеклась опасною затѣей соціализма. Я ужъ не стану говорить о ядовитыхъ отзывахъ бѣдному Берну изъ круговъ воинственныхъ прусскихъ аграріевъ и всенѣмецкихъ патріотовъ, которые перестали бы быть сами собою, если бы дали себя очаровать сиренамъ международнаго мира. Но въ средѣ германскихъ націоналъ-либераловъ, католическаго центра и даже «прогрессивной Народной партіи» пріемъ смѣлой иниціативѣ далеко уступалъ французскому. Прогрессисты и центръ записались на съѣздъ въ количествѣ... 7 членовъ Народной партіи, 5 центра (и еще 1 датчанина); націоналъ-либералы вовсе воздержались. Только соціалъ-демократы, конечно примкнули къ дѣлу съ одушевленіемъ, отрядивъ офиціальную делегацію изъ 20 членовъ, которые и составили большинство записавшихся на съѣздъ нѣмцевъ. Въ сугубой же сдержанности нѣмецкихъ буржуазныхъ группъ отразилась, помимо разныхъ другихъ соображеній, всегдашняя роль Германіи, какъ воинственной Валькиріи, отъ которой въ первую голову и исходятъ тяготѣющіе надъ Европой страхи.

Первоначальная задача съѣзда формулировалась въ Швейцаріи такъ: обсудить возможность отсрочки хотя бы на годъ тѣхъ новыхъ чудовищныхъ вооруженій, которыя каждую минуту грозятъ всеобщей бѣдой. Но, казалось бы, такая скромная, такая робкая, задача встрѣтила во Франціи, не говоря ужъ о Германіи, крайнія антипатіи. Не нравилась ея близкая конкретность. Поэтому и въ пожеланіяхъ, выработанныхъ парламентскою третейскою группой—пожеланіяхъ, легшихъ затѣмъ въ основу бернской резолюціи—рекомендуется какъ можно дальше обходить всѣ подводные камни подобныхъ, слишкомъ «неумѣстныхъ» вопросовъ. А правительственный «Temps» въ своемъ напутствіи парламентаріямъ доводилъ эту осторожность до того, что, казалось, бернской конференціи останется заниматься едва ли не вопросами погоды, либо здоровья. И многіе голоса не безъ злорадства кричали по адресу Берна: «Все—мыльный пузырь! Съѣздъ для пустой болтовни».

На самомъ дѣлѣ, вышло совсѣмъ обратное. Болтовни-то какъ разъ и не было на этомъ замѣчательномъ съѣздѣ, гдѣ не было *никакихъ* преній, весьма мало рѣчей, не смотря на присутствіе болѣе 200 спеціалистовъ ораторскаго искусства. Эта оригинальная

черта съѣзда тоже словно бы почерпнута отъ безшумно-дѣлового Берна, всегда предпочитающаго золото дѣла серебру краснорѣчія.

Впрочемъ, и самъ Бернъ побаивался словесныхъ взрывовъ своихъ гостей. Поэтому Союзный Совѣтъ совершенно устранился отъ какого бы то ни было офиціальнаго касательства къ конференціи и даже не согласился дать подъ занятія съѣзда обширныхъ залъ Національнаго совѣта. Газеты радикальнаго большинства объясняли эту нелюбезность тѣмъ, что для «декламацій международнаго соціализма» тамъ не мѣсто. Такъ или иначе, пришлось удовольствоваться актовымъ заломъ (Aula) университета, гдѣ французы съ нѣмцами въ буквальномъ смыслѣ «сближались» до того тѣсно, что части депутатовъ пришлось даже, за недостаткомъ мѣстъ, стоять подъ стѣнками.

Зато зданіе университета великолѣпно расположено на своемъ зеленомъ Grosse Schanze (остатокъ бывшихъ укрѣпленій). Изъ самыхъ оконъ залы, гдѣ засѣдалъ съѣздъ, мы могли любоваться сверху видомъ всего Берна съ его шпицами, башенками, готическими куполами и черепичными кровлями, съ двумя великолѣпными желѣзными мостами черезъ глубокую долину Аара, съ привольной перспективой сіяющихъ Альпъ, гдѣ глазъ легко отличаетъ въ центрѣ острый капюшонъ бѣлаго «Монаха» и широкогрудую, могучую фигуру «Дѣвы» въ небесахъ. Тамъ, надъ далекими вершинами сіяло солнце, а здѣсь, около нашихъ земныхъ дѣлъ моросилъ сѣрый дождикъ... Былъ Троицынъ день, по улицамъ, на зло погодѣ, двигались группы праздничныхъ горожанъ и крестьянъ, сошедшихся изъ окрестностей въ церкви. Я видѣлъ длинную процессію на велосипедахъ съ цвѣтами, пестрыми шарфами: это участники съѣзда рабочихъ-типографщиковъ со всей Швейцаріи.

Въ бѣломъ залѣ заняты своимъ великимъ дѣломъ. Предсѣдательствуетъ молодой блѣдный человѣкъ съ тонкими, черными усами и суровой морщиной между бровей, бывшій типографскій рабочій, Робертъ Гриммъ. Благодаря своей необыкновенной энергіи, онъ теперь—одна изъ виднѣйшихъ фигуръ швейцарскаго рабочаго движенія, (между прочимъ, женатъ онъ на русской). На эстрадѣ, пониже его каѳедры, всѣ мѣста заняты швейцарскими депутатами, иниціаторами приглашенія; только на двухъ стульяхъ я вижу француза Д'Эстурнель-Констана и нѣмца Гауссмана, одного изъ трехъ членовъ Vorstand'а народной партіи. У подножія эстрады—четыре стола для прессы, въ общемъ болѣе 80 журналистовъ, большею частью французскихъ и швейцарскихъ, но также и отъ большихъ изданій всего міра. Затѣмъ, остальное пространство занято въ перемѣшку нѣмцами и французами. Они съѣхались еще вчера, въ субботу, успѣли пови-

Библиотека Университета

даться и побесѣдовать и, какъ говорятъ намъ, съ радостью убѣдиться, что... нѣмцы и французы одинаково люди, и вовсе не заражены всѣ такими «патріотическими», враждебными страстями, какъ убѣждали ихъ 40 лѣтъ ихъ газеты и правители. Открытіе, нѣсколько запоздалое, но все же пріятное.

Послѣдовалъ рядъ привѣтственныхъ рѣчей, краткихъ, довольно похожихъ другъ на друга и весьма сдержанныхъ. Говорили: Гриммъ, предсѣдатель международнаго бюро мира, Гоба, лидеръ швейцарскаго соціализма, старикъ Грейлихъ, представитель Берна, членъ магистрата соціалистъ Мюллеръ; отвѣчали имъ сенаторъ Д'Эстурнель и, отъ нѣмцевъ, старый Бебель и радикалъ Гауссманъ. Горячо были встрѣчены, въ особенности, Д'Эстурнель и Бебель.

Д'Эстурнель—сухощавый, пожилой человѣкъ, съ красивымъ, энергичнымъ профилемъ бритаго лица, съ густыми усами. Онъ подчеркнулъ въ своемъ словѣ, во первыхъ, что французы явились сюда «безъ различія партій, безъ колебаній, безъ страха и упрека». Дѣйствительно, число французовъ возрасло на съѣздѣ до 185 (164 депутата и 21 сенаторъ)—тогда какъ нѣмцевъ, въ концѣ концовъ, оказалось всего 41 (да еще 4 депутата Эльзасъ-Лотарингскаго ландтага, не имѣвшихъ права голоса на конференціи). Затѣмъ, Д'Эстурнель указалъ, что примиреніе Франціи и Германіи положило бы «конецъ вооруженному миру и основу дѣйствительному всеобщему миру» и раскрылъ всю грубую ошибочность мнѣнія, будто вооруженный миръ есть «страхованіе противъ войны». «Ничего нѣтъ ошибочнѣе этого, ибо необходимость оправдать это бремя вооруженнаго мира именно и приводитъ къ наихудшимъ шовинистическимъ подстрекательствамъ».—Ораторъ имѣлъ тутъ въ виду, въ частности, недавнія злостныя попытки во Франціи и въ Германіи «взвинтить» традиціонную вражду разными инцидентами—попытки, за которыми, какъ это разоблачено деп. Либкнехтомъ, стоятъ пушечные и броненосные тресты обѣихъ странъ. Затѣмъ г. Д'Эстурнель поставилъ вопросъ, нельзя ли «уменьшить эту опасность, а впослѣдствіи, путемъ взаимныхъ уступокъ, пріемлемыхъ для каждой стороны, и вовсе ее прекратить»? Конечно, говорилъ онъ, «всѣ мы, и нѣмцы, и французы,—добрые патріоты, но нашъ патріотизмъ состоитъ въ добромъ служеніи нашей родинѣ, а не въ толканіи ея на путь авантюръ!» Въ заключеніе, онъ выразилъ горячую надежду, «что этотъ первый случай франко-германскаго сотрудничества станетъ началомъ смягченія, котораго жаждетъ весь міръ!». Онъ закончилъ лучистою улыбкой и быстрымъ движеніемъ нервной руки кверху.

Слова его нашли прямой отголосокъ въ душѣ каждаго присутствовавшаго здѣсь депутата и у публики на хорахъ. Апплоди-

сменты, какъ одобрительный рокотъ отдаленнаго людского моря, переливались въ залѣ. Выразительный шумъ поднялся еще выше, когда бѣлая голова Бебеля появилась, въ свой чередъ, на эстрадѣ. Долгое рукопожатіе, которымъ онъ обмѣнялся съ Д'Эстурнелемъ, принято было всѣми, какъ вѣстникъ того будущаго рукопожатія двухъ народовъ, къ которому сейчасъ еще лишь ищутъ путей.

Изъ рѣчи Бебеля отмѣчу мѣсто, гдѣ онъ вспомнилъ, что сейчасъ какъ разъ 42-ая годовщина Франкфуртскаго мира (10 мая 1871 г.), «вѣчнаго мира», какъ онъ названъ во введеніи къ договору, въ дѣйствительности же—перваго источника всѣхъ современныхъ милліардныхъ бюджетовъ арміи и флота «вплоть до послѣдняго чудовищнаго напряженія, которое народы едва ли могутъ вынести». Южно-германскій радикалъ Гауссманъ, крупный, усатый здоровякъ, весьма удачнымъ аккордомъ закончилъ эту привѣтственную серію рѣчей, выразивъ, по-французски, увѣренность, что «si nous nous cherchons, nous nous trouverons»

Предсѣдатель Гриммъ прочиталъ, затѣмъ, рядъ телеграфныхъ и письменныхъ привѣтствій и извиненій отъ разныхъ лицъ. Интересно было выраженіе симпатій отъ Vorstand'а германскихъ націоналъ-либераловъ: никто не ожидалъ отъ нихъ даже этого, чисто платоническаго привѣтствія, до того они держались вдалекѣ. Съ другой стороны, два члена католическаго центра, ожидавшіеся на съѣздъ, не пріѣхали и даже извиненія не прислали. Зато удивилъ своимъ письмомъ прусскій генералъ-маіоръ Гейсслеръ (тоже депутатъ центра); онъ, впрочемъ, и въ рейхстагѣ, во время послѣдняго обсужденія бюджета выдѣлился прекрасной рѣчью противъ новыхъ вооруженій. Были еще привѣтствія отъ обществъ «Мира»: австрійскаго, за подписью бар. Зуттнеръ, и французскаго, съѣздъ котораго какъ разъ происходилъ въ Парижѣ.

На этомъ, однако, и закончилось все «обсужденіе», всѣ «пренія» Бернской конференціи. Гриммъ прочиталъ еще соединенное заявленіе франко-германскихъ соціалистовъ о готовности ихъ поддержать всякую буржуазную партію въ искреннемъ стремленіи къ миру, и сообщилъ, что швейцарцы считаютъ свою роль конченной, теперь же предстоятъ непубличныя засѣданія французской и германской секцій отдѣльно, а потомъ—вмѣстѣ, а въ 5 часовъ вечера надо снова сойтись на публичное засѣданіе. Такимъ образомъ, занавѣсъ пока опустился передъ нашими любопытными взорами. Между тѣмъ тамъ-то, за кулисами, происходила самая любопытная и важная часть съѣзда. Проникнуть туда и узнать происходившее тамъ было возможно лишь урывками и съ трудомъ.

Попытаться все же можно. Я, въ третьемъ часу, уже распо-

ложился въ кулуарахъ университета и наблюдалъ происходящее. Сперва не было видно ничего интереснаго, кромѣ кучки бернскихъ юношей-студентовъ, составлявшихъ справочное бюро съѣзда. Они у запертой двери въ залъ свѣряли списки членовъ съѣзда съ визитными карточками дѣйствительно явившихся. Изрѣдка отворялась дверь, выбѣгалъ красный, вспотѣвшій депутатъ-французъ, и юноши спѣшили къ нему со своимъ «союзнымъ» французскимъ языкомъ. Но вскорѣ образовались цѣлыя группы участниковъ съѣзда, оживленно обсуждавшихъ здѣсь, за дверями—то, что складывалось изъ преній тамъ, внутри. Въ пылу полемики, меня толкали и припирали къ баллюстрадѣ лѣстницы, но никто меня не стѣснялся, и мнѣ удалось уловить кое-что цѣнное. Кучка депутатовъ и сенаторовъ-радикаловъ взволнованно толковала что-то соотечественнику-журналисту. Можно было понять, что нѣчто священное — Эльзасъ-Лотарингія!— играло тутъ роль.

— Нѣтъ, ужъ вы такъ и напишите,—твердилъ одинъ изъ нихъ журналисту (повидимому, изъ своей партійной газеты).—Мы ничего общаго не имѣемъ съ антипатріотами-соціалистами, а потому не можемъ помѣщать въ резолюцію фразы объ Эльзасъ-Лотарингіи.

— Намъ было обѣщано еще въ Парижѣ, что никто не коснется этого больного вопроса—спѣшилъ прибавить другой.—Напишите, что мы протестуемъ...

— Э, нѣтъ, дорогой мой, — перебивалъ первый,—это уже не годится:—дисциплина остается дисциплиной, мы всѣ дѣйствуемъ заодно. Но мы не соціалисты, вотъ главное, вотъ —«характеръ» нашей позиціи!

Журналистъ всѣхъ слушалъ, совалъ въ карманы пиджака какіе-то передаваемые ему документы и готовъ былъ, какъ видно, бѣжать на телеграфъ... Въ нишѣ окна другая группа депутатовъ убѣждала какого-то весьма упитаннаго юношу, почти еще безусаго, а онъ всячески упирался: «Ни въ коемъ случаѣ не соглашусь»,— твердилъ онъ... Но они, къ моему удивленію, считали, видимо, мнѣніе этого юноши очень вліятельнымъ, и продолжали:—«Да стоитъ ли вамъ упорствовать изъ-за одной безобидной фразы, заимствованной у Жореса? Вѣдь мы ничуть не измѣняемъ Эльзасъ-Лотарингіи, совсѣмъ напротивъ: благодаримъ ее! Это нашъ долгъ, наконецъ — вѣжливость простая требуетъ»... А юноша все отмахивался, сидя на подоконникѣ.

Изъ такихъ бесѣдъ мнѣ выяснялось понемногу дѣло. Не было сомнѣнія, что изъ-за общей идеи сближенія, какъ только закрылись двери собранія, сейчасъ же сами собой выдвинулись пункты конкретные, осязательные. Если заранѣе было рѣшено не касаться та-

кихъ слишкомъ злободневныхъ темъ, какъ сегодняшніе военные бюджеты, то обойти совершенно Эльзасъ-Лотарингію въ мало-мальски серьезной попыткѣ сближенія оказалось немыслимо. Вѣдь эти «имперскія земли» и составляли 40 лѣтъ всегдашнее яблоко раздора. Надо было во что бы то ни стало дать понять другъ другу, остаются ли обѣ стороны на непримиримой позиціи 1871 года: Франція—на требованіи обратно отторгнутыхъ провинцій, Германія—на точкѣ зрѣнія ихъ самовластнаго завоевателя-господина.

Сверхъ того, изъ самой Эльзасъ-Лотарингіи, какъ разъ наканунѣ конференціи раздался по адресу послѣдней громкій голосъ народа, требовавшій къ себѣ вниманія: 6-го мая нижняя палата мѣстнаго ландтага *единогласно* и безъ всякихъ преній вотировала резолюцію, рѣшительно высказывающуюся противъ всякой мысли о войнѣ между Франціей и Германіей и приглашающую оба государства къ сближенію и прекращенію вооруженій. Не могла конференція промолчать въ отвѣтъ на этотъ голосъ ближайше заинтересованнаго населенія.

Здѣсь умѣстно будетъ сказать, что давно уже въ Эльзасъ-Лотарингіи не существуетъ того «протестующаго» направленія, которое желало бы, путемъ какихъ бы то ни было жертвъ, вернуться подъ крыло своей бывшей родины, Франціи. Документально извѣстно, что даже вскорѣ послѣ присоединенія преобладающія политическія группы—католическая, а затѣмъ—фабриканты промышленнаго Эльзаса—довольно легко шли навстрѣчу своей судьбѣ и склонны были къ примиренію съ имперіей. Если же населеніе долго выбирало въ рейхстагъ непримиримыхъ сторонниковъ «протеста», то это гораздо больше объясняется «культуркампфомъ» имперіи, чѣмъ мѣстнымъ патріотизмомъ. Вѣдь эти непримиримые всегда почти были — католическіе патеры. И, наоборотъ, съ конца 1890 г., съ тѣхъ поръ, какъ Германская имперія подружилась опять съ Римомъ и стала опираться на католическій центръ, «протестъ» въ Эльзасъ-Лотарингіи быстро испарился. Еще 14 сент. 1902 г. одинъ изъ вождей мѣстнаго патріотизма, пресловутый аббатъ Веттерле вотъ что говорилъ сотруднику газеты «реванша» «La Presse»:

— Эта страна, какъ вы сами могли констатировать, — *уже не французская*... правда, она *еще и не германская*... Мы, эльзаскіе католики, протестовали изо всѣхъ силъ до тѣхъ поръ, пока могли, а теперь... къ чему бы это послужило?... Роковымъ образомъ, рано или поздно, мы должны будемъ «возсоединиться».

— Очень это красиво, говорилъ онъ далѣе, — замкнуться въ систематическую оппозицію, но надо вѣдь жить!... Неужели вы бы

хотѣли, чтобы наши мюльгаузенскіе промышленники всѣ обанкрутились?... Нѣтъ, *протестъ конченъ*.

Франція могла бы возвратить себѣ потерю теперь лишь путемъ грубаго насилія, *противъ воли* самого населенія. На первыхъ выборахъ въ мѣстный ландтагъ 1911 г., а затѣмъ и на имперскихъ выборахъ 1912 г. т. наз. «національная партія» бывшихъ депутатовъ Прейса и Блюменталя потерпѣла полное пораженіе. Ввиду всего этого, идеаломъ населенія теперь является просто *широкая автономія*, внутри имперіи. И изъ Эльзасъ-Лотарингіи нерѣдки теперь упреки по адресу французовъ, которые будто-бы своею непримиримостью разжигаютъ подозрѣнія Германіи и вредятъ желанной автономіи.

Вотъ гдѣ лежитъ главный мотивъ такихъ яркихъ симпатій къ Бернской конференціи со стороны Франціи: полная утопичность старыхъ мечтаній, полное отрезвленіе отъ «реванша». Упрямые «патріоты», какъ тѣ, кого мнѣ довелось услыхать въ кулуарахъ Бернскаго университета, на конференціи, не насчитывали, въ концѣ концовъ, и десятка сторонниковъ. Интересно отмѣтить, что и они принадлежали не къ ядру правительственнаго большинства, не къ радикаламъ, а—къ радикалъ-соціалистамъ. Радикалы же, во главѣ съ сенаторомъ д'Эстурнелемъ, всѣ безъ колебаній высказались за «соціалистическій» пунктъ объ Эльзасъ-Лотарингіи. Правда, пунктъ этотъ былъ выраженъ довольно замаскированно, ввидѣ «благодарности» эльзасъ-лотарингцамъ за «облегченіе» съѣзду его примирительной задачи: тѣнь стараго предразсудка все еще сковывала свободу выраженій. Но, въ связи съ категорической враждебностью эльзасъ-лотарингской резолюціи къ войнѣ, ясно, что французы, по существу дѣла, подписались все-таки подъ отказомъ отъ «реванша».

Эти пренія объ Эльзасъ-Лотарингіи замѣчались, впрочемъ, лишь во французской комиссіи. Нѣмцы, засѣдавшіе отдѣльно, быстро согласились между собой относительно предстоящей резолюціи конференціи. Здѣсь дѣло шло лишь о добавочной резолюціи, предложенной деп. Либкнехтомъ и приглашавшей оба правительства принять теперь же мѣры къ сокращенію вооруженій. Эта, такъ сказать, «пробная» резолюція сейчасъ же и была снята авторомъ, не встрѣтивъ достаточной поддержки.

Наконецъ, секретныя объясненія кончились около 6 часовъ, насъ позвали снова въ «Аулу». Но едва мы заняли мѣста, и залъ наполнился, предсѣдатель Гриммъ вдругъ опять объявилъ депутатамъ о продолженіи секретнаго обсужденія, и мы еще на цѣлый часъ остались въ залѣ одни. Какъ потомъ оказалось, пятеро радикалъ-соціалистовъ таки подали письменный протестъ сенатору д'Эстур-

нелю, и пришлось ихъ наново уламывать. Въ ожиданіи распахнули всѣ огромныя стеклянныя двери зала, и намъ съ террасы представлялось любоваться на свѣтлую зубчатую тряду Альпъ на горизонтѣ. И правда, какъ достойны удивленія, эти «вѣчно-холодные, вѣчно-свободные» Альпы! Они кажутся мощной стаей богатырскихъ Братьевъ-Лебедей,—помните эту международную сказку,—русскую, нѣмецкую, французскую?... Бѣлоснѣжные лебеди-горы, начиная отъ Страхъ-горы на суровомъ сѣверѣ и кончая Цвѣточными Альпами на ласковомъ югѣ, всѣ такъ неразрывно спаяны навѣки, и каждый такъ вѣрно хранитъ въ общемъ союзѣ свою собственную, отдѣльную незабываемую физіономію! Отчего же въ нашихъ національныхъ отношеніяхъ недоступна эта простая и ясная логика природы? Почему же намъ такъ трудно понять, что патріотизмъ каждой отдѣльной страны не только не исключается, а наоборотъ, подкрѣпляется и утверждается мирнымъ сожительствомъ съ другими культурными народами?...

Конгрессисты вернулись въ залъ. Но только на четверть часа для—закрытія конгресса! Не стану ужъ говорить, до чего публика и пресса были огорчены такимъ небывалымъ отвращеніемъ къ краснорѣчію. Скажу, однако, что я въ то же время испытывалъ и удовлетвореніе. Если оставались не совсѣмъ ясны разные моменты хода дѣла, то достаточно говорили за себя и факты, доведенные до нашего свѣдѣнія. Конференціей выбрано постоянное бюро для дальнѣйшаго осуществленія задачи сближенія, и этому бюро, пополняющемуся кооптаціей въ обѣихъ странахъ, дана власть созывать періодическіе и экстренные съѣзды. И составъ бюро былъ въ своемъ родѣ замѣчателенъ. Предсѣдателемъ французской его части выбранъ, конечно, сенаторъ д'Эстурнель, которому, въ дѣйствительности, и принадлежитъ заслуга быстраго проведенія, почти безъ треній, этой «полу-нѣмой» конференціи. Его товарищами по бюро состоятъ соціалистъ Жоресъ и сенаторъ Менье; послѣдній—одинъ изъ крупнѣйшихъ промышленниковъ Франціи, хозяинъ шоколаднаго треста. Въ его лицѣ за миръ съ Германіей высказался тотъ промышленный капиталъ, которому слишкомъ тѣсно отъ непроходимыхъ таможенныхъ рогатокъ, неизбѣжныхъ спутниковъ воинствующаго «реванша».

Съ нѣмецкой стороны президентомъ выбрали, въ виду сильнаго перевѣса соціалистовъ, соціалъ-демократа Гаазе. Кромѣ него—упоминавшагося радикала Гауссмана и предсѣдателя Эльзасъ-Лотарингскаго сейма Риклина (католика), чѣмъ и была усиленно подчеркнута первенствующая роль «имперскихъ земель» въ будущемъ франко-германскомъ сближеніи.

Наконецъ, избранные предсѣдатели Д'Эстурнель и Гаазе прочли намъ, одинъ по французски, другой по нѣмецки, выработанную за закрытыми дверями резолюцію. Въ виду историческаго значенія, какое, быть можетъ, суждено впослѣдствіи имѣть этому документу, я приведу его здѣсь цѣликомъ.

«Первая конференція французскихъ и германскихъ парламентаріевъ, состоявшаяся въ Бернѣ 11 мая 1913 г., самымъ рѣшительнымъ образомъ протестуетъ противъ гнусныхъ подстрекательствъ шовинизма всякаго рода и противъ предосудительныхъ спекуляцій, угрожающихъ по обѣ стороны границы ввести въ заблужденіе здравый смыслъ и патріотизмъ населенія.—Она констатируетъ и заявляетъ, что оба народа, въ ихъ громадномъ большинствѣ, жаждутъ мира, этого коренного условія всякаго прогресса; принимаетъ на себя обязательство неутомимо работать въ интересахъ разсѣянія недоразумѣній и предупрежденія конфликтовъ, и выражаетъ отъ всего сердца благодарность народнымъ представителямъ Эльзасъ-Лотарингіи за то, что своими благородными, единогласно вотированными заявленіями они облегчили сближеніе двухъ странъ въ интересахъ общей имъ цивилизаціи; приглашаетъ своихъ членовъ употребить всѣ усилія, чтобы склонить правительства великихъ державъ къ ограниченію издержекъ на армію и флотъ.

«Конференція горячо поддерживаетъ предложеніе г. Брайяна, государственнаго секретаря Соед. Штатовъ, относительно договоровъ о третейскихъ судахъ. Она требуетъ поэтому, чтобы конфликты, какіе могли бы возникнуть между обѣими странами и оказались бы неустранимыми дипломатическимъ путемъ, передавались третейскому разбирательству Гаагскаго суда; ожидаетъ отъ своихъ членовъ энергической, неустанной дѣятельности въ этомъ направленіи и выражаетъ убѣжденіе, что сближеніе Франціи и Германіи облегчитъ соглашеніе двухъ великихъ европейскихъ группъ и тѣмъ подготовитъ установленіе продолжительнаго мира». (Слѣдуетъ заключительный пунктъ объ избраніи постояннаго комитета).

Резолюція принята единогласно и восторженно.

По прочтеніи этого единственнаго акта конференціи мы, съ нѣкоторой медлительностью, разошлись. Многіе тотчасъ же стали разъѣзжаться, и лишь небольшая часть осталась для исполненія урѣзанной двухдневной программы—банкета въ старинномъ отелѣ Bernerhof и экскурсіи въ Интерлакенъ, къ подножію свѣтлыхъ Альпъ.

Такимъ образомъ конференція, можно сказать, добровольно сковала сама свой ходъ. Исполнила ли она все же свою задачу? Или, изъ боязни впасть въ грѣхъ многоглаголанія, а, можетъ быть,

и въ грѣхъ обостренія національной вражды,—чему начало кое-кто и готовъ уже былъ положить, какъ мы видѣли выше,—изъ этой преувеличенной боязни, не впала ли конференція въ другую крайность, въ крайность невысказанности, слѣдовательно, безполезной траты времени?

Не думаю. Мое личное впечатлѣніе, наоборотъ, таково, что съ замѣчательнымъ тактомъ и чутьемъ руководители выбрали наилучшій, едва ли не единственный вообще путь по той, какъ бы минированной почвѣ, какая была у нихъ подъ ногами. Заклятые, корыстные враги сближенія Франціи и Германіи, враги, гнѣздящіеся какъ въ этихъ странахъ, такъ и въ другихъ—ибо шовинизмъ обратился теперь въ своего рода международное промышленное предпріятіе—враги эти стерегли каждое неосторожное слово, каждый нѣсколько сильный жестъ и готовы были раздуть все въ пожаръ. При этихъ условіяхъ конференція сдѣлала, сравнительно говоря, огромное дѣло втеченіе одного дня своихъ занятій. Взять ужъ одно то, что она впервые вызвала на поверхность весь живой запасъ взаимно-дружелюбныхъ чувствъ въ обѣихъ странахъ. До нея никто не зналъ, что эти чувства достигли уже тѣхъ размѣровъ, когда они могутъ почитаться мощнымъ политическимъ факторомъ для будущаго. Далѣе, конференція представила собою яркую манифестацію мира посреди невыносимой, душной, человѣконенавистнической атмосферы, то и дѣло грозящей намъ неслыханными бѣдами, чуть ли не возвращеніемъ къ варварству каменнаго вѣка. Эта манифестація мира,—и въ томъ ея особая цѣнность,—исходитъ не отъ правительствъ, мирныя слова которыхъ слишкомъ ужъ часто расходятся съ дѣломъ. Бернская конференція вытекла, такъ сказать, изъ груди самихъ народовъ и опирается на безспорное миролюбіе массъ. Поэтому, при всей видимой скромности ея непосредственныхъ результатовъ, передъ нею, мнѣ кажется, открывается иная, болѣе широкая и плодотворная перспектива. И уже сейчасъ къ Бернской конференціи примыкаетъ цѣлый рядъ проэктовъ сближенія между печатью двухъ странъ, между промышленниками, учеными, художниками и т. д. Возникъ уже цѣлый союзъ «pour mieux se connaître», съ немалымъ уже количествомъ громкихъ, европейскихъ именъ среди его членовъ. Словомъ, нѣчто напоминающее начало сближенія Франціи съ Англіей десятокъ лѣтъ назадъ, гдѣ, между прочимъ, тотъ же сенаторъ Д'Эстурнель игралъ выдающуюся роль... Въ Бернѣ, одновременно съ конференціей, предполагались даже съѣзды подобнаго рода и не состоялись только потому, что найдено было необходимымъ сперва столковаться на чисто-политической почвѣ. Можно ожидать, однако, что и здѣсь потокъ

широкаго, идейно-экономическаго сближенія вскорѣ тоже найдетъ свою дорогу сквозь толщу заскорузлыхъ «расовыхъ» предразсудковъ.

Мозаичный Бернъ, разномастная Швейцарія и тутъ какъ будто освѣщаютъ дорогу движенію. Не далѣе $1^1/_2$ мѣсяца назадъ, Бернъ былъ ареною волненій совершенно новаго характера: швейцарскій народъ пытался наложить свою руку на профессіональныхъ политиковъ и дипломатовъ, слишкомъ легко отдававшихъ всю будущность народа подъ иго сильныхъ сосѣдей. Въ борьбѣ противъ «Готардской капитуляціи» Швейцарія указала всей Европѣ, что международные вопросы должны рѣшаться также верховною волею самой демократіи, а не интимною шахматной игрой подчасъ не безупречныхъ профессіоналовъ.

Массы народныя, какъ сознательные стражи международнаго мира—вотъ подъ какимъ знакомъ прошла и Бернская конференція 11 мая нов. ст. Отсюда понятна и роль, выпавшая здѣсь соціалистамъ. Правда, газеты, какъ «Temps», послѣ конференціи готовы видѣть въ участіи соціалистовъ скорѣе неблагопріятное предсказаніе для дѣла: вся суть здѣсь была, говорили насмѣшливо эти газеты, лишь въ томъ, чтобы создать хорошенькую платформу для Жореса и Бебеля. Германскія же газеты еще передъ конференціей относили малую отзывчивость германскихъ депутатовъ къ тому обстоятельству, что, «нельзя ѣхать на конференцію, созданную Франкомъ, Грейлихомъ и Гриммомъ». Но я, какъ очевидецъ, могу засвидѣтельствовать, что соціалисты въ Бернѣ все время добровольно отодвигали себя въ тѣнь, ничемъ не обнаруживая своей особой, «красной» окраски и исполняли скорѣе функціи чисто-административныя, т. е. по осуществленію съѣзда, какъ таковаго. Можно было подумать, что они наложили на себя обѣтъ монашескаго воздержанія для этого случая, и оставалась увѣренность, что, прояви буржуазныя группы, въ особенности, Германіи, (а также Швейцаріи) побольше дѣятельнаго сочувствія къ мирной задачѣ конференціи, соціалисты, безъ спора, уступили бы и въ представительствѣ съѣзда преобладаніе буржуазіи.

Въ Бернѣ, какъ и въ Базелѣ, я видѣлъ, что для соціалистовъ были выше партійныхъ интересовъ интересы настоятельнаго, неотложнаго, общечеловѣческаго дѣла, дѣла мира, и это понятно, разъ никто сильнѣе рабочей массы не страдаетъ отъ военныхъ авантюръ. Поэтому-то просвѣщенные государственные люди Европы признаютъ великую роль за рабочимъ классомъ для современной международной политики. Такъ англійскій министръ торговли Чёрчилль говорилъ слѣдующее передъ своими избирателями въ Суэнси (Уэльсъ) 1908 г.:

«Я полагаю, что повсюду, во всемъ мірѣ, рабочіе классы

сознаютъ, что интересы ихъ сходятся, а вовсе не расходятся. По моему мнѣнію, то, что принято называть международной солидарностью труда, можетъ принести для всѣхъ въ будущемъ неисчислимую пользу»,

А. Дивильковскій.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И ЕЯ СОПЕРНИКИ [1]).

Государственной Думѣ ставятъ въ упрекъ,—и совершенно правильно,—отсутствіе широкой законодательной инициативы и замѣтную ея склонность отдавать предпочтеніе законопроектамъ, мало популярнымъ, отвѣчающимъ, преимущественно, интересамъ привилегированныхъ классовъ. Причина этого лежитъ, конечно, прежде всего, въ томъ избирательномъ законѣ 3-го іюня, который былъ введенъ именно съ цѣлью защиты этихъ интересовъ и который предоставляетъ большинство депутатскихъ мѣстъ какъ разъ ихъ защитникамъ. Затѣмъ, имѣются и другія причины, вліяющія въ томъ же направленіи. Я остановлю вниманіе читателей на нѣкоторыхъ явленіяхъ въ области нашего высшаго управленія, весьма показательныхъ въ этомъ отношеніи и стоящихъ въ безусловномъ противорѣчіи съ тѣмъ высокимъ положеніемъ, которое отводится Основными законами нашимъ законодательнымъ учрежденіямъ,—Государственной Думѣ и Государственному Совѣту.

Начну съ того органа, который представляетъ собой продуктъ новѣйшаго времени и имѣетъ, повидимому, характеръ строго опредѣленный, а въ дѣйствительности—далеко выходящій за указанные ему рамки. Я разумѣю «Совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства», состоящій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Учрежденный въ мартѣ 1904 года въ качествѣ совѣщательнаго органа при этомъ министерствѣ, Совѣтъ вначалѣ не игралъ сколько нибудь замѣтной роли и даже не созывался. Онъ выступаетъ на сцену во времена Столыпина, когда правительство пытается воспользоваться имъ для

[1]) Въ засѣданіи Государственной Думы 13-го Мая с. г. авторъ произнесъ на эту тему рѣчь, которая и вошла въ составъ настоящей статьи.

осуществленія начинаній, провести которыя черезъ Госуд. Думу ему представляется затруднительнымъ, или которыя требуется предварительно переработать въ Совѣтѣ по указанію и въ духѣ министерства. По этому поводу справедливо говорилъ еще въ засѣданіи Думы 1907 г. П. Н. Милюковъ: «Рядомъ съ Государственной Думой, въ которой масса членовъ состоитъ въ то же самое время и земскими дѣятелями и принадлежитъ къ составу русскаго дворянства, созданъ особый Совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, куда переданъ проектъ (проектъ закона о мѣстномъ управленіи) и откуда въ Думу онъ будетъ «вноситься постепенно съ принятыми правительствомъ поправками и во всякомъ случаѣ (какъ поясняетъ г. предсѣдатель совѣта министровъ) *съ заключеніемъ названнаго Совѣта*». Это мотивируется многочисленными ходатайствами, которыя требовали передачи этого проекта на обсужденіе собраній. Казалось бы, что высшее государственное учрежденіе, призванное къ законодательной работѣ и числящее, какъ я сказалъ, въ своихъ рядахъ весьма значительное количество именно тѣхъ элементовъ, которые могутъ судить о значеніи реформы, едва-ли нуждалось бы въ постановкѣ рядомъ съ нимъ такого предварительнаго учрежденія, котораго цѣль состоитъ въ измѣненіи первоначальнаго правительственнаго проекта въ духѣ тѣхъ поправокъ, которыя Правительство заранѣе соглашается принять». (III Государственная Дума. Отчетъ фракціи народной свободы. 1908 г.).

Надо припомнить, съ какой помпой было открыто Столыпинымъ необычно роскошное для офиціальныхъ учрежденій помѣщеніе Совѣта, получившее скоро весьма характерное названіе «Преддумья»; надо припомнить также и то время, когда изготовлялись проекты земской реформы для юго-западнаго края,—реформы, проведенной по 87 ст. Осн. зак. И, надѣюсь, еще живо въ памяти у всѣхъ, что для проведенія, помимо законодательныхъ учрежденій, этой изготовленной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ реформы оказалось достаточнымъ закрыть Государственную Думу на три дня. Преемникъ Столыпина не пользовался содѣйствіемъ Совѣта для какихъ либо особыхъ цѣлей и не выдвигалъ его на авансцену...

Нынѣ Совѣтъ снова занятъ вопросами большого государственнаго значенія, и, повидимому, на его помощь вѣдомство возлагаетъ немалыя надежды. Въ общихъ засѣданіяхъ только что закончившейся сессіи Совѣта шло обсужденіе вопроса объ организаціи оцѣночныхъ работъ въ нашихъ земствахъ; кромѣ того, онъ былъ занятъ изготовленіемъ земской реформы для трехъ сѣверо-западныхъ губерній, гдѣ вмѣсто земскаго самоуправленія предполагается ввести земское управленіе по рецепту закона 2 апрѣля 1903 года, и обсуждалъ проектъ измѣненія земскаго положенія для шести

юго-западныхъ губерній, которое было введено, какъ сказано, по 87-ой статьѣ и которое, увы, такъ скоро оказалось на практикѣ не отвѣчающимъ ожиданіямъ правительства.

Въ составъ общаго присутствія Совѣта входятъ по штату отъ 12 до 15 «мѣстныхъ дѣятелей», приглашаемыхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и утверждаемыхъ на три года. Между тѣмъ, въ настоящее время этихъ «мѣстныхъ дѣятелей» приглашается чуть ли не до 60 человѣкъ и въ томъ числѣ немало членовъ Государственной Думы. Въ качествѣ вознагражденія за свои занятія эти «мѣстные дѣятели» получаютъ за время сессіи Совѣта по 15 рублей въ сутки и, кромѣ того, прогоны, или «путевое довольствіе въ размѣрѣ стоимости проѣзда». Значитъ, приглашаемые министромъ внутреннихъ дѣлъ «мѣстные дѣятели» получаютъ вознагражденіе значительно больше того, которое опредѣлялось вначалѣ для членовъ Государственной Думы.

Отсюда по необходимости возникаетъ рядъ вопросовъ. Откуда, изъ какого источника правительство почерпаетъ средства для покрытія сверхсмѣтнаго расхода по содержанію приглашенныхъ «мѣстныхъ дѣятелей», не предусмотрѣнныхъ штатами? Какія поставлены границы для увеличенія числа приглашаемыхъ «мѣстныхъ дѣятелей»? Если ихъ можно приглашать вчетверо больше положеннаго по штату числа, то отчего не пригласить вдесятеро больше.

И затѣмъ, могутъ быть предложены вопросы болѣе общаго характера. Удобно ли участіе членовъ Государственной Думы въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, могущемъ идти подчасъ прямо вразрѣзъ съ ея намѣреніями? Удобно ли такое участіе за плату, — если они фактически получаютъ ее, — когда Положеніе о Государственной Думѣ, совершенно справедливо, не разрѣшаетъ совмѣстительства депутатскихъ полномочій съ оплачиваемой государственной службой?

При произвольномъ и свободномъ увеличеніи числа приглашаемыхъ членовъ общихъ присутствій Совѣта и при рекрутированіи ихъ изъ состава членовъ Государственной Думы, конечно, совсѣмъ нетрудно обезпечить въ Думѣ большинство для проектовъ, изготовляемыхъ органами министерства внутреннихъ дѣлъ. А потому такое измѣненіе состава Совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства должно быть признано несовмѣстимымъ съ Положеніемъ о Государственной Думѣ.

Столь же несовмѣстимы съ этимъ Положеніемъ и организаціи, которыя представляютъ изъ себя также продуктъ новѣйшаго времени и, хотя являются неофиціальными, тѣмъ не менѣе находятся подъ сильнѣйшимъ покровительствомъ. Вслѣдствіе чего факти-

чески онѣ въ высокой степени вліятельны и тѣсно связаны съ установленіями офиціальными. Сюда относятся, прежде всего, Съѣзды и Совѣтъ уполномоченныхъ объединенныхъ дворянскихъ обществъ. Созданные, собственно, по изволенію дворянства и существуя, по выраженію одного изъ ораторовъ VIII съѣзда, «не на основаніи законодательныхъ положеній», они носятъ узко-сословный характеръ, имѣютъ свой уставъ, сносятся офиціально съ высшими правительственными учрежденіями и приглашаютъ въ свои комиссіи представителей правительства, хотя и въ «качествѣ частныхъ лицъ». Изъ «Свода постановленій съѣздовъ уполномоченныхъ объединенныхъ дворянскихъ обществъ» за 8 лѣтъ (съ 1906 по 1912 включительно) можно усмотрѣть, какъ широкъ кругъ вѣдѣнія этого учрежденія, имѣющаго свой постоянный исполнительный органъ, Совѣтъ, пребывающій въ Петербургѣ.

Изъ разнообразныхъ вопросовъ первостепенной важности, которыми были заняты Съѣзды, достаточно указать лишь на нѣкоторые. Съѣзды выступили въ самомъ началѣ своего возникновенія въ роли вліятельнѣйшихъ иниціаторовъ измѣненія избирательнаго закона 1905 г. Именно второй съѣздъ въ 1906 г., послѣ оживленныхъ преній, призналъ единогласно дѣйствовавшій избирательный законъ неудовлетворительнымъ и высказался: 1) за желательность введенія въ выборы смѣшаннаго начала сословно-группового, то-есть выборовъ и по сословіямъ, гдѣ таковыя организованы, и по естественно бытовымъ группамъ или классамъ населенія; 2) онъ призналъ необходимымъ, при производствѣ выборовъ въ уѣздахъ, выдѣлить въ особую группу мелкихъ землевладѣльцевъ, а въ губернскомъ избирательномъ собраніи производить выборы по 4-мъ группамъ: крестьянъ, крупныхъ землевладѣльцевъ, мелкихъ землевладѣльцевъ и представителей городовъ, съ тѣмъ, чтобы остающіяся за состоявшимся групповымъ избраніемъ вакантныя мѣстныя мѣста были пополнены депутатами, избранными уже изъ общей массы избирателей» (Труды II Съѣзда, стр. 78).

Съѣзды имѣли, далѣе, самое опредѣляющее вліяніе на направленіе нашего новѣйшаго землеустроительнаго законодательства, на что было справедливо указано въ засѣданіи Государственной Думы 31-го октября 1908 г. тѣмъ-же П. Н. Милюковымъ. Это было откровенно признано потомъ на VIII Съѣздѣ уполномоченныхъ дворянскихъ обществъ, гдѣ одинъ изъ ораторовъ сказалъ: «мнѣ остается только пожелать, чтобы этотъ проектъ (вотчинный уставъ), осуществленія котораго мы добиваемся, постигла та же счастливая участь, какая постигла другой проектъ, задуманный впервые на I съѣздѣ дворянства въ маѣ 1906 года. Я говорю о проектѣ земельнаго закона 9-го ноября 1906 года, который, въ своихъ главныхъ основаніяхъ,

былъ разработанъ въ маѣ 1906 года и который возымѣлъ такую счастливую участь и принесъ столько блага для Россіи» (Труды VII Съѣзда, стр. 283).

Съѣзды приняли также энергическое участіе въ вопросѣ о мѣстной реформѣ, — о волостномъ земствѣ, о реформѣ мѣстнаго суда и о земскихъ начальникахъ. Послѣ обсужденія доклада о проектѣ закона о волостномъ земствѣ, VIII Съѣздъ въ мартѣ 1908 года постановилъ: «признать законопроектъ, одобренный Государственной Думой, непріемлемымъ во всемъ своемъ цѣломъ». Не лишне замѣтить, что передъ голосованіемъ одинъ изъ участниковъ Съѣзда считалъ необходимымъ повѣдать собравшимся, между прочимъ, слѣдующее: «всѣ высказанныя (здѣсь) сужденія и рѣчи дадутъ намъ, членамъ Государственнаго Совѣта, состоящимъ и членами особой комиссіи (выбранной, по словамъ оратора, въ числѣ 30 лицъ, въ большинствѣ изъ представителей дворянства и земства), — богатый матеріалъ для того заключенія, которое, въ сущности, раздѣляется единогласно, именно, что проектъ этотъ невозможенъ, а когда будетъ сочинено что-нибудь получше, то *мы постараемся и его опрокинуть*» (Тр. VIII, стр. 274, 275).

Чтобы охарактеризовать отношеніе Съѣздовъ къ институту земскихъ начальниковъ и къ проекту введенія мирового суда довольно нѣсколькихъ выдержекъ. Такъ, одинъ изъ ораторовъ на VIII съѣздѣ объяснялъ: «минута торжественная, торжественная потому, что изъ всего, можно сказать, разрушительнаго законодательства послѣдняго времени настоящій законопроектъ всего глубже затрагиваетъ русскую жизнь. Это самый крупный камень, который законопроектами послѣдняго времени пытаются выворотить изъ-подъ нашихъ государственныхъ устоевъ. Почти всякій законъ въ его вредномъ дѣйствіи можно, до извѣстной степени, обезвредить путемъ циркуляровъ и сенатскихъ разъясненій и дополнительныхъ краткихъ законодательныхъ новеллъ. Можно до извѣстной степени ввести противоядіе въ отношеніи того или другого законопроекта, но, измѣнивши кореннымъ образомъ основы управленія государствомъ на мѣстахъ по части судебной и административной, т. е. по всѣмъ частямъ мѣстнаго управленія, вы тутъ ничего не сдѣлаете—никакими циркулярами, никакими добавленіями, никакими улучшеніями» (Тр. VIII Съѣзда, стр. 299). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же ораторъ говоритъ: «товарищъ предсѣдателя, насколько я понялъ, подалъ вамъ нѣкоторый лучъ надежды на возможное измѣненіе судьбы, безповоротно выяснившейся, института земскихъ начальниковъ. Ему угодно было сказать, что этимъ занимается согласительная комиссія, и оттуда законопроектъ пойдетъ на законодательное обсужденіе въ Думу, а изъ Думы въ Го-

сударственный Совѣтъ. Я позволяю себѣ вамъ доложить, что въ этомъ я никакихъ основаній для надеждъ не вижу. Государственная Дума, по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, почерпнутымъ не только изъ личныхъ наблюденій, но изъ бесѣдъ съ лицами, весьма авторитетными по своему офиціальному положенію, Государственная Дума пойдетъ на какія угодно уступки, лишь бы судебныя полномочія земскихъ начальниковъ были отмѣнены. Въ этомъ отношеніи и въ Государственномъ Совѣтѣ опредѣлилось весьма твердое, многочисленное и почтенное большинство, которое безповоротно рѣшило, что вопросъ объ упраздненіи судебной власти земскихъ начальниковъ, есть вопросъ насущной необходимости, причемъ одинъ изъ указанныхъ представителей большинства, съ каѳедры Государственнаго Совѣта заявилъ въ видѣ мотива къ отверженію одной изъ поправокъ, что если эту поправку принять, то на это можетъ быть и не пойдетъ Государственная Дума и, такимъ образомъ, весьма полезный для Россіи,—по его мнѣнію, которое я не могу не уважать, потому что мы должны всѣ мнѣнія уважать, но съ которымъ, конечно, я не согласенъ,—законопроектъ не увидитъ свѣта. Разъѣдутся, говорилъ ораторъ въ Государственномъ Совѣтѣ, Совѣтъ и Дума, будетъ новая Дума, четвертая, которая должна будетъ начинать сначала дѣло. Изъ этого вы, м. г., изволите благоусмотрѣть, что никакихъ надеждъ ни на согласительныя комиссіи, ни на труды законодательныхъ палатъ по разсмотрѣнію работъ согласительной комиссіи въ смыслѣ желательныхъ намъ результатовъ не можетъ быть» (Тр. VIII, стр. 308, 309). И онъ заканчиваетъ: «вы есть соль земли, лучшіе люди государства, призванные издревле службою своею приносить ему пользу, такъ спасайте же эту землю»... (стр. 310).

Вопросу о постановкѣ учебнаго дѣла,—особенно въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ,—Съѣзды посвятили не мало вниманія и высказали свои пожеланія достаточно опредѣленно. Такъ, уже въ 1907 г., на III Съѣздѣ, въ докладѣ его комиссіи говорится между прочимъ слѣдующее: «1) какъ среднія, такъ и высшія школы, почти безъ исключенія являются разсадниками не истиннаго просвѣщенія и воспитанія, а нравственнаго, умственнаго и политическаго развращенія и очагами революціонной пропаганды, заражающей все населеніе. 2) Если въ развращеніи школы и полномъ упадкѣ дисциплины отчасти виновато и общество, то въ гораздо большей степени виновны въ этомъ учащіе, ихъ начальники и правительственныя лица, стоящія во главѣ учебнаго дѣла и остающіяся доселѣ безнаказанными за величайшее изъ преступленій,—развращеніе подростающихъ поколѣній. 3) Такому состоянію школы долженъ быть немедленно положенъ конецъ, не останавливаясь ни пе

редъ какими мѣропріятіями» (Тр. III съѣзда, стр. 307 и слѣд.) и т. д. Постановленія эти и пожеланіе послѣдующихъ Съѣздовъ не остаются безъ удовлетворенія; по крайней мѣрѣ на VIII съѣздѣ, въ 1912 г., было принято слѣдующее, указывающее на то, заключеніе комиссіи: «по вопросамъ высшаго образованія комиссія удостовѣряетъ съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія, что министерствомъ народнаго просвѣщенія обращено серьезное вниманіе на упорядоченіе учебной и воспитательной части высшихъ учебныхъ заведеній и охраненіе въ нихъ порядка, что въ этомъ направленіи уже приняты извѣстныя мѣры, и поэтому находитъ несвоевременнымъ нынѣ обсуждать вопросъ о положеніи высшей школы и выражаетъ увѣренность, что мѣрами министерства она будетъ выведена на путь развитія и процвѣтанія». (Тр. VIII съѣзда, 1912; стр. 82).

Приведенныхъ выдержекъ, я полагаю, достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ широкъ и важенъ кругъ тѣхъ вопросовъ, которыми заняты Съѣзды уполномоченныхъ объединенныхъ дворянскихъ обществъ.

Функціи центральнаго исполнительнаго органа Съѣздовъ,— Совѣта, — опредѣлены точно: согласно уставу, онъ входитъ въ сношенія съ «правительственными учрежденіями и лицами», поддерживаетъ въ надлежащихъ случаяхъ ходатайства дворянскихъ учрежденій и обращается «отъ своего имени къ Высшему правительству въ случаяхъ не терпящихъ отлагательства»,—или, какъ выразился одинъ изъ участниковъ Съѣздовъ, предсѣдателю Совѣта предоставлено право, принадлежащее министрамъ. Само собой разумѣется, что Совѣтъ находится въ самомъ тѣсномъ общеніи съ провинціальными дворянскими учрежденіями.

Послѣ всего сказаннаго неудивительно, что вліяніе этой строго сословной организаціи на правительственный курсъ, на пріемы нашего управленія и на наше законодательство огромно; во многихъ случаяхъ это вліяніе діаметрально противоположно ясно выраженнымъ намѣреніямъ законодательныхъ учрежденій. А потому существованіе подобной организаціи, хотя офиціально и непризнанной, но прочно укоренившейся, противодѣйствующей начинаніямъ Государственной Думы, безусловно не вяжется съ Положеніемъ о послѣдней.

Приблизительно ту-же позицію были бы, можетъ быть, не прочь занять Совѣтъ и Съѣзды представителей промышленности и торговли. Являя изъ себя организацію также строго классовую, Совѣтъ и Съѣзды,—по существу, предназначенные для выясненія и защиты интересовъ своего класса,—могутъ, при извѣстныхъ условіяхъ, стать орудіемъ для давленія на правительственные органы и

особенно на министерство торговли и промышленности. Не говоря уже о случаяхъ появленія во главѣ этого вѣдомства лицъ, тѣснѣйшимъ образомъ связанныхъ съ Совѣтомъ съѣздовъ, съ точки зрѣнія строго государственной, нежелательно сколько-нибудь зависимое отъ такихъ властныхъ организацій положеніе и гораздо болѣе мелкихъ агентовъ правительства.

Никто, конечно, не вправѣ возражать противъ закономѣрности возникновенія разныхъ союзовъ, имѣющихъ цѣлью выясненіе нуждъ и защиту извѣстнаго класса, извѣстныхъ группъ, и ни въ одной свободной странѣ не можетъ быть поставлено препятствій къ появленію и развитію такихъ защитныхъ организацій. Онѣ, несомнѣнно, входятъ въ систему современнаго общественнаго устройства и являются весьма полезными въ смыслѣ объединеній, группирующихъ вокругъ себя людей однородныхъ интересовъ. Мы видимъ, что на Западѣ существуютъ разные союзы: сельскихъ хозяевъ, крестьянскіе союзы, союзы промышленниковъ и торговцевъ, союзы рабочихъ, врачей, юристовъ и т. д.,—всѣ они имѣютъ одинаковое право на существованіе въ современномъ государствѣ, и къ голосу ихъ прислушиваются какъ законодательная, такъ и исполнительная власти. Но первымъ условіемъ при этомъ является равное право открытія союзовъ для всѣхъ общественныхъ классовъ. Если это равенство нарушается, если какой-нибудь классъ лишается права защиты своихъ интересовъ, то порождается величайшая несправедливость—господство однихъ классовъ, однѣхъ группъ населенія надъ другими. Я говорю, однако, не о томъ только, что несправедливо разрѣшать организаціи для извѣстнаго разряда гражданъ и одновременно запрещать ихъ для другихъ разрядовъ гражданъ. Такой порядокъ, конечно, вполнѣ неправиленъ. Но, кромѣ того, я считаю необходимымъ остановить вниманіе также и на той опасности, которая возникаетъ отъ преобладающаго и, несомнѣнно, политическаго значенія существующихъ у насъ могущественныхъ организацій, объединяющихъ интересы привилегированныхъ классовъ,—главнымъ образомъ, дворянства. Опасность эта особенно значительна въ виду дѣйствующаго избирательнаго закона 3-го іюня. Постепенно развиваясь и расширяя сферу своего вліянія, указанныя сословныя организаціи, въ связи съ измѣненнымъ, вопреки первоначальному намѣренію законодателя, составомъ и самымъ назначеніемъ Совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, являются въ высшей степени вредными надстройками надъ зданіемъ нашихъ законодательныхъ учрежденій. Онѣ прежде всего умаляютъ законодательное значеніе Государственной Думы: члены послѣдней, участвуя въ организаціяхъ, конкуррирующихъ съ Государственной Думой, приходятъ, естественно, съ готовыми рѣшеніями и, такимъ образомъ, судьба вопросовъ, обсуждаемыхъ въ

Думѣ, можетъ являться заранѣе предрѣшенной. Самое возбужденіе тѣхъ или иныхъ вопросовъ въ Государственной Думѣ рѣшается въ значительномъ числѣ случаевъ въ этихъ сословныхъ организаціяхъ, ставящихъ на первый планъ интересы классовые, которые и безъ того представлены широко въ Государственной Думѣ. Одинъ изъ ораторовъ на VIII Съѣздѣ говоритъ опредѣленно: «мы сохранили свое вліяніе потому, что сохранили свое имущество, и еще потому, что мы стоимъ внѣ организацій крестьянскихъ на мѣстахъ» (Труды VIII Съѣзда, стр. 267). Нужно ли напоминать, какъ ставились на очередь вопросы кредитные и о Крестьянскомъ банкѣ въ частности, который такъ хотѣлось приспособить совсѣмъ не къ тѣмъ цѣлямъ, ради которыхъ онъ былъ учрежденъ? Нужно-ли указывать на проекты, касавшіеся нашего государственнаго земельнаго фонда, который находили правильнымъ назначить на удовлетвореніе потребностей крупнаго землевладѣнія? Вопросы такого порядка возбуждаются и ставятся на очередь, въ сущности, по иниціативѣ этихъ организацій, иначе говоря—этихъ надстроекъ надъ Государственной Думой.

Тѣ же надстройки измѣняютъ и самостоятельность правительственной власти, устанавливая у насъ своего рода парламентаризмъ на-изнанку. У насъ нѣтъ парламентаризма въ смыслѣ зависимости правительства отъ законодательныхъ учрежденій, но на нашихъ глазахъ создается и складывается весьма своеобразный парламентаризмъ, въ смыслѣ несомнѣнной зависимости того же правительства отъ вполнѣ безотвѣтственныхъ, закону неизвѣстныхъ, но фактически весьма вліятельныхъ, классовыхъ представительныхъ учрежденій. Послушайте, что говоритъ участникъ Съѣзда 1907 г.: «Мнѣ извѣстно, что управляющій (крестьянскимъ) банкомъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ нашего мнѣнія, ибо оно будетъ служить ему опорой въ его борьбѣ за реформы, которыя онъ желаетъ предпринять, борьбѣ, происходящей въ атмосферѣ, враждебной дворянскому землевладѣнію» (Труды III-го Съѣзда стр. 296).

Кто станетъ послѣ того отрицать эту зависимость правительства? И развѣ можетъ оно считать себя устойчивымъ, развѣ можетъ существовать опредѣленный курсъ правительства, если оно не будетъ прислушиваться къ камертону нашихъ своеобразныхъ сословныхъ парламентовъ?

Изъ всего сказаннаго, полагаю, достаточно ясно, что эти надстройки надъ зданіемъ Государственной Думы, особенно въ связи съ избирательнымъ закономъ 3-го іюня, если и не угрожаютъ прочности самаго зданія, то во всякомъ случаѣ давятъ на него и вовсе не соотвѣтствуютъ его архитектурѣ.

А. Посниковъ.

ПО ПОВОДУ ЗАКОНОПРОЕКТА ПРОТИВЪ ПЕЧАТИ.

О Бурбонахъ говорили когда-то, что они ничему не научились и ничего не забыли. О нашихъ государственныхъ людяхъ можно сказать, что опытъ прошлаго для нихъ вообще не существуетъ. Вся новѣйшая исторія Россіи представляется имъ какъ-то навыворотъ: послѣдствія извѣстныхъ событій кажутся причинами ихъ; преступленія и ошибки правящихъ лицъ ставятся въ вину ихъ противникамъ и обличителямъ; виновниками всякихъ несчастій оказываются тѣ, кто ихъ предвидѣлъ и разоблачалъ. Внутренняя смута 1905 г. произошла будто-бы не подъ вліяніемъ ужасовъ Мукдена и Цусимы, раскрывшихъ ничтожество и бездарность бюрократическаго хозяйничанія, а была задумана и создана искусственно по волѣ злонамѣренныхъ людей, успѣвшихъ подорвать общественное довѣріе къ мудрости и безупречности правительства. Многіе патріоты готовы были серьезно повѣрить, что революція предшествовала военнымъ неудачамъ и подготовила ихъ, и что Мукденъ и Цусима обрушились на Россію подъ давленіемъ соціально-демократической пропаганды. Даже такой свѣдущій и авторитетный государственный дѣятель, какъ нынѣшній министръ финансовъ, въ своей недавней рѣчи въ Государственной Думѣ призналъ возможнымъ допустить, что японская война была бы непроиграна, если-бы было своевременно удовлетворено требованіе генерала Куропаткина о предоставленіи ему нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ рублей на укрѣпленіе Квантунскаго полуострова. Изъ-за этой неумѣстной экономіи, по его словамъ, пришлось потомъ истратить два съ половиною милліарда на войну, закончившуюся столь печально. Если вспомнить дѣйствительный ходъ войны, отъ ея начала до конца, то отнюдь нельзя прійти къ столь скромному оптимистическому выводу. Горы золота уходили на Дальній Востокъ, и сколько бы милліоновъ ни прибавилось къ нимъ, они не замѣнили бы того чувства добросовѣстности, котораго недоставало распорядителямъ, привыкшимъ смотрѣть на государство какъ на неизсякаемый источникъ своего благополучія. Никакіе милліоны не устранили бы неслыханной безпечности, которая погубила русскій флотъ въ Портъ-Артурѣ въ первые же дни послѣ офиціальнаго разрыва съ Японіею. Лишніе милліоны не сдѣлали бы бездарныхъ и беззаботныхъ карьеристовъ способными и энергическими

борцами, не уменьшили бы излишествъ роскоши въ обстановкѣ и окладахъ содержанія главнокомандующихъ и ихъ штабнаго персонала, не ослабили бы соперничества и антагонизма между намѣстникомъ Алексѣевымъ и Куропаткинымъ, не помѣшали бы злоупотребленіямъ интенданства и не ограничили бы разгула хищныхъ инстинктовъ въ тылу арміи.

Бюрократія сочиняетъ свою особую исторію Россіи «ad usum delphini»—для своего собственнаго утѣшенія и оправданія. Она извлекаетъ изъ этой фантастической исторіи опредѣленные практическіе выводы, поражающіе иногда своею смѣлостью. Старый режимъ чиновничьяго самовластія выставляется неустаннымъ хранителемъ государственности; онъ непрерывно борется съ наиболѣе просвѣщенными и культурными элементами русскаго общества, стараясь обуздать и придушить ихъ во имя спокойствія и безопасности правительственнаго авторитета. Предупрежденіе всякой независимой критики и контроля, заглушеніе голоса общественнаго мнѣнія, подавленіе добросовѣстной оппозиціи, чтобы обезпечить неограниченную свободу дѣйствій органовъ власти, — такова откровенная цѣль нашей внутренней политики до послѣднихъ лѣтъ. Для своекорыстной бюрократіи нѣтъ худшихъ враговъ, чѣмъ свобода мысли и слова, литература и печать. Еслибы дѣло зависѣло только отъ доброй воли и усердія правящихъ лицъ, то въ Россіи вовсе не было бы литературы, достойной этого имени,—а процвѣтали бы только продажные писаки доносительныхъ листковъ, питаемыхъ «темными деньгами».

Яркую характеристику подлинныхъ отношеній высшей бюрократіи къ литературѣ и журналистикѣ можно видѣть въ любопытной бесѣдѣ В. К. Плеве съ Н. К. Михайловскимъ въ концѣ 1902 года. Всемогущій тогда министръ внутреннихъ дѣлъ считалъ величайшимъ грѣхомъ и преступленіемъ печати скрытое противодѣйствіе правительству, олицетвореніемъ котораго являлся онъ, Плеве,—правительству, несомнѣнно плохому, толкавшему Россію на путь опасныхъ и разорительныхъ дальневосточныхъ авантюръ. Съ 1861 года,—говорилъ онъ сурово своему невольному слушателю,—«русская литература не перестаетъ противодѣйствовать видамъ правительства», и если она стѣснена цензурными условіями, то «умѣетъ намеками, обходами и умалчиваніями дѣлать свое дѣло»; поэтому, даже при своемъ вынужденномъ молчаніи «печать должна платиться за всѣ безпорядки—и будетъ платиться». «Пока вы только литература,—продолжалъ Плеве,—я васъ не трону, но если начнутся какіе-нибудь безпорядки, я не остановлюсь ни передъ ссылками, ни передъ ихъ числомъ. Правительство, повѣрьте, достаточно сильно, чтобы сло-

мить всякое противодѣйствіе»... Литераторы вздумали праздновать двухсотлѣтній юбилей печати, но они не дождутся никакого практическаго результата. «Всякую петицію, всякое обращеніе къ обществу о свободѣ печати я считаю въ настоящее время неумѣстнымъ и незаконнымъ дѣломъ,—даже петицію на мое имя. Во-первыхъ, петиція, поданная скопомъ, противозаконна; во-вторыхъ, въ петицію войдетъ, конечно, ходатайство о передачѣ дѣлъ о правонарушеніяхъ путемъ печати въ судебныя учрежденія, а это значитъ—прибавить къ вашимъ перьямъ языки адвокатовъ. Я этого не допущу». Въ заключеніе, въ видѣ логическаго вывода изъ своей односторонней бесѣды, министръ далъ Михайловскому неожиданный совѣтъ: «уѣзжайте-ка вы на это время изъ Петербурга». В. К. Плеве былъ, конечно, увѣренъ, что онъ говоритъ и дѣйствуетъ въ данномъ случаѣ, какъ сильный и грозный представитель русской государственности, способный внушить уваженіе и страхъ оппозиціоннымъ дѣятелямъ; въ дѣйствительности онъ напоминалъ только малокультурнаго турецкаго или персидскаго сановника, не знающаго и не понимающаго другой опоры для власти, кромѣ грубой физической силы. Въ такомъ тонѣ оскорбительнаго высокомѣрія и издѣвательства не могъ обращаться къ представителямъ литературы ни одинъ изъ государственныхъ людей въ Европѣ со времени паденія узурпаторской имперіи во Франціи.

Съ точки зрѣнія Плеве и его единомышленниковъ, «виды правительства», каковы бы они ни были,—хотя бы они были явно зловредны для государства и народа,—не могутъ и не должны вызывать возраженія и противодѣйствія, ибо всякое данное правительство, даже самое неудачное, воплощаетъ собою священную и неприкосновенную власть государства, и всякая оппозиція есть уже замаскированная революція. Подобные взгляды казались бы совершенно дикими въ любой западно-европейской странѣ, но у насъ они еще въ настоящее время раздѣляются и поддерживаются не только администраторами стараго типа, но и новѣйшими представителями мнимо-національнаго охранительнаго направленія. Слѣды этого своеобразнаго бюрократическаго самомнѣнія мы находимъ и въ «объяснительной запискѣ» къ министерскому законопроекту о печати, напечатанной въ газетѣ «Рѣчь» отъ 12-го мая. Въ краткомъ историческомъ обзорѣ дѣйствовавшихъ законовъ и правилъ относительно литературы и журналистики излагается, по обыкновенію, та идея, что печать была всегда враждебною и нежелательною для государства силою, и что правительство призвано руководить ею, чтобы ограничить ея вредное значеніе и направить ее въ русло закономѣрности, соотвѣтственно требованіямъ и понятіямъ бюрократіи.

Упомянувъ о нѣкоторыхъ облегченіяхъ, допущенныхъ для печати закономъ 6 апрѣля 1865 года, составитель записки замѣчаетъ, что «сравнительная льготность облегчала возможность использованія печатныхъ изданій для враждебныхъ государственности и порядку цѣлей: и дѣйствительно, въ возникшемъ во второй половинѣ минувшаго вѣка среди нѣкоторыхъ слоевъ населенія броженіи печать заняла вліятельное мѣсто въ качествѣ проводника идей и домогательствъ, которыми это броженіе поддерживалось». А это явленіе «въ свою очередь имѣло слѣдствіемъ установленіе правительствомъ дополнительныхъ распоряженій, сузившихъ предѣлы предоставленней печати свободы и усилившихъ полномочія исполнительной власти въ предупрежденіи и пресѣченіи посягательствъ на существующій строй посредствомъ печатнаго слова». Другими словами, временныя правила 1865 года о печати, введшія у насъ систему предостереженій и закрѣпившія полную зависимость печати отъ администраціи, оказались будто бы черезчуръ льготными и способствовали превращенію печатнаго слова въ орудіе какихъ-то домогательствъ и посягательствъ,—когда даже простыя разсужденія объ отвлеченныхъ и литературныхъ вопросахъ влекли за собою уничтожающія репрессивныя мѣры. Лучшій и популярнѣйшій журналъ первой половины шестидесятыхъ годовъ, основанный Пушкинымъ «Современникъ» былъ уничтоженъ именно на основаніи правилъ 6 апрѣля 1865 года, подтвердившихъ безправіе печати подъ гнетомъ административнаго произвола. Домогательства и посягательства того времени сводились въ сущности къ тѣмъ минимальнымъ требованіямъ законности и общественнаго контроля, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одно благоустроенное государство; но и эти скромныя «домогательства» по необходимости выражались только «намеками, обходами и умалчиваніями», въ которыхъ цензура и отыскивала «посягательства на существующій строй». Что касается проведенія новыхъ идей, то бороться съ ними мѣрами насилія и запрещенія было вполнѣ безполезно, и дальнѣйшіе ограничительные законы противъ всѣхъ живыхъ силъ русскаго общества имѣли только одинъ результатъ – созданіе рѣшительной, ожесточенной и самоотверженной подпольной оппозиціи, за невозможностью оппозиціи открытой и легальной. Составитель записки какъ будто не понимаетъ этого общеизвѣстнаго факта и говоритъ объ устраненіи «льготности» закона 1865 года, какъ о чемъ-то естественномъ и цѣлесообразномъ.

Въ запискѣ высказывается кое-что и о «правовомъ порядкѣ», и о «началахъ гражданской свободы», возвѣщенныхъ съ высоты престола, и о карательномъ воздѣйствіи администраціи на печать, помимо суда, на основаніи усиленной и чрезвычайной охраны,—и

изъ всего этого дѣлается неожиданный выводъ въ духѣ Плеве, что на правительствѣ «лежитъ обязанность подчинять печатное дѣло строго опредѣленнымъ велѣніямъ положительнаго закона, снабжая администрацію и судъ полномочіями надзора и репрессіи, для огражденія общества отъ превращенія печати въ орудіе разрушительныхъ стремленій, противныхъ нравственности выступленій и злонамѣренныхъ посягательствъ на частныя блага». Печать разоблачала иногда крупныя хищенія, возражала противъ явныхъ несообразностей и беззаконій въ дѣйствіяхъ многихъ губернаторовъ, мѣшала успѣху нѣкоторыхъ закулисныхъ промышленно-политическихъ комбинацій—и этимъ, конечно, проявляла разрушительныя стремленія и посягала на частныя блага заинтересованныхъ патріотовъ. Новый «нормальный» уставъ о печати долженъ усилить власть въ ея борьбѣ съ печатнымъ словомъ, во-первыхъ, потому, что «при низкомъ уровнѣ культурности населенія» большинство читателей не можетъ безъ помощи начальства «разобраться въ преподносимомъ матеріалѣ, безпристрастно отнестись къ нему и составить себѣ свободный выводъ изъ прочитаннаго»; во-вторыхъ, потому, что при партійномъ характерѣ многихъ изданій излагаемыя событія и явленія освѣщаются «въ умышленно одностороннемъ направленіи», а читающая публика «не обладаетъ ни достаточнымъ досугомъ для спокойной оцѣнки прочитаннаго, ни возможностью путемъ ознакомленія съ различными органами печати и литературными трудами составить себѣ безпристрастную картину» какихъ-нибудь ленскихъ событій или раздачи нефтяныхъ участковъ; въ третьихъ, еще и потому, что въ издательскомъ дѣлѣ пріобрѣтаетъ все большее значеніе элементъ коммерческой предпріимчивости, «въ ущербъ идейно-просвѣтительнымъ и художественнымъ задачамъ печатнаго слова», и литературная работа «въ значительной степени утрачиваетъ характеръ свободнаго идейнаго служенія человѣческой мысли», причемъ, благодаря отсутствію надлежащей чиновничьей опеки, газетные и журнальные сотрудники «не всегда сознательно избираютъ такое поприще для приложенія своихъ силъ». Правительство, съ своей стороны, постоянно заботилось о доставленіи обществу и народу болѣе здоровой и полезной умственной пищи, въ видѣ безпристрастныхъ, безпартійныхъ, хорошо освѣдомленныхъ газетъ, какъ «Земщина», «Колоколъ», «Россія», сотрудники которыхъ уже вполнѣ сознательно избирали это поприще для приложенія своихъ силъ. Но эти попытки прямого воздѣйствія попечительнаго начальства на неразвитые умы русскаго общества не достигали своей цѣли, такъ какъ публика упорно уклонялась отъ чтенія хорошо субсидируемыхъ «идейно-просвѣтительныхъ» изданій, называемыхъ въ просторѣчіи черносотен-

ными и имѣющихъ большею частью несомнѣнно хулиганскій оттѣнокъ.

По этимъ разнообразнымъ причинамъ министерство внутреннихъ дѣлъ предлагаетъ крѣпко держать въ рукахъ такъ называемую независимую печать, возстановивъ по возможности предварительный контроль выпускаемыхъ изданій и обезпечивъ руководящее участіе администраціи въ преслѣдованіи и наказаніи виновныхъ дѣятелей печатнаго слова. Новый законопроектъ о печати фактически отвергаетъ всякую мысль о свободѣ печати, вопреки трижды заявленнымъ обѣщаніямъ незыблемости «основъ гражданской свободы». То, что до сихъ поръ существовало въ видѣ временной мѣры или въ силу исключительнаго положенія, безцеремонно принимается теперь за нормальный, обязательный порядокъ вещей. Въ значительнѣйшей части Россіи, «въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ особыхъ органовъ по надзору за печатью не установлено, а равно внѣ городовъ», никакія періодическія изданія не могутъ основываться и существовать безъ особаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ; тому-же министру «предоставляется указывать мѣстнымъ начальствамъ тѣ произведенія печати, которыя не должны быть допускаемы къ обращенію въ безплатныхъ народныхъ читальняхъ, а равно закрывать всякаго рода публичныя библіотеки, читальни и кабинеты для чтенія»,—такъ что народу будутъ доступны только идейно-просвѣтительныя изданія г. Пуришкевича, князя Мещерскаго и «Земщины». Для журналовъ и газетъ вновь вводятся сроки представленія ихъ въ цензуру до выпуска въ свѣтъ, въ цѣляхъ удобства заблаговременнаго контроля и ареста,—что, въ сущности, равносильно замаскированному возстановленію трижды торжественно отмѣненной предварительной цензуры. Если, тѣмъ не менѣе, несмотря на этотъ цензурный контроль, будетъ все-таки допущено «совершеніе преступнаго дѣянія посредствомъ печати», то виновный отвѣтственный издатель, въ качествѣ зловреднаго для «свободнаго идейнаго служенія человѣческой мысли» капиталиста, подвергается, сверхъ положеннаго по закону суроваго личнаго наказанія, дополнительному денежному штрафу, въ размѣрѣ до тысячи рублей, а при повтореніи — до трехъ тысячъ рублей. Впрочемъ, не все, печатаемое въ повременныхъ или неповременныхъ изданіяхъ будетъ почитаться преступленіемъ; такъ, напр., перепечатка «стенографическихъ отчетовъ о засѣданіяхъ законодательныхъ учрежденій, а равно помѣщеніе безпристрастно изложенныхъ, соотвѣтствующихъ истинѣ сообщеній обо всемъ происходившемъ въ засѣданіяхъ означенныхъ учрежденій, при обсужденіи опредѣленнаго предмета, не можетъ служить предметомъ уголовнаго преслѣдованія». А если

напечатанныя сообщенія будутъ признаны начальствомъ пристрастными или не соотвѣтствующими истинѣ, или же будутъ выходить за предѣлы «обсужденія опредѣленнаго предмета», то уголовное преслѣдованіе, конечно, можетъ быть возбуждено противъ даннаго изданія съ полнымъ разсчетомъ на успѣхъ. Нельзя будетъ и отсиживаться за налагаемые денежные штрафы, такъ какъ они не подлежатъ замѣнѣ арестомъ или тюрьмою и взыскиваются неукоснительно въ послѣдовательномъ порядкѣ съ цѣлаго ряда «соучастниковъ», начиная съ издателя и кончая владѣльцемъ типографіи, книжнаго магазина или читальни. Составители проекта, очевидно, надѣются такимъ способомъ искоренить свободу печати въ Россіи и уничтожить самую потребность въ этой свободѣ. Есть же у насъ люди, которые полагаютъ, что народу не нужно другой литературы, кромѣ лубочныхъ патріотическихъ книжекъ и ругательныхъ брошюръ о жидо-масонахъ.

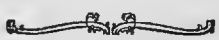
Въ одномъ мѣстѣ министерской записки высказано вполнѣ основательное замѣчаніе, что «въ благоустроенномъ государствѣ, покоющемся на правовыхъ основахъ, безграничная свобода пользованія печатнымъ словомъ представляется недопустимою». И въ самомъ дѣлѣ, «безграничной свободы» нигдѣ въ культурной Европѣ не существуетъ, да она и не требуется для всесторонняго выраженія человѣческой мысли и для добросовѣстной защиты человѣческихъ интересовъ. Во всѣхъ культурныхъ странахъ одинаково преслѣдуются и караются печатные призывы къ убійствамъ и погромамъ, натравливаніе въ печати одной части населенія противъ другой, умышленное возбужденіе дурныхъ инстинктовъ явно порнографическими разсказами, описаніями и изображеніями; но не эти злоупотребленія печати главнымъ образомъ озабочиваютъ составителей законопроекта. Послѣдніе ссылаются, между прочимъ, на «многочисленныя данныя отечественнаго опыта и практики иностранныхъ государствъ»; но гдѣ и когда видѣли они, чтобы репрессіи измѣняли направленіе печати и настроеніе общества въ желательномъ для власти смыслѣ? Какіе примѣры современныхъ иностранныхъ государствъ могутъ они привести въ подкрѣпленіе своихъ фантастическихъ предположеній? Въ Англіи—странѣ образцовой по культурному благоустройству—больше ста лѣтъ господствуетъ полная свобода печати, подъ охраной суда присяжныхъ, и, какъ выразился еще въ 1799 году одинъ изъ авторитетныхъ британскихъ судей, «всякій можетъ печатать все, что двѣнадцать согражданъ признаютъ неподлежащимъ порицанію»; присяжные являются тамъ, по выраженію другого судьи, конца 60-хъ годовъ, «истинными стражами свободы печати». Въ консервативной Германіи все еще сохра-

няетъ свою силу либеральный законъ 7 мая 1874 года, обезпечившій сравнительную свободу печати, и предпринятая Бисмаркомъ борьба противъ соціалъ-демократическихъ идей путемъ ограничительныхъ и карательныхъ мѣръ относительно печати признана была совершенно неудачной и безплодной, послѣ настойчиваго двѣнадцатилѣтняго опыта. То, что не удалось Бисмарку, не могло быть достигнуто и его маленькими россійскими подражателями, въ родѣ Плеве.

Больше ста лѣтъ тянется у насъ изнурительная и раздражающая война обскурантовъ противъ литературы и печати, противъ независимаго общественнаго мнѣнія, противъ умственныхъ и духовныхъ потребностей и стремленій русскаго общества и народа. Сколько погибло при этомъ благотворныхъ начинаній, богатѣйшихъ творческихъ силъ и благороднѣйшихъ характеровъ! Представители «крѣпкой власти» не щадили трудовъ и усердія, чтобы придушить русскую общественную мысль и искоренить оппозиціонное вольнодумство. Аракчеевъ усмирялъ и давилъ Россію,—и не задавилъ; Магницкій и Руничъ очищали университетскую науки отъ тлетворныхъ вліяній, хлопотали объ оздоровленіи умовъ, — и ничего не очистили и не оздоровили; Дмитрій Толстой и Побѣдоносцевъ неуклонно охраняли устои самовластья и безправія,—и совершенно безцѣльно; Сипягинъ и Плеве загнали чуть ли не всю передовую интиллигенцію въ подполье, — и добились только необыкновеннаго развитія и укрѣпленія крайнихъ партій. Неужели всѣ эти опыты прошлаго недостаточно убѣдительны для нашихъ современныхъ канцелярскихъ законодателей, и бюрократія будетъ по прежнему упорно продолжать свою безнадежную Сизифову работу?

Казалось бы, старыя претензіи на полицейскую опеку надъ печатью слѣдовало окончательно бросить, послѣ того какъ свобода публичнаго слова и критики офиціально водворились въ Государственной Думѣ. Ничѣмъ нельзя оправдать такого положенія вещей, при которомъ литература и журналистика поставлены подъ контрольную и карательную власть административныхъ чиновъ, компетентныхъ въ тушеніи пожаровъ, въ борьбѣ съ проституціею и въ установленіи порядка движенія на улицахъ.

Л. Слонимскій.



ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Земское оскудѣніе.—Слабѣющее дворянство.—Тщетное ожиданіе земства въ Сибири.—Мечта казаковъ о земствѣ.—Чахлый верхній ростокъ и хилые корни земства.—Отзвукъ деревни на мѣстный вопросъ о хулиганствѣ.—Задавленная пресса въ Курскѣ.—Разница во вкусахъ къ печатному слову губернатора и населенія.

Есть вопросы русской жизни, обсуждать которые въ печати какъ-то неловко, почти совѣстно, въ родѣ публичнаго, громкаго и серьезнаго чтенія таблицы умноженія.

Земская реформа, напримѣръ, сдѣлалась для всей Россіи неоспоримой, несомнѣнной, неотложной и очевидной, какъ дважды два четыре. Уже сказаны всѣ слова, приведены всѣ цифры и написаны всѣ убѣдительныя фразы для доказательства, что сословное земство стало анахронизмомъ, что дворянство неудержимо таетъ и мельчаетъ по всѣмъ губерніямъ и что земства захирѣли отъ безнадежныхъ попытокъ правительства закрѣпить первенствующее значеніе дворянъ въ земскомъ дѣлѣ. Но земская реформа какъ будто на вѣки вѣчныя завязла въ болотѣ, и газеты изъ года въ годъ принуждены съ уныніемъ и безнадежностью печатать слѣдующаго рода извѣстія съ мѣстъ. «Въ Николаевскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи, — сообщаетъ корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей»,—полное оскудѣніе дворянъ-землевладѣльцевъ. Ихъ числится по спискамъ земской управы 34, но изъ нихъ немногіе живутъ въ уѣздѣ и принимаютъ участіе въ земской жизни. За послѣднія пять трехлѣтій на выборы земскихъ гласныхъ отъ дворянъ являлось въ 1898 г.—10, въ 1901 г.—11, въ 1904 г.—8, въ 1907 г.—11 и въ 1910 г.—всего 6 человѣкъ. Послѣдніе выборы въ 1910 г. не могли считаться состоявшимися, и министромъ внутреннихъ дѣлъ на это трехлѣтіе продолжены были полномочія гласныхъ предыдущаго трехлѣтія. Но эта мѣра успѣха не имѣла, такъ какъ при

неполномъ составѣ гласныхъ ихъ не собиралось на собранія даже допускаемой закономъ половины общаго ихъ числа, и за все текущее трехлѣтіе въ Николаевскомъ уѣздѣ ни одного земскаго собранія не состоялось. Въ нынѣшнемъ году предстоятъ выборы гласныхъ на новое трехлѣтіе, и администрація принимаетъ мѣры къ тому, чтобы выборы состоялись. Недавно предводитель дворянства разослалъ ко всѣмъ числящимся по спискамъ дворянамъ письмо съ воззваніемъ о пріѣздѣ на выборы, а въ настоящее время обратился къ нимъ съ письмомъ и самарскій губернаторъ, въ которомъ между прочимъ пишетъ: „Въ текущемъ 1913-мъ году предстоитъ новое избраніе гласныхъ земскаго собранія на слѣдующее трехлѣтіе. Печальный опытъ предыдущаго трехлѣтія побуждаетъ меня приложить всѣ усилія къ тому, чтобы предостоящіе выборы дали возможность составить для Николаевскаго уѣзда такой численный комплектъ гласныхъ, чтобы земская жизнь этого уѣзда могла протекать нормально. Имѣя въ виду, что болѣе половины общаго числа гласныхъ этого уѣзда въ составѣ земскаго собраніи, по закону, должно дать дворянское сословіе, я обращаюсь къ гг. дворянамъ Николаевскаго уѣзда съ покорнѣйшей просьбой обратить свое вниманіе на положеніе земскаго дѣла въ этомъ уѣздѣ и содѣйствовать своимъ участіемъ, непосредственнымъ или по праву представительства въ допускаемыхъ закономъ предѣлахъ, постановкѣ этого дѣла въ нормальныя условія“...

Энергичныя мѣры не остались безъ результата. «Русскому Слову» телеграфировали изъ Николаевска 18 мая: «Сегодня отъ второго избирательнаго собранія избраны полагающіеся 7 гласныхъ. Изъ нихъ шесть прогрессистовъ и одинъ правый. Вчера записали себя въ гласные явившіеся на первое избирательное собраніе девять дворянъ. Теперь предстоятъ еще выборы земскаго собранія отъ сельскихъ обществъ, которые, конечно, дадутъ полагающихся 9 гласныхъ. Такимъ образомъ, земскій кризисъ въ Николаевскомъ уѣздѣ разрѣшенъ, если никто изъ гласныхъ не будетъ манкировать своими обязанностями. Но стоитъ тремъ изъ 25-ти гласныхъ заболѣть, чтобы земское собраніе не состоялось».

Итакъ, въ обширномъ Николаевскомъ уѣздѣ земское дѣло виситъ на волоскѣ, и только потому, что дворянъ осталось на весь уѣздъ еле-еле полтора десятка (всего 34, но многіе живутъ внѣ уѣзда), а остальное населеніе все еще считается недозрѣвшимъ, чтобы сообща обсуждать вопросы земскаго хозяйства о школахъ больницахъ, дорогахъ и т. д.

Николаевскій уѣздъ, конечно, не представляетъ курьезнаго исключенія. Въ большей или меньшей степени оскудѣніе дворян-

скаго сословія наблюдается повсемѣстно. Изъ Херсона, напримѣръ, пишутъ: «По земскимъ даннымъ о переходѣ земель въ Херсонскомъ уѣздѣ видно, что наиболѣе теряютъ ихъ съ каждымъ годомъ дворяне. За 40 лѣтъ, съ 1867 по 1906 годъ, землевладѣніе дворянъ въ общемъ уменьшилось на 413,567 десятинъ, или въ среднемъ въ годъ на 10,339 дес. Наличное количество земли, которой владѣли въ 1912 г. дворяне и чиновники, составляло 288,117 дес., или 32% всей площади уѣзда».

Въ такомъ-же родѣ сообщеніе изъ Воронежа: «Лѣтомъ текущаго года начнутся у насъ земскіе выборы. За послѣднее десятилѣтіе въ составѣ земскихъ избирателей произошли замѣтныя измѣненія. Такъ, въ избирательные списки 1904 г. было внесено по губерніи 684 дворянина, имѣвшихъ полный земскій цензъ и пользовавшихся правомъ участія въ первомъ избирательномъ собраніи, и 376 дворянъ съ $^1/_{10}$ частью земельнаго ценза, могущихъ участвовать въ первомъ избирательномъ съѣздѣ. Теперь число тѣхъ и другихъ уменьшилось. Въ списки нынѣшняго года внесено по губерніи дворянъ, владѣющихъ полнымъ цензомъ, 529, т. е. на 23% менѣе 1904 г., и дворянъ съ неполнымъ цензомъ—346, менѣе на 8%. Такимъ образомъ, число избирателей-дворянъ сократилось за десятилѣтіе въ нашей губерніи на 18%».

Въ Саратовской губерніи, Самарской и многихъ другихъ съ такой-же неизмѣнностью усыхаетъ въ земствѣ дворянскій элементъ, а вмѣстѣ съ нимъ, вслѣдствіе прикрѣпленія закономъ земскаго дѣла главнымъ образомъ къ дворянскому сословію, все болѣе и болѣе затрудняется дѣятельность земскихъ учрежденій. Нельзя уже даже говорить, что земское дѣло находится въ тѣсномъ тупикѣ. Положеніе болѣе драматично. Тупикъ дѣлается съ каждымъ годомъ тѣснѣе и тѣснѣе. И на громадной россійской равнинѣ среди ста шестидесяти милліоновъ населенія земское дѣло явнымъ, для всѣхъ очевиднымъ образомъ задыхается, а кое гдѣ и мертвѣетъ отъ тѣсноты и безлюдія.

А съ какимъ сарказмомъ общественные дѣятели, въ теченіе многихъ лѣтъ слѣдящіе за земской дѣятельностью, должны читать слѣдующія сообщенія. «Въ министерство внутреннихъ дѣлъ,—говоритъ «Русское Слово»,—поступили отзывы губернаторовъ сибирскихъ губерній на запросъ главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства о желательности и своевременности введенія земства въ сибирскихъ губерніяхъ. Изъ большинства отзывовъ видно, что сибирскіе губернаторы держатся иныхъ взглядовъ, чѣмъ центральныя

учрежденія, и полагаютъ, что дальнѣйшее развитіе Сибири возможно только при условіи привлеченія къ культурной работѣ всѣхъ интеллигентныхъ силъ окраинъ, при чемъ въ отзывахъ проводится та мысль, что земство въ Сибири вполнѣ своевременно и желательно. Въ связи съ этими отзывами, въ концѣ мая при главнымъ управленіи по дѣламъ мѣстнаго хозяйства будетъ созвано совѣщаніе по вопросу о введеніи земства въ Сибири, на которое будутъ приглашены члены Государственной Думы и Государственнаго Совѣта отъ Сибири».

Своевременно и желательно! Все еще нужно доказывать, что земство желательно для громаднаго и быстро растущаго въ экономическомъ отношеніи края, долгіе годы притомъ умоляющаго и ходатайствующаго о скорѣйшемъ введеніи земства.

Въ такомъ-же сибирскомъ положеніи находится и казачество. «На дняхъ,—сообщаетъ корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей»,—въ Ростовѣ и Нахичевани торжественно встрѣчали новаго наказнаго атамана области войска донского, ген.-отъ-кавалеріи Покотило. Былъ обѣдъ, говорились рѣчи. Между прочимъ нахичеванскій городской голова просилъ наказнаго атамана поддержать проектъ введенія земства въ Донской области. Отвѣчая на рѣчь городского головы, ген. Покотило заявилъ, что онъ считаетъ возможнымъ введеніе земства лишь въ двухъ округахъ области—Ростовскомъ и Таганрогскомъ, населеніе которыхъ смѣшанное, полуказачье. Въ остальныхъ же округахъ, населенныхъ почти исключительно казаками, земство, по мнѣнію атамана, не можетъ быть введено, такъ какъ оно можетъ разрушить исторически сложившійся казачій укладъ, который долженъ остаться незыблемымъ».

Казачій укладъ долженъ остаться незыблемымъ. А между тѣмъ всѣ казачества (донское, уральское, оренбургское, кубанское и проч.) ежегодно съ безплодной настойчивостью пишутъ записки о необходимости земства, производятъ анкеты, выдвигаютъ на помощь статистику и экономику и тщетно стучатся въ двери петербургскихъ канцеляріи. Объ одной изъ этихъ очередныхъ попытокъ сообщаетъ корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей». «Въ Оренбургскомъ войсковомъ хозяйственномъ правленіи въ теченіе уже недѣли продолжается совѣщаніе чиновъ казачьей и губернской администраціи и уполномоченныхъ отъ казачьяго населенія по вопросу о введеніи въ оренбургскомъ казачьемъ войскѣ земства. Хозяйство находится въ настоящее время въ довольно печальномъ положеніи; вмѣсто дохода оренбургское казачье войско ежегодно получаетъ со своихъ земель и лѣсовъ убытокъ и сводитъ свою смѣту при почти двухмилліонномъ бюджетѣ съ 200,000-нымъ дефицитомъ. Войско впало

въ громадные долги. Изъ своихъ запасныхъ капиталовъ, пожарнаго и страховаго, ежегодно приходится дѣлать займы на самыя неотложныя войсковыя нужды. И все-таки эти позаимствованія далеко не удовлетворяютъ всѣхъ насущныхъ войсковыхъ нуждъ. Образованіе въ казачьемъ войскѣ поставлено неудовлетворительно: школъ мало, подборъ учительскаго персонала не выдерживаетъ критики. Дорожное дѣло въ плохомъ состояніи. Медицинское дѣло поставлено крайне неудовлетворительно: мало лѣчебницъ; безплатнымъ лѣченіемъ пользуется только мужское казачье населеніе, женщины же и дѣти лишены права пользоваться имъ. Агрономическія мѣропріятія въ войскѣ въ зачаточномъ состояніи. Войсковой отдѣлъ пришелъ къ убѣжденію, что вести хозяйство, какъ оно ведется теперь, положительно нельзя. Въ виду этого казачій отдѣлъ выработалъ положеніе (правила), на основаніи котораго можно было бы ввести въ войскѣ земство, причемъ отдѣлъ указываетъ, что существующіе нынѣ на мѣстахъ военные отдѣлы (всего три отдѣла) должны быть названы уѣздными земскими управами; теперешнее войсковое хозяйственное правленіе — губернской земской управой; губернское земское собраніе должно именоваться военнымъ собраніемъ. Работы теперешняго войсковаго совѣщанія идутъ довольно медленно. Войсковые чины хотя и высказываются за реформу, но въ то же время отрицательно относятся къ введенію земства въ чистомъ его видѣ. Напротивъ, уполномоченные отъ казачьяго населенія, входящіе въ составъ совѣщанія, высказываются за введеніе земства».

И вотъ, вѣроятно, поговорятъ-поговорятъ, а сверху имъ скажутъ: «незыблемо», и вопросъ о земствѣ для казаковъ снова и надолго увязнетъ въ отечественномъ болотѣ.

Такимъ образомъ, земскія учрежденія тамъ, гдѣ они есть, хирѣютъ, а тамъ, гдѣ о нихъ только еще мечтаютъ, никакъ не могутъ народиться. Положеніе странное, неестественное! Его никакъ нельзя было предвидѣть пятнадцать-двадцать лѣтъ назадъ, когда земскія учрежденія цвѣли полнымъ цвѣтомъ. Тогда естественно было думать о неуклонномъ развитіи земскаго дѣла, и, если мало надѣялись на «увѣнчаніе земскихъ учрежденій», т. е. на парламентъ, то со значительной увѣренностью писалось и говорилось о мелкой земской единицѣ, т. е. о глубокомъ развѣтленіи земскихъ корней въ народной почвѣ, И вотъ, странное дѣло: ростокъ вверхъ вышелъ въ видѣ Государственной Думы, а корни не только не развѣтлились, но какъ будто стали увядать и подсыхать. Государственная Дума даже какъ будто сыграла для земства до нѣкоторой степени роковую роль. Сначала, для первой и второй Думы, земство выслало свои лучшія, прогрессивныя силы, и эти дѣятели почти всѣ не смогли вернуться

на земскую дорогу: одни попали подъ судъ и были лишены избирательныхъ правъ, а съ другими постарались раздѣлаться воспрянувшіе правые дворяне, выбрасывая ихъ изъ земской среды. Третья и четвертая Дума повлекли къ себѣ болѣе умѣренныя струи земской среды. Но все-же и здѣсь свелось къ нѣкоторому оскудѣнію или отвлеченію земскихъ силъ. Вниманіе и честолюбіе, привлеченные на широкую политическую арену, поневолѣ оставляли въ пренебреженіи сѣренькую земскую работу. И оказалось, что нашъ парламентъ значительно повытянулъ соки изъ земскихъ учрежденій. Но, можетъ быть, и самъ этотъ ростокъ оттого, между прочимъ, вялъ и хилъ, что питающіе его земскіе корни не только не окрѣпли, а значительно ослабли.

И еще очевиднѣе, что такая громадная страна, какъ Россія, съ разбросаннымъ населеніемъ не можетъ сносно жить и правильно развиваться безъ повсемѣстнаго организованнаго самоуправленія. Мелкая земская единица и демократизація уѣздныхъ и губернскихъ земствъ—не только неотложная и насущная, а неотложнѣйшая, насущнѣйшая и первѣйшая задача для оздоровленія Россіи. И поэтому, какъ ни скучно повторять азбучныя истины, но надо безъ конца говорить и писать объ этой висящей въ воздухѣ реформѣ, и если не доказательствами, то силой тона заставить ее осуществиться.

Модный вопросъ о борьбѣ съ хулиганствомъ, очевидно, вызываетъ хмурую улыбку въ деревенскомъ населеніи.

«Голосъ Юга» приводитъ поучительное письмо крестьянъ д. Калиновки, Александрійскаго у., въ которомъ сообщается слѣдующее: «2-го мая въ Калиновку пріѣхалъ земскій начальникъ Крижановскій, созвалъ сходъ и сталъ уговаривать крестьянъ выйти на отруба. Крестьяне выразили желаніе остаться въ общинѣ и просили не принуждать ихъ къ выходу на отруба, обѣщая не препятствовать желающимъ выдѣлиться. Крыжановскій обругалъ сходъ неприличными словами, погрозилъ кулакомъ и уѣхалъ». Авторы письма спрашиваютъ: почему земскій начальникъ не подвергается за публичныя ругательства и угрозы взысканію, согласно недавно объявленнымъ обязательнымъ постановленіямъ губернатора о борьбѣ съ хулиганствомъ, карающимъ трехмѣсячнымъ арестомъ или штрафомъ въ 500 р.?

Конечно, молчаливая деревня могла-бы разсказать и не объ одномъ такомъ земскомъ начальникѣ. Кстати, «Вятская Рѣчь» разсказываетъ, какъ въ дер. Паниклы, Уржумскаго уѣзда, непремѣнный членъ землеустроительной комиссіи г. Быковъ уговаривалъ крестьянъ выдѣлить отрубниковъ. «Быковъ, стуча по столу кулакомъ,

заявилъ, что онъ общества не спроситъ, а нарѣжетъ тамъ, гдѣ желаютъ «собственники». На замѣчаніе одного изъ общинниковъ, что, согласно закону 14-го іюня и правиламъ землеустройства, выдѣлъ производится лишь по соглашенію съ обществомъ, г. Быковъ сталъ авторитетно разъяснять, что законъ 14-го іюня 1910 года уже отмѣненъ, и что онъ, Быковъ, дѣйствуетъ на основаніи утвержденнаго 4-й Государственной Думой закона 1912 г.(!?)».

Деревня могла-бы также разсказать, какъ разговариваютъ съ ней и какіе жесты дѣлаютъ исправники, становые пристава, урядники, стражники и всякіе наѣзжіе чины и блюстители интересовъ государства. И, вѣроятно, вопросъ о хулиганствѣ нѣсколько расширился-бы и обогатился неожиданными красками. Но деревня, къ сожалѣнію, рѣдко даетъ о себѣ голосъ.

Корреспондентъ «Кіевской Мысли» описываетъ злую долю газетныхъ работниковъ въ Курскѣ. «Послѣ «Курскихъ Записокъ», «Курскаго Голоса», «Курскаго Эхо», мелькнула на горизонтѣ «Курская Жизнь» и сейчасъ же исчезла, видимо, не выдержавъ понижающейся температуры общества и повышающейся температуры «успокоителей». Но безъ газетъ городъ не могъ оставаться и сейчасъ же появился «Голосъ Курска». Публикѣ мало приходилось видѣть эту газету,—ее конфисковали изо дня въ день. Былъ случай, когда въ теченіе десяти дней подъ-рядъ нумера «Голоса Курска» прямо изъ-подъ печатнаго станка направлялись въ полицію. Редакторъ и сотрудники все-таки не сдавались и продолжали выпускать газету. Тогда губернаторъ нашелъ очень простое средство сломать упорство піонеровъ курской періодической печати: онъ распорядился произвести обыскъ въ редакціи, арестовать «всѣ рукописи и запечатать редакцію».

Съ 1907 г. въ «конституціонной» исторіи курской печати, представляемой теперь «Курской Газетой», наступаетъ новый періодъ: «Газета въ теченіе 1907—1909 г.г. ежедневно цензуровались полицеймейстеромъ. Цензура эта совершенно напоминала цензуру стараго времени. Полицеймейстеръ Покидовъ размашистой рукой полосовалъ доставлявшіяся ему гранки. Зачеркивалъ то, что казалось ему вреднымъ, и то, что было ему непонятно. Онъ, напримѣръ, первое время не пропускалъ слова «авіатика», ибо не совсѣмъ точно отдавалъ себѣ отчетъ въ значеніи этого не вошедшаго въ обиходъ слова. Ни въ какомъ случаѣ нельзя было непохвально отзываться объ актрисахъ и пѣвичкахъ, покровительствуемыхъ полицеймейстеромъ».

«Въ 1910 г. редакторъ имѣлъ намѣреніе въ годовщину «конституціи» напечатать манифестъ 17-го октября. Узналъ губернаторъ. Немедленно былъ вызванъ въ губернаторскую квартиру редакторъ.

— Да вы что, съ ума сошли?—кричалъ г. Гильхенъ.—Не видали Нарымскаго края? Такъ я васъ познакомлю съ нимъ. Попробуйте только напечатать манифестъ, такъ я васъ на три года закатаю въ нарымскія трущобы!»

Мало-по-малу газета окончательно захирѣла, такъ что вновь прибывшему губернатору г. Муратову оставалось только почить на лаврахъ, преуготовленныхъ его предшественниками. Все же (видно, на всякій случай) онъ пригласилъ редактора-издателя и развилъ ему свои принципы «политики печати»:

— Имѣйте въ виду, я штрафовать не буду. Я буду конфисковать при надобности каждый нумеръ; черезъ пять дней вы будете получать обратно газету на обертки. Если вы позволите себѣ что-либо рѣзкое, я самъ явлюсь въ типографію, переверну ее вверхъ дномъ, расшвыряю весь наборъ»...

Справедливость, однако, требуетъ дополнить, что начальство въ Курскѣ озабочено гоненіемъ не всякаго печатнаго слова. Корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» сообщаетъ: «Исправники Курской губ. разсылаютъ становымъ приставамъ слѣдующаго содержанія письма: «Выходящая въ г. Курскѣ ежедневная газета «Курская Быль», неуклонно служа завѣтамъ самодержавія, русской государственности и православія, является единственнымъ органомъ правой печати, вѣрно освѣщающимъ факты и явленія мѣстной жизни. Литературныя достоинства въ связи съ невысокой цѣной вызываютъ пожеланія самого широкаго распространенія этого изданія, почему его превосходительство г. начальникъ губерніи высказалъ желаніе, чтобы чины полиціи способствовали неофиціальнымъ путемъ распространенію названной газеты въ порученныхъ имъ раіонахъ. Сообщая объ изложенномъ, съ своей стороны, прошу васъ приложить всѣ старанія къ самому широкому распространенію сказанной газеты среди вашихъ знакомыхъ и о результатахъ сообщить мнѣ для доклада начальнику губерніи».

Слѣдовательно, дѣло пока только въ разницѣ вкуса: губернатору нравится «Курская Быль», которую среди населенія никто не желаетъ читать, а населенію нравятся газеты, которыя нестерпимы на губернаторскій вкусъ.

Временная, кажущаяся побѣда на сторонѣ губернатора, окруженнаго ратью полицейскихъ сошекъ. Но время, конечно, посмѣется надъ безплодной пропагандой губернаторской прессы. Населеніе

все-же будетъ читать газеты по своему вкусу, а не по губернаторскому, какъ въ Курской губерніи, такъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи.

И. Жилкинъ.

МОЖНО-ЛИ СЧИТАТЬ ТОЛСТОГО ПРОДОЛЖАТЕЛЕМЪ РУССО?

Имя Толстого не разъ упоминалось въ нынѣшнемъ году, преимущественно на Западѣ и въ связи съ чествованіемъ двухсотлѣтняго юбилея со дня рожденія одного изъ властителей думъ 18-го и отчасти 19-го столѣтія Жанъ-Жака Руссо...

И въ Женевѣ, и въ Парижѣ, въ которыхъ устроены были торжественныя засѣданія, посвященныя прославленію родоначальника современной демократіи въ такой же мѣрѣ, какъ и современной педагогики, а также и иниціатора того литературнаго теченія, которое извѣстно подъ именемъ романтизма,—Толстой не разъ выставляемъ былъ послѣдователемъ идей Женевскаго мыслителя. Такое утвержденіе уже потому могло показаться вѣроятнымъ, что Толстому и въ частной бесѣдѣ, и въ своихъ сочиненіяхъ, приходилось высказываться съ полнымъ сочувствіемъ къ нѣкоторымъ мыслямъ Руссо. Я самъ могу припомнить, какъ въ 80-хъ годахъ протекшаго столѣтія Толстой укорялъ людей моего поколѣнія въ недостаточномъ признаніи автора «Эмиля» и разсужденія «Объ источникѣ неравенства». Онъ высоко ставилъ «Исповѣдь» Руссо и не прочь былъ рекомендовать ея чтеніе, хотя бы въ виду развитія въ каждомъ изъ насъ того искренняго отношенія къ самому себѣ, той рѣдкой способности открыто сознаваться въ дурныхъ поступкахъ, которая такъ чаруетъ читателя этой автобіографіи.

Строгое отстаиваніе своей индивидуальности одинаково поражаетъ насъ и въ Руссо, и въ Толстомъ. Недаромъ послѣдній считалъ одной изъ самыхъ безнравственныхъ поговорокъ ту, которая гласитъ: «съ волками жить—по волчьи выть». Толстому пришлось однажды открыто выразить свое признательное отношеніе къ автору «Исповѣди» въ письмѣ, направленномъ къ членамъ общества Жанъ-

Жака-Руссо въ Женевѣ—[1]). Немудрено поэтому, если въ нынѣшнемъ году русскій делегатъ отъ Москвы счелъ возможнымъ говорить о нашемъ великомъ писателѣ, какъ о послѣдователѣ, сторонникѣ и продолжателѣ дѣла Женевскаго мыслителя. Еще ранѣе, въ 1907-мъ году «Общество Ж.-Ж.-Руссо», включило въ свои анналы статью г. Бенруби, озаглавленную: «Толстой—продолжатель Руссо». Наконецъ, въ «Вѣстникѣ Европы» появился этюдъ нашего соотечественника, проживающаго въ Женевѣ, этюдъ, заключающій въ себѣ параллель между Руссо и Толстымъ.

Вы не посѣтуете на меня, если предметомъ моей сегодняшней бесѣды я изберу вопросъ о томъ, можно ли на самомъ дѣлѣ установить тѣсную связь между доктринами обоихъ писателей и видѣть въ одномъ изъ нихъ, въ нашемъ Толстомъ, эпигона идей, высказанныхъ съ большою силой, хотя не съ достаточной оригинальностью, въ серединѣ 18-го столѣтія...

Позвольте, прежде всего, обратить ваше вниманіе на послѣднее замѣчаніе, на то, что мысли Руссо, далеко не такъ новы, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Я имѣю въ виду, разумѣется, не рекомендуемые имъ пріемы педагогики или другіе столь же спеціальныя темы, затронутыя въ его сочиненіяхъ. Для меня важны, въ настоящее время, его общіе принципы, какъ, напр., государство не можетъ быть создано насиліемъ, а соглашеніемъ; законъ—выраженіе общей воли; правительство—слуга народный; изъ всѣхъ догматовъ единственно нетерпимымъ надо признать самую нетерпимость, такъ какъ совѣсть людей свободна и т. д., и т. д.

Почти всѣ и каждое изъ указанныхъ положеній нашло выразителей ранѣе Руссо: Алтузій, Спиноза, Локкъ, Сидней и, въ самой Женевѣ, Бурламаки—говорили то-же. Новѣйшей критикѣ пришлось подчеркивать это не разъ при изученіи сочиненій Женевскаго мыслителя. Въ трактатѣ «О неравенствѣ» вліяніе Шотландскихъ философовъ, Шефтсбери, въ частности, выступаетъ весьма наглядно. Все, что Руссо говоритъ о доброжелательной природѣ человѣка и о ея позднѣйшемъ извращеніи подъ вліяніемъ учрежденій нашло выраженіе себѣ у писателей, явившихся критиками Гоббса и допущенной имъ съ самаго начала «борьбы всѣхъ—противъ всѣхъ», вызываемой тѣмъ, что человѣкъ по отношенію къ человѣку всегда былъ волкомъ («Homo homini lupus est»). Общественный характеръ,

---

[1]) Въ письмѣ къ обществу, написанномъ 20 марта 1905 г., Л. Н. говоритъ: «Руссо былъ моимъ учителемъ съ 15-лѣтняго возраста. Въ моей жизни было два великихъ и благодѣтельныхъ вліянія: это вліяніе Руссо и Евангелія.

какой на первыхъ порахъ носила собственность и, прежде всего, земельная, возникновеніе частнаго присвоенія въ связи съ приложеніемъ труда къ почвѣ, печальныя послѣдствія разрыва большинства народа съ землею, происхожденіе неравенства и пролетаризація массъ—были отмѣчены еще писателями древности, англійскими утопистами 16-го и 17-го вѣка съ Томасомъ Морусомъ во главѣ, наконецъ, Джономъ Локкомъ, доктрина котораго въ этомъ отношеніи оказала непосредственное вліяніе и на Руссо.

Съ другой стороны—ученіе о неотчуждаемости верховной власти и о томъ, что она по праву должна принадлежать всему народу, сложилось еще начиная съ 16-го вѣка... Ея отдаленными родоначальниками надо признать Бодэна и Гоббса, а ближайшими истолкователями въ томъ же демократическомъ направленіи, что и Руссо,—Спинозу, для котораго прямая демократія есть древнѣйшая и справедливѣйшая форма государственнаго устройства, а правительство, построенное на свободномъ выборѣ народомъ лучшихъ людей, и потому аристократическое—наиболѣе совершеннымъ правительствомъ. Мысль эту повторяетъ и авторъ «Общественнаго договора». Наконецъ, свобода совѣсти, изъ за которой пострадали Эгмонтъ и Горнъ, нашла горячаго поборника въ ихъ соотечественникѣ, Спинозѣ. Онъ въ этомъ отношеніи пошелъ такъ же далеко, какъ и Руссо.. Не меньшими поборниками той-же свободы былъ рядъ англиканскихъ проповѣдниковъ съ Роджеромъ Вильямсомъ во главѣ и великимъ Мильтономъ. Наконецъ, нельзя терять изъ виду, что трактатъ о вѣротерпимости Джона Локка появился болѣе, чѣмъ за полвѣка до «Исповѣди» Савойскаго викарія и заключительныхъ главъ «Общественнаго договора».

За исключеніемъ только что указанныхъ доктринъ, общихъ Руссо съ его предшественниками, остается нѣсколько болѣе второстепенныхъ и спорныхъ положеній. Одно гласитъ, напр., что народный суверенитетъ непримиримъ съ представительной системой, такъ какъ никто не въ состояніи передать другому своей воли... Но это положеніе не изъ числа тѣхъ, которыя способны были оказать какое бы то ни было вліяніе на Толстого, вовсе не задававшагося вопросомъ о лучшемъ устройствѣ государства. Возьмемъ другое утвержденіе Руссо о необходимости того, что мы называемъ гражданской религіей, т.-е. небольшого числа догматовъ, частью религіозныхъ, частью политическихъ, признанія которыхъ правительство вправѣ требовать отъ своихъ гражданъ. Но и эта мысль, во многомъ сближающая Руссо со Спинозой, ужъ, конечно, не изъ числа тѣхъ, которыя нашли признаніе Льва Николаевича — противника всякой навязываемой кѣмъ-либо вѣры.

Что же, спрашивается, общаго у этихъ двухъ писателей, такъ часто сближаемыхъ между собой?

Я полагаю, что сходство ихъ выступаетъ ни въ чемъ иномъ, *какъ въ ихъ одинаково религіозномъ настроеніи.* Руссо разошелся съ Вольтеромъ, Гельвеціемъ и всѣмъ кружкомъ энциклопедистовъ изъ-за ихъ неуважительнаго отношенія къ откровенной религіи. Онъ не могъ перенести насмѣшекъ Вольтера надъ божественнымъ промысломъ, проявившимся якобы въ злостномъ разрушеніи Лиссабона. Первымъ шагомъ къ разрыву было письмо, написанное имъ по прочтеніи этого извѣстнаго стихотворенія, вызваннаго знаменитымъ Лиссабонскимъ землетрясеніемъ.

Разрывъ съ энциклопедистами сдѣлался окончательнымъ со времени появленія книги Гельвеція «De l'Esprit». Прочитавъ ее, Руссо счелъ нужнымъ восполнить свою «Исповѣдь Савойскаго викарія» рѣзкой отповѣдью по адресу матеріализма. Въ толкованіи одного недавняго русскаго писателя, религіозное чувство проявляется у Руссо при созерцаніи чудесъ природы; молиться онъ можетъ всего лучше подъ открымъ небомъ. «Въ комнатѣ я молюсь болѣе рѣдко и болѣе сухо, писалъ онъ, но при видѣ красиваго пейзажа я чувствую себя растроганнымъ, самъ не зная почему». Молитва для Руссо есть форма прямого общенія человѣка съ Богомъ. «Главнымъ содержаніемъ молитвы, пишетъ г. Вульфіусъ, Руссо считаетъ не просьбы къ небу, а обращеніе сердца къ Богу, которое укрѣпляетъ и очищаетъ насъ. Для Руссо религія неразрывно связана съ нравственностью и необходимо заключаетъ въ себѣ вѣру въ личнаго Бога, въ загробную жизнь или въ безсмертіе души и отвѣтственность по ту сторону могилы за все содѣянное на землѣ». Всѣ эти мысли мы находимъ и у Толстого.

Вспомните только, что онъ говоритъ о дѣйствительномъ смыслѣ жизни. Цѣлью ея не можетъ быть преслѣдованіе счастья,—личнаго или общественнаго,—а служеніе Богу, забота о спасеніи своей души; одно необходимо—это самоусовершенствованіе съ цѣлью приблизиться къ Богу, по возможности, уподобиться ему. Словомъ и поведеніемъ мы должны стремиться, поэтому, къ подавленію въ насъ эгоизма, ненависти, властолюбія; мы должны развивать въ себѣ, наоборотъ, любовь къ ближнему, братскія чувства, искренность и уваженіе къ чужой свободѣ. Богъ—сама любовь. Чѣмъ больше мы будемъ любить Его, тѣмъ больше будетъ наша привязанность къ людямъ, тѣмъ болѣе мы будемъ проникнуты религіознымъ настроеніемъ, тѣмъ наше поведеніе сдѣлается нравственнѣе.

Для Толстого, какъ и для Руссо,—мораль связана неразрывно

съ религіей. Для него религія—отношеніе, установленное людьми къ вселенной, а мораль—правила поведенія, вытекающія изъ этого отношенія. «Подумаешь, пишетъ авторъ мемуара о Толстомъ—какъ о продолжателѣ Руссо, что мы слышимъ самого Женевскаго философа».

Внѣ этого и любви къ Евангелію, толкуемому въ духѣ членовъ первыхъ христіанскихъ церквей, мы не можемъ открыть прямого сходства даже въ религіозныхъ убѣжденіяхъ между Руссо и Толстымъ. Нашъ философъ несравненно шире Женевскаго мыслителя. Онъ далекъ отъ желанія навязывать кому либо гражданскій катихизисъ или вынуждаемый государствомъ символъ вѣры. Его религіозная мысль питается не однимъ Евангеліемъ, но и ученіями Лао-Тсе, Будды, Библіи, Талмуда, Корана; не меньшее значеніе имѣютъ для него философы, начиная отъ Сократа и стоиковъ и, переходя къ Спинозѣ, Канту, Шопенгауэру.

Тогда какъ Руссо жалѣетъ о томъ, что христіанство, въ отличіе отъ греко-римскаго язычества, недостаточно служитъ интересамъ государства, Толстой, наоборотъ, старается освободить христіанство отъ той связи съ государствомъ, которая установлена была вѣковымъ развитіемъ церкви и, разумѣется, не существовала во времена апостоловъ. Въ числѣ общеобязательныхъ догматовъ гражданскаго катихизиса Руссо мы находимъ признаніе святости общественнаго договора и законовъ (la sainteté du contrat social et de la loi.) А это необходимо предполагаетъ исполненіе гражданами предписываемыхъ законами обязанностей по отношенію къ государству. Статья, встрѣчающаяся въ текстѣ европейскихъ конституцій, статья, гласящая, что никто не можетъ отказаться отъ исполненія общегражданскихъ обязанностей по причинѣ исповѣдуемой имъ вѣры,—статья, прямо вытекающая изъ положенія Руссо о святости общественнаго договора и законовъ, разумѣется, не удовлетворила бы русскаго мыслителя, который не разъ высказывался въ смыслѣ не-дѣланія всего несогласнаго съ требованіями совѣсти.

Странно подумать даже о сопоставленіи взглядовъ Руссо на государство со взглядами Толстого. Конечно, послѣдній не согласился бы съ Руссо на счетъ перенесенія каждымъ *всѣхъ* своихъ правъ хотя бы и на совокупность лицъ, образующихъ изъ себя государственное сообщество. Въ этомъ отношеніи Толстой гораздо ближе къ Спинозѣ и Локку, желавшимъ ограничить функціи государства защитою неотъемлемыхъ правъ человѣка на жизнь и свободу и обезпечивавшихъ за гражданами возможность самой широкой автономіи въ вопросахъ вѣры и нравственности.

Тѣ, кто утверждаетъ ближайшее сходство Толстого съ Руссо,

руководствуются, какъ мнѣ кажется, скорѣе случайнымъ совпаденіемъ взглядовъ обоихъ писателей въ поднятыхъ ими вопросахъ. Толстой пишетъ «Дѣтство, отрочество и юность», Толстой печатаетъ свою «Исповѣдь»; Руссо—авторъ «Confessions» и «Rèveries d'un promeneur solitaire». Толстой пишетъ объ искусствѣ и подчиняетъ его служенію интересамъ человѣчества. Руссо кладетъ основаніе своей міровой извѣстности рѣшеніемъ въ отрицательномъ смыслѣ вопроса о томъ, содѣйствовали-ли науки и искусства благополучію людей. Толстой подымаетъ рядъ соціальныхъ вопросовъ, не исключая основного—въ какой мѣрѣ отвѣчаетъ справедливости частное обладаніе землею; Руссо, въ трактатѣ «О неравенствѣ», признавъ возникновеніе частной собственности ближайшимъ источникомъ извращенія доброжелательной природы первобытнаго человѣка, въ тоже время мирится съ необходимымъ зломъ, какимъ въ его глазахъ является собственность, и считаетъ, что всякая попытка къ ея устраненію грозитъ еще большей бѣдою. Толстой пишетъ трактатъ «Въ чемъ моя вѣра»; Руссо отводитъ религіознымъ вопросомъ выдающееся мѣсто во всей своей проповѣди, онъ авторъ «Исповѣди Савойскаго викарія» и посвящаетъ цѣлую главу своего «Общественнаго договора» разсужденію о религіи.

И Толстой, и Руссо, одинаково заняты вопросомъ о воспитаніи подрастающихъ поколѣній и, можетъ быть, ни въ какой другой области Толстой не стоитъ такъ близко къ автору «Эмиля», какъ въ области педагогики. Яснополянская школа была построена въ значительной мѣрѣ на тѣхъ же педагогическихъ принципахъ, которые нашли выраженіе себѣ въ извѣстномъ сочиненіи Руссо. Авторъ мемуара о Толстомъ, какъ продолжателѣ Руссо, на этотъ разъ правъ, когда говоритъ, что Толстой въ дѣлѣ воспитанія почти всегда идетъ за Руссо. Подобно ему, онъ убѣжденъ въ томъ, что надо слѣдовать природѣ, подобно ему—онъ сторонникъ развитія въ дѣтяхъ прирожденныхъ каждому способностей; за одно съ Руссо, онъ думаетъ, что учитель долженъ развивать въ ребенкѣ индивидуальность. Принуждать дѣтей къ ученію кажется ему безсмысленнымъ. Нужно, чтобы дѣти учились по собственной охотѣ, необходимо воздерживаться отъ всякаго принужденія ихъ наказаніемъ. Но все это ранѣе Толстого говорилъ Руссо. И Толстой, и Руссо сходятся между собою въ представленіи, что воспитаніе должно дѣйствовать столько же на разумъ, сколько и на сердце, а поэтому можетъ быть ввѣрено только истинно нравственному человѣку. Оба писателя расходятся скорѣе въ частностяхъ, нежели въ общихъ положеніяхъ. Если Толстой сходится съ Руссо въ требованіи, чтобы дѣтей обучали какому-нибудь полезному мастерству, то они далеко не согласны по вопросу о воспитатель-

номъ значеніи, какое можетъ имѣть преподаваніе исторіи и, въ частности, дѣяній великихъ людей. Руссо, самъ воспитавшійся на Плутархѣ, придаетъ большое воспитательное значеніе историческому знанію: Толстой такъ же рѣшительно отрицаетъ его. Но въ чемъ Толстой идетъ несравненно далѣе Женевскаго мыслителя, это—въ вопросѣ о возможности перевоспитывать людей и въ зрѣломъ возрастѣ. Руссо не пришло бы на умъ написать «Воскресеніе». Онъ слишкомъ проникнутъ тѣмъ взглядомъ, что общество трансформируетъ человѣка, и конецъ «Эмиля» показываетъ, до какихъ предѣловъ можетъ дойти гнетъ общества въ этомъ отношеніи и искаженіемъ даже развитыхъ воспитаніемъ природныхъ качествъ. Толстой имѣетъ несравненно большую вѣру въ способность человѣка возродиться подъ вліяніемъ личныхъ усилій. Онъ самъ испыталъ на себѣ такое превращеніе, онъ допускаетъ его, поэтому, одинаково и для вышедшаго изъ «власти тьмы» крестьянина Никиты, которому отецъ, самъ человѣкъ глубоко религіозный, указываетъ вѣрный путь къ спасенію, настаивая на мысли о раскаяніи и исправленіи. Воскресеніе возможно, полагаетъ Толстой, и для легкомысленнаго, подчинившагося вліянію среды свѣтскаго юноши Неклюдова. Неклюдовъ спасаетъ свою душу, измѣняя прежній образъ жизни. Возвращеніе на должный путь открыто, въ глазахъ Толстого, каждому, кто готовъ исполнить два условія: стремиться къ самоусовершенствованію, приближаясь тѣмъ самымъ къ Богу, и отказаться отъ всякой борьбы насиліемъ съ существующимъ зломъ. Эта послѣдняя мысль едва ли встрѣтила бы поддержку Руссо, хотя самъ онъ показалъ примѣръ отказа отъ борьбы со зломъ, добровольнымъ выходомъ изъ среды Женевскаго гражданства съ завѣдомою цѣлью—сдѣлать невозможной внутреннюю усобицу между своими сторонниками и угнетавшимъ его правительствомъ. Руссо слишкомъ проникнутъ идеей борьбы за право, чтобы совѣтовать кому бы то ни было отказаться отъ борьбы за него всякими средствами. Онъ въ этомъ отношеніи продолжаетъ традицію тѣхъ героевъ Греціи и Рима, примѣромъ которыхъ питалась его младенческая мысль. Исторія, такъ высоко имъ цѣнимая, какъ воспитательное средство, не оставила въ немъ сомнѣнія въ томъ, что только въ борьбѣ за право могутъ зародиться условія лучшей гражданственности.

Ближайшая причина того, что, затрогивая однѣ и тѣ же темы, Толстой во многомъ разошелся съ Руссо, лежитъ, какъ я полагаю, прежде всего въ различіи той среды, въ которой пришлось дѣйствовать обоимъ мыслителямъ. Чѣмъ болѣе новѣйшая критика выясняетъ практическую сторону литературной дѣятельности Руссо,—тѣмъ болѣе мы проникаемся тѣмъ убѣжденіемъ, что, работая для

человѣчества, Женевскій мыслитель въ то время былъ озабоченъ всего болѣе судьбами своей родины, Женевы, и старался всячески содѣйствовать ея нравственному, общественному и политическому благополучію. И Толстого нельзя отдѣлить отъ той крестьянской и общинно-сельской Россіи, среди которой протекла почти вся его жизнь. Его взгляды почти всегда устремлены къ деревнѣ, его ближе интересуетъ судьба земледѣльческихъ массъ, чѣмъ городскихъ рабочихъ, которымъ онъ проповѣдуетъ возвращеніе въ ту же деревню. Разрывъ народа съ землею кажется ему величайшимъ изъ всѣхъ бѣдствій и, если на старости лѣтъ онъ объявляетъ себя сторонникомъ идей Джорджа, то потому, что въ сохраненіи мірской собственности онъ видитъ залогъ не только матеріальнаго, но и нравственнаго преуспѣянія для болѣе чѣмъ стомилліонной массы сельскаго люда.

Руссо чувствуетъ себя гражданиномъ небольшой по пространству автономной республики. Въ постоянномъ союзѣ съ другими такими же мелкими политическими тѣлами она можетъ обезпечить себѣ необходимую мощь для защиты своей независимости. Проповѣдуя поэтому прямую демократію, Руссо въ то же время является пропагандистомъ идеи федераціи мелкихъ политическихъ тѣлъ. Такія федераціи обезпечатъ существованіе мира на землѣ, поборникомъ котораго Руссо выступаетъ вслѣдъ за аббатомъ Сен-Пьеромъ, истолковывая его мысли и подготовляя изданіе въ свѣтъ его сочиненій. Толстой живетъ въ предѣлахъ обширной имперіи, среди народа завоевателя, создавшаго государство вѣковой борьбою съ сосѣдями.

Непротивленіе злу силой, поборникомъ котораго является Толстой, не позволяетъ ему, разумѣется, иного, кромѣ отрицательнаго отношенія къ тѣмъ, кто желалъ бы измѣненія существующихъ порядковъ путемъ переворота. Его заботитъ, поэтому, вопросъ не о политической самодѣятельности народа, а объ одной лишь автономіи личности. Онъ желаетъ обезпечить ей свободу внутренняго сужденія, возможность согласовать съ нимъ свое поведеніе; но все это не болѣе, какъ средства къ одной высшей цѣли—сдѣлать для человѣка возможнымъ на землѣ жизнь, согласную съ требованіями вѣчнаго спасенія. А всѣ эти требованія сводятся къ одному—къ любви къ ближнимъ и къ Богу; Богъ же—сама любовь, и ему можно служить, только трудясь на пользу всѣмъ. Идеалъ Руссо—идеалъ политическій; идеалъ Толстого—идеалъ нравственный и религіозный. Оба принадлежатъ къ числу несомнѣнныхъ обновителей человѣчества; но оба, при внѣшнемъ сходствѣ поднятыхъ ими задачъ, идутъ въ рѣшеніи ихъ каждый самостоятельной дорогой, питая въ то же время свою мысль сочиненіями близкихъ и отдаленныхъ предшественниковъ, являясь

въ гораздо меньшей степени автодидактами, чѣмъ утверждаютъ это ихъ слишкомъ горячіе послѣдователи.

Между Толстымъ и Руссо существуетъ еще одно въ высшей степени важное различіе. Если Руссо отличается неизвѣстной дотолѣ чуткостью къ воспріятію красотъ природы и способностью къ глубокому психологическому самоанализу, если благодаря этому «Новая Элоиза» и еще въ большей степени «Исповѣдь» и нѣкоторыя главы «Эмиля» заключаютъ въ себѣ неподражаемые образцы описанія природы и раскрытія самыхъ сокровенныхъ пружинъ психическаго поведенія людей, то, съ другой стороны, у Руссо чувствуется недостатокъ той способности проникнуться чужимъ самосознаніемъ, войти, какъ говорятъ, въ душу изображаемыхъ имъ лицъ, которая сдѣлала изъ автора «Войны и мира», «Анны Карениной», «Воскресенія» и «Хаджи-Мурата» такого же великаго реалиста-психолога, какимъ во Франціи можно считать Флобера.

Не смотря на морализующую тенденцію, какой отличаются всѣ романы и театральныя пьесы Толстого, въ нихъ живетъ и дѣйствуетъ цѣлый міръ разнообразнѣйшихъ типовъ. У Руссо же, наоборотъ, самъ Жанъ-Жакъ выступаетъ одинаково и въ одномъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ «Новой Элоизы», и въ роли воспитателя «Эмиля».

Едва ли найдется во всей міровой литературѣ писатель, который былъ бы такъ озабоченъ изображеніемъ своей собственной личности, какъ Руссо. Со времени завершенія имъ «Эмиля» онъ, можно сказать, пишетъ только въ объясненіе и въ защиту самого себя. Такой именно характеръ носятъ и его «Письма съ Горы», и «Исповѣдь», и его «Мечтанія одинокаго странника», и его еще болѣе откровенный по своему заглавію трактатъ «Руссо — судья Жанъ-Жака». Мысль изобразить себя наидобродѣтельнѣйшимъ изъ людей, что не исключаетъ, однако, готовности къ самобичеванію, присуща была Руссо и осталась совершенно чуждой Толстому. Анахоретъ Эрменонвиля не прочь былъ занимать собой и своими счетами съ дѣйствительными и мнимыми врагами все человѣчество. Толстой лишенъ былъ этой слабости. Его уходъ изъ міра показалъ воочію, какъ тяжело было ему примириться съ условіями постоянно тревожимаго народной молвой и осаждаемаго посѣтителями генія. Всѣмъ памятно его отрицательное отношеніе къ проекту юбилейнаго чествованія, а его предсмертныя слова: «на свѣтѣ пропасть народу кромѣ Льва Толстого, а вы помните одного Льва», какъ нельзя лучше доказываютъ способность и въ послѣднія минуты жизни устремлять свою мысль къ болѣе высокимъ и общимъ вопросамъ, чѣмъ тѣ, какіе обыкновенно осаждаютъ человѣка на смертномъ одрѣ.

Нашъ великій писатель, разумѣется, ничего не потеряетъ отъ сопоставленія его съ мудрецами всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ; но проводить ближайшія параллели между нимъ и Руссо, считать его послѣдователемъ Женевскаго мыслителя,—по моему, не выдерживаетъ критики. Толстой былъ—самородокъ въ такой же степени, какъ и Руссо. Мы вправѣ гордиться имъ, жалѣя въ то же время, что его высокая нравственная проповѣдь, хотя бы въ силу ея недоступности намъ, послужитъ въ большей степени другимъ народамъ, чѣмъ тому, среди котораго онъ жилъ и которому особенно охотно готовъ былъ служить.

Максимъ Ковалевскій.

НОВАЯ ТЕОРІЯ О ЛИЧНОСТИ ШЕКСПИРА.

Въ средніе вѣка воздвигались соборы, столь величественные въ единствѣ своего художественнаго и религіознаго замысла, что имена зодчихъ, построившихъ ихъ, исчезали въ ихъ твореніи. И въ литературѣ точно также есть имена, поглощенные величіемъ того, что они создали. Таково имя Гомера, настолько миѳическое, что XVIII вѣкъ отнялъ у него право на отдѣльное существованіе и объявилъ его именемъ собирательнымъ для цѣлаго ряда сказателей. Таково и имя Шекспира, самое загадочное въ литературѣ. Если свѣдѣнія о жизни Гомера не дошли до насъ, затерявшись въ глубинахъ древности, то это еще болѣе или менѣе понятно. Но Шекспиръ жилъ въ эпоху Возрожденія, изученную во всѣхъ подробностяхъ, благодаря обилію сохранившихся матеріаловъ. Шекспиръ жилъ въ Англіи вѣка Елизаветы—и о всѣхъ писателяхъ той поры все доподлинно извѣстно. Относительно принадлежности имъ ихъ произведеній не возникало никогда никакихъ сомнѣній. Только о жизни Шекспира нѣтъ никакихъ подлинныхъ данныхъ, только его произведенія появились въ полномъ видѣ уже послѣ его смерти, такъ что могло возникнуть и можетъ держаться до сихъ поръ сомнѣніе въ томъ, что онъ авторъ извѣстныхъ подъ его именемъ великихъ твореній. Къ тому же авторство Гомера оспаривается на томъ основаніи, что Гомеръ не существовалъ, что его выдумали, а

въ существованіи Шекспира никто не сомнѣвается—вотъ почему Шекспировскій вопросъ еще болѣе сложный, чѣмъ Гомеровскій. Извѣстны даты жизни и смерти Шекспира, сохранилась его подлинная могила и есть документальныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ фактахъ его жизни. Весь вопросъ въ томъ, какъ согласовать эти документальныя біографическія свѣдѣнія съ представленіемъ о геніальномъ поэтѣ, каковымъ Шекспиръ является въ своемъ творчествѣ. Трудность эта очень велика. Съ нею борятся шекспирологи, создавъ съ самаго начала XIX вѣка, когда началось серьезное и ревностное изученіе Шекспира, литературу, превышающую четыре тысячи томовъ. Изъ этой же трудности, признавая ее непобѣдимой, исходятъ тѣ, которые считаютъ несогласуемой біографію «человѣка изъ Страдфорда» съ представленіемъ объ авторѣ шекспировскихъ драмъ.

Невозможность сказать нѣчто дѣйствительно опредѣленное о Шекспирѣ обусловлена тѣмъ фактомъ, что о Шекспирѣ нѣтъ свѣдѣній, исходящихъ отъ его современниковъ. Первоисточниковъ, изъ которыхъ черпаются біографическія данныя о Шекспирѣ, есть четыре: дневникъ священника Уорда, который жилъ въ Страдфордѣ въ 1661 году и писалъ о Шекспирѣ по свѣдѣніямъ отъ знавшихъ его людей, затѣмъ «Жизнь выдающихся людей» Обрэ (Aubrey), затѣмъ біографія Шекспира, написанная драматургомъ XVIII вѣка Роу (Rowe) и еще трудъ Малона, установившаго хронологію шекспировскихъ драмъ. Но самая ранняя изъ этихъ біографій, дневникъ Уорда, написана полъ-вѣка спустя послѣ смерти Шекспира, самая полная біографія принадлежитъ перу Роу—черезъ сто лѣтъ, а столь авторитетный трудъ Малона—лишь въ началѣ XIX вѣка. И между тѣмъ всѣ шекспирологи и старой школы, какъ Гервинусъ, Ульрици, Эльце и др., и новой, какъ Доуденъ, Сидней Ли, основываютъ свои утвержденія о Шекспирѣ на этихъ первоисточникахъ, которые на самомъ дѣлѣ совершенно не первоисточники. Имъ поэтому приходится въ значительной степени орудовать догадками, восполняя психологическими и общелитературными соображеніями пробѣлы фактическихъ данныхъ.

Это и породило теоріи, отрицающія принадлежность шекспировскихъ пьесъ актеру Шекспиру изъ Страдфорда. Въ серединѣ XIX вѣка возникла такимъ образомъ бэконовская теорія, приписывающая драмы Шекспира философу Бэкону, провозглашенная въ Америкѣ однофамилицей великаго философа, миссъ Деліей Бэконъ. Теорія эта казалась сначала шарлатанской выдумкой, съ примѣсью больничнаго бреда, ибо Делія Бэконъ оказалась душевно-больной и умерла въ психіатрической лѣчебницѣ. Но ея идея не погибла. Разработанная

цѣлымъ рядомъ прославленныхъ бэконіанцевъ, Игнатіемъ Донелли, м-ссъ Галоппъ, нѣмецкимъ писателемъ Борманомъ, Маркомъ Твэномъ, затѣмъ въ послѣднее время англійскимъ юристомъ Дернингъ Лоуренсомъ, она процвѣтаетъ до сихъ поръ. Бэконіанская литература насчитываетъ больше четырехъ сотъ томовъ, и есть особые журналы, посвященные этому вопросу.

Если бэконійцамъ не удалось «разрушить миѳъ о Шекспирѣ», какъ они этого добиваются, то все же, въ смыслѣ критики традиціонныхъ данныхъ о біографіи Шекспира, они сдѣлали очень много. Но вмѣстѣ съ тѣмъ бэконіанство породило цѣлый рядъ аналогичныхъ теорій, возводящихъ въ Шекспиры поочереди всѣхъ болѣе или менѣе знаменитыхъ современниковъ Шекспира. Такъ выдвигались въ качествѣ возможныхъ авторовъ Шекспировскихъ драмъ—герцогъ Соутгэмптонскій, покровитель Шекспира, Пемброкъ и другіе.

Новѣйшій «кандидатъ въ Шекспиры»—Роджеръ Маннерсъ, пятый графъ Рутландскій. Его выдвинулъ бельгіецъ Селестенъ Дамблонъ, въ недавно вышедшей книгѣ «*Lord Rutland est Shakespeare*». Свое открытіе Дамблонъ считаетъ весьма сенсаціоннымъ и снабжаетъ книгу крикливо-самонадѣяннымъ подзаглавіемъ дурного тона: «Разоблаченіе величайшей тайны. Шекспиръ изъ Страдфорда устраненъ (*Shaxper de Stradford horscause*)», и заполняетъ шестьсотъ страницъ своей пухлой книги перепечаткой лестныхъ о себѣ отзывовъ какого то экс-министра и разныхъ журналистовъ, въ томъ числѣ довольно мало авторитетнаго критика, редактора «*Comedia*», Павловскаго. Несмотря однако на апломбъ, съ которымъ выступаетъ Дамблонъ, и несмотря на вызывающій тонъ, въ которомъ онъ говоритъ о шекспирологахъ, а также на аттестаціи, которыя онъ самъ себѣ выдаетъ, теорія его, изложенная въ книгѣ о Рутландѣ-Шекспирѣ, весьма недоказательная. Болѣе или менѣе вѣскихъ доводовъ у Дамблона есть только одинъ: найденная въ Бельвуарскомъ замкѣ Рутландовъ бумага (кстати опубликованная Сиднеемъ Ли, который въ своей святой вѣрѣ въ Шекспира и не подозрѣвалъ о выводахъ, къ которымъ приведетъ его открытіе), изъ которой явствуетъ, что черезъ годъ послѣ смерти Рутланда, въ 1613 году, младшій братъ и душеприказчикъ Рутланда уплатилъ 44 шиллинга золотомъ Шекспиру за «полупрофессіональные услуги». Таковыми Дамблонъ считаетъ то, что Шекспиръ служилъ Рутланду подставнымъ лицомъ. А подтвержденіе своей догадки Дамблонъ видитъ въ томъ, что дворянскій титулъ для своего отца Шекспиръ получилъ главнымъ образомъ благодаря стараніямъ Рутланда.

Второй выводъ Дамблона относится уже къ области догадокъ. Первыя комедіи Шекспира явно произведеніе его юности, между

тѣмъ они вышли въ свѣтъ не раньше 1597 года, когда Шекспиру было тридцать четыре года, а Бэкону—если принять бэконовскую теорію—тридцать семь. Этотъ пунктъ всегда представлялъ большую трудность и для шекспирологовъ, и для бэконіанцевъ и, чтобы справиться съ нею шекспирологи и бэконіанцы относятъ возникновеніе первыхъ комедій къ гораздо болѣе раннему времени, считая, что только напечатаны онѣ были позже. «Но, говоритъ Дамблонъ, если поставить на мѣсто Шекспира Рутланда, то исчезаетъ всякая необходимость хронологическихъ натяжекъ. Рутландъ былъ на одинадцать лѣтъ моложе Шекспира (онъ родился въ 1576 году, умеръ въ 1611) и въ 1597 году онъ былъ какъ разъ такимъ юношей, какимъ представляется Шекспиръ въ первыхъ своихъ комедіяхъ.

Только на основаніи этихъ двухъ доводовъ—ни одного другого не приводится на протяженіи всей книги—Дамблонъ прямо называетъ авторомъ Шекспировскихъ драмъ Рутланда. Но разсказывая біографію Рутланда-Шекспира, Дамблонъ обнаруживаетъ полное незнакомство съ шекспирологіей и вслѣдствіе этого открываетъ иногда уже давно открытыя Америки. Такъ онъ съ большими предисловіями сообщаетъ о своемъ сенсаціонномъ открытіи, доказывающемъ, что Рутландъ-Шекспиръ далеко не былъ столь невѣжественъ, какъ это обыкновенно думаютъ. Это сенсаціонное открытіе Дамблона заключается въ томъ, что миланскій портъ, о которомъ идетъ рѣчь въ «Двухъ веронцахъ», дѣйствительно существовалъ, ибо въ XVI вѣкѣ Миланъ соединялся съ Адріатическимъ моремъ посредствомъ морского канала. Но Дамблонъ не подозрѣваетъ въ своей наивности, что этотъ фактъ давно извѣстенъ: о немъ говорилъ Эльце въ своей книгѣ о Шекспирѣ въ 1876 году и съ Эльце полемизируетъ Брандесъ, по мнѣнію котораго Шекспиръ не могъ знать про миланскій морской каналъ. Съ такимъ же апломбомъ, иронизируя надъ учеными, которымъ онъ совѣтуетъ поучиться исторіи, Дамблонъ раскрываетъ нѣчто, по его мнѣнію небывало-новое и важное, а именно, что въ «Зимней сказкѣ» Шекспиръ имѣлъ основаніе говорить о морскомъ побережьѣ Богеміи, такъ какъ рѣчь у него идетъ не о Богеміи временъ королевы Елизаветы, а о Богеміи временъ Оттокара II, т. е. конца XIII вѣка, когда въ предѣлы ея входило побережье Адріатическаго моря до Тріеста, а на сѣверъ она доходила до Балтійскаго моря. Это «сенсаціонное открытіе» Дамблона сдѣлано было однако до него: такъ Брандесъ приводитъ соображеніе о древнихъ границахъ Богеміи, какъ нѣчто общеизвѣстное.

Доказывая подобными доводами неправильность нападокъ на невѣжественность Рутланда-Шекспира, Дамблонъ разсказываетъ жизнь графа Рутландскаго въ связи съ творчествомъ Шекспира

онъ подводитъ факты жизни Рутланда подъ индивидуальныя черты автора, которыя отразились въ драмахъ Шекспира. Изъ всѣхъ біографическихъ данныхъ, которыя онъ приводитъ, любопытны въ смыслѣ близости къ шекспировскому творчеству нѣсколько подробностей: то, что Рутландъ, въ бытность свою въ Италіи, дольше всего жилъ въ Венеціи, въ Веронѣ и Пизѣ, т. е. въ городахъ, послужившихъ мѣстомъ дѣйствія для шекспировскихъ драмъ. Затѣмъ любопытно и то, что Рутландъ, вернувшись въ Англію, занималъ должность завѣдующаго лѣсами въ Шервудѣ—гдѣ происходитъ дѣйствіе «Сна въ лѣтнюю ночь». Конечно, на такихъ совпаденіяхъ строить теорію о Рутландѣ-Шекспирѣ слишкомъ произвольно, а тѣ общія свѣдѣнія, которыя Дамблонъ даетъ объ образованности Рутланда, о его спеціальномъ юридическомъ образованіи и его общественныхъ интересахъ, слишкомъ неопредѣленны, чтобы на нихъ можно было основывать новую убѣдительную теорію о личности Шекспира.

Но интересъ книги Дамблона не въ этой созидательной части, а въ критикѣ біографій Шекспира. Дамблонъ кое-что прибавилъ новаго къ выводамъ бэконіанцевъ и, въ союзѣ съ ними, столь же систематически разрушаетъ біографію Шекспира, какъ шекспирологи создали ее по скуднымъ и малодостовѣрнымъ матеріаламъ, имѣвшимся у нихъ. Взятыя отдѣльно, «открытія Дамблона» въ антишекспировскомъ направленіи не велики; но если ихъ прибавить къ бэконіанскимъ изысканіямъ, то получается довольно внушительное отрицаніе традиціонной біографіи Шекспира.

Бэконіанцы доказываютъ, что Шекспиръ былъ неграмотенъ, не умѣлъ подписать своего имени. Доказываютъ они это на основаніи изученныхъ ими шести подписей Шекспира, сохранившихся подъ различными дѣловыми бумагами. Такіе авторитетные шекспирологи, какъ Сидней Ли, дѣлаютъ изъ этихъ подписей выводъ, что Шекспиръ оставался всю жизнь провинціаломъ, ибо писалъ не итальянскимъ шрифтомъ, входившимъ тогда въ моду, а старо-англійскимъ, напоминающимъ готическій. Но бэконіанецъ Дернингъ-Лоуренсъ приходитъ къ заключенію, что подписи сдѣланы не рукою Шекспира, а писцами. Первая изъ этихъ подписей находится подъ опроснымъ листомъ при дознаніи по одному изъ маленькихъ судейскихъ дѣлъ Шекспира. Но оказывается, что обѣ подписи, и Шекспира, и другого опрашиваемаго лица, сдѣланы однимъ и тѣмъ же писарскимъ почеркомъ. Сравнивая затѣмъ двѣ бумаги, закладную и купчую на одно и то же имущество, сдѣланныя въ одинъ и тотъ же день въ двухъ разныхъ учрежденіяхъ, Дернингъ-Лоуренсъ приходитъ къ такому же выводу. Одна изъ этихъ бумагъ хранится въ Лондонскомъ Гильдхолѣ, другая въ Британскомъ Музеѣ. По настоянію Дернингъ-

Лоуренса Гильдхольская бумага была принесена въ Британскій музей и сравненіе ихъ наглядно показало, что подписи на двухъ бумагахъ сдѣланы разными лицами, т. е. каждая другимъ писцомъ въ другомъ учрежденіи. Въ описи бумагъ, кромѣ того, значится, что онѣ снабжены печатями, а о подписи не упоминается. И подпись на завѣщаніи Шекспира, по изслѣдованіямъ Дернингъ-Лоуренса, сдѣлана рукою писаря. Актъ завѣщанія составленъ со всѣми формальностями, которыя требуются при отсутствіи подписи. Кромѣ того текстъ завѣщанія и имя Шекспира написаны однимъ и тѣмъ же почеркомъ, а самыя бумаги приготовлены для приложенія печати, а не для подписи. Къ этому выводу бэконіанцевъ о неграмотности Шекспира Дамблонъ прибавляетъ еще свои доводы; изъ нихъ явствуетъ, что Шекспиръ былъ сынъ мясника, съ дѣтства работалъ въ лавкѣ отца и не имѣлъ ни времени, ни возможности учиться въ городской школѣ.

Относительно ранняго, до-лондонскаго, періода жизни Шекспира Дамблонъ дѣлаетъ еще одно интересное разоблаченіе. По даннымъ шекспирологіи Шекспиръ уѣхалъ изъ Страдфорда черезъ три года послѣ женитьбы, въ 1585 году, попавшись въ браконьерствѣ въ паркѣ сэра Томаса Люси въ Чарльскотѣ, близъ Страдфорда. Дамблонъ же утверждаетъ, что самый фактъ браконьерства вѣрный, но что онъ относится къ 1600 году, а происходило это браконьерство на земляхъ не сэра Томаса Люси, а его сына въ Глостершайрѣ, на что имѣются прямыя и косвенныя указанія. Къ косвеннымъ между прочимъ Дамблонъ относитъ разсказъ Фальстафа о своихъ подвигахъ. Такимъ перемѣщеніемъ факта браконьерства на болѣе позднѣе время Дамблонъ мѣняетъ самый характеръ факта. Браконьерство Шекспира въ двадцать лѣтъ было бы почти шалостью, а въ зрѣломъ возрастѣ оно становится фальстафовскимъ подвигомъ.

Говоря о жизни Шекспира въ Лондонѣ, Дамблонъ вмѣстѣ съ бэконіанцами утверждаетъ, что всѣ отзывы современниковъ о Шекспирѣ относились къ его произведеніямъ, а не къ нему самому. Если Мересъ въ своемъ сборникѣ «Palladis Tamia» перечислилъ нѣсколько первыхъ комедій и драмъ Шекспира до 1598 года и уподобилъ ихъ лучшимъ образцамъ древности, то это онъ говорилъ о произведеніяхъ, вышедшихъ подъ именемъ Шекспира, а не объ авторѣ. Если поэтъ Эдмундъ Спенсеръ воспѣлъ въ одномъ стихотвореніи «Аэтіона, чье имя звучитъ геройски», то это, по мнѣнію Дамблона, не былъ намекъ на геройское имя Shake-Spear (потрясатель копья), какъ это думали до сихъ поръ, а намекъ на благороднаго по крови Рутланда. Къ Рутланду же Дамблонъ относитъ все, что современники говорили о мягкости манеръ Шекспира и о милостяхъ къ нему королевы Ели-

заветы. Это, по мнѣнію Дамблона, подтверждается и тѣмъ, что въ представленіяхъ передъ королевой Шекспиръ значится, какъ исполнитель главныхъ ролей, въ то время, какъ обыкновенно онъ игралъ лишь второстепенныя роли, вродѣ тѣни отца Гамлета. Очевидно, заключаетъ Дамблонъ, при дворѣ выступалъ не онъ, а подъ его именемъ Рутландъ.

Въ своемъ толкованіи отзывовъ современниковъ въ антишекспировскомъ смыслѣ Дамблонъ только дополняетъ аргументацію бэконіанцевъ. Они видятъ въ знаменитыхъ хвалебныхъ стихахъ Бенъ-Джонсона въ предисловіи къ первому полному изданію Шекспира, въ *in folio* 1623 года, не доказательство подлинности Шекспира, какъ это видѣли прежде, а напротивъ, доказательство того, что авторомъ драмъ былъ не Шекспиръ, и что Бенъ-Джонсонъ объ этомъ зналъ. Стихи Бенъ-Джонсона напечатаны рядомъ съ гравированнымъ портретомъ Шекспира, работы фламандца Дрейшота. Доподлинно стихи эти гласятъ слѣдующимъ образомъ: «Эта фигура, которую ты (читатель) видишь здѣсь, гравированный портретъ нѣжнаго Шекспира. Граверъ боролся съ природой и хотѣлъ ее превзойти. О, если бы онъ могъ вырѣзать на мѣди его умъ, какъ онъ изобразилъ его лицо, гравюра превзошла бы все въ своемъ родѣ. Но такъ какъ онъ этого не достигъ, то смотри, читатель, не на изображеніе, а на книгу». Похвалы въ этомъ стихотвореніи напрасно, конечно, приводятся шекспирологами, какъ доказательство подлинности Шекспира. Стихотвореніе было написано на заказъ для Шекспировскаго изданія и потому ничего, кромѣ похвалъ, оно во всякомъ случаѣ содержать не могло. Но бэконіанцы даютъ еще болѣе сложное толкованіе, доказывая, что дрейшотовская гравюра портретъ куклы, сдѣланной подъ Шекспира и даже одѣтой въ такой кукольный костюмъ, что рукава не разные, а составляютъ верхъ и низъ одного и того же. Стихотвореніе Бенъ-Джонсона читается согласно съ этимъ толкованіемъ въ томъ смыслѣ, что граверъ хотѣлъ «*outdo the nature*», что можетъ значить не только «превзойти», но и «уничтожить» природу и можетъ намекать на то, что граверъ изобразилъ нѣчто совершенно непохожее на правду. Слѣдующая фраза: «О, если бы онъ могъ изобразить умъ (*wit*) Шекспира, какъ ему удалось изобразить черты», толкуется въ томъ смыслѣ, что слово «*wit*» можетъ значить «схватить» и «спрятать», и Бенъ Джонсонъ хотѣлъ, значитъ, сказать, что граверъ скрылъ лицо автора, и потому слѣдуетъ интересоваться книгой, а не личностью Шекспира. Если такое толкованіе и слишкомъ смѣло по своимъ выводамъ, то все же оно колеблетъ представленіе о стихотвореніи

Бенъ-Джонсона, какъ о свидѣтельствѣ въ пользу признанія подлинности Шекспира современниками.

Вмѣстѣ съ бэконійцами Дамблонъ критикуетъ также данныя о послѣднемъ, страдфордскомъ, періодѣ жизни Шекспира, находя несовмѣстимой исторію послѣднихъ лѣтъ жизни Шекспира съ представленіемъ о немъ, какъ объ авторѣ его твореній. Дѣйствительно странно, что послѣ возвращенія на родину Шекспиръ жилъ внѣ всякихъ умственныхъ интересовъ, сосредоточившись на мелкихъ процессахъ противъ должниковъ, что было бы гораздо понятнѣе для актера, продавшаго за нѣкоторое вознагражденіе свое имя, чѣмъ для автора Шекспировскихъ драмъ. И еще странно, что смерть Шекспира прошла совершенно незамѣченной, что не появилось ни одного стихотворенія въ его память, хотя обыкновенно память писателей чтилась въ эту культурную пору; странно, что послѣ его смерти не найдено было въ домѣ Шекспира ни одной книги, что завѣщаніе его было глубоко мѣщанское, что онъ въ немъ распредѣлилъ всѣ предметы домашняго обихода, но даже не упомянулъ о своихъ произведеніяхъ.

Необычайно странной представляется также надпись на могильной плитѣ Шекспира. Она гласитъ: «Добрый другъ, во имя Іисуса, не разрывай прахъ здѣсь заключенный. Благословенъ тотъ, кто пощадитъ этотъ камень, и проклятіе на того, кто потревожитъ мои кости». Нѣкій Холь, оксфордскій ученый, побывавшій въ Страдфордѣ въ XVIII вѣкѣ, говорилъ съ большимъ недоумѣніемъ объ этой надписи, которая является только практическимъ распоряженіемъ о томъ, чтобы могильщики не рыли могилу слишкомъ на поверхности, какъ это дѣлалось тогда съ тѣмъ, чтобы потомъ выбросить кости. Распоряженіе Шекспира было выполнено; прахъ его не потревожили. Даже жена его похоронена не въ одной могилѣ съ нимъ. Но тотъ фактъ, что на могилѣ величайшаго генія ничего не написано, кромѣ такого практическаго указанія, наводитъ на странныя размышленія.

Но всего удивительнѣе тотъ фактъ, что Шекспиръ, закончивъ свою дѣятельность, не позаботился объ изданіи своихъ сочиненій. Они вышли лишь семь лѣтъ спустя, въ in folio 1623 года, снабженномъ сомнительнымъ Дрейшотовскимъ портретомъ Шекспира, загадочными стихами Бенъ-Джонсона и представляющемъ еще нѣкоторыя другія странности.

Доказывая, что драмы Шекспира написаны Рутландомъ, а что мелкій актеръ изъ Страдфорда былъ для него лишь подставнымъ лицомъ, Дамблонъ расцвѣчиваетъ свою теорію еще однимъ оригинальнымъ открытіемъ. Онъ видитъ истинную біографію Шекспира,

т. е. исторію его безпутной жизни, въ двухъ дѣйствующихъ лицахъ драмъ «Рутланда»—въ Фальстафѣ и въ Слэѣ изъ пролога къ «Укрощенію Строптивой». Въ Фальстафѣ изображены браконьерскіе подвиги Шекспира, а въ Слэѣ его романы съ трактирщицами. Сцены съ Слэемъ въ прологѣ «Укрощеніе Строптивой» единственныя во всемъ творчествѣ Шекспира, гдѣ изображенъ Варвикшайръ, родина Шекспира, и даже деревня изъ окрестностей Страдфорда и гдѣ дѣйствующія лица говорятъ мѣстнымъ варвикшайрскимъ говоромъ. Это кажется Дамблону вѣскимъ доводомъ въ антишекспировскомъ смыслѣ: когда Рутландъ захотѣлъ изобразить Шекспира такимъ, какимъ онъ его зналъ, онъ перенесъ его въ атмосферу его жизни на родинѣ. А то, что Шекспиръ изображенъ въ образѣ Фальстафа, Дамблонъ утверждаетъ на основаніи письма графини Соутгэмптонъ къ своему мужу; въ этомъ письмѣ она сообщаетъ ему новость: у Фальстафа родился ребенокъ отъ трактирщицы. Фальстафъ была кличка Шекспира въ кругу друзей—это извѣстно и шекспирологамъ, вѣрящимъ въ подлинность Шекспира. Письмо графини Соутгемптонъ характерно для образа жизни Шекспира въ Лондонѣ и завершаетъ его біографію, какой она рисуется Дамблону.

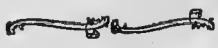
Въ результатѣ всѣхъ изысканій и критики источниковъ Шекспиръ представляется Дамблону сыномъ разорившагося поселянина изъ Страдфорда, неграмотнаго, какъ и его жена. Шекспиръ не долго ходилъ въ школу и не научился даже писать. Затѣмъ онъ былъ мясникомъ въ маленькомъ и грязномъ родномъ городѣ, съ юности былъ склоненъ къ пьянству, черезъ три года послѣ женитьбы уѣхалъ изъ Страдфорда, оставивъ жену и дѣтей безъ средствъ. Повидимому, онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занимался грабительствомъ, затѣмъ поселился въ Лондонѣ въ 1593 году, сторожилъ лошадей у театральныхъ подъѣздовъ, жилъ въ кварталѣ, гдѣ селились ростовщики, и проводилъ время главнымъ образомъ въ кабакахъ, извѣстенъ былъ въ кругу друзей подъ именемъ Фальстафа, имѣлъ ребенка отъ хозяйки таверны «Голова Вепря», былъ подставнымъ лицомъ для произведеній Рутланда, долженъ былъ скрываться, въ виду рискованности своей роли, затѣмъ поспѣшилъ вернуться на родину, добывъ скромный дворянскій титулъ для отца и для себя, жилъ нѣсколько времени въ Бельвуарѣ, замкѣ Рутландовъ, занимался браконьерствомъ, пріобрѣлъ дома въ Страдфордѣ на деньги, полученные за рискъ, которому онъ подвергался, вернулся въ Страдфордъ въ 1605 году, жилъ тамъ мѣщанской жизнью, тѣснилъ своихъ должниковъ и умеръ въ 1616 году вслѣдствіе излишествъ въ питьѣ и ѣдѣ. А въ противоположность этому, столь непривлекательному образу Шекспира, Дамблонъ изображаетъ Рут-

ланда благороднымъ, знатнымъ и великолѣпно образованнымъ человѣкомъ, который получилъ юридическое образованіе, зналъ Италію и обладалъ тѣмъ духовнымъ содержаніемъ, которое отразилось въ драмахъ.

Данныхъ для того, чтобы произвести въ Шекспиры Рутланда у Дамблона, какъ мы видѣли, мало—только записка объ уплатѣ денегъ Шекспиру за «полупрофессіональныя услуги» и соображенія о томъ, что для объясненія шекспировскихъ пьесъ удобенъ болѣе молодой авторъ. Но книга его интересна не своими гадательными данными и утвержденіями, а своей критической частью. Изъ изысканій Дамблона, какъ изъ критическихъ трудовъ бэконіанцевъ, выявляется болѣе сложная фигура поэта эпохи возрожденія, чѣмъ изъ прежнихъ ортодоксальныхъ біографій Шекспира. Авторъ пьесъ Шекспира долженъ былъ имѣть и тѣ черты, которыя описываютъ въ Шекспирѣ антишекспиріанцы, — грубость Фальстафа, практичность, склонность къ излишествамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ должна была быть вся изысканность, которую приписываютъ Рутланду, и вся ученость, которая отличала Бэкона. Та слитная личность, которая и получается изъ Шекспира, Бэкона, Рутланда, Пемброка болѣе сложна и даже внутренно болѣе правдива, чѣмъ каждый изъ элементовъ ея въ отдѣльности. Авторъ пьесъ Шекспира долженъ былъ обладать всѣми чертами, которыя изслѣдователи приписываютъ каждый открываемому имъ автору. Но ни однимъ изъ нихъ въ отдѣльности онъ не былъ. Подъ именемъ Шекспира слѣдуетъ разумѣть всю сложность этого собирательнаго лица, выразившаго духъ времени въ его вѣчныхъ произведеніяхъ.

Какъ средневѣковые соборы поглощали своимъ величіемъ и единствомъ идеи, при сложности и многообразіи ея воплощенія, личность зодчаго, такъ и многообразное творчество Шекспира поглотило личность автора. Его дѣйствительно трудно слить съ обычной біографіей Шекспира, которая рисуетъ его малообразованнымъ актеромъ на мелкія роли, мѣщански закончившимъ жизнь внѣ всякихъ духовныхъ интересовъ. Слить же его съ Бэкономъ—а тѣмъ болѣе съ Рутландомъ—нѣтъ никакихъ дѣйствительно убѣдительныхъ и достовѣрныхъ данныхъ. Личность Шекспира остается вѣчной загадкой, скрытой въ его творчествѣ.

Зин. Венгерова.



ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— В. Ключевскій. Очерки и рѣчи. Москва, 1913. Стр. 514, цѣна 2 р. 50 коп.

Рѣдкое богатство содержанія, оригинальность взглядовъ и письма, присущія знаменитому недавно скончавшемуся историку, живутъ и въ его «очеркахъ и рѣчахъ», собранныхъ въ новомъ томикѣ его сочиненій. Здѣсь Ключевскій выходитъ изъ рамокъ своихъ обычныхъ изысканій и изложенія и обращается преимущественно къ темамъ болѣе общаго интереса и характера. Сборникъ открывается тремя очерками о Соловьевѣ. Ключевскій, преемникъ Соловьева по каѳедрѣ въ московскомъ университетѣ, ставилъ его необыкновенно высоко, и въ рѣчахъ ученика объ учителѣ то самое, что мы готовы повторить и объ ученикѣ. Къ самому Ключевскому вполнѣ примѣнимы его слова о Соловьевѣ: «рѣдко работа историка такъ совпадала съ текущими дѣлами его времени, такъ прямо шла навстрѣчу нуждамъ и запросамъ современниковъ» (49). Послѣдній урокъ, самъ собою вытекающій изъ историческаго процесса, изображеннаго Соловьевымъ, выраженъ такими словами Ключевскаго: «Обзоръ этого процесса онъ закончилъ словами: Наконецъ, въ наше время просвѣщеніе принесло свой необходимый плодъ: познаніе вообще привело къ самопознанію», а самопознаніе—прибавилъ бы онъ, если бы довелъ свой разсказъ до нашего времени—должно привести къ *самодѣятельности*» (23). Наконецъ, и съ внѣшней стороны Ключевскаго безусловно отличаетъ та глубокая внутренняя «гармонія мысли и слова», которую онъ мастерски показываетъ въ изображеніи Соловьева, какъ преподавателя.

Широта воспріятій Ключевскаго, какъ ученаго и человѣка, превосходно обрисована въ его двухъ рѣчахъ о Пушкинѣ, одной, произнесенной при открытіи памятника въ Москвѣ и другой—по случаю пятидесятилѣтія смерти поэта. Какъ историкъ, Ключевскія воспринимаетъ личность Пушкина, какъ разновидность типа, безъ біографіи котораго пустѣетъ исторія нашего общества послѣднихъ двухъ столѣтій: «это—русскій человѣкъ, который выросъ въ убѣжденіи, что онъ родился не европейцемъ, но обязанъ стать имъ« (60) Онѣгинъ, которому посвящена вторая рѣчь, являясь съ одной сто-

роны прямымъ потомкомъ людей XVIII вѣка, въ то же время мѣтко и живо обрисованъ, какъ лично пережитое историкомъ явленіе и настроеніе новой Россіи: это была «полная нравственная растерянность, выражавшаяся въ одномъ правилѣ: ничего сдѣлать нельзя и не нужно дѣлать» (88).

Высоко интересна, хотя и очень спорна характеристика поэзіи Лермонтова («Грусть»). Чутко прислушиваясь къ отдѣльнымъ мотивамъ ея, Ключевскій выдѣляетъ изъ нихъ въ качествѣ основнаго настроенія чувство чисто индивидуальной грусти и неожиданно—освѣщаетъ ее, какъ художественный отголосокъ практической національной русско-христіанской грусти, примѣръ которой видитъ въ одномъ письмѣ царя Алексѣя Михайловича. «Поэзія Лермонтова, освобождаясь отъ разочарованія навѣяннаго жизнью свѣтскаго общества, на послѣдней ступени своего развитія близко подошла къ этому національно-религіозному настроенію, и его грусть начала пріобрѣтать оттѣнокъ поэтической резиньяціи, становилась художественнымъ выраженіемъ того стиха-молитвы, который служитъ формулой русскаго религіознаго настроенія: да будетъ воля Твоя. Никакой христіанскій народъ своимъ бытомъ, всею своею исторіей не прочувствовалъ этого стиха такъ глубоко, какъ русскій, и ни одинъ русскій поэтъ доселѣ не былъ такъ способенъ глубоко проникнуться этимъ народнымъ чувствомъ и дать ему художественное выраженіе, какъ Лермонтовъ» (139). И другія литературныя темы—Новиковъ, «Недоросль»—подъ перомъ Ключевскаго освѣщены съ общей историко-психологической точки зрѣнія, и этимъ значеніе чисто литературныхъ явленій выявляется шире и глубже.

Въ сборникѣ даны также обширные историческіе этюды—характеристики Болтина, Екатерины II, Петра I и его сотрудниковъ, статья «Добрые люди древней Руси»; это все превосходные образцы того рода писаній, въ которомъ Ключевскій является признаннымъ художникомъ первоклассной величины. Наконецъ, дано здѣсь нѣсколько статей, касающихся отношеній церкви и государства; онѣ освѣщаютъ былую роль церкви, какъ носительницы въ свое время нравственнаго начала, безъ котораго не могло бы окрѣпнуть и государство.

Крупный интересъ представляетъ и статья «Два воспитанія», характеризующая системы Домостроя и Бецкаго. «Опытъ Бецкаго убѣдилъ, что въ дѣлѣ воспитанія школа не можетъ оторваться отъ семьи, какъ опытъ древней Руси показалъ, что школѣ трудно и небезопасно слиться съ семьей» (245). Настоящей болью сердца за поколѣніе, уродуемое дико организованною школою, дышутъ заключительныя строки этой статьи; «Намъ нѣтъ нужды опасаться,

что жизненный путь нашихъ дѣтей по выходѣ изъ школы будетъ скудно усыпанъ печалью. У нашей молодежи того и другого пола много сердца, а было бы сердце—печали найдутся» (247). Собранныя теперь въ одномъ томѣ, всѣ эти разнообразныя по темамъ статьи дышутъ единствомъ мысли и чувства и богаты рѣдкимъ возбужденіемъ для мысли въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ. Разбросанныя въ старыхъ журналахъ, онѣ, при всей извѣстности нѣкоторыхъ изъ нихъ, не могли производить такого цѣльнаго и сильнаго впечатлѣнія, какъ теперь, собранныя воедино.

Ч. В—скій.

— Императоръ Александръ I и его душевная драма.—Н. Н. Ѳирсова,—ординарнаго проф. Казанскаго университета. Изданіе т-ва Вольфъ.

Въ послѣднее время личность Александра I возбуждаетъ особенный интересъ. Вышло нѣсколько работъ, которыми дается совершенно новое освѣщеніе личности Императора, печатаются неизданные до сихъ поръ матеріалы, характеризующіе его и его эпоху. Въ своей работѣ Ѳирсовъ пользуется главнымъ образомъ воспоминаніями современниковъ и даетъ яркую характеристику Александра I.

Въ дѣтствѣ самое сильное вліяніе имѣлъ, по его мнѣнію, на Александра I Лагарпъ, и идеалы, имъ внушенные, продолжали жить въ душѣ Александра I даже въ эпоху самой тяжелой реакціи «и не были стерты ни позднѣйшими разочарованіями, ни Аракчеевымъ, ни госпожей Крюденеръ, ни Татариновой съ братіей, вродѣ князя Голицына и Магницкаго». «Благородные принципы», независимо отъ воли Александра I продолжали жить въ немъ и, не оказывая активнаго вліянія на дѣла Россіи, явились пассивной психологической опорой нѣкоторыхъ поступковъ Императора.

Изъ всѣхъ вліяній, подъ дѣйствіемъ которыхъ протекали жизнь и царствованіе Александра I,—два оказались наиболѣе неизгладимыми, преобладающими. Одно было идейнаго характера и въ значительной степени обусловливалось рѣзкимъ контрастомъ между неприглядною дѣйствительностью и свѣтлою личностью учителя. Это вліяніе дѣйствовало исподволь, медленно. Другое вліяніе—вліяніе событія 11-го марта 1801 г., т. е. убійство Императора Павла.

Проф. Ѳирсовъ примыкаетъ къ мнѣнію, что Александръ I согласился на дворцовый переворотъ подъ условіемъ личной неприкосновенности отца. Послѣ происшедшаго Александръ I сталъ уже

не прежнимъ радостно и довѣрчиво смотрѣвшимъ въ будущее человѣкомъ. Это былъ морально сломленный человѣкъ, у котораго судьба сразу отняла бодрость, вѣру въ себя... Ѳирсовъ расходится съ мнѣніемъ проф. Кизеветтера и Вел. Кн. Николая Михайловича, которые считаютъ Александра I стойкимъ въ проведеніи своихъ желаній и неискреннимъ. Ѳирсовъ объясняетъ уклоненіе Александра I отъ управленія и передачу его Аракчееву «не тонко расчитанной хитростью». Здѣсь сказался не лукавый и изворотливый умъ дипломата, а просто инстинктъ самосохраненія крайне самолюбиваго, мнительнаго и слабовольнаго человѣка.

Очеркъ написанъ очень живо, и если онъ не даетъ намъ ничего новаго, то все же въ немъ мы находимъ много яркихъ для характеристики эпохи и личности Александра I строкъ.

А. Т.

— Труды С.-Петербургскаго философскаго общества. Выпускъ VIII. В. В. Гегель. Феноменологія духа. Переводъ подъ редак. Э. Л. Радлова. СПБ. 1913 г. Цѣна 2 р.

Труды петербургскаго общества, посвященные переводу на русскій языкъ классическихъ твореній философской литературы, обогатились еще однимъ изданіемъ,—переводомъ «феноменологіи» Гегеля. Переводъ сдѣланъ подъ редакціей Э. Л. Радлова пятью лицами, окончившими СПБ. высшіе женскіе курсы. Одной изъ переводчицъ, г. Е. Аменицкой, принадлежитъ и вступительная къ переводу статья: «Г. Гегель (1770—1831) и его произведеніе «феноменологія духа». Въ этой обстоятельной статьѣ г-жа Аменицкая пытается, между прочимъ, оправдать цѣлесообразность и своеобразность перевода черезъ 100 съ лишнимъ лѣтъ одного изъ труднѣйшихъ произведеній философа, система котораго, по мнѣнію многихъ, давно отжила свой вѣкъ. Переводчица старается показать, что «духъ Гегеля еще не отлетѣлъ отъ насъ» и что изученіе его произведеній вполнѣ своевременно. Она указываетъ на рядъ признаковъ, свидѣтельствующихъ о пробужденіи извѣстнаго интереса къ Гегелю. Этихъ признаковъ можно было бы насчитать больше (напр. извѣстная работа Б. Краче: «Что есть живого и мертвого въ философіи Гегеля» и его же переводъ на итальян. языкъ «Энциклопедіи», прошлогодняя академическая рѣчь Винцельбанда съ указаніемъ на поворотъ къ Гегелю, измѣнившееся отношеніе Джемса къ Гегелю въ его «Плюзалистической вселенной» и т. д.). Въ эпоху, стремящуюся къ метафизическому системостроительству,—а это безусловно харак-

терно для современной философской мысли,—такой великій системостроитель, какъ Гегель, не можетъ быть несвоевременнымъ и чужимъ. И нѣтъ сомнѣнія, что ближайшее время сулитъ только ростъ интереса къ его философіи.

Въ концѣ книги,—по удачной мысли переводчиковъ,—приложенъ списокъ терминовъ, встрѣчающихся въ русскомъ переводѣ, и соотвѣтствующихъ имъ терминовъ оригинала.

П. Ю.

— П. Муратовъ. Образы Италіи. Томъ II. Римъ—Лаціумъ—Неаполь и Сицилія. 2-ое изданіе. Москва. 1913.

Это восторженно-поэтическое описаніе путешествія по Италіи съ цѣлью изученія ея художественныхъ богатствъ заканчивается авторомъ слѣдующимъ образомъ: «Уже видны горы Калабріи за невидимымъ еще Мессинскимъ проливомъ. Зрѣлище разрушенныхъ землетрясеніемъ городовъ ожидаетъ насъ, зрѣлище Италіи въ горѣ. Горе Италіи—горе всего человѣчества, потому что Италія—это то счастье, ради котораго людямъ еще стоитъ жить». Въ послѣдней фразѣ выражается какъ нельзя болѣе ярко то отношеніе автора къ Италіи, которое красной нитью проходитъ черезъ всю его книгу. Книга эта, очевидно, написана прежде всего художникомъ по натурѣ, и притомъ художникомъ-энтузіастомъ и цѣнителемъ какъ произведеній искусства, такъ и красотъ природы. Несмотря на приподнятость чувства и тона изложенія автора, онъ нигдѣ не впадаетъ въ крайность, и знатокъ Италіи и итальянскихъ порядковъ не найдетъ въ книгѣ преувеличеній или искаженій въ ущербъ истинѣ. Удѣляя большую часть ея описанію художественныхъ произведеній, храмовъ, фресокъ и проч., г. Муратовъ касается иногда также и самыхъ будничныхъ вещей, вродѣ поисковъ отеля, описанія столь обычныхъ въ Италіи попрошайничества, уличной назойливости и т. под. Не закрывая глазъ на эти отрицательныя стороны итальянской дѣйствительности, авторъ старается лишь извинить такія черты, объясняя существованіе ихъ неизбѣжно развращающимъ вліяніемъ появленія массы иностранцевъ-туристовъ. Въ противоположность многимъ описаніямъ путешествій, личность автора въ изложеніи совершенно стушевывается, и, читая его книгу, видишь передъ собою только картины природы и образы художественныхъ произведеній. Интересными и въ высшей степени правдивыми являются описанія современной внѣшней уличной жизни Рима, Палермо и особенно Неаполя, кратко и живо схваченныя. Очень красивы также картинки жизни мелкихъ городковъ въ окрестностяхъ Рима и въ Сициліи.

Говоря о художественныхъ произведеніяхъ, авторъ не ограничивается перечисленіемъ видѣннаго или краткимъ описаніемъ извѣстныхъ всякому памятниковъ творчества, но даетъ при этомъ блестящіе очерки различныхъ направленій въ искусствѣ, сравненія ихъ другъ съ другомъ, дѣлаетъ краткіе историческіе обзоры параллельно съ описаніемъ всего видѣннаго. Такимъ образомъ, для лицъ, незнакомыхъ съ искусствомъ, книга Муратова является какъ бы руководствомъ или введеніемъ въ исторію искусства и архитектуры Италіи. Такое «руководство» усваивается тѣмъ болѣе легко, что сужденія и обзоры знатока переплетаются здѣсь съ полными неподдѣльнаго восторга описаніями природы и современной жизни дивной страны. Съ каждой страницы вѣетъ духомъ человѣка, привыкшаго къ жизни на далекомъ сѣверѣ и очутившагося, наконецъ, на благодатномъ, желанномъ югѣ. Легкость языка и искренность настроенія заставляютъ забывать нѣкоторыя фразы и мѣста, гдѣ авторъ выражается съ излишней восторженностью или паѳосомъ; они все таки не нарушаютъ общей цѣльности впечатлѣнія. Въ области искусства авторъ не задерживается черезъ-чуръ подробно на извѣстныхъ каждому вещахъ, а старается найти и вызвать интересъ и къ спеціальнымъ или мало-извѣстнымъ произведеніямъ. Поэтому, напр., описанію Ватиканскаго музея удѣлено меньше мѣста, чѣмъ творчеству Melozzo da Forli, Pironesi или стилю барокко. Большинство хорошо исполненныхъ фотографій (всего 15) посвящено именно такого рода произведеніямъ. Издана книга безукоризненно. Нельзя не рекомендовать эту изящную и полезную книгу всякому, кто ѣдетъ въ Италію въ качествѣ туриста, особенно въ первый разъ; для художника же или для лицъ, желающихъ изучать итальянскіе памятники искусства, она является прямо необходимой.

Остается прибавить, что въ настоящемъ второмъ изданіи книги сдѣланы довольно большія дополненія—прибавлены два очерка—Лаціумъ и Помпея.

А. Щ.

— Сахалинъ. Сборникъ статей по современнымъ вопросамъ Сахалинской области. Подъ общей редакціей губернатора Д. Григорьева. О. Сахалинъ. 1912.

Послѣ русско-японской войны у насъ сталъ замѣчаться подъемъ интереса къ тѣмъ изъ дальне-восточныхъ окраинъ, которыя столѣтіями принадлежали Россіи, но о которыхъ тѣмъ не менѣе знали немногимъ болѣе, если даже не менѣе, чѣмъ объ отдаленныхъ англійскихъ колоніяхъ. Чукотскій край, Камчатка, Калымскій край, Ко-

мандорскіе остр. послѣ 1905 г. стали усердно посѣщаться и изслѣдоваться какъ офиціально, такъ и частными лицами и экспедиціями и приступлено было къ болѣе энергичной разработкѣ ихъ естественныхъ богатствъ. Однако, столь извѣстный своей печальной памятью о. Сахалинъ былъ какъ будто забытъ, послѣ того какъ на немъ прекращенъ былъ каторжный режимъ, и лишь весьма недавно къ нему снова проявился интересъ въ связи съ проектируемой тамъ разработкой каменноугольныхъ залежей. О русской части Сахалина вообще было до сихъ поръ въ высшей степени мало извѣстно. Поэтому нельзя не заинтересоваться сборникомъ очерковъ о Сахалинѣ, редактированныхъ губернаторомъ острова, Д. Григорьевымъ. Несмотря на свой очень небольшой объемъ сборникъ даетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превосходную картину современнаго положенія русской части острова. Правовое положеніе сельскаго населенія Сахалинской области описано мировымъ судьей Я. А. Янкелевичемъ, сельское хозяйство—инспекторомъ сельск. хоз. М. А. Никольскимъ, обзоръ лѣсовъ данъ лѣсничимъ П. Г. Пановымъ и минеральныхъ богатствъ—горнымъ инженеромъ П. Я. Медвѣдевымъ. Изъ этихъ очерковъ видно, что и русская часть Сахалина богато одарена природой, и становится понятнымъ то неудовольствіе, которое проявилъ японскій народъ при заключеніи Портсмутскаго мира, узнавъ, что сѣверная часть острова остается за Россіей. Цѣлью настоящаго сборника является желаніе составителей «разсѣять то господствующее въ русскомъ обществѣ представленіе о Сахалинѣ, которое неразрывно связано съ каторжнымъ періодомъ въ жизни острова. Но эпоха каторги уже миновала и съ ней должно исчезнуть и представленіе о Сахалинѣ, какъ о штрафной колоніи». Между тѣмъ язвы прошлаго еще не закрылись; результаты почти 40-лѣтняго режима не смогли сразу исчезнуть за протекшіе 6 лѣтъ, и даже теперь одинъ изъ авторовъ, г. Никольскій, характеризуетъ, напримѣръ, экономическія условія острова такими неутѣшительными словами: «уродитъ—продать некому, не уродитъ—купить негдѣ». Особенный интересъ представляетъ въ сборникѣ очеркъ г. Янкелевича о правовомъ положеніи населенія, ярко рисующій наслѣдіе каторжнаго режима, столь извѣстнаго русской публикѣ по знаменитой книгѣ Чехова. Историческій обзоръ правового положенія изобилуетъ ужасными фактами. Читая его, странно видѣть ссылки на сравнительно недавнія даты при описаніи явленій, которыя въ воображеніи кажутся относящимися къ эпохѣ давно минувшихъ временъ. Авторъ этого очерка, повидимому, долго жилъ на Сахалинѣ, и, вѣроятно, поэтому многое кажется ему вовсе не такимъ плохимъ, какъ оно представляется читателю, особенно въ сферѣ столь

удручавшихъ сахалинское населеніе семейныхъ отношеній. При самомъ началѣ колонизаціи отсутствіе женскаго населенія побудило администрацію къ устраненію «этого нежелательнаго явленія». Рѣшено было «устроить» семейную жизнь на Сахалинѣ, но «насажденіе семействъ велось часто каторжнымъ способомъ. Администрація не предоставила этимъ женщинамъ права выбора» и стала «распредѣлять ихъ по своему усмотрѣнію». «Мужчинѣ, пишетъ г. Янкелевичъ, получить сожительницу было очень выгодно: въ ней онъ имѣлъ и безплатнаго работника, и часто, кромѣ того, еще и источникъ дохода». Какой это былъ источникъ, догадаться легко; но мало того: «когда подростали дѣти, родители ихъ, успѣвшіе уже состариться, дѣлали себѣ доходную статью отъ торговли ими». Авторъ довольно наивно прибавляетъ: «конечно, особеннаго богатства это занятіе не приносило, но ежедневно была водка и деньги».

Въ результатѣ выходитъ, что нѣтъ худа безъ добра—«какъ бы то ни было, въ концѣ концовъ, даже при самой безпросвѣтной жизни, у ссыльныхъ образовались семьи». Кромѣ того, для улучшенія «ненормальнаго положенія» сочли возможнымъ ввести особыя реформы. Приказъ военнаго губернатора (за 1896 годъ) гласилъ: «Такъ какъ число прибывающихъ женщинъ крайне ограничено, то назначеніе ихъ къ ссыльно-поселенцамъ должно производиться сострогимъ разборомъ... Поселенцамъ нерадивымъ къ домообзаводству и замѣченнымъ въ дурномъ поведеніи, а тѣмъ болѣе, не приступившимъ къ домообзаводству, женщинъ не назначать». «Наблюдать, чтобы назначеніе женщинъ не производилось только на бумагѣ, такъ какъ, въ дѣйствительности весьма часто женщины перехватываются надзирателями». Но какъ всегда, нерадивость чиновниковъ «погубила» дѣло «реформъ». По отношенію къ женщинамъ за чиновниками осталась привилегія «удержать у себя ихъ» помимо назначенія, а въ случаѣ «нежеланія женщинъ подчиняться ихъ волѣ, послѣднимъ грозило наказаніе». Такъ въ 1895 г. четыре каторжанки Александровской тюрьми «за отказъ служить у гг. чиновниковъ» были высланы въ одно изъ дальнихъ поселеній по рѣкѣ Найбѣ, въ Корсаковскомъ округѣ. Мужчинамъ на Сахалинѣ жилось, однако, не лучше. Отъ прибытія каторжника на островъ до полной свободы онъ проходилъ рядъ мучительныхъ жизненныхъ этаповъ—тюремнаго испытуемаго, полусвободнаго исправляющагося, ссыльно-поселенца—которые «на бумагѣ не представляютъ ничего ужаснаго, но на дѣлѣ все выходитъ иначе», но не все на Сахалинѣ держалось «только при помощи розогъ».

Немудрено, что, когда Сахалинъ пересталъ быть штрафной колоніей, всѣ, кто только могъ, бѣжали съ него. Въ то время какъ

на югѣ японцы построили уже цѣлые города и желѣзныя дороги, на сѣверѣ, сейчасъ же послѣ русско-японской войны, населеніе Сахалина уменьшилось по крайней мѣрѣ впятеро; «разбѣгъ этотъ, хотя и въ меньшей степени, продолжается и въ настоящее время. И несомнѣнно, если не будутъ приняты мѣры, то черезъ 10—15 лѣтъ островъ совершенно опустѣетъ».

Такими знаменательными словами заканчивается этотъ интересный сборникъ, чтеніе котораго убѣждаетъ, какъ многое можно сдѣлать въ этомъ одаренномъ природными богатствами краѣ. Въ настоящее время охота на соболя и рыболовство являются единственными источниками существованія рѣдкаго населенія. Нечего и прибавлять, что, несмотря на правительственныя мѣропріятія, эти промыслы ведутся хищнически. Земледѣліе не можетъ имѣть будущаго, такъ какъ излишекъ удобныхъ для сельскаго хозяйства земель составляетъ не болѣе 25 тыс. десятинъ. Болѣе шансовъ на развитіе имѣетъ скотоводство, эксплоатація лѣса, золотыхъ пріисковъ; но на первое мѣсто авторы книги ставятъ развитіе горной промышленности — добычу нефти и каменнаго угля; только правильная ея постановка можетъ дать толчекъ къ заселенію острова новыми поселенцами. Очеркъ, касающійся горной промышленности въ русскомъ Сахалинѣ, составленъ весьма полно, и чтеніе ея немного разсѣиваетъ тяжелое впечатлѣніе, навѣянное исторіей острова. Тѣмъ не менѣе въ заключительной главѣ — колонизація Сахалина—все же подчеркивается, что «при настоящихъ условіяхъ о заселеніи Сахалина не можетъ быть рѣчи». Главное препятствіе этому нужно видѣть въ существующемъ до сихъ «неправомочномъ положеніи населенія». Несмотря на цѣлый рядъ административныхъ мѣръ, подробно разсмотрѣнныхъ г. Янкелевичемъ, этотъ авторъ не видитъ отъ нихъ прямой пользы; онъ выражаетъ надежду, что скоро столь ненормальное положеніе будетъ исправлено, потому что «тяжелыми муками пережитой каторги, испорченной семейной жизнью, страданіями при видѣ развращавшихся тюремной атмосферой женъ и дочерей, раззореніемъ во время японскаго нашествія и шестилѣтней культурной работой надъ возрожденіемъ когда-то «*гиблаго*» острова, ссыльные заслужили прощеніе своимъ прежнимъ грѣхамъ и возстановленіе въ правахъ гражданства». Читается сборникъ съ интересомъ, и надо пожелать, что-бы по подобному же плану въ ближайшемъ будущемъ появлялись изданія, посвященныя другимъ отдаленнымъ и малоизвѣстнымъ русскимъ окраинамъ.

А. Щ.

— Лекціи объ Исламѣ. I. Гольдцигеръ, проф. въ Будапештѣ. Членъ-корреспондентъ Петербургской Академіи Наукъ. Приложена статья Вамбери, Культурное движеніе среди русскихъ татаръ. Изданіе Брокгаузъ-Ефронъ. 1912 г.

Книга проф. Гольдцигера — большой трудъ, охватывающій исторію ислама съ его возникновенія до нашего времени. Онъ знакомитъ читателя съ зарожденіемъ ислама, съ его развитіемъ и со всѣми видоизмѣненіями, которыя въ немъ произошли. И мы видимъ, что религія Магомета постоянно видоизмѣнялась, приспособлялась къ новымъ требованіямъ времени. «Въ общемъ можемъ сказать, говоритъ проф. Гольдцигеръ, что вожди магометанской религіи не всегда упорно отворачивались отъ смѣняющихся требованій времени и вновь возникающихъ условій жизни; принимая во вниманіе это обстоятельство, было бы неправильно считать особенностью исламитскаго закона застывшую неподвижность».

Часто внутри церкви возникали разногласія какъ по вопросамъ формы и обряда, такъ и по болѣе глубокимъ этическимъ и соціальнымъ вопросамъ. Большое вліяніе оказывали на исламъ европейскія философскія и религіозныя теченія. Въ исламѣ создавались различныя направленія и школы, создаются они и теперь. Такъ въ 1-ой половинѣ 19-го столѣтія въ Персіи появился молодой мечтатель Алія, разошедшійся не только своими правовыми и догматическими взглядами съ основной теологіей муллъ, но затрагивающій соціальныя отношенія. Онъ проповѣдовалъ братство людей и стремился поднять женщину изъ ея унизительнаго положенія и т. д.

Въ книгѣ есть нѣкоторые недостатки. Такъ, признавая вліяніе на исламъ окружающей среды, авторъ не только не даетъ картины той среды, въ которой развивалось то или другое направленіе ислама, но часто даже не отмѣчаетъ времени, когда оно возникло. Въ книгѣ масса иностранныхъ терминовъ, которымъ, правда, дается объясненіе, но ихъ такъ много, что они легко перепутываются въ головѣ читателя. Переводъ книги тяжелый и мало-литературный. Что же касается статьи Вамбери, то она знакомитъ съ національно-религіознымъ теченіемъ русскихъ магометанъ, стремящихся пріобщить магометанскій міръ къ европейской культурѣ и освободить религію отъ всего, что приводило русскихъ татаръ къ косности и неподвижности. Движеніе это возникло въ 1883 г., когда въ Бахчисараѣ была основана первая прогрессивная татарская газетка; оно сильно разраслось въ 1905 г. и теперь имѣетъ много

сторониковъ. Авторъ насчитываетъ теперь цѣлыхъ 8 прогрессивныхъ татарскихъ газетъ.

Статья даетъ интересный матеріалъ.

А. Т.

— И. И. Филипповъ: «Государственное устройство Индіи» 346 стр. и «Мѣстное самоуправленіе Британской Индіи, какъ матерьялъ для реформы городского и земскаго дѣла въ Россіи вообще и на восточныхъ окраинахъ въ частности» 163 стр. изд. Ташкентъ.

Книги г. Филиппова, названія которыхъ приведены выше, появились въ свѣтъ въ то время, когда, въ связи съ сенаторской ревизіей въ Туркестанскомъ краѣ, стали живо обсуждаться вопросы о коренныхъ реформахъ всѣхъ отраслей административнаго управленія края, реорганизаціи его земскаго и городского хозяйства.

Устарѣлость дѣйствующаго и донынѣ Положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ, изданнаго почти тридцать лѣтъ тому назадъ, когда Туркестанъ представлялся отдаленной, малокультурной окраиной, едва лишь завоеванной послѣ цѣлаго ряда тяжелыхъ усилій, и въ которой главная задача управленія сводилась къ укрѣпленію нашего владычества, проявленію суровой, карающей власти и организаціи самаго примитивнаго административнаго устройства,— стала чувствоваться теперь особенно остро. За эти тридцать лѣтъ измѣнилась физіономія края, измѣнились и задачи управленія, но современная организація администраціи совершенно къ нимъ не приспособлена, и до сихъ поръ главное управленіе краемъ остается почему-то въ рукахъ военнаго вѣдомства.

Для правильнаго рѣшенія поставленной жизнью дилеммы о необходимости созданія новыхъ нормъ и формъ управленія краемъ, сама собой возникаетъ потребность знакомства съ административнымъ устройствомъ приграничной съ нашими среднеазіатскими владѣніями Индіи и съ тѣмъ, какъ наши культурные и практичные сосѣди рѣшили тѣ же задачи въ очень сходной съ нашимъ Туркестаномъ по политическимъ и бытовымъ условіямъ странѣ. Упомянутыя книги г. Филиппова и даютъ обстоятельный матерьялъ для знакомства съ законодательствомъ, административнымъ устройствомъ, городскимъ и сельскимъ самоуправленіемъ въ Индіи.

Г-нъ Филипповъ—горячій поборникъ введенія земскаго и городского самоуправленія въ Туркестанскомъ краѣ, и на примѣрѣ Индіи показываетъ, что самое широкое самоуправленіе совершенно возможно при аналогичныхъ съ Туркестаномъ условіяхъ: сплоченномъ инородческомъ и иновѣрномъ населеніи, привыкшемъ вѣками къ

деспотической власти, отдаленности колоній отъ метрополіи и т. п. Онъ выясняетъ, какъ англичане при этихъ данныхъ сумѣли дать самоуправленіе сельскихъ и городскимъ общинамъ, не обезличивая и свою администрацію въ лицѣ губернаторовъ, а, наоборотъ, оставляя за нею весьма серьезные прерогативы и дѣйствительно сильную власть. Самоуправленіе въ Индіи существуетъ уже около 50-ти лѣтъ и, по словамъ автора, не вызвало ни развитія сепаратическихъ тенденцій, ни потери мѣстными англійскими властями вліянія на туземное населеніе Индіи. Между тѣмъ, всѣ, кто только ни побывалъ въ англо-индійскихъ владѣніяхъ, не могутъ не выразить своего удивленія тому благоустройству городовъ и селеній, дорогъ и земледѣльческой культуры, которое такъ ярко отличаетъ эту страну отъ нашего Туркестана. «Мѣстное самоуправленіе въ Индіи, говоритъ въ своемъ отчетѣ за 1910 годъ Лордъ-Минто, есть всецѣло продуктъ британскаго управленія и удостовѣряетъ, что всюду въ странѣ муниципальная работа идетъ хорошо, муниципальныя власти отправляютъ свои должности добросовѣстно и исправно, окружные совѣты также дѣйствуютъ успѣшно». На основаніи данныхъ объ успѣшности англійской системы самоуправленія, г. Филипповъ приходитъ къ заключенію, что подобныя же начала самоуправленія могли быть осуществлены и въ Туркестанѣ. Чрезвычайно интересны данныя, которыя приводитъ авторъ, чтобы доказать ошибочность установившагося мнѣнія, что англійское управленіе стоило Индіи огромнѣйшихъ жертвъ, разорительныхъ для населенія. Въ дѣйствительности платежныя силы населенія въ Индіи вдвое или даже втрое менѣе напряжены, чѣмъ у насъ. Любопытно также, что англичане, несмотря на грозное, кровавое возстаніе Типа Саиба, несмотря на современное свадешское движеніе, не только ввели у себя въ колоніи всякія свободы, но и не ограничиваютъ, а, наоборотъ, расширяютъ городское и земское самоуправленія, а на случаи злоупотребленій, дарованными населенію свободами, смотрятъ, какъ на преходящее зло, ничтожное въ сравненіи съ великими благами, которыя даютъ эти начала для самой государственности.

Въ интересныхъ книгахъ г. Филиппова заслуживаетъ особенно вниманія выясненіе, какими мѣрами англичане достигаютъ основательной подготовки лицъ, предназначающихъ себя къ занятію различныхъ должностей по управленію въ Индіи, а также, какъ они, путемъ правильной постановки школьнаго дѣла, сумѣли привить населенію грамотность, дать отвѣчающую потребностямъ мѣстнаго населенія и вмѣстѣ съ тѣмъ государственнымъ интересамъ среднюю и высшую школы. Не менѣе поучительно разрѣшеніе англичанами

вопроса объ административномъ контролѣ за мѣстнымъ самоуправленіемъ.

Останавливаясь на положительныхъ сторонахъ изслѣдованій г. Филиппова, не можемъ не упомянуть и о ихъ недостаткахъ, а именно: нѣсколько тяжеловатомъ слогѣ, незнакомствѣ съ научной терминологіей, благодаря чему авторъ иногда переводитъ дословно нѣкоторые установленные въ наукѣ термины и впадаетъ въ курьезныя ошибки, давая собственную свою терминологію,—но эти недостатки не умаляютъ значенія книгъ г. Филиппова, какъ цѣннаго вклада въ нашу очень бѣдную литературу объ Индіи, и не лишаютъ ихъ большого практическаго интереса.

В. Мустафинъ.

— С. Прокоповичъ. Кооперативное движеніе въ Россіи. Его теорія и практика. Москва. 1913 г.

Эта книга является вторичнымъ изданіемъ труда, вышедшаго въ свѣтъ въ 1902 г., но настолько увеличеннымъ въ объемѣ, что авторъ не рѣшился сохранить въ точности его прежнее заглавіе, Увеличеніе же объема книги произошло не вслѣдствіе измѣненія ея плана, а потому, что за истекшее десятилѣтіе кооперативное движеніе сдѣлало огромный шагъ впередъ (число кооперативныхъ предпріятій съ 1600 поднялось до 18 тысячъ, т. е. увеличилось въ одиннадцать разъ), въ литературѣ накопилась масса новаго матерьяла, и характеристика кооперативнаго дѣла въ нашей странѣ можетъ быть сдѣлана съ большей подробностью и обстоятельностью. Г. Прокоповичъ занимается въ своемъ трудѣ преимущественно кооперативными организаціями новаго, такъ сказать, образца, заимствованными нами съ Запада; изъ народныхъ же бытовыхъ формъ коопераціи сколько-нибудь подробно авторъ останавливается на артеляхъ въ рыболовномъ, морскомъ промыслѣ, на артеляхъ плотниковъ и грузчиковъ. Наиболѣе мѣста, естественно, отведено въ книгѣ тѣмъ видамъ коопераціи, которыя пользуются у насъ наибольшимъ распространеніемъ и имѣютъ болѣе длинную исторію — кредитнымъ, число которыхъ достигло восьми тысячъ и потребительнымъ, перевалившимъ за шесть тысячъ. Авторъ излагаетъ въ своей книгѣ исторію разсматриваемыхъ имъ видовъ коопераціи и ихъ современное состояніе, не ограничиваясь, однако, простымъ констатированіемъ явленій, а пытаясь установить связь тѣхъ или другихъ сторонъ кооперативной жизни и данной формы коопераціи вообще съ экономическими, культурными и правовыми

отношеніями момента и съ законами экономической эволюціи, какъ они проявляются въ нашемъ быту. И по существу дѣла, и сообразно принадлежности автора къ опредѣленной школѣ, г. Прокоповичъ устанавливаетъ наиболѣе связей кооперативной жизни съ экономическими отношеніями, а въ своихъ исканіяхъ экономической подкладки для различныхъ явленій кооперативнаго дѣла заходитъ подчасъ слишкомъ далеко. Такъ главнѣйшимъ моментомъ, препятствующимъ развитію у насъ кредитныхъ кооперативовъ, авторъ считаетъ не некультурность населенія—на что указываютъ практическіе дѣятели по коопераціи—а «недостатокъ развитія экономическихъ отношеній» (стр. 209), непривычки крестьянъ къ денежнымъ займамъ и къ идеѣ процента на капиталъ. Несмотря на приводимые авторомъ примѣры патріархальнаго отношенія крестьянъ нѣкоторыхъ мѣстностей къ денежнымъ займамъ, врядъ-ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ общемъ ростовщичество составляетъ не только вопіющую, но и старую язву деревенской Россіи. И если, въ силу недоразвитости экономическихъ отношеній, кредитныя кооперацiи дѣйствительно не могутъ получить въ Россіи такого распространенія, какъ «среди сельскаго населенія Франціи, Бельгіи и Германіи», то эти отношенія во всякомъ случаѣ развились уже настолько, что существующіе кредитные кооперативы удовлетворяютъ хоть каплю въ морѣ народной нужды въ кредитѣ, и при наличныхъ интеллектуальныхъ и матерьяльныхъ средствъ, развитіе кредитной коопераціи, въ количественномъ и качественномъ отношеніи, не могло бы происходить въ Россіи гораздо быстрѣе, чѣмъ оно происходитъ въ настоящее время. Это значитъ, что успѣхъ коопераціи этого вида практически обусловливается у насъ всего болѣе большимъ или меньшимъ запасомъ въ деревнѣ интеллигентныхъ силъ. Чрезмѣрнымъ стремленіемъ къ умноженію внѣшнихъ факторовъ развитія кооперативнаго движенія продиктовано, кажется намъ, и, заключеніе г. Прокоповича о томъ, что «крайне серьезнымъ препятствіемъ развитію потребительныхъ товариществъ въ фабрично-заводской средѣ» является «несвобода рабочихъ въ потребленіи». Если даже,—вопреки даннымъ на стр. 327 о томъ, что болѣе $^{9}/_{70}$ заработной платы рабочіе получаютъ деньгами,—признать правильнымъ утвержденіе автора, что несвобода въ потребленіи «характерна для значительной части нашего фабричнаго пролетаріата» (стр. 329), то вѣдь есть еще другая, большая, часть фабричныхъ рабочихъ, не испытывающихъ этого неудобства. И если, по причинѣ указаннаго авторомъ явленія, потребительная кооперація не можетъ получить въ Россіи такого распространенія, какъ на Западѣ, то вѣдь не этому же обстоятельству слѣдуетъ приписать

тотъ, напр., фактъ, что независимыя рабочія потребительныя кооперации стали у насъ возникать лишь въ срединѣ истекшаго десятилѣтія, и что умножаются онѣ крайне медленно.

Это все, впрочемъ, частности. Въ общемъ же слѣдуетъ сказать, что стремленіе г. Прокоповича связывать явленія кооперативной жизни съ общими экономическими и другими отношеніями разъясняетъ многое въ сферѣ интересующихъ его явленій и оживляетъ самое изложеніе.

Большая глава книги Прокоповича посвящена «административно-правовымъ условіямъ кооперативнаго движенія» въ Россіи, которыя сводятся къ разнообразнымъ препятствіямъ администраціи правильному развитію кооперацій. Препятствія эти являются результатомъ обычной у насъ канцелярской волокиты (при утвержденіи уставовъ кооперативовъ), боязни общенія простого народа съ интеллигенціей, опасенія какого-либо объединенія народныхъ массъ, господства среди администраціи націоналистическихъ тенденцій, происковъ вліятельныхъ соперниковъ кооперативовъ (мѣстныхъ лавочниковъ и ростовщиковъ), простого разгула произвола, и, наконецъ, невѣжественныхъ соціально-политическихъ соображеній, вродѣ соображеній бывшаго вятскаго губернатора, Камышанскаго, недопускавшаго открытія сборочныхъ мастерскихъ, (гдѣ кустари могли бы пользоваться станками и орудіями), потому что таковыя, «по толкованію полицейскаго права, могутъ произвести впечатлѣніе учрежденій, въ которыхъ принята за принципъ соціализація орудій производства».

В. В.

— Кустарная промышленность и сбытъ кустарныхъ издѣлій. Составилъ А. А. Рыбниковъ. Москва. 1913.

Кустарная промышленность Россіи, главнымъ образомъ изъ-за предполагаемаго ея значенія для земледѣльческаго населенія страны, живо интересуетъ наше общество. Несмотря на это, современное положеніе и дѣйствительное значеніе кустарной промышленности выяснено очень недостаточно. Въ общихъ чертахъ намъ извѣстно географическое распространеніе кустарной промышленности, техническій ея уровень, низкіе доходы кустарей, зависимость ихъ отъ скупщиковъ; но болѣе точная цыфровая характеристика этой отрасли народнаго труда можетъ быть сдѣлана лишь для отдѣльныхъ, болѣе или менѣе крупныхъ раіоновъ. Наимень-

шей точностью отличается отвѣтъ на первый, казалось-бы, вопросъ, касающійся этой промышленности, вопросъ о числѣ кустарей, рѣшаемый обыкновенно на основаніи разнаго рода соображеній, а не прямымъ учетомъ. Болѣе или менѣе точно опредѣлить число кустарей можно было-бы или путемъ всеобщей промышленной переписи или всеобщими одновременными мѣстными изслѣдованіями самой кустарной промышленности. Но всеобщія промышленныя переписи у насъ не производятся, а общее изслѣдованіе кустарной промышленности, согласно заявленному о томъ пожеланію Государственной Думы, только еще подготовляютъ. Остается одинъ путь приблизительнаго учета числа кустарей—сведеніе данныхъ о томъ новѣйшихъ болѣе или менѣе точныхъ изслѣдованій земствъ, произведенныхъ уже въ 29 губерніяхъ. Эти изслѣдованія велись неодинаковыми методами, значительно различаются по точности, полнотѣ и разработкѣ матеріаловъ; тѣмъ не менѣе въ нихъ находиться весьма цѣнный матеріалъ для выясненія многихъ важныхъ вопросовъ и о кустарной промышленности, самой по себѣ, и о ея отношенія къ другимъ явленіямъ общественной жизни. Къ сожалѣнію, мѣстные изслѣдованія кустарной промышленности мало привлекаютъ къ себѣ вниманіе нашихъ экономистовъ; а попытка сведеній далеко не однородныхъ цыфровыхъ данныхъ этихъ изслѣдованій о различныхъ сторонахъ кустарной промышленности въ общую картину требовала-бы и значительной затраты механическаго труда.

Указанный въ заголовкѣ нашей замѣтки трудъ г. Рыбникова до извѣстной степени заполняетъ тотъ пробѣлъ въ изученіи кустарной промышленности, о которомъ только что шла рѣчь. Трудъ этотъ предпринятъ по иниціативѣ нѣсколькихъ земствъ, соединяющихся для совмѣстной дѣятельности по сбыту кустарныхъ издѣлій, и соотвѣтственно этой задачѣ, имѣетъ особый характеръ. Кромѣ изложенія мѣръ, уже принимаемыхъ различными лицами и учрежденіями для содѣйствія сбыту кустарныхъ издѣлій и составленной А. С. Орловымъ главы о кооперативныхъ формахъ организаціи кустарнаго производства и сбыта кустарныхъ издѣлій,—въ книгѣ г. Рыбникова имѣется погубернская сводка земскихъ данныхъ о числѣ кустарей въ 29-и земскихъ губерніяхъ по сотнѣ различныхъ промысловъ съ подраздѣленіемъ кустарей по полу, возрасту и т. п.; характеристика кустарныхъ раіоновъ и способовъ пріобрѣтеній кустарями сырыхъ матеріаловъ и сбыта ими кустарныхъ издѣлій; таблица цыфровыхъ данныхъ о перевозкѣ товаровъ *типа* кустарныхъ издѣлій по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ (здѣсь они ошибочно названы «кустарными» издѣліями,—въ дѣйствительности отдѣльно желѣзными дорогами не региструемыми), по воднымъ путямъ со-

общенія; данныя объ экспортѣ и импортѣ товаровъ этого типа и подвоза ихъ на Нижегородскую ярмарку. Не всѣ учтенные, такимъ образомъ, товары составляютъ продуктъ именно кустарной промышленности, такъ какъ многіе изъ нихъ приготовляются и въ крупныхъ заведеніяхъ; но приведенныя цыфры выражаютъ по крайней мѣрѣ максимальный, недостигаемый въ дѣйствительности предѣлъ перевозки, экспорта и т. п. кустарныхъ издѣлій. Все вышеизложенное касается формальной стороны цѣннаго труда г. Рыбникова. По существу-же его содержанія укажемъ лишь на то, что общее число кустарей въ сорока земскихъ губерніяхъ опредѣляется авторомъ менѣе 2 милліоновъ; а цѣнность вырабатываемыхъ ими издѣлій, — на основаніи совершенно впрочемъ недостаточныхъ данныхъ, — принимается имъ въ 150 — 200 милліоновъ рублей. Эти заключенія автора сильно расходятся съ цыфрами, циркулирующими въ литературѣ.

В. В.

— Е. С. Лурье. Организаціи и организація торгово-промышленныхъ интересовъ въ Россіи. СПБ. 1913.

Эта книжка касается того же предмета, что и трудъ г. Гушко «Представительныя организаціи торгово-промышленныхъ классовъ въ Россіи», о которомъ въ свое время была рѣчь въ «Вѣстникѣ Европы». Пользуясь разнаго рода печатными, въ значительной мѣрѣ собранными имъ самимъ матерьялами, Е. С. Лурье разсказываетъ исторію и описываетъ организацію союзовъ для представительства и защиты классовыхъ интересовъ нашей крупной промышленности и торговли, касаясь ихъ дѣятельности по существу лишь постолько, поскольку многія изъ нихъ выполняли и функціи синдикатовъ. Подробнѣе разсматриваетъ авторъ союзы предпринимателей для защиты ихъ интересовъ, какъ работодателей. Трудомъ г. Лурье пополняется небогатый запасъ матерьяловъ для изученія новаго у насъ движенія капиталистовъ къ организованной защитѣ своихъ интересовъ передъ правительствомъ, общественнымъ мнѣніемъ и въ борьбѣ съ рабочими. Выразимъ, пользуясь случаемъ, пожеланіе скорѣйшей разработки данныхъ анкеты о томъ же предметѣ техническаго общества, лишь въ небольшой части использованными въ названномъ выше трудѣ г. Гушко.

В. В.

— Вліяніе травосѣянія на отдѣльныя стороны крестьянскаго хозяйства. П. А. Вихляевъ. Выпуски 1 и 2. Москва 1913.

Несмотря на то, что предпринятая въ 1906 г. аграрная реформа мотивируется, главнымъ образомъ, соображеніями о необходимости освобожденіи крестьянина отъ общинныхъ путъ, связывающихъ его иниціативу въ дѣлѣ улучшенія сельскаго хозяйства,— община нечерноземныхъ губерній проявила довольно сильное стремленіе къ такому, напр., важному шагу, какъ увеличеніе кормовыхъ средствъ путемъ введенія травъ въ полевой сѣвооборотъ; и тамъ, гдѣ на помощь невѣдующему населенію пришло земство, это движеніе получило широкое распространеніе. Къ числу такихъ мѣстностей относится Московская губернія, и многопольные сѣвообороты съ посѣвомъ травъ введены здѣсь почти на $^1/_3$ части площади надѣльнаго землевладѣнія. Указанное въ заголовкѣ этой замѣтки изданіе является началомъ предпринятаго московскимъ земствомъ изслѣдованія результатовъ введенія травопольныхъ сѣвооборотовъ, и первые два его выпуска посвящены выясненію вліянія травосѣянія на крестьянское скотоводство. Первый выпускъ труда П. А. Вихляева занятъ таблицами, основанными на двукратномъ подворномъ изслѣдованіи главнѣйшихъ травопольныхъ раіоновъ, построенными такимъ образомъ, чтобы ими выяснялись измѣненія крестьянскаго скотоводства въ зависимости отъ формы и продолжительности травосѣянія и комбинаціи послѣдняго съ величиной крестьянской семьи, площадью ея надѣла, арендой и покупкой земли и т. д. Второй выпускъ содержитъ изслѣдованіе даннаго вопроса на основаніи такого личнаго матерьяла. Авторъ, между прочимъ, примѣнилъ здѣсь очень рѣдкій пріемъ сравненія однѣхъ и тѣхъ же семей по двумъ разновременно произведеннымъ переписямъ ихъ хозяйства.

В. В.

— Библіографическій Ежегодникъ, подъ ред. И. В. Владиславлева. Вып. I. Систематическій указатель литературы за 1912 г. М. 1913. Стр. 312. Ц. 90 коп.

— И. В. Владиславлевъ. Русскіе писатели XIX-XX ст. Опытъ библіографическаго пособія по новѣйшей русской литературѣ. 2-ое изданіе. М. 1913. Стр. 244, ц. 1 р.

Съ постояннымъ ростомъ текущей печати, необходимость такихъ библіографическихъ изданій, какъ «Ежегодники» подъ редакціей г. Владиславлева, конечно внѣ сомнѣній. Первый годъ изданія далъ редактору много практическихъ указ ній, и онъ значительно рас-

ширилъ рамки изданія, подводя итоги печати за 1912 годъ. Классифицированный по десятичной системѣ библіографіи, «Ежегодникъ» незамѣнимъ для библіотекъ и для работающихъ въ томъ или иномъ отдѣлѣ книжнаго дѣланія, каковы бы ни были возможные въ немъ пропуски и пробѣлы, неизбѣжные во всякомъ мало-мальски обширномъ библіографическомъ трудѣ. Характерно для нашихъ дней, почему редакторъ отказался отъ мысли ввести отдѣлъ, рядомъ фактовъ и цифръ иллюстрирующій условія, въ которыхъ приходится жить и развиваться нашей печати: оказалось, послѣ попытки сдѣлать подсчетъ всѣмъ гоненіямъ и карамъ на печать при помощи только шести наиболѣе крупныхъ и наиболѣе освѣдомленныхъ газетъ, что подобная работа слишкомъ обширна для рамокъ «Ежегодника».

Другой трудъ редактора «Ежегодника», «Русскіе писатели XIX-XX вѣка», имѣетъ въ виду дать пособіе изучающимъ новую русскую литературу и предназначенъ для широкихъ круговъ читателей. Указатель разбитъ на двѣ части: алфавитный указатель—по авторамъ, и систематическій—по эпохамъ, въ связи съ историческими и историко-литературными матеріалами. Первая часть содержитъ отдѣлы: художественной литературы (беллетристы и поэты), критики и публицистики, и исторіи литературы. Въ этихъ отдѣлахъ о каждомъ, попавшемъ въ указатель, писателѣ даются указанія на его сочиненія и на литературу о немъ, біографическую и критическую. За отсутствіемъ другой работы, исполненной въ тѣхъ же рамкахъ и цѣляхъ (книга г-жи Мазіеръ уже устарѣла и не имѣетъ въ виду дидактическихъ цѣлей), указатель г. Владиславлева долженъ быть, конечно, рекомендованъ въ качествѣ удобнаго библіографическаго пособія, не загроможденнаго мелкими и ненужными массѣ рядовыхъ читателей справками. Но по существу «Опытъ» требуетъ дальнѣйшей тщательной работы и очень многихъ исправленій. Въ немъ много мелкихъ именъ (особенно изъ современныхъ), которыя попали въ указатель едва ли не по правилу крыловскаго любителя музыки, за «прекрасное поведенье», за то не находимъ нѣкоторыхъ крупныхъ именъ и множества мелкихъ, но, конечно, не менѣе значительныхъ, чѣмъ многія принятыя въ указатель: отсутствуютъ Дельвигъ, Бенедиктовъ, Клюшниковъ, Павлова, Ростопчина, Ганъ, Крестовскій В. В. и много другихъ. Не совсѣмъ благополучно и съ размѣщеніемъ писателей: кн. В. Ѳ. Одоевскій пожалованъ въ поэты, и съ ихъ именами: Н. Гаринъ, (псевдонимъ) названъ Михайловскимъ, Георг. Ник., тогда какъ нужно наоборотъ, и пр. Но въ цѣломъ, указатель удачно подбираетъ указанія къ главнѣйшимъ дѣятелямъ литературы и является цѣннымъ пособіемъ для

учителей, учащихся и лицъ, ищущихъ самостоятельнаго, болѣе близкаго знакомства не только съ произведеніями, но съ жизнью, личностью и значеніемъ дѣятелей слова.

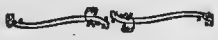
Ч. В—скій.

— Valentin Séroff. Etude sur sa vie et son oeuvre par Marie Kovalensky Bruxelles et Paris (G. Van Oest et C-ie, éditeurs) 1913.

Принимая во вниманіе тотъ интересъ, какой проявляется въ настоящее время на Западѣ къ русскому искусству, слѣдуетъ признать чрезвычайно своевременнымъ появленіе «этюда» г-жи Коваленской о жизни и дѣятельности покойнаго Сѣрова, одного изъ главныхъ, если не самаго главнаго представителя современной русской живописи. Живо и интересно разсказала г-жа Коваленская о главныхъ моментахъ жизни Сѣрова, умѣло выбрала изъ богатаго художественнаго наслѣдія художника наиболѣе характерные образцы, со вкусомъ и огонькомъ ихъ анализировала. Справедливо отмѣчаетъ авторъ одну изъ основныхъ чертъ Сѣрова, и какъ человѣка, и какъ художника, красною нитью проходящую чрезъ все его творчество: строгую чистоту характера и вкуса, безпредѣльную любовь къ искусству. Несмотря на свои многократныя путешествія по Европѣ, во время которыхъ Сѣровъ не оставался, конечно, безучастнымъ къ памятникамъ искусства, и прошлаго, и современнаго, онъ остался оригинальнымъ мастеромъ, и если можно говорить вообще о вліяніи кого-либо изъ великихъ художниковъ на Сѣрова, то только развѣ о вліяніи Веласкеза; но и это вліяніе было Сѣровымъ переработано на свой ладъ. Сѣровъ особенно великъ, какъ портретистъ. Онъ «никогда не идеализируетъ натуру, онъ соперничаетъ съ нею. Въ то же время его обаятельная кисть создаетъ, при помощи моделировки лица, выразительной позы, краснорѣчиваго колорита, психологію, характеръ» изображаемаго на портретѣ лица. По замѣчанію г-жи Коваленской, Сѣровъ не столько реалистъ, сколько «виталистъ» (vital). И этотъ «витализмъ» проникаетъ и портреты Сѣрова, и его пейзажи, и его немногочисленныя, правда, картины на историческіе сюжеты. Къ «этюду» г-жи Коваленской приложены великолѣпно исполненныя репродукціи съ слѣдующихъ произведеній Сѣрова: 1) Портретъ его отца, 2) Портретъ княгини Орловой, 3) Портретъ Иды Рубинштейнъ, 4) Портретъ Павловой, 5) Охота Ели-

заветы Петровны и Петра II, 6) Петръ I на охотѣ, 7) Прощаніе, 8) Одиссей и Навсикая. Сверхъ того роскошно изданная книжка украшена портретомъ художника, работы Рѣпина.

С. Ж.



БЕСѢДА СЪ И. И. МЕЧНИКОВЫМЪ.

Наука не знаетъ отечества, или, вѣрнѣе, отечествомъ ея является весь земной шаръ, и пріобрѣтенія ея принадлежатъ всему человѣчеству и переходятъ всѣ границы. Поэтому вопросъ о томъ, въ той или другой странѣ живетъ и работаетъ данный ученый представляетъ, вообще говоря, второстепенный интересъ. А такъ какъ успѣхъ научной работы зависитъ въ значительной степени отъ политическихъ и культурныхъ условій окружающей ученаго среды,—то экспатріація иногда прямо показуется. И наука, а слѣдовательно, и человѣчество, несомнѣнно, выиграло, напр., отъ того, что много лѣтъ тому назадъ И. И. Мечниковъ промѣнялъ Россію на Францію, въ которой онъ нашелъ исключительно благопріятныя условія для научной работы. Франція дала въ его распоряженіе прекрасныя лабораторіи Пастеровскаго института, однимъ изъ организаторовъ котораго И. И. явился; дала нужныя матеріальныя средства; и наконецъ, дала ученому,—что не менѣе важно,—полную самостоятельность, абсолютную свободу отъ всякаго внѣшняго давленія, и то душевное спокойствіе, которое, быть можетъ, всего необходимѣе умственному работнику. Взамѣнъ И. И. отдалъ французскому учрежденію все свое время, всю свою энергію, всего себя, — и результатъ этого симбіоза нельзя не признать весьма удачнымъ. Изъ стѣнъ Пастеровскаго института вышелъ рядъ замѣчательныхъ научныхъ работъ; онъ образовалъ очень значительное число нынѣ пользующихся общей извѣстностью ученыхъ; и послужилъ моделью-типомъ для аналогичныхъ учрежденій, разсѣяныхъ въ настоящее время по всему земному шару. Я не призванъ, и я недостаточно компетентенъ опредѣлить, какая часть этой огромной работы должна быть приписана лично И. И. Мечникову, — и безъ того, однако, общеизвѣстно, что эта часть велика, и что связь русскаго ученаго и французскаго учрежденія настолько тѣсна, что трудно мыслить объ одномъ, не мысля въ тоже время о другомъ.

Но если наука, отвлеченно говоря, ничего не потеряла, а можетъ быть и выиграла отъ переселенія И. И. въ Парижъ,—для Россіи является огромнымъ и непоправимымъ ущербомъ то обстоятельство, что лучшія научныя силы страны или добровольно покидаютъ ее, или насильственно вытѣсняются изъ ея ученыхъ и научныхъ учрежденій, освобождая мѣсто людямъ, удовлетворяющимъ уже не научному, а только «политическому» цензу. Благонамѣренность, аккуратность и политическая услужливость—плохіе суррогаты даровитости и знанія; въ то-же время это вторженіе «политики» въ академіи, университеты и др. составляетъ такую очевидную угрозу культурѣ страны, что не можетъ не вызывать тревоги.

Вотъ почему разнесенный недавно русской печатью слухъ, будто И. И. Мечникову предложено занять мѣсто директора Института Экспериментальной Медицины, освободившееся за смертью д-ра Подвысоцкаго, былъ встрѣченъ повсемѣстно въ Россіи съ такимъ сочувствіемъ. Приглашеніе ученаго съ міровымъ именемъ привѣтствовалось и какъ залогъ дальнѣйшаго процвѣтанія русскаго научнаго учрежденія, и какъ симптомъ, говорящій о нѣкоторомъ поворотѣ въ отношеніи къ наукѣ, научной работѣ и ея требованіямъ. Вскорѣ, однако, стало извѣстнымъ, что И. И. не думаетъ мѣнять Парижъ на Петербургъ,—и когда этотъ второй слухъ получилъ достовѣрность, я отправился къ И. И. съ цѣлью выяснить, путемъ личной бѣсѣды, фактическую сторону всего этого дѣла, и причины, побудившія его остаться въ Парижѣ.

Такъ какъ объясненія данныя И. И. представляютъ, на мой взглядъ, значительный общественный интересъ, то я и испросилъ у него разрѣшеніе предать ихъ гласности.

«Я, — сказалъ мнѣ И. И., — дѣйствительно получилъ отъ отъ одного изъ профессоровъ Института Экспериментальной Медицины письмо, въ которомъ запрашивалось, какъ отнесусь я къ предложенію занять мѣсто директора Института,—предложенію, мысль о которомъ возникла въ соотвѣтственныхъ кругахъ. Въ письмѣ было высказано увѣреніе что согласіе мое было бы встрѣчено съ удовольствіемъ всѣми,—въ томъ числѣ моими будущими товарищами по работѣ...

«... Вы спрашиваете, не было ли это письмо дѣломъ частной иниціативы? Нѣтъ, оно было написано по порученію. Выждавъ нѣкоторое время, я отвѣтилъ отказомъ. Я отклонилъ совершенно категорически мысль о переѣздѣ въ Петербургъ. Причины? Ихъ нѣсколько. Во первыхъ, мнѣ недавно минуло 68 лѣтъ. Въ эти годы вообще поздно становиться на новыя рельсы и брать на свои плечи

ту усиленную работу, которая связана съ подобной перемѣной. Имѣются, во вторыхъ, спеціальныя причины, мѣшающія мнѣ стать именно на русскія рельсы. Я не интересуюсь политикой или интересуюсь ею весьма мало. Я ею никогда не занимался, и не занимаюсь. Но за то я интересуюсь наукой и нуждами научной работы, и не могу не защищать ихъ отъ вторженія политики, я предвижу поэтому рядъ неизбѣжныхъ конфликтовъ, изъ которыхъ я въ Петербургѣ никогда бы не выбрался. Вы говорите, что я могъ бы поставить свои условія и стать внѣ политики? Все равно, я оказался бы внутри ея....

«... Начать съ того, что я не былъ бы, какъ здѣсь, свободенъ въ выборѣ моихъ товарищей и учениковъ. Здѣсь, въ Парижѣ, у меня составился кругъ учениковъ и товарищей по работѣ, вмѣстѣ съ которыми мы трудимся надъ рѣшеніемъ ряда вопросовъ. Я не вижу основаній, да и не считаю желательнымъ прекращеніе этого сотрудничества. Между тѣмъ я не могу расчитывать на то, чтобы, напр., докторамъ Безрѣдко и Вольману были предоставлены мѣста въ Институтѣ, такъ какъ и д-ръ Безрѣдко, и д-ръ Вольманъ—евреи. Оба они даровитые ученые, пользующіеся извѣстностью вслѣдствіе своихъ работъ, своихъ несомнѣнныхъ заслугъ, но они евреи, и потому двери Института были-бы для нихъ закрыты, какъ оказывались они закрытыми для другого моего ученика, д-ра Бардаха, тоже еврея. Я рекомендовалъ д-ра Бардаха въ Институтѣ въ то время, когда подбирался первый контингентъ его профессоровъ. Рекомендація моя успѣха не имѣла, и наука потеряла даровитаго работника, принужденнаго заниматься частной медицинской практикой вмѣсто того, чтобы слѣдовать своему призванію. Съ меня довольно и этого опыта.....

«.... Да дѣло и не въ одной національной политикѣ. У насъ можно быть и не евреемъ, можно быть даровитымъ ученымъ, и остаться за флагомъ. И можно быть бездарнымъ и мало знающимъ человѣкомъ, и получить профессуру. Насколько я слѣжу за дѣятельностью русскаго министерства народнаго просвѣщенія, я нахожу ее направленной къ ущербу науки въ Россіи. Это мнѣніе мое сложилось на основаніи общеизвѣстныхъ фактовъ, а такъ-же на основаніи нѣкотораго личнаго опыта. Я имѣю въ виду назначенія на профессорскія должности моихъ бывшихъ слушателей и учениковъ. Зная ихъ относительныя достоинства, я могу утверждать, что нѣкоторыя изъ этихъ назначеній относятся къ лицамъ, научный цензъ которыхъ очень низокъ. Очевидно, назначенія эти были вызваны соображеніями, посторонними наукѣ.

«Здѣсь, въ Парижѣ, мы работаемъ въ условіяхъ полной авто-

номіи; единственный критерій, признаваемый нами, это научная цѣнность работника; научной работы въ иныхъ условіяхъ я принять не могу. Вотъ почему я и считаю за лучшее остаться въ Парижѣ, гдѣ моя лабораторія открыта для всѣхъ русскихъ ученыхъ, желающихъ работать и способныхъ работать. Здѣсь они—у себя. Въ Петербургѣ я этихъ условій имъ дать-бы не могъ».

Русскій читатель оцѣнитъ горькую иронію этого факта: знаменитый ученый—можетъ лучше служить интересамъ русскихъ ученыхъ и интересамъ науки въ Россіи, живя заграницей, чѣмъ стоя во главѣ русскаго научнаго утвержденія.

Бѣлоруссовъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Споры между балканскими союзниками.—Сербскіе доводы въ пользу измѣненія союзнаго договора.—Брошюра проф. А. Белича.—Объясненія министра-президента Пашича въ сербской скупщинѣ.—Заботы европейской дипломатіи.—Французскія и бельгійскія дѣла.

Едва окончилась война между балканскими государствами и Турціею, какъ тотчасъ же обнаружились значительныя внутреннія несогласія между союзниками. Болгарія выражала готовность подписать предварительныя условія мира въ томъ видѣ, какъ они были формулированы представителями великихъ державъ въ Лондонѣ; Сербія, Греція и Черногорія предлагали включить въ договоръ положительныя указанія относительно южныхъ границъ Албаніи, судьбы занятыхъ греками турецкихъ острововъ въ Эгейскомъ морѣ, территоріальныхъ или иныхъ компенсацій за отдачу Скутари и участія союзниковъ съ правомъ голоса при обсужденіи финансовыхъ вопросовъ, вызванныхъ войною. Кабинеты находили неудобнымъ вносить въ мирное соглашеніе съ Турціею то, что отъ Турціи уже совершенно не зависитъ и что взялась устроить сама дипломатія съ точки зрѣнія общихъ интересовъ Европы. Неопредѣленное положеніе тянулось очень долго; оно было особенно тягостно для болгаръ, которые должны были по прежнему держать подъ ружьемъ значительную часть своихъ войскъ въ турецкихъ предѣлахъ, у Чаталджи. Главныя турецкія силы стояли еще противъ болгаръ, тогда какъ сербы и греки уже не имѣли предъ собою непріятеля; это различіе

обстоятельствъ давало большое преимущество скрытымъ противникамъ и недоброжелателямъ Болгаріи. Предсѣдатель лондонской конференціи пословъ, сэръ Эдуардъ Грей, категорически заявилъ балканскимъ делегатамъ 14 (27) мая, что дальнѣйшіе переговоры объ измѣненіи мирнаго договора не могутъ быть допущены и что уполномоченнымъ, не желающимъ дать свою подпись, не представляется надобности оставаться въ Лондонѣ. Подъ вліяніемъ этого суроваго ультиматума Греція и Сербія уступили, и 31 (18) мая состоялось, наконецъ, подписаніе мира представителями Турціи и союзныхъ балканскихъ государствъ. Такимъ образомъ удалось предотвратить заключеніе отдѣльнаго договора между Турціею и Болгаріею, что означало бы формальный развалъ балканскаго союза. Но союзъ, столь блистательно оправдавшій себя во время войны, не выдержалъ испытаній взаимнаго соперничества, когда дѣло дошло до дѣлежа добычи.

Македонія, которую пошли освобождать родственные славянскіе народы, сдѣлалась ихъ добычей: ее освободили отъ турецкаго ига только для того, чтобы разорвать на части и подѣлить между новыми завоевателями. Объ автономіи ея говорили и хлопотали до войны; теперь рѣчь идетъ о раздѣлѣ отнятыхъ у турокъ македонскихъ земель, какъ будто коренные жители этихъ земель не имѣютъ никакихъ собственныхъ національныхъ и человѣческихъ правъ. Сербскія войска, благодаря удачному ходу своихъ военныхъ операцій, заняли такія мѣстности, которыя по союзному договору должны бы ли принадлежать болгарамъ или признавались спорными; между тѣмъ, водворившись въ этихъ мѣстахъ, Сербія желаетъ сохранить ихъ за собою и въ этомъ отношеніи рѣшительно отказывается исполнить принятыя на себя договорныя обязательства. Болгарія, съ своей стороны, не можетъ примириться съ тѣмъ, чтобы отъ нея отошла западная часть Македоніи, съ городами Битолемъ (Монастырь), Прилѣпомъ и Охридой; она протестуетъ и противъ того, чтобы Салоники съ окрестностями остались за Греціею. Болгарія опирается не только на свое историческое право, но и на текстъ союзнаго договора 29 февраля 1912 года; Сербія ссылается на разныя общія соображенія и на реальныя условія войны, которыми будто бы измѣняется характеръ и обязательная сила состоявшихся соглашеній. Хуже всего то, что въ занятыхъ освободителями мѣстностяхъ примѣняются къ иноплеменнымъ и иноязычнымъ туземцамъ тѣ же жестокія мѣры насилія и произвола, какія практиковались турками относительно христіанъ. Сербы вытѣсняютъ и преслѣдуютъ болгарскихъ священниковъ, сажаютъ въ тюрьму обывателей, признающихъ се бя болгарами, ловятъ македонскихъ «четниковъ», какъ преступ-

никовъ, и распоряжаются нерѣдко по системѣ откровенныхъ башибузуковъ. Въ томъ же духѣ дѣйствуютъ и греки въ оккупированныхъ ими болгарскихъ областяхъ. Блестящія и сравнительно легкія побѣды, выпавшія на долю сербовъ, подняли ихъ національное самочувствіе до необыкновенно высокой степени; такъ же точно и, можетъ быть, даже въ большей мѣрѣ возвысилось патріотическое самомнѣніе болгаръ. И тѣ, и другіе увѣрены въ своемъ превосходствѣ надъ противниками и готовы съ легкимъ сердцемъ вступить въ кровавую братоубійственную борьбу ради завладѣнія спорной территоріею; объ этой невѣроятной борьбѣ и объ ея возможныхъ шансахъ спокойно разсуждаютъ публицисты обѣихъ странъ, ослѣпленные патріоты, бывшіе и настоящіе министры и государственные люди. Споръ былъ начатъ Сербіей и поддержанъ ея увлекающимся общественнымъ мнѣніемъ; онъ встрѣтилъ рѣзкій отрицательный пріемъ въ Болгаріи, гдѣ вообще не отнеслись къ союзникамъ съ достаточнымъ вниманіемъ и уваженіемъ. Военныя событія развивались въ такомъ направленіи, что болгарамъ нужна была помощь сербовъ подъ Адріанополемъ, а сербы не нуждались въ содѣйствіи болгаръ для выполненія своихъ самостоятельныхъ военно-политическихъ задачъ. И нельзя отрицать, что сербы благородно, безъ всякихъ ограничительныхъ условій и оговорокъ, исполняли свой долгъ союзниковъ и спѣшили оказать существенную поддержку болгарамъ и черногорцамъ повсюду, гдѣ это требовалось. Безъ ихъ вспомогательныхъ войскъ и ихъ осадной артиллеріи было бы едва ли достигнуто паденіе Адріанополя и Скутари. Поэтому болгары поступали несправедливо и неделикатно, когда пытались умалить роль и значеніе сербскаго участія въ дѣлахъ ѳракійскаго театра войны, выступая съ офиціальною полемикою противъ сербскихъ сообщеній. Съ этого и начиналось взаимное неудовольствіе и раздраженіе. Сербія сдѣлала для Болгаріи значительно больше, чѣмъ обязана была по договору, а болгарамъ пришлось сдѣлать для сербовъ гораздо меньше, чѣмъ было условлено: въ этомъ заключается источникъ сербскихъ притязаній на измѣненіе или болѣе широкое толкованіе договорныхъ условій соотвѣтственно измѣнившимся реальнымъ обстоятельствамъ войны. Болгары могли считать эту точку зрѣнія неправильною или ошибочною, но не имѣли основанія безусловно отвергать дружелюбное обсужденіе поднятаго вопроса. Сербы, какъ болѣе экспансивные по темпераменту, подробно и горячо выкладывали свои желанія и мотивы, тогда какъ болгары, сдержанные по натурѣ, молчаливо готовились къ отпору.

Разногласіе сразу приняло рѣзкій принципіальный характеръ, не допускающій компромисса. Сербское правительство сдѣлало ошибку,

изложивъ свои требованія публично въ народной скупщинѣ и закрывъ себѣ этимъ путь къ отступленію; оно слишкомъ понадѣялось на свои силы и не сочло нужнымъ прибѣгнуть къ русскому посредничеству, предусмотрѣнному въ союзномъ договорѣ. Предпринимала ли что-нибудь наша дипломатія для смягченія и мирнаго разрѣшенія возникшей распри? Въ Бѣлградѣ и Софіи давались, вѣроятно, разумные совѣты, но повидимому они не производили серьезнаго впечатлѣнія. Одно остается для насъ загадкою: Сербія не проявляла никакого безпокойства по поводу поведенія Австро-Венгріи въ случаѣ новой балканской войны. Можно ли, однако, сомнѣваться въ томъ, что австрійскія войска займутъ Новобазарскій санджакъ при первомъ-же выступленіи сербовъ въ походъ противъ Болгаріи? Неужели сербскіе патріоты надѣялись на сочувственный нейтралитетъ вѣнскаго кабинета? Не ясно ли для всякаго безпристрастнаго наблюдателя, что Сербія рисковала бы всѣми своими новѣйшими пріобрѣтеніями и даже всѣмъ своимъ политическимъ существованіемъ, еслибы вздумала воевать съ болгарами безъ предварительной сдѣлки съ Австро-Венгріею? А сдѣлка имѣла бы для австрійцевъ какой-нибудь смыслъ только на почвѣ уступки санджака; отдавать-же эту чисто сербскую область австрійцамъ для насильственнаго пріобрѣтенія спорныхъ болгарскихъ округовъ Македоніи было-бы явною нелѣпостью. Съ другой стороны, и Болгарія не могла бы спокойно отдаваться воинственному гипнозу относительно Сербіи, имѣя за своею спиною честолюбивую и недовольную Румынію,—не говоря уже о Турціи, которая также не преминула бы выдвинуть впередъ свою чаталджинскую армію при возникновеніи новыхъ крупныхъ междоусобій на Балканскомъ полуостровѣ. Независимо отъ опаснѣйшихъ практическихъ послѣдствій сербско-болгарскаго конфликта, самая мысль о кровавой борьбѣ между союзными народами изъ за дѣлежа добычи, послѣ недавнихъ совмѣстныхъ освободительныхъ усилій и жертвъ, заключаетъ въ себѣ какой-то кошмарный ужасъ.

Въ нашей печати дѣлались нѣкоторыя попытки склонить общественное мнѣніе въ ту или другую сторону въ возникшемъ балканскомъ спорѣ; но большинство нашихъ газетъ и журналовъ не признаетъ самой сущности спора и справедливо высказывается противъ тѣхъ, кто возбудилъ его и способствовалъ его обостренію. Бѣлградскій профессоръ А. Беличъ, находившійся недавно въ Петербургѣ, выступалъ у насъ съ докладами на публичныхъ собраніяхъ, стараясь доказать правоту сербской точки зрѣнія, и, кажется, не имѣлъ большого успѣха. Онъ обстоятельно изложилъ свои доводы въ спеціальной брошюрѣ, подъ заглавіемъ: «Сербы и болгары въ балканскомъ союзѣ» (съ пятью картами). По его словамъ, сербско-болгарскій

договоръ не имѣлъ въ виду ни участія другихъ союзниковъ въ войнѣ, ни окончательной коллективной расправы съ Турціею; въ договорѣ не было предусмотрѣно, что Сербія лишена будетъ возможности утвердиться въ Албаніи и что Болгарія окажется не въ состояніи помочь сербамъ своими войсками противъ австрійцевъ; поэтому «Сербія должна была безусловно отказаться отъ сопротивленія Австріи, что повлекло за собою потерю Албаніи». Позволительно однако сомнѣваться, имѣла ли Сербія какіе-либо шансы удержать Албанію въ случаѣ войны съ Австро-Венгріею, хотя бы при помощи Болгаріи: все таки справиться съ великой державой, одновременно съ войною противъ турокъ, было бы не подъ силу балканскимъ союзникамъ. Трудно также согласиться съ тѣмъ, что при заключеніи союзнаго договора не предвидѣлось противодѣйствіе Австріи занятію части албанскаго побережья сербами. Сербскіе политическіе дѣятели не могли не знать, какъ ревниво относятся Австро-Венгрія и Италія къ Адріатикѣ; они должны были опасаться даже гораздо большаго—военной оккупаціи санджака, на которую только случайно не рѣшились австрійцы. Впрочемъ, какъ утверждаетъ самъ г. А. Беличъ, «никогда и ни въ какомъ договорѣ невозможно предвидѣть всего, что за собою ведетъ его осуществленіе на дѣлѣ»; но отсюда было бы ошибочно дѣлать выводъ, что никакіе договоры не могутъ считаться обязательными при перемѣнѣ обстоятельствъ, которыми сопровождалось ихъ заключеніе. А между тѣмъ именно такой неожиданный выводъ дѣлаетъ проф. Беличъ. По его мнѣнію, такъ какъ война велась не двумя, а четырьмя союзными государствами, то нельзя опредѣлять ея результаты по указаніямъ одного лишь сербско-болгарскаго договора, а необходимо основываться на рѣшеніи всего балканскаго союза, въ связи съ реальными условіями и фактами, точно установленными и провѣренными. Только на такихъ основаніяхъ долженъ будто бы совершиться окончательный раздѣлъ завоеванной территоріи. Правда, въ существующемъ договорѣ проведена примѣрная сербско-болгарская граница въ спорной части Македоніи, причемъ «старательно указаны всѣ мѣста, города и урочища, черезъ которыя должна проходить эта граница»; но эти данныя будто бы не имѣютъ значенія для Сербіи, ибо они не соотвѣтствуютъ ея реальнымъ требованіямъ и интересамъ. Надо выяснить, «сколько кто изъ союзниковъ внесъ въ общее дѣло и какіе общіе результаты дали его военныя дѣйствія»; вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ принять во вниманіе экономическія и географическія условія, которыя «безъ опасности для жизни людей не могутъ быть противоестественно согласованы съ соображеніями дипломатовъ». Съ этой точки зрѣнія Сер-

бія,—продолжаетъ проф. Беличъ,—«останавливается только на тѣхъ границахъ, которыя для нея являются жизненной необходимостью. Въ зависимости отъ этого придется измѣнить до извѣстной степени ту линію, которая проведена въ сербско-болгарскомъ договорѣ. Но она будетъ измѣнена лишь настолько, насколько это обусловливается необходимостью солидныхъ границъ въ военно-стратегическомъ отношеніи и самой элементарной географическо-экономической нуждой». Сербія требуетъ, чтобы ея владѣнія соприкасались на югѣ съ греческими и чтобы между ними не врѣзывалась клиномъ болгарская земля; сербы должны владѣть обоими берегами Вардара вплоть до Салоникъ, ибо «для экономическаго существованія Сербіи, какъ независимаго государства, ей необходима своя желѣзная дорога до Солуня, на своей же территоріи», и эта необходимость особенно настоятельна послѣ закрытія для сербовъ выхода къ Адріатическому морю. Сербія «не можетъ отступить, и всякую попытку принудить ее отказаться отъ этого должна считать за покушеніе на свою самостоятельность» (стр. 53).

Проф. Беличъ приводитъ и историческія, и хозяйственно-географическія и всякія другія свѣдѣнія въ доказательство своего тезиса; но онъ забываетъ только объяснить, почему Сербія заключила съ Болгаріею договоръ, въ которомъ упущены изъ виду всѣ эти данныя. Передъ войною національно-экономическія, историческія и прочія обстоятельства были такія-же, какъ и послѣ войны, и если они безусловно требовали проведенія извѣстной границы для Сербіи, то это надо было установить и высказать при переговорахъ о союзѣ; перемѣна обстоятельствъ и условій войны совершилась или выяснилась также при самомъ началѣ военныхъ дѣйствій, и тогда же сербское правительство имѣло возможность потребовать соотвѣтственнаго измѣненія договора; но оспаривать обязательность заключеннаго договора на томъ основаніи, что онъ противорѣчитъ жизненнымъ интересамъ участника и не предусматриваетъ дѣйствительнаго хода событій,—болѣе чѣмъ странно. Политическіе и военные договоры для того и заключаются, чтобы ихъ добросовѣстно и своевременно исполняли, и если условія исполненія ихъ измѣняются на дѣлѣ подъ вліяніемъ требованій войны, то это еще не даетъ права возбуждать вопросъ о пересмотрѣ договора по окончаніи того предпріятія, ради котораго союзъ заключенъ. Сербія могла еще ставить свои условія или мѣнять ихъ, пока степень ея участія въ дѣлахъ болгарской арміи зависѣла отъ доброй воли сербскаго правительства и подлежала еще фактическому опредѣленію;—но мыслимо ли заднимъ числомъ, послѣ войны, передѣлывать или перетолковывать текстъ договора, устанавливающаго

условія совмѣстнаго веденія этой войны? Возбужденіе такого запоздалаго спора не можетъ быть ничѣмъ оправдано, и оно должно быть признано во всѣхъ отношеніяхъ крайне прискорбнымъ фактомъ.

Объясненія сербскаго министра-президента Пашича въ скупщинѣ, 15 (28) мая, мало чѣмъ отличались по существу отъ аргументовъ проф. А. Белича. Въ подробномъ отчетѣ, напечатанномъ въ нашихъ газетахъ, приводятся между прочимъ слова о томъ, что въ вопросѣ объ Адріатикѣ «Сербія должна была подчиниться и удалить свои войска, заявивъ, что за эту жертву она получитъ компенсацію въ другомъ мѣстѣ». Кому сдѣлано было это заявленіе о компенсаціи — Австро-Венгріи или другимъ великимъ державамъ? Можно ли было предполагать, что компенсація будетъ потребована на счетъ союзной Балгаріи? Однако, министръ-президентъ Пашичъ прямо утверждаетъ, что Сербія имѣетъ «право на компенсацію отъ Болгаріи за отказъ отъ самаго важнаго завоеванія»—албанскаго побережья. Эта мысль о компенсаціи отъ союзника за необходимость уступки давленію Австро-Венгріи и другихъ великихъ державъ до того поразительна, что нѣтъ возможности даже останавливаться на ней серьезно. Австро-Венгрія могла поступить еще хуже относительно Сербіи,—она могла занять своими войсками санджакъ; и въ этомъ случаѣ сербы также потребовали бы компенсаціи отъ своихъ союзниковъ? Австро-Венгрія относится вообще враждебно къ Сербіи и поддерживаетъ хорошія или безразличныя отношенія съ Болгаріею и Греціею; неужели за эту разницу отношеній должны отвѣчать предъ сербами ни въ чемъ не повинные союзники ихъ? Искусственно придуманная и замысловато излагаемая теорія г. Пашича относительно условій дѣйствительности международныхъ договоровъ не выдерживаетъ самой снисходительной критики. «Каждый договоръ,—говоритъ онъ,—основывается на извѣстныхъ гипотезахъ. Принимая во вниманіе существующія отношенія и политическую конъюнтуру, по мѣрѣ возможности стараются предвидѣть будущія событія. Если съ теченіемъ времени основа, на которой покоится договоръ, подвергнется измѣненіямъ, то необходимо подвергать пересмотру самый договоръ о союзѣ и примѣнять его къ новымъ обстоятельствамъ, если существуетъ желаніе сохранить его». Еслибы европейская дипломатія придерживалась такого взгляда, то всѣ международные договоры постоянно измѣнялись бы, и не существовало бы ни одного прочнаго союзнаго трактата или соглашенія. По словамъ г. Пашича, во время военныхъ дѣйствій обсужденіе спорныхъ вопросовъ избѣгалось «въ полномъ убѣжденіи, что послѣ войны будутъ сравнены предусмотрѣн-

ныя договоромъ и принесенныя въ дѣйствительности жертвы и затѣмъ согласно реальному положенію дѣлъ, будетъ произведенъ раздѣлъ завоеваннаго». Это «полное убѣжденіе» насчетъ будущаго точнаго разсчета существовало, очевидно, только со стороны Сербіи, и оно необходимо должно было быть доведено своевременно до свѣдѣнія Болгаріи, если сербы имѣли въ виду дѣйствовать корректно относительно союзниковъ. «Правительство,—разсуждаетъ сербскій министръ-президентъ,—«исполнило свой долгъ до конца, будучи убѣждено, что лойяльно и добросовѣстно принесенныя жертвы получатъ вознагражденіе. Не требуя во время войны награды за свои жертвы, Сербія спокойно ожидала благопріятнаго момента, чтобы привести ихъ въ согласіе съ общими интересами. Факты, на которыхъ основываются договоръ о союзѣ и военная конвенція, въ такой мѣрѣ измѣнились, что единственно незатронутымъ пунктомъ осталась демаркаціонная линія въ Македоніи, проведенная по гипотетическимъ даннымъ, предусмотрѣннымъ въ договорѣ. Вполнѣ логично, что эта линія должна также подвергнуться измѣненіямъ. Не можетъ сохраниться одно обязательство, когда всѣ другіе пункты и обязательства видоизмѣнены или совершенно упразднены». Подобный способъ толкованія договоровъ, кажется, никогда еще не предлагался правительствомъ какой-бы то ни было державы въ Европѣ. Надежды и предположенія одной изъ сторонъ не могутъ, конечно, признаваться обязательными для другихъ участниковъ союза, и всѣ указываемыя г. Пашичемъ разногласія въ пониманіи союзнаго договора убѣждаютъ только въ необходимости передачи всего спора на рѣшеніе авторитетнаго третейскаго суда. Это единственный разумный выходъ изъ создавшагося натянутаго и опаснаго политическаго положенія на Балканскомъ полуостровѣ.

Въ сообщеніи министра-президента упоминаются еще дипломатическіе инциденты, имѣющіе характеръ анекдотовъ. Оказывается, что «во время переговоровъ объ албанской автономіи и очищеніи сербскими войсками побережья Сербіи предлагалась вся долина Вардара вмѣстѣ съ Салониками, если она добровольно откажется отъ Адріатическаго побережья». Хотя это предложеніе было для Сербіи очень выгодно,—прибавляетъ г. Пашичъ,—«она отказалась отъ него, такъ какъ знала, что оно противно интересамъ союзниковъ». Спрашивается: кто могъ предлагать Сербіи территорію, надъ которою ни одна изъ великихъ державъ никакой власти не имѣла? И какую цѣну имѣло предложеніе, исходившее отъ какого-нибудь отдѣльнаго дипломата или кабинета, если оно не могло разсчитывать на поддержку отъ имени всей Европы? Ясно, что никому не принадлежало право вмѣшиваться въ распредѣленіе балканскихъ земель

между союзными государствами, и о подобномъ постороннемъ вмѣшательствѣ, направленномъ противъ Болгаріи, не могло быть и рѣчи. Поэтому и невелика заслуга отказа отъ такого коварнаго, но неосуществимаго предложенія. Сербское правительство мужественно устояло и противъ другого соблазна: «Сербіи было сообщено, что ея интересы требуютъ, чтобы она не оказывала помощи болгарамъ для полученія ими Адріанополя и территоріи Ѳракіи, ибо Сербія уже не можетъ пріобрѣсть больше торрiторіи, чѣмъ предусмотрѣно. Однако, Сербія не послѣдовала и этимъ совѣтамъ, такъ какъ она была увѣрена, что лойяльная, хотя не обязательная помощь должна быть признана и вознаграждена». Но судьба кампаніи рѣшалась на поляхъ Ѳракіи и подъ Адріанополемъ, и, чтобы ускорить окончательное торжество союзниковъ надъ Турціею, надо было оказать помощь болгарамъ на ѳракійскомъ театрѣ войны, что и сдѣлала Сербія не только для пользы балканскаго союза, но и въ собственныхъ своихъ интересахъ. Таинственные противоположные совѣты, которые давались ей неизвѣстно кѣмъ, клонились явно къ растройству взаимныхъ отношеній между союзниками и могли быть внушены только врагами Сербіи.

Если оставить въ сторонѣ всю запутанную аргументацію сербскаго министра-президента и взять только ея реальную основу, то получится впечатлѣніе какой-то глубокой неудовлетворенности со стороны Сербіи—неудовлетворенности, съ которою должна считаться Болгарія. Безспорные факты говорятъ въ пользу нравственнаго права Сербіи на существенныя уступки со стороны болгаръ, безъ ущерба для прочности союза и безъ всякихъ попытокъ произвольнаго истолкованія союзнаго договора. Несомнѣнно, что въ законченной только что войнѣ Сербія гораздо больше сдѣлала для Болгаріи, чѣмъ Болгарія для Сербіи, и что въ результатѣ Сербія получила несравненно меньше, чѣмъ Болгарія; поэтому простое чувство справедливости должно побудить болгаръ пойти на встрѣчу обиженнымъ и недовольнымъ союзникамъ, столь самоотверженно исполнявшимъ свой долгъ на поляхъ сраженій подъ Адріанополемъ. Вмѣсто раздражающей полемики и несостоятельной казуистики, можно было поставить вопросъ на почву дружескаго обмѣна мнѣній, способнаго привести къ желанному компромиссу. Такое разумное направленіе дано непріятному спору свиданіемъ двухъ министровъ-президентовъ, Гешова и Пашича, 20 мая, въ Царибродѣ. На этомъ свиданіи рѣшено было созвать съѣздъ руководящихъ министровъ четырехъ балканскихъ государствъ для обсужденія и рѣшенія вопросовъ, касающихся размежеванія завоеванныхъ территорій между союзниками. Опасность междоусобныхъ столкновеній на Балканахъ пока устранена,

и надо надѣяться, что она никогда больше не возникнетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ послѣднюю минуту, когда страсти разгорѣлись въ Бѣлградѣ и Софіи, русская дипломатія съ большею энергіею вмѣшалась въ дѣло и способствовала успѣху проекта министерскихъ конференцій, предложеннаго первоначально Сербіею и Греціею. Послѣ формальнаго заключенія мира съ Турціею предстоитъ теперь положить основаніе прочному внутреннему миру между различными народностями въ бывшихъ владѣніяхъ Европейской Турціи.

Приводимъ текстъ мирнаго договора, подписаннаго въ Лондонѣ 18 (31) мая уполномоченными турецкаго султана и союзныхъ балканскихъ государствъ:

«Ст. 1. Съ обмѣномъ ратификацій настоящаго договора миръ и дружественныя отношенія наступаютъ между его величествомъ турецкимъ султаномъ, съ одной стороны, и ихъ величествами союзными государями, съ другой стороны, а также между ихъ наслѣдниками и преемниками, ихъ государствами и народами на вѣчныя времена.

«Ст. 2. Его императорское величество султанъ передаетъ ихъ величествамъ союзнымъ государямъ всѣ земли своей имперіи на европейскомъ материкѣ на западъ отъ линіи, идущей отъ Эноса на Эгейскомъ морѣ до Мидіи на Черномъ морѣ, за исключеніемъ Албаніи. Точная граница отъ Эноса до Мидіи будетъ установлена особой комиссіей.

«Ст. 3. Его императорское величество султанъ и ихъ величества союзные государи заявляютъ, что задачу обезпеченія границъ Албаніи и рѣшеніе всѣхъ другихъ вопросовъ объ Албаніи они предоставляютъ его величеству германскому императору, его величеству императору австрійскому, королю венгерскому, президенту французской республики, его величеству королю великобританскому и ирландскому, императору Индіи, его величеству королю итальянскому и Его Величеству Императору Всероссійскому.

«Ст. 4. Его императорское величество султанъ объявляетъ, что онъ уступаетъ ихъ величествамъ союзнымъ государямъ островъ Критъ и отказывается въ ихъ пользу отъ всѣхъ своихъ правъ на этомъ островѣ.

«Ст. 5. Его императорское величество султанъ и ихъ величества союзные государи заявляютъ, что они ввѣряютъ его величеству императору германскому, его величеству императору австрійскому, королю венгерскому, президенту французской республики, его величеству королю великобританскому и ирландскому, императору Индіи, его величеству королю итальянскому и Его Величеству Императору Всероссійскому—заботу принять мѣры относительно

судьбы всѣхъ оттоманскихъ острововъ на Эгейскомъ морѣ, за исключеніемъ Крита и полуострова горы Аѳонъ.

«Ст. 6. Его императорское величество султанъ и ихъ величества союзные государи заявляютъ, что забота объ урегулированіи вопросовъ финансоваго характера, проистекающихъ изъ оконченной войны, а также изъ передачи вышеупомянутыхъ земель, ими предоставляется международной комиссіи, созываемой въ Парижѣ, для каковой ими назначены уполномоченные.

«Ст. 7. Вопросы о военноплѣнныхъ, о юрисдикціи, о національности и торговлѣ имѣютъ быть разрѣшены особыми соглашеніями».

Свиданіе монарховъ въ Берлинѣ, 21—22 мая нов. ст., по случаю бракосочетанія единственной дочери императора Вильгельма II съ представителемъ ганноверской династіи Вельфовъ, герцогомъ Кумберлендскимъ и Брауншвейгскимъ, не имѣло, конечно, крупнаго политическаго значенія, но должно было косвенно отразиться и на мирныхъ усиліяхъ дипломатіи по отношенію къ балканскому кризису. Говорили, что изъ германской столицы были посланы въ Софію и Бѣлградъ настойчивые совѣты не принимать никакихъ рискованныхъ рѣшеній безъ вѣдома великихъ державъ, и что эти совѣты оказали свое дѣйствіе на правительственныя сферы обѣихъ странъ. Въ то-же время сдѣлано было кое-что и для политическаго сближенія между Германіею и Англіею, въ связи съ успѣшнымъ ходомъ переговоровъ относительно багдадской желѣзной дороги и Персидскаго залива.

За нѣсколько дней до этого съѣзда монарховъ состоялся интересный «примирительный» съѣздъ французскихъ и нѣмецкихъ парламентскихъ дѣятелей въ Бернѣ. Въ Швейцарію прибыло около 45 нѣмецкихъ и 180 французскихъ парламентаріевъ, преимущественно изъ радикаловъ и соціалистовъ; присутствовали между прочимъ Жоресъ, д'Этурнелль де-Констанъ, Бебель, Бернштейнъ, Либкнехтъ, Шейдеманнъ. Съѣздъ единогласно принялъ резолюцію, рѣшительно осуждающую возбужденіе и поддержаніе искусственнаго антагонизма между обѣими сосѣдними націями и подтверждающую недавнее заявленіе эльзасско-лотарингскаго парламента о недопустимости идеи о войнѣ изъ-за Эльзаса-Лотарингіи. Собраніе высказалось далѣе за обязательное примѣненіе началъ третейскаго суда во всѣхъ безъ изъятія конфликтахъ между обоими государствами, за необходимость постепеннаго сокращенія вооруженій въ будущемъ и за періодическое повтореніе подобныхъ примирительныхъ съѣздовъ,

организація которыхъ возлагается на особый комитетъ, состоящій изъ трехъ французовъ и трехъ нѣмцевъ. Этотъ замѣчательный опытъ международнаго сближенія, предпринятый при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, подъ гнетомъ взаимнаго недовѣрія и неустанной національно-патріотической газетной травли, показалъ наглядно, что лучшія умственныя силы народовъ имѣютъ очень мало общаго съ стремленіями милитаризма и солидарнаго съ нимъ привилегированнаго военнаго класса, столь могущественнаго въ Германіи и Австро-Венгріи.

Новые военные законопроекты не такъ легко проходятъ во Франціи, какъ въ Германіи. Нѣмцы охотно мирятся съ самыми тяжелыми матеріальными жертвами, когда онѣ признаются необходимыми для внѣшней безопасности имперіи; нѣмецкій патріотизмъ соперничаетъ съ нѣмецкою довѣрчивостью по отношенію къ правящему классу. Чуть ли не ежегодно вносятся въ парламентъ программы новыхъ военныхъ затратъ и сооруженій, и каждый разъ послушное большинство вотируетъ все, что требуется правительствомъ. Французы, быть можетъ, даже сильнѣе нѣмцевъ интересуются вопросами военной обороны, но они привыкли критически относиться къ предлагаемымъ реформамъ и придаютъ сравнительно мало значенія проектамъ увеличенія численности арміи.

Законъ о трехлѣтнемъ срокѣ военной службы казался на первый взглядъ единственнымъ возможнымъ и разумнымъ отвѣтомъ на устрашающія германскія вооруженія, но вскорѣ онъ встрѣтилъ энергическую оппозицію въ широкихъ слояхъ французской демократіи. Радикалы-соціалисты и «объединенные соціалисты» рѣшительно возстали противъ попытки возстановить прежнюю систему воинской повинности, отдѣлявшей армію отъ народа; они желали бы еще болѣе приблизить военную организацію къ народной милиціи, и на этой почвѣ разгорѣлась жестокая полемика въ печати и въ парламентѣ. Особенно горячіе протесты вызваны рѣшеніемъ правительства оставить подъ знаменами контингенты, отслужившіе свои два года и подлежавшіе уже освобожденію съ сентября; этой предварительной мѣрой, одобренной парламентомъ, какъ будто предрѣшался принципіальный вопросъ о трехлѣтнемъ, срокѣ службы. Оппозиція обвиняла министерство Барту-Этьенна въ солидарности съ реакціонными буржуазно-клерикальными элементами; умѣренные республиканцы упрекали противниковъ въ недостаткѣ патріотизма. Возбужденное настроеніе чувствовалось и въ арміи, гдѣ соціалисты издавна вели дѣятельную антимилитаристскую пропаганду; въ нѣкоторыхъ гарнизонахъ—въ Тулѣ, Бельфорѣ, Ма-

конѣ, Дижонѣ, Родезѣ—вспыхнули серьезные военные безпорядки, потребовавшіе примѣненія крутыхъ карательныхъ мѣръ. Военные бунты не оправдываются и соціалистами, но послѣдніе стоятъ на той точкѣ зрѣнія, что люди, зачисленные въ армію, не теряютъ своихъ гражданскихъ и политическихъ правъ, и что они могутъ высказывать свои мнѣнія и желанія, безъ ущерба для военной дисциплины. Такъ какъ соціалистическая партія составляетъ вполнѣ легальную и вліятельную силу въ политической жизни Франціи, то съ нею должны поневолѣ считаться и либералы, и консерваторы, и обычные призывы патріотическихъ газетъ къ суровому преслѣдованію антимилитаристовъ не имѣютъ подъ собою почвы, пока дѣло идетъ о мирномъ обсужденіи желательныхъ реформъ, хотя бы самыхъ радикальныхъ.

Въ Бельгіи рабочій классъ принимаетъ дѣятельное и отчасти руководящее участіе въ борьбѣ за всеобщее избирательное право. Десятидневная всеобщая политическая забастовка, съ 14 до 24 апрѣля (нов. ст.), была предпринята спеціально для того, чтобы побудить правительство и парламентское большинство признать необходимость избирательной реформы; около четырехсотъ тысячъ рабочихъ прекратили занятія въ разныхъ отрасляхъ промышленности, и эта остановка производства, обошедшаяся странѣ въ 50 или 60 милліоновъ, сломила упорство клерикаловъ: парламентской комиссіи по вопросамъ мѣстнаго самоуправленія предоставлено было обсудить условія пересмотра общаго избирательнаго закона. Вождь клерикальной партіи, Вестъ, отступилъ отъ своей прежней непримиримой позиціи и выразилъ согласіе на принципіальное обсужденіе вопроса; министръ-президентъ де-Броквилль подтвердилъ эту готовность въ палатѣ депутатовъ, и палата съ своей стороны одобрила заявленіе правительства. Въ концѣ мая избрана предположенная комиссія въ составѣ двѣнадцати депутатовъ, трехъ сенаторовъ, двухъ провинціальныхъ губернаторовъ, девяти университетскихъ профессоровъ, пяти высшихъ чиновниковъ, двухъ промышленниковъ и одного провинціальнаго совѣтника. Изъ соціалистовъ участвуетъ въ комиссіи Вандервельде, изъ ученыхъ—профессоръ Пренсъ, соціологъ де-Грефъ и другіе. Повидимому, вопросъ будетъ изслѣдованъ основательно и всесторонне. Для рабочаго класса этотъ первый шагъ къ реформѣ является весьма цѣннымъ доказательствомъ того, что искусственная парламентская система, поддерживающая клерикальный режимъ въ теченіе двадцати девяти лѣтъ, не выдержитъ единодушнаго и систематическаго напора демократіи.

ДВѢ СМЕРТИ.

Нынѣшняя весна надолго останется памятной бельгійской демократіи, не благодаря одному полууспѣху общей стачки, затѣянной съ цѣлью добиться всеобщаго права голосованія, или вѣрнѣе, отмѣны выросшихъ на немъ наростовъ и, прежде всего, системы множественности голосовъ, обезпечивающей перевѣсъ деревенскому населенію надъ городскимъ, не вполнѣ грамотному крестьянству Фландріи надъ рабочими классами большихъ городовъ. Сторонники народоправства Бельгіи будутъ вспоминать только что пережитый ими кризисъ еще потому, что въ разгаръ его умеръ испытанный вождь радикаловъ, ближайшій виновникъ измѣненія бельгійской конституціи въ направленіи, благопріятномъ запросу массъ на политическое равноправіе. Я разумѣю Поля Жансонъ, мастера слова, нерѣдко называемаго поэтому «бельгійскимъ Гамбеттой».

Не прошло и мѣсяца, со времени прекращенія всеобщей стачки, и вотъ уходитъ въ могилу другой испытанный совѣтникъ бельгійскихъ рабочихъ, депутатъ и профессоръ Гекторъ Дени.

Въ годы посѣщенія мною Брюсселя для чтенія лекцій въ его «Новомъ Университетѣ» мнѣ пришлось познакомиться съ обоими вождями.

Жансонъ принадлежалъ къ составу преподавателей одной со мною высшей школы, Гекторъ Дени, хотя и продолжалъ читать лекціи въ старомъ Брюссельскомъ университетѣ, въ такъ называемомъ «Свободномъ», но по прежнему считался другомъ и отчасти вдохновителемъ тѣхъ, кто выступилъ въ роли отщепцевъ и создалъ новую, въ ихъ глазахъ болѣе независимую, научную трибуну.

Первое мое посѣщеніе Брюсселя совпало съ производствомъ новыхъ выборовъ. Это доставило мнѣ возможность слышать Жансона на избирательныхъ собраніяхъ вмѣстѣ съ другими, болѣе молодыми ораторами демократическихъ партій.

Манера его показалась мнѣ нѣсколько старомодной. Красивый и звучный французскій языкъ не терялъ нимало своей прелести въ устахъ бельгійца, получившаго, повидимому, свое образованіе во Франціи или подъ руководствомъ учителей французовъ. Особаго акцента, отъ котораго не сумѣли избавиться многіе выдающіеся профессора обоихъ Брюссельскихъ университетовъ, у Жансона не

было и слѣда. Его рѣчь богата была образами, неожиданными сопоставленіями и часто переходила отъ нѣжныхъ тоновъ къ громовымъ эффектамъ. Каждый слушавшій его навѣрное бы сказалъ, что Жансонъ много читалъ Виктора Гюго и въ своемъ «витійствѣ» не порывалъ съ традиціей 1848 года. Той дѣловитости и простоты, какой отличаются рѣчи Вандервельде, у Жансона нельзя было найти. Но безупречность языка, красивое построеніе фразъ, вѣроятно, напередъ придуманныя словечки, наконецъ, неподдѣльный пафосъ подымали его на высоту міровыхъ ораторовъ. Нашъ соотечественникъ Вырубовъ ставилъ его не только рядомъ, но выше Гамбетты. Изъ современниковъ съ нимъ могъ поспорить въ ораторскомъ искусствѣ одинъ только Жоресъ.

Кумиръ толпы, Жансонъ поражалъ простотою и благодушіемъ своего обращенія. Онъ охотно дѣлился мыслями со своими товарищами и не отказывалъ имъ въ своихъ добрыхъ совѣтахъ. Когда я взялся написать статью о бельгійской конституціи для сборника, затѣяннаго княземъ Петромъ Долгорукимъ и И. Петрункевичемъ, я счелъ нужнымъ запросить моихъ брюссельскихъ друзей по многимъ вопросамъ, связаннымъ съ современными политическими порядками ихъ родины. Въ числѣ первыхъ, отвѣтившихъ мнѣ на такіе запросы, былъ Жансонъ. Я воспроизвелъ его замѣтку полностью въ моей статьѣ, которая по всей вѣроятности не утратитъ своего значенія именно по этой причинѣ. Вѣдь не безразлично будетъ знать, какъ относился виновникъ конституціи 1893 г. къ допущеннымъ ею несовершенствамъ. Жансонъ былъ такъ занятъ политикой и адвокатурой, что у него, въ отличіе отъ другого выдающагося политическаго дѣятеля и писателя Бельгіи, Эдмонда Пикара почти не оставалось времени для лекцій. Пропускалъ онъ ихъ многое множество, и, видя, что такой бѣдѣ не настанетъ конца, онъ съ горечью отказался отъ кафедры. Да и не его дѣло было систематическое преподаваніе гражданскихъ законовъ. Ораторъ по тому самому еще не можетъ считать себя хорошимъ педагогомъ. Онъ былъ созданъ не для будничной работы. Импровизаторъ по преимуществу, онъ по тому самому былъ неровенъ и отражалъ на себѣ переживаемыя имъ настроенія.

Полную противоположность съ нимъ въ этомъ отношеніи представлялъ Гекторъ Дени. Это былъ прежде всего ученый,—статистикъ, экономистъ и соціологъ, испытавшій на себѣ опредѣляющее вліяніе двухъ весьма несходныхъ между собою людей: Огюста Конта и Прудона.

Дени не могъ знать Конта лично (судя по возрасту онъ только немногими годами былъ старше меня). Къ положительному мышленію

въ области общественныхъ наукъ пріучилъ его, какъ и Де-Грефа, ихъ общій соотечественникъ Кеттлэ. Не даромъ же бельгійцы вообще и Де-Грефъ, въ частности, ставятъ творца современной статистики въ тріаду тѣхъ людей, которые создали современную соціологію: Кеттлэ, Контъ, Спенсеръ. Стремленіе къ цифровой опредѣленности не покидало Гектора Дени и тогда, когда въ бельгійской палатѣ ему приходилось выступать въ роли не столько докладчика, сколько критика офиціальныхъ сообщеній отъ имени оппозиціи. Многіе изъ бельгійскихъ законодателей съ улыбкой говорили мнѣ, что стоило только Дени взойти на трибуну съ обширнымъ досье въ рукахъ, какъ скамьи пустѣли въ мгновеніе ока. Въ стенографическомъ отчетѣ его краснорѣчіе дѣйствовало менѣе удручающе, а поучительность его долго подготовляемыхъ рѣчей была такова, что Брюссельская академія, не взирая на радикализмъ и даже соціализмъ его воззрѣній, призвала его подъ конецъ въ свою среду, цѣня въ немъ не только ученаго автора исторіи экономическихъ доктринъ, но и единственнаго въ своемъ родѣ оратора-статистика.

Кто, подобно мнѣ, зналъ лично Гектора Дени, навсегда сохранитъ объ немъ память очаровательнаго собесѣдника и добрѣйшаго человѣка, всегда готоваго притти на выручку своихъ пріятелей. По природѣ своей онъ былъ человѣкомъ широкой фантазіи, способнымъ поэтому оцѣнить всю смѣлость метафизическаго полета, какой отличался талантливѣйшій изъ французскихъ соціалистовъ Прудонъ. Продолжительное пребываніе послѣдняго въ Бельгіи, куда онъ прибылъ съ цѣлью избѣжать тюрьмы, дало возможность цѣлой группѣ молодыхъ и талантливыхъ бельгійскихъ писателей сблизиться съ авторомъ «Экономическихъ противорѣчій» и навсегда проникнуться его воззрѣніями.

Дени остался вѣренъ Прудону до смерти и въ числѣ немногихъ, уцѣлѣвшихъ членовъ alliance démocratique, продолжалъ относиться отрицательно къ Карлу Марксу не столько за его «Капиталъ», сколько за «Нищету философіи—отвѣтъ на «философію нищеты»—этотъ безжалостный памфлетъ, впервые сразившій Прудона.

Мнѣ пришлось однажды слышать въ старомъ университетѣ Брюсселя лекціи Гектора Дени о Прудонѣ. Это было не столько систематическое изложеніе знаменитой теоріи взаимности (mutualité'), къ которой сводится доктрина великаго «самоучки», сколько защита его по всѣмъ пунктамъ и отъ всѣхъ нападокъ какъ современниковъ, такъ и потомства.

Такимъ же апологетомъ, на этотъ разъ Конта, выступилъ Гекторъ Дени въ день открытія памятника безсмертному автору «По-

жительной философіи». Послѣдователь Литтре едва-ли въ состояніи одобрить все имъ сказанное и о субъективномъ методѣ въ соціологіи, и о религіи человѣчества. Не даромъ контисты предпочли возложить на Дени завидную обязанность почтить рѣчью основателя соціологіи, обходя своимъ вниманіемъ ближайшаго сотрудника Литтре въ изданіи «Обозрѣнія Положительной Философіи», Григорія Николаевича Вырубова.

Въ послѣдній разъ я встрѣтился съ Дени на выставкѣ въ Льежѣ. Онъ такъ огорошенъ былъ въ это время переходомъ Вандервельда въ число сторонниковъ удержанія Бельгіей Конго, что, не обращаясь даже къ обычному привѣтствію: Comment vas-tu, началъ обсыпать меня цифрами, не оставлявшими, по крайней мѣрѣ, въ его умѣ сомнѣнія, что Конго станетъ могилою бельгійской демократіи. Пророчество, къ счастью, не сбылось. Гекторъ Дени до конца остался, не смотря на разочарованіе, убѣжденнымъ борцомъ за лучшее будущее, и бельгійская демократія, вѣроятно, отнесется къ его памяти съ тою же почтительной торжественностью, съ какой она проводила тѣло Поля Жансона въ самый разгаръ недавняго стачечнаго движенія.

Съ береговъ Невы и я шлю сегодня привѣтъ этому дорогому и незабвенному товарищу, такъ много послужившему и обществознанію, и законодательной борьбѣ въ интересахъ свободы и справедливости.

Максимъ Ковалевскій

ПАМЯТИ В. М. СОБОЛЕВСКАГО.

Въ ночь съ 9-е на 10-е мая въ Гаграхъ скончался, какъ сообщилъ телеграфъ, отъ паралича сердца Василій Михайловичъ Соболевскій, издатель и многолѣтній редакторъ «Русскихъ Вѣдомостей». Часто хворавшій въ послѣднее время и нѣсколько одряхлѣвшій, онъ болѣлъ недѣли три,—по опредѣленію одного изъ мѣстныхъ врачей, инфлуэнціей, по мнѣнію другого — брюшнымъ тифомъ,—но до послѣдняго дня оставалась надежда на благополучный исходъ болѣзни. «Еще днемъ 9-го мая,—сообщаютъ «Русскія Вѣдомости»,—мы получили телеграму, которая говорила о томъ, что болѣзнь

идетъ нормальнымъ порядкомъ, что врачи ждутъ улучшенія. Но уже къ вечеру стали поступать извѣстія одно тревожнѣе другого»...

В. М. Соболевскій родился въ 1846 году, въ дворянской семьѣ Орловской губерніи и получилъ воспитаніе въ пансіонѣ Циммермана въ Москвѣ, извѣстномъ въ то время по образцовой постановкѣ преподаванія вообще и въ частности языковъ, какъ классическихъ, такъ и новыхъ. По окончаніи курса средней школы онъ поступилъ въ Московскій университетъ. Я сблизился съ нимъ еще во времена студенчества; мы познакомились у А. П. Лукина, сотрудничавшаго тогда, въ 1867 году, въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и популярнаго среди насъ, молодежи, автора «Барыни Анны Ивановны», помѣщенной въ «Современникѣ». В. М. Соболевскій жилъ въ то время у профессора Ѳ. М. Дмитріева, одного изъ самыхъ выдающихся тогдашнихъ преподавателей на юридическомъ факультетѣ Московскаго университета, автора извѣстной «Исторіи судебныхъ инстанцій». Ѳ. М. Дмитріевъ читалъ курсъ т. наз. конституціоннаго права, которое, какъ извѣстно, было изъято потомъ изъ программы университетскаго преподаванія; онъ входилъ въ кружокъ С. М. Соловьева и былъ особенно близокъ съ Б. Н. Чичеринымъ. Находясь въ общеніи съ самыми выдающимися людьми этого круга, Соболевскій имѣлъ возможность съ юныхъ лѣтъ жить научными и литературными интересами того времени. Онъ окончилъ курсъ по юридическому факультету въ 1869 г., одновременно со мной и, затѣмъ, почти одновременно же со мной въ 1871 г. былъ приглашенъ М. Н. Капустинымъ, директоромъ только что реформированнаго Демидовскаго юридическаго лицея, бывшимъ профессоромъ Московскаго университета въ число преподавателей лицея. Василій Михайловичъ получилъ отъ министерства народнаго просвѣщенія заграничную командировку для подготовленія къ профессорскому званію, по каѳедрѣ финансовой науки. Лѣтній семестръ онъ провелъ въ Вѣнѣ, гдѣ посѣщалъ лекціи, между прочимъ, Лоренца-фонъ-Штейна, затѣмъ онъ прожилъ зимній семестръ въ Боннѣ, гдѣ слушалъ лекціи Нассе и Гельда, потомъ провелъ нѣкоторое время въ Лондонѣ, гдѣ занимался въ Британскомъ музеѣ, и, наконецъ, послѣднее время предъ возвращеніемъ въ Россію онъ жилъ и работалъ въ Парижѣ.

Соболевскій началъ чтеніе лекцій въ Демидовскомъ лицеѣ въ 1873 г. Живя въ Ярославлѣ, онъ, какъ человѣкъ общительный и задушевный, былъ въ самыхъ лучшихъ товарищескихъ отношеніяхъ со всѣми профессорами, но все же стоялъ въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ профессору Н. Л. Дювернуа и испыталъ на себѣ, подобно всѣмъ намъ, лицейскимъ преподавателямъ, благотворное вліяніе Е. И. Якушкина. Захворавъ въ 1875 году, В. М. переселяется въ Москву

и принимаетъ приглашеніе редактора «Русскихъ Вѣдомостей» Н. С. Скворцова участвовать въ газетѣ, въ составъ сотрудниковъ которой входили тогда люди близкіе А. И. Чупрову, за годъ передъ тѣмъ занявшему каѳедру въ Московскомъ университетѣ. Къ этому времени относится и установленіе программы газеты.

Участвуя сперва въ качествѣ талантливаго сотрудника, В. М. является авторомъ превосходно написанныхъ статей по разнообразнымъ вопросамъ внутренней и внѣшней политики. Затѣмъ, въ отвѣтственной роли руководителя газеты и представителя кружка, къ которому перешли «Русскія Вѣдомости» послѣ смерти Н. С. Скворцова, Соболевскій оказалъ огромныя услуги этому изданію, и можно сказать, — нашей печати вообще. Отмѣчая, что около 40 лѣтъ В. М. работалъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и больше 30 лѣтъ былъ ихъ редакторомъ, — нынѣшняя редакція газеты говоритъ, что «всѣмъ хорошимъ, что есть въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», они прежде всего и больше всего обязаны Василію Михайловичу». Широко образованный, съ развитыми художественными вкусами, цѣнитель живописи и сцены, онъ обладалъ большимъ тактомъ и умѣлъ привлекать къ сотрудничеству самыя выдающіяся литературныя силы. Призванный работать въ качествѣ публициста въ тотъ слишкомъ длительный періодъ, когда приходилось вести упорнѣйшую борьбу съ могущественными реакціонными элементами, непримиримыми противниками великихъ реформъ, онъ стоялъ твердо въ рядахъ убѣжденныхъ защитниковъ началъ свободы и равенства. Онъ сумѣлъ провести изданіе въ самое тяжелое время глухой и безпросвѣтной реакціи. Въ его редакторство газетѣ пришлось пережить гнетъ не одной, а двухъ цензуръ; ей пришлось имѣть дѣло съ тяжелой петербургской цензурой Главнаго Управленія по дѣламъ печати и, рядомъ съ этой, съ еще болѣе тяжелой цензурой въ Москвѣ, во времена генералъ-губернаторства великаго князя Сергѣя Александровича. Соболевскому удалось сохранить газету, не поступившись своими принципами.

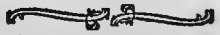
Отстаивая необходимость признанія равноправія гражданъ и настоятельность введенія учрежденій, гарантирующихъ свободное развитіе личности и ея неприкосновенность, газета, руководимая имъ, стояла неуклонно, какъ и при Скворцовѣ, на стражѣ интересовъ широкихъ массъ населенія: она энергично охраняла интересы крестьянства и рабочаго класса. Огромная заслуга В. М., какъ редактора, заключалась и въ томъ еще, что «Русскія Вѣдомости», пользующіяся издавна репутаціей газеты сухой, доктринерской, никогда не измѣняли своему строгому тону и никогда не спускались до печатанія «увеселительныхъ темъ» и относились

всегда съ величайшей осторожностью къ печатанію всякихъ сенсаціонныхъ слуховъ и свѣдѣній, могущихъ бросить хотя бы только тѣнь на чье либо доброе имя.

Въ письмѣ покойнаго А. И. Чупрова, написанномъ Соболевскому изъ Мюнхена по поводу 25-лѣтія его редакторства, еще въ 1907 г. и напечатанномъ нынѣ («Русскія Вѣдомости», № 108), мы читаемъ: «Лишенная всякихъ внѣшнихъ прикрасъ, наша газета подчасъ признавалась скучной, но тѣмъ не менѣе публика съ каждымъ годомъ стремилась къ ней все больше и больше, явно предпочитая ее другимъ, которыя, казалось бы, велись живѣе и развязнѣе. Въ чемъ же здѣсь секретъ? Въ томъ, на мой взглядъ, что редакція всегда заботилась прежде всего о дѣльности содержанія, поручая разработку каждаго вопроса людямъ наиболѣе въ немъ компетентнымъ, что мнѣнія, высказываемыя въ газетѣ, всегда были честны и искренни, всегда свободны отъ какихъ бы то ни было чуждыхъ вліяній и постороннихъ интересовъ. Въ нашемъ отечествѣ народился читатель, который всего дороже цѣнитъ эту добросовѣстность и независимость убѣжденій и изъ-за нихъ готовъ помириться съ недостаткомъ заурядной бойкости. Въ томъ, что газета удержалась на этомъ пути, заключается великая твоя заслуга. Ты сумѣлъ объединить сотрудниковъ въ цѣлесообразной работѣ. Влагая всю свою душу въ газетное дѣло, ты и у другихъ возбуждалъ къ нему живой интересъ, а своимъ гуманнымъ и полнымъ такта отношеніемъ къ ихъ работѣ поощрялъ энергію.»

Смерть В. М. Соболевскаго наноситъ глубокую рану въ сердца всѣхъ, кто группируется около «Русскихъ Вѣдомостей». Она уноситъ изъ ихъ среды человѣка даровитаго, убѣжденнаго и рѣдкой доброты.

А. Посниковъ.



ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Распространеніе на Финляндію дѣйствія имперскихъ уголовныхъ законовъ и юрисдикціи имперскихъ судовъ.—Попытка теоретическаго обоснованія проекта.—Въ чемъ „превосходство" имперскихъ законовъ?—Скрытая форма введенія въ Финляндіи военнаго положенія. — Проектъ «обезпечивающаго свободу слова» устава о печати. — Что и какъ проектъ обезпечиваетъ?— Возстановленіе предварительной цензуры. — Министръ юстиціи о депутатской безотвѣтственности.

Въ Государственную Думу внесенъ проектъ министра юстиціи «О подчиненіи общимъ законамъ Имперіи дѣлъ о совершаемыхъ въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ государственныхъ преступленіяхъ, вызываемыхъ политическими побужденіями». Слухи о томъ, что министерство готовитъ новый ударъ по финляндской автономіи и по правовому строю Финляндіи, ходили еще прошлой осенью. Въ печати тогда же сообщались нѣкоторыя подробности предположеній о распространеніи на Финляндію имперскихъ уголовныхъ законовъ и приводились мотивы. Эти слухи, казавшіяся во многомъ невѣроятными,—даже при многолѣтней практикѣ «неограниченныхъ возможностей», — были отмѣчены и въ «Вѣстникѣ Европы». Теперь слухи полностью оправдались, — какъ въ отношеніи содержанія проекта, такъ и въ отношеніи мотивовъ. Все, наиболѣе невѣроятное, нашло мѣсто въ представленіи и поступило въ Думу за подписью И. Г. Щегловитова.

И судьбу проекта уже можно считать предрѣшенной. Октябристы четвертой Думы поддержали доблесть послушанія, культивированную ихъ предшественниками въ третьей Думѣ. Передъ министерствомъ они оказались на нужной высотѣ «патріотизма». Министръ юстиціи заявилъ спѣшность. Думская комиссія — разсмотрѣла и одобрила проектъ въ теченіе одного часа. Министръ юстиціи, внося проектъ, не исполнилъ формальностей, установленныхъ закономъ 17 іюня 1910 г. Противъ этого протестовалъ членъ комиссіи В. А. Маклаковъ, и вслѣдствіе этого отказались участвовать въ засѣданіи комиссіи всѣ представители оппозиціи. Октябристы остались съ правыми и націоналистами, и тѣмъ легче наложили на Финляндію тяжелую руку «зоологическаго націонализма». На этотъ разъ, правда, октябристамъ пришлось купить союзъ съ министер-

ствомъ цѣною выхода изъ фракціи барона Мейендорфа. Но могло ли быть малѣйшее сомнѣніе въ выборѣ между бар. Мейендорфомъ и министромъ юстиціи, г. Щегловитовымъ, для такого «реальнаго» политика, какъ предсѣдатель судебной комиссіи Думы г. Шубинскій, и для октябристовъ, иже съ нимъ? А разъ октябристы объединились съ правыми и націоналистами въ комиссіи, то тѣмъ самымъ обезпечено ихъ единеніе въ общемъ собраніи Думы. Въ Государственномъ же Совѣтѣ «такіе» проекты и «такія» реформы противодѣйствія не встрѣчаютъ.

Сущность проекта министра юстиціи состоитъ въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, на великое княжество Финляндское «распространяются» почти всѣ введенныя въ дѣйствіе опредѣленія имперскаго уголовнаго уложенія 1903 г. о государственныхъ преступленіяхъ и о преступленіяхъ противъ порядка управленія, — въ однихъ случаяхъ, бозотносительно къ мотивамъ, а въ другихъ, при условіи совершенія дѣяній «по политическимъ побужденіямъ». Во-вторыхъ, изъ дѣйствія финляндскихъ законовъ «изъемлются» дѣла о чрезвычайно разнообразныхъ преступныхъ дѣяніяхъ, совершенныхъ въ предѣлахъ Финляндіи «по политическимъ побужденіямъ». Сюда отнесены убійство и покушеніе на убійство, «вооруженное сопротивленіе властямъ и нападеніе на чиновъ войска и полиціи и на всѣхъ, вообще, должностныхъ лицъ при исполненіи ими обязанностей службы или же вслѣдствіе исполненія сихъ обязанностей, коль скоро преступленія эти сопровождались убійствомъ или покушеніемъ на убійство, нанесеніемъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ или поджогомъ», насильственное похищеніе имущества и т. д. Въ-третьихъ, «изъемлются» дѣла о преступныхъ дѣяніяхъ по службѣ государственной и общественной, когда таковыя учинены «въ цѣляхъ воспрепятствованія примѣненію законовъ и постановленій общегосударственнаго значенія или противодѣйствія послѣдовавшимъ для исполненія сихъ законовъ и постановленій распоряженіемъ подлежащихъ властей».

Въ области процессуальнаго права «реформа» одинаково радикальна. Во всѣхъ трехъ приведенныхъ случаяхъ дѣла «изъемлются» изъ подсудности мѣстнымъ финляндскимъ судамъ и подчиняются компетенціи петербургской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей или петербургскаго окружнаго суда безъ участія присяжныхъ засѣдателей — въ зависимости отъ рода дѣяній и тяжести наказанія. Возбужденіе преслѣдованія возлагается на прокурора петербургской судебной палаты «по сообщеніямъ мѣстныхъ властей» или «по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, какъ отъ мѣстныхъ властей, такъ и отъ частныхъ лицъ». Слѣдствія производятъ

судебные слѣдователи петербургскаго окружнаго суда. Дознанія—чины имперской или мѣстной полиціи, или «иныя должностныя лица, командируемыя въ Финляндію министромъ внутреннихъ дѣлъ».

Проектъ построенъ на обычномъ для вносимыхъ министрами законопроектовъ фундаментѣ. Въ объяснительной запискѣ подробно развита теоретическая аргументація, имѣются ссылки на научные авторитеты и на примѣры Запада, есть немного исторіи и статистики и откровенно освѣщена политическая сторона предлагаемыхъ мѣръ. Составители проекта въ откровенности проявили даже не вполнѣ обычную послѣдовательность. Они, очевидно, исходили изъ того, что не тѣ нынѣ времена, чтобы нормы уголовнаго права обосновывать, главнымъ образомъ, на юридическихъ доводахъ, и они хорошо знали законодательную аудиторію Марковыхъ, Крупенскихъ и Пуришкевичей, къ которой обращались. Этой аудиторіи составители проекта прямо говорятъ: надо во что-бы-то ни стало сломить «упорство» финляндцевъ, не желающихъ «подняться» на уровень россійскаго обывателя. А все остальное приведено для украшенія и по адресу общественнаго мнѣнія. И насколько самъ министръ юстиціи не придаетъ большого значенія объяснительной запискѣ видно изъ того, что, отправляя проектъ на заключеніе финляндскаго сената, записки онъ вовсе не приложилъ. Сенату, впрочемъ, она и не понадобилась. Отсутствіе объясненій не помѣшало сенату дать заключеніе, а сенаторамъ, изъ числа назначенныхъ въ послѣдніе годы—съ восторгомъ, въ особомъ мнѣніи, привѣтствовать «единственную мѣру, при помощи которой правительство можетъ остановить дальнѣйшее развитіе тѣхъ крайне вредныхъ и опасныхъ для государства идей, которыя въ настоящее время весьма широко, благодаря многолѣтнему и почти безпрепятственному злоупотребленію печатнымъ словомъ, успѣли распространиться, главнымъ образомъ, среди городской интеллигенціи и фабричныхъ рабочихъ».

Несмотря на болѣе чѣмъ условное ихъ значеніе, теоретическія разсужденія составителей проекта не могутъ быть, однако, обойдены молчаніемъ, такъ какъ теорія, по первому впечатлѣнію, стоитъ на сторонѣ проекта. Дѣйствительно, съ научной точки зрѣнія нормальнымъ можетъ быть признано существованіе въ государствѣ—даже въ союзномъ, только одного общаго для всѣхъ гражданъ уголовнаго кодекса. На основаніи этого начала, въ Германіи дѣйствуетъ одно общее уголовное уложеніе, и его изданіе въ 1872 году, а равно замѣна имъ партикулярныхъ кодексовъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ было логическимъ и однимъ изъ первыхъ слѣдствій образованія германской имперіи. Бытовыя и историческія, особенности окраинъ такого протяженнаго государства, какъ Россія

конечно должны имѣть живое отраженіе въ опредѣленіяхъ уголовнаго закона. Но изъятія и особыя правила всегда и во всемъ необходимы. И принципа они не нарушаютъ. Принципъ же заключается въ томъ, что условія вмѣняемости, напримѣръ, понятіе покушенія, конструкція соучастія, составъ главнѣйшихъ правонарушеній и т. п. не могутъ быть трактуемы двояко въ одномъ и томъ же государствѣ и въ одно и то же время.

Такимъ образомъ, теорія, строго говоря, идетъ даже дальше принятаго думской комиссіей проекта. Но г. Щегловитова нисколько не интересуютъ ни въ приложеніи къ Россіи, ни въ приложеніи къ Финляндіи, общіе вопросы уголовнаго права. Уже десять лѣтъ въ Россіи существуютъ и дѣйствуютъ два уголовныхъ кодекса—уложеніе о наказаніяхъ 1845 г. и уголовное уложеніе 1903 г., которые даютъ рѣзко различные, а частью и діаметрально противоположные отвѣты на эти общіе вопросы. И такая двойственность никого въ вѣдомствѣ юстиціи не смущаетъ. И. Г. Щегловитовъ примѣняетъ теоретическій принципъ лишь къ оторваннымъ отъ всей системы группамъ правонарушеній: къ государственнымъ преступленіямъ и къ тѣмъ изъ общеуголовныхъ и служебныхъ, которыя совершаются въ Финляндіи «по политическимъ побужденіямъ». Но если такъ, то сила теоретическаго обоснованія проекта во всякомъ случаѣ, умаляется. Научную послѣдовательность проектъ теряетъ настолько, насколько онъ частично примѣняетъ отвлеченный принципъ. Подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, правда, можно утверждать, что частичное примѣненіе принципа всетаки лучше полнаго его отрицанія, но это соображеніе, въ существѣ своемъ говоритъ не въ пользу проекта, а противъ него.

Уголовный законъ, въ отличіе отъ закона гражданскаго, имѣетъ своимъ объектомъ живыхъ людей: совершаемыя живыми людьми преступленія и причиняемое имъ за это государствомъ страданіе. А потому наука уголовнаго права не знаетъ принциповъ, вовсе оторванныхъ отъ жизни и не имѣющихъ реальной предпосылки. Имѣетъ таковую и принципъ единства уголовнаго кодекса для всей территоріи государства. Она заключается въ томъ, что уголовно-правовые опредѣленія замѣняющія должны быть всегда совершеннѣе замѣняемыхъ. Не прусскій кодексъ сталъ послѣ образованія германской имперіи единымъ и обще-германскимъ, а новое уголовное уложеніе Германіи, неизмѣримо болѣе совершенное нежели всѣ старые партикулярные кодексы, не исключая прусскаго. И если принятіе союзными германскими государствами обще-имперскаго уголовнаго уложенія прошло безъ особенно большихъ треній, то не потому, конечно, что союзники преклонились передъ отвлеченнымъ принци-

помъ, а потому, что они получили лучшее, вмѣсто худшаго. А критерій для распознаванія лучшаго и худшаго въ уголовномъ правѣ тоже имѣется. Человѣческая мысль надъ нимъ работала долгія тысячелѣтія, и въ наукѣ онъ стоитъ непоколебимо.

Этотъ критерій коренится въ двухъ началахъ: законности и гуманности. Тотъ кодексъ лучше, который вѣрнѣе устраняетъ въ отправленіи правосудія произволъ и въ которомъ наказаніе мягче. Школа Ломброзо пыталась было дать иное построеніе отправныхъ уголовно-правовыхъ понятій; но понятій она не разрушила, а сама погибла. И. Г. Щегловитовъ не новаторъ въ области научныхъ вопросовъ. Онъ — министръ юстиціи въ эпоху торжествующей и упоенной торжествомъ политической реакціи. И, какъ таковой, а не какъ ученый, онъ ставитъ въ упрекъ финляндскому уголовному законодательству, во первыхъ, то, что въ немъ «наказанія за посягательство на государственный строй значительно мягче, чѣмъ по имперскому уложенію», и во вторыхъ, что условія финляндскихъ законовъ даютъ возможность оправдательныхъ приговоровъ при недоказанности совершенія преступленія [1]). Положеніе министра, обращающагося къ ставленникамъ «ихъ превосходительствъ» и «ихъ преосвященствъ», заранѣе обезпечило успѣхъ распространенію на Финляндію имперскихъ уголовныхъ законовъ во имя усиленія репрессіи и подчиненія правосудія политическимъ вѣяніямъ минуты. Но ссылаться въ подтвержденіе политическихъ основаній на теорію уголовнаго права не слѣдовало: политическая реакція и наука вмѣстѣ не живутъ и жить не могутъ.

Въ 1890 году принципъ единства уголовныхъ законовъ Россіи и Финляндіи, особенно въ отношеніи государственныхъ преступленій, былъ поддержанъ Н. С. Таганцевымъ. Составители проекта, конечно, это использовали. Именуя Н. С. Таганцева «нашимъ извѣстнымъ ученымъ», они не разъ возвращаются въ запискѣ къ тому, что онъ писалъ и проводилъ въ образованной тогда комиссіи. Но почему, спросимъ,—если министръ юстиціи такъ высоко ста-

---

1) Послѣдняя фраза можетъ вызвать естественное недоумѣніе. Чтобы устранить обвиненіе въ произвольномъ воспроизведеніи мыслей составителей проекта, приводимъ буквально слова объяснительной записки (стр. 10). „Мало того, нерѣдко по дѣламъ, имѣющимъ для общегосударственныхъ интересовъ исключительное по своей важности значеніе, Финляндскіе суды *выносятъ оправдательные приговоры.* Такъ напримѣръ, Выборгскій гофгерихтъ установивъ, что нѣкій Уно Сереніусъ и его сообщники ввозили въ имперію оружіе, тѣмъ не менѣе освободилъ подсудимыхъ отъ отвѣтственности, *за недоказанностью* того, что лица, коимъ они передавали оружіе, употребляли его въ цѣляхъ ниспроверженія государственнаго строя“.

витъ авторитетъ Н. С. Таганцева,—почему онъ не внимаетъ голосу «нашего извѣстнаго ученаго» ни въ вопросѣ о смертной казни, ни въ вопросѣ о введеніи въ дѣйствіе тѣхъ частей уголовнаго уложенія 1903 г., которыя написаны этимъ самымъ «извѣстнымъ ученымъ» и которыя, по существу опредѣленій, безспорно, совершеннѣе правилъ уложенія 1845 г.? Мы не знаемъ, держится ли Н. С. Таганцевъ и въ настоящій политическій моментъ высказаннаго имъ двадцать лѣтъ назадъ взгляда; но мы не можемъ не отмѣтить, что тогда, какъ противоположеніе финляндскому уложенію, рисовался проектъ русскаго, составленный редакціонной комиссіей, еще не прошедшій черезъ совѣщаніе и особое присутствіе стараго Государственнаго Совѣта, не оставившихъ, какъ извѣстно, почти ничего изъ первоначально проектированныхъ постановленій о бунтѣ и о смутѣ. Тогда не было общеимперской «конституціи». Тогда никто не могъ предугадывать сенатскаго разъяснительнаго правотворчества. Теперь рисуется нѣчто совершенно другое: статья 102-ая уголовнаго уложенія—какъ законъ, отправляющій соціалъ-демократовъ въ каторгу; статья 129-я—какъ законъ, «ликвидировавшій» свободу устнаго слова и ежедневно «ликвидирующій» свободу слова печатнаго.

Чего не договорилъ въ объяснительной запискѣ министръ юстиціи, то сказали прокуроръ финляндскаго сената А. Хозяиновъ и сенаторы: В. Семеновъ, Пл. Ивановъ, А. фонъ-Катенъ и М. Ганскау. Примѣняемыя въ Финляндіи карательныя нормы,—заявляютъ они,—вновь оказались отставшими отъ ушедшаго впередъ законодательства имперскаго»... «Превосходство имперскаго закона передъ мѣстнымъ финляндскимъ не подлежитъ никакому сомнѣнію». Да, если задачей уголовнаго закона и обязанностью суда считать уничтоженіе партійныхъ организацій, при возвѣщенной свободѣ союзовъ, и уничтоженіе права гражданъ говорить и писать, при столь же громко возвѣщенной свободѣ слова,—то «превосходство», надлежащимъ образомъ «разъясненныхъ» русскихъ законовъ и русской судебной организаціи стоитъ внѣ возможности сравненій. Если поступательное движеніе уголовнаго законодательства опредѣлять удобствами использованія его въ цѣляхъ ликвидаціи «гражданской свободы»,—то, дѣйствительно, финляндскія карательныя нормы безнадежно отстали отъ «ушедшихъ впередъ» имперскихъ.

Изъятіе изъ дѣйствія финляндскихъ законовъ и юрисдикціи мѣстныхъ судовъ дѣлъ о совершенныхъ «по политическимъ побужденіямъ» общеуголовныхъ правонарушеніяхъ, перечень которыхъ приведенъ въ ст. 1 отдѣла второго проекта, представляютъ собою мѣру наиболѣе радикальную. Ибо подъ такимъ изъятіемъ кроется не что иное, какъ введеніе въ Финляндіи чуть-ли не военнаго положенія,—и не

на какой либо опредѣленный срокъ, а въ видѣ нормальнаго и постояннаго порядка. Дѣйствительно, главный признакъ военнаго положенія и наиболѣе тяжкое для населенія его слѣдствіе составляетъ пріостановленіе дѣйствія обычнаго порядка отправленія уголовнаго правосудія и именно за общеуголовныя преступныя дѣянія. И если еще недавно общественное мнѣніе такъ настойчиво требовало снятія военнаго положенія, хотя бы съ замѣной его положеніемъ о чрезвычайной охранѣ, то въ значительной мѣрѣ въ виду объема изъемлемыхъ при военномъ положеніи дѣлъ объ общеуголовныхъ преступленіяхъ. Для Финляндіи же перечень изъемлемыхъ дѣлъ прямо заимствованъ изъ постановленій 1892 г. о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи. Правда, финляндцы за всѣ формы насильственнаго похищенія имущества, при наличности «политическихъ побужденій», или, напримѣръ, за нанесеніе легкой раны, при «нападеніи» на чиновъ войска или полиціи, и т. п., не будутъ подвергаться смертной казни. Правда, ихъ будетъ судить не военный судъ, а петербургская судебная палата съ участіемъ сословныхъ представителей. Но наказанія они, во всякомъ случаѣ, будутъ нести весьма повышенныя—десять и болѣе лѣтъ русской каторги, съ пожизненной затѣмъ ссылкой въ Сибирь, вмѣсто одного года заключенія въ финляндскомъ смирительномъ домѣ, или годы заключенія въ тюрьмѣ вмѣсто ареста или денежнаго штрафа; и судить ихъ будетъ коллегія, имъ, одинаково съ военнымъ судомъ, чуждая.

Что касается термина «политическія побужденія», то едва ли есть надобность подвергать его юридическому анализу. Полагаемъ, что и безъ анализа ясно, что никакой правовой гарантіи онъ не даетъ, а для усмотрѣнія раскрываетъ безграничный просторъ. Начальникъ экспедиціи юстиціи финляндскаго сената, сенаторъ Райнесало, въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ высказалъ, казалось бы, азбучную истину. «Приводимый здѣсь принципъ,—писалъ онъ, — согласно которому преступленія, совершенныя въ одной законодательной области, въ зависимости отъ побужденій преступника, подчиняются законамъ другой законодательной области, насколько мнѣ извѣстно, еще нигдѣ не проведенъ и едва ли можетъ быть безъ затрудненій осуществленъ». Но что значатъ азбучныя истины передъ «волевыми импульсами» нашихъ «патріотовъ». Г. Хозяиновъ поспѣшилъ съ авторитетомъ русскаго юриста заявить, что «возраженіе» г. Райнесало «неосновательно». «Сама жизнь,—по словамъ г. Хозяинова,—выработала столь ясныя императивы о политическихъ побужденіяхъ, что опасаться крупныхъ заблужденій въ этомъ отношеніи трудно». Заблужденій въ благопріятномъ для финляндцевъ смыслѣ, конечно, не будетъ: этого рода императивы

сейчасъ въ Финляндіи совершенно ясны. А будутъ ли заблужденія въ обратномъ смыслѣ,—это ни русскую власть въ Финляндіи, ни совѣтъ министровъ, одобрившій проектъ г. Щегловитова, ни думскую комиссію ничуть не тревожитъ. Не встревожитъ это и большинство Думы и Государственнаго Совѣта.

Но въ Финляндіи есть кому тревожиться. Въ Финляндіи есть сеймъ, мѣстные суды, есть цѣлая сложная система мѣстныхъ административныхъ должностныхъ лицъ. Конфликты судебнаго свойства отнынѣ не будутъ имѣть мѣста, и оправдательные приговоры по недоказаннымъ обвиненіямъ уже не станутъ болѣе смущать министра юстиціи. Замѣнить же органы административной власти присланными изъ Россіи чиновниками совсѣмъ не такъ просто, какъ передать судебныя дѣла въ петербургскій окружный судъ и судебную палату. А потому съ конфликтами свойства административнаго проектъ считается и имъ противопоставляетъ архаизмы пятаго раздѣла русскаго уложенія о наказаніяхъ 1845 г. и также—подсудность имперскому суду. Чтобы имѣть хоть нѣкоторое представленіе относительно объема даннаго изъятія, достаточно имѣть въ виду, что пятый раздѣлъ заключаетъ въ себѣ 176 статей. Длинный рядъ процессовъ на основаніи закона 20 января 1912 г. о равноправіи русскихъ съ финляндцами воочію показалъ, что финляндскія должностныя лица, безъ нарушенія долга своего правопониманія, фактически не могутъ примѣнять законовъ, прошедшихъ въ порядкѣ общегосударственнаго законодательства. Проектъ имъ прибавляетъ обязанность, подъ угрозою отвѣтственности по русскимъ законамъ и передъ русскимъ судомъ и подъ угрозою отбытія русскаго наказанія, исполнять развивающія постановленія общегосударственныхъ законовъ «распоряженія подлежащихъ властей».

Всякій пишущій и печатающій по политическимъ вопросамъ не можетъ у насъ не сознавать, что онъ въ каждую минуту своей жизни находится въ полной власти начальства. Захочетъ соотвѣтственное начальство,—и написанное имъ будетъ конфисковано. Захочетъ оно, и онъ заплатитъ 500 рублей или сядетъ безъ суда на три мѣсяца подъ арестъ. Захочетъ оно еще больнѣе ударитъ писателей,—онъ получитъ судебный процессъ, т. е. съ годъ пробудетъ подъ слѣдствіемъ, безъ права отлучаться изъ мѣста жительства, затѣмъ съ полгода подъ судомъ и, наконецъ, испытаетъ чувство признательной радости, когда судебная палата не сошлетъ его на поселеніе и не посадитъ на шесть лѣтъ въ исправительный домъ, а признаетъ заслуживающимъ снисхожденія и, по неисчерпаемому

къ нему, преступнику, милосердію, отправитъ его въ крѣпость, гдѣ нѣтъ принудительнаго общенія съ ворами-рецидивистами.

И перспектива суда, крѣпости и пожизненнаго лишенія политическихъ правъ преслѣдуетъ писателя въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ—въ лучшемъ случаѣ восьми—послѣ напечатанія каждой статьи или страницы. Онъ можетъ совершенно забыть, кого, къ чему и по какому поводу «возбуждалъ». Онъ можетъ вовсе отказаться отъ писательской дѣятельности. Органъ печати, помѣстившій «преступную» статью, можетъ давно прекратить существованіе; но найдется гдѣ-нибудь за тысячи верстъ чиновникъ, который пожелаетъ уколоть своего нерадиваго столичнаго коллегу,—и писатель будетъ немедленно призванъ къ расплатѣ. Въ 1907 году, въ Петербургѣ, издавалась «Библіотека Самообразованія», выпустившая книжку подъ названіемъ «Первая Государственная Дума». Въ 1911 году, въ Екатеринославѣ, мѣстный чиновникъ усмотрѣлъ въ книжкѣ преступное содержаніе. Въ 1912 году на скамьѣ подсудимыхъ петербургской судебной палаты сидѣли издатель и авторъ; редакторъ остался неуязвимъ: во время производства слѣдствія онъ умеръ. И такихъ примѣровъ можно привести безъ числа.

Писатели праваго лагеря подобныхъ «истинно-русскихъ» писательскихъ «послѣконституціонныхъ» ощущеній не знаютъ. Но не потому они ихъ не знаютъ, что ихъ образъ мыслей исключаетъ преступность содержанія того, что они печатаютъ, а только потому, что начальство къ нимъ благоволитъ. Ибо касающіяся печати обязательныя постановленія губернаторовъ и градоначальниковъ, съ одной стороны, и соотвѣтственныя статьи уголовнаго уложенія—съ другой, такъ составлены, что каждый выпускъ—и каждый номеръ каждаго политическаго изданія, совершенно независимо отъ направленія, можно подвергнуть карательному воздѣйствію, если не въ томъ, такъ, навѣрное, въ иномъ порядкѣ. Для этого нужно лишь имѣть «волевой импульсъ» и нѣкоторую небольшую опытность. Въ чемъ уголовный законъ давалъ, казалось, хоть слабыя гарантіи печати, то давно «разъяснено». Когда губернаторы и градоначальники явно нарушаютъ въ отношеніи печати ими самими изданныя обязательныя постановленія, центральная власть съ неизмѣнной настойчивостью ограждаетъ начальственный авторитетъ. Благоволило начальство къ г. Дубровину—«Русское Знамя» не знало, что значатъ штрафы и судебные скорпіоны. Перестало благоволить—и оно ихъ познало. Сейчасъ наибольшимъ благоволеніемъ пользуются націоналисты, типа «Новаго Времени» и «Свѣта» и правые, типа «Земщины». Но представимъ на минуту, что политическій курсъ измѣнился и что тенденціи «зоологическаго націона-

лизма» утратили правительственную поддержку. Не понадобится измѣнять ни одной буквы ни въ уголовныхъ законахъ, ни въ обязательныхъ постановленіяхъ,—и «Новое Время», какъ «Лучъ» или «Правда», станетъ ежедневно платить по 500 рублей, а г. Меньшиковъ въ какой-нибудь мѣсяцъ сдѣлается неисправимымъ рецидивистомъ, подобнымъ тѣмъ лѣвымъ писателямъ, которые ко дню манифеста 21-го Февраля имѣли за плечами по двадцать и болѣе разсмотрѣнныхъ и неразсмотрѣнныхъ литературныхъ дѣлъ.

Въ такихъ «правовыхъ» условіяхъ живетъ печать, семь съ половиною лѣтъ тому назадъ объявленная свободной. Живетъ—на основаніи общихъ «временныхъ» правилъ объ охранѣ и спеціально для печати изданныхъ тоже «временныхъ» правилъ 1905 и 1906 гг. Хуже условій, казалось бы, нельзя придумать. И единственнымъ ихъ оправданіемъ до сихъ поръ выставляютъ то, что, какъ и создавшія ихъ правила, они—эти условія—тоже суть «временныя». Въ именномъ Высочайшемъ указѣ 24 ноября 1905 года, при которомъ были распубликованы «временныя правила о повременныхъ изданіяхъ», говорилось: «Манифестомъ 17 октября сего года Мы возложили на обязанность правительства выполненіе неуклонной Нашей воли даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы, однимъ изъ условій коей является свобода слова. Обезпечивающій свободу слова уставъ о печати имѣетъ въ свое время воспріять силу по утвержденіи его Нами въ порядкѣ законодательномъ». Но затѣмъ, еще ранѣе, чѣмъ новый законодательный порядокъ сталъ функціонировать, въ политикѣ восторжествовалъ лозунгъ: «сперва успокоеніе—потомъ реформы», и печать, впредь до наступленія успокоенія, осталась безъ обезпечивающаго свободу слова устава. Теперь уже никто не говоритъ о революціи въ настоящемъ. Само правительство считаетъ ее фактомъ прошлаго. Фактъ настоящаго—всѣми признанное наступившее успокоеніе. Медлить съ законодательнымъ обезпеченіемъ свободы слова нѣтъ болѣе основаній. И министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ въ совѣтъ министровъ такъ давно ожидаемый проектъ устава о печати.

Болѣе яркаго образчика реформы «послѣ успокоенія» положительно невозможно себѣ представить. Въ проектѣ чрезвычайно широко развиты «обезпечивающія» постановленія,—«обезпечивающія» права органовъ надзора за печатью, уязвимость печати, борьбу съ вредными идеями и съ несогласнымъ съ «видами правительства» направленіемъ, словомъ, «обезпечивающія» все, что угодно, только не свободу печатнаго слова. Въ объясненіяхъ къ проекту свобода печатнаго слова именуется «такъ называемой», и на ея счетъ поставлены «великія потрясенія», пережитыя въ 1905—1907 годахъ.

Свобода печати трактуется, какъ зло и какъ горе государственности. Государство, по мнѣнію авторовъ проекта, нуждается въ «правдивомъ» печатномъ словѣ и въ «справедливомъ» освѣщеніи событій, а свободное печатное слово, въ ихъ глазахъ, отождествляется съ призывомъ къ ниспроверженію существующаго строя, къ грабежамъ и убійствамъ. При такой эволюціи понятій, происшедшей въ теченіе времени наступавшаго успокоенія, вполнѣ естественно то безпримѣрное единодушіе, съ которымъ газеты всѣхъ оттѣнковъ отнеслись къ проекту. Расписываясь лишній разъ въ своей благонадежности, «Свѣтъ» заявлялъ: «На сторонѣ враждебныхъ Россіи и русской государственности силъ и замысловъ русскій «Свѣтъ» никогда не окажется ни вольно, ни невольно,—хотя бы по недоразумѣнію. Но одобрить новѣйшаго законопроекта о печати мы не можемъ». Даже князь Мещерскій, восторженно привѣтствующій каждый шагъ «молодого» министра,—и онъ проекта не похвалилъ. Очевидно, что, кромѣ какъ среди «объединенныхъ» дворянъ, въ Россіи вовсе нѣтъ той «благоразумной и трезвой части общества», отвѣтъ на требованія которой, по словамъ составителей, данъ въ проектѣ.

Земства и города, чуть заслышатъ сейчасъ о „реформѣ", сразу забываютъ о совершенно невозможныхъ условіяхъ законовъ 1890 и 1892 гг. и о томъ, что эти условія, какъ таковыя, указомъ 12 декабря 1904 года признаны подлежащими безотлагательному измѣненію. Ибо никто въ нынѣшнее безвременье въ «реформы», отъ которыхъ жить и работать станетъ лучше и легче, не вѣритъ, а «реформы», отъ которыхъ становится хуже, каждый вокругъ себя видитъ. Такъ точно и печать. Она напрягаетъ всѣ усилія, чтобы не обратился въ законъ проектъ Н. А. Маклакова. И она дѣлаетъ это во имя сохраненія нынѣшняго своего «правового» положенія. Чужеземный наблюдатель русской жизни скажетъ: «нелѣпость». Но печать совершенно права. То, что нынѣ «временно» существуетъ, все таки лучше и легче того, что проектируется въ видѣ постоянной, регулирующей положеніе печати нормы.

Ни опредѣленій уголовнаго уложенія, на основаніи которыхъ писатели заполняютъ крѣпостные казематы, ни губернаторскихъ обязательныхъ постановленій, на основаніи которыхъ газеты уплачиваютъ въ сложности сотни тысячъ рублей въ годъ штрафовъ, а редакторы стали обычными обывателями полицейскихъ клоповниковъ, проектъ не затрагиваетъ вовсе. Всѣ нынѣшніе скорпіоны, слѣдовательно, остаются въ полной неприкосновенности, и къ нимъ еще прибавляются новые. Съ обязанностью редакторовъ періодически отсиживаться печать, все таки, свыклась и какъ ни какъ къ этой обязанности приспособилась. Если проектъ получитъ силу

закона, придется приспособляться къ обязанности отсиживаться «отвѣтственныхъ издателей». Нынѣшній порядокъ обращаетъ требованія карательнаго характера только къ «отвѣтственнымъ редакторамъ» повременныхъ изданій; редакторы же фактическіе оставляются внѣ сферы карательной досягаемости. Проектъ трактуетъ, какъ объ объектѣ каръ, не только объ „отвѣтственномъ издателѣ", но и о «собственникѣ» повременнаго изданія, на котораго «перелагаются» дополнительныя денежныя взысканія. Эти дополнительныя денежныя взысканія составляютъ тотъ новый, доселѣ еще неизвѣданный «скорпіонъ», на который, повидимому, проектъ возлагаетъ особыя надежды въ смыслѣ обезпеченія «правдивости» газетныхъ сообщеній и «справедливаго» освѣщенія событій.

Какое бы ни было совершено «умышленное» преступное дѣяніе посредствомъ печати,—т. е. безразлично: клевета или возбужденіе къ бунту, диффамація или кощунство, нарушеніе благопристойности или призывъ къ погрому,—«отвѣтственный издатель повременнаго изданія, гласитъ ст. 158 проекта, издатель неповременнаго изданія, завѣдующій завѣденіемъ для тисненія книжнымъ магазиномъ, лавкою, производящей продажу какихъ либо произведеній тисненія, публичными библіотеками, читальнями или кабинетомъ для чтенія, сверхъ опредѣленнаго на основаніи соотвѣтствующихъ статей улож. о нак. или угол. улож., личнаго наказанія, подвергается дополнительному денежному взысканію: въ первый разъ—отъ 100 руб. до 1.000 руб., а при повтореніи—отъ 500 руб. до 3.000 рублей». Это взысканіе не поглощаютъ никакія личныя, хотя бы то была ссылка на поселеніе. При совершеніи нѣсколькихъ преступныхъ дѣяній посредствомъ печати, назначенное за каждое изъ нихъ дополнительное денежное взысканіе взыскивается особо и полностью. Мало того, проектъ устанавливаетъ даже предварительное внесеніе будущаго взысканія. «Судъ,—сказано въ проектѣ,—утверждая арестъ можетъ постановить или о пріостановленіи повременнаго изданія, или объ обязаніи отвѣтственнаго издателя внести въ обезпеченіе могущихъ быть присужденныхъ съ него денежныхъ взысканій суммъ въ размѣрѣ отъ 100 руб. до 3,000 руб., при чемъ въ семъ случаѣ, впредь до внесенія означенной суммы, изданіе пріостанавливается». Въ случаѣ же возбужденія обвиненіе по ст. 73, 103, 128, 129 и нѣкоторымъ другимъ уголовнаго уложенія, судъ не только имѣетъ право истребовать обезпеченія будущаго взысканія, но обязанъ это сдѣлать.

Такимъ образомъ, проектъ, съ одной стороны, поднимаетъ на исключительную высоту предпринимательскій рискъ издателей, содержателей типографій, книгопродавцевъ (даже торгующихъ про-

изведеніями печати въ разносъ, и они въ проектѣ не забыты!) и владѣльцевъ библіотекъ, а съ другой—создаетъ внутреннюю, такъ сказать, предварительную цензуру. Была цензура внѣшняя, — цензура чиновниковъ, которыхъ сажали на гауптвахту и которые, подъ страхомъ служебныхъ каръ, вытравляли «вольный духъ» изъ мыслей и словъ писателей. Возстановить эту цензуру нельзя: зазорно. Составители проекта измыслили цензуру литературныхъ предпринимателей. Издателямъ и содержателямъ типографій проектъ явно предлагаетъ обзавестись цензорами добровольцами, которые будутъ читать рукописи. Книгопродавцы и владѣльцы библіотекъ должны будутъ тоже имѣть спеціалистовъ для чтенія приносимыхъ и требуемыхъ публикой книгъ. Въ перечнѣ лицъ, на которыхъ налагаются дополнительныя взысканія, проектъ главныхъ виновниковъ преступленій печати писателей - авторовъ, обходитъ молчаніемъ. Нѣтъ упоминанія объ авторахъ и при перечисленіи случаевъ, когда, съ кого и на кого дополнительныя денежныя взысканія «перелагаются». И это до конца раскрываетъ истинную цѣль новой формы «обезпеченія свободы печатнаго слова»: авторы пусть по-прежнему отсиживаютъ за «лѣвыя» мысли въ крѣпости, а литературные предприниматели всѣхъ категорій обязаны предупреждать обращеніе такихъ мыслей авторовъ въ общее достояніе! По проекту—они суть субсидіарные органы полицейской власти, не состоящіе, правда, на службѣ, но ежечасно обязанные исполнять полицейскія функціи подъ страхомъ трехтысячныхъ штрафовъ за каждую замѣтку въ газетѣ и за каждую брошюрку на книжной полкѣ.

При нынѣ существующей «свободѣ» печати напишетъ писатель газетную статью и знаетъ: потомъ, по волѣ начальства, пожалуй, за нее придется сѣсть въ крѣпость и лишиться политическихъ правъ, но пока что разговаривать придется только съ редакторомъ, т. е. съ такимъ же, какъ и онъ писателемъ. Одобритъ ли статью хозяинъ типографіи и понравится ли она газетчику, что стоитъ на улицѣ,—писателя нисколько не заботитъ. Отъ этихъ заботъ онъ, по всѣмъ висящимъ надъ нимъ «временнымъ» правиламъ, абсолютно «свободенъ». Напишетъ сейчасъ писатель книгу и знаетъ: будетъ ли книга конфискована и не придется ли за нее сидѣть—на то воля начальства, а чтобы книгу напечатать — нужно только запастись деньгами и чтобы пустить въ продажу — только раздать со скидкою въ книжные магазины. Выяснять, какихъ политическихъ взглядовъ держится и какъ къ свободѣ печати относится типографщикъ,—никто и ничто писателя обязываетъ. Разузнавать, грамотенъ ли книгопродавецъ, — тоже. Съ того дня, когда проектъ г Маклакова станетъ закономъ, всему этому «благополучію» наступитъ конецъ. Возможность и вѣроятность оказаться на скамьѣ под-

судимыхъ или безъ суда подъ арестомъ, — для писателя нисколько не измѣняется, но сверхъ дискреціонной власти начальства онъ познаетъ такую же дискреціонную власть длинной цѣпи людей, — до уличнаго газетчика включительно,—изъ которыхъ каждый, оберегая свои деньги, будетъ залѣзать въ писательскую душу, въ святая святыхъ писателя... Все на свѣтѣ воспринимается сравнительно и относительно: не было проекта «устава о печати»,—не знала русская печать сколь много «свободы» еще за нею обезпечено»...

Изъ частностей проекта любопытно, какъ его составители разрѣшаютъ вопросъ о печатаніи отчетовъ о засѣданіяхъ Государственной Думы. Сенатъ, какъ извѣстно, право воспроизводить думскія рѣчи «разъяснилъ», и призналъ, что безъ угрозы отвѣтственностью можно печатать лишь полныя стенограммы; если же печатается одна рѣчь и вообще выдержки изъ стенограммы, то напечатавшій долженъ отвѣчать за содержаніе на общемъ основаніи. Въ соотвѣтствіе съ первой половиной этого «разъясненія» проектъ опредѣляетъ: «Перепечатка въ повременныхъ или неповременныхъ изданіяхъ стенографическихъ отчетовъ о засѣданіяхъ законодательныхъ учрежденій не можетъ служить основаніемъ къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія». Но главное управленіе по дѣламъ печати, само собою разумѣется, не можетъ не знать, что требовать отъ газетъ, чтобы онѣ печатали полныя стенограммы, т. е. по 20—30 страницъ убористаго текста послѣ каждаго засѣданія, — совершенно невозможно, и что такое требованіе равносильно запрету освѣдомлять общество о происходящемъ въ Думѣ. А потому оно желало найти выходъ изъ созданнаго «разъясненіемъ» положенія и формулировало его въ проектѣ слѣдующимъ образомъ: Равно «не можетъ служить основаніемъ къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія» — «помѣщеніе безпристрастно изложенныхъ, соотвѣтствующихъ истинѣ сообщеній о всемъ, происходившемъ въ засѣданіяхъ означенныхъ учрежденій при обсужденіи опредѣленнаго предмета».

Кто же будетъ экспертомъ «безпристрастія» и соотвѣтствія «истинѣ» газетнаго отчета? Газета, которая воспроизведетъ рѣчь г. Пуришкевича и выкинетъ отвѣтъ ему г. Чхеидзе, конечно, всегда будетъ права. Но справедливо ли подвергать и личному наказанію, и «дополнительному денежному взысканію» «отвѣтственнаго издателя» той газеты, чувство безпристрастія которой подскажетъ поступить наоборотъ? Сенатское «разъясненіе» уже многими оплачено крѣпостнымъ заключеніемъ. Членъ второй Думы г. Киселевъ отсидѣлъ годъ въ крѣпости за то, что переписалъ изъ офиціальной стенограммы свою рѣчь и послалъ въ газету, въ которой она, кстати сказать, не была напечатана. Но, все-таки, разъясненіе не соблюдается, ибо соблюдать его, кромѣ отдѣльныхъ

«счастливыхъ» случаевъ, невозможно. Ужъ лучше, чтобы власть искала для скорпіоновъ случаевъ «счастливыхъ», нежели «несоотвѣтствія истинѣ» и «отсутствія безпристрастія». Легко представить себѣ, какіе эксперименты надъ печатью будутъ производить при такихъ руководящихъ предуказаніяхъ «энергичные» администраторы типа гг. Хвостова и Муратова...

Еще одна частность. Составители проекта почему то ополчились на иллюстраціи. Для цензорскаго просмотра шести или восьми страницъ газетнаго номера они считаютъ достаточнымъ одного часа; а для просмотра картинки требуютъ цѣлыхъ сутокъ.

Приступивъ къ такимъ «реформамъ», какъ распространеніе на Финляндію имперскихъ уголовныхъ законовъ и какъ проектъ вящщаго ущемленія печати,—правительство зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы думская законодательная иниціатива замирала на неполучающихъ никакого движенія первоначальныхъ предположеніяхъ. Предположеніе объ установленіи безотвѣтственности членовъ законодательныхъ учрежденій постигла обычная судьба: совѣтъ министровъ объявилъ, что оно «не пріемлемо». Это, конечно, не лишаетъ Думу права приступить къ детальной разработкѣ проекта, образовать комиссію, поставить вопросъ на повѣстку и т. д. Но иниціаторы вопроса не могутъ не знать,—и отлично знаютъ,—что разъ совѣтъ министровъ сказалъ «не пріемлемо», то работа сведется къ нулю: или октябристы въ послѣднюю минуту вспомнятъ обѣтъ «послушанія» и проектъ въ Думѣ же провалятъ въ союзѣ съ націоналистами и правыми, которые, какъ доказалъ примѣръ г. Пуришкевича, оклеветавшаго директора кавказскаго намѣстника, все равно и теперь безотвѣтственны; или, въ крайнемъ случаѣ, на охрану того, что желательно правительству, встанетъ Государственный Совѣтъ.

При такомъ положеніи вопроса, разборъ предположенія по существу можетъ имѣть только отвлеченный интересъ, и мы его дѣлать не станемъ, а ограничимся указаніемъ на тѣ соображенія, которыя въ своемъ заключеніи совѣту министровъ привелъ министръ юстиціи.

Онъ, прежде всего, отвергъ право членовъ законодательной палаты входить въ обсужденіе того толкованія дѣйствующаго по вопросу закона, которое исходитъ «со стороны такихъ авторитетныхъ учрежденій, какъ общее собраніе перваго и кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената и первый департаментъ Государственнаго Совѣта». Затѣмъ идутъ ссылки на Западъ,—что дѣлать весьма удобно, такъ какъ Западъ великъ, конституцій на Западѣ много, и вопросъ о парламентскомъ имму-

нитетѣ различными конституціями разрѣшается различно. Далѣе г. Щегловитовъ не безъ лирики говоритъ о томъ, что «авторитетъ и значеніе парламентскихъ учрежденій повсемѣстно падаетъ». Приписываетъ онъ это «все понижающемуся уровню личнаго состава представительныхъ учрежденій и крайней обостренности отношеній входящихъ въ составъ ихъ партій». А про нашу Думу онъ заявляетъ: «культурное положеніе нашего отечества таково, что ожидать повышенія уровня личнаго состава нашихъ представительныхъ учрежденій въ ближайшемъ будущемъ едва ли возможно».

Поскольку въ этихъ словахъ слышится приговоръ закону 3 іюня, на измѣненіе котораго «въ ближайшемъ будущемъ» нельзя разсчитывать,—ихъ нельзя не привѣтствовать. Но г. Щегловитовъ, очевидно, вкладывалъ въ нихъ другой смыслъ. Держась своеобразнаго пониманія культурности и некультурности, онъ относитъ на счетъ некультурности не брань и неприличныя выходки — въ чемъ господа дворяне, проникшіе въ Таврическій дворецъ исключительно благодаря закону 3 іюня, далеко оставили за собой членовъ Думы другихъ сословій,—а «антигосударственную и противообщественную пропаганду», т. е. свободное изложеніе съ трибуны политическихъ воззрѣній и идеаловъ. Г. Щегловитовъ возражаетъ противъ иммунитета, главнымъ образомъ, потому, что «подъ покровомъ безотвѣтственности и подъ прикрытіемъ свободы слова могутъ быть совершаемы весьма тяжкія преступныя дѣянія».

Послѣднія слова, въ данный политическій моментъ, чрезвычайно знаменательны. Члены Государственной Думы заявляютъ о желаніи опредѣлить закономъ безотвѣтственность депутатовъ за все, что говорится съ думской кафедры. Министръ юстиціи отбрасываетъ вопросъ о частноправовыхъ нарушеніяхъ со стороны депутатовъ и отвѣчаетъ, что, по его мнѣнію, суть вопроса въ совершеніи членами Думы «подъ прикрытіемъ свободы слова» «тяжкихъ», т. е. публично-правовыхъ преступныхъ дѣяній. И мысль г. Щегловитова уже нашла откликъ. «Новое Время», сообщая, что совѣтъ министровъ, признавъ законодательное предположеніе о безотвѣтственности членовъ законодательныхъ учрежденій непріемлимымъ,—вмѣстѣ съ тѣмъ, 8 мая, оповѣстило: «это заставило нѣкоторыхъ членовъ перваго департамента Г. Совѣта и сенаторовъ поднять вопросъ о желательности, чтобы правительство въ такомъ случаѣ внесло въ Г. Думу обратный законопроектъ объ отвѣтственности ихъ».

И членамъ Думы нечего мечтать, чтобы стало лучше, а надо заботиться, чтобы не сдѣлалось хуже...

В. Кузьминъ-Караваевъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Евгеній Чириковъ. Поѣздка на Балканы. Замѣтки военнаго корреспондента. Спб., 1913. Стр. 147 Ц. 75 коп.

Въ рядѣ яркихъ описаній и картинокъ изображаются авторомъ впечатлѣнія, испытанныя имъ во время поѣздки по сербскимъ и болгарскимъ землямъ, кругомъ и около войны. Впечатлѣнія—большею частью печальныя. «Это война — пишетъ Е. Н. Чириковъ—одна изъ самыхъ жестокихъ и безчеловѣчныхъ, въ чемъ повинны въ одинаковой мѣрѣ обѣ воюющія стороны. Турку мало убить врага, — ему надо еще надругаться надъ его трупомъ, обрѣзать носъ и уши, отдѣлить руки и ноги. Говорятъ, это имѣетъ свое спеціальное объясненіе: человѣкъ, тѣло котораго расчленено, теряетъ и душу,—таково будто бы религіозное вѣрованіе турка». Съ своей стороны болгары оставляютъ турецкіе трупы не зарытыми, въ добычу собакамъ и воронамъ, а нѣкоторые офицеры, разсказавъ съ дрожью въ голосѣ о турецкихъ звѣрствахъ, сурово добавляли, что «понятно, послѣ этого у насъ нѣтъ больше плѣнныхъ». «Вообще,— заключаетъ авторъ,—эту войну приличнѣе называть войной мести, чѣмъ идеализировать ее поэтическами эпитетами борьбы за освобожденіе братьевъ». Но глубоко національный смыслъ войны сказывался на каждомъ шагу, въ словахъ и поступкахъ самой темной и бѣдной болгарской старухи-матери. Въ тылу арміи, въ Лозенградѣ, автору вспомнился нашъ Харбинъ во время войны съ Японіей. «Какая разница! Ни увеселеній, ни музыки, ни пѣсенъ, ни единаго пьянаго. Нѣтъ даже граммофона и кинематографа. Въ десять часовъ вечера полная тишина». Болгарскіе офицеры — все славныя лица: не видно въ нихъ «фанфаронства, надутой спѣси, позы, бравированія». Въ цѣлой палатѣ раненыхъ офицеровъ «отыскался одинъ только консерваторъ; остальные пропитаны насквозь свободой и ея политическими тенденціями; большинство прекрасно разбирается въ переживаемомъ историческомъ моментѣ». Но получить какія-нибудь свѣдѣніи о военныхъ дѣлахъ не удается корреспондентамъ; въ этомъ отношеніи болгарскія власти неумолимы. И въ очеркахъ Е. Н. Чирикова встрѣчается очень мало прямыхъ отголосковъ тѣхъ крупныхъ событій, которыми рѣшалась судьба Турціи и ея противниковъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Л. С.

А. М. Хирьяковъ. Очерки исторіи русской литературы. Москва, 1913. Изд. тов. Сытина. Стр. 223. Ц. 50 коп.

Книга г. Хирьякова, напечатанная очень живо и общедоступно, распадается на два отдѣла: первый заключаетъ въ себѣ обзоръ произведеній народнаго творчества, а второй—исторію русской литературы отъ Ломоносова до Пушкина. Авторъ имѣетъ въ виду широкую публику, не чувствующую склонности къ ознакомленію съ скучными учебными «пособіями» обычнаго типа. «Мнѣ хотѣлось,—говоритъ г. Хирьяковъ,— разсказать, насколько я въ состояніи, понятно и просто, о томъ, какимъ драгоцѣннымъ сокровищемъ является наша родная литература. Мнѣ хотѣлось, чтобы масса простыхъ читателей, незнакомыхъ или мало знакомыхъ съ лучшими произведеніями нашей литературы, оказалась въ состояніи почувствовать живую радость отъ сознанія духовнаго богатства своей родины». Простое и ясное изложеніе, преобладаніе интересныхъ фактовъ, анекдотовъ и характеристикъ, отсутствіе сухихъ свѣдѣній, загромождающихъ учебники, — все это дѣлаетъ книгу занимательною и поучительною и для тѣхъ, кто ищетъ лишь матеріала для легкаго чтенія.

Л. С.

Статистическій Ежегодникъ на 1913 годъ, подъ редакціей В. И. Шапиро. Спб., 1913.

Это—уже второй годъ изданія Совѣта съѣздовъ представителей промышленности и торговли, заключающаго цыфровыя свѣдѣнія о различныхъ сторонахъ «русскаго народнаго хозяйства». Въ необходимости такого изданія никто, конечно, не сомнѣвается, а новый «Ежегодникъ» совѣта съѣздовъ пополненъ нѣкоторыми данными, въ томъ числѣ и статистическими свѣдѣніями объ иностранныхъ государствахъ, безъ сравненія съ которыми русскихъ данныхъ нельзя судить объ успѣхахъ народнаго хозяйства въ нашемъ отечествѣ. При выходѣ перваго изданія совѣта съѣздовъ, въ нашемъ журналѣ были указаны нѣкоторые его недочеты, которые сохранились и въ «Ежегодникѣ» на 1913 г. Всякій, конечно, вправѣ понимать задачи изданія въ отношеніи того или другого предмета его изданія по-своему; но читатель имѣетъ во всякомъ случаѣ право требовать, чтобы ему не давали завѣдомо фиктивныхъ цыфръ. Между тѣмъ въ «Ежегодникѣ» на 1913 г. (стр. 11., гр. 16—18), повторяются измышленныя центральнымъ статистическимъ комитетомъ числа относительно подраздѣленія общаго числа крестьянскихъ дворовъ по количеству принадлежащей имъ земли, каковыя могли бы быть получены только путемъ всеобщей спеціальной переписи, у насъ еще ни разу не производившейся. Эти числа находились и въ «Ежегодникѣ» на 1912 г.

В. В.

Петръ Архангельскій. Къ вопросу о происхожденіи русской общины. (Историко-критическій очеркъ). Казань. 1913.

Вопросъ о происхожденіи земельной общины изслѣдуется у насъ въ двухъ направленіяхъ. Историки рисуютъ картину крестьянскаго землевладѣнія на основаніи архивныхъ матеріаловъ; экономисты и этнографы непосредственнымъ наблюденіемъ установили, что во многихъ мѣстностяхъ (главнымъ образомъ въ Сибири) обращеніе системы свободнаго распоряженія земельными участками въ передѣльную общину происходитъ, можно сказать, на нашихъ глазахъ, и описали всѣ переходныя стадіи отъ одного порядка вещей къ другому. Нѣтъ никакихъ основаній отрицать возможность такого же процесса развитія общиннаго землепользованія и въ прежнія времена, и оставалось только ожидать, чтобы историки взяли на себя трудъ пересмотрѣть съ данной точки зрѣнія имѣющіеся матеріалы о прошломъ крестьянскаго землевладѣнія. Два направленія научной мысли долго, однако, оставались несоединенными, а попытка ихъ соединеній, предпринятая безвременно погибшимъ историкомъ Н. П. Павловымъ-Сильванскимъ, не нашла себѣ подражателей. Необходимость согласованія двухъ родовъ изслѣдованія и новаго пересмотра историческихъ по данному предмету матеріаловъ живо, однако, сознается просвѣщенными людьми, и нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ «В. Е.» сообщалось о книжкѣ г. Миславскаго (Поземельная община въ Россіи), сводившей на очную ставку историческія и экономическія изслѣдованія о происхожденіи русской общины. Брошюра Петра Архангельскаго, составляющая предметъ настоящей замѣтки, преслѣдуетъ аналогичную цѣль «пересмотрѣть важнѣйшіе итоги идейной эволюціи даннаго вопроса и намѣтить очередную научную задачу будущихъ изысканій». Онъ разсматриваетъ въ ней взгляды историковъ, судившихъ объ общинѣ исключительно на основаніи архивныхъ документовъ, указываетъ на изслѣдованія экономистовъ, установившихъ новую точку зрѣнія на предметъ и въ «исправленіи односторонняго матеріала письменныхъ источниковъ показаніями «живой исторіи» общины» видитъ вѣрный путь открытія истины въ вопросѣ о происхожденіи общины въ центральной Россіи.

В. В.

Генрихъ Фреезе. Опытъ рабочаго представительства въ управленіи фабрикой. Пер. Л. Э. Левинъ. Москва, 1913.

Эта книжка содержитъ изложеніе результатовъ «болѣе, чѣмъ тридцатилѣтняго опыта конституціоннаго управленія фабрикой», принадлежащей ея автору, Генриху Фреезе. Въ теченіе этого времени всѣ фабричные распорядки устанавливались на фабрикѣ и всѣ дѣла относительно рабочихъ разрѣшались по соглашенію ея хозяина съ рабочимъ совѣтомъ, состоящимъ изъ 15 человѣкъ, изъ коихъ 11 выбирались рабочими, а 4 назначались фабрикантомъ. На фабрикѣ не происходило въ это время серьезныхъ столкновеній рабочихъ и хозяина; послѣдній не препятствовалъ своимъ рабочимъ участвовать въ профессіональныхъ союзахъ, приглашалъ даже на эти засѣданія представителя послѣднихъ, и были случаи, что союзы, объявив-

шіе всеобщую забастовку, освобождали отъ нея фабрику Фреезе. На фабрикѣ Фреезе устроены различныя полезныя для рабочихъ учрежденія: касса взаимопомощи (съ выдачей пенсіи), библіотека, садики, помѣщенія для отдыха; служащіе и рабочіе участвуютъ въ прибыляхъ предпріятія, получаютъ лѣтніе отдыхи и т. д. Въ виду рѣдкости случаевъ «конституціоннаго» управленія» фабрикою, описаніе такого управленія на фабрикѣ Фреезе заслуживаетъ вниманія.

В. В.

Статистикъ. Крестьянская семья и «семейная собственность» въ Архангельской губерніи. Архангельскъ, 1912.

Эта книжка составлена на основаніи выдержекъ изъ рѣшеній волостныхъ судовъ, сельскихъ сходовъ и изъ книги сдѣлокъ и договоровыхъ нѣсколькихъ волостей Архангельскаго и Шенкурскаго уѣздовъ, дополненныхъ личными наблюденіями автора, и трактуетъ исключительно о юридической сторонѣ крестьянской семьи, о имущественныхъ и другихъ отношеніяхъ между мужемъ и женой; родителями и дѣтьми, мужской и женской частями семей и т. п. Рѣшенія судовъ относятся къ періоду времени отъ 1867 по 1911 г.; а такъ какъ наши свѣдѣнія по предмету содержанія труда г. Статистика ограничиваются старыми изслѣдованіями П. С. и А. Я. Ефименко, сдѣлавшимися къ тому же библіографической рѣдкостью, то и довольно бѣдная по количеству использованнаго матеріала разсматриваемая здѣсь книжка, дополняющая и обновляющая прежнія наблюденія, не останется, конечно, незамѣченной лицами, интересующимися предметомъ.

В. В.

С. Первушинъ. Періодическія колебанія сельско-хозяйственной и городской внѣземледѣльческой промышленности въ Россіи. Ярославль, 1912.

Эта очень содержательная брошюра заключаетъ цыфровыя свѣдѣнія за 45 (и менѣе) лѣтъ о различныхъ признакахъ, характеризующихъ движеніе благосостоянія сельскаго населенія и развитіе индустріи въ нашемъ отечествѣ: о чистомъ душевомъ сборѣ хлѣбовъ, душевомъ потребленіи желѣза, спиртныхъ напитковъ, пряжи, о брачности населенія, недоимочности и экспортѣ хлѣбовъ съ одной стороны; о цѣнахъ на пряжу и миткаль, на прядильные матеріалы и сортовое желѣзо, о приростѣ желѣзнодорожной сѣти, дивидендѣ акціонерныхъ предпріятій и производствѣ питательныхъ веществъ съ другой. Сопоставляя между собой и анализируя тѣ и другія данныя, г. Первушинъ приходитъ къ заключенію, что хотя «у нашей промышленности есть своя особая жизнь, теченіе которой находится въ зависимости не отъ однихъ только капризовъ природы», но эта промышленность «все-же находится въ довольно тѣсной зависимости отъ уровня крестьянскаго благосостоянія». «Сокращеніе покупательной способности деревни и измѣненіе въ характерѣ городского спроса (когда сокращеніе крестьянскаго спроса связано прямо или косвенно съ недородомъ и повышеніемъ хлѣбныхъ цѣнъ въ городахъ)—вотъ тѣ главные основные пути, черезъ которые колебанія крестьянскаго благосостоянія (обусловленные въ большинствѣ случаевъ колебаніями урожаевъ и, конечно, цѣлымъ рядомъ другихъ обстоятельствъ) оказываетъ вліяніе на современную городскую промышленность». Доказательствомъ такого, казалось бы, очевиднаго явленія, какъ вліяніе урожаевъ на состояніе индустріи, авторъ занялся потому, что есть у насъ экономисты, склонные къ отрицанію этого явленія, но анализъ автора приводитъ и къ ограниченію идеи о зависимости нашей индустріи отъ сбора хлѣбовъ, и это также представляется нелишнимъ дѣломъ въ виду распространенной у насъ тенденціи къ преувеличенію этой зависимости. Но и помимо отвѣта на циркулирующія у насъ мнѣнія, работа г. Первушина имѣетъ значеніе, какъ статистическо-экономическій этюдъ по очень важному вопросу теоріи и практики нашей художественной жизни.

В. В.

Движеніе рабочихъ на заработки въ 1911 г. Строительныя и дерожныя работы. Составилъ А. А. Пановъ. Спб., 1911.

Это изданіе канцеляріи комитета по заселенію Дальняго Востока заключаетъ сводку свѣдѣній, полученныхъ отъ губернаторовъ осенью 1911 г. о числѣ рабочихъ, ушедшихъ въ этомъ году на заработки, о времени ухода, продолжительности отсутствія и примѣрномъ заработкѣ отходчиковъ. Общая сумма ушедшихъ для 46 губерній Европейской Россіи (безъ Архангельской, Олонецкой, Бессарабской и Та-

врической и Царства Польскаго опредѣлилась приблизительно въ 2,5 милліона, изъ коихъ 1,8 мил., т. е. 70% приходится на долю чернорабочихъ, лицъ, не имѣющихъ спеціальности, а исполняющихъ и ту, и другую работу. Спеціалисты же строительнаго дѣла (плотники, землекопы и т. д.) вошли въ указанную сумму числомъ не менѣе $^1/_4$ милліона лицъ. Не зная въ точности способа изученія данныхъ, вошедшихъ въ книгу г. Панова, нельзя, конечно, судить о степени ихъ достовѣрности, во всякомъ случаѣ, однако, эти данныя (исключая свѣдѣнія о высотѣ заработка) займутъ свое мѣсто въ ряду другихъ офиціально собранныхъ статистическихъ матеріаловъ, которыми приходится пользоваться, за неимѣніемъ лучшихъ.

В. В.

Въ теченіе мая мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Амфитеатровъ, Александръ. Раздѣлъ. Романъ. Спб., 1913 г. Цѣна 2 руб. 25 коп.

— И черви, и цвѣты. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Андреева, Галя. Сказки для взрослыхъ, Москва, 1913 г. Цѣна 40 коп.

Ан-скій, С. Сочиненія. Т. IV. Въ водоворотѣ. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Anton, G. О разстройствахъ развитія у дѣтей. Москва, 1913 г. Цѣна 50 коп.

Арбузовъ, Л. Морскія миніатюры. Одесса, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Аргутинскій-Долгоруковъ, А. Выкупъ тифлисскаго трамвая. Тифлисъ, 1913 г.

Баллевскій-Левинъ. Фабричное хозяйство. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Бальмонтъ, К. Д. Полное собраніе стиховъ. Т. VI. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Баянъ-Рославлевъ. Пыль. Сборникъ политическихъ статей 1907—1912 гг. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Беличъ, А. Сербы и болгары въ балканскомъ союзѣ. Спб., 1913 г. Цѣна 75 коп.

Бергсонъ, Анри. Воспоминаніе настоящаго. Пер. съ франц. В. А. Флеровой. Спб., 1913 г. Цѣна 50 коп.

Бремъ Жизнь животныхъ. 10-ый томъ. Млекопитающія, Спб., 1913 г.

Будищевъ, Ал. Дикій всадникъ. Москва, 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Вагнеръ, Владиміръ. Біологическія основанія сравнительной психологіи. Т. II. Инстинктъ и разумъ. Спб., 1913 г. Цѣна 3 руб.

Вакаринъ, М. Легенды. Москва, 1913 г.

Воллянъ-де, Григорій. Исторія общественности и революціонныхъ движеній въ связи съ культурнымъ развитіемъ русскаго государства. Часть I. Т. I. Спб., 1913 г. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Владиславлевъ, И. В. Русскіе писатели XIX—XX ст. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Гервагенъ, Л. Л. Дополненіе къ сочиненію «Обязанность, какъ основаніе права». Спб., 1913 г. Цѣна 10 коп.

Гинцбургъ, Б. Логическіе выводы о народномъ представительствѣ. Съ предисловіемъ проф. М. М. Ковалевскаго. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб.

Гиппіусъ, З. Романъ - Царевичъ. Москва, 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Гюго, Викторъ. Труженики моря. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Данскій, Б. Г. Страховая кампанія. Спб., 1913 г., Цѣна 20 коп.

Дастръ, А. Жизнь и смерть. Пер. съ франц. Б. С. Бычковскаго. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Д. С. Р. Рабочій уставъ больничной кассы. Спб., 1913 г. Цѣна 20 коп.

Жаммъ, Франсисъ. Стихи и проза. Перев. И. Эренбурга и Е. Шмидта. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Ждановъ, Левъ. Въ дни смуты. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

— Наслѣдіе Грознаго. Спб., 1913 г. Цѣна 75 коп.

Жирковъ, Иванъ. Бесѣды объ огородѣ. 8-ое изд. Москва, 1913 г. Цѣна 25 коп.

Ивановъ, С. Ф. Бухгалтерская экспертиза въ судебномъ процессѣ. Спб., 1913 г. Цѣна 2 руб.

Иванцовъ, Д. Н. Объ устойчиво-

сти русскихъ урожаевъ. Москва, 1913 г.

Игнатьевъ, Е. И. Математическая хрестоматія. Книга I. Ариѳметика. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Измайловъ, А. Пестрыя знамена. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Кагаровъ, Евг. Культъ фетишей. растеній и животныхъ въ древней Греціи. Спб., 1913 г. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Кармазина, Е. Дарьины жильцы. Юрьевъ, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Карѣевъ, Н. И. Собраніе сочиненій. Т. III. Критика экономическаго матеріализма. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Кистяковскій, В. В. Обозрѣніе Россійской Имперіи сравнительно съ важнѣйшими государствами міра. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 20 коп.

Кокоровъ, М. И. Лабораторія экспериментальной педагогической психологіи при Педагогическомъ Музеѣ военно-учебныхъ заведеній. Вып. I и II. Спб., 1911 — 1913 гг. Цѣна за оба выпуска 90 коп.

Конопницкая, Марія. Собраніе сочиненій. Томъ II. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Крачковскій, В. Н. Стихотворенія. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Кроликъ, А. А. Идеи законодательнаго творчества и закономѣрнаго развитія права въ новѣйшей юриспруденціи. Спб., 1913 г. Цѣна 50 коп.

Латышевъ, П. Здоровье. Бесѣды. 6-ое изд. Москва, 1913 г. Цѣна 25 коп.

Липецкій, Алексѣй. Надя Данкова. Повѣсть. Спб., 1913 г. Цѣна 75 коп.

Лосицкій, А. и *Чернышевъ, И.* Алкоголизмъ петербургскихъ рабочихъ. Спб., 1913 г.

Лоцосъ, К Елена Милина. Спб., 1913 г. Цѣна 30 коп.

Любовичъ, Н. Н. Варшава въ 1812 году. Варшава, 1913 г.

Marcinowski, I. Нервность и міросозерцаніе. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Мендельсонъ, Н. М. Очерки по исторіи русской литературы. Изд. 2-ое. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Менделѣевъ, Ив. Методъ математики. Спб., 1913 г. Цѣна 80 коп.

Милль, Пьеръ. По ту сторону добра и зла. Разсказы. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб.

Москалевъ, Н. А. Симуляція и ложное сознаніе передъ судомъ присяжныхъ. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Немировичъ-Данченко, Вас. Разсказы. Кн. II. Наши женщины. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Николай Михайловичъ, великій князь. Петербургскій Некрополь. Т. 4-ый. (С—Ѳ.). Спб., 1913 г.

Н. Ю. Рихардъ Вагнеръ. 1813—1913 г. О музыкѣ. Москва, 1913 г. Цѣна 25 коп.

Орлова, О. П. Луи Пастеръ, его жизнь и труды. Москва, 1913 г. Цѣна 75 коп.

Пирлингъ, П. Историческія статьи и замѣтки. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Предкальнъ, А. И. Мытарства страховыхъ законовъ. Спб., 1913 г. Цѣна 10 коп.

Радищевъ, Левъ. Вѣтерки и вихри. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб.

Радловъ, Э. Л. Владиміръ Соловьевъ. Жизнь и ученіе. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Рамачарака, іогъ. Основа міросозерцанія индійскихъ іоговъ. Пер. съ англ. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 20 коп.

Ричардсонъ, Чарльсъ. О выборѣ книгъ. Спб., 1913 г. Цѣна 30 коп.

Родзевичъ, С. И. Предшественники Печорина во французской литературѣ. Кіевъ, 1913 г.

Симоновъ, И. С. Грановскій-учитель. Спб., 1913 г. Цѣна 25 коп.

— Графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ и военно-учебное вѣдомство. Спб., 1913 г. Цѣна 40 коп.

Скалонъ, Д. А. Мои воспоминанія. 1877—1878 гг. Томъ I. Спб., 1913 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Словацкій, Юлій. Марія Стюартъ. Пер. съ польскаго. Н. А. Янчукъ. Москва, 1913 г.

Соловьевъ Борисъ. Больничныя кассы. Спб., 1913 г. Цѣна 3 коп.

Сольская, Ольга. Работница и страхованіе. Спб. 1913 г. Цѣна 5 коп.

Суворинъ, А. А. — *Алексѣй Порошинъ.* Здоровье и наше тѣло. Спб., 1913 г. Цѣна 40 коп.

— Новый человѣкъ. Спб., 1913 г. Цѣна 2 руб. 25 коп.

Статистикъ. Крестьянская семья и «семейная собственность» въ Архангельской губ. Архангельскъ, 1912 г.

Токутуми, Кэнджиро. Лучше не жить. Японскій романъ. Пер. подъ ред. Льва Жданова. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Трахтеревъ, О. С. Строительное законовѣдѣніе. Спб., 1913 г.

Ушаковъ, Д. Н. Краткое введеніе въ науку о языкѣ. Москва, 1913 г. Цѣна 65 коп.

Фреезе, Генрихъ. Опытъ рабочаго представительства въ управленіи фабрикой. Москва, 1913 г.

Freud, S. Психоанализъ дѣтскаго страха. Москва, 1913 г.

Хауторнъ, Натаніель. Блитдейлъ. Романъ. Т. II. Москва, 1913 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Ціолковскій, К. Е. Первая модель чисто металлическаго ахроната изъ волнистаго желѣза. Калуга, 1913 г. Цѣна 15 коп.

Черманъ. Въ тенетахъ снѣга. Москва, 1913 г. Цѣна 75 коп.

Чириковъ, Евгеній. Поѣздка на Балканы. Замѣтки военнаго корреспондента. Москва, Цѣна 75 коп.

— Студенты пріѣхали. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Чуди, К. Императрица - страдалица. Пер. съ нѣм. Л. Горбуновой. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Шоломъ - Алейхемъ. Блуждающія звѣзды. Т. I и II. Москва, 1913 г. Цѣна за оба тома 2 руб. 40 коп.

Янчукъ, Н. А. Н. Н. Миклухо-Маклай и его ученые труды. Спб., 1913 г.

— Бойкотъ больничныхъ кассъ. Спб., 1913 г. Цѣна 3 коп.

Бояре Романовы и воцареніе Михаила Ѳеодоровича. Спб. 1913 г. Цѣна 8 руб.

Бюллетень Хлопковаго комитета. № 2. Спб., 1913 г.

Война и миръ. Памяти Л. Толстого. Сборникъ подъ ред. Т. И. Полнера и В. И. Обнинскаго. Москва, 1913 г. Цѣна 3 р. 50 коп.

Департаментъ окладныхъ сборовъ. $1863\frac{15}{IV}1913$. Спб., 1913 г.

Дневникъ Вѣры Сергѣевны Аксаковой. Ред. и прим. кн. Н. В. Голицына и П. Е. Щеголева. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Естествознаніе въ школѣ. Сборникъ № 3. Спб. 1913 г. Цѣна 80 коп.

Жатва. Кн. IV. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб. 80 коп.

Изданіе «Посредника». № 1136. Т. Галецкій. Л. Н. Толстой и вегетаріанство. Съ нѣм. пер. С. Раевскій. № 1137. Въ защиту жизни. Мысли Льва Толстого и другихъ, вписанныя ими въ альбомъ Ташкентской вегетаріанской столовой. Москва, 1913 г.

Историческая библіотека. Записки М. В. Данилова, артиллеріи маіора, написанныя имъ въ 1771 г. (1722—1762). Казань, 1913 г. Цѣна 50 коп.

Какъ богатѣютъ на хуторахъ. Спб., 1913 г. Цѣна 25 коп.

Книга для чтенія по исторіи новаго времени. Т. IV. Часть I. Спб., 1913 г. Цѣна 3 р. 25 коп.

Круговая чаша. Десять московскихъ поэтовъ. Москва, 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

— Леченіе рабочихъ по закону 23 іюня 1912 года. Съ приложеніемъ правилъ о врачебной помощи, принятыхъ страховымъ совѣтомъ. Спб., 1913 г. Цѣна 15 коп.

Любовь въ письмахъ выдающихся людей XVIII и XIX вѣковъ. Москва, 1913 г. Цѣна 2 руб.

Матеріалы по пересмотру торговыхъ договоровъ. № 6 и 7. Спб., 1913 г.

Minerva. Вып. I. Кіевъ, 1913 г. Цѣна 80 коп.

Новыя идеи въ біологіи Сборникъ № 1. Спб., 1913 г. Цѣна 80 коп.

Новыя идеи въ математикѣ. Сборникъ № 2. Спб. 1913 г. Цѣна 80 коп.

Новыя идеи въ педагогикѣ. Сборникъ № 2. Спб. 1913 г. Цѣна 80 коп.

Новыя идеи въ философіи. Сборникъ №№ 5, 6 и 7. Спб. 1913 г. Цѣна каждаго сборника 80 коп.

Общество заводчиковъ и фабрикантовъ московскаго промышленнаго района въ 1912 году. Москва, 1913 г.

Основанія и нормы для оцѣнки земель Симбирской губ. по закону 8 іюня 1893 г. Вып. I. Симбирскъ, 1913 г.

Отчетъ об-ва ремесленнаго и земледѣльческаго труда среди евреевъ въ Россіи за 1912 годъ. Спб., 1913 г.

— Пища и питаніе. Спб., 1913 г. Цѣна 40 коп.

Русскій біографическій словарь. Рейтернъ-Рольцбергъ. Спб., 1913 г. Цѣна 3 руб. Яблоновскій — Ѳоминъ. Спб., 1913 г. Цѣна 5 руб.

Сборники Императорскаго русскаго историческаго общества. Томы 139, 141 и 142-ой. Спб., 1913 г.

Систематическій указатель литературы за 1912 годъ. Подъ ред. Й. В. Владиславлева. Москва, 1913 г. Цѣна 90 коп.

Статистическій ежегодникъ на 1913 годъ. Подъ ред. В. И. Шарью. Спб., Спб., 1913 г.

Три вѣка. Россія отъ смуты до нашего времени. Историческій сбор-

никъ подъ ред. В. В. Каллаша. Т. V. Москва, 1913 г.

Труды психіатрической клиники Московскаго Университета, Москва. 1913 г. Цѣна 3 руб.

Универсальная библіотека. № 450. В. Шекспиръ. Двѣнадцатая ночь или какъ вамъ угодно. № 588—589. Комическая опера XVIII вѣка. Подъ ред. И Розанова и Н. Сидорова. № 675. Маржереръ. Состояніе Россійской державы и вел. княжества Московскаго въ 1606 году. № 819. Уйда. Отель. Разсказы. №№ 826—828. Гюи де-Мопассанъ. Наше сердце. № 829. Г. Уэльсъ. Страна слѣпыхъ. № 830. Янъ Порукъ. Бѣлая одежда. № 834. Мольеръ. Мнимый больной. Бракъ по неволѣ. № 837. Г. Андерсенъ. Ледяница.

Ходъ работъ по подготовкѣ къ пересмотру торговыхъ договоровъ. Спб., 1913 г. Цѣна 50 коп.

Жаррік, В. Мальовані казочки. Цап та баран. Спб., 1913.

Prokopowitsch, Sergej. Die Bedingungen der industriellen Entwicklung Russlands. Stuttgart, 1913.

Tomitch, Iov. Les Albanais en Vieille-Serbie et dans le Sandjak de Novi Bazar. Paris, 1913.

La vie des lettres. Collection anthologique et critique de poèmes et de proses. Volume I. Paris-Neully, 1913.

Государственный фонд Московской обл. библиотеки

Издатель: М. М. Ковалевскій.

Ред.: А. С. Посниковъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

Письмо въ редакцію.

Приступивъ ко 2-му, переработанному изданію «Критико-Біографическаго Словаря русскихъ писателей и ученыхъ», я разослалъ писателямъ и ученымъ, адреса которыхъ мнѣ были извѣстны, циркуляры съ просьбою о присылкѣ біо-библіографическихъ свѣдѣній. Вопросы и пункты этого циркуляра сводятся къ слѣдующему:

Біографія: 1) Имя и отчество. 2) Годъ, мѣсяцъ и число рожденія. 3) Мѣсто рожденія. 4) Кто были родители? 5) Вѣроисповѣданіе. 6) Краткая исторія рода. Главнымъ образомъ: были ли въ родѣ выдающіеся въ какомъ-либо отношеніи люди? 7) Ходъ воспитанія и образованія. Подъ какими умственными и общественными вліяніями оно происходило. 8) Начало и ходъ дѣятельности. 9) Замѣчательныя событія жизни.

Библіографія: 1) Перечень написаннаго или переведеннаго, съ точнымъ обозначеніемъ: а) если рѣчь идетъ о *книгѣ*: года, мѣста, формата и количества страницъ, в) если о *журнальной статьѣ*—года, № и названія періодическаго изданія, гдѣ она появилась, с) если о *газетныхъ статьяхъ* (главнѣйшихъ, конечно), то въ какихъ именно газетахъ и въ какомъ году онѣ появились. 3) Не были ли (гдѣ, когда и кѣмъ) переведены произведенія на иностранные языки? 4) Не появились ли гдѣ-нибудь біографическія свѣдѣнія (если появились, то въ какой книгѣ или въ какомъ № періодическаго изданія)? 5) Не были ли помѣщены гдѣ-нибудь портреты? 6) Псевдонимы.

Сверхъ того, я прошу не отказать мнѣ въ присылкѣ *фотографической карточки*.

Къ сожалѣнію, адреса очень многихъ писателей и ученыхъ остались мнѣ неизвѣстны. Поэтому я посредствомъ печати обращаюсь ко всѣмъ лицамъ, причастнымъ къ литературѣ, журнали-

стикѣ и наукѣ, съ просьбой не отказать мнѣ въ доставленіи свѣдѣній о себѣ, примѣнительно къ вышеизложенной программѣ.

Очень важно для изданія, чтобъ указанныя свѣдѣнія были присланы не позже 1 Іюля с. г.

Отвѣты прошу направлять по адресу: С.-Петербургъ, Загородный, 21, профессору *Семену Афанасьевичу Венгерову.*

Съ истиннымъ уваженіемъ

С. Венгеровъ.

Мыло „Конекъ"

БЕРГМАНА и Ко., РАДЕБЕЙЛЬ-ДРЕЗДЕНЪ

для полученія нѣжной бѣлой Кожи и прелестнаго цвѣта лица.

Требуйте только красную упаковку
Кусокъ 50 коп. Можно получать вездѣ.
Главный складъ для Россійской Имперіи:
Контора химическихъ препаратовъ.
С.-Петербургъ, Малая Конюшенная № 10.

Академія Коммерческихъ Знаній

2 р. въ мѣсяцъ.

въ 15 томахъ по 250 стр.

Цѣль „Академіи Коммерческихъ Знаній"—дать возможность всѣмъ желающимъ, безъ различія возраста, предварительной подготовки, матеріальнаго и служебнаго положенія, въ самый короткій срокъ и съ наименьшей затратой труда и времени пріобрѣсти тѣ познанія, которыя необходимы современному коммерческому дѣятелю.

Въ составъ курса „Академіи Коммерческихъ Знаній" входятъ слѣдующія науки: бухгалтерія, коммерческая ариѳметика, коммерческая корреспонденція, экономическая географія, товаровѣдѣніе, банковое дѣло, биржа и денежное обращеніе (съ предисловіемъ проф. Мигулина), техника веденія торговыхъ и промышл. предпріятій, политическая экономія, исторія хозяйственнаго быта, статистика, ученіе о коопераціи, экономія торговли, экономія промышленности, наука о финансахъ, теорія права, гражданское право, торговое право и процессъ.

Вышло 4 выпуска. Каждый высылается нал. плат. за 2 р. 20 коп.

ГИМНАЗІЯ НА ДОМУ. 25 вып. по 1 р. 50 к. Для заочнаго прохожденія курса ср. учебн. зав., для подготовки къ люб. экзем. безъ помощи учит. и пособій. Вышло 24 вып. Высыл. налож. платеж. по 1 руб. 50 коп.

АКАДЕМІЯ ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКОВЪ. Новая оригинальн. система, дающая возможность легко и основательно безъ помощи учителя пройти курсъ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языка. Курсъ кажд. яз. состоитъ изъ 10 томовъ. Вышло 9 томовъ изъ курса каждаго языка. Цѣна за кажд. томъ 1 р., налож. пл. высыл. за 1 р. 20 к.

Въ нашихъ изданіяхъ принимаютъ участіе: прив.-доц. ГАБРИЛОВИЧЪ, проф. МИГУЛИНЪ, преп. СПБ. Полит. Инст. ПЕРНЭ, проф. РЕЙСНЕРЪ, прив.-доц. ТОТОМІАНЦЪ, д-ръ соц. наукъ ШЛЕЦЕРЪ и мн. др. препод. высш., средн. учебн. зав. СПБ.

Подробные проспекты вышеупом. изданій, отзывы печати и учениковъ высылается безплатно.

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „**БЛАГО**", С.-Петербургъ, Невскій просп. **88-85.** НУЖНЫ ЭНЕРГИЧНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ.

Продолжается подписка на 1913 годъ.

(40-й годъ изданія) на газету (40-й годъ изданія)

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

выходящую ежедневно, за исключеніемъ понедѣльниковъ въ промежуткахъ между сессіями Государственной Думы, на слѣдующихъ условіяхъ:

съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города

на годъ 7 руб., за границу 14 руб.

на 11 мѣсяцевъ	6 р. 50 к.		на 5 мѣсяцевъ	3 р. 50 к.	
„ 10 „	6 р. — к.		„ 4 „	3 р. — к.	
„ 9 „	5 р. 50 к.		„ 3 „	2 р. 40 к.	
„ 8 „	5 р. — к.		„ 2 „	1 р. 70 к.	
„ 7 „	4 р. 50 к.		„ 1 „	— р. 90 к.	
„ 6 „	4 р. — к.		„ 1/2 „	— р. 50 к.	

На полмѣсяца подписка принимается только отъ городскихъ подписчиковъ.

Подписка принимается: для иногороднихъ только съ 1-го числа каждаго мѣсяца; а для городскихъ съ 1-го и 16-го.

Пріемъ подписки, объявленій и розничная продажа газеты производятся:

ВЪ ОРЛѢ—въ конторѣ „Орловскаго Вѣстника" верхъ Болховской ул., домъ бр. Фроммельтъ и въ отдѣленіи ея: Московская улица, аптекарскій магазинъ Коссовскаго.

Въ отдѣленіяхъ конторы:

ВЪ БРЯНСКѢ—Авиловская улица, домъ насл. Голосовыхъ, А. К. Федоровъ.
ВЪ БОЛХОВѢ—Карачевская улица, Ѳ. А. Костинъ.

Только розничная продажа газеты:

ВЪ ЕЛЬЦѢ—въ маг. Пузевскаго.
„ КАРАЧЕВѢ—въ маг. Ясковскаго.
„ БРЯНСКѢ—въ библ. г. Ѳедорова.
ВЪ МЦЕНСКѢ—въ маг. Подовнева и въ кн. маг. Иванова.

Издатель *А. И. Аристовъ.* Отвѣтственный редакторъ *М. Я. Андреевъ.*

2—3

ЗАВОДЪ
металлическихъ конструкцій
ИНЖЕНЕРЪ-МЕХАНИКА
М. Я. Цоллеръ.
МОСКВА,
за Семеновской заставой, Измайловское шоссе, соб. домъ.
Адресъ для телеграммъ: МОСКВА КОНСТРУКТОРЪ.
ТЕЛЕФОНЫ:
Квартиры: № 14-12.—Завода: № 90-52.

ИЗГОТОВЛЯЕТЪ:
Клепанныя колонны и балки, металлическія стропила и покрытія изъ волнистаго желѣза. Клепанные поворотные краны, телѣжки, фермы для мостовыхъ крановъ и подкрановыя балки. Баки и резервуары для всякихъ жидкостей, клепанныя трубы: дымовыя, вентиляціонныя и другія. Лѣстницы, площадки изъ рифленнаго желѣза
и прочія металлическія работы.

Ив. Брейтигамъ.

Захарьевская, 8. С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Телефонъ 603.

Адресъ для телеграммъ: Мерседесъ — С.-Петербургъ.

Единственный представитель для СПБ. и СПБ. губ.

ОБЩЕСТВА МОТОРОВЪ ДАЙМЛЕРЪ

МЕРСЕДЕСЪ.

ГРУЗОВИКИ ОМНИБУСЫ

Даймлеръ

разныхъ силъ и типовъ.

Механическая ремонтная мастерская.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Спб., Б. Подъяческая, № 39.